

**Інститут історії України НАН України
Київський національний університет імені
Тараса Шевченка**



**ДЕКАБРИСТИ В УКРАЇНІ:
ДОСЛІДЖЕННЯ Й МАТЕРІАЛИ**

Том 7

ББК 63,3 (4 Укр) 51
УДК 94 (477) "18"

Декабристи в Україні: дослідження й матеріали / Упор.:
Г. Д. Казьмирчук, Ю. В. Латиш; редкол.: В. А. Смолій (голова),
Г. Д. Казьмирчук (відпов. ред.), О. П. Реєнт та ін. – Т. 7. –
К., 2012. – 440 с.

ISBN

Упорядники:

Казьмирчук Григорій Дмитрович
Латиш Юрій Володимирович

Редакційна колегія: д.і.н., проф., академік НАН України
В. А. Смолій (голова проекту); д.і.н., проф. Г. Д. Казьмирчук
(відповідальний редактор); д.і.н., проф. член-кор. НАН України
О. П. Реєнт; д.і.н., проф. О. І. Киянська; д.філол.н., проф.
З. В. Кирилук; д.і.н., проф. Т. В. Орлова; к.і.н., доц.
Ю. В. Латиш (відповідальний секретар).

Рецензенти:

І. Н. Войцехівська, д.і.н., професор кафедри
архівознавства та спеціальних галузей історичної науки
Київського національного університету імені Тараса Шевченка;

І. С. Гребцова, д.і.н., професор кафедри нової і новітньої
історії Одеського національного університету імені
І. І. Мечникова;

О. П. Сарнацький, д.і.н., професор кафедри
міжнародних економічних відносин Запорізького національного
технічного університету.

ЗМІСТ

<i>Валерій СМОЛІЙ (Київ)</i> Передмова	11
---	----

РОЗДІЛ I Документи і матеріали

Арешт графів Булгарі. (Документи Державного архіву Одеської області) <i>Підготували до друку Григорій КАЗЬМИРЧУК, Юрій ЛАТИШ (Київ)</i>	15
Письма жены декабриста <i>Подготовила к печати Тамара КОМАРОВА (Красноярск)</i>	40
Присяга селян 1825 року на Київщині. (Записка Івана Линниченка) <i>Підготував до друку Юрій ЛАТИШ (Київ)</i>	56

РОЗДІЛ II Актуальні питання декабристського руху

<i>Валерия БАЛАХНИНА (Комсомольск-на-Амуре)</i> Антропологическая модель человека-декабриста	59
<i>Лариса БОНДАРЕНКО (Кам'янка)</i> До питання участі А. В. Єнтальцева в діяльності Кам'янської управи Південного товариства	70
<i>Сергій ГВОЗДКОВ (Київ)</i> «Записки княгині М. М. Волконської» як джерело художнього літопису декабризму	78

<i>Анастасия ГОТОВЦЕВА, Оксана КИЯНСКАЯ (Москва)</i> Генерал Эртель и полковник Трубецкой: к истории служебной деятельности руководителя Северного общества	87
<i>Жюли ГРАНДЕЙ (Лион, Франция)</i> Декабристская республика: поиск определения	108
<i>Наталья ЖАРКЕВИЧ (Нежин)</i> Эпистолярное наследие Ф. Н. Глинки в контексте жанровых особенностей дружеского письма начала XIX века	115
<i>Павел ИЛЬИН (Санкт-Петербурге)</i> Г. В. Новицкий – незамеченный участник Южного общества	128
<i>Наталья МАТХАНОВА (Новосибирск)</i> Декабристская мемуаристика: проблемы научной публикации	156
<i>Віталій МОРОЗОВ (Київ)</i> Дворянство Чернігівської губернії та декабристський рух	166
<i>Ліна НАУМЕЦЬ (Новоград-Волинський)</i> Товариство об'єднаних слов'ян	184
<i>Александр ПОНОМАРЕВ (Киев)</i> Павел Пущин как военный историк	194
<i>Михаил САФОНОВ (Санкт-Петербурге)</i> «Московский заговор» 1817 г. и крестьянский вопрос	203
<i>Марина СУЗДАЛЬ (Київ)</i> Микола Цертелєв і декабристи: соціокультурні зв'язки на тлі епохи	212
<i>Інна СУХОВЕНКО (Кіровоград)</i> Суспільна діяльність дружин декабристів в Сибіру	220
<i>Владимир ШКЕРИН (Екатеринбурге)</i> Полтавское пополнение Союза благоденствия	231
<i>Сусанна РЕБОУ-ЕДЛІНГ (Уппсала, Швеція)</i> Від підданих до громадян: республіканство, націоналізм та	240

літературний декабризм (англійською мовою)

РОЗДІЛ III Місця пам'яті декабристів

<i>Павел БЕЛОГЛАЗОВ (Ялуторовск)</i> Ялуторовск – город декабристов	256
<i>Лариса БОНДАРЕНКО (Кам'янка)</i> Декабристські місця Кам'янки	261
<i>Григорій КАЗЬМИРЧУК (Київ)</i> Декабристы на Житомирщине	271
<i>Камилла КУЗНЕЦОВА (Санкт-Петербург)</i> Декабристской секции в Петропавловской крепости – четверть века	290
<i>Владимир КУПРЮШИН (Нижегородская область)</i> На родине декабриста М. П. Бестужева-Рюмина (д. Кудрешки, Богородский район, Нижегородская обл.)	299
<i>Зинаида МАЧИХИНА (Туринск)</i> Туринский музей декабристов	305
<i>Олександр РЕЄНТ, Григорій КАЗЬМИРЧУК, Юрій ЛАТИШ</i> (Київ) Хомутець – місце пам'яті декабристів	309
<i>Микола РУДИК, Володимир ШЕВЧЕНКО (Ніжин)</i> Кімната-музей академіка М. В. Нечкіної	334
<i>Галина ТАРАН (Кам'янка)</i> В Кам'янці тінистій	339
<i>Галина ТАРАН (Кам'янка)</i> Роль Янівки в житті і діяльності декабристів Поджю	343

РОЗДІЛ IV

Історіографія, огляди, рецензії

Елена ВАСИЛЬЕВА (Омск)

Тема «Декабристы и Сибирь» в контексте формирования образа участника движения во второй половине XIX – начале XX вв. 349

Максим ГЕДИН (Київ)

Рецензия на сборник «14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография». Вып. VIII 372

Тетяна КЛИМЕНКО (Черкаси)

Декабристознавчі студії М. В. Довнар-Запольського як історіографічне джерело 376

Валерій ЛАСТОВСЬКИЙ (Київ)

Рецензія на збірник: «Українські декабристи чи декабристи на Україні?»: Рух декабристів очима істориків 1920-х років 381

Юрій ЛАТИШ (Київ)

Микола Закревський – дослідник руху декабристів (до 90-річчя з дня народження) 384

Валерій ЛЕВЧЕНКО (Одеса)

До наукової біографії декабристознавця Юліана Григоровича Оксмана: одеський період життя 391

Тамара ПЕРЦЕВА (Іркутск)

Документальна серія «Полярная звезда» в Иркутске 400

Тамара ПЕРЦЕВА (Іркутск)

Проблема «декабристы и религия» в русской и советской историографии 406

Сергей ЭРЛИХ (Санкт-Петербург)

Серафим Саровский и классики русской литературы против декабристов. Эпизод из войны мифов современной России 424

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

436

CONTENTS

<i>Valerii SMOLII (Kyiv)</i> Preface	11
---	----

PART I Documents and materials

The arrest of counts Bulgari. (Documents of the State archive of the Odessa region) <i>Prepared to printing by Grigorii KAZMYRCHUK and Iurii LATYSH (Kyiv)</i>	15
Letters of wife of Decembrist <i>Prepared to printing by Tamara KOMAROVA (Krasnoyarsk)</i>	40
The oath of peasants in 1825 in Kyiv region. (The message of Ivan Linnichenko) <i>Prepared to printing by Iurii LATYSH (Kyiv)</i>	56

PART II The pressing questions of Decembrist movement

<i>Valeriya BALAKHNINA (Komsomolsk-on-Amur)</i> The anthropological model of man-Decembrist	59
<i>Larysa BONDARENKO (Kamenka)</i> To the question of participation of A. V. Entaltsev in activity of Kamenka department of Southern Society	70
<i>Sergii GVOZDKOV (Kyiv)</i> “Messages of Princess M. M. Volkonskaia” as source of artistic chronicle of Decembrism	78

<i>Anastasia GOTOVTSEVA, Oksana KIYANSKAYA (Moscow)</i> General Ertel and colonel Trubetskoy: to history of official activity of leader of Northern Society	87
<i>Julie GRANDHAYE (Lyon, France)</i> Decembrist republic: search of determination	108
<i>Natalya ZHARKEVYCH (Nizhyn)</i> Epistolary heritage of F. N. Glinka in the context of genre features of friendly letter of beginning of XIX of century	115
<i>Pavel ILYIN (Saint Petersburg)</i> G. V. Novitskii is an unnoticed participant of Southern Society	128
<i>Natalia MATKHANOVA (Novosibirsk)</i> Decembrist memoirs: problems of scientific publication	156
<i>Vitalii MOROZOV (Kyiv)</i> Nobility of Chernihiv province and Decembrist movement	166
<i>Lina NAUMETS (Novograd-Volynskij)</i> Society of the United Slavs	184
<i>Oleksandr PONOMARYOV (Kyiv)</i> Pavel Poushchin as military historian	194
<i>Mikhail SAFONOV (Saint Petersburg)</i> “Moscow plot” 1817 and peasant question	203
<i>Maryna SUZDAL (Kyiv)</i> Mykola Tsertelev and decembrists: sociocultural copulas on a background an epoch	212
<i>Inna SUKHOVENKO (Kirovograd)</i> Public activity of wives of decembrists is in Siberia	220
<i>Vladimir SHKERIN (Yekaterinburg)</i> Poltava addition to Union of Prosperity	231
<i>Susanna RABOW-EDLING (Uppsala, Sweden)</i> From Subjects to Citizens: Republicanism, Nationalism and	240

PART III
Places of memory of Decembrists

<i>Pavel BYELOGLAZOV (Yalutorovsk)</i> Yalutorovsk is a town of Decembrists	256
<i>Larysa BONDARENKO (Kamenka)</i> Decembrist places of Kamenka	261
<i>Grigorii KAZMYRCHUK (Kyiv)</i> Decembrists at Zhitomir region	271
<i>Kamilla KUZNETSOVA (Saint Petersburg)</i> To the Decembrist section in the Petropavlovsk fortress is a fourth of century	290
<i>Vladimir KOUPRYUSHIN (Nizhny Novgorod area)</i> On the motherland of decembrist M. P. Bestuzhev-Ryumin (Kudryescki village, Bohorodsk district, Nizhny Novgorod region)	305
<i>Zinaida MACHIKHINA (Tourinsk)</i> The museum of Decembrists in Tourinsk	
<i>Oleksandr REENT, Grigorii KAZMYRCHUK, Iurii LATYSH (Kyiv)</i> Khomutets is a place of memory of Decembrists	309
<i>Mykola RUDYK, Volodymyr SHEVCHENKO (Nizhyn)</i> Room-museum of academician M. V. Nechkina	334
<i>Galyna TARAN (Kamenka)</i> <i>In shady Kamenka</i>	339
<i>Galyna TARAN (Kamenka)</i> A role of Yanovka is in life and activity of Decembrists Poggio	343

PART IV
Historiography and reviews

Elena VASILIEVA (Omsk)

Theme “Decembrists and Siberia” in the context of forming of character of participant of motion in the second half of XIX – beginning of XX century 349

Maxim GEDIN (Kyiv)

Review of the book: “14 of December, 1825. Sources, researches, historiography, bibliography”. Vol. VIII. 372

Tetyana KLYMENKO (Cherkassy)

Decembrist studies of M. V. Dovnar-Zapolskii as a historiography source 376

Valerii LASTOVSKII (Kyiv)

Review of the book: “Ukrainian Decembrists or Decembrists in Ukraine?»: Movement of Decembrists by the eyes of Historians of 1920-th” 381

Iurii LATYSH (Kyiv)

Mykola Zakrevskii is a researcher of Decembrist movement (to the 90 year from the day of birth) 384

Valerii LEVCHENKO (Odessa)

To scientific biography of researcher of Decembrist movement Julian Grigorievich Oksman: the Odessa period of life 391

Tamara PERTSEVA (Irkutsk)

The documentary series “Polyarnaya Zvezda” in Irkutsk 400

Tamara PERTSEVA (Irkutsk)

The problem “Decembrists and religion” in Russian and Soviet historiography 406

Sergei ERLIKH (Saint Petersburg)

Seraphim Sarovsky and classics of Russian literature against Decembrists. Episode from war of myths of modern Russia 424

INFORMATION ABOUT AUTHORS 436

ПЕРЕДМОВА

Історичне значення декабристського руху на сьогодні не викликає сумнівів. Повстання на Сенатській площі 14 грудня 1825 р. та виступ Чернігівського полку в Україні 29 грудня 1825 – 3 січня 1826 р. відкрили нову сторінку в історії Російської імперії та її народів.

За останні роки українські, російські та європейські дослідники чимало зробили для переосмислення декабристського феномену в історії Росії та інших країн, що колись входили до Російської імперії. Цей збірник є результатом наукової співпраці кафедри історії для гуманітарних факультетів Київського національного університету імені Тараса Шевченка (завідувач – професор Г. Д. Казьмирчук) та відділу історії України XIX – початку XX ст. Інституту історії України НАН України (завідувач – член-кореспондент НАНУ О. П. Реєнт). В межах спільного проекту з 2000 р. регулярно проводяться міжнародні наукові конференції «Декабристські читання», публікуються доповіді їх учасників. У 2003 р. було відроджено випуск збірника «Декабристи на Україні» (перші два випуски побачили світ у 1926 та 1930 роках за редакцією С. Єфремова, В. Міяковського та Д. Багалія) під сучасною назвою. Цей том є вже сьомим загалом та п'ятим після відновлення. Його упорядкували доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри історії для гуманітарних факультетів Київського національного університету імені Тараса Шевченка Григорій Казьмирчук та кандидат історичних наук, доцент цієї ж кафедри Юрій Латиш.

Збірник присвячено трьом ювілейним датам. Зокрема, цього року науковці та громадськість відзначають 190 років з дня заснування Товариства об'єднаних слов'ян, котре було створено на українській землі, у місті Новограді-Волинському молодими офіцерами братами Андрієм та Петром Борисовими і польським революціонером Юліаном Люблінським. До цієї організації належали видатні діячі декабристського руху, гідні сини своїх народів Яків Андрієвич, Володимир Бечаснов, Андрій Бистрицький, Іван Горбачевський, Яків Драгоманов, Ілля Іванов, Анастасій Кузьмін, Іван Сухінов, Михайло Щепилло та інші, всього, як встановив сучасний російський дослідник П. Ільїн, 68 осіб. Це були переважно вихідці з дрібного дворянства, молодші офіцери. Більшість з них щиро прагнули добра своїй вітчизні, намагаючись спрямувати її на шлях демократичного розвитку, подолати середньовічні пережитки, як-то: монархічну деспотію, поділ суспільства на стани, кріпацтво,

неосвіченість, жорстокість в армії. Члени Товариства об'єднаних слов'ян виступали за демократичну федерацію східноєвропейських народів. У вересні 1825 р. вони приєдналися до Південного товариства, утворивши окрему управу. «Слов'яни» брали активну участь у повстанні Чернігівського полку. І хоча воно зазнало поразки, декабристський рух залишив помітний слід в історії України. Декабристські ідеї свободи, боротьби з кріпацтвом, слов'янської єдності успадкували члени Кирило-Мефодіївського товариства, Тарас Шевченко, Михайло Драгоманов.

Минулого року виповнилось 200 років російсько-французькій війні 1812 р. або, як називала її імперська історіографія, Вітчизняній війні 1812 р. 115 майбутніх декабристів брали участь у цій війні та закордонних походах російської армії. Дітьми 1812 року називав декабристське покоління Матвій Муравйов-Апостол. Війна, справді, стала одним з каталізаторів декабризму. Вона здійняла хвилю патріотизму, зблизила панівний клас з народом, водночас показавши відсталість устрою царської Росії, порівняно з переможеною Францією.

У 2011 р. відзначали 110-річчя з дня народження видатного радянського декабристознавця, академіка АН СРСР Міліци Нечкіної (1901–1985). Вона народилась в Україні, у Ніжині, зросла й виховувалась на нашій землі. В подальшому вона неодноразово наголошувала, що українська дійсність стала важливими чинником формування декабристського світогляду. Хоч декабристознавчі студії М. Нечкіної несуть на собі відбиток радянського часу, обсяг роботи, виконаний нею по збиранню і систематизації фактологічного матеріалу, його аналізу, інтерпретації залишається неперевершеним до наших днів. Вражає широка ерудиція, тонке відчуття духу епохи, притаманне працям М. Нечкіної. Найвідоміша з них, двотомник «Восстание декабристов», у середовищі фахівців уже давно іменується просто «двотомником». Сьогодні жодне серйозне дослідження, присвячене рухові декабристів, не обходиться без посилань на праці М. Нечкіної.

До збірника увійшли статті дослідників з України, Росії та Європи. Вперше в ньому беруть участь представники сибірського декабристознавства, а також європейські дослідники. Структурно збірник складається з чотирьох розділів, у яких представлений широкий спектр проблем сучасного декабристознавства.

У першому розділі публікуються нові документи та матеріали з історії руху декабристів, виявлені в архівних сховищах. Це, зокрема, документи про арешт декабристської родини Булгарі та про таємний нагляд за Я. Булгарі, знайдені Г. Казьмирчуком та Ю. Латишем

в Державному архіві Одеської області. Вони висвітлюють поспішливість одеської влади негайно арештувати підозрюваних, яких було відправлено до столиці разом з паперами, незважаючи на хворобу. Інша частина публікованих матеріалів свідчить, що навіть виправдання не позбавляло суворого нагляду, як це трапилось із Я. Булгарі, якого лише смерть звільнила від пильної уваги царських чиновників.

Великий джерельний потенціал мають також листи О. Давидової з Сибіру, які підготувала до друку російська дослідниця Т. Комарова. Вони в основному адресовані дітям і містять цінну інформацію про життя засланців у Сибіру, їх родинні справи, повсякденні радощі й турботи, передають біль розлуки матері з дітьми.

Ще один публікований документ – це записка про присягу селян Київщини в 1825 р., яку на початку ХХ ст. у скороченому вигляді видав І. Линниченко, а нещодавно оригінал серед паперів історика розшукав Ю. Латиш.

У розділі «Актуальні питання декабристського руху» представлено найновіші підходи до вивчення декабризму та останні здобутки декабристознавства. Антропологічну модель людини-декабриста розглянула у своїй статті російська дослідниця В. Балахніна. Участь А. Єнтальцева в діяльності Кам'янської управи Південного товариства стала предметом дослідження Л. Бондаренко. Джерелознавчий потенціал записок М. Волконської дослідив С. Гвоздков. Відомі московські декабристознавці А. Готовцева та О. Киянська висвітлили малознані аспекти службової діяльності С. Трубецького, зокрема його взаємини з Ф. Ертелем. Французька дослідниця Ж. Грандей підготувала для збірника статтю «Декабристська республіка: пошук визначення». Епістолярній спадщині Ф. Глінки присвячено статтю Н. Жаркевич. Біографічну розвідку про маловідомого учасника Південного товариства Г. Новицького написав історик з Санкт-Петербурга П. Ільїн. Відомий сибірський декабристознавець Н. Матханова проаналізувала проблеми наукової публікації мемуарів декабристів. Участь чернігівського дворянства у декабристському русі дослідив В. Морозов. Краєзнавець Л. Наумець присвятила статтю історії Товариства об'єднаних слов'ян. Досягнення П. Пущина в галузі військової історії розглянув у своїй статті О. Пономарьов. Історик з Санкт-Петербурга М. Сафонов представив статтю «“Московська змова” 1817 г. і селянське питання». Стосунки декабристів з М. Цертелєвим дослідила М. Суздаль, а суспільну діяльність дружин декабристів у Сибіру – І. Суховенко. Російський історик

В. Шкерін розглянув участь полтавців у Союзі благоденства. Шведська дослідниця С. Ребоу-Едлінг написала для збірника статтю «Від підданих до громадян: республіканство, націоналізм та літературний декабризм», яка публікується англійською мовою.

Поряд з традиційними, в збірнику з'явився новий розділ «Місця пам'яті декабристів», в якому історики, краєзнавці та працівники музейних установ аналізують роль та сучасний стан місць пам'яті (*lieux de mémoire*) в Росії та Україні. На жаль, їх становище в обох країнах бажає кращого. Декабристським пам'яткам Ялуторовська присвячена стаття П. Белоглазова. Місця пам'яті декабристів у Кам'янці дослідила Л. Бондаренко. Перебування декабристів на Житомирщині детально розглянув Г. Казьмирчук. О. Реєнт, Г. Казьмирчук та Ю. Латиш висвітлили роль Хомутця у долі декабристів. Дві розвідки Г. Таран розкривають перебування декабристів у Кам'янці та роль Янівки у житті декабристів Поджю. Про вшанування пам'яті М. Бестужева-Рюміна на його малій батьківщині йдеться у публікації В. Купрюшина. З. Мачихіна розповідає про Туринський музей декабристів (Свердловська область, Росія). В. Рудик та В. Шевченко висвітлюють функціонування музею-кімнати академіка М. Нечкіної у Ніжині. Діяльності декабристської секції Державного музею історії Санкт-Петербурга присвячена стаття К. Кузнецової.

Розділ «Історіографія, огляди, рецензії» включає публікації, присвячені історіографії декабристського руху, а також відгуки на новітні декабристознавчі видання. Стаття російської дослідниці О. Васильєвої розкриває висвітлення теми «Декабристи і Сибір» у контексті формування образу декабриста в другій половині XIX – на початку XX ст. Висвітлення проблеми «декабристи і релігія» в російській та радянській історіографії розглянула Т. Перцева. С. Ерліх дослідив протиставлення декабристів класикам російської літератури та православним святым у сучасному російському історіописанні. Низку публікацій присвячено декабристознавцям минулого, котрі зробили помітний внесок у вивчення теми. До цієї категорії належать статті Т. Клименко про М. Довнар-Запольського, Ю. Латиша про М. Закревського та В. Левченка про Ю. Оксмана. В цьому ж розділі представлено кілька рецензій на останні декабристознавчі видання України та Росії.

Академік НАН України Валерій Смолій

РОЗДІЛ І

ДОКУМЕНТИ І МАТЕРІАЛИ

АРЕШТ ГРАФІВ БУЛГАРІ. (Документи Державного архіву Одеської області)

В Державному архіві Одеської області нами виявлено «Дело об аресте и отправлении в С. Петербург к Его Императорскому Величеству поручика Николая, Андрея и Спира, графов Булгари» (Ф. 1. – Оп. 200. – Спр. 17).

Ці документи ще ніколи не публікувались, хоча історики працювали з ними. З нагоди 100-річного ювілею повстання декабристів одеські архівісти В. Стратен та Є. Трифільєв опублікували підбірку документів про декабристів з фонду Новоросійського генерал-губернатора Одеського історичного архіву [1].

У вступній статті публікатори зазначали: «... наші матеріали [2] розпадаються на дві групи. До першої групи відносяться документи що до арешту осіб в тій або іншій мірі причасних до руху, або що до догляду за декабристами, що їх повернено з заслання. Ці особи суть: Олізар, Ліпранді, Булгарі, Романов [3], Ігельстром, Вегелін, Гангеблов, Лорер, Паліцин, Толстий, Трубецькой та Фролов...

До другої групи відносяться діла, що малюють як стривожилися та розгубилися власті, що повсюди розшукували баламутство та учасників повстання. Ці матеріали до певної міри малюють нам фон, на якому відбувалися події» [4].

Однак серед опублікованих 24-х документів матеріалів про арешт графів Булгарі немає [5]. Публікація включає документи про арешт В. Романова, режим нагляду за О. Гангебловим, О. Вегеліним, про перебування в Одесі після звільнення М. Лорера, С. Трубецького та нагляд за ними, а також про арешт Катеринославського губернського предводителя, масона Алексеєва тощо. Документи про графів Булгарі не були опубліковані, попри те, що у вступній статті йшлося про їх арешт та подано біографічні довідки про чотирьох арештованих представників родини Булгарі. «На підставі наших документів, – зазначали В. Стратен та Є. Трифільєв, – цікаво

зазначити, що Миколу Булгарі та його дядька Андрія щирі виконавці царської волі виправили хворими, не потураючи на висновок лікарів, та що Яків Булгарі, не вважаючи на звільнення залишився під неявним доглядом до самої смерті» [6]. З цього уривка зрозуміло, що знайдені нами документи є тими самими, що їх готували до друку В. Стратен і Є. Трифільєв, однак з якихось причин не опублікували.

Вилучити частину готових до друку документів міг як В. Стратен (його співавтор – Є. Трифільєв на момент виходу публікації вже помер), так і редактор збірника Д. Багалій, котрий не дуже високо оцінював їх наукове значення. «Для характеристики цих декабристів, – писав редактор у передмові до збірника, – вони не дають нічого дуже поважного, але взагалі в цілому, укупі з даними, що там наведені про арешти інших запідозрених осіб, яскраво малюють нам переполох влади і низку безглузких її подій на ґрунті цього переполоху» [7].

Однак в такому разі незрозуміло, чому згадка про графів Булгарі залишилася як у вступній статті В. Стратена і Є. Трифільєва, так і в передмові до збірника Д. Багалія. Останній, зокрема, писав, що опубліковані матеріали «торкаються 12 декабристів, при чому троє з них були членами південного товариства (Булгарі, Лорер і Фролов)» [8]. Єдине пояснення, яке ми можемо навести сьогодні – це неухважність технічного персоналу або самих публікаторів, внаслідок якої документи про арешт графів Булгарі та таємний нагляд за Я. Булгарі не були опубліковані 1926 року.

Володимир Васильович Стратен (1890–1932) – науковий співробітник Одеського історичного архіву. Навчався на історико-філологічному факультеті Новоросійського університету [9]. В 1920-х рр. був одним з керівників Одеської державної наукової бібліотеки. На жаль, нам не вдалося ознайомитися з його особовою справою в Державному архіві Одеської області, оскільки вона перебувала на реставрації. Зі спогадів відомого історика Саула Борового відомо, що «він беззавітно віддавався науковій праці. Бідняк (син службовця ізмаїльського порту), людина прогресивних переконань, він видавався мені зразком російського інтелігента. Пізніше я працював разом з ним в Публічній бібліотеці. Він був автором кількох праць з історії революційного руху, з історії російської літератури. Він був “душею” і головним виконавцем цінних бібліографічних праць з історії революційного руху в Одесі... Помер він, як і належало російському інтелігенту старого покоління, від сухот» [10].

Євген Парфенійович Трифільєв (1867–1925) – професор Новоросійського університету, після революції – Одеського інституту народної освіти.

Народився в Маріуполі в родині купця. Батько походив з греків – переселенців з Криму другої половини XVIII ст., мати – з української родини. Закінчив Маріупольську гімназію. У 1890 р. закінчив університет з дипломом I-го ступеня. Викладав історію в Харківській жіночій гімназії О. Драшковської та Харківському єпархіальному училищі. З грудня 1901 р. – приват-доцент по кафедрі російської історії Харківського університету [11]. У 1906 р. захистив магістерську дисертацію «Нариси історії кріпосного права в Росії: царювання імператора Павла Першого» [12]. У молодого вченого склалися непрості стосунки з авторитетним істориком Д.Багалієм, який дав негативний відгук на дисертацію Трифільєва. Розгромну рецензію написав також відомий історик М. Павлов-Сільванський. У свою чергу, Трифільєв критикував Багалія, котрий вважав засновником Харківського університету В. Каразіна. Вочевидь конфлікт з впливовим ученим досяг такої гостроти, що молодий вчений був змушений шукати інше місце роботи. Про це у листі до професора Новоросійського університету І. Линниченка повідомляв професор Харківського університету П. Буцинський. Ось цей лист від 21 вересня 1906 р., котрий зберігається в Державному архіві Одеської області [13].

Многоуважаемый Иван Андреевич!

Рекомендую Вашему вниманию моего ученика, Евгения Парфеньевича Трифилъева, магистра русской истории. Это в высокой степени талантливый и в то же время порядочный человек. Он хочет занять кафедру р[усской] истории в Одесском университете и я глубоко уверен, что Ваш факультет приобретет в лице Трефилъева прекрасного преподавателя. В оценке его магистерской диссертации я и Багалеи разошлись до крайности, но факультет единогласно признал ее достойной, и Багалеи остался в одиночестве, глубоко сконфуженный. Он мстил Трефилъеву за разоблачение багалеевского героя Каразина, мнимого основателя Х[арьковского] университета.

Если Вы сможете помочь Трефилъеву, в чем я не сомневаюсь, и если мое мнение о талантливости этого молодого ученого может иметь значение в Ваших глазах, то помогите ему сделаться Вашим коллегой по факультету.

С глубоким уважением,

Проф. Петр Буцинский

P.S. Трефилъев – беспартийный.

Однак переїзд до Одеси в 1906 р. не відбувся. Лише 21 березня 1911 р. Трифільєва було призначено в.о. екстраординарного професора Новоросійського університету по кафедрі російської історії [14]. У 1911–1912, а також у 1913 р. він був секретарем історико-філологічного факультету. Влітку 1913 р. призначений в.о. ординарного професора. Брав участь в Археологічних з'їздах. Завідував археологічним музеєм. Під керівництвом Трифільєва студенти працювали над архівом Новоросійського генерал-губернатора.

За радянської влади обіймав посаду декана історико-філологічного факультету, потім товариша голови Гуманітарного суспільного інституту, проректора Одеського археологічного інституту. З 1920 р. працював в Одеському інституті народної освіти. Читав курси історичної соціології, історії Росії, історії Слобідської України, історії соціальних рухів, російської історіографії. Досліджував питання кріпосного права, селянських рухів, історії Харкова, культури Російської держави XVII ст., археології. Одночасно працював науковим співробітником Губархіву. За спогадами С. Борового, Трифільєв «не відзначався науковою активністю. Лекції читав з зошита, але справляв враження доброї, простої людини. На службу він зазвичай приходив із великим заплічним мішком, куди складав пайки, які отримував у різних наукових установах» [15].

Нижче публіковані 17 документів – це звіти Одеського градоначальника П. Нейдгардта Новоросійському генерал-губернатору М. Воронцову та імператору Миколаю I щодо арешту графів Миколи, Андрія та Спіро Булгарі (документи №№ 1–2), «відкритий лист» та інструкції кварталним офіцерам про транспортування арештованих (№№ 3–5), а також офіційне листування щодо таємного нагляду за Яковом Булгарі після звільнення (№№ 6–17).

Документи висвітлюють заходи одеської влади щодо арешту та відправлення до столиці графів. Попри те, що Андрій та Микола Булгарі виявились хворими, за наказом Одеського градоначальника П. Нейдгардта, їх було негайно відправлено в Петербург. За дві години до того було відправлено Спіро Булгарі з опечатаними паперами графів. З інструкцій, наданих кварталним офіцерам, видно, що одеська влада квапилась виконати наказ про доставку арештованих якнайшвидше.

Документи, що стосуються таємного нагляду за Яковом Булгарі відносяться до 1826–1828 рр., коли арештанта було звільнено. 23

квітня 1827 р. граф Булгарі виїхав з Одеси до Смоленська і зник з поля зору влади. Це викликало активне листування між Новоросійським генерал-губернатором М. Воронцовим, Одеським градоначальником Ф. Паленом, котрий управляв Новоросійськими губерніями за відсутності М. Воронцова, генерал-губернатором Вітебської, Могилевської та Смоленської губерній М. Хованським і Харківським цивільним губернатором, відомим донощиком на Союз благоденства М. Грибовським. Листування скінчилось повідомлення останнього від 12 серпня 1828 р. про смерть Я. Булгарі 4 серпня у Ромнах.

Родина Булгарі не залишила помітного сліду в декабристському русі. Вихідець з о. Корфу, Яків Булгарі був зарахований на службу до Кавалергардського полку в 1807 р. Коли після Тильзитського миру Республіка Семи Островів була окупована французами, на службу Російській імперії потяглися греки на чолі зі своїм лідером І. Каподистрією. Члени родини Булгарі входили до складу грецької конспіративної організації «Філікі Етерія», поділяючи мету грецьких патріотів – повстання проти Османської імперії й здобуття незалежності Греції. Вочевидь, для її реалізації греки шукали допомоги не лише в офіційному Петербурзі, але й серед російської опозиції. З огляду на це проблема участі графів Булгарі та інших греків [16] в декабристському русі постає в новому світлі і потребує подальшого дослідження.

Наведемо короткі біографічні дані про основних дійових осіб опублікованих документів: графів Булгарі та російських високопосадовців, які вели листування щодо їх арешту і таємного нагляду за Я. Булгарі [17].

Булгарі Андрій Юрійович – граф, двоюрідний дядько М. Булгарі, двоюрідний брат Я. Булгарі, іноземець. Слідство встановило, що членом таємних товариств декабристів він не був, але знав про їх існування [18]. Наказ про арешт – 19 грудня 1825 р., арештований в Одесі в будинку Я. Булгарі 27 грудня 1825 р. 9 січня 1826 р. доставлений на головну гауптвахту в Петербург. 10 січня переведений до Військово-сухопутного шпиталю. За височайшим наказом 12 липня 1826 р. висланий за кордон. 28 вересня того ж року на французькому купецькому судні вплив до Руана.

Булгарі Микола Якович (1805–1841) – поручик лейб-гвардії Кірасирського полку, граф, син Я. Булгарі. Виховувався в пансіонах пастора Колленца і барона Шабо. З 1809 р. був записаний в Пажеський корпус, але там не навчався, слухаючи лекції професорів вдома. В 1823 р. після складання іспиту випущений корнетом Кірасирського полку, з 1824 р. – поручик.

Член Південного товариства з 1825 р. Помітної ролі не грав. Як свідчив Ф. Вадковський, М. Булгарі «... я прийняв лише для того, щоб посилати з паперами...» [19]. Наказ про арешт – 19 грудня 1825 р., арештований в Одесі в будинку батька 27 грудня 1825 р. 9 січня 1826 р. доставлений на головну гауптвахту в Петербург. 10 січня його переведено в Петропавлівську фортецю (резолуція імператора коменданту: «Миколу Булгарі посадити на ваш розсуд, утримуючи добре»). На слідстві виказував цілковите розкаяння [20].

Засуджений за VII-м розрядом і за конфірмацією 10 липня 1826 р. засуджений «з поваги молодості його років» в кріпосну роботу на 2 роки [21], пізніше термін був скорочений до 1 року. Відбував покарання в Динабурзькій фортеці. На прохання коменданта фортеці К. Гельвіга дозволено після відбуття покарання вступити на службу рядовим. 3 жовтня 1827 р. зарахований в 45-й егерський полк в Фінляндію. На прохання матері 11 травня 1828 р. переведений в діючу армію в Сіверський кінно-егерський полк. В 1829 р. вислужився до унтер-офіцера, з 1832 р. – прапорщик. Тоді ж переведений в Чугуївський уланський полк. З 1834 р. – поручик. 31 січня 1835 р. звільнений з військової служби з призначенням перекладачем на Керченську митницю. З 1836 р. – чиновник для особливих доручень при Керченському градоначальнику князеві Херхеулідзе. З 1839 р. мешкав у Ревелі.

Булгарі Спиридон (Спіро) Миколайович (1799 або 1800 – після 1850) – відставний поручик, граф, рідний дядько М. Булгарі, брат Я. Булгарі. Народився у сім'ї вихідця з о. Корфу, дійсного статського радника М. Булгарі. В 1816 р. розпочав службу юнкером Першого Українського уланського полку. В 1818 р. у званні корнета переведений до Першого Бузького уланського полку. В 1820 р. – поручик. 2 грудня 1821 р. через хворобу звільнений з військової служби.

Слідство встановило, що членом таємних товариств декабристів він не був, але знав про їх існування [22]. Член таємної грецької організації «Філікі Етерія». Наказ про арешт – 19 грудня 1825 р., арештований в Одесі в будинку брата 27 грудня 1825 р. 8 січня 1826 р. доставлений на головну гауптвахту в Петербург. 9 січня його переведено в Петропавлівську фортецю (резолуція імператора коменданту: «Спир. Булгарі посадити де краще, адже з усього здається, що не винен, але дивитись суворо»). Після допиту 10 січня за обман імператора було наказано «Спиридона Булгарі, прийнявши, закути і утримувати суворо». За височайшим повелінням від 15 червня 1826 р. за те, що збрехав імператору, два місяці утримувався в фортеці, а потім був висланий з Росії з забороною повертатись. 28

вересня того ж року на французькому купецькому судні відплив до Руана. Мешкав на о. Корфу. У 1850 р. звертався з проханням про дозвіл повернутись до Росії у сімейних справах, однак отримав відмову.

Булгарі Яків Миколайович (помер 1828) – дійсний статський радник, граф, брат А. Булгарі, батько М. Булгарі. Вихідець з Греції (Іонійських островів). В 1807 р. став корнетом Кавалергардського полку. Наступного року звільнений від служби і пожалований у камер-юнкери. Виконував обов'язки начальника Радзивилівського митного округу. Через конфлікт з Волинським губернатором В. Гижицьким звільнений у відставку (1817). Управляв справами графині А. Чернишової. У квітні 1825 р. перебував під слідством у справі про участь у повстанні О. Іпсиланти, жив у Білгороді та Харкові.

Членом таємних товариств декабристів не був, притягався до слідства через знайомство з декабристом Ф. Вадковським. Член таємної грецької організації «Філікі Етерія». Наказ про арешт – 19 грудня 1825 р., арештований в Харкові 24 грудня 1825 р. 1 січня 1826 р. ув'язнений у Петропавлівській фортеці (резолуція імператора коменданту: «графа Якова Булгарі посадити під найсуворіший арешт на ваш розсуд»). 16 січня переведений до Військово-сухопутного шпиталю, відпущений на підписку про невиїзд з міста до закінчення справи. У червні 1826 р. за височайшим повелінням звільнений з виправдальним атестатом, отримав прогонні гроші. Але до кінця життя за Я. Булгарі зберігався таємний нагляд. Помер у Ромнах.

Нейдгардт Павло Іванович (1779–1850) – російський генерал, учасник Наполеонівських війн, Одеський градоначальник (1825–1827). Походив з родини німецьких дворян. Батько був дійсним статським радником, брат – командир Окремого Кавказького корпусу. В 1786 р. був записаний сержантом в артилерію, в 1792 р. зарахований каптенармусом гвардійського Преображенського полку, і в грудні того ж року став сержантом. За царювання Павла I відзначився складанням військово-топографічних карт. З 1805 р., будучи в званні майора, – в діючій армії. Брав участь в битвах під Аустерліцем, Прейсиш-Ейлау, Гутштадтом, Гейльсбергом та Фрідландом. Був нагороджений орденом св. Володимира 4-го ступеня, золотою шпагою з написом «За хоробрість», пруським орденом. В 1808 р. брав участь у військових діях проти Швеції в Фінляндії у складі 21-ої дивізії генерала П. Багратіона. На Аландських островах потрапив у полон, де перебував до укладення російсько-шведського миру. В 1811 р. отримав звання підполковника. Кампанію 1812 р. Нейдгардт розпочав, перебуваючи в штабі

головнокомандувача 1-ою Західною армією Баркляя-де-Толлі, потім перебував при М. Кутузові. Брав участь у боях під Вітебськом, Смоленськом і Царевим Займищем. За участь в Бородінській битві отримав звання полковника. Перебуваючи при головній квартирі М. Кутузова, брав участь у битвах під Люценом та Бауценом (1813 р.). У серпні 1813 р. Нейдгардт був призначений начальником штаба корпусу О. Ланжерона. В листопаді став генерал-майором, а в жовтні відзначився в «битві народів» біля Лейпцига, за що був нагороджений орденом св. Георгія 3-го ступеня. За успішні дії в битвах 1814 р. на території Франції нагороджений орденом св. Анни 2-го та 1-го ступенів. В 1816 р. Нейдгардт був призначений начальником штабу Гренадерського корпусу, а в 1820 р. – начальником 26-ої піхотної дивізії. 21 квітня 1825 р. став Одеським градоначальником. Цю посаду він обіймав до 25 червня 1827 р., коли був призначений бути присутнім в Правлячому Сенаті в 2-му відділі 3-го департаменту. В 1843 р. став дійсним таємним радником. Помер в Санкт-Петербурзі, похований на Волковому лютеранському кладовищі.

Воронцов Михайло Семенович (1782–1856) – російський державний діяч, світліший князь (1845), генерал-фельдмаршал, генерал-ад'ютант, Новоросійський генерал-губернатор і повноважний намісник Бесарабської області (1823–1854). Народився в Санкт-Петербурзі. Дитинство та юність провів у Лондоні, де його батько служив послом. Брав участь у бойових діях на Кавказі та в Наполеонівських війнах. Учасник битви при Фрідланді. У 1809 р. командував Нарвським піхотним полком, на чолі якого брав участь у російсько-турецькій війні 1806–1812 рр., зокрема, у битві під Шумлою, потім з окремим загоном зайняв міста Плевну, Ловеч і Сельви. В 1811 р. Воронцов брав участь у переможних битвах під Рушуком та Відіном. Під час російсько-французької війни 1812 р. брав участь у битві під Смоленськом, у Бородінській битві зазнав поранення. Учасник закордонних походів російської армії. Командував російським окупаційним корпусом у Франції. Був високоосвіченою людиною, виступав за скасування кріпацтва. За роки його управління на Півдні України розвивались торгівля, виноробство, вівчарство, розпочалось пароплавання на Чорному морі. Брав участь у російсько-турецькій війні 1828–1829 рр., командував успішним штурмом Варни. Став об'єктом кількох епіграм О. Пушкіна, з яким у Воронцова не склались особисті стосунки. У 1844 р. призначений головнокомандувачем військ на Кавказі і намісником Кавказьким, зберігши попередні посади. Помер в Одесі.

Пален Федір Петрович (1780–1863) – Одеський градоначальник, за відсутності М. Воронцова – управляючий Новоросійськими губерніями та Бесарабією. Народився у Мітаві в сім'ї П. Палена, військового губернатора Санкт-Петербурга і фаворита Павла I, котрий став одним з організаторів змови 1801 р. проти імператора. Підлітком був записаний у Кінногвардійський полк. Але згодом розпочав кар'єру дипломата. Служив у Швеції, Франції, Великій Британії. Посланник у США (1809–1811), при португальському дворі в Ріо-де-Жанейро (1811–1815) у Баварії (1815–1822). Разом з І. Дібічем та О. Орловим у 1829 р. уклав Адріанопольський мир з Туреччиною. В 1826 р. призначений Одеським градоначальником. У 1831–1832 рр. виконував обов'язки Новоросійського і Бесарабського генерал-губернатора. З 1832 р. і до смерті Пален був членом Державної Ради. Брав участь у звільненні селян від кріпацтва. Помер у Санкт-Петербурзі.

Могилевський Степан Іванович – дійсний статський радник, у 1826–1827 рр. виконував обов'язки Одеського градоначальника, у 1828–1830 рр. – херсонський губернатор. Помер у 1830-х рр.

Хованський Микола Миколайович (1777–1837) – російський державний і військовий діяч, генерал від інфантерії, князь. Брав участь у битвах під Аустерліцем, Прейсиш-Ейлау, Гейльсбергом, Фрідландом. З 1810 р. командував полком під час російсько-турецької війни 1806–1812 рр. У жовтні 1810 р. отримав звання генерал-майора. Відзначився під Варною, Шумлою і Батіном. У 1812 р. командував Дніпровським піхотним полком, потім – 2-ою бригадою 18-ої піхотної дивізії у складі Третьої резервної армії. У закордонному поході командував 12-ою піхотною дивізією. Відзначився у «битві народів» під Лейпцигом 1813 р. Після повернення до Росії командував 23-ою піхотною дивізією. В 1821 р. введений у Сенат, в 1823 р. Хованський став генерал-губернатором Вітебської, Могилевської і Смоленської губерній, а в 1836 р. – членом Державної Ради.

Грибовський Михайло Кирилович (1786 – після 1833) – публіцист, перекладач, статський радник, губернатор Слобідсько-Української губернії (1827–1828). «Доктор обох прав» Харківського університету (1816). Бібліотекар Гвардії генерального штабу. Друкувався у «Военном журнале», «Украинском вестнике». Член Союзу благоденства. З осені 1820 р. за власною ініціативою став таємним агентом уряду. В травні 1821 р. через генералів О. Бенкендорфа та І. Васильчикова передав донос імператору Олександрю I [23]. Текст доносу Грибовського був знайдений серед паперів Олександра I і використовувався в роботі Слідчого комітету.

У 1823–1826 рр. – Симбірський віце-губернатор. У жовтні 1828 р. був відданий під суд. У 1833 р. перебував при герольдії. Автор «Исторических замечаний о Малороссии от смерти гетмана Богдана Хмельницкого до Полтавского сражения» та «О состоянии крестьян господских в России».

Дібич-Забалканський Іван Іванович (1785–1831) – російський генерал-фельдмаршал, вихідець з Пруссії. Один з найближчих співробітників Олександра І. З 1824 р. – начальник Головного штабу. У 1825 р. супроводжував імператора до Таганрога і був присутній при його смерті. Доповів Миколаю І про наявність змови у військах. Вжив заходів для арешту членів Південного товариства, зокрема П. Пестеля.

Толстой Петро Олександрович (1769–1844) – російський державний і військовий діяч, генерал від інфантерії. Учасник війн Російської імперії кінця XVIII – початку XIX ст. З 1803 р. – петербурзький військовий губернатор, командир лейб-гвардії Преображенського полку. Брав участь у Наполеонівських війнах. У 1807–1808 рр. – надзвичайний посол в Парижі. У 1812 р. був призначений командувачем військ в губерніях Казанській, Нижньогородській, Пензенській, Костромській, Симбірській і В'ятській, займався формуванням ополчення. Брав участь у закордонному поході російської армії, командує корпусом. У 1828 р. був головнокомандувачем у Петербурзі і Кронштадті, входив у Тимчасову верховну комісію, яка управляла державою за відсутності Миколая І. Брав участь у придушенні Польського повстання 1830–1831 рр. Член Державної Ради і Комітету Міністрів. Був одним із засновників і президентом Московського товариства сільського господарства, заснував у Москві товариство любителів садівництва. З 1839 р. – у відставці.

Документи публікуються відповідно до сучасних норм орфографії та пунктуації.

¹ Вхідна дата: 29 грудня 1825 р.

Секретно¹
29-го декабря 1825 года
господину Новороссийскому генерал-
губернатору и полномочному заместителю
Бессарабской области, генералу от инфантерии,
генерал-адъютанту и кавалеру
графу Михайлу Семеновичу Воронцову

Одесского градоначальника рапорт № 8102
29 декабря 1825
Одесса
к сведению

Почитаю долгом донести Вашему Сиятельству, что 27-го числа сего месяца с нарочным из Харькова доставлено мне отношение тамошнего г. гражданского губернатора² и при оном копия с повеления к нему, последовавшего от военного министра, от 19-го числа, в коем объявляется Высочайшая воля Государя Императора об аресте графов Булгари и доставлении их в С. Петербург за строгим караулом прямо к Его Императорскому Величеству. // (л. 1)

В исполнение Высочайшей воли, какое сделано мною распоряжение, Ваше Сиятельство благоусмотреть изволите из представляемого при сем в списке всеподданнейшего рапорта моего Его Императорскому Величеству.

Граф Спирро Булгари отправлен с полицейским квартальным офицером Деноелем и с одним жандармом; за ним через два часа выехали вчерашнего же числа ночью поручик Николай и Андрей графы Булгари; они поручены квартальному офицеру Юрашеву при унтер-офицере и рядовом здешней жандармской команды.

С инструкций мною данных квартальным офицерам и с открытого листа представляю при сем Вашему Сиятельству списки.

Вместе с отправлением графов Булгари донесено от меня о всем распоряжении г. военному министру.

Генерал-майор Нейдгарт // (л. 1 об.)

№ 2

¹ Слово підкреслене.

² В. Г. Муратова.

Копия всеподданнейшего рапорта Его Императорскому Величеству одесского градоначальника генерал-майора Нейдгарта от 28 числа декабря 1825 года за № 23

Г. Харьковский гражданский губернатор узнал от находящегося в городе Харькове действительного статского советника графа Якова Булгари, что Лейб-Кирасирского Ее Величества полка поручик граф Николай Булгари, посланный за ремонтом, находится в Одессе, равно как графы Андрей и Спиро Булгари, с нарочным сообщил мне копию повеления г. военного министра, последовавшего к нему от 19-го числа текущего декабря за № 7-м, в котором сказано:

«По воле Государя Императора покорнейше прошу Ваше Превосходительство проживающего в управляемой Вами губернии Лейб-Кирасирского Ее Величества полка поручика графа Булгари, посланного за ремонтом, взять немедленно под арест и отобрать принадлежащие ему бумаги, так, чтобы он не имел времени к истреблению их, запечатать и прислать, как оные, так и его самого в Санктпетербург прямо к Его // (л. 2) Императорскому Величеству за строжайшим присмотром».

«Сверх того обратили на себя подозрение Правительства находящиеся в Харьковской губернии графы Булгари: Яков Андрей и Николай и граф Спирро, то по Высочайшему повелению прошу Ваше Превосходительство употребить возможное старание, открыть сих подозрительных лиц и тех из них, кои будут замечены в особенных связях с вышеозначенным поручиком Булгари, взять также сколь возможно осторожно, и отобрать принадлежащие им бумаги, равным образом прислать за строгим караулом прямо к Его Императорскому Величеству».

Нарочный Г. Харьковского губернатора вручил мне пакет по сему предмету 27 числа сего месяца в 8 часов по полудни.

Немедленно приступлено было к исполнению предписаний Высочайшей воли Вашего Императорского Величества; поручик граф Николай и родственники его, Андрей и Спиро графы Булгари, прибывшие из Харькова 1-го числа прошед- // (л. 2 об.)шего ноября, найдены в доме графа Якова Булгари, тотчас все трое арестованы и бумаги их опечатаны, которые при сем Вашему Императорскому Величеству подношу.

Поручик Николай и дядя его Андрей оказались больными. Доктор, их пользующий, объявил мне, что болезнь одного и другого есть в такой степени, что они не в состоянии еще отправиться в дорогу, в противном же случае подвергнуться могут опасным

следствиям в здоровье. Я поручил инспектору врачебной управы доктору Панессету и городской больницы военного отделения штаб-лекарю Сирияни в присутствии здешнего коменданта и полицмейстера узнать состояние здоровья больных и с своей стороны сделать должное засвидетельствование, в чем они и представили мне подносимое у сего на Высочайшее Вашего Императорского Величества усмотрение свидетельство; в то же самое время сам я лично удостоверился в действительности сего медицинского заверения.

Не смея однако отлагать исполнения предписанного, отправляю при сем всеподданнейший рапорт к Вашему Императорскому Величеству Николая, Андрея и Спирро графов Булгари под строгим присмотром с наставлением сопровождающим чиновникам и жандармам: везти больных по мере возможности, а графа Спирро с запечатанными каждому из них принадлежащими бумагами, как возможно поспешнее.

О каковом исполнении щастие имею Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше донести.

Генерал-майор Нейдгарт // (л. 3 об.)

№ 3

Открытый лист

Предъявитель сего квартальный офицер одесской полиции Деноель и при нем жандарм здешней команды Михайла Пашковский, споровождующие в столичный город Санктпетербург арестованного по Высочайшему повелению отставного поручика графа Спирро Булгари, которым в пути от Одессы благоволят градские и земские полиции и другие начальства, оказывать всевозможное вспоможение, какого надобность востребует сообразно особой инструкции, данной г. квартальному Деноелю в Одессе 28-го декабря 1825 года.

Генерал-майор Нейдгарт

Такого же содержания открытый лист дан квартальному офицеру Юрашеву.

Генерал-майор Нейдгарт // (л. 4)

№ 4

Одесской полиции квартальному надзирателю господину Деноелю

Вверяя вам под строгий надзор графа Спирро Булгари и запечатанные в чемодан бумаги, предписываю Вашему Благородию отправиться с оным сейчас в столичный город Санктпетербург, при чем надлежит вам наблюдать:

1) чтобы в пути оный граф Спирро Булгари ни в чем никакого ни письменного, ниже словесного сношения иметь не мог.

2) во всю дорогу днем и ночью вы и жандарм вам данный должны содержать очередь в бдительном надзоре за порученным арестантом, чтоб через сон не упустить его, или не допустить какого-либо сношения с ним сторонних // (л. 5) людей.

3) Наблюдать, чтобы оный арестант не мог овладеть каким-либо оружием и в случае малейшего замеченного какого-либо намерения его, поступить с ним решительно, как обстоятельства того потребуют.

4) При сем прилагается открытый лист, для оказания вам со стороны местного начальства всяческого вспоможения, в коем могла бы встретиться надобность.

5) По прибытии в С. Петербург остановиться у Зимнего дворца, оставя арестанта под присмотром жандарма явиться во дворец к г. коменданту или дежурному г. генерал-адъютанту, о докладе Государю Императору о прибытии с вверенным вам арестантом и чемоданом с бумагами, и сдать оных, кому от Его Императорского Величества повелено будет, имеете // (л. 5 об.) получить надлежащую расписку, а по получении оной явиться к г. военному министру для испрошения дальнейших приказаний.

6) При сем прилагается подорожная на три лошади и денег на прогоны и на путевое содержание пятьсот рублей, кои имеете расходовать по положению; на обратный же путь следуемое число денег имеет быть отпущено вам по распоряжению г. военного министра.

верно¹

Генерал-майор Нейдгарт // (л. 6)

№ 5

¹ Слово підкреслене.

Господину квартальному надзирателю Одесской полиции Юрашеву

Вверяя вам под строгий надзор Лейб-Кирасирского Ее Величества полка арестованного поручика графа Николая Булгари и его шпагу и графа Андрея Булгари, предписываю Вашему Благородию отправиться с оными в столичный город Санктпетербург, при чем имеее наблюдать следующее:

1) Так как они находятся в болезненном состоянии, то в пути в каждом городе и месте, где есть какое начальство и медики, надлежит вам осведомляться о положении их здоровья, и в случае объявят они вам, что страдают они и далее следовать не могут, то в то же время освидетельствовать их в действительности объявленного и подать тотчас нужную помощь, а по получении облегчения немедленно продолжать путь, в потерянном же времени брать от начальства надлежащее свидетельство, не ослабляя впрочем ни в каком случае строгость надзора за ними; при сем прилагаю описание болезни их и рецепты употребляемым лекарствам, также и в копиях два свидетельства медицинских чиновников, обще с г. комендантом и полицмейстером, которые в дороге, где нужно будет, показывать, а по прибытии в С. Петербург представить г. военному министру.

2) Найстрожайше наблюдать, чтобы оные арестанты ни с кем никакого ни письменного, ниже словесного сношения иметь не могли.

3) во всю дорогу днем и ночью вы и жандармы вам данные должны содержать // (л. 7 об.) бдительнейший надзор за порученными вам арестантами и соблюсти, чтобы обе повозки одна от другой нисколько не отставали и чтоб на задней из них едущий по очереди ни под каким видом не спал, дабы через сон не упустить их, или не допустить какого-либо с ними сношения сторонних людей.

4) Наблюдать, чтоб оные арестанты не могли овладеть каким-либо оружием, и в случае малейшего замеченного какого-либо намерения их поступить с ними решительно, как обстоятельства того потребуют.

5) При сем прилагается открытый лист, для оказания вам со стороны местного начальства всякого вспоможения, в коем могла бы встретиться надобность.

6) По прибытии в С. Петербург остановиться у Зимнего дворца, оставя арестантов под присмотром жандармов, явиться во дворец к г. коменданту или к дежур- // (л. 8)ному г. генерал-адъютанту о докладе Государю Императору о прибытии с вверенными вам арестантами и шпагою, и сдать оных, кому от Его

Императорского Величества повелено будет, имеете получить надлежащую расписку, а по получении оной явиться к г. военному министру для испрошения дальнейших приказаний.

7) При сем прилагается подорожная на шесть лошадей и денег на прогоны и на путевое содержание тысяча рублей, кои имеете расходовать по положению, на обратный же путь следуемое число денег имеет быть отпущено вам по распоряжению г. военного министра.

верно¹

Генерал-майор Нейдгарт // (л. 8 об.)

№ 6²

Главный штаб
Его Императорского Величества
по канцелярии
дежурного генерала
в Царском Селе
25 июня 1826
№ 1129

Секретно
Новороссийскому генерал-губернатору и
полномочному наместнику Бессарабской области,
господину генерал-адъютанту и кавалеру
графу Воронцову³

Содержавшийся в С. Петербургской крепости по подозрению в принадлежности к тайным обществам и ныне освобожденный, как оказавшийся неприкосновенным к оным, действительный статский советник граф Булгари, объявил намерение свое ехать в Одессу.

Вследствие сего Государь Император высочайше повелеть соизволил, чтоб Ваше Сиятельство, в случае прибытия его в Одессу,

¹ Слово підкреслене.

² Вхідна дата: 9 липня 1826 р.

³ На документі знизу вгору вміщено надпис: «Писано Одесскому градоначальнику за № 64. 25 июня барону Дибичу за № 65».

предписали, кому следует, иметь его под секретным¹ полицейским надзором, не возбраняя впрочем ему выезда, куда он пожелает.

О таковой высочайшей воле я имею честь удовлетворить Ваше Сиятельство.

Начальник Главного штаба

Дибич // (л. 9)

№ 7

Секретно²

Г. исправляющему должность
Одесского градоначальника

№ 64

25 июня 1826

Препровождаю с сим копию отношения ко мне г. начальника Главного штаба Его И[мператорского] В[еличества] от 25 июня за № 1129-м, предлагаю Вашему Пре[восходительст]ву к исполнению изображенной в оном Высочайшей воли на счет действительного стат[ского] совет[ника] графа Булгари и прошу вас, не оставлять меня без уведомления³ всякий раз, когда он куда-либо из Одессы выедет.

Н[овороссийский] Г[енерал] Г[убернатор] и п[олномочный]
Н[аместник] Б[ессарабской] Области

№ 8

Г. начальнику Главного штаба
Его Императорского Величества

№ 65

В исполнение Высочайшей воли Его Императорского Величества, изложенной в отношении ко мне Вашего // (л. 10) Пре[восходительст]ва от 25 июня за № 1129, я предписал исправляющему должность Одесского градоначальника иметь действит[ельного] стат[ского] совет[ника] графа Булгари, когда он приедет в Одессу, под секретным полицейским надзором, не

¹ Слово вписане над рядком.

² Слово підкреслене.

³ Два слова вписані над рядком.

возбраняя впрочем ему выезд, куда пожелает. О чем вас, Милостивый Государь, сим честь имею уведомить.

Н[овороссийский] Г[енерал] Г[убернатор] и п[олномочный] Н[аместник] Б[ессарабской] Области // (л. 10 об.)

№ 9

Господину управляющему
Новороссийскими губерниями и Бессарабской областью,
Одесскому градоначальнику, тайному советнику и кавалеру
графу Федору Петровичу Палену
правлящего должность
Одесского градоначальника¹

Рапорт
№ 2263,
16 апреля 1827
Одесса²

О выезде из Одессы графа Булгари

Действительный статский советник граф Булгари 10-го текущего апреля приехал в Одессу и остановился в собственном доме здесь состоящем. В тоже время со стороны здешней полиции в рассуждении секретного за ним надзора сделано надлежащее расположение. Потом граф Булгари пожелал выехать из Одессы // (л. 11) и по просьбе его 13 числа сего месяца за № 93 выдана от меня на три лошади подорожная до города Смоленска с будущими при нем.

О сем Вашему Сиятельству честь имею донести во исполнение предписания ко мне г. Новороссийского генерал-губернатора от 25 июня прошлого 1826 года за № 64-м.

Действительный статский советник Могилевский // (л. 11 об.)

¹ Слово підкреслене.

² Слово підкреслене.

№ 10¹

Секретно²

Господину управляющему
Новороссийскими губерниями и Бессарабской областью,
Одесскому градоначальнику, тайному советнику и кавалеру
графу Федору Петровичу Палену
правлящего должность
Одесского градоначальника

Рапорт
29 апреля 1827
Одесса
№ 2634

О выезде из Одессы
действительного статского советника графа Булгари

После рапорта моего Вашему Сиятельству от 16-го текущего апреля № 2263 о выданной от меня действительному статскому советнику графу Булгари 13 числа сего же месяца подорожной на проезд до города Смоленска, я получил от Одесской градской полиции ныне донесение, что помянутый граф Булгари только 23 числа настоящего апреля выехал из Одессы, и что во время пребывания его здесь по секретным наблюдениям оной полиции в обращении его графа Булгари, ничего подозрительного не замечено.

О чем Вашему Сиятельству честь имею донести.

Действительный статский советник Могилевский // (л. 12)

№ 11

Графу Толстому
№ 77
3 мая 1827

Милостивый Государь граф Петр Александрович!

Г. начальник Главного штаба Е[го] И[мператорского] В[еличества] от 25 июня прошлого 1826 года № 1129 сообщил г. Новороссийскому генерал-губернатору Высочайшую Е[го] И[мператорского] В[еличества] волю, дабы действительный статский

¹ Вхідна дата: 30 квітня 1827 р.

² Слово підкреслене.

советник граф Булгари по прибытию из С. Петербурга в Одессу был¹ находился здесь под секретным полицейским надзором, не возбраняя впрочем ему выезжать, куда он пожелает.

Граф Михаил Семе- // (л. 13)нович² на исполнение таковой Высочайшей воли сделал тогда же со стороны своей распоряжение. Ныне же секр[етное] донесение Одесского градоначальника доносит мне, что помянутый граф Булгари 23-го числа прошедшего апреля выехал из Одессы в Смоленск.

Сообщив³ о таком выезде графа Булгари [и] о изъявленной Высочайшей воле г. Смоленскому генерал-губернатору, я долгом считаю о сем довести до сведения и Вашего Си[ятель]ства. Имею честь быть с [...] и соверш[енной] преда[нностью]. // (л. 13 об.)

№ 12

Князю Хованскому
№ 76
Май 1827

Милостивый Государь Николай Николаевич

Г. начальник Главного штаба Е[го] И[мператорского] В[еличе]ства от 25 июня прошлого года № 1129 сообщил г. Новороссийскому генерал-губернатору Высочайшую Е[го] И[мператорского] В[еличе]ства⁵ волю, дабы содержащийся в С. Петербургской крепости по подозрению в принадлежности к тайным обществам и освобожденный, как оказавшийся непричастным к оным действительный статский советник граф Булгари, по прибытии в Одессу находился под секретным полицейским надзором. // (л. 14)

Граф М. С. Воронцов о исполнении таковой Высочайшей воли сделал тогда же со стороны своей распоряжение.

Ныне исправ[ляющий] должн[ость] Одесского градоначальника докладывает, что помянутый граф Булгари 23 числа прошедшего апреля выехал из Одессы в Смоленск.

¹ Слово закреслено.

² М. С. Воронцов.

³ Два слова, вписані над рядком, не прочитані.

⁴ Два слова не прочитані.

⁵ Три слова вписані над рядком.

О таком выезде графа Булгари и о изъявленной Высочайшей воле я сообщил Вашему Сиятельству. Имею честь быть с [...]¹ и соверш[енной] преда[нностью]. // (л. 14 об.)

№ 13

Секретно²

Милостивый Государь мой,
Граф Федор Петрович!³

Получил отношение Вашего Сиятельства за № 76-м об отправившемся из Одессы в Смоленск действительном статском советнике графе Булгари, я ныне же предписал Смоленскому гражданскому губернатору согласно Высочайшей воле, сообщенной г. Новороссийскому генерал-губернатору [господино]м начальником Главного штаба Его Императорского Величества, иметь над ним, графом Булгари, секретный полицейский надзор, и если бы он выехал куда-либо в другую губернию, то сообщить о том же тамошнему местному начальству.

С истинным почтением и преданностью честь имею быть.

Вашего Сиятельства покорнейший слуга
К[нязь] Николай Хованский

№ 1982

30 мая 1827

В Калуге

Его Сиятельству графу Ф. П. Палену // (л. 15)

№ 14⁴

Секретно⁵

Милостивый Государь,
граф Михаил Семенович!

¹ Два слова не прочитані.

² Слово підкреслене.

³ Вхідна дата: 11 червня 1827 р.

⁴ Вхідна дата: 30 квітня 1828 р.

⁵ Слово підкреслене.

Управлявший Новороссийскими губерниями, г. тайный советник граф Пален отношением в мае месяце 1827 года № 76 сообщил мне объявленное Вашему Сиятельству г. начальником Главного штаба Его Императорского Величества Высочайшее повеление иметь действительного статского советника графа Булгари под секретным полицейским надзором, уведомив при том, что он, граф Булгари, 23 апреля того же года выехал из Одессы в Смоленск.

О исполнении таковой Высочайшей воли, я тогда же предложил Смоленскому гражданскому губернатору, который ныне мне доносил, что граф Булгари до сего времени в Смоленск не приезжал, а по слухам до него, г. губернатора, дошедшим, находится он должен в Санкт-Петербурге // (л. 16)

О таком отзыве г. Смоленского гражданского губернатора честь имею сообщить Вашему Сиятельству, присовокупляя, что я вновь предложил ему, дабы он исполнил в точности означенное Высочайшее повеление в то время, когда будет проезжать граф Булгари чрез Смоленск, или приедет в тамошнюю губернию на временное или постоянное пребывание.

Честь имею быть с совершенным почтением и преданностию.
Вашего Сиятельства покорнейший слуга
Князь Николай Хованский

№ 83

18 апреля 1828

Витебск

Его Сиятельству графу М. С. Воронцову // (л. 16 об.)

№ 15

Г. Харьковскому гражданскому губернатору

Мая 7 1828

№ 331

Г. начальник Главного штаба Его Императорского Величества сообщил мне Высочайшую волю Государя Императора, дабы действительный статский советник граф Булгари по прибытии его из С. Петербурга в Одессу поселился под секретным надзором здешней полиции. Вследствие сделанного по сему случаю надлежащего распоряжения г. тайный советник граф Пален, управляющий в отсутствие мое Новороссийскими губерниями

получил донесение от Одесского градоначальника, что помянутый граф Булгари 23 числа апреля 1827 года выехал из Одессы в Смоленск. О // (л. 17) таковом выезде графа Булгари и о высочайшей воле Государя Императора граф Пален сообщил Смоленскому генерал-губернатору, который теперь уведомляет меня, что граф Булгари по сие время не прибыл еще в Смоленск, а должен быть в С. Петербурге. По дошедшим до меня ведомостям¹ Имею сведения², что граф Булгари проживает нынче³ в Харьковской губернии, нужным считаю⁴ о сем Вашему Пре[восходительст]ву⁵, чем был с совершенным почтением и преданностию⁶.

М. В[оронцов] // (л. 17 об.)

№ 16⁷

Секретно
Господину Новороссийскому и Бессарабскому
генерал-губернатору и кавалеру
от Слободско-Украинского гражданского губернатора
21 мая 1828
№ 149
Харьков

Ваше Сиятельство в отношении от 5-го полученном мною 20-го сего мая изъяснив о Высочайшем повелении, объявленном от господина начальника Главного штаба Его Императорского Величества, дабы действительный статский советник граф Булгари по прибытии из Санктпетербурга в Одессу находился под секретным надзором полиции, по случаю тому, что граф Булгари находится ныне в Слободско-Украинской губернии, о Высочайшей воле изволили сообщить мне.

Приняв сие Высочайшее повеление, // (л. 18) которое объявлено предшественнику моему к точному исполнению, я имею честь уведомить о сем Ваше Сиятельство и присовокупить, что граф

¹ Фраза закреплена.

² Два слова вписано над рядом.

³ Слово вписано над рядом.

⁴ Два слова вписано над рядом.

⁵ Слово вписано над рядом, закреплено слово: Высокопревосходительству.

⁶ Від слова «был» частина речення закреслена.

⁷ Вхідна дата: 30 травня 1828 р.

Булгари теперь из Харькова отправился в Курск по делу там производящемуся о нем по Высочайшему Его Императорского Величества повелению.

Гражданский губернатор Грибовский // (л. 18 об.)

№ 17¹

Секретно
Господину Новороссийскому и Бессарабскому
генерал-губернатору и кавалеру
от Слободско-Украинского гражданского губернатора
12 августа 1828
№ 214
Харьков

Находившийся в городе Харькове действительный статский советник граф Яков Булгари, в прошедшем июле месяце отправившийся в город Смоленск, Полтавской губернии, в городе Ромны в начале сего августа месяца умер, о чем Роменская городская полиция сообщила сведения Харьковской полиции.

А как относительно сего графа Булгари в предписании г. начальника Главного штаба Его Императорского // (л. 19) Величества предшественнику моему, от 25-го июля 1826-го года за № 1128 объявлено Высочайшее Его Императорского Величества пожелание, чтобы иметь его под полицейским надзором; то я донес Его Сиятельству о смерти означенного графа Булгари.

Поелику же изъясненное Высочайшее пожелание сообщено было и Вашему Сиятельству от г. начальника Главного штаба Его Императорского Величества, как известно сие из отношения Вашего от 7-го мая сего года, то о смерти действительного статского советника графа Якова Булгари, я имею честь донести Вашему Сиятельству.

Гражданский губернатор Грибовский // (л. 19 об.)

Примітки:

1. **Стратен В., Трифільєв Є.** До матеріалів про декабристів. (На підставі даних Одеського історичного архіву) // Рух декабристів на Україні. – Харків, 1926. – С. 77–97.

2. Тут і надалі збережено авторську орфографію.

¹ Вхідна дата: 21 серпня 1828 р.

3. В тексті: Романо.
4. **Стратен В., Трифільєв Є.** До матеріялів про декабристів. (На підставі даних Одеського історичного архіву). – С. 77.
5. Там само. – С. 85–97.
6. Там само. – С. 78.
7. **Багалій Д.** Вступні пояснення до матеріялів // Рух декабристів на Україні. – Харків, 1926. – С. 10.
8. Там само.
9. Державний архів Одеської області (далі – ДАОО). – Ф. 45. – Оп. 4. – Спр. 2248.
10. **Боровой С.** Воспоминания. – М., Иерусалим, 1993. – С. 102.
11. Хоча у власноручній автобіографії Трифільєв зазначав, що розпочав працювати в університеті 1900 р. (ДАОО. – Ф.Р. 1593. – Оп. 1. – Спр. 338. – Арк. 3).
12. ДАОО. – Ф. 45. – Оп. 4. – Спр. 1690. – Арк. 2 зв.–3.
13. ДАОО. – Ф. 152. – Оп. 1. – Спр. 264. – 2 арк. Публікується відповідно до сучасних норм орфографії та пунктуації.
14. ДАОО. – Ф. 45. – Оп. 4. – Спр. 1690. – Арк. 5 зв.–6.
15. **Боровой С.** Воспоминания. – С. 98–99.
16. Див.: **Усенко П. Г.** «Подвижники й меценати» (Грецькі підприємці та громадські діячі в Україні (XVII–XIX ст.). Історико-біографічні нариси / за ред. В. Смоля. – К., 2001. – С. 290–306.
17. При складанні біографічних довідок графів Булгарі використано: Декабристы. Биографический справочник / Изд. подгот. С. В. Мироненко; Под ред. М. В. Нечкиной. – М., 1988. – С. 31–33.
18. Сучасний декабристознавець П. Ільїн зараховує А. Булгарі до Південного товариства (див.: **Ільїн П.** Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. – СПб., 2004. – С. 622).
19. Восстание декабристов. – Т. XI. – М., 1954. – С. 198.
20. Див.: Восстание декабристов. – Т. XIII. – М., 1975. – С. 111–127.
21. Восстание декабристов. – Т. XIX. – М., 2001. – С. 336.
22. Сучасний декабристознавець П. Ільїн зараховує С. Булгарі до Південного товариства (див.: **Ільїн П.** Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. – СПб., 2004. – С. 622).
23. [Записка М. К. Грибовского] // **Шильдер Н. К.** Император Александр I. Его жизнь и царствование. – СПб., 1898. – Т. 4. – С. 204–215; **Грибовский М. К.** Неизвестный донос о тайном обществе / Публ. [вступ. ст. и примеч.] В. М. Боковой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. – М., 2003. – С. 78–84.

*Підготували до друку Григорій Казьмирчук,
Юрій Латиш (Київ)*

ПИСЬМА ЖЕНЫ ДЕКАБРИСТА

3 мая 1825 г. В. Л. Давыдов, один из руководителей Южного общества, возглавивший в 1823 году его Каменскую управу, обвенчался в Каменской Николаевской церкви с Александрой Ивановной Потаповой. Семейная хроника Давыдовых почти ничего не сообщает о происхождении жены декабриста. Известно, что в 1806 г. мать декабриста Екатерина Николаевна в память о многочисленных потерянных в малолетстве детях взяла на воспитание сироту Сашеньку, 4 лет, дочь умершего губернского секретаря, дворянина Ивана Моисеевича Потапова, и дала ей соответствующее по тем временам воспитание.

Со слов самой Александры Ивановны, знакомство с Василием Львовичем произошло в ее раннем детстве: «В жаркий летний день, наигравшись в саду, я вбежала по ступенькам крыльца в большую полукруглую залу с колоннами и зеркалами, и там увидела бледного стройного мальчика с вьющимися темными волосами. На вопрос – кто я? я звонко отрапортовала: «Я Сашенька Потапова», кивнула головой и убежала в сад».

В 1819 г. В. Л. Давыдов и А. И. Потапова вступили в гражданский брак (к этому времени у декабриста уже была дочь Мария). На протяжении почти шести лет брак, не скрепленный законом и не освященный церковью, держался на обоюдном долге и любви (Екатерина Ивановна не давала разрешения на официальный брак). В этой семье, которая проживала в отдельном флигеле, 8 ноября 1820 г. родился сын Михаил, 25 мая 1822 г. – дочь Екатерина, 5 сентября 1823 г. – Елизавета, 27 мая 1825 г. – сын Петр, только после смерти матери, выждав положенный траурный срок, В. Л. Давыдов узаконил свой брак.

В ночь с 21 на 22 июля 1826 г. Василий Львович, вместе с Е. П. Оболенским, А. З. Муравьевым, А. И. Якубовичем, был отправлен на каторгу. 26 августа ему удалось с жандармом Разумовским передать письмо с дороги близким, в котором писал: «Саша моя, всю жизнь мою сейчас готов отдать с радостью, всю кровь мою готов пролить, чтобы тебя и детей прижать к моему сердцу...». В письме обговаривались и условия приезда в Сибирь жены, вопрос о котором был решен еще в Петербурге. В конце октября 1826 г. декабриста доставили в Благодатский рудник, 29 сентября 1827 г. партия «государственных преступников», в которую входил и Давыдов, была доставлена в Читку.

В марте 1828 г. в Читу приехала 26-летняя Александра Ивановна Давыдова («Женщина, отличавшаяся своим умом и ангельским сердцем» – Н. И. Лорер; «Очень кроткая особа с большим здравым смыслом, у нее много такта и природного ума» – М. Н. Волконская), оставив пятерых детей, старшему из которых не исполнилось и 8 лет, а младшему было чуть больше года. Никто из жен декабристов не принес большей жертвы, чем она. Ее нравственный подвиг определил сам декабрист в выразительном по проявлению чувств завещании, в одном из писем детям с каторги: «Без нее меня уже не было бы на свете ... Уплачивайте ей, мои милые дети, мой долг вашей любовью и уважением к ней, и когда меня не станет, воздайте ей за все добро, которое она сделала вашему несчастному отцу».

21 апреля 1828 г. В. Л. Давыдов посвятил жене интимно-лирическое стихотворение «О Ты, единственная» на французском языке, которым владела Александра Ивановна, в котором высказал всю глубину любви и признательности.

О Ты, единственная, которая
Дала мне познать счастье бытия
И которая сумела обратить в радость
И мою ссылку, и мое страдание.
Ангел небесный, моя нежная подруга!
Что могу я тебе предложить в этот день?
Все принадлежит тебе, мое сердце, моя жизнь,
Которой я обязан лишь твоей любви.
Но возьми же, ты так хочешь мой портрет,
Который я сегодня кладу к твоим ногам,
И скажи, глядя на него, –
Кто умел любить так, как он?

На каторге и на поселении Давыдовы пережили много семейных драм. Только в 1828 г., после очередного прошения брата декабриста Н. Н. Раевского, прижитые до брака четверо детей Василия Львовича, были узаконены. В Петровском Заводе была совершена попытка ограбления и убийства Е. И. Трубецкой и А. И. Давыдовой. В 1841 г. имение Каменка в Чигиринском повете Киевской губернии оказалась на грани полного банкротства, из которого удалось выйти с большим трудом. В 1842 г. скончался любимый брат и опекун детей, оставленных в России, П. Л. Давыдов. Сраженная этим известием, Александра Ивановна слегла.

Мальчики были отправлены в кадетские корпуса, девочек взяла на воспитание С. Г. Чернышева-Кругликова по просьбе своей

сестры Александры Григорьевны, жены декабриста Н. М. Муравьева. 26 ноября 1845 г. мнением Государственного совета права сыновей Николая и Петра на владением имением в Каменке юридически были закреплены, оба были внесены в родословную книгу. В общей сложности дело тянулось 19 лет. В том же году от родов скончалась «ангел-хранитель» семьи дочь Мария. Эта утрата надломилась силы декабриста. И только любовь и забота Александры Ивановны, и маленькие дети, родившиеся в Сибири, помогли перенести первое, самое горькое время утраты.

На каторге и на поселении в Красноярске в семье Давыдовых родилось семеро детей. Поразительно то, как через переписку отец и мать сумели сдружить европейский и «сибирских» детей, воспитав в них не только любовь к родителям, но и друг к другу. Особенно выразительны те части писем Василия Львовича, где речь идет о любви к матери: «несравненная мать», «мученица любви, долга, самопожертвования», «самая лучшая из матерей», «ангельская матушка».

23 декабря 1841 г. в адрес генерал-губернатора Восточной Сибири отправилось предписание следующего содержания: детей декабристов мужского пола по достижении возраста можно определять в кадетские корпуса, утверждая по выпуске в дворянских правах при условии, что детям не разрешат носить фамилию отца, а именоваться они будут по отчеству их. В. Л. Давыдов дал согласие в отношении своих трех сыновей, принеся «мучительную жертву». И это было право родителей. Унизительным образом декабрист оставлял за сибирскими детьми, лишенными дворянства и прав состояния, первую привилегию, желая вырвать их из Сибири, образовать, а значит, дать кусок хлеба. «Если твоя мать, самая любящая, самая лучшая из матерей, согласилась на самую большую из всех жертв, надо верить, что она прочувствовала всю неизбежность этого», – ответил Василий дочери Лизе, засомневавшейся в поступке родителей.

В 1843 г. в кадетский корпус был отправлен Вася, в 1846 г. – Ваня, в 1849 г. – Лев. Василий Львович криком кричит в одном из писем, что при каждом расставании с сыновьями «словно кусок мяса вырывают из тела ... больно». Только мужество находившейся рядом жены и забота о подраставших младших детях придавали силы жить дальше: «... Что со мною уж стало бы, если бы Бог не дал мне таких детей, как вы, и такую жену, как ваша мать?». Возможно, декабристу пришлось узнать еще до своего исхода страшное сообщение о гибели или пропаже без вести на Кавказе сына Ивана,

подававшего во время учебы в кадетском корпусе большие надежды.

Письма В. Л. Давыдова к детям – это портрет отца, чадолюбие которого не знало границ; это желание лаской и любовью вознаградить насильственно разлученных с ним «деток». Большая часть 25 тома из серии «Полярная звезда», посвященного декабристу (В. Л. Давыдов. Сочинения, письма. Иркутск, 2004. Составитель Т. С. Комарова), отведена его переписке с детьми, главным образом, с дочерьми Екатериной (в замужестве Переслени, 1822–1904) и Елизаветой (1823–1902). За небольшим исключением, почти под каждым письмом мужа, идут приписки Александры Ивановны, в которых высказана вся любовь и горечь матери, не питавшей надежды когда-нибудь встретиться со всеми своими детьми: «Как бы мы были счастливы, если бы хоть раз могли окружить себя всеми нами!». Александра Ивановна писала детям в Москву и Петербург, в Европу, где путешествовали дочери, о привычках детей-«сибирячков», описывала их внешность, сообщала о мелких семейных событиях и бесконечно благословляла старших детей. «Бедная мама! Сколько тягот, сколь сильно она устала, поэтому сегодня она вам не пишет», – писал декабрист в том случае, когда сыновья и дочери могли забеспокоиться, не увидев в письмах родной почерк.

25 октября 1855 г., не дожив до амнистии года, В. Л. Давыдов скончался в возрасте 62 лет «от старости» и 27 октября был погребен на Троицком кладбище в Красноярске. Александра Ивановна с семьей прежде амнистии получила разрешение вернуться в Россию. Декабрист И. И. Пущин писал Е. И. Якушкину в апреле 1856 г.: «Александра Ивановна будет летом здесь, получила разрешение и собирается уже. При свидании спрошу ее и попеню, что не погоревала со мной в первые тяжелые минуты...».

Следуя завету декабриста, сыновья и дочери окружили мать обожанием, наполнив ее жизнь «тихим семейным счастьем». О высоком нравственном достоинстве Александры Ивановны и ее двух дочерей, Лизы и Саши, писал П. И. Чайковский, сестра которого Александра Ильинична была замужем за сыном декабриста – Львом: «... Отрешившись от вечно грызущего неопределенного чувства – недовольства настоящим, я могу созерцать всю необъятность красоты этих трех ангелов. Я говорю, конечно, об Александре Ивановне, Лизавете Васильевне и Александре Васильевне. Тогда мне хочется плакать и пасть к их ногам».

Письма В. Л. Давыдова с приписками, и несколькими самостоятельными письмами Александры Ивановны, хранятся в

Рукописном отделе Российской государственной библиотеки. Приведенные ниже письма жены декабриста публикуются впервые, другая часть их опубликована в томе В. Л. Давыдова «Сочинения, письма» (Иркутск, 2004) . Все они расположены в хронологическом порядке, даты воспроизведены по письмам мужа. Сохранена стилистика автора.

№ 1

Н. Н. Раевскому

Милостивый государь Николай Николаевич

В последнем письме вашем к Мар(ии) Н(иколаевне) [1] вы меня и бедного брата вашего не забыли и извещали о детях наших как отец и истинный брат, если бы я могла вам передать все чувства брата вашего, если бы я могла вам изъяснить всю нашу благодарность и преданность, вы бы увидели, что мы оба умеем ценить добродетели ваши, и что дружба ваша за семь тысяч верст приносит утешение двум несчастным, которые никогда не престанут вас любить, почитать и благодарить всею душою. Муж мой часто и много горюет об детях наших, но надеемся на Бога и на вас. Так же, как и я, я уже посвятила всю себя бедному мужу моему, и сколько не сожалею о разлуке с детьми моими, но утешаюсь тем, что выполнила святейшую обязанность мою. Я писала к почтеннейшей Софии Алексеевне [2] и благодарила ее за благорасположение к сиротам нашим, но еще покорнейше прошу вас изъяснить ей от нас обеих нашу сердечную благодарность и искреннее почтение. Прощайте, почтеннейший Николай Николаевич, не забывайте меня и верьте глубокому почтению, привязанности

преданной вам
А. Давыдовой

Апрель 22 дня
1828 года
Читинский острог

№ 2
В. Л. Давыдову

(1830–1831, Петровский Завод)

Друг мой милай. Я сейчас перешла к себе на квартиру. По здешнему довольно хорошая, у меня одна комната и через сени кухня, в которой еще живут хозяева, но они перейдут на другую квартиру, тогда просторнее будет мне. Я, слава Богу, здорова, и Васинька [1] тоже, он тебя целует и ручки твои, когда ты его увидишь, ты его совсем не узнаешь, как он переменялся. Сашиньку [2] очень любит и баюкает ее сам, целует ручку у ней. Скажи Сергей Петровичу [3], что Саша очень мила становится. Друг мой, с каким нетерпением я жду того счастливого дня, в который тебя увижу, так грустно, что терпенья не достает, с тобой, друг мой, я все забываю, даже этот ужасный острог, от которого сердце кровью обливается. Я и в нем буду счастлива с тобой. Прощай, бесценный мой Бека [4]. Обнимаю тебя от души и целую ручки твои

А. Давыдова

PS. Ферденант Богдановичу [5] кланяйся от меня и доброму другу нашему поклонись от меня и Ваки [6], его фаворита.

Его превосходительству милостивому
Государю Станиславу Романовичу Лепарскому,
коменданту при Нерчинских рудниках.

Дочерям Елизавете и Екатерине Давыдовым

№ 3

29 сентября 1839 г.

Хочу еще раз благодарить вас, милинькие, добринькие мои дочки [1] за все ваши подарки. Какая счастливая мысль пришла всем троим вам прислать мне платья, которые вы носили, с каким чувством мы с папинькой смотрели на них, этого выразить невозможно. Теперь знаем мы лучше рост ваш и дивимся и радуемся, что у нас такие большие дочки. Знаете ли, какое счастье вы мне доставили? Я расставила немножко ваше платье, Лиза, и теперь ношу его и в нем пишу к вам. Потом тоже сделаю с твоим, Катичка, Машинькино [2] уже; не знаю, удастся ли и его перешить. Поймете ли вы, милые ангелы, что я должна чувствовать, надевая

платья ваши? Как вам это объяснить? Нет возможности. Где-то вы теперь? Здоровы ли вы? Когда мы получим от вас известие? Мы очень довольны Красноярском. Так здесь тихо, смирно! Только потому можно назвать городом его, что есть довольно каменных, хороших домов, хорошие лавки, где почти все можно достать, а жизнь не городская; для нас, по крайней мере, а нам то и надобно. Прощайте душички, ангелы мои, обнимаю вас, целую тысячу раз от всей души. Христос с вами.

Любящая вас мать
А. Давыдова

№ 4

23 октября 1840 года

Милые бесценные дети. С каким неизъяснимым удовольствием читала я письма Ваши! Как я счастлива чувствами, поступками вашими! Не знаю, как благодарить вас за утешения, которые всегда от вас идут. Вы будете счастливы, ангелы мои, потому что я уверена, что всегда будете стараться быть достойными тех щедростей, которыми Милосердный Бог осыпет вас. Нет у меня слов, чтобы выразить всю благодарность почтеннейшей, несравненной тетушке вашей и Ивану Гавриловичу [1]: вы, я уверена, глубоко чувствуете благодеяния их и лучший, единственный способ доказать ее им состоит в подражании светлым примером, которые у вас перед глазами. Лиза моя, меня беспокоит, что с тобою, ангел мой, услышь, Боже, молитвы мои! Дай Бог мне скорее узнать, что ты совершенно здорова! Надобно мне немного попенять вам, однако, душички. Вы ничего не говорите о здоровье доброй Софьи Григорьевны и детей [2] ее, в первом письме вашем не забудьте описать подробно нам все, что до них касается, вы должны знать, как это необходимо для сердца матери вашей. Обнимите ее крепко за меня, расцелуйте ее деточек и передайте сердечный поклон мой Ивану Гавриловичу. Я вас, ангелы мои, нежно и тысячу раз целую и благословляю от всего сердца.

Любящая вас мать
А. Давыдова

№ 5

8 февраля 1841 г.

Длинные, милые письма ваши из Рима и порадовали нас и огорчили вместе. Ангелы мои, добрые мои дочки, молитесь беспрестанно о вашей несравненной тетеньке, да возвратит ей Господь здоровье, столь драгоценное не для одних нас. Когда я читала то, что вы говорите о страданиях ее, то мне казалось, что я сама тоже чувствую, что она. Слава Богу, что ей получше! Мы все будем просить милосердного Бога, чтоб избавил ее от этих страданий и укрепил ее здоровье. Обнимите ее за меня с тем чувством, которое мы все должны иметь и имеем к ней. Папинька вам сообщил все, что может вас интересовать о нас, и потому я ничего о семействе нашем не буду говорить. Читая письма ваши, я переносилась и мыслями и сердцем к вам: видала, ласкала вас, любовалась вами, душички мои. Что чувствовала я в это время, не в силах описать вам. Боже мой! Какое бы счастье увидеть, обнять вас всех. Пережила ли бы я его, не знаю. Бог один мог бы дать довольно сил мне, чтоб не умереть с радости. Желаю более обыкновенного скорее получить еще письмо от вас, а вы скажите что-нибудь утешительного о доброй Софье Григорьевне. Целую вас, мои дружочки, от всей души тысячу раз, благословляю, благословляю, мои добрые дочки. Христос с вами.

Любящая вас мать
А. Давыдова

№ 6

1841

Бесценные мои, Катя, Лиза. И я горевала с папинькой, что вы не получили писем наших о Соничке [1]. Слава Богу, что Машинька вам написала, а то по сию пору вы бы не знали о существовании этого маленького ангельчика. Лиза просила описать Соню подробно, изволь, дружок милой. Она беленькая, полненькая, глазки голубые прекрасные. Волосы такие, как были у тебя, Лизачка, в ее возрасте. У нее всегда улыбка на устах премилая, особенно как подойдет папинька к ней, или когда она на меня смотрит. Когда скажем ей – помолись за папа – она сейчас глазами ищет образ, сложит ручки и старается, как умеет, сказать па – па; что, однако, не всегда ей удается. Когда папа спрашивает ее: как ты любишь меня? она

крепко сожмет кулачки, протянет их к нему и вся задрожит. Для восьмимесячного ребенка, право, это много. Вот вам, мои добрые, милые дочки, описание Сони, рекомендую ее вам, хоть я знаю, что это не нужно для ваших добрых любящих сердец. Как папинька не рассуждает о соединении нашем с вами и хоть он справедлив, но если бы я могла быть с вами, сокровища мои, ангелы милые, это бы только было для меня счастье, что при одной мысли этой, не могу описать вам, что со мною делается. Как бы я обняла Вас! Сколько радостных слез пролила бы! Не нагляделась бы на мою Катю, Лизу. Богу Милосердному все возможно; на Его благодать все надежды мои. Все дети вас обнимают и целуют, я вас, душеньки, целую тысячу раз от души. Обнимите за меня добрую вашу тетиньку. Христос с вами.

А. Давыдова.

№ 7

30 мая 1841 г.

Я пополню письмо папиньки, мои добрые, милые Катя, Лиза, и поговорю вам о сибирячках наших. Прежде всего о Левушке [1], о котором вы пишете, что я мало вам говорила. Левушка преоригинальный, прилежный и премилый мальчик. Собою очень хорошенький и так похож на отца, что вообразить нельзя. Сердце у него предобренькое, но немножко капризен, потому что избалован старшими, которые к нему очень снисходительны, а может быть, и папинькой и маминькой, все они без ума от Сонички и есть надежда, что сумеют и ее порядочно избаловать. Саша растет [2], умнеет, все также любит читать и очень хороша собою. Вася добр, чувствителен и умен, только от болезней своих бывает капризен, ленив и очень упрям; он очень любит нас и легко бы исправился, если бы мы имели средство дать ему хорошее воспитание. Ваня [3] фаворит всех тех, которые его хоть раз видели – добрейший шалунчик и очень хорош собою, у него страсть к географии, уже выучил имена главных городов и рек, и гор в Европе, особенно в России, которую очень любит. Только не жалуется Польши и поляков. Вы видите, милые мои, что мы должны Бога благодарить, что даровал нам таких деток, как вы все. Как бы мы были счастливы, если бы хоть раз могли окружить себя всеми вами! Но это такое величайшее счастье, которое мы, верно, не заслужили от Бога, и которому, кажется, век не бывать. Наконец, к концу мая, и к нам заглянуло лето; жары

начались и дети в восхищении; они и не думают, что это счастье на два месяца с немногим, а потом опять холодные ветры, морозы, одним словом, сибирская зима. Когда-то вы возвратитесь на родину? Напишите нам.

Прощайте, бесценные, милые мои дочки, ангелы мои. Обнимаю, целую и благословляю вас от всего сердца. Все деточки вас целуют. Христос с вами.

№ 8

27 июня 1841 г.

Ангелы мои, Катинька, Лиза. Конец письма папиньки [1] и на меня навел глубокую грусть. Как не покоряйся судьбе, ужасна мысль, которая так расстраивает отца вашего, не может не доводить иногда нас обоих до отчаяния. Но Бог поддержит нас, Он один может дать силу переносить такие несчастья, как наши. Как грустно мне, что ваша добрая, несравненная тетушка все страдает, и, что ни климат, ни лечение ее не облегчают. Душеньки, ходите за ней, берегите ее как нежные, добрые дочери. Это ваш священный долг, а мы не перестанем всякий день за нее Бога молить от глубины сердца. Обнимите ее за меня, скажите ей от матери вашей все, что сама она не в силах выразить. Но, что вы, с сердцем вашим, поймете, дружочки мои. В положении нашем ни в каком отношении перемены нет. Здоровье наше незавидное, ведь мы не каменные! Слав Богу, что деточки теперь довольно здоровы. Может пора их развеселила и подкрепила, но что наше лето. Только подразнит, да и скроется. Прощайте, душеньки мои, целую и благословляю вас от души. Христос с вами.

Любящая вас мать
А. Давыдова

№ 9

17 октября 1841 г.

Последнее письмо ваше, мои добрые, милые Катя, Лиза, более других обрадовало меня, потому что вы пишете, что здоровье добрейшей, почтенной Софьи Григорьевны поправилось: ничего не может принести мне более удовлетворения, как такое известие. Бог

услышал ежедневные молитвы мои о тетиньке и благодетельнице вашей. Я надеюсь, что услышал и те, которые возношу о милой Лизаньке, и что вы скоро обрадуете меня счастливым известием с совершенным выздоровлением. Мы все почти теперь немного нездоровы от дурной погоды: у кого насморк, у кого кашель, у кого головная боль. Сыро, ветра, зима настоящая еще не начиналась у нас и мы ее ждем с таким же нетерпением, как ожидали весны и лета. Завидую я вашему пребыванию теперешнему, но не поездке в Париж, который я, понаслышке, не очень люблю. Вам, однако, не скучно там будет: услышите славную музыку, увидите кучу новых предметов и, верно, найдете много там русских. Будьте только все здоровы, а скучать не будете нигде, я думаю, при доброй вашей тетиньке. Все деточки вас целуют, я вас обнимаю и целую от всего сердца. Соня все делается милее, начинает болтать и все более привязывается к папиньке, который ее очень любит. Обнимите за меня хорошенько тетиньку и всех деток ее. Христос с вами, душеньки мои. А. Д.

№ 10

7 августа 1842 г.

Вы знаете почему, душеньки мои, я долго к вам не писала, так и оправдываться пред вами не буду. Много горя было и есть еще у нас, но мы надеемся на милосердие Божие, а наиболее всего милость Его о вас всех, милых детях наших и доброй тетиньки вашей. Я с нетерпением жду вашего приезда в Петербург, мы будем ближе к вам, будем чаще иметь от вас письма. Это для нас единственное утешение. Ангельчики мои, добрые мои, милые дочки. Вы увидите с сестрой [1], вы будете так счастливы все трое, для чего мне не дано взглянуть на вас в минуту вашего свидания. Хоть раз обнять и благословить всех вместе! Но будьте только счастливы, здоровы и достойны той, которая вас воспитала, и я буду от глубины души благодарить Бога. Прошу вас, милые мои, поцеловать за меня вашу добрую тетушку и детушек ее. И передать мой усердный поклон добрейшему Ивану Гавриловичу.

(Без подписи)

№ 11

16 февраля 1848 г.

Не могу понять, ангелы мои, каким образом письма наши не доходят до вас; кажется, папенька вам старается отправлять их через верных людей. Я надеюсь, что теперь все уже в руках ваших, и вы все знаете об Алеше [1], который настоящий ангельчик, красивый, умный, забавный; папенька от него без ума и все хвалят милого мальчишку. У него теперь четыре зубка и он, слава Богу, здоров; но еще не ходит. 13-го этого месяца было его рождение, день счастливый для нас, потому что в этот день получили мы письма от вас, от Миши [2], Васи и Вани и, наконец, от Николушки [3]. Много было нам горя от его молчания; но теперь все забыто и мы благодарим Бога от глубины сердца. Не знаю, как благодарить добрейшую, несравненную Софью Александровну [4] за вас, дружочки мои. Никаких слов не достанет, чтобы изъяснить чувства мои. Я всякий день усердно молю Бога за нее и достойного Алексея Алексевича [5], и Бог услышит сердца облагодетельствованных ими. Насчет того, что С(офья) А(лександровна) хотела для вас сделать, я одних мнений с папенькой; он пишет об этом Николушке, прочитайте его письмо. Милую бесценную Сонюшку [6] мне очень жаль, я понимаю вполне ее положение; авось Бог поможет ей! Целую вас и благословляю от всего сердца, обнимите за меня всех дорогих мне деточек незабвенных благодетелей ваших. Христос с вами.

Любящая вас мать
А. Д.

№ 12

16 февраля 1851 г.

Благодарю вас, милые, бесценные мои дочки, за корсет, который чудесно пришелся Сашеньке и за прекрасный пояс, который она в тот же день надела на бал. Мы с нею на двух балах были, да от двух отказались; с нас и того довольно. Папенька отделался от больших обедов и вечеров, предав нас троих на жертву [1]. И у нас был тоже бал в день именин Алеси, человек восемь детей танцевали преусердно часа четыре при звуке трех мнимых музыкантов, а сам именинник, надев перчатки, преважно сидел на стуле и любовался гостями. Петруша наш немного беспокоит меня;

он уже несколько дней кроме супу ничего не ест, пьет одну воду и не ужинает. Не жалуется ничем, ходит, ездит; был с нами на балах; но потерял аппетит. Он такой доброй, милой! Не скучает однообразной жизнью нашей, всем и доволен. Как бы хотелось нам, чтобы назначение его в адъютанты скорее было сделано [2]. Николушка нам предлинные, подробнейшие письма (пишет). Он, бедненькой, хлопочет и старается ужасно. Цалую вас, ангелы мои, несравненные мои дочки. Да благословит вас Господь Бог! Деточек благодетельницы [3] поцалуйте за меня. Если увидите Неленьку [4], скажите ей, что мы все ее обнимаем и цалуем. К. А. Зубаревой [5] усердный поклон и деточкам ее.

Любящая вас мать
А. Д.

Примечания:

№ 1

1. Раевская Мария Николаевна (1805–1863), с 1825 г. жена декабриста С. Г. Волконского, дочь сводного брата В. Л. Давыдова – Н. Н. Раевского.

2. Раевская Софья Алексеевна (урожд. Константинова, 1769–1844), жена Н. Н. Раевского.

№ 2

1. Давыдов Василий Васильевич (1829–1873), сын декабриста, родившийся в Чите. В 1843 г. был отправлен в I Московский кадетский корпус. 13 июня 1848 г. выпущен прапорщиком в Грузинский линейный № 6 батальон.

2. Трубецкая Александра Сергеевна (в замуж. Ребиндер, 1830–1860), дочь декабриста С. П. Трубецкого.

3. Трубецкой Сергей Петрович (1790–1860), член Союза спасения и Союза благоденствия, один из руководителей Северного общества.

4. Бека – семейное прозвище В. Л. Давыдова.

5. Вольф Фердинанд Богданович (1796–1854), штаб-лекарь Главной квартиры 2-й армии, член Южного обществ. Отбывал каторгу в Чите и Петровском Заводе.

6. Вака – прозвище сибирского первенца Давыдовых – Васи. Фаворит, вероятно, Якубович Александр Иванович (1796/1797–1845), участник восстания на Сенатской площади. Был дружен с семьей Давыдовых, очень любил их детей.

№ 3

1. Чернышева-Кругликова Софья Григорьевна (1799–1847), сестра А. Г. Муравьевой. Чернышев-Кругликов Иван Гаврилович (1787–1847), отставной полковник, участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов. В 1832 г. Катя и Лиза Давыдовы были взяты по просьбе А. Г. Муравьевой на воспитание Чернышевыми-Кругликовыми и находились в их семье до смерти обоих. В 1840 г. дочери декабриста вместе с воспитателями уехали в Европу.

2. Давыдова Мария Васильевна (в замуж. Фелейзен, 1816/1817–1845), дочь декабриста. Умерла в родах.

№ 4

1. Чернышевы-Кругликовы С. Г. и И. Г.

2. Дети С. Г. и И. Г. Чернышевых-Кругликовых: сыновья Николай (1834–1907) и Евгений (1839-?), дочь Лиза (1832–1922).

№ 6

1. Давыдова Софья Васильевна (1840-), дочь декабриста. Долгое время после возвращения из Сибири жила с матерью, в 1881 г. вышла замуж за Ф. К. де Сталь.

№ 7

1. Давыдов Лев Васильевич (1837–1896), родился в Петровском Заводе. В 1849 г. был отправлен в I Московский кадетский корпус. Впоследствии, вернувшись в Каменку, несколько лет управлял имением братьев Петра и Николая. В 1860 г. женился на сестре композитора П. И. Чайковского Александре Ильиничне.

2. Давыдова Александра Васильевна (1831-), родилась в Петровском Заводе. Долгие годы жила с матерью.

3. Давыдов Иван Васильевич (1834 – после 1852), родился в Петровском Заводе. В 1846 г. был принят в I Московский кадетский корпус под фамилией Васильев.

№ 8

1. В. Л. Давыдов писал в своем письме, что уже 16 лет его ужасает одна и та же мысль, что он сможет никогда свидеться со своими детьми.

№ 10

1. Фелейзен (урожд. Давыдова) М. В., дочь декабриста.

№ 11

1. Давыдов Алексей Васильевич (1847–1903), единственный из сыновей декабриста, не отданный в кадетский корпус после принятия декабристом предложения правительства о помещении сыновей в казенные заведения. Окончил лицей, состоял членом Киевской судебной палаты.

2. Давыдов Михаил Васильевич (1820–1886), обучался в пансионе, затем в кадетском корпусе: в 1838–1839 гг. младший офицер в пехотном Брестском полку под началом А. П. Ермолова; служил на Кавказе.

3. Давыдов Николай Васильевич (1826–1909), окончил I Московский кадетский корпус. 1 сентября 1843 г. произведен в подпрапорщики, 1 ноября 1845 г. – в унтер-офицеры.

4. Бобринская Софья Александровна (урожд. Самойлова, 1799–1866), фрейлина, дочь графа А. Н. Самойлова, двоюродная сестра В. Л. Давыдова. С 1821 г. жена внука Екатерины II А. А. Бобринского. Автор воспоминаний об А. С. Пушкине. После смерти Чернышевых-Кругликовых в 1847 г., Софья Александровна приютила, вероятно, у себя дочерей В. Л. Давыдова.

5. Бобринский Алексей Алексеевич (1800–1868), граф, государственный и общественный деятель. С 1832 г. служил в Департаменте уделов, в 1840–1868 гг. – член совета Министерства финансов. Один из инициаторов постройки железной дороги в России. С 1841 г. – опекун имения декабриста.

6. Муравьева Софья Никитична (в замуж. Бибикова, 1829–1892), дочь А. Г. и Н. М. Муравьевых. Родилась в Петровском Заводе. После смерти отца в 1843 г., ее бабушка, Е. Ф. Муравьева, ходатайствовала о возвращении внучки-сироты в Россию. Царская резолюция была такова: «В Екатерининский институт в Москву на мой счет». В данном письме речь идет о смерти Екатерины Федоровны, скончавшейся 21 апреля 1848 г.

№ 12

1. Речь идет об Александре Ивановне, дочери Саше и сыне Петре. Давыдов Петр Васильевич (1825–1912), воспитывался в семье брата декабриста – П. В. Давыдова. В 1837 г. поступил в I Московский кадетский корпус, откуда в 1843 г. переведен в школу прапорщиков. Служил в кавалерийском полку. В 1850 г. приехал в Сибирь к родителям.

2. Давыдовы надеялись оставить сына Петра на военной службе в Восточной Сибири или в качестве чиновника особых поручений при генерал-губернаторе Н. Н. Муравьеве-Амурском. Но на ходатайства был получен отказ.

3. Дети Бобринских: Александр Алексеевич (1823–1903), с 1853 г. вице-директор хозяйственного департамента Министерства внутренних дел; Владимир Алексеевич (1824–1898), один из деятелей крестьянской реформы 1861 г.

4. Волконская Елена Сергеевна (по 1-му мужу Молчанова, 1834–1916), дочь декабриста С. Г. Волконского.

5. Зубарева Екатерина Алексеевна (род. 1803), жена председателя Красноярского городского суда Зубарева Д. Е. Семьи Давыдовых и Зубаревых находились в дружественных отношениях. Дети Зубаревых: дочери Вера и Екатерина, сыновья Григорий и Иннокентий.

*Подготовила к печати
Тамара Комарова (Красноярск)*

ПРИСЯГА СЕЛЯН 1825 РОКУ НА КИЇВЩИНІ. (Записка Івана Линниченка)

В Державному архіві Одеської області ми виявили короткий документ, що являє собою запис відомого історика І. Линниченка зі слів свого знайомого про зустріч на Васильківщині з сучасником повстання декабристів. Він описує переполюх, спричинений двома присягами поспіль Костянтину та Миколаю, а також виступом Чернігівського полку. Вперше цей документ без останнього абзацу був опублікований у першому номері журналу «Украинская жизнь» за 1914 р. під назвою «Память в народе о декабрьских событиях 1825 г. в Василькове» [1]. Автор підписався криптонімом «И. А. Л.»

Того ж року журнал «Исторический вестник» відгукнувся на цю публікацію. А. Ізмайлов в огляді журналів повторив публікацію «Украинской жизни», переклавши українізми російською мовою. Глузуючи над «нехитрим хохлацким умом», цей автор зазначав: «Можливо, це все було не зовсім так, але що грудневі події відгукнулись в хохлацькому містечку міцними лозами, – залишається дуже правдоподібним як на ті часи» [2].

Сьогодні нам відомо, що страх влади був не безпідставним. Повстанців були готові підтримати кріпаки місцевої поміщиці графині Браницької, частина мотовилівських селян [3]. Серед кріпаків швидко поширились чутки про скасування кріпацтва. А мотовилівські селяни навіть бажали щастя С. Муравйову-Апостолу [4].

Автором записки є **Іван Андрійович Линниченко** (1857–1926) – професор Новоросійського університету, член-кореспондент Санкт-Петербурзької Академії наук. Він народився в Києві у сім'ї історика, доцента Київського університету Святого Володимира Закінчив київську Першу гімназію та історико-філологічний факультет університету Святого Володимира. Викладав у Московському та Новоросійському університетах. У 1884 р. захистив магістерську дисертацію, присвячену взаєминам Русі та Польщі, у 1894 р. – докторську дисертацію «Риси з історії станів Південно-Західної Русі». Досліджував різноманітні проблеми історії України, яку він не відокремлював від російської історії, добу Великого князівства Литовського і Речі Посполитої у XV–XVIII ст. Також писав історіографічні, краєзнавчі та літературознавчі розвідки. Збирав матеріали про історію Рішельєвського лицю, студентський рух в Новоросійському університеті. У 1917 р. виступив з критикою історичної концепції М. Грушевського та його прихильників (брошура «Малоруське питання та автономія Малоросії. Відкритий лист до

професора Грушевського»). У 1919 р. був звільнений з посади викладача університету. Після падіння більшовицької влади в Одесі та занятті його Добровольчою армією Линниченко деякий час працював у «Особливій нараді», потім виїхав до Криму. Помер у Сімферополі.

Документ зберігається в Державному архіві Одеської області (Ф. 153. – Оп. 1. – Спр. 120 «Заметки И. А. Линниченко о крестьянине из Василькова – современнике декабристов». – Арк. 1–1 зв.). Він має авторську назву «Записки о декабристах». Документ публікується відповідно до сучасних норм орфографії та пунктуації.

Лет тридцать пять тому назад один из моих знакомых, проживавший летом на даче недалеко от уездн[ого] гор. Киевской губ. Василькова¹ (др. Василев, об основании, которого см. любопытную легенду в летописи), узнал, что вблизи Василькова, в одном из сел, еще жив крестьянин, помнящий времена декабристов (известное Васильковское восстание). Едет он в Васильков, оттуда в названное ему село и отыскивает очевидца Васильковских событий 1825 г. Долго ему ничего не удавалось добиться от старика, отговаривавшегося тем, что он² давно все события этого времени запамятовал. Знакомый однако был человеком опытным в обхождении с народом. Заказал он полуштоф, добрую тарань, солидных размеров паляницу и предложил старику сие роскошное угощение. После четвертой рюмки доброй горилки язык старика начал развязываться и, пустившись в рассказы о давно прошедшем, он мало-по-малу дошел и до декабрьских дней в Василькове.

«Ось що було. Приїжджає якийсь пан та волає: “Хто тут у вас за соцького?” – “Та я ж, – кажу, – Карпо”. – “Збирай народ”. – Зібрав. – “Веди до церкви”. – Привів. – “Присягайте”, – каже. Присягнули.

Тільки так через тиждень, або два, приїжджає якийсь другий пан, та й волає: “Хто тут у вас за соцького?” – “Та я ж, – кажу, – Карпо”. – “Збирай народ”. – Зібрав. – “Веди до церкви”. – Привів. – “Присягали”, – питає. – “Кому присягали?” – “Та Кістянтину-ж”. – “Дать им по пятьдесят”. – Дали.

¹ Слово підкреслене.

² Слово вписане над рядком.

Тільки так за тиждень, або за два, приїжджає вже третій пан, якийсь генерал, сердитий, неначе звірюка, та й кричить, аж казиться: “Хто тут у вас... за сотского?” – “Та я ж, – кажу, – Карпо”.– “Присягали?”, – кричить. – “Та вже присягали, і Кістянтину, і Миколаю присягали, та вже не знаю, чого вам треба”, – підняв світу та й ліг».

Разошедшись, старик пошел сыпать рассказами, остротами, шутками. «Ось дождав я “до волі”. Іду до церкви, а там піп читає маніхвест: і так там усе розписано, і земля, кажуть, ваша, і воля ваша. Аж-но чую, на кінець піп читає – бути по усьому. От думаю така воля, то били по одному, а тепер вже будуть бити по усьому».

Примітки:

1. Украинская жизнь. – 1914. – № 1. – С. 90.
2. **Измайлов А.** Новости истории. (Обозрение журналов) // Исторический вестник. – 1914. – март. – С. 1120–1121.
3. **Киянская О. И.** Южный бунт: Восстание Черниговского пехотного полка (29 декабря 1825 – 3 января 1826). – М., 1997. – С. 104.
4. **Рябінін-Скляревський А.** На спогад Чернігівського полку (до століття декабристів) // Рух декабристів на Україні. – Харків, 1926. – С. 105; **Медведська Л. О.** Сергій Іванович Муравйов-Апостол. (Біографічний нарис). – К., 1961. – С. 137.

*Підготував до друку
Юрій Латини (Київ)*

РОЗДІЛ II

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ДЕКАБРИСТСЬКОГО РУХУ

*Валерия Балахнина
(Комсомольск-на-Амуре)*

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЧЕЛОВЕКА-ДЕКАБРИСТА

Современное состояние гуманитарных наук диктует необходимость нового осмысления, казалось бы, изученных проблем. Это касается и такого знакового для русской культуры явления, как декабризм, исследования которого представлены по большей части историческими работами, выполненными преимущественно в традиционном для историков алгоритме: выявление причин формирования декабризма, тайных обществ, анализ исторических событий и их последствий. Однако существует необходимость исследования культурно-исторической логики декабризма и социокультурного типа человека-декабриста, что может дать представление о реальном человеке эпохи и о том общественном и личностном идеале, к которому он был устремлён. Анализ мемуарного и эпистолярного наследия декабристов позволяет говорить об инвариантной модели человека-декабриста и её вариантных моделях, репрезентированных, с известной долей условности, историческими личностями.

Культурно-историческое время начала XIX века во многом созвучно современному периоду развития в поисках разумного общественного идеала, алгоритмов либерального развития государства. В своих характерологических особенностях «эпоха декабризма», отошедшая в прошлое и откристаллизовавшаяся, способна скорректировать наши представления о современном состоянии идей, идеалов, о векторе поиска возможностей и способов построения просвещённого общества и воспитания граждански и нравственно зрелого человека. В кризисной социокультурной ситуации, которая осознаётся многими учеными-

культурологами как «стадия всеобщего отчуждения, почти полного замещения естественно-личных связей вещными» (К. М. Кантор) активизируется интерес гуманитарных наук, в том числе и культурологии, к переломным эпохам русской истории и событиям, изменяющим ее ход. Исторически существующие люди, которые в русской культуре терминологически номинированы как декабристы, были носителями таких нравственно-психологических и историко-культурных концептов, как «совесть», «честь», «долг», «жертва во имя России» и другие, которые становятся особенно актуальными в настоящее время, ставящее перед современным поколением проблему самоопределения в пространстве служения отечеству.

При всей многотысячной и многожанровой исследовательской литературе о декабристах, созданной за 185 лет и имеющей разные оценки и подходы, её авторы сходятся в одном – в понимании и признании культурно-нравственного значения декабризма как явления в целом. Декабризм – просвещенческое общественно-политическое и социокультурное движение, формой консолидации участников которого были преимущественно тайные общества. В своей исторической динамике оно характеризуется радикализацией просвещенческой метаидеи преобразования жизни на разумных началах и эпохального конструкта служения Отечеству.

Понятийно-терминологическая структура «декабрист» сложилась во второй половине XIX века. Её семантика указывает на непосредственное или косвенное участие дворянства в вооружённом восстании на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. Первую попытку самоидентификации по отношению к декабризму как мировоззренческой и нравственно-этической системе участники тайных политических обществ предприняли спустя много лет после декабрьского восстания. Они указывали на неправомерность причисления к декабристам только тех членов тайных обществ, которые вышли на Сенатскую площадь. Так, Д. И. Завалишин в «Русском вестнике» за 1884 год писал: «... собственно декабристами ... названы только участвовавшие в бунте 14 декабря, но в таком случае это название не будет иметь того почетного звания, какое ему в тайне приписывали, а напротив, должно служить укоризной...». По его мнению, декабристами следует считать только тех, кто заложил основы декабризма, а не тех, кто участием в мятеже дискредитировал это движение.

Понятие «декабрист» в общественно-политической мысли России стало обобщенным обозначением людей, входивших в тайные союзы первой четверти XIX века (как политические, так и общественные), отдельных групп и личностей, не организованных в

общества, но представляющих собою оппозиционно настроенных граждан, принявших участие в мятеже на Сенатской площади.

Понятия «старшие» и «младшие» декабристы сформировались в современной исторической науке (В. М. Бокова). Они детерминированы историческим фактом распада «Союза Благоденствия» и образования «Северного» и «Южного» обществ, что привело к трансформации конечных целей организаций и приоритетных методов достижения поставленных задач. В. М. Бокова классифицирует декабристов и по социальному признаку, справедливо полагая, что «между «старыми» и «новыми» членами декабристского движения присутствовала постоянная разобщённость и взаимное непонимание; в новых организациях «старики» играли чаще всего роль «свадебных генералов», а когда дело дошло до действия, никто из «стариков» (за единственным исключением Сергея Муравьёва-Апостола), даже имея к тому возможности, не стал «участником мятежа» [4, с 12–13]. «Мятеж не только не был вершиной деятельности тайных обществ, – пишет исследовательница, – он ... даже не являлся её следствием. Его породило, главным образом, роковое стечение обстоятельств» [4, с. 13].

Однако формальные хронологические рамки, на наш взгляд, не являются единственным критерием дифференциации понятия «декабрист» и не исчерпывают его семантического поля.

Представляется возможным обозначить основателей общественно-политических организаций, которые ставили перед собой задачи преобразования России путём реформ и постепенного создания просвещённого государства, «декабристами без декабря» (Ю. М. Лотман). В своём подавляющем большинстве они, просветители и реформаторы, перестали участвовать в деятельности тайных обществ, осознав исчерпанность их социально-политических возможностей. В противоположную группу можно отнести радикально настроенных людей, вступивших в тайные общества в последние годы их существования, увлечённых идеей военного переворота, – это «декабристы-революционеры», узкий круг заговорщиков, к которому в последние месяцы и даже дни перед восстанием примкнули «декабристы по случаю», не имеющие ясного представления о конечной цели мятежа и оказавшиеся на Сенатской площади в силу стечения исторических обстоятельств. Объединяющим началом «декабриста-революционера» и «случайного декабриста», представленных преимущественно младшим поколением декабристов, является

социопсихологическая предрасположенность к политическому авантюризму и риску в силу стремления оказаться на первых ролях в русской истории, в которой они стремились занять ведущее место.

Вместе с тем анализ качественного состава участников декабристского движения позволяет выявить общие типологические черты, детерминирующие человека декабристского толка. Это даёт нам возможность сконструировать инвариант декабристского типа человека, который репрезентирован самыми последовательными членами тайных обществ, прошедшими весь путь от масонских организаций, ставящих своей целью нравственное преобразование человечества, до тайных политических союзов, полагающихся на радикальные методы борьбы за изменение существующей формы правления и военный мятеж.

Понятие «инвариант» мы соотносим с неким целым, реализующимся в модельных вариантах «декабриста без декабря», «случайного декабриста» или «декабриста-революционера», имплицитно содержащим в себе и основные признаки своей вариантной динамики и остающимся принципиально устойчивым в своем ценностно-смысловом ядре. Антропологическая модель человека, обладая системно-структурной целостностью ядра, одновременно включает и культурно-историческую изменчивость всех своих вариантных движений, в культуре она репрезентирует тип личности, который выражает стержневую идею эпохи, является носителем её духовных норм и ценностей, национальных и ментальных особенностей культурно-исторического человека.

Специфику антропологической модели можно определить несколькими параметрами, среди которых смыслообразующими являются: общественные идеалы, гражданская позиция, общественно-политические программы, тип частной и государственной деятельности, поведенческие роли, социально-психологический портрет, который включает в себя происхождение, принадлежность к той или иной социальной группе и личностные психологические особенности человека-декабриста.

Среди основателей тайных обществ преобладали представители российской аристократии – люди светские, часто титулованные, богатые, прекрасно образованные и с отменными жизненными перспективами, принадлежавшие к наиболее знатным семействам России, занимавшие видное общественное положение, склонные к политическому теоретизированию и в своих

теоретических построениях последовательны и достаточно реалистичны.

Их можно назвать «старшими декабристами». Почти все они прошли Отечественную войну и завершили её в высоких чинах, рано повзрослели, обрели жизненный опыт, научились властвовать над собой и другими. Это они были «детьми 1812-го года». Примечательную статистику по этому вопросу сделал А. А. Смирнов, проанализировав качественный и количественный составы осужденных участников декабрьского восстания. «Сопоставление количественных данных категорий офицеров, в составе общего числа осужденных, показывает, что 75% осужденных штаб-офицеров составляли участники Отечественной войны 1812 года», – пишет исследователь. Он отмечает также, что среди старшего поколения осуждённых декабристов, участвовавших в Отечественной войне 1812 года, не было лиц моложе 28 и лет. «А возраст – это прежде всего жизненный опыт, – справедливо замечает А. А. Смирнов, – существенно дополняющий профессиональные навыки. Возраст основной массы участников войны из числа осуждённых колеблется от 28 до 38 лет (26) человек. Как известно, это возраст наиболее активной деятельности» [4, с. 18].

Цифры говорят о том, что основную роль в подготовке послевоенных реформаторских преобразований в России играли «дети двенадцатого года». Из числа ветеранов Отечественной войны, несомненно, наиболее зрелых в умственном и нравственном отношении участников движения, приняли участие в мятеже 14 декабря 1825 года только трое: С. И. и М. И. Муравьевы-Апостолы и И. И. Сухинов, воевавший рядовым. Ещё двое ограничились лишь теоретическим содействием подготовки к мятежу, уклонившись от реального участия в нём: С. П. Трубецкой и В. И. Штейнгейль.

Именно «старшие декабристы» в наибольшей степени были склонны к политическим теориям, и в их среде находились авторы почти всех наиболее интересных политических конструкций – утопий и политических проектов, возникавших в недрах декабристского движения.

Характеризуя структурно-содержательные элементы вариантной модели «декабриста без декабря», следует отметить, что сущность их общественных идеалов определялась потребностью в просвещённой монархии, включением России в общеевропейский просвещенческий процесс, в духовно-нравственном воспитании гражданина и через «исправление» человека – совершенствование общества. Гражданская позиция

«декабристов без декабря» выражалась в стремлении к формированию общественного сознания через общественно-литературные кружки и журналы, открытые общественные организации, салоны, а также в неприятии оппозиционных власти политических движений. Доминирующей формой деятельности этих людей являлось реформаторское проектирование, ориентированное на сотрудничество с императором в деле служения Отечеству, личное участие в деле управления государством, а также практика «малых дел», способствующая постепенному и последовательному исправлению нравов и преобразованию государственной и общественной жизни на разумных началах.

Основные социально-психологические черты личности «декабриста без декабря» обуславливались принадлежностью к родовому дворянству и верой в привилегированность, избранничество дворянского сословия; следованию традициям просвещённой семейственности и потребности в образовании; преобладанием разумности над эмоциональностью в поступках и действиях, вследствие веры в превалирующие свойства разума, отсутствием политического авантюризма.

Те, кто вступил в общество в 1820-х годах, в массе своей либо не имели военного опыта, либо имели, но эпизодический, воевали в низших чинах, находились в положении подчинённых. Они и стали второй волной декабристского движения, его молодым пополнением. Поколение «молодых» декабристов было проникнуто патриотизмом и героическим духом. Не успев реализовать себя в войне с Наполеоном, они жаждали полезной деятельности и славы, которая досталась их «старшим братьям».

Социокультурный облик новообращённых тоже во многом отличался от облика деятелей предшествовавших лет. Здесь уже достаточно редко встречались представители знати, преобладали выходцы из мелкопоместных и беспоместных, низовых, полунищих дворянских слоев – несветские, почти не учившиеся, не понаслышке знакомые с нуждой, обиженные на судьбу, практически никогда не участвующие (в основном по возрасту) в Отечественной войне. Анализ качественного состава Северного общества, которое в 1823 году возглавил К. Ф. Рылеев, наглядно демонстрирует, что большинство «рылеевцев» по своему социальному статусу принадлежали к тому «предразночинскому» (Бокова В. М.) слою, который выделился и обособился в Петербурге уже в начале XIX века. Среди «молодых» декабристов было немало представителей разорившегося дворянства, «игрою счастья обиженных родов» (М. Ю. Лермонтов), которые учились на «медные» (заработанные)

деньги и сами сделали себе карьеру. Так, Ю. М. Лотман в работе «Декабрист в повседневной жизни» называет Д. И. Завалишина, хоть и имеющего дворянское происхождение, но вынужденного зарабатывать себе на жизнь, разночинцем-интеллигентом рубежа XVIII и XIX веков: «шестнадцати лет был определён преподавателем астрономии и высшей математики в Морской корпус, ... а восемнадцати отправился в учёное кругосветное путешествие» [5, с. 368].

Характеризуя социальный состав Северного общества 1823 – 1824 годов, исследователь Патрик О'Мара пишет: «они принадлежали к мелкопоместному дворянству, (...) не могли полагаться на один лишь доход со своих имений, чтобы обеспечить приличное существование. А поскольку в качестве представителей малоимущего дворянства они должны были добывать себе средства к существованию военной или штатской службой, у них, совершенно естественно, был непосредственный опыт столкновений с теми аспектами русской действительности, которые пробуждали, а затем питали их свободолюбивые воззрения» [6, с. 141].

Показателен весьма низкий уровень образования младшего поколения декабристов. Например, М. А. Бестужев, которого нельзя упрекнуть в неприязни к Н. И. Лореру (они были очень дружны), так его характеризует: «Не обладая большою образованностью, он между тем говорил на четырёх языках ... и на всех через два слова на третье делал ошибку, а между тем какой живой рассказ, какая теплота, какая мимика!» [2, с. 263]. Н. В. Басаргин о своём начальном образовании говорит в мемуарах: «Три лучшие года юности я, как говорится, бил баклуши у отца в деревне. Он был человек уже пожилой, чрезвычайно добрый, но ... считал образование скорее роскошью, чем необходимостью» [1, с. 305]. Документы свидетельствуют, что младшее поколение декабристов было лишено той преемственности в просвещенческих традициях, которая сыграла большую роль в формировании мировоззрения старших декабристов, и даже если младодекабристы получали хорошее образование, они уже не имели той тесной связи с предыдущим поколением, которая обусловлена просвещённой семейственностью; всё это не могло впоследствии не сказаться во взглядах и поступках декабристов, вышедших на Сенатскую площадь.

Реальная нужда, столкновение с теневыми сторонами российской действительности, утрата родового статуса не могли не повлиять на мировоззрение будущих участников декабрьского восстания. В этой среде можно заметить выраженную социальную

неприязнь к старшему поколению «баловней» судьбы. Например, общеизвестен факт, что И. И. Горбачевский, прочтя записки И. И. Пущина о Пушкине, рассуждал в письме к М. А. Бестужеву: «Прочти со вниманием об их воспитании в лицее. ... Такая ли наша жизнь в молодости была, как их? Терпели ли они те нужды, то унижение, те лишения, тот голод и холод, что мы терпели..?» [3, с. 360, 362]. Это молодое, более радикально настроенное поколение было готово на многое, чтобы вырваться из бедности и безвестности, особенно если при этом можно было составить и благо отечества. Большинство из них, в отличие от «старших», было равнодушно к теории и отвлечённым вопросам, но зато буквально «рвалось в бой». Характерно восклицание члена Общества соединённых славян А. Кузьмина: «Знать я не знаю ваших конституций, революций, республик; мне бунт давайте!» [3, с. 382].

Среди этих «новых» людей встречаются люди экзальтированные, увлекающиеся, красноречивые, воспринимающие мир сквозь романтические образы, несколько инфантильно, чьё поведение в большой степени диктовалось литературными текстами. Их теоретические воззрения отличались эклектичностью, соединением элементов радикальных, либеральных и просвещенческих концепций, причём на словах преобладала радикальность, а на бумаге, если кто-то из них обращался к теории (В. И. Штейнгейль, Г. С. Батеньков, А. О. Корнилович), фиксировались более чем умеренные положения.

Таким образом, среди участников декабрьских событий находились и незначительная группа радикально настроенных людей (К. Ф. Рылеев, С. И. Муравьев-Апостол, М. С. Лунин), и подавляющее большинство молодых людей с романтическими по преимуществу иллюзиями и увлечениями (А. И. Одоевский, В. К. Кюхельбекер, Д. И. Завалишин, М. П. Бестужев-Рюмин и многие другие), и люди авантюрного склада, исполняющие взятую на себя роль героя-тираноборца (П. Г. Каховский, А. И. Якубович).

Младодекабристы явили в своей гражданской и личной практике особый антропологический тип. Они были не профессиональными революционерами, не рациональными мыслителями (на пример мыслителей XVIII века), но мечтателями на русский манер. Теории быстрого (бескровного) преобразования России через военный переворот, политические и социальные проекты нового государственного порядка, «усвоенные несколькими людьми с пылкой фантазией, доказывают, без сомнения, прекрасные намерения, даже энтузиазм, но почти не обещают

никаких осязательных результатов» [8, с. 127] , – к такому выводу приходит много лет спустя Н. И. Тургенев.

Структурно-содержательные элементы вариантной модели «декабриста-революционера» можно резюмировать так: общественные идеалы обуславливаются республиканскими симпатиями, признанием необходимости диктатора, возглавляющего Временное правительство; гражданская позиция выражается в жесткой оппозиции к существующему правительству и упованием на радикальные немедленные изменения – вооружённый переворот, мятеж, цареубийство.

Основные социально-психологические черты личности «декабриста-революционера» обуславливались принадлежностью к мелкопоместному и беспоместному дворянству, преимущественно к младшему офицерству; ключевыми личностными характеристиками, определившими его поведенческие модели, стали политический авантюризм, максимализм и экзальтированность, влияние романтических литературизованных моделей на поведенческие мотивы, жизнотворчество.

Следовательно, если «старшие» декабристы имели совершенно конкретное представление о том, каким желательно быть будущему России, но по сути ничего не сделали для воплощения своих планов в жизнь, то «новые» члены общества хотели действовать ради самого действия. Можно сказать, что для них это было своего рода эрзацем Отечественной войны, попыткой восполнить недостаток героического прошлого в собственной биографии. В результате между «старыми» и «новыми» декабристами присутствовала постоянная разобщённость и взаимное непонимание. В новых организациях «старики» чаще всего выполняли функцию «идеологической эмблемы», а когда дело дошло до действий, никто из них (за единственным исключением Сергея Муравьёва-Апостола), даже имея к тому все возможности, не стал участником мятежа (С. Г. Волконский, А. З. Муравьёв, С. П. Трубецкой и др.).

Сложилась уникальная по своему существу ситуация: олицетворяли декабризм одни люди, а на площадь вышли в своем большинстве другие. Мятеж не только не был вершиной деятельности тайных обществ, он, в сущности, даже не являлся её следствием. Его породило, главным образом, роковое стечение обстоятельств, а в итоге не только пострадало значительное число вполне безвинных людей, но и сами благие и насущные идеи были дискредитированы. Не случайно, когда ссыльных пытались поздравлять с годовщиной мятежа, те говорили в ответ, что «14-е

декабря нельзя ни чествовать, ни праздновать; в этот день надо плакать и молиться» [7, с. 144].

Обобщённый инвариантный тип антропологической модели, обозначаемый понятием «декабрист», обладает, с одной стороны, цельностью и завершенностью, с другой – сложностью и противоречивостью. основополагающей чертой этого типа, определившей и общественные идеалы, гражданскую позицию и поведенческую мотивировку, является принадлежность к родовому просвещённому дворянству, которая обусловила формирование программ просвещённого развития государства, следующего по национальному пути. Неопозиционность правительству определила характер и время необходимых преобразований: декабрист планировал изменить существующий строй путём постепенных и последовательных долговременных реформ, среди которых первоочередными признавались «малые дела», направленные на гражданское становление и свободу личности и связанные с улучшением положения крестьянства. Для достижения поставленных задач декабристы объединяются в общественные и тайные организации преимущественно на почве родственных и дружеских связей; с помощью литературных и общественно-политических журналов стремятся сформировать общественное мнение и распространять просвещенческие идеи. Доминирующей социально-психологической особенностью личности декабриста было разумное начало, которое определило его поведенческие роли и обусловило такие личностные особенности, как единство слова и дела, мотивировка поступков кодексом чести офицера; нравственная цельность; политическая осторожность, отсутствие авантюризма в словах и действиях.

Человек-декабрист, отличительной чертой которого становится преобладание нравственного императива в процессе формирования идеологической и политической платформы деятельности, включает в себе несколько потенциальных возможностей социально-исторических реализаций. В конкретной историко-культурной ситуации середины 20-х годов XIX века он находит своё воплощение в декабристе-революционере, который преступает через просвещенческую идею и в бунте на Сенатской площади предпринимает появление на исторической арене нового человека – разночинца. Следовательно декабризм как культурно-историческое явление правомочно рассматривать в качестве завершающей фазы эпохи Просвещения, а события на Сенатской площади – в качестве окончательного отказа от возможностей либеральных реформ.

Источники и литература:

1. **Басаргин Н. В.** Воспоминания, рассказы, статьи / Изд. подгот. И. В. Порохом. – Иркутск, 1988. – 544 с.
2. Воспоминания Бестужевых. / Ред., ст. и коммент. М. К. Азадовского. – М.–Л., 1951. – 892 с.
3. **Горбачевский И. И.** Записки и письма. – М., 1963. – 387 с.
4. Декабристы и их время // Труды ГИМ. – М., 1995. – Вып. 88. – 288 с.
5. **Лотман Ю. М.** Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб., 1994. – 399 с.
6. **О'Мара П.** К. Ф. Рылеев. Политическая биография поэта-декабриста. – М., 1989. – 336 с.
7. Русский архив. – 1886. – № 5; 1878. – № 6.
8. **Тургенев Н. И.** Россия и русские. – М., 2001. – 743 с.

ДО ПИТАННЯ УЧАСТІ А. В. ЄНТАЛЬЦЕВА В ДІЯЛЬНОСТІ КАМ'ЯНСЬКОЇ УПРАВИ ПІВДЕННОГО ТОВАРИСТВА

А. В. Єнтальцев – один із маловідомих учасників декабристського руху, ім'я якого в величезному масиві декабристознавчої літератури якщо й згадується, то найчастіше побіжно, в переліку імен інших декабристів в зв'язку з тією чи іншою подією пов'язаною з декабристським рухом. Винятком є хіба що декілька драматичних епізодів з його життя сибірського періоду, які знайшли відображення як в науковій так і в науково-популярній літературі [1]. Частіше згадується ім'я Єнтальцева в передмовях до видання епістолярної спадщини членів Кам'янської управи О. В. Поджіо і В. Л. Давидова, але тільки якщо це якимось чином впливає на характеристику діяльності останніх [2]. Тому нам здається важливим виявити роль А. В. Єнтальцева в роботі Південного товариства, міру його участі в підготовці повстання, зокрема в останній період існування товариства і, таким чином, привернути увагу сучасників і до декабристського руху, інтерес до якого останнім часом майже зник, особливо в Україні, і до конкретної постаті декабриста А. В. Єнтальцева, сутності його дій, поглядів і життєвих принципів.

Основним джерелом для даної роботи стала слідча справа самого Єнтальцева, а також слідчі справи інших членів Кам'янської управи: С. Волконського, В. Давидова, В. Лихарьова, О. Поджіо і Й. Поджіо, видані під редакцією академіка М. В. Нечкіної.

Андрій Васильович Єнтальцев походив з дворян, але не з потомственних. Його батько вислужився до колезького асесора із «купеческих дітей» [3, с. 66] Мати була дочкою генерал-майора Черешникова, убитого під Жужомою в 1771 році. Сім'я Єнтальцевих не мала ні маєтку, ні селян. В 1798–1800 роках майбутній декабрист виховувався в Петербурзі, в пансіоні Мейсера. Як відомо, намагаючись вияснити витoki радикальних поглядів декабристів, члени слідчого комітету всім задавали одне і теж питання: які навчальні предмети найбільше вплинули на формування їх світогляду і чи не слухали вони ще якихось додаткових лекцій. Відповідаючи на подібне запитання Єнтальцев стверджував, що основним його захопленням під час навчання були малювання і математика. Очевидно саме любов до математики визначила

подальшу його долю. В 1801 році він стає юнкером 2 артилерійського польового батальйону і відтоді вся його військова кар'єра пов'язана була з артилерією. В 1804 році Єнтальцев проходить курс артилерійських наук в полковому закладі. На відміну від більшості декабристів, які вперше бойовий досвід отримали у війні 1812 року, Єнтальцев вже в 1806–1807 рр. бере участь у прусській кампанії. Свій перший офіцерський чин підпоручика він отримує 1807 році, але скупий службовий формуляр свідчить, що ще в 1806 році Єнтальцев: «...находился и был в делах против неприятеля, при реке Нареве в продолжение ноября месяца в перестрелках и передовых атаках, командуя двумя орудиями ...» [4, с. 225]. Так що війну з Наполеоном він зустрів вже бойовим офіцером, який чимало пережив, в тому числі поранення, і чимало побачив. Такий досвід багато чого був вартий, адже в російській армії напередодні війни 1812 року, особливо увагу звертали на артилерійську службу, розуміючи, що саме артилерія буде грати одну із вирішальних ролей в очікуваній війні. З самого початку цієї кампанії Єнтальцев «в действительных сражениях находился» [4, с. 225]. А «действительные сражения» – це відступ з боями разом зі своєю армією, це участь в кровопролитній битві під Смоленськом, де особливо відзначився 4 серпня, коли за один цей день корпус генерала Раєвського втратив більше тисячі людей. Цього дня практично не замовкала артилерійська канонада і Єнтальцев за «отличие» в битві під Смоленськом отримав звання штабс-капітана. Він брав також участь у багатьох найважливіших битвах цієї війни, за що був нагороджений орденом святого Володимира 4 ступеня. В 1819 році Єнтальцев отримує звання підполковника.

25 років бездоганної служби, удостоєний нагород, подяк, не маючи статків, а тільки старання до служби. Ось з таким послужним списком бойовий офіцер стає членом таємного товариства Союз благоденства, до якого його приохотив майор П.Аврамов. Щодо дати вступу до цієї організації то свідчення на слідстві Аврамова і Єнтальцева розходяться. Так Аврамов називає найвірогіднішим 1820 рік, хоча припускає при цьому, що це могло бути і в 1819 році. Сам же Єнтальцев називає 1820 чи 1821 рік. За браком даних точну дату встановити неможливо, тому в декабристській історіографії прийнято, як найбільш вірогідну, версію Єнтальцева. Цікавим, і таким, що підкреслює його моральні якості, на наш погляд, є пояснення підполковника своїх мотивів вступу до цієї організації. Коли, як він стверджує, у Тульчині йому представляли Союз благоденства «под именем человеколюбивого или благотворительного общества... и спрашивали, желаю ли я быть

членом общества; я отвечал, что к доброму делу я охотно причащен» [4, с. 233]. Оця потреба добрих справ і привела Єнтальцева до Союзу благоденства, на базі якого були пізніше створені Південне і Північне товариства. Але ставши членом Союзу благоденства він скоріше за все не брав активної участі в його діяльності, зокрема і тому, що його рота довгий час знаходилась далеко від Тульчина, в Бессарабії, і таким чином Єнтальцев опинився поза впливом найактивніших апологетів таємного товариства.

Власне, ми мабуть ніколи і не почули б про такого декабриста як Єнтальцев, якби в січні 1823 року він не був призначений командиром 27 кінно-артилерійської роти, місцем дислокації якої стало містечко Олександрівка, що зовсім поруч з Кам'янкою, одним із центрів декабристського руху на Півдні. Єнтальцев став часто бувати в Кам'янці у Давидових. Між ним і В. Давидовим встановились приятні, навіть дружні стосунки. Як відомо на початку 1823 року була створена Кам'янська управа Південного товариства на чолі з В. Давидовим і С. Волконським. А вже в листопаді цього ж року, як свідчить Пестель, він передав до цієї управи підполковника Єнтальцева. Сам Єнтальцев так описує епізод розмови з Пестелем: «В 1823 году, в ноябре месяце, в день святой Екатерины, в доме полковника Давидова находясь, Пестель отозвал меня в особливую комнату и начал говорить, что я принадлежу обществу и надобно действовать...» [4, с. 244]. Нагадавши Єнтальцеву про його участь у Союзі благоденства глава Південного товариства виклав програму цієї організації: «...говоря, что мы сами виновны, что терпим, надобно революцию и возвести конституцию и с сильным негодованием касался до священних особ императорской фамилии, не скрывая намерения своего покуситься и на самую жизнь» [4, с. 244]. Тут ми бачимо, що Пестель був повністю відвертий зі своїм співрозмовником щодо мети товариства і методів її досягнення. Адже прийому до Південного товариства саме командирів військових підрозділів, які мали в своєму розпорядженні реальні військові частини, Пестель надавав особливої ваги. Перед Єнтальцевим, як членом товариства, було поставлено завдання: «... принимать в оное людей надежных, излагать свои мнения письменно к пользе общества, приуготовлять роту к возмущению...» [4, с. 239]. Передавши Єнтальцева в розпорядження Кам'янської управи Пестель, тим самим, започаткував прийом до цієї управи нових прибічників товариства. Таким чином саме Єнтальцев став першим членом Кам'янської управи окрім, звичайно ж, її керівників. Вже пізніше, в 1824 році, Давидов залучив до товариства В. Лихарьова [5,

с. 19] і Й. Поджіо [4, с. 163] Після приїзду в родинний маєток членом Кам'янської управи став також О. Поджіо. Основними завданнями Кам'янської управи було залучення нових членів безпосередньо у військах та робота серед військових поселень, на підтримку яких дуже розраховував глава Південного товариства. Причиною, чому саме цій управі була доручена робота серед військових поселень, було те, що ці поселення знаходились зовсім поруч з Кам'янкою. В Кам'янській управі не раз обговорювались плани залучення військових поселень до майбутнього виступу. Єнтальцев, який був постійним учасником цих розмов, на слідстві змушений був визнати, що в Кам'янці: «... бывали разные разговоры, до тайного общества касающиеся, и о разных предметах, о военном поселении, что туда можно бы кого-нибудь поместить для содействия обществу» [4, с. 238]. І тоді сам Єнтальцев запропонував свою кандидатуру на вкорінення у військові поселення при умові, що йому дадуть під команду полк. Давидов погодився цьому сприяти. Власне це було першою спробою активної зацікавленості Єнтальцева у справах товариства. Але припускаємо, що в цій ситуації превалювали не тільки суспільні інтереси. На наш погляд тут збіглися інтереси і товариства, і самого Єнтальцева, адже йому, безпомісному дворянину, що не мав сановних покровителів, просуватись службовою кар'єрою було не просто. Скориставшись підтримкою впливових осіб, до яких безперечно мав доступ Давидов та й інші члени Південного і Північного товариств, він міг значно покращити своє становище, в тому числі й матеріальне. Ну а в планах керівників Південного товариства цей авторитетний підполковник, що «... влиянием своим мог многих преклонить...» [6, с. 64], без сумніву посідав не останнє значення. Так під час вироблення на початку грудня 1825 року Пестелем, за участю керівників Кам'янської управи, так званого «плану 1 січня 1826 року» [7, с. 205], глава Південного товариства просив Давидова передати Єнтальцеву, щоб після початку повстання: «... он с ротою присоединился в том месте, о котором ему дадут знать» [8, с. 212]. Давидов передав це прохання Єнтальцеву в нього вдома, в Олександрівці, в присутності Лихарьова і братів Поджіо (за версією О. Поджіо це сталося в Бовтишці на іменинах у Раєвського», але Давидов це заперечував, стверджуючи: «скільки помню, то Янтальцеву я сказав то, что в прежних ответах моих объявил, на собственной его квартире, а не у брата моего Раевского»). На слідстві Єнтальцев уточнював, що йому у випадку початку виступу було запропоновано іти в напрямку 3 корпусу на з'єднання з Пестелем. Правда цю перспективу своєї участі у повстанні Єнтальцев сприйняв досить прохолодно, відповівши

Давидову: «Я знаю сам, что делать и пойду куда хочу» [4, с. 97]. Давидова, ображеного такою відповіддю друга, заспокоював О. Поджію, стверджуючи: «Не беспокойтесь, Ентальцев везде свое место займет» [4, с. 99]. О. Поджію взагалі покладав великі надії на Ентальцева, що особливо проявилось під час вироблення плану дій Кам'янської управи після арешту Пестеля. А цей період в діяльності управи, на наш погляд, має надзвичайно важливе значення хоча б тому, що на короткий термін, з 21 і по 26 грудня, саме ця гілка Південного товариства стала центром вироблення тактики декабристів в умовах, коли незаперечний лідер товариства П. І. Пестель був заарештований. І в цих подіях був дуже активно задіяний Ентальцев. Про арешт Пестеля і про те, що уряду стали відомі імена багатьох членів таємного товариства йому розповів Волконський, який застав Ентальцева у Бовтишці, в будинку свого тестя М. М. Раєвського. Волконський попросив Андрія Васильовича передати Давидову, братам Поджію і Лихарьову, щоб вони знищили всі папери, які могли б стосуватися діяльності товариства. 21 грудня, приїхавши на званий обід до О. Л. Давидова в Грушківку, Ентальцев передав слова Волконського іншим членам Кам'янської управи, хоча їм на той час уже все було відомо, адже після Ентальцева Давидов також зустрічався з Волконським. Пригнічені звісткою всі роз'їхались знищувати компрометуючі папери. Скоріше за все Ентальцев не лукавив на слідстві, коли стверджував, що йому нічого було знищувати, зате Давидов, поряд з іншими матеріалами спалив і деякі вірші Пушкіна [8, с. 216]. А вже з наступного дня в Кам'янській управі розпочалось обговорення можливостей втілити в життя завдання товариства – підняти збройне повстання. Генератором ідей виступив один із найдієвіших членів управи О. В. Поджію. 22 грудня він приїздить в Олександрівку до Ентальцева з листом, адресованим Волконському, в якому був викладений конкретний план дій по звільненню з-під арешту Пестеля і підняття повстання на Півдні, а 23 грудня Ентальцев їде у Бовтишку, щоб передати цей лист адресату і повернутись з відповіддю від Волконського. Про зміст листа Ентальцев був дуже добре проінформований, адже Поджію йому його зачитав. Але особливого запалу стосовно запропонованих дій не проявляв, навіть навпаки вважав, що нічого не потрібно починати і був дуже скептично налаштований щодо Волконського, вважаючи, що той діяти не буде. Цю розмову з Ентальцевим О. Поджію в показаннях на слідстві датує не 22 а 23 грудня, можливо тому, що залишившись ночувати в Олександрівці вони проговорили далеко за північ. Тому саме цієї дати (23 грудня) будемо дотримуватись і ми. Питання, які піднімали під час цієї розмови Ентальцев і О. Поджію,

були настільки важливі для розуміння діяльності всього Південного товариства в цей період, що слідчий комітет навіть попросив О. Поджіо уточнити: «о чем именно вы весьма много говорили с Ентальцевым в то время, когда приехал к нему с письмом для Волконського, вы ночевали у него» [6, с. 57]. Саме у відповіді О. Поджіо на це питання знаходимо підтвердження того факту, що після арешту Пестеля Кам'янська управа практично взяла на себе функції керівництва Південним товариством: «... говорили о том, что вероятно Муравьев (С. Муравйов-Апостол – Л. Б.) что-нибудь да предпримет, и что для сего непременно мне должно с ним видетсья и иметь верное решение здешних членов (Кам'янської управи – Л. Б.)» [6, с. 62]. Тут же Поджіо підкреслює, що Ентальцев говорив: «... о негодовании поселян, и говорил, что если бы я пошел то пошел на поселян» [6, с. 62]. Закінчуючи зізнання він стверджує, що саме така розмова відбулась 29 грудня. На наш погляд тут зроблена чисто механічна помилка. Адже рукописне написання цифри 3 дуже схоже на 9, і при підготовці до друку матеріалів слідчої справи на це могли не звернути уваги. Крім того, могла бути описка і самого О. Поджіо, адже в наступному пункті своїх зізнань він розповідає про свою розмову з братом Йосипом саме 29 грудня, після арешту в їхньому домі В. Лихарьова. В той же час О. Поджіо називає саме 23 грудня коли уточнює свою відповідь на питання про участь Ентальцева в діяльності товариства: «... что 23-го же числа когда я говорил Ентальцеву, что если решатся здешние члены на действие то сообщу сие Муравьеву» [6, с. 64]. Як бачимо, мова в обох випадках стосується одного й того ж предмету – згоди членів Кам'янської управи на повстання і налагодження зв'язків з С. Муравйовим-Апостолом. Така розмова не могла відбутись 29 грудня, бо вже 26 грудня рухнули надії на згоду всіх членів Кам'янської управи до ведення активних дій і відповідно відпала потреба зв'язуватись з Муравйовим-Апостолом. Саме в цей день в Олександрівці, на квартирі Ентальцева, брати Поджіо і Лихарьов дізнались про відмову Волконського прийняти до реалізації запропонований план. Відомо, що він відмовився давати письмову відповідь на лист О. Поджіо і просив Ентальцева усно повідомити своїх колег по управі, що в нього на такі дії немає ні бажання ні засобів. Той же Волконський свідчить, що хоча і від самого Ентальцева: «...я от него не имел предложения что он готов к содействию» та все ж той таки дорікнув Сергію Григоровичу: «... где же те силы о которых мне так часто твердили...» [23, с. 64]. Відмова Волконського практично поставила хрест на планах повстання і хоча О. Поджіо наполягав, що при коронації можна зробити спробу замаху на царську сім'ю та ніхто із

присутніх його не підтримав і вирішено було не вживати ніяких дій. О. Поджіо також приводить слова Єнтальцева, сказані ним в себе вдома під час обговорення відмови Волконського: «вот это мое мнение дожждаться какой оборот примет дело а до того ни на что не покушаться» [8, с. 61]. Скоріше за все О. Поджіо мав на увазі в тому числі і цю розмову коли свідчив про Єнтальцева: «при получении известия о арестовании он много тужил о участи арестованных, а еще более о будущем. Но действовать не хотел, говоря что должно ждть последствий дела, и естльи пойдет худо то тогда уже нечего делать. В таком случае только пойду на пролом, и пойду на поселения» [6, с. 64]. Єнтальцев на слідстві не відрікався від цих слів, правда запевняючи, що таким чином намагався відкараскатись від нав'язливих пропозицій відправити його роту на з'єднання з бунтівниками.

Таким чином, на наш погляд, саме нараду в Олександрівці 26 грудня, слід вважати кінцевою датою спроб вироблення планів, щодо підняття повстання на Півдні. Опісля, роз'їхавшись по домівках, всі стали чекати арештів, які не забарились.

5 січня 1826 року в Олександрівку прибув командир бригади полковник Карпович і опечатавши всі папери Єнтальцева відправив їх у Тульчин. Туди ж 6 січня виїхав і Єнтальцев, де і був взятий під арешт. До речі, всі турботи про майно засудженого Єнтальцева взяв на себе генерал М. М. Раєвський.

Підсумовуючи сказане, варто визнати, що підстав для того щоб вважати Єнтальцева діяльним членом товариства немає. Всі, без винятку, члени Кам'янської управи стверджують, що справами товариства він майже не займався, віддаючи перевагу службовим своїм обов'язкам по керівництву ротою. Він так нікого і не прийняв до товариства, коли ж виникла потреба використати його роту, намагався уникнути такого розвитку подій. Єнтальцев не міг виконати ще одного завдання, яке стояло перед ним, як членом таємного товариства – готувати роту до повстання. Адже він належав до тих декабристів, які вважали, що головна дійова особа – командир ввіреної йому військової одиниці, а підлеглі зобов'язані підкоритись його наказу. Так в розмові з І. І. Горбачевським, уже в Сибіру, Єнтальцев спитав його навіщо у 8-й артилерійській дивізії оголосили солдатам про задум перевороту. Почувши думку Горбачевського зауважив: «Этого никогда не должно делать: я бы свою роту, если бы она за мной не пошла, погнал бы палкой» [9, с. 33]. Строгість Єнтальцева, як командира, також підтверджував і О. Поджіо.

Водночас очільники Південного товариства використовували ім'я Єнтальцева для того, щоб переконати своїх колег із Північного

товариства як багато керівників військових підрозділів готові діяти. Так про якогось артилерійського полковника Єнтальцева, що є членом таємного товариства згадали на слідстві і С. Трубецький (це сталося якраз 23 грудня), і К. Рилєєв (26 грудня) – члени Північного товариства, які звичайно ж могли знати про нього тільки із розмов з Пестелем, Давидовим чи Волконським. Цікаво, що саме ці два дні – 23 і 26 грудня були найбільш насиченими в діяльності Єнтальцева, як декабриста, і саме в ці дні, десь далеко, в Петербурзі, його доля була вже вирішена. Правда наказ про арешт Єнтальцева було підписано дещо пізніше – 30 грудня.

Єнтальцева можна назвати людиною слова: один раз вступивши до таємного товариства, яким був Союз благоденства, Єнтальцев вважав неможливим від нього відректись і не зміг відмовитись від співпраці з Південним товариством.

Попри власну волю Єнтальцев виявився в епіцентрі подій, пов'язаних зі спробою Кам'янської управи організувати повстання після арешту Пестеля. Уникнути цього він не зміг, але й діяти бажання не виявляв.

Джерела та література

1. Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XIX в.). – Новосибирск, 1975; Сибирь и декабристы. – Вып. 5. – Иркутск, 1988; **Гессен А. И.** Во глубине сибирских руд. – М., 1976.
2. **Василий Львович Давыдов.** Сочинения и письма. – Иркутск, 2004. – (Серия «Полярная звезда»); **Александр Викторович Поджио.** Записки, письма. – Иркутск, 1989. – (Серия «Полярная звезда»).
3. Декабристы. Биографический справочник. – М., 1988.
4. Восстание декабристов. Документы. – Т. 12. – М., 1953.
5. **Василий Львович Давыдов.** Сочинения и письма. – Иркутск, 2004.
6. Восстание декабристов. Материалы. – Т. 11 – М., 1954.
7. **Нечкина М. В.** Движение декабристов. – Т. 2. – М., 1955.
8. Восстание декабристов. Материалы. – Т. 10 – М., 1953.
9. **Горбачевский И. И.** Записки. Письма – М., 1963.

Сергій Гвоздков
(Київ)

«ЗАПИСКИ КНЯГИНИ М. М. ВОЛКОНСЬКОЇ» ЯК ДЖЕРЕЛО ХУДОЖНЬОГО ЛІТОПИСУ ДЕКАБРИЗМУ

Інтерес до життя та діяльності декабристів обумовив появу великої кількості наукових досліджень, художньої літератури на цю тему. Але без знання долі дружин, матерів, сестер декабристів неможливо в повному обсязі відновити картину суспільного життя третини століття після повстання на Сенатській площі, висвітлити роль декабристів та їхній вплив на сучасників, а також на наступні покоління співвітчизників.

Для виявлення ролі жінок величезне значення мають для дослідників мемуари декабристів та їх дружин. Ці документи настільки цікаві, що вони постійно привертають увагу не лише істориків, але й діячів культури: письменників, режисерів, художників, які використовують спогади як джерело для створення власних творів, кінофільмів, картин.

Одним із таких джерел є «Записки княгині М. М. Волконської», з яких письменники беруть багатий матеріал для втілення своїх творчих задумів. Хоча сама М. М. Волконська сором'язливо вказувала у своїх мемуарах, що не володіє «даром оповідача», її «Записки» яскраві, дотепні, відверті. Вони створені на схилі років жінкою, яка пройшла випробування 1825 року, сибірську каторгу. Спогади охоплюють період від заміжжя Марії Миколаївни (дівоче прізвище – Раєвська) у 1825 році (вінчання відбувалося у київському храмі Спаса на Берестові) до повернення з Сибіру.

Княгиня писала записки французькою мовою як один довгий лист до свого сина. Призначалися вони для читання лише в родинному колі. Тому син М. Волконської Михайло Сергійович на початку ХХ ст. не без остраху взявся за видання спогадів матері. Проте «Записки», які з'явилися друком у 1904 році, мали такий успіх, що за два роки видання довелося повторити. І в подальшому мемуари видавалися неодноразово.

У історіографії протягом ХХ ст. про особистість М. М. Волконської писали відомі дослідники руху декабристів М. В. Нечкіна у двотомній праці «Движение декабристов», А. І. Гессен в документальній повісті «Во глубине сибирских руд», П. Є. Щоголев у книзі «М. Волконская», Е. Павлюченко в книзі «В добровольном изгнании», О. Попова в публікаціях 1934 р. «История

жизни М. Н. Волконской» тощо. Проте історики більше висвітлюють особистість самої дружини декабриста, ніж звертають увагу на створені нею мемуари, які в історіографічній літературі недостатньо досліджені й оцінені. Але ще у XIX столітті до «Записок княгині М. М. Волконської» звернувся першим не історик, а літератор – поет М. Некрасов.

Першим художнім твором, в основу якого лягли «Записки княгині М. М. Волконської», став II розділ поеми російського поета М. О. Некрасова «Російські жінки» під назвою «Княгиня М. М. Волконська» (1872 р.). Відома історія ознайомлення Миколи Олексійовича Некрасова з мемуарами княгині: син Марії Миколаївни, почувши від поета про його задум створити епопею про героїчних російських жінок, розповів йому про існування в домашньому архіві спогадів матері. М. О. Некрасов довго просив Михайла Сергійовича дати йому записки, але той посилався на рідинний характер спогадів, проте врешті-решт погодився сам прочитати їх поету і перекласти з французької, якої Некрасов не знав. Декілька вечорів М. С. Волконський читав поету спогади матері, Некрасов часто просив зупинитися, бо сльози душили його, настільки зворушливою була оповідь [1, с. 326]. Так ще не надруковані мемуари стали джерелом знаменитої поеми про дружин декабристів. Поет зберіг в поемі оповідь від першої особи та хронологічну послідовність подій, що характерно і для спогадів, але М. Некрасов закінчив твір прибуттям своєї героїні в Сибір та зустріччю з чоловіком – Сергієм Григоровичем, не розповідаючи, як авторка «Записок», про тривале перебування на каторзі й на поселенні.

Поет, як і сама М. Волконська, почав розповідь з того, що дівчину видали заміж за блискучого генерала, якого вона майже не знала. Скупі рядки спогадів, а також поеми дають уявлення про те, що майже весь перший рік після одруження минув у розлуках, адже С. Г. Волконський постійно перебував на службі. Коли був арештований П. Пестель, князь приїхав уночі додому, щоб знищити папери, чим дуже налякав Марію Миколаївну, яка й гадки не мала про існування таємного товариства. Про ув'язнення чоловіка княгиня дізналася лише за два місяці після народження сина і тривалої хвороби, вимагаючи від рідних, щоб їй сказали правду про причини тривалої відсутності чоловіка. Дізнавшись, що Сергій Григорович – член таємного товариства і його очікує суворе покарання, героїня поеми М. Некрасова приймає рішення їхати слідом за ним в Сибір:

Сибирь так ужасна, Сибирь далека,
Но люди живут и в Сибири! [6, с. 53]

На відміну від мемуарів, поет у своєму творі, розкриваючи психологію сильної особистості М. М. Волконської, дає три ключові епізоди, в яких передає думки, характер, душевний стан героїні. Ці епізоди він обрав із цілого ряду стримано описаних в мемуарах подій життя княгині. Перша важлива сцена – зустріч Марії Миколаївни з чоловіком у Петропавлівській фортеці. У спогадах авторка розповідає про це дуже скупко: «Мы вошли къ коменданту; сейчасъ же привели подъ стражей моего мужа. Это свидание при посторонних было очень тягостно. Мы старались обнадежить другъ друга, но дѣлали это безъ убѣжденія. Я не смѣла его разспрашивать: всѣ взоры были обращены на насъ; мы обмѣнялись платками. Вернувшись домой, я поспѣшила узнать, что он мнѣ передал, но нашла лишь нѣсколько слов утѣшенія, написанныхъ на одномъ углу платка, и которыя едва можно было разобратъ» [2, с. 10]. У поемі М. Некрасова ця сцена набуває зовсім іншого звучання. Поет змальовує схвильовану героїню, яка згадує щасливі часи, а тепер бачить перед собою людину, яка пізнала багато тривоги, душевних страждань. Зазирнувши в очі один одному, вони зрозуміли: ніякі вироки їх не розлучать, вони назавжди збережуть любов і вірність. Якщо реальна Марія Волконська писала, що вони втішали один одного без упевненості, то героїня М. Некрасова впевнено завіряє чоловіка: «Люблю тебя больше, чем прежде» та «Каторга нас не разлучит». Отже, поет робить свою героїню більш емоційною, закоханою, впевненою не лише в собі, а й в правоті чоловіка.

Проти рішення Марії Миколаївни розділити сибірське вигнання з чоловіком повсталала вся родина Раєвських: батько, мати, брати. З великою майстерністю М. Некрасов зобразив перемогу молоді жінки в нелегкій боротьбі з батьком та рідними. Це друга ключова сцена поеми, яка необхідка авторові для показу розвитку душі своєї героїні. Ось як описує цю подію сама М. М. Волконська: «Мой отецъ былъ все время мраченъ и недоступенъ. Необходимо было, однакоже, ему сказать, что я его покидаю и назначаю его опекуномъ своего бѣдного ребенка, котораго мнѣ не позволяли взять с собою. Я показала ему письмо Его Величества, тогда мой бѣдный отецъ, не владѣя болѣе собой, поднялъ кулаки надъ моею головою и вскричалъ: «Я тебя прокляну, если ты черезъ годъ не вернешься». Я ничего не отвѣтила, бросилась на кушетку и спрятала лицо вѣ подушку» [2, с. 18].

У поемі М. Некрасова велика увага приділяється розкриттю психології героїні, яка так пояснює причини прийнятого нею рішення. Спочатку: «Я в нем полюбила героя», далі: «Я в нем полюбила отца малютки, рожденного мною», і врешті: «... последнюю, лучшую

сердца любовь в тюрьме я ему подарила». Таким чином, поет хоче показати, що суспільний подвиг Волконського-декабриста відкрив його дружині кращі риси характеру чоловіка: мужність, справедливість, патріотизм, шляхетність, безкорисливість у справі, за яку він страждає. Далі М. Некрасов майстерно змальовує наростання морально-психологічного конфлікту між батьком і дочкою. Спочатку: «Отец образумить меня приказал. Они убеждали, просили. Когда собрались мы к обеду, Отец мимоходом мне задал вопрос: «На что ты решилась?» – Я еду! – Отец промолчал... промолчала семья... Я вечером горько всплакнула, качая ребенка, задумалась я...» [6, с. 56].

Далі новий епізод: «Вдруг входит отец, – Я вздрогнула... Ждала я грозы, но, печален и тих, Сказал он сердечно и кротко: «За что обижаешь ты кровных родных? Что будет с несчастным сироткой? Что будет с тобою, голубка моя? Там нужно не женскую силу! Напрасна великая жертва твоя, Найдешь ты там только могилу!» [6, с. 57].

І тут, почувши наполегливе «Поїду», батько виплескує свій гнів:

... И вдруг распрямылся старик,

Глаза его гневом сверкали:

– Одно повторяет твой глупый язык:

Поеду! Сказать не пора ли,

Куда и зачем? Ты подумай сперва! [6, с. 57]

І вперше в своєму житті героїня по-справжньому замислюється над своєю долею, щоб зробити правильний вибір. Молода жінка своїм рішенням їхати в Сибір бере на свої тендітні плечі відповідальність за себе і чоловіка, за сина і батьків, хоча це було дуже важко морально, про що свідчить мемуаристка і що майстерно показує М. Некрасов у сцені прощання батька з дочкою.

Далі поет, слідуючи за «Записками», розповідає про шлях М. Волконської в Сибір: зупинка в Москві у Зінаїди Волконської, читання О. Пушкіним послання до декабристів «Во глубине сибирских руд», зупинка в Казані, зустріч з каторжними.

Проїхавши цей шлях, княгиня потрапляє в Іркутськ, де її очікувала нова перешкода: вона повинна була підписати документи, де кожен рядок – важкі зобов'язання, відмова від громадянських прав та станових привілеїв, від повернення до рідних. Усі ці зобов'язання героїня М. Некрасова, як і реальна княгиня Волконська підписала не читаючи, тому що її рішення підтримати чоловіка, а отже і всіх декабристів, було свідомим і непохитним.

Третьою ключовою сценою поеми є зустріч Марії Миколаївни з чоловіком в сибірських рудниках. По-різному змальовують цю зустріч

мемуаристка і поет. У «Записках» усе відбувається у в'язниці: «Бурнашевъ предложилъ мнѣ войти. Въ первую минуту я ничего не разглядѣла, такъ какъ тамъ было темно; открыли маленькую дверь налѣво, и я поднялась въ отдѣленіе мужа. Сергѣй бросился ко мнѣ; бряцание его цѣпей поразило меня: я не знала, что онъ былъ въ кандалахъ. Суровость этого заточенія дала мнѣ понятіе о степени его страданій. Видѣ его кандаловъ такъ воспламенилъ и растрогал меня, что я бросилась передъ нимъ на колѣни и поцѣловала его кандалы, а потомъ – его самого» [2, с. 46].

Далі Марія Миколаївна в мемуарах згадує, що наступного дня вмовила охоронця дозволити їй спуститися в рудник. Там вона зустрілася з декабристами, передала їм листи від рідних, але чоловіка серед них не було.

М. Некрасов об'єднав дві сцени в поемі. Тут перша зустріч М. Волконської з чоловіком на каторзі відбувається в руднику. Поет використовує прийом контрасту: морок, жах підземелля і вибух світлих, радісних почуттів декабристів, які вітають «ангела», що спустився до них. Із хвилюванням чекає Марія Миколаївна приходу чоловіка, адже швидко йти йому не дозволяють кайдани. Лише тепер героїня зрозуміла, що любить Сергія Григоровича за його душевні якості, за його страждання, які він прийняв в ім'я ідеалів свободи:

И душу мою
Наполнило чувство святое.
Я только теперь, в руднике роковом,
Услышав ужасные звуки,
Увидев оковы на муже моем,
Вполне поняла его муки.
Он много страдал, и умел он страдать!
Невольно пред ним я склонила
Колени – и, прежде чем мужа обнять,
Оковы к губам приложила!.. [6, с. 84–85]

Кінцівка поеми є її кульмінацією. М. О. Некрасов, змальовуючи декабристів та їх дружин, з оптимізмом дивився на рух народництва, який у 70-ті роки XIX століття, коли писалася поема, розвивався в Росії. Порівняно з мемуарами М. М. Волконської, він наситив поему більшою емоційністю, психологізмом, надав поведінці своєї героїні романтичних рис, зробив із неї однодумицю декабристів, показавши розвиток її характеру. При цьому поет зберіг композиційну структуру «Записок», форму викладу, характери осіб, про яких писала мемуаристка.

«Записки княгині М. М. Волконської» стали одним із джерел і для багатьох прозових творів. Одним із перших романів про

декабристів стала книга Марії Марич «Північне сяйво» (1925 р.). У цьому творі відчутний вплив «Записок» на ті епізоди, в яких змальовуються образи С. Г. Волконського та його дружини, життя декабристів у засланні, хоча родина Волконських не є головними персонажами роману. М. Марич дає досить широку картину життя до повстання декабристів, зібрання членів Південного товариства у Кам'янці, чого в «Записках» немає. Характеристики сучасників, дані Марією Миколаївною, стали джерелом для змалювання характерів і вчинків багатьох персонажів: батька княгині – генерала Раєвського, свекрові – придворної дами, іркутського губернатора Цейдлера, каторжного начальства – Бурнашева, Ріка, декабристів Луніна, Поджіо, дружин декабристів. М. Марич використала спогади княгині, коли писала про її шлях в Сибір, зустрічі з О. Пушкіним, небезпечні випадки допомоги засудженим, втікачеві Орлову, про щоденні справи подруг по нещастью – приготування обіду, відвідування декабристів у в'язниці, виховання дітей, листи з батьківщини. Без цих подробиць, запозичених письменницею з мемуарів М. Волконської, розповідь не була б такою правдивою, а портрети ворогів та друзів – такими яскравими.

У 1972 році побачив світ роман українського письменника Панаса Кочури «З іскри – полум'я», присвячений декабристам. У ньому змальовуються образи відомих революціонерів: М. Луніна, С. Волконського, С. Трубецького, М. Муравйова. Герої показані автором на тлі політичного та культурного життя Росії протягом третини століття після повстання на Сенатській площі. Особливе місце в романі відводиться дружинам засуджених. Найбільш яскраво змальовуються образи М. Волконської, К. Трубецької, О. Муравйової. Аналіз роману П. Кочури дозволяє зробити висновок, що «Записки княгині М. М. Волконської» стали одним із головних джерел твору українського письменника, що знайшло відображення у композиції твору. Так у I частині мемуарів і роману М. Волконська є головною героїнею, а у II половині в обох творах княгиня виступає лише однією з дружин декабристів. Як і мемуаристка, П. Кочура змальовує характери і долі всіх дам та їх чоловіків, що опинилися у Сибіру. Закінчується роман, як і «Записки», отриманням волі декабристами.

Проте між мемуарами і художнім твором є багато відмінного. Передусім це мова творів. «Записки» – це мемуарний твір, головним завданням автора якого є розповідь про події, факти. Отже, мова спогадів стримана, лаконічна. Лише інколи Марія Миколаївна допускає читача у світ своєї душі, розкриває почуття. П. Кочура ж створює роман, тому картини, які у М. Волконської подаються контурно, у нього наповнюються безліччю необхідних для

художнього твору деталей, психологічних сцен, портретів. Для прикладу, розповідаючи про заняття дружин декабристів, П. Кочура спирається на факти, запозичені із «Записок». М. Волконська пише: «Какъ сейчасъ вижу передъ собой Каташу съ поваренной книгой въ рукахъ, готовящую для нихъ [чоловіків] кушанья и подливы» [2, с. 52]. У романі ці короткі рядки перетворюються в живу сцену, коли вперше княгині готують обід декабристам. Суп виявився пересолений, каша підгоріла. Катерина Іванівна Трубецька при цьому згадує, що у її батька було 5 кухарів та 2 кондитери. Письменник, наслідуючи «Записки», не забуває підкреслити, що їжа самих жінок обмежувалася хлібом і квасом.

У «Записках» є декілька примітних висловлювань про ставлення народу до декабристів та їх дружин, а також про допомогу Марії Миколаївни нужденним. Це не проходить повз увагу П. Кочури, він відводить значне місце показу відносин між декабристами і народом, описує допомогу М. Волконської втікачеві Орлову, пошиття сорочок каторжним.

Отже, читання роману підводить до висновку, що мемуари М. М. Волконської допомогли українському письменникові створити правдивий, психологічно насичений роман про життя декабристів, стали джерелом для опису долі головних персонажів, розкриття їх характерів.

У 1979 році болгарською публіцисткою Бригітою Йосифовою була написана художньо-документальна повість «Декабристи», де авторка розкрила ідеологію, подвиг декабристів та їх дружин. У свою оповідь Б. Йосифова тактовно вводить численні документи, спогади, серед яких і «Записки княгині М. М. Волконської». Родині Волконських у повісті відведено розділ «Розділена доля». На початку розділу Бригіта Йосифова на основі скупих рядків спогадів Марії Миколаївни описує її юність, знайомство з О. Пушкіним, значно розширюючи і доповнюючи те, що розповіла про цю пору княгиня. Вводячи у хід своєї оповіді уривки з мемуарів, болгарська письменниця розповідає про заміжжя своєї героїні, прощання з батьком і шлях в Сибір, підписання документів в Іркутську та в Благодатському руднику, першу зустріч з чоловіком на каторзі, життя жінок та декабристів у Сибіру. Використання «Записок» допомагає Б. Йосифовій зберегти хронологію подій, правдивий тон оповіді. Проте письменниця робить свої узагальнення щодо характеру героїні, чого авторка мемуарів сором'язливо не дозволяла собі. Для прикладу: «Уже с первых лет своего добровольного изгнания Мария проявляла твердость и силу характера, свою волю. Оказавшись в тяжелых условиях жизни каторжан и ссыльных, она не дрогнула

перед невзгодами и всевозможными унижениями. Доказательством бодрости ее духа является хотя бы то обстоятельство, что она и ее подруга княгиня Екатерина Трубецкая всегда были опрятно одеты, летом даже в соломенных шляпках с вуалями» [3, с. 298].

Б. Йосифова використовує для достовірності своєї оповіді не лише «Записки», а й листи Марії Миколаївни до чоловіка, батька, сестри, а також їх листи до неї, документи справи декабриста С. Г. Волконського тощо.

Закінчується розповідь про Волконських у болгарської письменниці тим же, що і «Записки»: син привозить маніфест царя Олександра II про помилування. І лише кілька останніх рядків доповнює Б. Йосифова про завершення життя Волконських в селі Вороньки Чернігівської губернії, чого у спогадах княгині, звісно, немає.

Так як «Записки княгині М. М. Волконської» містять цінні матеріали не лише про власну родину, а й про інших декабристів, то Б. Йосифова у деякі розділи своєї книги вводить те, що стало відомо з мемуарів княгині про життя того чи іншого декабриста. Характерною у цьому плані є розповідь про М. С. Луніна, з яким Волконські підтримували дружні стосунки. Марія Миколаївна розповідала у спогадах, як відбувався арешт і заслання Луніна в Акатуй, як вона зашила гроші в шубу чоловіка і через вірних людей передала Михайлу Сергійовичу. Усі ці відомості, доповнені свідченнями інших очевидців арешту, знаходять своє відображення в розділі «Той, що тривожив людей» книги Б. Йосифової.

Отже, особливість художньо-документальної повісті болгарської письменниці в тому, що вона вводить «Записки М. М. Волконської» у канву своєї розповіді просто у вигляді уривків, тому що це дозволяє жанр її твору. Вона доповнює події своїми висновками, узагальненнями. Одним із джерел твору стають не лише «Записки», а й листи Марії Миколаївни.

Отже, «Записки княгині М. М. Волконської» стали надзвичайним явищем у мемуарних свідченнях про життя декабристів, чим приваблюють більше ста років діячів літератури і мистецтва. Письменники різних країн, що беруться за втілення теми повстання на Сенатській площі й наступні за цим події, не залишають поза увагою мемуари М. М. Волконської, по-різному використовуючи їх відповідно до жанру свого художнього твору. «Записки» надають багатий матеріал і за своєю композицією, і за яскраво висвітленими подіями, і за точними характеристиками сучасників. Письменників приваблюють не лише епізоди і факти, викладені М. Волконською, а й її духовний світ – джерело подвигу авторки мемуарів.

Джерела та література:

1. **Гессен А. И.** Во глубине сибирских руд... Декабристы на каторге и в ссылке. Документальная повесть. – Минск., 1978. – 344 с.
2. Записки княгини Марии Николаевны Волконской. – С.-Петербургъ, 1906. – 215 с.
3. **Йосифова Б.** Декабристы. – М., 1983. – 384 с.
4. **Кочура П.** Из искры – пламя. – М., 1978. – 624 с.
5. **Марич М.** Северное сияние. – М., 1955. – 664 с.
6. **Некрасов Н. А.** Собр. соч. в 8-ми томах. Т.3. – М., 1965. – 318 с.

*Анастасия Готовцева,
Оксана Киянская
(Москва)*

ГЕНЕРАЛ ЭРТЕЛЬ И ПОЛКОВНИК ТРУБЕЦКОЙ: К ИСТОРИИ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ СЕВЕРНОГО ОБЩЕСТВА

Пожалуй, самая яркая страница служебной биографии князя Сергея Трубецкого – его служба в последний перед арестом год. Трубецкой, полковник Преображенского полка и старший адъютант Главного штаба, в декабре 1824 г. был назначен дежурным штаб-офицером 4-го пехотного корпуса со штабом в Киеве, а в феврале 1825 г. приступил к своим обязанностям. Корпус, в котором он служил, входил в состав 1-й армии. Армией командовал генерал от инфантерии граф Фабиан Остен-Сакен; начальником армейского штаба был генерал-лейтенант барон Карл Толь. Главная квартира армии располагалась в городе Могилеве.

Место дежурного штаб-офицера в 4-м корпусе Трубецкому предложил вновь назначенный командир этого корпуса, генерал от инфантерии князь Алексей Щербатов, с которым полковник познакомился в Париже. «Когда князь Щербатов, будучи назначен корпусным командиром, предложил мне ехать с ним, то я с одной стороны доволен был, что удалюсь от общества, с другой хотел и показать членам, что я имею в виду пользу общества и что там я могу ближе наблюдать и за Пестелем», – сообщал Трубецкой следователям [1]. Свидетельству этому вряд ли стоит полностью доверять. Борьба с кровавым честолюбцем Пестелем станет для Трубецкого одной из главных линий самозащиты на следствии. «Удалиться» же от общества князь и вовсе не собирался. И события декабря 1825 г. – явное тому подтверждение.

Между тем, соглашаясь ехать в Киев, князь не просто принимал предложение Щербатова. Назначение Трубецкого было явно «продавлено» сверху: он был не единственным кандидатом на эту должность. За своего племянника, капитана лейб-гвардии Егерского полка Николая Каховского, просил командир Отдельного кавказского корпуса, генерал от инфантерии Алексей Ермолов, его просьбу поддержал генерал Толь [2]. Однако император «высочайше отозвался, что вообще, а при 4-м корпусе особенно, по расположению оно в Киеве, находит нужным иметь дежурного

штаб-офицера, знающего твердо фронтовую службу» [3]. У Каховского опыта «фронтовой службы» не было: он служил адъютантом у Остен-Сакена.

Однако и опыт Трубецкого по фронтовой части был весьма скуден: в мае 1819 г., как уже говорилось выше, он перешел из строевой службы в Главный штаб. И для того, чтобы его кандидатура была утверждена в обход просьб Ермолова и Толя, необходима была очень сильная поддержка. Впоследствии, уже после 14 декабря, Щербатов объяснял армейским властям, что взял Трубецкого к себе потому, что он пользовался уважением «своих начальников и даже самого покойного государя императора, изъявленным его величеством при определении его дежурным штаб-офицером» [4]. Иными словами, окончательное решение отправить Трубецкого в Киев принял Александр I.

До Щербатова 4-м пехотным корпусом 1-й армии командовал знаменитый герой Отечественной войны 1812 г., генерал от кавалерии Николай Раевский. Время, когда он, геройствуя на полях сражений, вдохновлял своей деятельностью поэтов и художников, давно прошло. В Киеве генералу решительно было нечем заняться. О том, как проводил время корпусный командир, читаем, например, в воспоминаниях Филиппа Вигеля: «Лет двенадцать не было уже в Киеве военного или генерал-губернатора. Первенствующею в нем особою находился тогда корпусный командир, Николай Николаевич Раевский, прославившийся в войну 1812 года. Тут прославился он только тем, что всех насильно магнетизировал и сжег обширный, в старинном вкусе, Елисаветою Петровной построенный, деревянный дворец, в коем помещались прежде наместники» [5]. А польский помещик Кржишковский сообщал в доносе на генерала: «Публика занялась в тишине соблазнительным магнетизмом и около года была совершенно заблуждена или не смела не верить ясновидящим и прочая, а более всего, что занимается магнетизмом заслуженный и первый человек в городе» [6].

В Киевской губернии действительно не было генерал-губернатора, и, таким образом, корпусный командир оказывался высшим должностным лицом. Раевского вовсе не интересовали его обязанности – но еще меньше они интересовали его подчиненных по «гражданской» части: губернатора Ивана Ковалева и обер-полицмейстера Федора Дурова. В губернаторской канцелярии процветало неконтролируемое взяточничество. В 1827 г. было обнаружено, например, что секретарь Ковалева Павел Жандр,

действуя, в основном, с помощью «откатов», в несколько лет присвоил себе денег на общую сумму 41 150 руб. [7]. При том, что жалование, например, армейского капитана составляло 702 рубля в год [8]. При этом, конечно, и сам губернатор Ковалев в убытке явно не оставался.

Преступность в городе была очень высокой. Одним из самых распространенных преступлений было корчемство – незаконная торговля спиртными напитками, прежде всего, водкой. Монополия на производство таких напитков в начале XIX в. принадлежала государству, частные лица покупали или, как тогда говорили, откупали у государства право на эту торговлю. Система откупов порождала желание торговать водкой, не платя за это денег государству. Корчемство вызывало к жизни целые преступные сообщества, занимающиеся незаконным производством водки, ее оптовой закупкой, ввозом в город и последующей розничной перепродажей. В 1824 г. управляющий киевскими питейными сборами Павел Баранцов доносил начальству: «Жители киевские... увеличивают шайки свои многолюдьем и, запасаясь всякого рода орудиями, как то: пиками, саблями, пушечными ядрами, топорами, косами и дрючьями, повседневно ввозят в город корчемного вина (по-видимому, имеется в виду «хлебное вино» - разновидность водки – А.Г., О.К.) целыми транспортами» [9]. Выяснилось к тому же, что в этих «шайках» участвуют и солдаты – играя роль своеобразной охраны корчемников [10].

Баранцов «входил неоднократно с просьбами к разным лицам» «о всех таковых обидах, откупом терпимых... и просил законной защиты», но все его просьбы, по его словам, «остались поныне без удовлетворения» [11] Из чего управляющий сделал закономерный вывод, что «полиция очевидно дает повод и послабление к дальнейшему корчемству» [12].

Не лучше выглядела и обстановка, так сказать, общественно-политическая. В 1820-х гг. в Киеве обреталось множество всяких подозрительных для властей личностей. Особая их концентрация наблюдалась на знаменитых ежегодных январских контрактных ярмарках («контрактах») – торгах, на которых заключались контракты на поставки для армии. На ярмарки приглашались все желающие, съезжались окрестные помещики. В ходе контрактов шла активная игра в запрещенные законом азартные игры, возлияния часто бывали неумеренными, помещики и офицеры ссорились и дуэлировали, иногда дело доходило и до банальных драк.

Так, известна история января 1821 г., когда командир Вятского пехотного полка полковник Павел Кромин, проезжая во время

контрактов через Киев, имел «историю» с отставным титулярным советником Щитковым, заядлым картежником. Кромин взял в долг у Щиткова 750 рублей, потом не захотел их отдавать – и в результате произошла банальная драка. В ходе драки Щитков первый «ударил его, Кромина», а полковник «ухватив Щиткова за грудь» бил его «кулаком по носу, так что от ударов показалась кровь» [13]. «История» эта стала известна военному начальству отнюдь не потому, что ею заинтересовалась местная полиция. Прежде, чем о поведении Кромина и Щиткова узнали Раевский, Ковалев и полицмейстер Дуров, об этой истории «партикулярно» был извещен сам император Александр I. Расследование было начато только после прямого императорского распоряжения – и в итоге Кромин лишился должности полкового командира.

С 1823 г. за картежниками была установлена слежка, ни к чему, однако, не приведшая. Полицмейстер Дуров, сам любивший поиграть в азартные игры, рапортовал по начальству, что помещики «приезжали сюда по своим делам домашних расчетов в контрактное время» и играли в карты «вечерами в своих квартирах, к коим временами съезжались знакомцы и также занимались в разные игры (так!), но значительной или весьма азартной игры, а также историй вздорных чрез оную не случалось во все время» [14].

Кроме того, в Киеве активно действовали масоны, не закончившие свои собрания после императорского указа о запрещении масонских лож и тайных обществ (1822). В Петербург постоянно шли доносы на них [15], доносили о том, что «якобы существовавшая в Киеве масонская ложа не уничтожена, но переехала только из города в предместье Куреневку» [16]. Но проводившая по этому поводу следствие местная администрация ложи не обнаружила. «С того времени как последовало предписание о закрытии существовавшей здесь ложи, она тогда же прекратилась, и могущие быть общества уничтожились, особенных же тайных сборищ по предмету сему здесь в городе и в отдаленностях окрестных, принадлежащих к городу по его пространству, никаких совершенно не имеется», [17] – доносил Дуров Ковалеву.

Особенную тревогу высших должностных лиц империи вызывали жившие в Киеве и его окрестностях поляки: их считали априорно виновными в антироссийских настроениях. Ковалеву и Дурову было поручено следить и за ними. Однако и эта слежка ни к чему не привела. «Суждений вольных я не заметил, кои были предметом моего наблюдения», – рапортовал Дуров своему начальнику [18] Польские помещики «ведут себя скромно и осторожно, стараются даже показывать вид особенной к

правительству преданности», – докладывал Ковалев императору [19].

В Киеве начала 1820-х гг. можно было обнаружить не только корчемников, масонов, азартных игроков и неблагонадежных поляков. Город был излюбленным местом встреч членов тайного антиправительственного заговора. На киевских контрактах проходили так называемые «съезды» руководителей Южного общества во главе с Пестелем. Кроме того, в 30-ти верстах от Киева, в уездном городе Василькове, был расквартирован полковой штаб Черниговского пехотного полка – соответственно, это был центр Васильковской управы Южного общества. Управой руководил подполковник Сергей Муравьев-Апостол, командир батальона в Черниговском полку.

Документы свидетельствуют: Сергей Муравьев-Апостол был ярким харизматическим лидером, умевшим очаровывать людей и силой собственного властного обаяния вести их за собой. Причем сам он хорошо понимал эту свою способность, без сомнения причисляя себя к «энергичным вождям», чья «железная воля» – залог победы революции [20]. Муравьев был человеком безусловной личной храбрости и заговорщической дерзости – но соблюдать элементарные правила конспирации никак не желал. Васильковская управа – самая решительная из всех южных управ – занималась активной вербовкой сторонников и пропагандой военной революции и цареубийства. При этом Муравьев мог вести опасные разговоры, вообще не опасаясь преследования местных властей: проведя кампанию 1814 г. «при генерале от кавалерии Раевском», участвуя вместе с ним в боях за Париж, он был своим человеком в киевском доме генерала. Кроме того, Муравьев-Апостол был не чужд и увлечения магнетизмом [21].

В марте 1823 г. киевскому безвластию пришел конец: на должность генерал-полицеймейстера 1-й армии был назначен генерал от инфантерии Федор Эртель. Первым заданием, которое он получил от армейского командования, было задание разобраться с ситуацией, сложившейся в Киеве.

Имя генерала Эртеля, начинавшего военную карьеру в гатчинских войсках цесаревича Павла, в конце XVIII–начале XIX вв. московского, а затем петербургского обер-полицеймейстера, а в 1812–1815 гг. – генерал-полицеймейстера всех действующих армий, наводило на современников ужас. Согласно Вигелю, «сама природа» создала Эртеля «начальником полиции: он был весь

составлен из капральской точности и полицейских хитростей. Когда, бывало, попадешь на Эртеля, то трудно от него отвязаться... Все знали, ... что он часто делал тайные донесения о состоянии умов... всякий мог опасаться сделаться предметом обвинения неотразимого, часто ложного, всегда незаконного, и хотя нельзя было указать ни на один пример человека, чрез него пострадавшего, но ужас невидимой гибели, который вокруг себя распространяют такого рода люди, самым неприязненным образом располагал к нему жителей Москвы» [22]. И даже те немногие современники, которые приветствовали полицейскую деятельность генерала, видя в ней точное исполнение «воли монарха» и собственных служебных обязанностей, признавали: Эртель любил действовать тайно, «невидимо» и жестоко. В Москве у него была целая шпионская сеть, состоящая из «знатных и почтенных московских дам», получающих за свою работу крупные суммы [23].

Сам Эртель в своей автобиографической записке сообщал, что был послан в Киев «1-е) для следствия о корчемниках, убивших трех и ранивших шесть человек; 2-е) для открытия масонской ложи с членами; 3-е) для отыскания азартных игроков» [24]. Действия Эртеля по наведению порядка в городе, по прекращению «криминального разврата», были активными и успешными.

Искореня корчемство, Эртель привлек к наблюдению за корчемниками платных агентов – нижних чинов из 3-го и 4-го пехотных корпусов. Вскоре это принесло результаты. По делу о корчемстве было арестовано около 100 человек: в основном солдат и мещан. Под суд попали 11 офицеров – начальников военных подразделений, чьи солдаты активно занимались корчемством [25].

В Петербург Эртель регулярно присылал списки «подозреваемых в азартных картежных играх, которые здесь в Киеве живут только временно, а по большей части по большим ярмаркам во всей разъезжают России». Среди «подозреваемых» оказался, кстати, и родной брат киевского полицмейстера Дурова [26]. По ходу следствия о картежниках было решено от лиц, «в списке поименованных... отобрать... подписки, коими обязать их иметь постоянно и безотлучно свое пребывание в местах, какие себе изберут, и что ни в какие игры играть не будут, затем, поручив их надзору местных полиций, отнять у них право выезжать по чьему бы то ни было поручительству» [27].

Наибольший интерес Эртеля вызвала слежка за масонами. Основываясь на тайных розысках, генерал выяснил, что «коль скоро воспоследовал указ 1822 года августа 1-го, о закрытии тайных обществ тотчас киевские ложи прекратили свое существование»,

однако от закрытых лож «можно сказать, пошли другие отрасли масонов». Секретная деятельность масонов, согласно собранным Эртелем сведениям, заключалась в том, что они магнетизировали друг друга, давали друг другу деньги в долг, ели на масленицу 1824 г. «масонские блины», а за год до этого тайно собирались «каждое воскресенье по полудни в пять часов» и гуляли во фруктовом саду «до поздней ночи» [28].

Конечно же, деятельность киевских масонов никакой опасности для государства не представляла. Однако Эртель всеми силами стремился доказать, что на самом деле они занимаются «подстреканием революции» [29]. Руководил же этими «подстрекателями», по мнению генерал-полицмейстера, корпусный командир генерал Раевский: «Отставной из артиллерии генерал-майор Бегичев тотчас по уничтожении масонов, прибег к отрасли масонского заговора, то есть... открыл магнетизм, которому последовал и г. генерал Раевский со всем усердием, даже многих особ в Киеве сам магнетизировал», – сообщал он в марте 1824 г. в Могилев, в штаб 1-й армии [30].

Ведя полицейскую и разведывательную деятельность, регулярно докладывая о ней в штаб 1-й армии и лично императору, Эртель постоянно выносил, так сказать, «частные определения» в адрес местных – военных и гражданских – властей. «Военная полиция не имеет никаких чиновников, а на тамошнюю гражданскую полицию нельзя положиться, чтобы ожидать желаемого успеха»; «происшествия (связанные с корчемством – А.Г., О.К.) ... суть следы послабления местного гражданского начальства»; «обыватели, не имея примеров наказанности, полагали простительным, а воинские чины, видя частое их упражнение и будучи ими же подучаемы, не вменяли себе в преступление корчемство. Но отлучка их по ночам на 5 верст за город означает слабость употребленного за ними надзора ближайших начальников» – резюмировал генерал-полицмейстер. Соглашаясь с мнением Эртеля о ненадежности киевских властей и полиции, армейское начальство командировало в его распоряжение целый штат следователей и полицейских [31].

Расследование Эртеля закончилось для Раевского в ноябре 1824 г. увольнением в отпуск «для поправления здоровья» – но всем было понятно, что к обязанностям корпусного командира он больше не вернется. «Известно, что государь Александр Павлович, не жалуя Раевского, отнял у него командование корпусом, высказав, что не приходится корпусному командиру знакомиться с магнетизмом» [32] – констатировал хорошо знавший генерала Матвей Муравьев-Апостол. Вскоре на место скомпрометированного

себя магнетизера был назначен Алексей Щербатов.

Приезд Эртеля и отставка Раевского не смогли заставить Сергея Муравьева-Апостола стать осторожнее. И он сам, и его сподвижники по-прежнему часто бывали в Киеве и вели там громкие и опасные разговоры – гласно, открыто и, в общем, никого не опасаясь. Почти открыто Васильковская управа проводила переговоры с Польским патриотическим обществом – речь шла о совместном с поляками революционном перевороте. На контрактах 1824 г., уже при Эртеле, Муравьев и его друг, подпоручик Полтавского пехотного полка Михаил Бестужев-Рюмин обсуждали с поляками животрепещущую тему: о том, что следует «уничтожить вражду, которая существует между двумя нациями, считая, что в просвещенный век, в который мы живем, интересы всех народов одни и те же и что заренелая ненависть присуща только варварским временам». А для того следовало заключить русско-польский революционный союз, в котором поляки обязывались подчиняться русским заговорщикам и признать после победы революции республиканское правление. Взамен же полякам была обещана независимость и даже территориальные уступки – они могли «рассчитывать на Гродненскую губернию, часть Виленской, Минской и Волынской» [33].

Между тем, под подозрение Эртеля попали люди, входившие в ближайшее окружение Муравьева-Апостола. Руководитель Васильковской управы тесно общался с «подозрительным» поляком, масоном и магнетизером графом Александром Хоткевичем – и именно от него южные заговорщики узнали о существовании Польского патриотического общества.

В списке масонов, пересланном Эртелем в Петербург, оказались два бывших адъютанта Раевского, участники Союза благоденствия Алексей Капнист и Петр Муханов. Капнист был близким родственником Муравьева, а Муханов – его светским приятелем. Кроме того, в списки Эртеля попал руководитель Кишиневской управы заговорщиков Михаил Орлов [34]. Сам Муравьев-Апостол, бывший командир роты в Семеновском полку и участник «истории», регулярно входил в списки «подозрительных» офицеров 1-й армии; за ним предписывалось иметь особый бдительный надзор [35].

Исследователей, изучающих деятельность генерал-полицейстера, ставит в тупик простой вопрос. Как могло случиться, что он, полицейский с огромным опытом, ловя картежников, поляков и масонов, все же не сумел разглядеть у себя под носом военный заговор с цареубийственными намерениями? У Эртеля в 1823–

1824 г. был неплохой шанс вмешаться в ход истории, предотвратить и Сенатскую площадь, и восстание Черниговского полка. Однако факт остается фактом: ни в одном известном на сегодняшний день донесении генерал-полицмейстера фамилия Сергея Муравьева-Апостола не упоминается. А следствие о «тайном обществе» так и ограничилось поисками масонов и магнетизеров.

О причинах этой роковой ошибки можно только гадать. Но гадать следует в совершенно определенном направлении.

В первых числах апреля 1824 г. в Петербурге появился польский помещик и масон, член Польского патриотического общества и киевский губернский предводитель дворянства (маршал) граф Густав Олизар. Олизар, известный своими вольнолюбивыми взглядами и нескрываемой ненавистью к крепостному праву, был другом Сергея Муравьева-Апостола. Кроме того, поляк был весьма близок к семейству генерала Раевского, в 1823 г. сватался к его дочери Марии, но получил отказ – по «конфессиональным» и «национальным» соображениям. Отказ этот Олизар переживал весьма болезненно, и Муравьев был одним из «утешителей» поляка. За Олизаром Эртель вел усиленную слежку, не без оснований подозревая его в антиправительственной деятельности.

Когда граф собрался в столицу, генерал Толь, основываясь на результатах слежки Эртеля, извещал начальника Главного штаба генерал-лейтенанта Ивана Дибича: «Легко быть может, что цель поездок графа Олизара есть та, чтоб посредством тайных связей или членов своих, в различных управлениях в С[анкт-]Петербурге находиться могущих, выведать о последствиях поездки генерала Эртеля и стараться отвращать меры, которые против сего принимаемы будут». Следить за Олизаром следовало, прежде всего, для выявления круга его общения [36]. В столице он пробыл около месяца – и все время за ним велась слежка, которую, по просьбе Дибича и дежурного генерала Главного штаба генерал-майора Алексея Потапова, непосредственно курировал столичный обер-полицмейстер генерал-лейтенант Иван Гладков [37]. В итоге граф был выслан обратно в Киев без объяснения причин.

Но за этот месяц граф успел подробно рассказать своим столичным друзьям о ситуации в Киеве – собственно, сделал то, о чем Толь и предупреждал Дибича. Слухи о миссии Эртеля мгновенно проникли в среду и петербургских, и московских конспираторов и посеяли среди них панику. Всем стало ясно: опытный сыщик, он очень скоро обнаружит и реальный, а не

мифический масонский заговор. И первой жертвой генерал-полицейстера вполне может стать Сергей Муравьев-Апостол.

«Вскоре по первом приезде генерала Эртеля разнесся слух, что он имеет тайное повеление разведать о заведенном на юге обществе, к которому принадлежал будто бы и подполковник Муравьев – все меры, принятые г. Эртелем, то свидетельствовали», – показывал на допросе Муханов [38]. Другой заговорщик, Петр Свистунов, услышав, что Эртель послан в Киев «для надзора над поляками», «заклучил, что должны быть сношения между поляками и Обществом юга» [39].

У жившего же в 1824 г. в столице брата Сергея Муравьева-Апостола, Матвея, полученное от Олизара известие вызвало настоящую истерику. На следствии Матвей Муравьев показывал: узнав, что «генерал от инфантерии Эртель в Киев приехал и что никто не знает, зачем он туда послан», он решил, что его брата арестовали – тем более, что уже несколько недель не получал от Сергея писем.

Своими опасениями Матвей Муравьев-Апостол поделился с Пестелем. Пестель весной 1824 г. жил в столице и участвовал в «объединительных совещаниях» – неудачной попытке договориться о совместной деятельности со столичной тайной организацией. «Я видел Пестеля и сказал ему что, верно, Южное общество захвачено, и что надобно бы здесь начать действия, чтобы спасти их. Пестель мне сказал, что я хорошо понимаю дела», - показывал Матвей, задумавший для спасения брата немедленно убить императора [40]. «Я с ним соглашался, что ежели брат его захвачен, то, конечно, нечего уже ожидать» [41] – подтверждал Пестель на следствии.

Вскоре Матвей Муравьев-Апостол получил письмо от брата, и вопрос о немедленном цареубийстве и восстании был снят с повестки дня. Однако спустя несколько месяцев, в октябре 1824 г., он опять предупреждал Пестеля и других, чтобы они «были осторожны, что в Киеве живет генерал Эртель нарочито, чтоб узнавать о существующем тайном обществе, кое уже подозреваемо правительством» [42]. Пестель, вернувшись из Петербурга на юг, осенью 1824 г. отстранил Сергея Муравьева от переговоров с Польским патриотическим обществом – за нарушение правил конспирации. С ведома и согласия руководителя Васильковской управы было написано письмо к полякам с просьбой устранить в случае начала русской революции цесаревича Константина Павловича [43].

Скорее всего, Трубецкой – по должности старшего адъютанта – еще с 1823 г. знал о приезде Эртеля в Киев. Однако

рассказы Олизара сделали эту информацию актуальной. В показаниях князя содержится любопытное свидетельство о встрече с поляком: «Г[осподин] Олизар приезжал сюда, кажется, в 1823 году; я встретился с ним и меня познакомили, и сказали, что он очень влюблен в одну из дочерей генерала Раевского, который не соглашается отдать ее за него <...> Он мне сделал визит. Между тем, осведомился я также, что он здесь в подозрении, потому что слишком вольно говорит, я дал ему о сем сведение, прося, чтобы меня ему не называли, но посоветовали бы ему быть осторожным. Тем сношения мои с ним и ограничились» [44].

Показания эти примечательны. Во-первых, Трубецкой имел доступ к секретной информации о слежке за Олизаром. Во-вторых, примечательна дата встречи, которую называет Трубецкой – по его словам, граф приезжал, «кажется, в 1823 году». Конечно, в данном случае князь откровенно лгал: Олизар приехал в разгар петербургских «объединительных совещаний». Последствием этого приезда был «цареубийственный» план Матвея Муравьева-Апостола, поддержанный тем же Пестелем. Участник всех этих событий, Трубецкой не мог просто так «забыть» год приезда опасного поляка. С полной уверенностью можно утверждать, что, давая показания, Трубецкой не желал, чтобы в сознании следователей визит Олизара в столицу увязывался с его отъездом в Киев.

Между тем, решение князя поехать в Киев было, скорее всего, результатом этой встречи и последовавших за нею событий. Принимая должность в штабе Щербатова, Трубецкой не мог не понимать: эта авантюрная поездка вполне могла обернуться для него катастрофой. Но деятельность Эртеля угрожала не только Сергею Муравьеву, его давнему, близкому другу и однополчанину. Она несла в себе смертельную угрозу тайному обществу. Служба в Киеве давала князю шанс спасти заговор – дело всей его жизни.

Очевидно, именно поэтому Трубецкой проявил немалую настойчивость, добиваясь для себя должности в Киеве.

Обязанности Трубецкого по новой должности были, в общем, сродни тем, которые он исполнял, будучи с 1819 г. старшим адъютантом Главного штаба: он должен был инспектировать входившие в корпус воинские подразделения, наблюдать за личным составом корпуса. Дежурный штаб-офицер мог – «за упущение должности» – арестовывать обер-офицеров, а нижних чинов «за малые преступления» – просто наказывать без суда [45]. Он был

обязан «наблюдать за охранением благоустройства и истреблением бродяжничества, непопозволенных сходбищ, игр, распутства и малейшего ропота против начальства» [46]. Собственно, дежурному штаб-офицеру подчинялся обер-гевальдигер, главный полицейский чин корпуса.

Непосредственным начальником Трубецкого был начальник корпусного штаба, генерал-майор Афанасий Красовский. Красовский служил в действительной службе с 1795 г., участвовал в Отечественной войне и заграничных походах, был награжден – за храбрость – чинами и орденами и несколько раз ранен. Получив в 1819 г. «для излечения от ран» позволение состоять по армии, Красовский, несмотря на неоднократные предложения, отказывался вернуться в действительную службу. В армии знали: он устал, дают себя знать старые раны и «нервическая горячка», и он только ждет случая, чтобы оставить службу [47].

Красовский был очень близким, семейным другом Закревского – например, в 1821 г., когда и сам Закревский, и его жена тяжело заболели, он специально приехал в столицу и ухаживал за больными [48]. Закревский уговаривал своего друга не оставлять службы и искал для него должности, не требующей присутствия во фронте: в частности, предлагал ему стать генерал-полицмейстером 2-й армии со штабом в Тульчине. Однако от этой должности Красовский отказался [49]. В мае 1823 г. он был назначен начальником штаба 4-го корпуса – но сразу после падения Волконского и Закревского снова стал проситься в отставку. В ноябре того же года он писал Дибичу: «При самом возобновлении трудов, сопряженных со службою, я опять начал чувствовать самые жестокие болезненные припадки от раны в правом боку... В горестном положении моем приемлю смелость Ваше высокопревосходительство убедительнейшее просить... снисхождения позволением вашим и ходатайством о увольнении меня от службы» [50]. Просьбу эту поддержал Раевский – тогда еще корпусный командир.

В 1824 г. военные власти решали вопрос о том, в какой форме Красовскому следует дать возможность заниматься собственным здоровьем. Император, ценивший генерала, «высочайше повелеть соизволил... вместо увольнения генерал-майора Красовского вовсе от службы, отпустить его в отпуск до излечения ран с производением жалованья» [51]. Конкретизируя высочайшее распоряжение, Дибич сообщил начальнику штаба, что он может ехать в столицу «для совета с медиками для лечения своей болезни» [52].

Настаивая на назначении Трубецкого на должность дежурного штаб-офицера, Дибич понимал, конечно, что должность эта временная для старшего адъютанта. Красовский служить не хотел, и в случае его отсутствия полковник Трубецкой должен будет исполнять его обязанности. Так и произошло: уехав в июне 1825 г. из Киева, Красовский спокойно передал дела дежурному штаб-офицеру [53]. По-видимому, и сам Красовский желал передать свою должность Трубецкому: отношения между ними стали доверительными и дружескими с самого приезда полковника в Киев.

Таким образом, есть все основания полагать, что – не случись восстания 14 декабря – Трубецкого ожидало скорое повышение по службе и, возможно, генерал-майорский чин.

В 1825 г., при явном попустительстве начальника корпусного штаба, в руках Трубецкого сконцентрировалась немалая власть – и, прежде всего, власть полицейская. Причем не только над войсками 4-го корпуса, но – поскольку генерал-губернатор в Киеве отсутствовал – и над городом. Принимая назначение в Киев, Трубецкой не потерял и должности старшего адъютанта Главного штаба – а потому был практически независим от киевских властей. И мог сообщать обо всем напрямую в Петербург, Дибичу и Потапову. Полномочия Трубецкого во многом сомкнулись с полномочиями Эртеля.

В начале своей деятельности в Киеве генерал-полицмейстер сетовал, что ни среди киевских полицейских, ни в 4-м корпусе нет «надежного чиновника», который мог помочь ему проводить следствие [54]. Очевидно, что в 1825 г. такой «чиновник» нашелся – и им оказался князь Трубецкой. Как видно, например, из дел по корчемству, Трубецкой активно помогал Эртелю в расследовании. Генерал-майор Михаил Орлов, отошедший к 1825 г. от заговора, показывал на следствии, что по приезде в Киев Трубецкой стал часто посещать его. «Я, привыкший к пытке и к обороне, думал, что он тоже станет меня склонять к вступлению в Общество, но он ничего не говорил, кроме о общих предметах, и сие меня нимало удивило», – писал Орлов [55]. Можно предположить, что Трубецкой, знавший об охлаждении Орлова к «общему делу», приходил к генералу вовсе не для того, чтобы «склонить» его вернуться в заговор. Орлов, зять Раевского, как уже говорилось выше, подозревался Эртелем в масонской деятельности – и уже по одному этому был достоин внимания Трубецкого.

Правда, полицейская деятельность Трубецкого по крайней мере один раз чуть не была сорвана. После высылки из Петербурга в Киев появился Олизар. Доверчивый и пылкий граф, так и не

справившийся со своими душевными переживаниями, принялся с благодарностью рассказывать о Трубецком, предупредившем его о петербургской слежке. «В бытность мою в Киеве я узнал от Бестужева (Бестужева-Рюмина – А.Г., О.К.), что Олизар хвалился мной, что я ему оказал услугу и что сие доведено было до сведения общества в Варшаве (Польского патриотического общества – А.Г., О.К.)». И «на поступке сем основались, чтоб удостоверить членов Польского общества, что члены русского помогают полякам». Именно поэтому Трубецкой счел невозможным возобновить в Киеве петербургское знакомство с Олизаром [56].

Тут стоит, однако, отметить, что информация, привезенная из столицы Олизаром, из круга заговорщиков, по-видимому, все же не вышла. Разделивший с Эртелем полицейские труды, дежурный штаб-офицер остался вне подозрений.

Трубецкой, конечно же, сделал все, чтобы спасти от разгрома Васильковскую управу и ее руководителя. О том, каким конкретно образом князь смог вывести своего друга из-под удара и спасти заговор, исследователи, наверно, уже никогда не узнают. Но в одном из своих «оправдательных» рапортов, написанном в конце декабря 1825 г., корпусный командир Щербатов утверждал: «Все сведения, полученные мною как от начальника корпусного штаба генерал-майора Красовского... так и от здешнего губернатора Ковалева, удостоверили меня, что как в войске, так и в городе не замечено никаких собраний ни разговоров, сумнению подлежащих» [57].

8 апреля 1825 г. 58-летний Эртель умер. Смерть его была загадочной: чувствуя симптомы болезни, лихорадку, он, тем не менее, отправился в Могилев, в штаб 1-й армии. И скончался по приезде в этот город. Вне зависимости от того, была ли эта смерть естественной или насильственной, она была на руку Трубецкому (в киевской квартире которого при обыске была найдена банка с мышьяком [58]).

Следственные дела, которые Эртель не успел довести до конца, после его смерти просто перешли в руки дежурного штаб-офицера 4-го корпуса. Так, с июня 1825 г. Трубецкой фактически руководил разбирательством по корчемству, давал предписания соответствующей военно-судной комиссии, получал из нее копии допросов арестованных и т. п. [59]. Расследование же о «неблагонадежных» картежниках, поляках и масонах – которое прямо входило в обязанность дежурного штаб-офицера – странным образом вообще остановилось.

Заговорщики же после смерти Эртеля могли действовать, вообще никого не опасаясь.

Узнав о скором приезде в Киев Трубецкого, Сергей Муравьев-Апостол был весьма обрадован предстоящей встрече с другом. Он надеялся встретить в князе лидера столичной конспирации, приезжающего для того, чтобы договориться наконец с южными заговорщиками о совместных действиях. Анонсируя приезд Трубецкого, Муравьев писал в феврале 1825 г. участнику заговора полковнику Василию Тизенгаузену: «Я уверен, что он вам понравится своим характером и мыслями» [60]. Тизенгаузен не был убежденным революционером, он постоянно сомневался в правильности собственных действий – и Муравьев был уверен, что знакомство с Трубецким сделает полковника более решительным.

Однако, как свидетельствует частная переписка руководителя Васильковской управы, Трубецкой поначалу не оправдал ожиданий Сергея Муравьева. В письме к брату Матвею Муравьев сетовал, что князем по приезде овладела «петербургскую бесстрастность и осторожность» [61]. Муравьев просил брата приехать в Киев, «дабы заставить действовать Трубецкого над 4-м корпусом» [62]. Своими сомнениями относительно Трубецкого руководитель Васильковской управы поделился с некоторыми своими соратниками – в частности, с молодым и рвущимся «в дело» прапорщиком Федором Вадковским. И Вадковский советовал одному из вновь вступивших в общество офицеров «не открываться Трубецкому, который своим равнодушием может вредно повлиять на его пылкое молодое сердце» [63].

Однако практически сразу же после смерти Эртеля Трубецкой будто преображается. Уже в апреле 1825 г. в его киевской квартире Сергей Муравьев-Апостол принимает в общество штабс-капитана гвардейского Генерального штаба Александра Корниловича [64]. В июле Муравьев сообщает брату: князь не только «искренне присоединяется к Югу, но и обещает присоединить к нему весь Север – дело, которое он действительно исполнит и на которое можно рассчитывать, если он обещает» [65]. Руководитель Васильковской управы приписывает эту перемену влиянию на Трубецкого подпоручика Бестужева-Рюмина. Однако представляется, что причину произошедшей с князем перемены следует искать вовсе не в чьем-то постороннем влиянии.

С лета 1825 г. квартира Трубецкого становится местом постоянных встреч заговорщиков. Михаил Орлов показывал на

следствии, что «у Трубецкого вскоре поселились почти без выходу Сергей и Матвей Муравьевы с Бестужевым» [66]. Его показания подтверждал и сам Трубецкий: «9-я дивизия начала ходить в караул в Киев, я стал часто видаться с Муравьевым и Бестужевым», «Муравьев и Бестужев, приезжая в Киев, останавливались у меня» [67].

Командир Киевского драгунского полка подполковник Максим Гротенгельм показывал, что, зайдя однажды к Трубецкому, он застал в его квартире не только Сергея Муравьева-Апостола, но и других видных деятелей Васильковской управы: полковников Швейковского и Тизенгаузена. При этом Муравьев открыто рассуждал о том, «какое правление лучшее, и что конституциональное есть по нынешним временам превосходнейшее, замечая притом, что все вообще состояния в России теперешним положением своим недовольны» [68].

Разговоры о всеобщем недовольстве, будущей конституции и возможной революции зазвучали на квартире дежурного штаб-офицера столь громко, что их испугалась жена князя, Катерина Трубецкая. Согласно воспоминаниям ее сестры, Зинаиды Лебцельтерн, во время одного из таких разговоров княгиня отозвала в сторону Сергея Муравьева-Апостола и сказала ему: «Ради бога, подумайте, что вы делаете, вы и нас всех погубите, и свои головы положите на эшафот». На это руководитель Васильковской управы, согласно мемуаристке, ответил: «Неужели вы думаете, княгиня, что мы не делаем все, что нужно, чтобы обеспечить успех наших замыслов? К тому же речь идет о совершенно неопределенном времени, не бойтесь же» [69].

Осенью 1825 г. Трубецкой и Сергей Муравьев-Апостол составили совместный план революционного переворота, согласно которому следовало «начинать действие, не пропуская 1826-й год». «В случае успеха в действиях» следовало «вверить временное правление Северному обществу, а войски собрать в двух лагерях, одном под Киевом, под начальством Пестеля, другом под Москвою». Одновременно должно было начаться и восстание в Петербурге [70].

В ноябре 1825 г. Трубецкой оказался в столице. Оказался случайно, приехав в краткосрочный отпуск. Причина этого отпуска была частной, семейной. Брат его жены, корнет лейб-гвардии Конного полка Владимир Лаваль, проигравшись в карты, покончил жизнь самоубийством [71]. Собственно, целью поездки князя в столицу было свидание с убитыми горем родителями жены. Однако в Петербурге Трубецкой услышал о смерти Александра I – и решился дожидаться развязки событий.

19 декабря 1825 г. главнокомандующий 1-й армией Остен-Сакен узнал о восстании на Сенатской площади. Узнал он о нем, что называется, «из первых рук»: в Могилев из столицы вернулся начальник армейского штаба генерал Толь. Толь не только был свидетелем восстания, но и принимал участие в первых допросах арестованных – в частности, в допросе Трубецкого.

Основываясь на рассказе Толя и собранных Эртелем сведениях, Сакен написал письмо князю Щербатову. Главнокомандующий поведал, что с помощью «секретного разведывания» «обнаружено было существование тайного союза в Киеве», цель которого, «по основательному подозрению, клонилась к ниспровержению законной императорской власти». «Сомнения сии оправдались ныне совершенно. Союз обнаружен и часть сообщников созналась. Остается теперь открыть весь круг преступного общества сего», – констатировал Сакен. Корпусному командиру был передан личный приказ нового императора – «принять самые деятельные, но осторожные меры к открытию дальнейших отраслей сего союза, части коего существуют точно в 4-м пехотном корпусе».

Сообщая Щербатову об аресте его подчиненного, Сакен утверждал: «Сколь мало можно верить в нынешнее время окружающим, это показывает дежурный штаб-офицер вверенного вам корпуса князь Трубецкой, один из главных участников заговора, который, будучи изобличен, пав к стопам государя, сам во всем сознался и теперь содержится в крепости впредь до окончания дела» [72].

Тогда же, вернувшись из столицы, генерал Толь написал письмо Красовскому. В письме содержались весьма справедливые упреки: «Опыт настоящих происшествий показал, что несомненная уверенность в общей правоте есть слабость, пагубная для общего блага. Везде оказались отрасли злонамеренных. Замыслы их давно б были уничтожены, если бы они были преследуемы подозрением, и начальство не имело слепой доверенности. А потому я нахожу, что лучше везде подозревать, нежели отвергать всякую мысль злонамерения. Вы, конечно, более уверились теперь в необходимости правила сего, *ибо к кому был ближе кн. Трубецкой, как не к вашему превосходительству* (курсив наш. – А.Г., О.К.)? Правота подозрением нимало не может оскорбиться. Я сам нисколько не почел бы обидою для себя, если бы у меня был сделан осмотр бумаг моих; напротив того, долгом почту во всякое время

представить готовность мою к открытию неприкосновенности моей» [73].

«Касательно князя Трубецкого я не имею слов изъяснить Вашему сиятельству моего удивления о его поступке... я никогда не мог вообразить, чтобы он мог участвовать в преступном заговоре», – оправдывался Щербатов в ответном письме Сакену. Про Красовского корпусный командир сообщал, что «его усердие и преданность к престолу» не подлежат сомнению [74].

Не веря корпусному начальству, подозревая и Щербатова, и Красовского в потворстве заговорщикам, начальство армейское отправило в Киев старшего адъютанта штаба 1-й армии, гвардии капитана Василия Сотникова. Сотникову предстояло «наблюдать образ мыслей и действия всех чинов корпусного штаба 4-го пехотного корпуса» [75].

Трудно сказать, удалось бы Сотникову обнаружить Васильковскую управу, не случись восстания Черниговского полка, или по-прежнему источником крамолы военные власти считали бы «недобитую» масонскую ложу. Однако события, произошедшие в ночь с 28 на 29 декабря 1825 г., начало южного восстания, сделали «тайные розыски» неактуальными: «наблюдать» Сотникову пришлось, прежде всего, за настроениями в городе.

Сергей Муравьев-Апостол был уверен: Трубецкой – «человек, заслуживающий доверия» [76]. Эту уверенность с руководителем Васильковской управы разделяли не только конспираторы, но и высшие должностные лица империи, включая императора Александра I. Трубецкой, как следует из документов, обладал редким даром входить в доверие к окружающим его людям, делать их своими союзниками. Однако и в заговоре, и на службе князь был самостоятельной фигурой, доверяя, по преимуществу, только самому себе. Опытный и осторожный политик, князь сорвал масштабную полицейскую операцию по выявлению тайного общества в Киеве. И тем обманул доверие своих начальников, сделав возможными и восстание на Сенатской площади, и восстание Черниговского полка.

Источники и литература:

1. Восстание декабристов. Документы и материалы: в 21 т. (далее – ВД). – М.; Л., 1925. – Т. 1. – С. 35.

2. Ермолов А. П. – Закревскому А. А. 22 ноября 1822 г. // Сборник Императорского русского исторического общества (далее – ИРИО). – Т. 73. –

- С. 400; Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Ф. 35. – Оп. 3/244. – Св. 141. – Д. 1524. – Л. 1.
3. РГВИА. – Ф. 35. – Оп. 3/244. – Св. 141. – Д. 1524. – Л. 2.
4. Цит. по: **Щербатов А. Г.** Мои воспоминания. – СПб., 2006. – С. 196.
5. **Вигель Ф. Ф.** Записки: в 2 т. – М., 2003. – Т. 2. – С. 1040.
6. РГВИА. – Ф. 35. – Оп. 5/246. – Св. 313. – Д. 1841а. – Л. 8.
7. Документы о финансовых махинациях секретаря киевского гражданского губернатора П. А. Жандра // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы. – М., 2008. – С. 94.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. (далее – ПСЗРИ). – СПб., 1830. – Т. 43. – С. 89.
9. РГВИА. – Ф. 395. – Оп. 77/361–363. 2 отд. – Д. 178. – Л. 4.
10. Там же. – Л. 6–7.
11. Там же. – Л. 4–4об.
12. Там же. – Л. 4об.
13. Там же. – Оп. 73, 2 отд., 1821. – Д. 1273. – Л. 6–7, 10 и др.
14. Державний архів Київської області (далее – ДАКО). – Ф. 2. – Оп. 3. – Д. 4634. – Л. 5.
15. РГВИА. – Ф. 14414. – Оп. 1. – Д. 167. – Л. 1.
16. Там же. – Ф. 36. – Оп. 3/847. – Св. 25. – Д. 12. – Л. 1.
17. ДАКО. – Ф. 2. – Оп. 145. – Д. 320. – Л. 5.
18. Там же. – Оп. 3. – Д. 4634. – Л. 5.
19. Там же. – Оп. 147. – Д. 12. – Л. 1об., 2.
20. ВД. – М., 1954. – Т. 11. – С. 246.
21. Там же. – М.; Л., 1927. – Т. 4. – С. 233; **Муравьев-Апостол М. И.** Воспоминания и письма. – Пг., 1922. – С. 76.
22. **Вигель Ф. Ф.** Записки. – М., 2003. – Т. 1. – С. 158.
23. **Второв И. А.** Москва и Казань в начале XIX в. Записки И. А. Второва // Русская старина. – 1891. – Т. LXX. – Кн. 4. – С. 11.
24. Рукописный отдел Института русской литературы (РО ИРЛИ). – Ф. 617. – Д. 1. – Л. 6.
25. РГВИА. – Ф. 395. – Оп. 77/361–363. 2 отд. – Д. 178. – Л. 27–31.
26. Там же. – Ф. 14414. – Оп. 1. – Св. 25. – Д. 181. – Л. 5–6; См. также: Там же. – Ф. 846. – Оп. 16 (ВУА). – Д. 800.
27. Там же. – Ф. 14414. – Оп. 1. – Св. 25. – Д. 181. – Л. 8.
28. Там же. – Д. 183. – Л. 1, 3об., 4об–5.
29. Там же. – Л. 3.
30. Там же. – Л. 3об.
31. Там же. – Ф. 395. – Оп. 77/361–363. 2 отд. – Д. 178. – Л. 3, 33, 39–39об.
32. **Муравьев-Апостол М. И.** Указ. соч. – С. 76.
33. ВД. – Т. 9. – С. 72–73.
34. РГВИА. – Ф. 14414. – Оп. 1. – Д. 183. – Л. 2–2об.
35. См., напр.: Там же. – Д. 186.
36. РГВИА. – Ф. 14414. – Оп. 1. – Д. 183. – Л. 9–9об.; Ф. 36. – Оп. 3/847. – Св. 4. – Д. 12. – Л. 2.

37. Там же. – Ф. 36. – Оп. 3/847. – Св. 4. – Д. 12. – Л. 2.
38. ВД. – М.; Л., 1927. – Т. 3. – С. 139–140.
39. Там же. – М., 1976. – Т. 14. – С. 339.
40. Там же. – Т. 9. – С. 259.
41. Там же. – Т. 4. – С. 187.
42. Там же. – С. 214.
43. Там же. – Т. 9. – С. 132; Т. 4. – С. 116.
44. Показания Трубецкого в следственном деле
А. О. Корниловича // ВД. – М., 1969. – Т. 12. – С. 332–333.
45. ПСЗРИ. – Т. 32. – С. 59.
46. Там же. – С. 53, 59
47. РГВИА. – Ф. 14414. – Оп. 10/291. – Св. 64(277). – Д. 382. Ч. 1. –
Л. 8–10; Оп. 9/292. – Св. 4(181). – Д. 95. – Л. 474–475; 482–486; Оп. 9/292. –
Св. 5(182). – Д. 159. – Л. 95–96.
48. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
(ОР РГБ). – Ф. 41. – Карт. 97. – Ед. хр. 5. – Л. 50б.
49. Киселев П. Д. – Закревскому А. А. 10 января 1823 г. // ИРИО. –
Т. 78. – С. 269; Закревский А. А. – Киселеву П. Д. 31 января 1823 г. // Там
же. – С. 110; См. также: РГВИА. – Ф. 14414. – Оп. 9/292. – Св. 5(182). –
Д. 159. – Л. 95–96.
50. РГВИА. – Ф. 846. – Оп. 16 (ВУА). – Д. 17117. – Л. 2.
51. Там же. – Ф. 395. – Оп. 76. 2 отд. 1 ст. – Д. 406. – Л. 13.
52. Там же. – Ф. 846. – Оп. 16 (ВУА). – Д. 17117. – Л. 1.
53. Там же. – Ф. 16231. – Оп. 1. – Д. 749. – Л. 510, 596, 627 и др.;
Ф. 16231. – Оп. 1. – Д. 749. – Л. 667об.
54. Там же. – Ф. 395. – Оп. 77/361–363. 2 отд. – Д. 178. – Л. 3.
55. ВД. – М., 2001. – Т. 20. – С. 173.
56. Там же. – Т. 12. – С. 333.
57. Цит. по: **Щербатов А. Г.** Указ. соч. – С. 196.
58. ВД. – Т. 1. – С. 78.
59. РГВИА. – Ф. 16231. – Оп. 1. – Д. 749.
60. ВД. – М., 1954. – Т. 11. – С. 246.
61. Цит по: **Порох И. В.** Восстание Черниговского полка // Очерки из
истории движения декабристов. – М., 1954. – С. 148.
62. ВД. – Т. 9. – С. 189.
63. Там же. – Т. 11. – С. 198.
64. Там же. – С. 256.
65. Цит по: **Порох И. В.** Указ. соч. – С. 148.
66. ВД. – Т. 20. – С. 173.
67. Там же. – Т. 1. – С. 35.
68. Там же. – Т. 4. – С. 238.
69. **Лебцельтерн З. И.** Екатерина Трубецкая // Звезда. – 1975. –
№ 2. – С. 184.
70. Там же. – Т. 4. – С. 284, 103–104; Т. 9. – С. 190.
71. РГВИА. – Ф. 35. – Оп. 3/244. – Св. 144. – Д. 1662. Ср.: **Муравьев-
Апостол М. И.** Указ. соч. – С. 85.

72. Материалы о восстания Черниговского полка из архива А. Г. Щербатова // Письма и материалы / Под ред. Н. П. Чулкова. – М., 1938. – С. 15.

73. ВД. – М.; Л., 1929. – Т. 6. – С. 333.

74. Цит. по: **Щербатов А. Г.** Указ. соч. – С. 196–197.

75. РГВИА. – Ф. 14414. – Оп. 1. – Д. 195. Ч. 1. – Л. 45–46, 50об.

76. Цит по: **Порох И. В.** Указ. соч. – С. 148.

Жюли Грандей
(Лион)

ДЕКАБРИСТСКАЯ РЕСПУБЛИКА: ПОИСК ОПРЕДЕЛЕНИЯ*

В истории российской общественной мысли – в особенности понятия государства – крайне важной вехой является республика декабристов. В ней скрывается не столько отказ от произвола монарха, сколько новый подход к самому государству. В данной статье автор пытается определить значения декабристской республики.

Новое понимание суверенитета

Очевидное превосходство республики над всеми остальными типами государственного управления основывается для декабристов на государственном праве – сложном комплексе, включающем конституционное и административное право. Краеугольный камень в этой системе – это суверенитет государства, основанием для которого в представлении декабристов в конечном итоге служит народ, объединенный в нацию. Основывая политическую власть на суверенитете, декабристы отвергают одновременно и идею империи (*imperium*), и идею государства как вотчины монарха (*dominium*) – два главных основания самодержавной власти [1]. Империя связана, прежде всего, с военной функцией государства, в то время как суверенитет предполагает сообщество свободных людей, которые устанавливают обязательственные отношения между гражданином и законом; главным принципом становится правовой принцип, а не отношения силы. С другой стороны, если идея вотчинного государства делает политическую власть собственностью монарха, то суверенитет предполагает, что политическая власть является служением обществу: «Она не принадлежит ни дворянам, ни князьям, ни государству. Она *и есть* государство» [2]. Но декабристы интересны не столько тем, что они развивают идеи правового государства и конституции, но скорее тем, что они устанавливают связь между этими идеями и суверенитетом. Отказ

* Из неопубликованной книги Ж. Грандей: Запретная республика. Декабристский опыт и его вызовы (XVIII–XXI вв.), Seyssel, Champ Vallon, 2012 (на фр. яз.).

от империи и от идеи вотчинного государства значительно меняет представления о государстве в целом.

Эти размышления вполне вписываются в русскую политическую культуру, уже знакомую с понятием суверенитета: напомним, что этот термин появляется в «Наказе» Уложенной комиссии Екатерины Великой, а затем широко используется в конституционных проектах Сперанского и Новосильцева. Но не стоит преувеличивать значение идеологического употребления этого термина в текстах, одобренных императором. Утверждая, что суверенитет имеет основание в народе, который призван участвовать в общественных делах, декабристы отходят от пустых заявлений Сперанского и стремятся вывести из этого принципа все необходимые последствия для политической жизни. Меняется сущность суверенитета: теперь речь идет не о декларативном суверенитете, который вполне совместим с самодержавным строем, а о действительном, полноценном суверенитете, который становится фундаментальным принципом и катализатором политической жизни в республике [3].

Народ, объединенный в нацию, становится, таким образом, главным действующим лицом в политической жизни государства. Переход к действительному суверенитету на практике меняет роль закона. Консервативная знать охотно отождествляла закон и волю монарха, вполне в духе екатерининского времени: «В России государь есть живой закон. Не бояться государя – не бояться и закона!» [4]. Декабристы твердо противопоставляют себя такому пониманию закона, которое отражает патриархальные и абсолютистские представления о власти. Они считают, что закон выражает общую волю (*volonté générale*), а государством управляет общественный интерес (*intérêt commun*) [5]. Итак, первым принципом нового российского государства должно стать равенство всех граждан перед законом: эта тема проходит как лейтмотив во всех текстах декабристов, идёт ли речь о конституционных проектах Н. М. Муравьёва [6] и П. И. Пестеля [7], или о Манифесте С. П. Трубецкого, который должен был читаться на Сенатской площади утром 14 декабря 1825 года. «Равенство перед законом есть необходимое основание справедливого государственного устройства», – говорит Пестель в предисловии к своему проекту конституции [8].

Как выражение общей воли, закон должен неукоснительно соблюдаться; любое его нарушение противоречит общественному интересу: «Всякое постановление, нарушающее равенство всех перед законом, есть нестерпимое зловластие, долженствующее

неприменно быть уничтоженным», утверждает Пестель в *Русской Правде*. Такое понимание закона меняет и судебную практику: в соответствии с радикальной интерпретацией, виновные должны быть судимы согласно букве закона, а не его духу [9]; общая воля не должна толковаться или интерпретироваться, чтобы не быть искаженной. Это абстрактное всеислие закона должно было противодействовать, по мнению декабристов, культу личности, объектом которого являлся государь и произвол единоличного правления [10].

Представительная республика и торжество выборного принципа

Действительный суверенитет ставит выборный принцип в основание политической жизни в республике. И действительно, именно идея представительной власти приводит декабристов к мыслям о республике. Она для них является ничем иным, как способом представительного управления, что приближает их к определению республики, данному Гамильтоном во время дискуссии об американской федерации в 1787–1788 гг.: «Под республикой я понимаю правительство, в котором существует идея представительства» [11]. Декабристы очень часто ссылаются на американский политический опыт. Сердцем республиканец, разумом монархист, Рылеев признается в своих симпатиях к «форме правления Соединенных Штатов Северной Америки, предполагая, что форма правления этой республики является самой подходящей для России из-за ее многонациональности и громадности ее территории» [12]. Благодаря представительному принципу формирования правительства, республика вновь может стать реальностью политической жизни: с этого момента представительство становится сущностью республиканского государства. «Великая идея представительного правительства вернула гражданам право участвовать в важных делах государства», – утверждает Пестель. И продолжает: «Представительная форма правления решила главную проблему в управлении государством, примирив невозможность для всех граждан обратиться в одном месте и неотъемлемое право каждого из них участвовать в делах государства» [13].

Для декабристов, как и для их современников, прямая, или демократическая, республика – это модель государственного устройства, принадлежащая истории античности; в эпоху революций эта идея принимает форму *представительной республики*: именно

она является главным предметом внимания декабристов, это её они мечтают воплотить в обновленном русском государстве.

Вопрос о представительной власти вовсе не нов для русской политической культуры: в этом смысле, декабристы вполне вписываются в общий контекст своей эпохи; но и здесь они снова придают этой идее иное направление, и это значительно отличает их от политических концепций их современников. Действительно, идея представительства заложена была еще в созыве Императорской Уложенной комиссии Екатериной II в 1767–1768 гг. Императрица согласилась тогда посоветоваться с народными представителями от дворянства, купечества и городского сословия. Идея представительства получает более последовательное развитие в проектах Сперанского и Новосильцева, которые, тем не менее, ограничивают его дворянским сословием: основная сложность заключается в том, как определить содержание термина «народный». Если смысл прилагательного и остается проблематичным, то сама идея представительства, кажется, была воспринята в правление Александра I. Но связывая представительство с республикой, отождествляя представительный способ управления с республиканской формой государственного правления, декабристы производят значительную перестановку: представительство теперь не уступка императора народу, она основной способ участия суверенного народа в общественных делах. «Представительная форма правления, в сущности, есть не что иное, как власть народа, осуществляемая его представителями во всем, что касается его интересов. Эта власть реализуется, прежде всего, через создание и исполнение законов» [14]. То есть она находится не на периферии, а в самом центре политической жизни государства.

Всё это определяет принципы избрания государственных руководителей: принцип назначения сверху окончательно забыт в пользу выборного принципа. Выборный процесс определяется как единственный легитимный способ назначения представителей, так как только он может прозрачным образом выражать волю народа: «любые выборы, – утверждает Пестель, начиная с 1820-го г., – имеют своим источником решение избирателей» [15]. Точно так же, как и народное представительство, выборный принцип является одним из фундаментальных элементов республики. Торжество выборного принципа нарушает политическое равновесие, создавшееся в империи, так как оно превращает избранный народом парламент не в совещательный орган при императоре, а в полноценную действующую власть. В новом российском

государстве, задуманном декабристами, самой развитой ветвью власти будет власть законодательная, представленная одно- или двухпалатным парламентом, сформированным по выборному принципу: выборность придает ему одновременно легитимность и властные полномочия. Радикальное отрицание монархии не сопровождается, таким образом, отрицанием конституционализма или парламентаризма: эти два понятия соединяются причудливым образом в республиканском государстве. Представительная республика, объект страстных желаний декабристов, была на самом деле началом немонархического парламентаризма.

Новая роль гражданина

Действительный суверенитет воплощается и в новом образе гражданина. Этот термин используется и Екатериной II, и Александром I, когда речь идет об императорских подданных, декабристы же устанавливают четкое различие между этими терминами на основе прав членов политического сообщества: индивид является подданным в гражданских делах, но гражданином в политическом смысле. К примеру, Пестель четко различает народ в гражданском отношении и в политическом. Именно в политическом отношении гражданин пользуется полностью оказанных ему свобод.

В дальнейшем само слово «подданный» перестает употребляться, и декабристы говорят только о гражданине, действующем лице на политической арене, выразителе народного суверенитета. Это означает необходимость реорганизации российского общества на основе новых принципов: сословия отныне должны быть отменены, существует только один общий класс граждан. Декабристы приходят к этому двумя путями. Во имя принципа гражданской свободы декабристы отказываются от деления общества на группы по профессиональному признаку, в этом смысле они повторяют известную максиму политэкономии [16]. Во имя принципа всеобщего равенства перед законом они требуют отмены социальных привилегий: «Нужно уничтожить все дворянские знаки отличия, чтобы достигнуть полного слияния дворянства, третьего сословия и крестьянства», чтобы в конечном итоге «все касты и привилегии ушли в прошлое и нацию составляли бы люди с разным достатком и неодинаково образованные, но равные перед законом» [17]. Здесь несомненно влияние французской политической мысли, об этом говорит употребление термина «третье сословие», не совсем адекватного для описания российской действительности. Либеральный и республиканский принципы лежат в основе отказа от деления общества на твердые категории.

Сложившееся на тот момент представление об обществе кардинально меняется при появлении на политической арене гражданина: тогда как Екатерина II подчеркивала существование в российском обществе строгих категорий подданных, различия между ними слегка смягчил в своих проектах Сперанский, декабристы же полностью освобождают российское общество от такого разделения, основанного на неравенстве перед законом. Новое русское государство будет состоять только из граждан.

Какова же роль этого нового гражданина, наделенного политическими правами? По отношению к государству у него есть определенные обязанности. Несмотря на многие разногласия, декабристы сходятся на том, что основных обязанностей две: исполнение военного долга и уплата налога [18]. Эти требования проникнуты поистине республиканским духом. Каждый гражданин должен пройти военную службу, чтобы быть в состоянии в случае необходимости защитить родину: всеобщий военный призыв, дополняющий профессиональную армию, демонстрирует ответственность и сознательность каждого гражданина в деле защиты своего народа и государства. В то же время уплата налога означает, что каждый гражданин без исключения должен вносить свою лепту в дело строительства государства. В конце концов, политические права гражданина определяют его отношение к власти и тесно связаны с представительной республикой. Участие в общественных делах может иметь разные формы, но декабристы заостряют внимание на двух главных правах: праве участия в голосовании – прямого или через посредника; праве занимать любой государственный пост, на который гражданин может быть назначен благодаря доверию его сограждан. Политические права гражданина, таким образом, сводятся к праву избирать и быть избранным [19]. Торжество выборного принципа налицо: как способ реализации народного суверенитета, выборный принцип становится и способом выражения общей воли. Он свидетельствует о зрелости народа, который способен иметь и выражать политическое мнение и влиять на власть через голосование или гражданский контроль. Именно в этом понятии гражданской ответственности заключается вся актуальность декабристов.

Источники и литература:

1. **Kriegel, B.** Philosophie de la République [Философия Республики]. – Paris, Plon, 1998. – С. 77–86.
2. Там же. – С. 80.

3. **Rosanvallon, P.** La démocratie inachevée – Histoire de la souveraineté du peuple en France [Несовершенная демократия. К истории народного суверенитета во Франции]. – Paris, Gallimard, collection Folio/Histoire, 2000.

4. **Карамзин Н. М.** О древней и новой России. Цит. и перевод: **Тургенев Н. И.**, *La Russie et les Russes* [Россия и русские]. – Paris, Comptoir des Imprimeurs unis. – 1847. – Т. I. – С. 504.

5. См. **Rousseau, J.-J.** Du contrat social [О социальном договоре]. – Paris, Flammarion, 2001. – Кн. 1. – Гл. 1. – С. 65.

6. **Муравьев Н. М.** Конституция. – Гл. 3, § 10.

7. **Пестель П. И.** Русская правда. – Введение, § 6.

8. Там же.

9. **Пестель П. И.** Русская правда. – Гл. 5, § 10.

10. Среди декабристов один Батеньков настаивает на том, что диктатура закона на самом деле столько же опасна, сколько диктатура самодержца. **Батеньков Г. С.** Обзорение конституционного строя // **Довнар-Запольский М. В.** Мемуары декабристов. – Вып. 1. – К., 1906. См. также: Дело Г. С. Батенькова // Восстание декабристов. – М, 1976. – Т. XIV. – С. 136.

11. **Hamilton, A.** The Federalist. – n°X.

12. **Рылеев К. Ф.** // Восстание декабристов. – Т. 1. – М., 1925. – С. 175.

13. **Пестель П. И.** Русская правда. – Гл. 4, § 13.

14. **Тургенев Н. И.** *La Russie et les Russes* [Россия и русские (на французском языке – перевод наш)]. – Т. III. – С. 280–281.

15. **Пестель П. И.** *Tract politico-social* [Политико-социальный трактат, перевод с фр.] // Восстание декабристов. – Т. 7. – М., 1958. – С. 307.

16. **Пестель П. И.** Практические начала политической экономии // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. – М., 1951. – Т. 2.

17. **Пестель П. И.** *Tract politico-social* [Политико-социальный трактат, перевод с фр.] // Восстание декабристов. – Т. 7.

18. Там же.

19. Там же. «Les droits politiques consistent à avoir le droit d'occuper toute place à laquelle peuvent l'appeler le choix ou la confiance de ses concitoyens, et prendre part lui-même au choix de tous les électeurs dans les collèges électoraux».

*Наталья Жаркевич
(Нежин)*

**ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ Ф. Н. ГЛИНКИ В КОНТЕКСТЕ
ЖАНРОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ДРУЖЕСКОГО ПИСЬМА
НАЧАЛА XIX ВЕКА**

В истории русской литературы Ф. Н. Глинка занимает вполне уважаемое, ему одному принадлежащее, место. Он был поэтом прозаиком драматургом. Но если художественное творчество писателя не раз уже привлекало внимание исследователей, то его эпистолярное наследие для большинства из них служило лишь биографическим документом, источником тех или иных подробностей его жизненной судьбы. Между тем частная переписка Ф. Н. Глинки, на наш взгляд, является не менее интересным фактом литературы, нежели его знаменитая публицистика, представленная «Письмами русского офицера», «Письмами к другу» и другими произведениями.

Напомним, что в русской культуре жанр дружеского письма, дружеской переписки с ее установкой на непринужденность общения своими истоками уходит еще в XVIII столетие и связан с эпистолярными опытами Д. И. Фонвизина, В. В. Капниста, Н. А. Львова, Н. М. Карамзина, И. И. Дмитриева, М. Н. Муравьева и других авторов. Но уже начало XIX века становится временем его подлинного расцвета. Именно в дружеских письмах В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, П. А. Вяземского, Д. И. Давыдова, К. Н. Батюшкова, Е. А. Баратынского обозначатся важнейшие признаки жанра и возникнет представление об их историко-литературной ценности. Доказательством чего могут служить как сохранившиеся многочисленные черновики их писем, так и совсем нередкие замечания авторов или адресатов об их значимости как факта творчества.

Ср., например, оценку А. И. Тургенева писем П. А. Вяземского: «Краткое и безбожно-любезное письмо твое от 1 мая получил... Жуковскому письмо очень понравилось, и он хотел у меня отнять его, но это значило бы отнять его у бессмертия, ибо я берегу твои письма, чтобы со временем... издать их в свет и сделать из тебя самого второй том Галиани» [1, с. 232]. Или самооценку А. С. Пушкина в одном из писем к жене: «Вчера был у Вяземской, у ней отправлялся обоз, и я было с ним отправил к тебе письмо, но

письмо забыли, а я его к тебе препровождаю, чтоб не пропала ни одна строка пера моего для тебя и для потомства» [2, с. 418].

Такой расцвет дружеского письма стимулировали две причины. Во-первых, – это поиски новых, камерных, жанров в стихах и прозе в связи с новыми эстетическими веяниями – проникновением на русскую почву романтизма с его обостренным чувством личности и повышенным интересом к ее внутреннему миру. И, во-вторых, – это необходимость создания единого литературного языка, что убедительно выявила уже знаменитая «полемика о языке» между «шишковистами» и «карамзинистами» [3].

Ф. Н. Глинка, всегда находившийся в гуще общественных и литературных событий своего времени, также принял самое живое участие в решении названных проблем. Мы не располагаем полным корпусом его писем, но опубликованная их часть дает основания думать, что эпистолярное наследие писателя отразило важнейшие тенденции, связанные с процессом становления жанра дружеского письма, а тем самым и становления русской художественной прозы.

Прежде всего в соответствии с традицией складывающегося жанра эпистолярное наследие Ф. Н. Глинки раскрывает неповторимый, сугубо индивидуальный образ его автора. И этот образ обнаруживает способность к развитию. В годы своей декабристской молодости – это человек умный, волевой, энергичный и вместе с тем предельно скромный. Звание «доброе русского человека» для него важнее чинов, крестов и титулов. Он не умеет быть равнодушным к чужому горю и совершенно искренне радуется чужим успехам. Ср.: «... муж правды (Н. С. Мордвинов. – Н. Ж.) ... Потомство оценит ваши труды Ваши! мудрый монарх и современники уже оценили их» (Письмо к Н. С. Мордвинову от 17 сентября 1824 года [4, 470]).

В годы своего петрозаводского изгнания он – одинок, растерян, с большим достоинством, однако, переносящий свои несчастья. Но по-прежнему его отличают мягкость, скромность и очень большая деликатность. «Благодарю вас за честь и приглашение, – пишет он, например, Н. В. Измайлову 10 декабря 1827 года, – но спешу уведомить, что имя мое выставить наряду с вашим весьма неловко и по литературному и по политическим уважениям» [4, с. 487]. Или в письме к М. П. Погодину от 7 ноября 1827 года можно прочесть: «Назначение монетной платы представляю вам, по удержанию за собою права сказать вам, если вы назначите много, и в таком случае, отстраняя излишек, я приму только то, что мне покажется достаточным» [4, с. 484].

После ссылки, женившись, Ф. Н. Глинка обретает тихую пристань. Но на всех этапах своего жизненного пути он совершенно искренно влюблен и служит литературе.

Внешний образ писателя, складывающийся в его письмах из перечисления текущих дел, забот, новостей, просьб, суждений о прошлой и современной литературе, особенно петрозаводского периода, выразительно дорисовывается, психологическими подробностями. Ср.: «Признаюсь, мой милый, ... Андрей Андреевич (Ивановский. – Н. Ж.). Противувольный отъезд мой ... одним ударом отсекает меня от всего знакомого, милого, родного и привычного; разлучаюсь и с вами!.. 13-недельное сидение без света и воздуха и снятие двух чинов не столько огорчает, как сей отъезд. ... шутки в сторону, а я, право, не знаю кто я, что я и куда меня... Неизвестность тошнее прежнего жилища» (тюрьмы. – Н. Ж.); Или: «В сих-то местах, в Петрозаводске, который, разве по самозванству считается городом (да еще губернским!), ... неволью родится мысль: «Господи боже! Неужели придется умереть на чужбине ... При этой мысли какой-то внутренний мороз отдирает кожу от костей»). Или: «... я, слава Богу, ни против кого не имею ничего, ничего похожего на чувство злобы. И сие состояние совершенного беззлобия производит удивительное действие. Когда скажешь себе: «Я всех люблю!» – то, кажется, какое-то солнце входит в грудь и наполняет ее утешительною светлостью и теплотою» [4, с. 472, 489, 483].

Одним из ключевых вопросов дружеского письма в жанровом отношении, напомним, оказалась также его тематика. Как правило, пестрая и разнообразная. Тематический диапазон писем Ф. Н. Глинки довольно широк: от крупнейших событий общественной жизни и международной политики, Теплицких соглашений (1813), Венского конгресса (1815), «Ста дней» Наполеона (письма к А. А. Михайловскому-Данилевскому), полемики между западниками и славянофилами (письмо к П. Я. Чаадаеву) до вопросов религии, нравственности, юриспруденции (письмо к Н. С. Мордвинову), древнерусской письменности и литературы (письмо к Н. И. Гнедичу) и многое другое.

Он следит за жизнью армии («узнал я о приезде почтенного генерала Коновницына») и отчитывается о выполнении просьб: «все поручения ваши (А. А. Михайловского-Данилевского. – Н. Ж.) ... я выполнил. Большую посылку в С.-Петербург, а прочие письма куда следовало послал») [4, с. 466].

Он делится жизненными наблюдениями и дает советы: «Берегите ж, о, берегите доброту сердца, непорочность нравов,

свежесть мечтаний и самую прелесть неопытности. ... Но не предавайтесь слишком мечтам. Всего опаснее основывать на них соображения и расчеты для будущего. Не верьте льстивым обетам людей, а еще менее посулам счастья. Руководствуйтесь более благоразумием: оно ... как компас для плаванья в неизвестных морях. Это древняя истина, которую беспрестанно все повторяют, которой все верят, но редкие следуют» (Письмо к В. К. Кюхельбекеру. Без даты [4, 468]).

Воспоминания о прошлом в них соседствуют с текущими бытовыми подробностями собственной жизни. Ср.: «Незабвенны для меня те вечера, когда, слушая вас (А. И. Михайловского-Данилевского. – *Н. Ж.*), я видел в воображении цветущую Италию. ... Ваши прекрасные рассуждения об изящности произведений древних, о вкусе, нравах и словесности народов, запечатлевшись в уме моем, останутся навсегда памятником вашего дружества. ... Как скоро зима остепенится, полечу в армию. Теперь у нас спор стихий, – грязь, и дороги никакой нет» [4, с. 466].

Вопросы личного творчества перемежаются в письмах Ф. Н. Глинки с оценками сочинений его современников, как, например, в письме к А. А. Михайловскому-Данилевскому от 12 июня 1815 года: «Среди всех недосугов я уловил несколько времени, чтоб привести в порядок полевые записки мои. 8 частей «Писем русского офицера» уже печатаются. ... Соотечественники наши оказывают довольно внимания к слабым трудам моим». И тут же: «Сердечно порадовался я, – что дарования и способности ваши получили возможность развиваться, цвести и приносить истинную пользу» [4, с. 468, 467].

Письма Ф. Н. Глинки дают выразительное представление о его духовных запросах и интересах: «Науки политические, – признается он в письме к Н. С. Мордвинову, – столь привлекательные по своей ясности, и новейшие философы, с их отвлеченными умозрениями были уединенными собеседниками моих долгих вечеров...» [4, с. 470]. Интересную оценку учения Шеллинга содержит и его письмо к М. П. Погодину от 7 ноября 1827 года: «... некогда я с жадностью слушал лекции сей философии, содержание оных сохранилось еще у меня в тетрадях. Важное понятие о безусловном, о Гармонии мира уясняет мысли, возвышает душу» [4, с. 484].

О нравственном облике писателя можно судить по цитированному выше письму к В. К. Кюхельбекеру: «Я вовсе не ищу, чтобы меня почитали как писателя, ... а, признаюсь, желал бы, чтобы меня любили как человека» [4, с. 468–469].

Тематика петрозаводских писем, правда, несколько уже. Это, в основном, ностальгические воспоминания о прошлом, воссоздающие атмосферу литературного быта преддекабристской поры. Они отразились в его письмах к Н. И. Гнедичу, В. И. Измайлову, А. С. Пушкину, другим адресатам. Например: «Порывистые бури прионежских стран, ни бури другого рода, протекшие над головою бедного человека, не могли унести воспоминания о вас (Н. И. Гнедиче. – Н. Ж.), о Вашей драгоценной ко мне приязни, о тех незабвенных вечерних беседах, когда приезжал я к вам *отогреть душу* (выделено Глинкой. – Н. Ж.), озябшую в тревожном, охладелом свете» [4, с. 472]. Или: «Часто, часто ... припоминал я то приятнейшее время, когда пользовался удовольствием личных с Вами (А. С. Пушкиным. – Н. Ж.) свиданий. И без Вас мы, любящие Вас, были с Вами. В пиитическом уголке П. А. Плетнева мы часто ... слушали живое стереотипное издание творений Ваших – Вашего любезного брата Льва Сергеевича. Он прочитывал от доски до доски целые поэмы Ваши наизусть с величайшей легкостью и с сохранением всех оттенков чувства и пиитических красот» [4, с. 490].

Это колоритные зарисовки местной природы и климата, унылого провинциально быта. Так, Петрозаводск, по определению Ф. Н. Глинки – «песчаная скала, воздвигнутая или нанесенная движением великих вод». Природа – величественна: «Все в необъятно огромных размерах. В одном месте видите оз<еро> Онегу с десятью тысячами квадратных верст ее влажной площади; в другой стороне непроходимые леса растут и согнивают на огромном квадрате из пяти тысяч верст. Во всей Олонецкой губернии *сто шестнадцать тысяч верст* (выделено Глинкой. – Н. Ж.), а жителей едва до 100 тысяч!» (Письмо к В. В. Измайлову от 16 августа 1827 года [4, с. 480, 481]). Климат – суров: «в сей стране, где ... весна, пролетая быстро, как испуганная птица, не успевает нагреть могилу и вырастить на ней цветок» («Письмо к Н. И. Гнедичу от 24 марта 1829 года [4, с. 489]). А сама жизнь в таких условиях – уныла и однообразна: «подле меня сидит советник, изъедаемый раком, последствием пыльных канцелярских трудов. Выбежишь за город – нагое поле, усеянное могилами председателей, судей и советников» [4, с. 489].

Это, наконец, размышления о движении времени, о превратностях человеческой жизни, об уроках дурно понятого просвещения: «... тогда было больше теплоты в обществе, менее дремоты в душах... . Теперь ... все так чванно, чинно холодно! ... Просвещения! просвещения! это заветный талисман, который и

пользует и губит. Все зависит от меры, способа и приложения к месту и времени. – Грамотность у нас считается просвещением, а я *здесь* (т. е. в Петрозаводске. – Н. Ж.) вижу ее существенный вред. ... *здесь* много грамотеев и множество ябедников: за всякий толчок ссора, за всякую копейку спор и тяжба!» (Письмо к В. В. Измайлову от 26 февраля 1826 года [4, с. 476]). Или: «Есть одна точка, с которой, смотря на жизнь человеческую, можно много смеяться. Участок времени, называемый жизнью, так мал в сравнении с вечностью! Иногда это ясно видишь и в такие минуты прояснения невольно улыбаешься над детскими усилиями так называемых бедствий, нужд и забот, порывающихся поколебать величественное спокойствие мужающегося духа, сего пришельца из другой природы, недостижимой на смерти, ни тлению, ни веющему над землей вихрю случайностей» (Письмо к В. В. Измайлову от 21 июля 1827 года [4, с. 479]).

Однако основной, доминирующей темой глинковских писем в период изгнания, равно как и в последующие годы стала тема литературы, что закономерно. В драматических условиях разлуки с друзьями, материальных невзгод, неприглядного провинциального быта и изнуряющей неинтересной работы старшего советника губернского правления вести о литературной жизни обеих столиц вызывают самую живую реакцию писателя-изгнанника, а собственные занятия литературой становятся моральной отдушиной и поддержкой.

В этом контексте интересно его письмо А. А. Ивановскому, другу и земляку, в котором Ф. Н. Глинка описывает свои труды и досуги: «Я встаю в 7 часов. В 8 уже занимаюсь ... чтением *журнальных статей или постановлений* (Здесь и далее курсив Глинки. – Н. Ж.). Эта материя вам знакома по прежней вашей службе (Одно время А. А. Ивановский служил при А. Х. Бенкендорфе. – Н. Ж.). В 10 часов я в правлении. ... В почтовые дни (понедельник и вторник) мне приходится подписывать большие кипы бумаг ... Недавно в одно утро, для одной почты, подписал я ровно *тысячу сто девять бумаг!* За механическим трудом подписывания следует больший – труд прочитывания. На каждый день, круглым числом, достается прочитывать до 100 больших страниц. ... Так проходят *законные часы*. В три часа иду обедать, иду, ибо у себя по моей бедности и здешней дороговизне, стола держать не могу. Часу в 5-м возвращаюсь в мою квартиру. ... В 6 часов опять считаю обязанностью заняться чтением какой-нибудь толстой журнальной статьи. ... К 7-ми часам иду на пустынные берега Онеги; к 8-ми часам куда-нибудь захожу на часок,

ибо, не играя в бостон, нигде не засиживаюсь. Часов в 9 я уже дома, и тут мое время! ... Пылкость и жизнь мыслей, утоленная, заморенная холодным чтением безобразной приказной прозы, начинает оживать в сии часы глубокого вечернего уединения. Тут внешний мир мало-помалу отклоняется, и промежуток между им и душою занимается какою-то высшею стихиею. В таком расположении работаю я что-нибудь в прозе, иногда пишу и в стихах...» [4, с. 482].

Однако творчество для ссыльного писателя – это не только способ забыться, это еще и возможность восстановить и поддерживать связи с тем миром, от которого он оказался оторванным. И он охотно откликается на просьбы корреспондентов прислать им для публикации свои сочинения.

Одновременно и параллельно Ф. Н. Глинка внимательно следит за литературной жизнью обеих столиц и много читает. И это чтение обнаруживает в писателе проницательного критика. В потоке разнообразных явлений современной литературы он умеет заметить подлинно талантливое. А его оценки прочитанного отличаются тонким вкусом и оригинальностью. Так, стихи А. С. Пушкина, по словам Ф. Н. Глинки, «легки, как пух, и полновесны как золото». Поэма А. И. Подолинского («Див и Пери») – «это прелестное, воздушное явление в самых легких очертаниях: много радужности, есть роскошь ... Почти жаль, что она писана хореем, хотя прелестными. Если стихи, как обертку мыслей можно сравнить с тканью, то в ямбах сия ткань плотнее, гуще и потому надежнее удерживает мысль и чувство; хорей как-то сквозны, сетчатые, и мысли в них не довольно остепенены» (Письмо А. А. Ивановскому от 27 ноября 1827 года [4, с. 486]). Стихотворение П. А. Вяземского «Станция» привлекает его внимание «умным, живым, заманчивым описанием Польши! Кажется переселяешься в эту страну любви, музыки и романтической жизни» (Письмо В. В. Измайлову от 22 апреля 1827 года [4, с. 477]). Повести М. П. Погодина «Нищий», «Как аукнется, так и откликнется» внушают ему «большое уважение и что-то дружелюбное к автору» (Письмо к М. П. Погодину от 7 ноября 1827 года [4, с. 484]).

Общеизвестно, что как писатель Ф. Н. Глинка никогда не следовал моде. А его литературные взгляды и творческая практика отличались завидной самостоятельностью. «Я не классик и не романтик», – так он сам охарактеризовал свою эстетическую позицию (Письмо В. В. Измайлову от 13 декабря 1826 года [4, с. 474]).

Правда, воспитанный на литературных традициях XVIII века, он навсегда остался их приверженцем. Поэтому и «прелестная,

обворожительная, ... улаждающая безотчетно» проза Н. М. Карамзина, и «живой, цветущий, сердечный слог» его последователя В. В. Измайлова (Письмо к В. В. Измайлову от 13 декабря 1826 года [4, с. 473]), и проза М. М. Хераскова, «имеющая неотъемлемое внутреннее достоинство» (Письмо В. В. Измайлову от 26 февраля 1827 года [4, с. 475]), будут для Ф. Н. Глинки всегда более близкими, чем язык современной литературы – «резкий, бойкий, отрывистый, шершавый от ума, часто поддельного, насыпанный блестками остроумия, часто приторного» (Письмо В. В. Измайлову от 25 апреля 1827 года [4, с. 478]).

Последнее, однако, не означало, что писатель был ретроградом. Как отмечалось выше, Ф. Н. Глинка умел по достоинству оценить и поддержать новое, особенно, если в нем просматривались перспективы будущего развития литературы. В этом плане показательны его замечания о пушкинском романе «Евгений Онегин», как известно, не нашедшего сочувствия в той литературно-бытовой среде, к которой до событий 1825 года принадлежал и Ф. Н. Глинка. Ср., например, оценки К. Ф. Рылеева («... Онегин ... ниже и «Бахчисарайского фонтана» и «Кавказского Пленника») и А. А. Бестужева («... Конечно, многие картины прелестны, – но они не полны, ты схватил петербургский свет, но не проник в него...») [5, с. 443, 472]. «Не классик и не романтик» Ф. Н. Глинка очень тонко уловил реалистический пафос пушкинского романа: «Пушкин в своей поэме *Евгений Онегин* очень хорошо описал всю ничтожность нынешнего общества, и можно понять, почему Евгений, имевший блеск и удачи, наконец застыл чувствами, остолбенел. По мне эта поэма есть самая едкая сатира на свет» (Письмо В. В. Измайлову от 26 февраля 1827 года [4, с. 475]).

Оторванный от живого общения с коллегами по цеху, писатель едва ли не раньше других сумел увидеть и оценить и масштаб личности поэта, и его художественную эволюцию, и то творческое влияние, которое он оказал на поэтов- современников: «Он был живой вулкан, *внутренняя жизнь* была из него огненным столпом. Теперь приостыл и, как обыкновенно водится около вулканов, окружен изобилием, цветом и плодами» (Письмо А. А. Ивановскому от 27 ноября 1827 года [4, с. 486]). Ср.: более позднее замечание Н. В. Гоголя: «... влияние его (Пушкина. – Н. Ж.) было сильно на поэтов. ... он был для всех поэтов, ему современных, точно сброшенный с неба поэтический огонь, от которого, как свечи, зажглись другие самоцветные поэты. Вокруг его вдруг образовалось их целое созвездие». [6, с. 357].

Особую тему в глинковской переписке представляют автокомментарии к собственным сочинениям. Напомним, что в Петрозаводске Ф. Н. Глинка начал писать две едва ли не самых главных своих поэмы – «Карелия» и «Свободное подражание священной книге Иова». Сюжет первой был отнесен к эпохе Смутного времени. Одним из героев стал молодой Михаил Романов, с которым литературная традиция устойчиво связала мотив, очищения, победы добра над злом. Колоритный северный пейзаж, нарисованный автором, оттенял драматизм событий и судеб персонажей. Именно к этой стороне содержания пытается привлечь внимание Ф. Н. Глинка, отправляя свою поэму А. С. Пушкину: «Приемлю смелость... препроводить к Вам мою *Карелию*, произведение лесное, горнокаменное. Наши критики читают глазами то, что написано от души. Но... вы, может быть, заметите в Карелии чувствования незаметные другим и другими пренебрегаемые» [4, с. 491].

История библейского Иова привлекла писателя также не случайно. В своей судьбе он увидел ее повторение. И для него было очень важно, чтобы эти ассоциации возникли и у других. Поэтому тема Иова не раз встречается в его письмах. В частности: «Благодарю вас (А. А. Ивановского. – Н. Ж.) за похвалу *«Иова»* (выделено Глинкой. – Н. Ж.). Это ободряет меня продолжать. ... в некотором расположении души, когда она упитана собственной скорбью, ... можно угадать тайны скорби многострадального. Я стану усиливаться выразить, что можно и сколько можно проще и яснее, не гоняясь за пиитизмом, но за верностью» [4, с. 483].

Но поскольку прямое отождествление могло вызвать подозрения в религиозном вольнодумстве, то, каждый раз, упоминая о поэме, писатель не забывает подчеркнуть что, в своей работе он строго руководствовался источниками, которые подчас оказывались несовершенными: «чем далее, тем в тексте (французск<ом>, немецк<ом>, польск<ом>, итальянск<ом> и славянск<ом>) более темноты и единообразия» [4, с. 483]. А поэтому его произведение меньше всего можно считать автобиографическим. Например: «Это чисто *пиитическое* произведение (здесь и далее выделено Глинкой. – Н. Ж.). Кроме эпиграфов (которые можно опустить) в нем нет ничего, подлежащего *духовной цензуре*. Отрывки все были печатаны в *светских* журналах (Письмо А. Н. Никитенко от 22 июля 1835 года [4, с. 494]). Аналогично в письме к М. П. Погодину (от 1 апреля 1837 года): «По прибытии в Москву я сравнил мое переложение с Гердером, Михаэлисом, Умбрейтом и другими и много, очень много переменял и прибавил. Не осталось ни одной

главы на месте: особенно последняя изменилась в форме и стиле» [4, с. 495].

Тема автокомментариев (например, к «Очеркам Бородинского сражения» или «Таинственной капле») сохранится и в последующих, более поздних письмах Ф. Н. Глинки к П. А. Плетневу, М. П. Погодину и другим своим друзьям и знакомым [4, с. 498, 504].

Попутно, однако, отметим, что вообще-то тематический диапазон глинковских писем обусловлен степенью более или менее близких отношений писателя с адресатом. Но, и ранние, и поздние его письма сохраняют композиционный принцип «мозаичной» компоновки тематического материала, создававший эффект непринужденного разговора. Так, например, одно из писем Ф. Н. Глинки к А. А. Ивановскому начинается с благодарности за полученное послание последнего («Ваше письмо посетило меня, как гость нежданный...»). Далее следует сообщение о болезни («Радость, навеянная на душу от вашего письма, умерена несколько случившеюся простудою...»). Потом Ф. Н. Глинка объясняет свои чувства и к Николаю I («Вы справедливо оценили мои чувствования к государю редкому, государствующему единственно») и отношения с В. Ф. Адлербергом (переписка Ф. Н. Глинки с А. А. Ивановским находилась под контролем, поскольку адресовалась «в канцелярию военного министерства», где последний служил и директором которой был Адлерберг). Вслед за этим идет уведомление о невозможности ускорить посылку новых произведений для альманаха и просьбы прислать ему новую главу «Евгения Онегина» и «Остолоповы апологи». Приветы А. С. Пушкину перемежаются с оценками поэмы А. И. Подолинского. За этой тематической пестротой, когда бытовые подробности сплетаются с литературными суждениями о современниках и о собственном творчестве, выразительно просвечивает личность самого автора, и письмо, совсем не предназначенное для массовой аудитории, оказывается интересным и для широкого читателя.

Становление жанра дружеского письма сопровождалось, как известно, активным использованием стиховых вставок и цитат. Свободный переход от прозы к стихам и наоборот так же, как композиционная мозаика содержания создавал атмосферу естественного, непринужденного общения. А, кроме того, стихи становились более заземленными, а проза более поэтической. Не избежали этой тенденции и письма Ф. Н. Глинки. Как и у других его современников, это чаще всего экспромт. Но смысловые функции разнообразны. «Наскоро» написанные гекзаметры в письме к В. К. Кюхельбекеру:

О, берегись ты, юноша! Дней на рассвете,
Утренним верить мечтам. Ах, бойся беспечности сладкой!
Пользуйся утром! Как знать – будет ли полдень твой ясен?
К осени тот лишь, пожнет, кто ниву весною засеет!.. –

думаем, призваны смягчить и ослабить поучительный пафос его прозаической части. Ср.: «Не предавайтесь слишком мечтам ... Не верьте льстивым обетам людей ... Руководствуйтесь более благоразумием...». И т. д. [4, с. 469].

Горько-ироническая эпиграмма в письме к А. А. Ивановскому от 26 июня 1826 года призвана оттенить душевное смятение Ф. Н. Глинки, а вместе с тем и попытку иронически взглянуть на предстоящие жизненные испытания:

Увы! Как бедный пешегонец
От вас, по сердцу мне родных,
Скачу, скачу на почтовых
В какой-то городок *Олонец!*
Признаться, грустно! Я томлюсь,
Что с вами быть лишусь свободы;
Но там *железные* есть *воды*,
Авось и я *ожелезнюсь*... [4, с. 472].

Но и в том, и в другом случае стихотворные вставки воспринимаются как прием «олитературирования» (Н. Степанов) письма.

В стилистическом отношении эпистолярное творчество Ф. Н. Глинки чаще всего сохраняет традиции тогдашней интеллигентской письменной речи. Тем интереснее его попытки использовать выразительные возможности и устного языка – одной из важнейших жанровых особенностей дружеского письма. Использование устных оборотов речи воспринималось тогдашними писателями, прежде всего В. А. Жуковским, К. Н. Батюшковым, П. А. Вяземским, А. С. Пушкиным, др. как действенное средство в борьбе против и «высокого», и слезливо-сентиментального слога литературы XVIII века. В этом контексте обращает внимание отсутствие в некоторых письмах Ф. Н. Глинки традиционных, этикетных формул обращения, вроде: «милостивый государь!», «ваше превосходительство», т. п. Например: «Что, сказать вам, любезнейший Андрей Андреевич (Ивановский. – Н. Ж.), на ваше милое, ласковое письмо?». Или: «Думал, думал как быть! Послать, не послать? Не послать, не угодишь вам, почтеннейший Михайла

Петрович (Погодин. – *Н. Ж.*) Послать – обидеть себя. Где это видано, чтобы посылать свое детище в отрепьях и лоскутах ... Но вы так настойчиво требуете...» [4, с. 481, 495]. Точно так же, как будто с середины, то есть как продолжение разговора, начинаются письма Ф. Н. Глинки к В. К. Кюхельбеккеру, Н. И. Гнедичу, А. В. Никитенко и другим друзьям и близким ему людям.

В этом же ряду стоят в его письмах неполные предложения, вопросительные и восклицательные реплики, имитирующие диалог как элемент устной речи, подобные цитированным выше в письме к М. П. Погодину. Аналогичные примеры можно встретить и в других письмах: «Видаетесь ли Вы (Плетнев. – *Н. Ж.*) с Андреем Афанасьевичем (Никитин, русский писатель и педагог, знакомый Глинки. – *Н. Ж.*)? Куда укатилось былое? Век холодный, век расчетливый, век хрустально-ледяной настал и стоит, как генварская стужа. Баратынский уехал в Тамбов; уехал – и все его забыли! А пока был на глазах – кадили, чествовали!!!» [4, с. 499].

Наделенный от природы мягким добрым юмором, Ф. Н. Глинка охотно пользуется в своих письмах каламбурами, вроде: «Это название (доброе русского человека. – *Н. Ж.*) предпочитаю я все титулам светлости, сиятельства и превосходительства, которые почти никому не придают ни светлости, ни сияния, ни превосходства» [4, с. 468]; «В судорогах века желает вам покоя и счастья вас любящий Ф. Глинка» [4, с. 478]; «черная магия приказного дела» [4, с. 488]; «кулачный бой страстей» [4, с. 480]; «Прозы у меня совсем нет! Проза губернского правления съела у меня весь досуг» [4, с. 493]; «Не имея ... желанья начинать второй битвы Бородинской с московскою цензурою, я вздумал послать мою рукопись прямо к графу... (Бенкендорфу. – *Н. Ж.*)» [4, с. 496]; «Эта Москва (одноименное стихотворение Глинки. – *Н. Ж.*) ... уже разбежалась по Москве в разных списках..» [4, с. 498]; «Тайному Советнику (М. П. Погодину. – *Н. Ж.*) от явного почитателя его почтение, поздравления и сердечный привет посылает Ф. Глинка» [4, с. 596], др.

В равной же степени писатель владел и мастерством афористической речи. «Свободная воля есть приданое души человека», «мы судим современников, потомство судит нас» [4, с. 470], «умы изострились, как бритвы, но сердца иссохли!» [4, с. 476], «многие любят ваш (Пушкина. – *Н. Ж.*) талант; я любил и люблю в Вас – всего Вас» [4, с. 493], «много проезжает людей, но редко навернется человек», «корабль прошедшего разбился о скалы настоящего» [4, с. 506] – эти и подобные, емко концентрирующие

мысль, выразительные замечания не раз встречаются в письмах Ф. Н. Глинки.

Более редко, но все же в глинковской переписке можно встретить и другие элементы разговорной речи: ласкательные обращения («милый», «мой милый»), комические неологизмы («пешегонец», «умопоклонники», «сплетчики»), перефразированные цитаты («вы ... человек, в котором совсем *не отразился* настоящий век»), библейские выражения в окружении бытового контекста («убоясь того, что *дни лукави суть* и время скользит, я ... послал письмо...»). В перспективе все они так иначе работали на создание нового прозаического языка.

Таким образом, в заключение еще раз отметим: письма Ф. Н. Глинки не были предназначены для публичного открытого чтения. Но по своему содержанию и по особенностям стилистики их можно рассматривать как факт литературы. Они стали своеобразной творческой лабораторией, связанной с поисками новых способов отражения личности в литературе и создания нового литературного слога. Подобно письмам В. А. Жуковского, П. А. Вяземского, А. С. Пушкина они подготовили почву для появления новой русской прозы и шире – новой литературы.

Источники и литература:

1. Письмо А. И. Тургенева П. А. Вяземскому от 14 мая 1819 года // Остафьевский архив князей Вяземских / Изд. Гр. С. Д. Шереметьева. Под ред. и с примеч. В. И. Саитова. – Т. 1. – СПб., 1899. – Письмо № 184.
2. Письмо А. С. Пушкина Н. Н. Пушкиной от 25 сентября 1832 года // **Пушкин А. С.** Полн. собр. соч. – В 10 т. – Т. 10. – М., 1966.
3. См. также: **Степанов Н.** Дружеское письмо начала XIX в. // Русская проза. – Л., 1926.
4. Письма Ф. Н. Глинки цит. по изд.: **Глинка Ф. Н.** Письма к другу. – М., 1990.
5. Переписка А. С. Пушкина. – В 2 т. – Т. 1. – М., 1982.
6. **Гоголь Н. В.** Собр соч. – В 8 т. – Т. 7. – М., 1984.

*Павел Ильин
(Санкт-Петербург)*

Г. В. НОВИЦКИЙ – НЕЗАМЕЧЕННЫЙ УЧАСТНИК ЮЖНОГО ОБЩЕСТВА

В последнее время в научной литературе высказано мнение, согласно которому следствие по делу декабристов выявило всех участников движения, никто из действительно причастных к тайным обществам не был оставлен без внимания [1]. Это мнение, вероятно, явилось результатом чрезмерной увлеченности автора предметом исследования, потому что оно не подкрепляется конкретными фактическими данными.

Прежде всего, ему противоречит наличие особого раздела в биографическом справочнике «Декабристы», где главным образом собраны сведения как раз о лицах, не выявленных следствием, участие которых в декабристских обществах обнаруживается по «нерасследованным» показаниям и другим источникам [2].

Кроме невыявленных следствием декабристов, существовала категория лиц, оправданных в ходе следственного процесса – многим из них удалось спастись, несмотря на имевшиеся основательные утвердительные показания об участии в декабристских союзах [3].

В рамках этих двух категорий вычленяется группа персоналий, избежавших полноценного расследования. О том, что они причастны к декабристскому тайному обществу, говорят неучтенные свидетельства следственных материалов – показания, по каким-то причинам не обратившие на себя внимание следователей.

Южное общество – конспиративный союз, участники которого ставили своей задачей подготовку военного выступления. Его существование закончилось открытым восстанием Черниговского полка и попытками поднять восстание в других частях 1-й и, отчасти, 2-й армий. В силу этого на официальное расследование его деятельности, поступков его участников, а с другой стороны – на линию поведения обвиняемых в ходе следствия, влияли несколько существенных факторов.

Для большинства участников Южного общества лейтмотивом поведения на следствии оставалось ослабление «вины», стремление представить свое участие в планах военного заговора и в событиях открытого выступления как можно более недолгим, незначительным, случайным, а при благоприятной возможности –

вовсе его отрицать [4]. То же самое относится к осведомленности о сокровенных политических планах, замыслах покушения на жизнь императора, проектах изменения государственного строя. Для менее «замешанных» в дела декабристского союза лиц важнейшим пунктом защиты становилось отрицание какой-либо связи с антиправительственным тайным обществом и военным заговором, любой степени осведомленности о политическом характере организации.

Это касалось всех категорий участников тайных обществ, открытых правительством. «Рядовые» члены, имевшие конспиративные связи с ограниченным кругом лиц, имели возможность полностью отрицать свою вину или представлять ее крайне незначительной. Руководящие, наиболее активные (и, одновременно, наиболее скомпрометированные перед следствием) члены, в свою очередь, также не были заинтересованы в открытии всех обстоятельств дела, всех «нитей заговора», ибо некоторые из этих нитей влекли за собой тяжкие обвинения и, во всяком случае, могли еще более усилить «виновность». Особенно это касалось обвинений по основным «государственным преступлениям» — планам покушения на жизнь государя и открытого мятежа.

В свете сказанного совершенно неудивительно, что некоторая часть конспираторов и заговорщиков, в одном случае — находившихся на «периферии» тайного общества, в другом случае — связанных с наиболее опасными планами подготовки открытого выступления полков 1-й и 2-й армий, — могла быть укрыта от внимания правительства, либо участие их в тайном союзе, роль в планах открытого политического действия могли быть представлены в неполном, ослабляющем «виновность» виде, зачастую — снимающим с них любые обвинения или подозрения.

Действительно, при внимательном изучении материалов следственного процесса выявляется целый ряд лиц, роль которых в Южном обществе в достаточной мере не была расследована. Некоторые из них были признаны невиновными и освобождены без последствий, другие вовсе не привлекались к допросам.

Попытаемся дать небольшой и далеко не полный обзор отдельных случаев такого рода. Нас прежде всего интересуют лица, которых следует считать членами тайного общества, по разным причинам избежавшими наказания, а также лица, которых можно назвать «предполагаемыми членами», поскольку указания на их принадлежность к тайному союзу требуют дополнительного подтверждения и изучения.

В ряде случаев материалы следствия, служащие основным источником наших сведений, корректируются и дополняются при сопоставлении с другими историческими источниками (в основном, воспоминаниями бывших участников тайных обществ).

Тульчинская управа дает не так много оправданных или «незамеченных» следствием участников, которых можно считать предполагаемыми членами декабристского союза, в силу основательности показаний об их принадлежности к нему. Это, в частности, доктор И. Б. Шлегель (впоследствии – президент Петербургской Медико-хирургической академии) [5] и инженерный капитан Семенов. Обоим планировал принять в Южное общество руководитель управы А. П. Барятинский в последние месяцы 1825 г. (о чем стало известно из показаний Н. А. Крюкова) – и, вероятно, успел осуществить свое намерение [6]. Другой случай – генерал-майор М. А. Менгден, о котором было получено недвусмысленное показание С. Г. Волконского, ссылавшегося на слова П. И. Пестеля о приеме генерала в тайное общество, состоявшемся еще в 1822 г. Однако в условиях следствия лидер южан не стал подтверждать это показание. Возможно, причина тому – стремление вывести из-под удара данное лицо, а может быть – опасение грозивших после этого признания новых вопросов следователей. П. И. Пестель заявил, что не может «удостоверить» членство генерала, в результате чего показание С. Г. Волконского было сочтено следствием неосновательным, и М. А. Менгден был оправдан (в его отношении велось заочное расследование) [7].

Немногочисленная Каменская управа представляет меньше всего оправданных обвиняемых. Так, особого внимания в этом смысле заслуживает адъютант С. Г. Волконского С. А. Житков, «взятый» по показанию А. И. Майбороды. Доносчик, состоявший более года в тайном обществе, ссылался на утвердительные слова двух свидетелей: лидера общества П. И. Пестеля и деятельного участника Каменской управы, весьма осведомленного А. В. Поджио. Тем не менее, так как никто, включая С. Г. Волконского, не подтвердил этого показания, С. А. Житков был признан «непричастным» и освобожден [8].

Более всего случаев «незамеченного» и предполагаемого членства дает самая многочисленная Васильковская управа. Это, безусловно, связано с большой активностью руководителей управы С. И. Муравьева-Апостола и М. П. Бестужева-Рюмина, которые, обладая несомненными способностями организаторов и пропагандистов, развернули усиленную деятельность по вербовке в ряды Южного общества новых членов. Они вовлекали в тайный союз

офицеров полков 1-й армии, расквартированных вокруг Киева и Житомира. Как известно, это были в основном офицеры полков 3-го пехотного корпуса, 3-й гусарской дивизии и конно-артиллерийских рот, состоявших при этой дивизии.

Одни из этих офицеров в ходе следствия были изобличены как полноправные члены Южного общества, осведомленные о целях и средствах их достижения (полковники В. К. Тизенгаузен, И. С. Повало-Швейковский, А. З. Муравьев, В. И. Враницкий и др.). В их следственных делах имеются несколько обвиняющих показаний, руководители управы и близкие к ним участники тайного союза подтвердили это обвинение. В других случаях речь шла о рядовых членах, которым, согласно показаниям руководителей управы, открывалась неполная информация о целях общества и планах выступления – они считались «полупринятыми» [9]. Наконец, имеются случаи, когда – подчеркнем это особо – первоначальные показания о членстве в тайном обществе не находили подтверждения руководящих членов, и тогда обвиняемые признавались «оправданными». Между тем, почти в каждом таком случае возникают сомнения в обоснованности решения следствия, в силу серьезности первоначальных обвинительных показаний, которые были даны осведомленными, авторитетными свидетелями – участниками тайного общества.

Характерно, что лица из указанных групп «полупринятых» и оправданных следствием фигурируют в научной литературе то как не принадлежавшие к тайному обществу и «непричастные к делу», то как члены Южного общества, хотя официальный вердикт следствия гласил о «невиновности» и непричастности этих лиц к тайному союзу. Такая ситуация сложилась в отношении ряда полковых командиров. Речь идет, в частности, о В. К. Ширмане (Муромский пехотный полк) и Ф. К. Левентале (Низовский пехотный полк) [10]. Относительно вступления в Южное общество этих двух лиц, равно как еще одного полкового командира П. А. Криднера (Ревельский пехотный полк), имелись вполне недвусмысленные утвердительные показания осведомленного свидетеля – М. И. Муравьева-Апостола, брата руководителя Васильковской управы, но эти показания отрицались С. И. Муравьевым-Апостолом и М. П. Бестужевым-Рюминым. Все трое полковых командиров были официально оправданы [11]. Еще один полковой командир – М. А. Габбе (16-й егерский полк) – по-видимому, знал о существовании Южного общества от С. И. Муравьева-Апостола (другими словами, был принят в первую степень членства) и посещал собрания в Лещинском лагере. Об этом сам М. А. Габбе

поведал одному из полицейских агентов, полковнику Чеботареву, который был направлен в полки 1-й армии для сбора данных [12]. Нами специально исследован случай еще двух полковых командиров 1-й армии – П. А. Набокова (Кременчугский пехотный полк) и Ф. С. Панютина (Севский пехотный полк), которые остались следствию неизвестными и участие которых в Южном обществе обнаруживается мемуарными свидетельствами С. П. Трубецкого (с начала 1825 г. находившегося, как известно, в Киеве и вошедшего в тесный контакт с Васильковской управой). Роль П. А. Набокова, по-видимому, была особенно важной, – во всяком случае, этот старый товарищ С. И. Муравьева-Апостола имел непосредственное отношение к конкретному плану выступления Черниговского пехотного полка и соседних полков, возникшему в декабре 1825 г.: именно в штаб-квартире Кременчугского полка (г. Брусилов) был назначен «сборный пункт» для мятежных частей. В отношении членства П. А. Набокова и Ф. С. Панютина имеются указания мемуарного характера, вышедшие из декабристской среды [13]. Большой интерес вызывает также фигура полковника П. Я. Ренненкампа, служившего в Киеве. Признанный следствием «непричастным» (вследствие «обеляющих» показаний С. И. Муравьева-Апостола и М. П. Бестужева-Рюмина), он, судя по следственным материалам и мемуарным свидетельствам, состоял в тайном обществе и обещал свое содействие в случае начала выступления [14].

Опора, прежде всего, на полковых командиров и офицеров в больших чинах отражает нацеленность руководителей Васильковской управы С. И. Муравьева-Апостола и М. П. Бестужева-Рюмина на вполне реальную и последовательную подготовку военного выступления частей 1-й армии.

Интересно отметить, что очерченный выше круг полковых командиров как бы продолжает ряд «официально установленных» следствием членов тайного общества, возглавлявших полки 1-й армии – Полтавский пехотный, Алексопольский пехотный, Ахтырский гусарский (В. К. Тизенгаузен, И. С. Повало-Швейковский, А. З. Муравьев). В этой связи полагаем, что, вместе с Черниговским пехотным, а также Александрийским гусарским полком (во главе которого стоял брат Артамона Захаровича Муравьева Александр Захаровичем), поднятая военная сила в совокупности могла быть весьма значительной, а в случае содействия еще ряда лиц, причастность которых к тайному союзу осталась в полной мере неизвестной, – движение могло приобрести самый широкий размах. К сожалению, именно эта сторона дела более всего укрывалась

лидерами Васильковской управы в период следствия и осталась фактически неизвестной исследователям.

Целый ряд офицеров 3-й гусарской дивизии (в частности, Ахтырского и Белорусского (принца Оранского) гусарских полков) также необходимо отнести к оправданным предполагаемым участникам Южного общества. Это – офицеры-ахтырцы подполковник И. А. Арсеньев [15], корнет Л. Е. Годениус, поручик Никифораки, принадлежность которого к тайному обществу известна по мемуарным свидетельствам бывших участников Южного общества и Общества соединенных славян, а также офицеры гусарского принца Оранского полка: юнкер Н. Ф. Лосев, корнет А. П. Рославлев, а также подполковник И. И. Левенштерн [16].

И вновь повторяется та же картина, что и с полковыми командирами. Вслед за точно установленными следствием полноправными и «полупринятыми» членами из числа гусарских офицеров (А. З. Муравьев, Н. Н. Семичев, Е. Е. Франк, И. П. Жуков, М. Н. Паскевич, П. С. Веселовский, С. Поздеев) следуют «оставленные под подозрением» (взяты под надзор) Л. Е. Годениус, Н. Ф. Лосев, А. П. Рославлев, далее – «оправданные» лица (И. А. Арсеньев, И. И. Левенштерн) и, наконец, оставшиеся вовсе не известными правительству (Никифораки).

Далее нельзя не обратить внимания на офицеров конно-артиллерийских рот (5-й и 6-й). Некоторые из них были безоговорочно признаны членами тайного общества (командир бригады конной артиллерии при 3-й гусарской дивизии подполковник А. Н. Фролов, М. И. Пыхачев, Д. А. Нащокин), причем один из них, Ф. Е. Врангель – только «знавшим» о тайном обществе (С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин назвали его «полупринятым»). Однако можно смело утверждать, что ситуация с «оправданием» Ф. Е. Врангеля стала результатом его упорной и последовательной системы защиты, позволившей руководителям Васильковской управы в свою очередь нивелировать первоначальные обвинительные показания о членстве этого офицера [17].

По аналогии с полковыми командирами и офицерами-гусарами следует предположить, что, помимо указанных конно-артиллеристов (Ф. Е. Врангель, Д. А. Нащокин, М. И. Пыхачев), существовали их товарищи-сослуживцы, которые оказались в орбите влияния Южного общества, но избежали привлечения к следствию. Это предположение подтверждается при обращении к следственным материалам. В частности, можно привести случай поручика 5-й конно-артиллерийской роты И. М. Бутовича,

относительно которого имелись показания члена Общества соединенных славян И. И. Сухинова, который ссылался на сведения, полученные от сочлена по тайному обществу и сослуживца по Черниговскому полку А. Д. Кузьмина, тесно общавшегося с С. И. Муравьевым-Апостолом. Показания И. И. Сухинова были подкреплены еще одним показанием – Я. М. Андреевича (который, между прочим, видел И. М. Бутовича среди участников собраний в Лещинском лагере), но не подтверждались членами Южного общества, в том числе С. И. Муравьевым-Апостолом и М. П. Бестужевым-Рюминым. Арестованного И. М. Бутовича освободили, признав невиновным, но он был оставлен в подозрении (т. е. взят под надзор) [18].

Еще один офицер-артиллерист, причастный к декабристскому союзу и не замеченный следствием, будет предметом дальнейшого изучения в настоящей статье. Это подпоручик Новицкий, служивший в одной из указанных конно-артиллерийских рот.

Основание для постановки вопроса о принадлежности его к Южному обществу дают недавно опубликованные следственные дела участников Общества соединенных славян. Как известно, в Лещинском лагере произошло объединение этих двух конспиративных организаций, а их члены встречались на общих собраниях. Как можно заключить на основании следственных показаний и мемуарных источников, на собраниях происходил обмен информацией о том, какие именно офицеры 1-й армии принадлежат к одному или другому тайному союзу. Эти данные затем распространялись среди членов тайных организаций. Некоторая часть сведений такого рода была вскрыта в показаниях (мы не уверены, что в ходе следствия были открыты все такие сведения). При этом еще выясняется, что не все данные о составе участников тайного общества, как увидим далее на вполне конкретном примере, привлекли внимание следователей.

Обратимся к интересующему нас случаю. Указание на членство подпоручика Новицкого в Южном обществе содержит следственное дело подпоручика 9-й артиллерийской бригады, члена Общества соединенных славян И. М. Черноглазова. В своих показаниях он сообщил, что другой член этого общества, подпоручик той же 9-й артиллерийской бригады А. С. Пестов, назвал ему имена офицеров конно-артиллерийских рот, состоявших в тайном обществе и участвовавших в собраниях в Лещине, совместных для Южного общества и Общества соединенных славян. Среди названных А. С. Пестовым офицеров, наряду с известными по «Алфавиту» А. Д. Боровкова участниками тайных обществ (в

отношении которых следствие получило удостоверяющие показания об их членстве) – Д. А. Нащокиным, А. Д. Высочиным, Ф. Е. Врангелем (последний был оправдан, несмотря на показания авторитетных свидетелей о членстве [19]) – встречается имя подпоручика Новицкого: «... Тут он мне сообщил, что будто конной бригады поручики Врангель, Нащокин, подпоручик Новицкий, прапорщик Высочин принадлежат уже к членам» [20].

Согласно показанию И. М. Черноглазова, разговор с А. С. Пестовым состоялся во время собраний в Лещинском лагере, вскоре после того, как А. С. Пестов принял автора показания в тайное общество [21].

Источник информации И. М. Черноглазова – один из лидеров «славян» А. С. Пестов, который, как известно, принимал деятельное участие в объединительных собраниях в Лещинском лагере, на некоторых из которых присутствовали «южане», в том числе офицеры артиллерии [22]. А. С. Пестов, очевидно, должен считаться прямым и авторитетным свидетелем, лично видевшим перечисленных им офицеров на совещаниях, или получившим от участников совещаний сведения о принятых членах. Более того, А. С. Пестов был назначен руководителем «округа», объединявшего «славян»-артиллеристов, и в этом качестве непосредственно контактировал с руководством Васильковской управы [23]. Таким образом, он мог из первых рук располагать информацией о том, кто был принят в Южное общество из числа офицеров-артиллеристов.

Специально подчеркнем еще один акцент в показании И. М. Черноглазова: А. С. Пестов сообщил ему о том, что перечисленные офицеры *«принадлежат уже»* к членам. Показание, таким образом, свидетельствует именно о **состоявшемся приеме**, а не о возможном, планируемом или незавершенном.

Как ни удивительно, но следствие не заинтересовалось вполне определенным показанием И. М. Черноглазова. Во всяком случае, до настоящего времени не удалось обнаружить каких-либо следов такого интереса. О Новицком не опрашивался никто из тех, кто мог выступить важнейшим свидетелем: ни И. М. Черноглазов (повторно), ни А. С. Пестов, ни руководители Васильковской управы, ни товарищи по службе в конно-артиллерийских ротах М. И. Пыхачев, Д. А. Нащокин, Ф. Е. Врангель. Нет о нем данных и в итоговом «Алфавите» А. Д. Боровкова. По этой причине историк не располагает другими следственными показаниями, которые могли бы подтвердить или опровергнуть свидетельство И. М. Черноглазова [24].

Можно ли считать Новицкого незамеченным следствием полноценным участником тайного общества, при отсутствии дополнительных данных на этот счет?

Исходя из изложенного, очевидно, что показание И. М. Черноглазова наделяется большой достоверностью, поскольку его автор ссылается на осведомленного, руководящего члена Общества соединенных славян. Сообщенные им данные – результат собственного участия А. С. Пестова на объединительных совещаниях в Лещине и, очевидно, базируются на информации, полученной от членов Южного общества (возможно, от тех же конно-артиллеристов, присутствовавших на совещаниях – М. И. Пыхачев, Д. А. Нащокин и др.). Другие названные им лица были признаны следствием членами Южного общества и Общества соединенных славян, за исключением оправданного Ф. Е. Врангеля, ситуация с которым во многом определялась занятой им линией защиты. Все эти соображения заставляют признать Новицкого членом Южного общества, показание о котором не привлекло внимания следствия (почему – отдельный вопрос, требующий специального рассмотрения), не вызвало никаких следственных разысканий. В силу этого исследователь не имеет в своем распоряжении полновесного комплекса документальных свидетельств, который позволил бы расширить наши знания о степени участия подпоручика Новицкого в деятельности Южного общества.

Далее возникает еще один вопрос – можно ли идентифицировать личность подпоручика Новицкого?

Показание И. М. Черноглазова не дает о нем каких-либо конкретных данных. Однако наши специальные разыскания позволили, как представляется, решить проблему установления персональных данных. Поиск информации об артиллерийском подпоручике привел к неожиданным результатам.

В истории российской артиллерии известна фигура генерала от артиллерии **Георгия Васильевича Новицкого**, участника кавказских экспедиций в 1820-е – 1830-е гг., а впоследствии Киевского коменданта. Изучение его биографии привело нас к выводу, что именно он был тем подпоручиком Новицким, который был назван в ходе следствия в показаниях И. М. Черноглазова.

Ниже приводятся биографические данные о Г. В. Новицком, позволяющие провести необходимую идентификацию (с необходимыми же оговорками). Они главным образом взяты из официальной биографии генерала, принадлежащей П. М. Саковичу [25], в основу которой положены данные

формулярного списка, а также оставленные Г. В. Новицким мемуарные очерки и воспоминания [26].

Согласно указанной биографии, Г. В. Новицкий родился в 1800 г. [27] Он происходил из дворян Киевской губернии. Первоначальное образование получил в Киевской губернской гимназии, затем, если верить биографам, – в достаточно уже зрелом возрасте, в 1819 г., был отправлен в Петербург, где поступил в Дворянский полк. Вероятно, речь шла о завершении профессионального образования артиллериста. В том же 1819 г., благодаря протекции А. А. Кавелина, ходатайствовавшего через генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Павловича, Новицкий поступил в учебную роту лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады. В 1820 г. он выдержал экзамен на офицерский чин, однако в чин прапорщика произведен не был. Об этом эпизоде жизни Новицкого в биографии П. М. Саковича говорится следующее (биографом использованы воспоминания Новицкого): «Ожидание производства в прапорщики совпало с открытием Артиллерийского училища (в будущем Михайловского – *П. И.*). Его высочеством (великим князем Михаилом Павловичем – *П. И.*) поручено генералу Засядко [28] составить училище из юнкеров, находившихся на службе в артиллерии петербургского гарнизона. Юнкера собраны, прибыл Засядко и начал их вызывать по фамилиям. Когда Новицкий отозвался, Засядко спросил его: “Какой губернии?” — “Киевской”. — “Чи не з-наших ли?” — добавил Засядко. — “Да! я малоросс”, — ответил Новицкий. “Не хотите ли остаться юнкером и поступить в Артиллерийское училище?” — спросил Засядко. — “Не желаю!” — был ответ Новицкого. — “Вы упрямы, но знайте, что я тоже хохол и тоже упрямы; офицером в этом году вы не будете, вам полезно поучиться и набраться разума”. Сказав это, генерал зачеркнул в списке отметку против фамилии Новицкого о выдержании экзамена на офицерский чин» [29].

Следующие 4 года Новицкий провел в Артиллерийском училище. 7 февраля 1823 г., после сдачи экзаменов юнкерского класса, он был произведен в прапорщики и назначен в 10-ю конно-артиллерийскую роту, однако оставлен при училище еще на 2 года, для слушания высшего курса офицерских классов. Только в декабре 1824 г. он окончил полный курс училища. В январе следующего 1825 г. Новицкий был произведен в следующий чин подпоручика и отправился на службу в 6-ю конно-артиллерийскую роту, которая квартировала в Киевской губернии [30].

Как видим, чин Г. В. Новицкого на момент 1825 г. (подпоручик) совпадает с чином Новицкого, упомянутого в показании И. М. Черноглазова.

Отметим и другую важную деталь: 6-я конно-артиллерийская рота, в которую был назначен Г. В. Новицкий, – это та часть, где служили офицеры, принятые в Южное общество и Общество соединенных славян – А. Д. Высочин, Ф. Е. Врангель. Таким образом, они являлись сослуживцами Г. В. Новицкого и могли содействовать его сближению с тайной организацией и последующему вступлению в нее.

Согласно указаниям биографии П. М. Саковича: «... скромность и служебное рвение Новицкого заставили товарищей уважать его и сблизиться с ним. Квартирюя со взводом в деревне, Георгией Васильевич весь отдался обучению солдат грамоте и строевой службе, а с июня месяца принял участие в общем сборе 3-го пехотного корпуса при м. Лещине» [31].

Отличившись в июне 1825 г. на смотре частей 1-й армии, показав себя способным офицером, Г. В. Новицкий был замечен начальником штаба 1-й армии генерал-лейтенантом К. Ф. Толем. Он взял Новицкого к себе адъютантом.

Руководители Южного общества и Общества соединенных славян были заинтересованы в привлечении офицеров, занимавших адъютантские должности при командовании дивизий, корпусов и армии. Подтверждением тому служат пример принятия в тайное общество адъютантов (А. И. Шахирев), возможная причастность к Южному обществу занимавшего адъютантскую должность Д. И. Цявловского [32]. Не будет преувеличением сказать, что Новицкий мог представлять интерес для руководителей Васильковской управы в силу должности адъютанта. Если свидетельство И. М. Черноглазова – А. С. Пестова верно, то в августе-сентябре 1825 г. адъютант начальника Главного штаба 1-й армии подпоручик Г. В. Новицкий был принят в тайное общество.

Биографический очерк, основанный на мемуарных свидетельствах самого Г. В. Новицкого, содержит уникальную информацию – ценнейшее указание, которое доказывает принадлежность его к кругу вольнодумцев. В частности, в биографии сообщается: «Сбор этот [при Лещине – П. И.] надолго оставил впечатление в молодом офицере двумя обстоятельствами: *таинственностью бесед собиравшихся кружками штаб- и обер-офицеров и открытыми спорами о том, какое правление лучше – монархическое-неограниченное, как у нас, конституционное – английское и федеральное – Соединенных Американских*

Штамов, – и исполнением поручения, возложенного на него начальником штаба 1-й армии генерал-лейтенантом Толем» [33].

Как видим, для Новицкого не осталось тайной то, что в Лещинском лагере летом-осенью 1825 г. собирались конспиративные кружки офицеров-вольнодумцев. Это первый факт, зафиксированный и в официальной биографии Новицкого. Второй, не менее важный факт – осведомленность Новицкого о политическом содержании будоражащих ум тайных «бесед» офицеров, собиравшихся в Лещинском лагере. Это содержание не требует комментариев – речь шла о конституционном устройстве и сравнении политических систем существующих государств.

Оба факта говорят в пользу того, что Новицкий был принят в тайное общество. Прежде всего, потому что содержание «тайственных разговоров» было известно только членам тайного общества или подготовляющимся быть таковыми («полупринятые», т. е. принятые в первую степень членства). Посторонним лицам (даже сочувствующим) не могла быть известна тайна собраний офицеров-заговорщиков, тем более – сокровенное содержание обсуждаемых политических вопросов. Новицкий, судя по этим указаниям его воспоминаний, был участником тайных «бесед» офицеров, в которые не допускались посторонние, а только уже вступившие в тайное общество офицеры и подготовляемые к принятию, – в силу чего определенная степень его причастности к тайным собраниям видится несомненной.

Итак, события в Лещинском лагере, встречи с офицерами-вольнодумцами, обсуждаемые в их кругу вопросы о предпочтительном образе правления оставили неизгладимый след в памяти мемуариста Новицкого. Другой причиной, почему «беседы» в Лещине сохранились надолго в памяти Новицкого, безусловно, были последующие события и серьезная опасность его привлечения к следствию и суду в связи с этим. Об этом недвусмысленно упоминается в его воспоминаниях, что отразилось и в биографии П. М. Саковича.

Далее в биографии говорится: «Свершилось грозное 14-е декабря 1825 г. Начались аресты во всех концах России. Около того же времени, за обедом у главнокомандующего гр[афа] Сакена [34], начальник артиллерии [Л. М. Яшвиль – П. И.] обратился к Новицкому с вопросом: *“Не посвящен ли и ты в замысел твоих товарищей конно-артиллеристов?”* Вопрос этот озадачил Новицкого; для всех было видно, что он ничего не знал. Видя это, Яшвиль добавил: *“Чрез Могилев провезли арестованными бригадного, ротных командиров и всех субалтерн-офицеров конной артиллерии”* [35]. Здесь только

изумленному Новицкому уяснилась причина таинственности собраний и споров о форме государственных учреждений – в сборе при м. Лещине» [36]. Далее последовало любопытное продолжение: «В другой раз, лишь только встали от обеда у кн. Яшвиля [37], в столовую залу вошел жандарм и громко спросил: “Здесь ли подпоручик Новицкий?” Названный по фамилии смутился. Генерал Толь и князь Яшвиль подошли к Новицкому и вполголоса сказали: “Тебя мы предваряли нашими вопросами – знал ли ты, что происходило в обществе офицеров в сборе под Лещином, тебе не угодно было пред нами открыться чистосердечно, изволь же теперь отправляться, куда жандарм повезет”; но заметив, что моментальное смущение уступило полному спокойствию, князь Яшвиль, смеясь, сказал: “А что, струсил? Поезжай во Вчерайше [штаб-квартира 6-й конно-артиллерийской роты – П. И.], прими в свое ведение конно-артиллерийскую бригаду, там нет ни одного офицера” [38]. Новицкий уехал из Могилева...» [39].

В приведенных фрагментах биографии, в основе которых – конечно, личные воспоминания Новицкого, т. е. свидетельство «из первых уст», каждая фраза многозначительна и содержит важную информацию. Из этих свидетельств можно почерпнуть:

1) руководству 1-й армии было известно о принадлежности Новицкого к кругу офицеров-вольномудцев, собиравшихся в Лещинском лагере летом-осенью 1825 г. и позднее изобличенных в принадлежности к тайному обществу. Как считали представители этого руководства, Новицкий несомненно относился к этому кругу (а сам Новицкий этого не отрицал);

2) руководство 1-й армии (да и сам Новицкий) ожидало его ареста, как причастного к деятельности его товарищей по конной артиллерии. Более того, начальство армии, проводившее расследование участия в тайном обществе офицеров 1-й армии (прежде всего, К. Ф. Толь), даже предлагало Новицкому вопросы о событиях в Лещинском лагере, считая его соучастником арестованных членов тайного союза [40].

На этом фоне явно искусственными и противоречащими обстоятельствам дела выглядят утверждения Новицкого (содержавшиеся, очевидно, в его воспоминаниях, использованных в биографии) о том, что он ничего не знал о тайном обществе, причинах и целях политических разговоров в Лещинском лагере и т. д.

Перед нами – продолжение тактики полного отрицания своего участия в антиправительственном тайном союзе и заговоре – тактики, которая приносила успех лицам, мало замешанным в

общем движении. Подобные случаи, – когда замешанные лица, против которых сохранялись подозрения в участии в тайном союзе, настаивали на полной своей непричастности – не единичны [41].

В последующем изложении угадываются новые обстоятельства, свидетельствующие о тесных связях Новицкого с кругом вольнодумцев-конspirаторов. Вступив в командование 6-й конно-артиллерийской ротой (в связи с арестами офицеров), Новицкий за счет экономии средств «...пополнил ящик, уделил значительную часть денег на покупку нового ремонта и обеспечил семейство подполковника Фролова, своего начальника, увезенного арестованным в Петербург» [42]. После чего отправил письмо содержащемуся в Петропавловской крепости А. Н. Фролову. Характерно, что даже вступивший в конфликт с Новицким новый командир бригады Самойлов назвал этот поступок «... в отношении семейства его предместника высоконравственным и благородным. Фролов же, много лет спустя, в звании уже генерала, встретясь с Новицким, сказал ему, что письмо его к нему, когда он был арестован в Петропавловской крепости, благодетельно повлияло на его судьбу. Великий князь Михаил Павлович, прочитав это письмо, сказал: “Если Новицкий так твердо и благородно ограждал интересы и семью подполковника Фролова, то последний не может быть в числе обвиняемых”, – и содействовал его освобождению» [43].

Почему все же Новицкий не был привлечен к расследованию? Ведь, как следует даже из его осторожных воспоминаний, его непосредственное начальство, в лице К. Ф. Толя, высшие чины командования 1-й армии располагали некоей информацией о том, что Новицкий принимал участие в собраниях офицеров-вольнодумцев в Лещине, был близок к арестованным офицерам конной артиллерии и разделял их «образ мысли». Более того, начальники Новицкого даже устраивали ему своеобразный «неформальный допрос», пытаясь узнать что-либо о его причастности к тайному союзу. Вместе с тем, как мы помним, полученное в Петербурге показание И. М. Черноглазова не привлекло внимания следователей и осталось без каких-либо последствий. Других показаний в отношении Новицкого не последовало. Не прозвучало его имя, судя по всему, и в ходе следствия в Могилеве, куда привлекались к допросам менее значительные участники тайных обществ из числа офицеров 1-й армии. В целом, его товарищи по службе хранили о нем молчание. И. М. Черноглазов ссылаясь на А. С. Пестова; оба офицера, вероятно, рассказывали о вновь принятых членах другим своим

товарищам, – и о приеме Новицкого, возможно, знал не только И. М. Черноглазов. Но других показаний не последовало.

В чем причина молчания арестованных товарищей Новицкого по тайным собраниям и «таинственным» беседам? Мы можем лишь реконструировать возможные причины, обусловившие это молчание:

1) окраинное положение Новицкого в тайном обществе – возможно, о нем знали всего несколько человек, а после состоявшегося приема он не принимал активного участия в собраниях декабристского союза (может быть, здесь сыграла роль занятость Новицкого в должности адъютанта начальника штаба 1-й армии), – что определило его контакты с узким кругом сочленов;

2) важное значение, которое придавалось адъютанту начальника Главного штаба 1-й армии. Несомненно, раскрытие его связей с членами тайного общества могло повлечь за собой целый круг новых вопросов, в том числе о влиянии заговорщиков на высшее командование 1-й армии, что было очень нежелательно для руководителей Васильковской управы;

3) возможно, другие участники, зная относительно слабую вовлеченность Новицкого в деятельность тайного союза, щадили его и не хотели умножать число привлеченных к следствию.

Так или иначе, но показание И. М. Черноглазова осталось одиноким. А. С. Пестов, на которого он ссылался как на источник своих сведений, по вопросу о Новицком не допрашивался. Другие участники Лещинских совещаний, в частности товарищи по службе Новицкого офицеры-конноартиллеристы, промолчали. Так Новицкий оказался вне числа арестованных, среди незамеченных следствием заговорщиков.

В 1826 г. избежавший ареста Новицкий оставался старшим офицером 6-й конно-артиллерийской роты, временно ею командовал, занимаясь строевым образованием. С новым командиром бригады Самойловым при сдаче роты он «не сошелся», последний стал его «гнать», делал ему выговоры и придирался в ходе учений и смотров. Осенью 1826 г., когда положение стало совсем невыносимым, Новицкий попросил о переводе в Кавказский корпус. Итак, пробыв в должности адъютанта начальника Главного штаба 1-й армии почти 1,5 года, исполнив также около полугода обязанности командира роты, 16 декабря 1826 г. Новицкий был переведен в Кавказскую гренадерскую артиллерийскую бригаду [44]. В начале 1827 г., в отличие от многих бывших своих товарищей, он по собственному прошению, добровольно оказался на Кавказе – по крайней мере, так виделось его биографам.

Прибыв в Тифлис в конце марта 1827 г., Новицкий тут же принял участие в военной кампании против персов, в составе авангардного отряда К. Х. Бенкендорфа, младшего брата А. Х. Бенкендорфа. Войны с Персией, а затем с Турцией 1828–1829 гг. на Кавказе, дали Новицкому случай выдвинуться вперед и составили ему репутацию офицера «сведущего, сметливого, храброго, способного и разумно-распорядительного» [45]. Он более 50 раз участвовал в сражениях и стычках с неприятелем и удостоился множества наград — орденов св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», св. Анны 2-й степени с мечами и бантом, золотой шпаги с надписью «За храбрость», чинов поручика и штабс-капитана.

По окончании войн Новицкий выполнял особые и ответственные поручения главнокомандующего Кавказским корпусом И. Ф. Паскевича. В частности, он приводил в порядок укрепления крепости Ардаган. Следующим занятием Новицкого была рекогносцировка земель, предназначенных для расселения бывшего Дунайского казачьего войска и находившихся в треугольнике между крепостью Анапа, Ольгинским укреплением на берегу р. Кубань и Геленджикской бухтой. В данной ему инструкции указывалось: «... сделать общее обозрение края, населенного горцами, на обоих склонах Кавказского хребта на всем протяжении от истоков Кубани до Анапы, собрать сведения о горских народах и составить маршруты путям, пролегающим вдоль и поперек хребта; составить карту местности, избрать места в окрестностях Анапы для учреждения станиц и указать способы защиты от горцев, сделать заключения о выгодах и неудобствах поселения, а также о том, что достаточны ли были меры, употреблявшиеся со времени устройства Кубанской линии, для усмирения горцев, какие произошли от того последствия, приискать средство для прочного умиротворения края» [46].

Весной 1830 г. Новицкий выехал в Анапу и приступил к сбору сведений. В мае, найдя надежных проводников и покровителей из «черкесов», он осмотрел окрестности Суджук-кале и Геленджика, а также ближайшие к этим местам перевалы через Кавказский хребет. Далее он совершил рискованную поездку в долину реки Псезуапсе, перешел через Кавказский хребет и спустился к Шепскому укреплению, которое в этот момент подверглось осаде горцами. Только благодаря неожиданному появлению небольшого отряда Новицкого в тылу противника и личной храбрости отряд сумел пробиться в укрепление без потерь. В начале июля 1830 г. Новицкий осмотрел верховья реки Лабы и вышел к Баталпашинской станице,

откуда проехал в Пятигорск, где доложил И. Ф. Паскевичу о результатах своего похода. Кроме топографического очерка края и статистики «черкесских племен», Новицкий составил карту, основанную на глазомерной съемке и дополненную по расспросам местных жителей, с показанием границ расселения «черкесов», а также историческую записку о мероприятиях к приведению закубанских горцев «в покорность», со времени устройства Кубанской линии до 1830 г. По итогам рекогносцировки Новицкого осенью 1830 г. И. Ф. Паскевич предпринял экспедицию за Кубань, причем экспедиционную колонну вел Новицкий. В этой экспедиции, в столкновениях с горцами, он был ранен в локоть правой руки, но остался при отряде и не раз участвовал в перестрелках. За рекогносцировку окрестностей Анапы и составление данных к переселению дунайских казаков Новицкому была объявлена «высочайшая благодарность», а за секретный объезд земель нутхайцев, шапсугов, абадзехов и других «черкесских племен», составление карты края и маршрутов для экспедиций — 30 октября 1830 г. он был произведен в капитаны, с зачислением в гвардейский Генеральный штаб и оставлением в войсках Кавказского корпуса [47].

Весной 1831 г., после назначения И. Ф. Паскевича в Польшу и появления на Кавказе нового начальника, генерала А. А. Вельяминова, многие работы на Черноморской и Закубанской линиях были свернуты, а отряды ослаблены в пользу войск, расположенных в Чечне и Дагестане. С изменением плана операций отпала надобность и в действиях Новицкого. А. А. Вельяминов откомандировал его в Анапу, с назначением в Строительный комитет по водворению переселенцев из Малороссии. На этом посту Новицкий представил рапорт о том, что предложение И. Ф. Паскевича приготовить жилища для переселенцев и обеспечить их защиту от горцев не исполнено, дома не построены, окрестности Анапы по причине малочисленности войск подвержены набегам, а в самой крепости имеется недостаток пресной воды, вследствие чего переселение малороссийских казаков привело бы к их истреблению. Рапорт Новицкого оказал свое действие: вызванным из Малороссии 130 семействам приказано оставаться в Черномории, а высылка прочих казаков прекращена [48].

Произведенный в 1832 г. в подполковники, Новицкий в следующем 1833 г. был назначен к И. Ф. Паскевичу в Польшу, в Главную квартиру действующей армии. В 1834 г. Новицкий был назначен исправлять должность обер-квартирмейстера 3-го пехотного корпуса, а в следующем году, с производством в

полковники, утвержден в ней. Вскоре он был переведен на ту же должность во 2-й пехотный корпус и пробыл на ней до конца 1845 г. В 1839 г. за беспорочную выслугу 25-ти лет в офицерских чинах Новицкий был награжден орденом св. Георгия 4-й степени [49]. В январе 1846 г. он ненадолго вернулся на Кавказ, где ему было поручено сформировать Ставропольский егерский полк. В 1847 г. Новицкий был произведен за отличие по службе в генерал-майоры [50].

В начале 1850 г., по ходатайству И. Ф. Паскевича, Новицкий получил новый пост – начальника 1-й бригады 3-й пехотной дивизии 1-го пехотного корпуса, который квартировал в Ковенской губернии, со штаб-квартирой в Сувалках. Через 4 года, в 1854 г., И. Ф. Паскевич предоставил Новицкому пост коменданта Ивангородской крепости. Находясь на этой должности, 26 августа 1856 г. он был произведен в генерал-лейтенанты. Осенью 1861 г. Новицкий был уволен от службы, но ненадолго: уже в апреле 1862 г. он вернулся на службу, с зачислением по армейской пехоте и в запасные войска. В мае 1863 г. он был назначен председателем военного суда, открытого в Киеве над польскими повстанцами. В ноябре 1866 г. Новицкий занял должность Киевского коменданта, с сохранением поста председателя Киевского военного суда. В 1870 г., в связи с 50-летним юбилеем Михайловской артиллерийской академии, Новицкий, как единственный состоящий на службе ученик первого выпуска, был удостоен особого внимания императора Александра II, который произвел Новицкого в генералы от артиллерии. В 1873 г., в день 50-летней службы Новицкого в офицерских чинах, он был награжден бриллиантовой табакеркой с вензелем императора [51].

Г. В. Новицкий скончался в Киеве 20 декабря 1877 г. и был похоронен в родовой усыпальнице на высоком берегу Днепра [52].

В целом, биография Г. В. Новицкого представляется вполне типичной для энергичного и способного боевого офицера, участника войн с Персией и Турцией и завоевания Кавказа, ставшего крупным военным администратором. Последний период его жизни прошел в должности председателя военного суда, который выносил приговоры польским «мятежникам». При этом следует отметить, что Новицкий не был простым, ограниченным армейским служакой. Это был высокообразованный, эрудированный человек, знающий несколько языков, прекрасно разбирающийся в обычаях и традициях кавказских народов, умеющий находить с ними общий язык. Он был также военным писателем, топографом, статистиком, этнографом [53].

Как отмечает биограф Новицкого П. М. Сакович, после смерти генерала осталось множество рукописей статей и заметок, им написанных (в частности, о событиях на Кавказе и Польском мятеже 1863 г.). Однако эти рукописные материалы, насколько нам удалось выяснить, не были опубликованы. При жизни Новицкого в свет вышли два его небольших мемуарно-публицистических сочинения: «Голос служивого царствования Николая I» (Киев, 1863. 28 с.) [54] и «Воспоминания воспитанника первого выпуска из Артиллерийского училища» [55].

Первое из них – полемический отклик на публикации русской неподцензурной печати (прежде всего – заграничной, в которой угадываются прежде всего издания А. И. Герцена), критически оценивавшей личность Николая I и итоги его царствования. Составляя своеобразную апологию императора, Новицкий выступал от имени поколения «служивых» офицеров, выдвинувшихся в 30-летнее царствование Николая I в силу своих личных военных и административных заслуг и сделавших значительную карьеру. Основной смысл сочинения – возражения либеральным и радикальным критикам Николая I (которых автор несколько иронично называет «передовыми людьми»), обоснование взгляда на царствование этого императора как на большой шаг вперед в общественном развитии России. Новицкий стремился показать Николая I деятельным монархом, думавшим о совершенствовании социального строя и экономического положения страны и конкретными практическими шагами действовавшим в этом направлении.

Новицкий критически оценивает предшествующее царствование Александра I, в том числе идеологическую направленность русского общества 1810–1820-х гг., рожденную посленаполеоновской эпохой. Он пишет, что в русском обществе этого времени распространились европейский влияния, которые он оценивает в целом негативно. Для автора это – «западный революционный дух, разлитый в слоях русского общества обломками великой армии Наполеона I-го». По его мнению, пребывание русских войск во Франции в целом сыграло отрицательную роль: испытанные там влияния «...усилили мнение высшего русского общества, что Россия отстала и что необходимо ее просветить по образцу великой нации (т. е. Франции – П. И.)», укрепили убеждения «в пользу цивилизации Запада» [56]. Влияние славянофильских, антизападнических идей, официальной идеологии на взгляды Новицкого 1860-х гг. здесь особенно ощутимо.

Эпоха Александра I кончилась «печальной драмой 14 декабря» (С. 10). Но не только западнические идеи осуждались в статье Новицкого. Большое негодование автора вызвал господствовавший в последние годы царствования Александра I мистицизм, жертвой которого стали лучшие профессора Петербургского университета и вообще университетское образование в России, а также фактическое поощрение развития католической (польской) пропаганды в западных губерниях.

Главный упор в «реабилитации» императора Николая от критических выпадов в его адрес Новицкий сосредоточил на перечислении полезных мер, предпринятых правительством в его царствование в области «законоведения» (упорядочение законодательства, кодификация), образования (он предлагает сравнить состояние университетов до 1825 г. и к концу царствования Николая I). Автор заявляет о том, что Николай I своей разнообразной и широкой практической административной деятельностью по большинству отраслей государственного управления сделал очень многое для прогрессивного развития страны: «... не осталось ни одной части государственного хозяйства, на которое бы император Николай I не обратил своего внимания и не дал бы ему движения вперед для развития <...> и следовательно для пользы России» [57].

Оценивая идейные позиции Новицкого, следует отметить, что сама область полемики и характер полемических ответов красноречиво говорит о том, что для мировоззрения автора характерна приверженность к прогрессу, просвещению. Оппонируя противникам Николая I, Новицкий не отрицает необходимости преобразований, политических и социальных. Примечательна в этой связи его автохарактеристика – он причисляет себя к тем, кто «не менее передовых людей сочувствуют всему полезному, вводимому современными преобразованиями в России», – но при этом отмечает консервативную основу своих взглядов: по его словам, он принадлежит к тем, кто «с энергией отстаивают многое и из своего прошедшего, без которого не может быть понятно и естественно предстоящее» [58].

Выступая апологетически в отношении итогов николаевского царствования, Новицкий, сохраняет убеждение в ценности свобод, прав сословий, необходимости законодательного регулирования отношений власти и подданных в рамках монархического правления. По его убеждению, «... самодержавную свою власть император Николай I употреблял на дело *общего блага*». Парадигма «общего блага», как положительной цели общественной деятельности

каждого гражданина (включая монарха), столь свойственная эпохе 1810–1820-х гг., таким образом, сохраняла свое значение в системе взглядов автора. Именно ради этой цели необходимы «преобразования по всем отраслям управления» [59].

Как видим, Новицкий не являлся ни носителем реакционных идей, ни простым охранителем старых устоев, ни сторонником защиты государственного строя от любых изменений. Более того, он отчасти соглашается с критикой николаевского царствования со стороны «передовых людей». Он понимает, что правы те, кто утверждает, что «... в царствование Николая I в учебных заведениях образование шло по выкройке, и свободному развитию не давали хода, что не всегда правосудие торжествовало в русских судах и представляло образцы лихоимства, решавшего дела вкривь и вкось, по влиянию сильных и богатых, – скажут о грабеже казны и множеству других предствят доводов о бывших злоупотреблениях...». Но ответ у него на эту критику довольно простой: «...все это могло быть, но уничтожить зло вдруг, вкорененное веками, но было никакой возможности» [60]. Общественные проблемы нужно решать постепенно и на протяжении длительного времени.

Новицкий не уходит от обсуждения проблем, которые, по его собственной же оценке, остались нерешенными в царствование Николая I, несмотря на всю широкую практическую деятельность императора. Он называет, с его точки зрения, главные нерешенные вопросы, все-таки требующие безотлагательных реформ, которые заключались «в неосвобождении крестьян и в непроведении железных дорог к западным и южным границам России». По мнению Новицкого, Николая I «... постоянно занимала мысль об освобождении крестьян», однако провести необходимую реформу ему помешало сопротивление бюрократии и дворянства [61].

Историческое значение фигуры Николая I как правителя, по мнению Новицкого, заключалось в том, что император направил Россию «по родному – самобытному пути, воскресил в ней дух самосознания, уверенности в собственной силе, могущей отразить напоры чуждого ей Запада», тем самым завещав «русским не надеяться на дружбу союзников, но жить и действовать самобытно» [62]. Идеи самобытности и самостоятельности исторического пути России, ее противопоставление европейскому Западу, как видим, стали идейной основой для бывшего участника либерального, по своему характеру, движения 1820-х гг., испытывавшего на себе влияние комплекса официальной и славянофильства.

В целом, публицистическое сочинение Новицкого интересно как памятник просвещенной консервативной мысли. Оно отражает определенную эволюцию, которую проделали люди декабристского круга, – те, кто после 1825 г. не испытал репрессий и продолжал службу, так или иначе адаптируясь к новой общественной и идейной ситуации, испытывая влияние новых идейных течений – прежде всего, консервативного характера. Сохраняя некоторые базовые элементы либерального сознания (зародившиеся в молодые годы автора), в том числе понимание необходимости коренных социальных преобразований (освобождения крестьян), Новицкий исповедовал идеологию консервативно-славянофильского характера, главным образом – в ее официально-правительственном варианте. Немалую роль в восприятии официального идейного дискурса сыграла успешно развивавшаяся карьера военного деятеля, выдвинувшегося и получившего признание в царствование Николая I. Другой существенный фактор апологетического отношения к внутренней политике николаевского царствования, постоянно присутствующий в статье Новицкого – это принадлежность автора к православному дворянству западных областей империи (Киевская губерния), испытывавшему значительное и разнообразное давление со стороны католического польского дворянства и настроенного крайне анти-польски. Политика Николая I в отношении Польши и польского дворянства, опиравшаяся, по мнению Новицкого, на принцип «православие и русская народность», получила в его статье безусловное одобрение [63].

Другая статья Г. В. Новицкого носит мемуарный характер. Это воспоминания об обучении в Артиллерийском училище и первых годах службы на Кавказе. Они также содержат явные следы мировоззрения поколения, воспитанного в конце 1810-х – начале 1820-х гг. Мемуарист упоминает о «просвещенных наставниках», обучавших в указанные годы юнкеров училища. Среди них он выделяет либерального профессора К. И. Арсеньева, подвергнувшегося в ту пору преследованиям в связи с известным делом профессоров Петербургского университета. По словам Новицкого, он был лучшим наставником (К. И. Арсеньев преподавал историю и статистику): его красноречие увлекало учеников, а направленность обучения сеяло в них интерес к общественным вопросам, возбуждало нетерпимость к злоупотреблениям властью и гражданские чувства. В пример шли образцы античной и недавней истории: «Представляя исторические очерки лиц, ознаменовавших свое земное поприще военными и гражданскими доблестями, он неволью заставлял и своих

слушателей сродняться с возвышенными качествами героев древнего и нового мира; при изображении же тех, которые запятнали имя свое пороками, он внушал воспитанникам отвращение ко всему гнусному и презренному» [64]. Из числа других наставников Новицкий называет еще законоучителя протоиерея А. И. Малова и преподавателя военной теории и истории Н. В. Медема. Примечательны слова первого из них, с которыми он обратился к выпускникам училища: «... на первых порах вашей служебной деятельности предстанут пороки во всей своей наготе; не ослабевайте же духом, боритесь против неправды и тем исполните закон Христов...» [65]. Новицкий подчеркивал, что в училище его и товарищей воспитывали служить не только царю и отечеству, но и «освещать в себе доблести воина и гражданина и основывать все свои действия на правилах христианских добродетелей». Закljučая мемуарный очерк, автор писал: «Нам внушали те убеждения, из которых слагается характер человека и тот возвышенный патриотизм, без которого немислимы ни военные, ни гражданские доблести» [66].

Таким образом, примечательно, что в этой статье Новицкий с сочувствием выделяет не только монархические и патриотические основы воспитания, но и, как важный ценный элемент, заложенный в учебный процесс 1820-х гг., – гражданственность воспитания, проповедуемую готовность бороться с злоупотреблениями, в том числе – с «общественным злом».

Как следует предположить, исходя из анализа текста биографии П. М. Саковича, Новицкий оставил еще записки мемуарного характера, которые не были напечатаны, но использовались в указанной биографии. Неизвестно, сколь подробно были отражены в них обстоятельства, связанные с участием мемуариста в тайном обществе декабристов. Судя по биографическому очерку П. М. Саковича, включающему, как нам представляется, отдельные фрагменты этих воспоминаний, в них сохранялась защитная линия, принятая Новицким еще в 1826 г., при «расспросах» со стороны руководства 1-й армии (К. Ф. Толь, Л. М. Яшвиль). Эта линия заключалась в утверждении своей полной неосведомленности о существовании тайного союза, при этом, однако, присутствие в Лещинском лагере, известность о проходивших там собраниях, их конспиративном характере, политическом содержании разговоров не отрицались [67].

Итак, основываясь на целом ряде совпадений исторических данных (чин, место службы в 1825 г., участие в Лещинском лагере), а также сведений из мемуарных источников (принадлежащих самому

Новицкому), мы полагаем, что подпоручик Новицкий, упомянутый в показаниях И. М. Черноглазова, и подпоручик 6-й конно-артиллерийской роты Г. В. Новицкий, в будущем – генерал от артиллерии и председатель Киевского военного суда – одно и то же лицо.

На основании показания И. М. Черноглазова следует заключить, что Г. В. Новицкий, – практически несомненно – еще один офицер конно-артиллерийских рот, поступивший в состав участников Васильковской управы. Судя по всему, он принимал непосредственное участие в совещаниях в Лещинском лагере, так же как и его сослуживцы М. И. Пыхачев, Д. А. Нащокин, Ф. Е. Врангель и др. Показание о нем не привлекло внимания следствия, и Новицкий избежал ответственности.

Задача настоящей работы состояла не только в установлении личности подпоручика Новицкого – члена Южного общества. Как представляется, выводы и наблюдения, сделанные в настоящей статье, служат еще одним доказательством того, что официальное расследование выявило далеко не все данные о деятельности Южного общества, а следственные материалы содержат неполный комплекс сведений о составе его участников. Историки еще очень мало знают о т. н. «декабристской периферии», о тех, кто по разным причинам смог избежать расследования, тем самым оставшись неизвестным в качестве участников декабристского движения.

Источники и литература:

1. **Эдельман О. В.** Следствие по делу декабристов. – М., 2010. – С. 353.

2. Декабристы. Биографический справочник. – М., 1988. – С. 211–214. См. также раздел в нашем исследовании, посвященный невыявленным следствием лицам: **Ильин П. В.** Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и обнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. – СПб., 2004. – С. 376–479.

3. Эта категория стала предметом наших исследований. См.: **Ильин П. В.** 1) Новое о декабристах. – С. 153–375; 2) Неподтвержденное (снятое) обвинение на следственном процессе 1825–1826 гг.: к постановке вопроса об оправданных участниках декабристских обществ // Освободительное движение в России. – Вып. 23. – Саратов, 2009. – С. 47–82; 3) Обманувшие следствие: к изучению методов и приемов защиты обвиняемых на процессе декабристов 1825–1826 гг. // Русская история и историческая мысль XIX–XX вв. Сб. ст. к 75-летию А. Н. Цамутали. – СПб., 2006. – С. 185–195.

4. См. об этом: **Ильин П. В.** 1) Обманувшие следствие: к изучению методов и приемов защиты обвиняемых на процессе декабристов 1825–1826 гг. – С. 185–195; 2) Неподтвержденное (снятое) обвинение на

следственном процессе 1825–1826 гг.: к постановке вопроса об оправданных участниках декабристских обществ. – С. 47–82.

5. Биографические данные причастного к деятельности Южного общества доктора Шлегеля установлены нами. Сведения о предполагаемом участии его в Южном обществе проанализированы в работах: **Ильин П. В.** 1) Новое о декабристах. – С. 512–516; 2) Президент Императорской Петербургской Медико-хирургической академии – декабрист? (рукопись статьи, готовится к печати). О причастности И. Б. Шлегеля к Южному обществу имеется также мемуарное свидетельство члена Южного общества П. И. Фаленберга (Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. – М., 1931. – Т. 1. – С. 225–226). М. В. Нечкина была склонна безоговорочно считать доктора Шлегеля членом Южного общества (**Нечкина М. В.** Движение декабристов. – М., 1955. – Т. 2. – С. 202, 215).

6. Восстание декабристов. Материалы (далее – ВД). – Т. 11. – М., 1954. – С. 366. Ср.: **Ильин П. В.** Новое о декабристах. – С. 513.

7. ВД. – Т. 10. – М., 1953. – С. 136–137. Ср.: **Ильин П. В.** Новое о декабристах. – С. 242–243.

8. ВД. – Т. 4. – М.; Л., 1927. – С. 40; Государственный архив РФ (ГАРФ). – Ф. 48. – Оп. 1. – Д. 178 (С. А. Житков). – Л. 2–10. С. Г. Волконский показал, что собрался принять своего адъютанта, но не принял (ВД. – Т. 10. – М., 1953. – С. 134).

9. См.: ВД. – Т. 4. – С. 111; Т. 19. – М., 2001. – С. 87, 93, 131.

10. См., например: **Медведская Л. А.** Сергей Иванович Муравьев-Апостол. – М., 1970. – С. 105, 125.

11. См. об этом: **Ильин П. В.** Новое о декабристах. – С. 225–228. М. П. Бестужев-Рюмин показал, что предлагал П. А. Криднеру вступить в тайное общество, но тот отказался. Со своей стороны, Криднер отрицал факт самого этого предложения.

12. Там же. – С. 229–230. Ср.: Русский архив. – 1902. – Кн. 2. – С. 301–302 (донесение полковника Чеботарева).

13. См. об этом: **Ильин П. В.** 1) П. А. Набоков и Ф. С. Панютин – неизвестные члены Васильковской управы Южного общества // Декабристи в Україні: дослідження й матеріали. – Т. 6. – Київ, 2009. – С. 42–65; 2) Новое о декабристах. – С. 406–409, 421–432.

14. П. Я. Ренненкамф занимал должность обер-квартирмейстера 4-го пехотного корпуса (соседнего с 3-м пехотным корпусом, к которому относились Черниговский и другие полки, охваченные заговором). Он был давним знакомым С. П. Трубецкого (дежурного офицера при штабе того же 4-го пехотного корпуса) и С. И. Муравьева-Апостола. Подробнее о нем см.: **Ильин П. В.** Новое о декабристах. – С. 243–250.

15. Интереснейшая ситуация с обвиняющими его показаниями и причинами оправдания разобрана нами: **Ильин П. В.** 1) Новое о декабристах. – С. 214–219; 2) Неподтвержденное (снятое) обвинение на следственном процессе 1825–1826 гг.: к постановке вопроса об оправданных участниках декабристских обществ. – С. 55–57.

16. О Л. Е. Годениусе, Н. Ф. Лосеве, А. П. Рославлеве см.: **Ильин П. В.** Новое о декабристах. – С. 239–240; о Никифораки – Там же. –

С. 545–547. Подполковник И. И. Левенштерн был подозреваем в принадлежности к Южному обществу в силу показания члена Общества соединенных славян И. И. Сухинова, которое, однако, не было подтверждено руководителями Васильковской управы (ВД. – Т. 6. – М., 1929. – С. 141; Т. 16. – М., 1986. – С. 146). Отметим, что в своем письме другу, в котором описывались события, связанные с выступлением черниговцев, И. И. Левенштерн сообщал, что прекрасно знал С. И. Муравьева-Апостола и был другом М. П. Бестужева-Рюмина (см.: **Сокольский С. Л., Порох И. В.** Восстание Черниговского полка глазами усмирителя // Освободительное движение в России. – Вып. 6. – Саратов, 1977. – С. 120–124).

17. О ситуации с Ф. Е. Врангелем см.: **Ильин П. В.** 1) Новое о декабристах. – С. 219–225; 2) Неподтвержденное (снятое) обвинение на следственном процессе 1825–1826 гг.: к постановке вопроса об оправданных участниках декабристских обществ. – С. 57–61.

18. См.: Декабристы. Биографический справочник. – М., 1988. – С. 232; ВД. – Т. 4. – С. 324; Т. 16. – С. 147.

19. См. примечание 17.

20. ВД. – Т. 19. – М., 2001. – С. 256. Здесь и далее курсив автора статьи.

21. Там же. – С. 255–256.

22. ВД. – Т. 5. – М.; Л., 1927. – С. 328–331.

23. Там же. – С. 341.

24. Возможно, мог бы дать результат поиск данных среди материалов следственной комиссии, учрежденной в 1-й армии при Главной квартире в Могилеве.

25. Петр Матвеевич Сакович (1819–1861), полковник гвардейского Генерального штаба, военный историк и писатель.

26. **Сакович П. М.** Георгий Васильевич Новицкий. Биографический очерк // Русская старина. – 1878. – Т. 22. – № 6. – С. 271–300; № 7. – С. 381–400.

27. Мы полагаем, что год рождения в биографии не точен, если судить по датам поступления Г. В. Новицкого в военно-учебные заведения и их окончания. Скорее следует предположить, что он родился на несколько лет позднее – в 1802 или 1803 г.

28. Александр Дмитриевич Засядко (1774–1837), генерал-лейтенант, с 1820 г. начальник Учебной артиллерийской бригады и Артиллерийского училища, директор Санкт-Петербургского арсенала и Охтинского порохового завода, с 1827 г. начальник штаба генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Павловича.

29. **Сакович П. М.** Георгий Васильевич Новицкий. Биографический очерк. 1800–1877 // Русская старина. – 1878. – Т. 22. – № 6. – С. 271–272.

30. **Платов А., Кирпичев Л.** Исторический очерк образования и развития Артиллерийского училища. – СПб., 1870. – С. 66.

31. **Сакович П. М.** Георгий Васильевич Новицкий. Биографический очерк // Русская старина. – 1878. – Т. 22. – № 6. – С. 272.

32. ВД. – Т. 6. – С. 308; Декабристы. Биографический справочник. – С. 334–335.

33. **Сакович П. М.** Георгий Васильевич Новицкий. Биографический очерк // Русская старина. – 1878. – Т. 22. – № 6. – С. 272–273.

34. Фабиан Вильгельмович фон дер Остен-Сакен (1752–1837), граф, генерал от инфантерии, главнокомандующий 1-й армией.

35. Начальник бригады конной артиллерии при 3-й гусарской дивизии Александр Никитич Фролов, подполковник артиллерии, член Южного общества, был наказан административным образом, после заключения в крепости переведен в действующую армию на Кавказ. Известен только один ротный командир, привлеченный к следствию – М. И. Пыхачев (5-я рота). Другие арестованные конно-артиллерийские офицеры – Д. А. Нащокин, Ф. Е. Врангель, А. Д. Высочин, И. М. Бутович, Д. В. Сергеев, Лазарев (последние трое в Петербург не отправлялись). В словах Л. М. Яшвиля о количестве арестованных офицеров содержится преувеличение.

36. **Сакович П. М.** Георгий Васильевич Новицкий. Биографический очерк // Русская старина. – 1878. – Т. 22. – № 6. – С. 273.

37. Лев Михайлович Яшвиль (1772–1836), князь, генерал-лейтенант артиллерии, начальник артиллерии 1-й армии с 1816 по 1835 г.

38. Очевидно, вследствие арестов по делу тайного общества.

39. **Сакович П. М.** Георгий Васильевич Новицкий. Биографический очерк // Русская старина. – 1878. – Т. 22. – № 6. – С. 273–274. О причине появления жандарма в очерке ничего не говорится.

40. Возможно, Новицкий был вызван к допросу в рамках расследования при штабе 1-й армии в Могилеве.

41. См. об этом: **Ильин П. В.** Обманувшие следствие: к изучению методов и приемов защиты обвиняемых на процессе декабристов 1825–1826 гг. – С. 185–195.

42. **Сакович П. М.** Георгий Васильевич Новицкий. Биографический очерк // Русская старина. – 1878. – Т. 22. – № 6. – С. 274.

43. Там же.

44. Там же. – С. 276.

45. Там же. – С. 279.

46. Там же. – С. 279.

47. Там же. – С. 295–296.

48. Там же. – С. 299.

49. Это случай, когда срок выслуги в офицерских чинах не был выдержан. Согласно официальной биографии Новицкого, он получил первый чин прапорщика в 1823 г., следовательно, 25-летняя выслуга приходилась на 1848 г.

50. Там же. – С. 300; Русская старина. – 1878. – Т. 22. – № 7. – С. 381–382.

51. Там же. – С. 397–399.

52. Там же. – С. 400.

53. В 1829 г. Новицкий собрал сведения о местах проживания адыгских народов, их численности, хозяйственной деятельности, религии, суде, праве, военном деле. Эти материалы Новицкий представил

командованию в служебной записке, а в 1829 г. частично опубликовал в статье «Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом адыхе» в газете «Тифлиссские ведомости» – первой еженедельной газете на Кавказе, издававшейся с 1828 по 1832 г. В создании газеты принимали участие А. С. Грибоедов и несколько сосланных бывших участников событий 1825 г. В 1830 г. Новицкий совершил новую секретную экспедицию в Закубанье, по результатам которой привел уточненные данные о численности адыгов. Собранные им сведения опубликованы Е. Д. Фелицыным в 1884 г. в газете «Кубанские областные ведомости, в статье «Географическое описание северной покатости Кавказского хребта от крепости Анапа до истока реки Кубани. Записка штабс-капитана Новицкого, составлена 15 сентября 1830 года».

54. Оттиск из журнала: Вестник Юго-Западной и Западной России. 1863. № 1. Статья датирована декабрем 1862 г.

55. Военный сборник. – 1871. – Т. 77. – № 2. – С. 287–308.

56. **Новицкий Г. В.** Голос служивого царствования Николая I. – Киев, 1863. – С. 6.

57. Там же. – С. 19.

58. Там же. – С. 3.

59. Там же. – С. 12.

60. Там же. – С. 25.

61. Там же. – С. 26.

62. Там же. – С. 24.

63. Там же. – С. 7–8.

64. Военный сборник. – 1871. – Т. 77. – № 2. – С. 288.

65. Там же. – С. 289.

66. Там же. – С. 287, 308.

67. Портрет Г. В. Новицкого см.: **Серяков Л. А.** Русские деятели в портретах, изданных редакцией исторического журнала «Русская старина». – СПб., 1886.

*Наталья Матханова
(Новосибирск)*

ДЕКАБРИСТСКАЯ МЕМУАРИСТИКА: ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОЙ ПУБЛИКАЦИИ*

Мемуары декабристов известны, они изучались и многократно публиковались. Но тема «Мемуарное наследие декабристов», как ни странно, все еще ждет своего исследователя. Очень многое еще нуждается в уточнении, обсуждении и выяснении.

Прежде всего, необходимо сказать об учете уже существующего.

Сведения об изданиях – книгах, в сборниках и периодике – приведены в четырех сводных библиографических указателях [2; 3; 4; 5], есть и частные, преимущественно краеведческого характера. Но в последнем из сводных указателей учтена литература, изданная по 1992 г. включительно, сведения о дальнейших публикациях можно почерпнуть только из сносок в исследователях работах, электронные базы данных крайне не полны, отдельные небольшие произведения мемуарного (и не только) характера, печатавшиеся в малотиражных провинциальных изданиях, вообще остаются вне поля зрения исследователей. Вообще назрела необходимость нового библиографического указателя [11, с. 659]. Информация о неопубликованных сочинениях – а такие тоже имеются – не сведена воедино. Научных изданий ряда сочинений, печатавшихся в XIX веке (и даже гораздо позже), все еще не существует.

Представленный в рецензии П. В. Ильина на один из томов серии «Полярная звезда» насыщенный и содержательный обзор все еще неопубликованного эпистолярно-мемуарного наследия декабристов или опубликованного без соблюдения требований к изданиям научного типа [10, с. 475–478] избавляет от необходимости подробно останавливаться на этом еще раз. Поддерживая высказывания П. В. Ильина о перспективах издания декабристского наследия в серии «Полярная звезда» (разделяемые большинством редколлегии), хотела бы подчеркнуть, что «не имеют научной публикации и почти не изучены» мемуары не только Д. И. Завалишина и М. И. Муравьева-Апостола, но и А. П. Беляева,

* Подготовлено в рамках гранта на поддержку ведущих научных школ, № НШ-2318.2012.6.

Г. С. Батенькова (о наследии Батенькова, в том числе неопубликованном, см.: [18; 29]) и других декабристов.

Особенно остро стоит вопрос о публикации мемуарного (и иного) наследия Д. И. Завалишина. Все еще не решен неоднократно поднимавшийся вопрос о редакциях основного произведения Завалишина – его «Записок декабриста». Разные версии истории этого важнейшего мемуарного источника выдвигали М. К. Азадовский, Г. П. Шатрова и др. [1, с. 175; 26, с. 17–20], но изучение и характеристика основного мемуарного произведения этого декабриста, вероятно, еще впереди. А об актуальности этой задачи говорит появление (правда, уже более десяти лет тому назад) биографии Д. И. Завалишина, в которой совершенно некритически повторяются его утверждения [25]. Хотя статья написана не профессиональным историком, она опубликована в одном из самых авторитетных журналов.

Несмотря на такие существенные пробелы, в последние годы практически замерла работа по научному изданию декабристских мемуаров. Единственное исключение, уже не раз отмечавшееся в историографии, – серия «Полярная звезда», но и в ней, за немногими исключениями, в последних по времени томах печаталось преимущественно эпистолярное наследие декабристов.

В то же время широко переиздаются ранее публиковавшиеся мемуары. С этим связана следующая и, пожалуй, наиболее важная проблема – требования к научным изданиям текстов.

В 2003 г. в издательстве «Захаров» под названием «Воспоминания» вышли «Записки декабриста» Д. И. Завалишина. «Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом» А. П. Беляева переизданы в 2009 г. Издатель мемуаров Д. И. Завалишина вообще уклонился от попытки дать какой-либо комментарий, ограничившись аннотацией, содержащей, вопреки жанру, эмоционально-оценочные суждения: «Завалишин без всякого стеснения описывает свои заслуги и чужие грехи, ополчаясь (причем вполне основательно) и на правительство, и на декабристов, и на самодержавие, и на либерализм» [9, с. 4]. В аннотации к петербургской републикации мемуаров А. П. Беляева сказано, что она представляет собой перепечатку с издания 1882 года «с испр[авлениями]», характер которых не указан. Можно было бы предполагать, что эти исправления сделаны по рукописи, но об этом ничего не говорится, как и вообще о том, был ли сверен с нею публикуемый текст (ни того, ни другого не сделано). В предисловии содержится противоречащее аннотации утверждение: «Воспоминания А. П. Беляева впервые публикуются в полном

объеме» [13, с. 7]. Комментарий отсутствует, предисловие содержит краткие биографические данные и сведения о предыдущих изданиях. Небрежность автора предисловия проявилась и в том, что он умудрился дважды ошибочно написать фамилию известного декабристоведа А. Б. Шешина, ссылаясь (весьма критично) на его работы о морях-декабристах: в тексте он назван Шениным, а в сноске – Шешениным! [13, с. 13]. Первая часть воспоминаний А. П. Беляева переиздавалась и ранее – в 1990 г. Красноярским книжным издательством. Публикаторы, директор Минусинского краеведческого музея В. А. Ковалев и научный сотрудник музея Л. А. Ермолаева, оговаривали, что текст воспроизводится по публикации в «Русской старине» 1880–1881 гг., что он сверен с отдельным изданием 1882 г., что орфография приведена к современным нормам [12, с. 356]. Издание снабжено вполне квалифицированным историческим комментарием и предисловием, содержащим биографические сведения о мемуаристе. Следует констатировать, что красноярское переиздание подготовлено на гораздо более высоком эдиционном уровне, сотрудники Минусинского музея как публикаторы декабристского наследия показали более высокий уровень профессионализма, хотя и их издание не может претендовать (и не претендует) на научный характер в строгом смысле слова: оно не сверено с рукописью, не прослежена история текста, и т. д. Конечно, далеко не все издания мемуарных источников являются научными. Всегда, в том числе и в последние годы, широко практикуются научно-популярные и вообще не научные издания. Но характер публикации должен специально оговариваться.

Практика републикации изданий XIX или начала XX века в настоящее время продолжается репринтным воспроизведением некоторых «декабристских томов» серии «Литературные памятники», знаменитого двухтомника «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1920-х годов». При этом, естественно, воспроизводятся и существовавшие даже в этих авторитетных изданиях недостатки.

В связи с указанными выше переизданиями встает естественный вопрос – как оценивать их появление? С одной стороны, они восполняют существующие – и существенные! – пробелы, возвращают в научный оборот тексты, иначе бывшие бы недоступными для многих читателей, в том числе и профессионалов, особенно в провинции. С другой стороны, их появление создает ложное представление о том, что задача уже решена. Републикация записок Завалишина и красноярское издание

воспоминаний Беляева в этом отношении выглядят предпочтительнее, т. к. они откровенно и честно предоставляют в распоряжение читателя текст, опубликованный в конце XIX – начале XX в. Петербургское же переиздание мемуаров Беляева сопровождается туманными намеками на «исправление», первую публикацию «в полном объеме», в результате читатель-специалист остается в недоумении – имеет ли он дело с публикацией, сверенной по рукописи, или с воспроизведением уже издававшегося текста. Есть и еще одно соображение, весьма важное в наше время. Издание записок Завалишина и Беляева в 2003 и 2009 гг. может осложнить положение с поиском денег на научную публикацию мемуарно-эпистолярного наследия этих декабристов, ибо потенциальный платежеспособный спрос уже снизился.

Но вернемся к вопросу об изданиях научного типа.

На несовершенство эдиционной практики XIX – начала XX в. неоднократно указывали специалисты [6; 8; 15]. Эволюция качества публикаций декабристских материалов в советский период и процесс постепенной выработки критериев научного издания прослежены Р. Г. Эймонтовой [28]. Количественные характеристики публикаций письменного наследия декабристов и более полные библиографические сведения приведены С. Е. Эрлихом.

Выработанные со временем требования к изданиям источников были зафиксированы в нормативных справочниках, последний из них появился еще в СССР [23]. Есть и не обязательные, но весьма авторитетные рекомендации по изданию мемуаров [24]. Эти требования и рекомендации далеко не всегда соблюдались раньше, нередко не соблюдаются они и теперь. Правда, чаще всего это характерно не для декабристской мемуаристики. В отношении нее основателями серии «Полярная звезда» была задана достаточно высокая планка. С. О. Шмидт даже отмечал значение «трудов по тематике “декабристоведение” для развития методики источниковедения и археографии», ибо они способствовали «совершенствованию приемов выявления, описания, публикации, использования многих разновидностей исторических источников..., и сопоставительного их изучения. Все это становится особенно ясным при сравнении публикаций мемуаров в XIX веке и мемуаров и писем в недавних изданиях академического типа» [27, с. 331]. И все же до сих пор – и сейчас даже чаще, чем некоторое время назад – публикаторы декабристских текстов порой не соблюдают необходимых процедур.

Сплошь и рядом публикаторы встречаются с трудностями ненаучного, а, так сказать, привходящего характера. Как правило,

издатели и редакторы сборников смешанного состава возражают против «излишних» и «утяжеляющих текст» археографических и текстологических примечаний. Обычно факт приведения орфографии подлинника к нормам XX в. не указывается – очевидно, что это умолчание предполагает соблюдение общепринятых требований. Однако, в «Правилах издания исторических документов» есть требования, которыми считают возможным пренебрегать даже квалифицированные специалисты. Самое, пожалуй, распространенное, заключается в том, что текстуальные (текстологические) примечания приводятся в конце документа, в виде концевых нумерованных сносок, и, таким образом, не отделяются от комментариев исторического характера. Это удобнее публикатору, но нарушает важный принцип: текстологические примечания являются частью текста, поэтому они должны маркироваться способом, позволяющим отличить их от примечаний содержательного характера. Лучше размещать подобные примечания в виде постраничных, а не концевых сносок с использованием букв или звездочек (астерисков) [23, с. 42–44, 57–59, 144–146, 149].

Нормальным требованием к научным публикациям является и археографическое описание источника – его внешнего вида, последовательности расположения отдельных фрагментов, наличия помет и правки и т. д. Необходимо оговаривать все случаи собственного вмешательства в текст.

Если говорить о критериях научных публикаций, то важнейшей и нередко в высшей степени трудной задачей является установление истории создания текста. Это правило – азбучное и общепринятое для историков-медиевистов, все еще не всегда соблюдается в работах декабристоведов. Д. С. Лихачев считал необходимым «сперва полностью изучить историю текста памятника, а потом критически его издать». В ряде изданий не соблюдается требование «полноты выявления и привлечения к анализу, изданию всех копий, списков... публикаций издаваемого документа» [21, с. 332]. Подобная работа проведена в отношении изданий сочинений Н. А. Бестужева, Н. И. Лорера, В. Ф. Раевского, М. А. Фонвизина, В. И. Штейнгейля, И. Д. Якушкина, и ряда других декабристов.

В серии «Полярная звезда», наряду с первыми публикациями декабристского, преимущественно эпистолярного, наследия, довольно много переизданий их мемуаров. Но, как правило, это публикации более высокого научного качества. Так, далеко не в первый раз напечатаны «Записки» И. Д. Якушкина. Но только

издание, подготовленное В. И. Порохом и И. В. Порохом, сопровождалось археографическим описанием рукописи, рассказом об истории публикации ее текста, подробной и тщательной характеристикой прежних изданий [22, с. 310–315]. М. К. Азадовский [1, с. 316–322] и И. А. Миронова [16; 17] отмечали существенные недостатки широко используемого и по сей день издания «Записок» Якушкина, осуществленного в 1951 г. С. Я. Штрайхом (и воспроизведенного репринтным способом в 2008 г.), Азадовский еще более резко отзывался о нем в своих письмах к Ю. Г. Оксману [14]. В вошедшем в серию томе не только впервые представлен подготовленный на основе рукописи, без каких-либо изъятий, текст, но и дан серьезный, глубокий, обстоятельный комментарий, который отвечает всем основным требованиям.

Качество комментария вообще – один из основных критериев научного характера издания. Дискуссии последних лет, особенно активно ведущиеся филологами, показали, что по-прежнему типичными ошибками комментатора остается сообщение ненужных читателю или общеизвестных сведений при умолчании о допущенных мемуаристом ошибках и сложных и малоисследованных вопросах [7, с. 20, 38]. На практике очень трудно бывает ответить на простой, казалось бы, вопрос – что именно относится к общеизвестным сведениям, в объяснении которых читатель не нуждается. Но, конечно, гораздо труднее соблюсти другое требование к научному комментарию: «Комментатор... обязан явиться прежде всего исследователем, неизменно критически относящимся к тексту комментируемого памятника, и к тем материалам, которые он привлекает в своих примечаниях» [1, с. 319–320]. Нередко публикаторы не соблюдают элементарного правила давать сноски при использовании чужих исследований и архивных материалов (разумеется, речь не идет об общеизвестных и распространенных справочных изданиях).

Если в советское время за соблюдение правил, кроме самого публикатора (составителя), отвечали научный (ответственный) и издательский редакторы, то в нынешних условиях первый часто является сугубо номинальным, а второй на наших глазах превращается в «уходящую натуру» – квалифицированных, знающих редакторов в издательствах, даже хороших, все меньше.

До сих пор речь шла о давно и хорошо известных требованиях. Соблюдение их – минимальное требование к научным публикациям. Но от них можно отступать в сторону более строгого и точного воспроизведения текста. Н. Н. Покровский, разрабатывая

методику применения классических археографических и эдичионных приемов к документам XX века [20], специально останавливался на непреходящем значении базовых принципов, отраженных в «Текстологии» Д. С. Лихачева. Он доказал возможность и необходимость применения их при издании документов XX века, т.к. «фундаментальные законы источниковедения и текстологии едины для разных эпох» [21, с. 331] – с неизбежным в таком случае отступлением от нормативных правил. Так, «Правила» предписывают указывать в текстуальных примечаниях на неисправности текста, не имеющие смыслового значения, только при публикации документов, созданных до XIX в. [23, с. 58–59]. Но, исправляя все ошибки, допускаемые авторами мемуаров и писем, публикатор невольно искажает, приукрашивает действительность. В результате декабристы выглядят абсолютно грамотными людьми, хорошо знающими русскую орфографию и пунктуацию. Разумеется, незнание или плохое знание некоторыми из них русского языка общеизвестно, но публикация выправленных текстов делает это положение менее заметным, почти незримым, выводит его за пределы читательского, а порой и исследовательского внимания. В результате все декабристы выглядят одинаково грамотными на протяжении всей своей жизни, и только обращение к подлинникам позволяет заметить, как, например, улучшилось правописание А. В. Поджио, чьи письма и записки сибирских и послесибирских лет написаны куда более грамотно, чем собственноручные ответы на «вопросные пункты» 1826 г. Опубликованный же исправленный текст [19] просто не дает возможности этого заметить. Сами «современные правила орфографии» в течение XX в. менялись несколько раз и, вероятно, будут еще меняться. В результате оказалось, что некогда исправленное публикатором правописание части мемуаров не соответствует правилам ни XIX, ни начала XXI в.

Вопрос о критериях изданий научного типа важен не только для эдичионной практики. Историки сплошь и рядом используют публикации разного характера наравне, не различая их. Автор, разумеется, имеет право выбор, но следует объяснить свою позицию или хотя бы оговорить возможность использования менее авторитетного издания отсутствием в нем разночтений с более авторитетным. Дело, конечно, заключается в том, что авторы не задумываются о качестве используемой ими публикации.

Есть еще одна деликатная проблема, касающаяся использования опубликованных источников. Редко кто из историков, используя или даже цитируя их, считает нужным указывать имена публикаторов. Это все же следует делать не только потому, что тем

самым отдается дань уважения нелегкому и неблагодарному труду по прочтению рукописного текста, что порой связано с дешифровкой неразборчивого почерка. Наиболее наглядный пример – С. Г. Волконский, почерк которого за все время существования декабристоведения умели читать только несколько человек. Однако дело не сводится к элементарному признанию значения работы публикатора. Предложенное им прочтение текста может быть ошибочным, читателю (особенно читателю-специалисту) должно быть понятно, кто именно несет ответственность за такое прочтение, насколько можно ему довериться. Встречаются, хотя и редко, и вовсе вопиющие случаи, когда без указания имени автора используется и комментарий, что, строго говоря, является плагиатом.

Многие записки и письма декабристов написаны по-французски, и при публикации их в переводе не всегда указывается имя переводчика, особенно когда речь идет о публикации небольших текстов в сборниках. Необходимость соблюдения этого очевидного правила вытекает из того же принципа – это не только естественное соблюдение авторского права на перевод, но и признание ответственности осуществившего его за точность и адекватность.

В одной статье, разумеется, нельзя было даже обозначить все проблемы, связанные с изданием и использованием декабристской мемуаристики. Все же хочется надеяться, что хотя бы некоторые из затронутых вопросов привлекут внимание декабристоведов.

Источники и литература:

1. **Азадовский М. К.** Страницы истории декабризма. – Кн. 1 / изд. подг. Ю. П. Благовоиной, Е. В. Войналович, А. А. Ильиным-Томичем, М. А. Кармазинской под ред. С. В. Житомирской. – Иркутск, 1991.

2. Восстание декабристов. Библиография / сост. Н. М. Ченцов; ред. Н. К. Пиксанов. – М., Л., 1929.

3. Движение декабристов. Указатель литературы. 1928–1959. Сост. Р. Г. Эймонтова при участии А. А. Солениковой. Под общей ред. М. В. Нечкиной. – М., 1960.

4. Движение декабристов. Указатель литературы. 1960–1976. Ред.-сост. Р. Г. Эймонтова, сост. В. С. Барашкова, А. Ф. Лисман, Ю. И. Стуков и др. Отв. ред. М. В. Нечкина. – М., 1983.

5. Движение декабристов. Указатель литературы. 1977–1992. Сост. Н. П. Дробышевская, Т. К. Мищенко, В. И. Мордвинова, Г. Г. Стельмашок, В. С. Шишкина. Науч. ред. С. В. Мироненко. – М., 1994.

6. **Динерштейн Е. Е.** Издание сочинений декабристов в России (1860–1917 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1988.

7. **Житомирская С. В.** М. К. Азадовский – историк декабризма // **Азадовский М. К.** Страницы истории декабризма. – Кн. 1. – С. 3–54.

8. **Зайцев А. Д.** Петр Иванович Бартенев и журнал «Русский архив». – М., 2001.

9. [Захаров И. В. Аннотация] // **Завалишин Д. [И.]**. Воспоминания. – М., 2003.

10. **Ильин П. В.** Возобновление документальной серии «Полярная звезда» (Муравьев А. М. Записки и письма. Иркутск, 199) // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. – Вып. VI. – СПб., 2004. – С. 474–478.

11. **Казьмирчук Г. Д., Латыш Ю. В.** Современное декабристоведение на постсоветском пространстве. Становление, проблематика, научные кадры и перспективы развития // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы. – М., 2008. – С. 640–662.

12. **Ковалев В. А., Ермолаева Л. А.** Примечания // **Беляев А. П.** Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. – Ч. 1. – Красноярск, 1990.

13. **Кондаков Ю. Е.** Предисловие // Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. – СПб., 2008. – С. 5–18.

14. Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка. 1944–1954 / изд. подг. К. М. Азадовским. – М., 1998.

15. **Мироненко М. П.** Мемуарное наследие декабристов в журнале «Русский архив» // Археографический ежегодник за 1975 год. – М., 1976. – С. 98–116.

16. **Миронова И. А.** Записки И. Д. Якушкина о движении декабристов // Археографический ежегодник за 1957 год. – М., 1958. – С. 138–156.

17. **Миронова И. А.** Записки И. Д. Якушкина как исторический источник // Проблемы источниковедения. – Вып. XI. – М., 1963. – С. 113–152.

18. **Осипенко С. В.** Из архива декабриста Г. С. Батенькова // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 2003. – № 4. – С. 20–33.

19. **Поджио А. В.** Записки, письма / изд. подг. Н. П. Матхановой. – Иркутск, 1989 (серия «Полярная звезда»).

20. **Покровский Н. Н.** Источниковедческие проблемы истории России XX века // Общественные науки и современность. – 1997. – № 6. – С. 94–105.

21. **Покровский Н. Н.** «Текстология» Д. С. Лихачева и проблемы издания документов XX в. // Труды Отделения историко-филологических наук. 2007. – М., 2009. – С. 331–338.

22. **Порох В. И., Порох И. В.** Комментарий // **Якушкин И. Д.** Мемуары, статьи, документы / изд. подг. В. И. Порохом и И. В. Порохом. – Иркутск, 1993 (серия «Полярная звезда»).

23. Правила издания исторических документов в СССР. – М., 1990.

24. Публикация мемуарных источников. Методическое пособие. Сост. А. Д. Вартаньян, под ред. Н. И. Басовской. – М., 1972.

25. **Рогинский Е. М.** Д. И. Завалишин как общественный деятель // Вопросы истории. – 1998. – № 8. – С. 137–144.

26. **Шатрова Г. П.** Декабрист Д. И. Завалишин. Проблемы дворянской революционности и эволюция декабризма. – Красноярск, 1984.

27. **Шмидт С. О.** Декабристы в представлениях людей рубежа XX и XXI столетий // **Шмидт С. О.** Общественное самосознание российского благородного сословия: XVII – первая треть XIX века. – М., 2002.

28. **Эймонтова Р. Г.** Источники по истории декабристов в советских изданиях // Археографический ежегодник за 1975 год. – М., 1976. – С. 222–243.

29. **Юшковский В. Д.** Бездонный космос души (Миропонимание Г. С. Батенкова периода ссылки) // Сибирь и декабристы. – Вып. 6. – Иркутск, 2009. – С. 198–212.

*Віталій Морозов
(Київ)*

ДВОРЯНСТВО ЧЕРНІГІВСЬКОЇ ГУБЕРНІЇ ТА ДЕКАБРИСТСЬКИЙ РУХ

Вітчизняна війна 1812 р. і популяризація героїки минулих національно-визвольних рухів в Україні революціонізували частину офіцерського корпусу царської армії. Розчарувавшись у власних сподіваннях на офіційне реформування Росії за західноєвропейськими зразками, група армійських офіцерів поставила своїм завданням силою встановити в країні конституційний лад. Причому, серед них не було єдності щодо методів досягнення поставленої мети, внутрішнього устрою майбутньої держави й ставлення до національних окраїн. Звісно, такий перебіг подій негативно позначився на їхньому русі [2, с. 418].

За часів царювання імператора Олександра I молоді офіцери та дворяни, які побували за кордоном, значно розширивши свій інтелектуальний світогляд, почали задумуватися над тими причинами, які призвели Росію до того суспільно-політичного стану, в якому вона перебувала на початку XIX ст. Це і зумовило появу на суспільно-політичній арені імперії таємних офіцерських організацій, які пізніше отримали назву декабристських.

Переважна більшість членів цих товариств й їх палких прихильників були відомі царській охоранці, але аж до 10 листопада 1825 р. вона не застосовувала до них жорстких каральних заходів. Дослідники декабристського руху пов'язують такий розвиток подій з ім'ям імператора Олександра I. У 1821 р. генерал І. В. Васильчиков доповів йому про існування одного з російських таємних товариств – Союзу благоденства – та запропонував ознайомитись із списком найбільш активних його членів. Цар не дав подальшого ходу цій справі, заявивши при цьому, що і він у молодості поділяв їх політичні погляди [23, № 3, с. 75].

На початку 20-х рр. XIX ст. на території Росії діяли 2 найчисленніші таємні офіцерські організації – Південне та й Північне товариства. Керівним органом першого стала Директорія на чолі з полковником Павлом Пестелем, який вирізнявся серед інших декабристів глибокими революційними переконаннями. Штаб-квартира його знаходилася в м. Тульчині. У свою чергу восени 1822 р. члени Північного товариства обрали свій керівний орган – Думу – в складі Микити Муравйова (голова), Сергія Трубецького та

Євгена Оболенського (члени). В 1825 р. чисельність Північного зросла до 105, Південного – до 101 чол. Вони мали спільну мету – шляхом військового перевороту повалити самодержавний лад і ліквідувати кріпосне право.

В складі різних таємних організацій першої чверті ХІХ ст., які існували на території Російської імперії, були і дворяни – уродженці Чернігівської губернії. Перегортаючи сторінки мемуарів декабристів, спогади про них їх сучасників та документи слідчих справ Особливого комітету по діях останніх, дослідник має змога більш детально дізнатися про життя і діяльність учасників повстання 1825 р.

До дворянства Чернігівщини свого часу був зарахований відставний полковник Олександр фон-дер Бріген (1792–1859). До вступу на дійсну військову службу він навчався в Петербурзі, спершу в німецькому училищі св. Петра, а згодом – у пансіоні Мейєра. На військовій службі – з 14 грудня 1808 р. в чині підпоручика лейб-гвардії Ізмайловського полку. Брав активну участь в бойових діях 1812 р., зокрема в битві поблизу Бородіна, був учасником і закордонних походів 1813–1814 рр., під час яких отримав чергове військове звання поручика. А у чині полковника російської армії О. Ф. фон-дер Бріген перебував з 3 травня 1820 р. З 7 вересня 1821 р. був відправлений у відставку через хворобу й довгий час проживав у с. Понурівка Глухівського повіту Чернігівської губернії [11, с. 29].

О. фон-дер Бріген перебував у складі членів масонської ложі “Петра до істини” (з 1817 р.). В 1818 р. Олександр Федорович вступив до таємної організації – Союзу благоденства. Згідно з протоколом допиту в Особливому комітеті від 26 січня 1826 р., полковник у відставці свої наміри щодо членства в таємній організації пояснював чистосердечними намірами творити добро на благо вітчизни, якій він віддав 14 років життя, перебуваючи в кадровій армії. О. Ф. фон-дер Бріген розповів також і про фінансову сторону діяльності товариства - членські внески у його казну (10-та чи 20-та частини місячного доходу кожного члена). Крім того він зазначив, що залишив таємне товариство в 1818 р. та до подій на Сенатській площі був у повному невіданні про його подальшу діяльність [8, с. 428]. На наступних допитах Олександр Федорович неодноразово підкреслював, що про існування останнього він навіть не здогадувався й взагалі був осторонь від політичних справ, проживаючи в глушині Чернігівщини з 1823 р.

Інша інформація про роль відставного полковника О. Ф. фон-дер Брігена у діяльності товариства міститься в доповідній записці

про Союз благоденства О. Х. Бенкендорфа на ім'я імператора Олександра I, складеній у травні 1821 р. У ній зокрема зазначалося, що він є одним з найбільш діяльних та активних членів вищезгаданого таємного товариства. В тій же записці рекомендувалося взяти поведінку О. Ф. фон-дер Брігена на особливу замітку через його зв'язки з дійсним таємним радником Миколою Тургенєвим (1789–1871) – членом переддекабристської організації “Ордена російських рицарів” і Союзу благоденства [12, с. 184].

Там же зазначалося, що Корінна управа товариства розділилась на три гілки, які підтримували між собою постійний зв'язок. Петербурзькою управою керували Микола Тургенєв, Олександр фон-дер Бріген та полковник Федір Глинка (1786–1880) [12, с. 186].

Цікаву інформацію про участь полковника Олександра Федоровича в роботі таємних товариств містять і свідчення інших декабристів, які були дані під час допитів слідчій комісії по їх справах. Так, полковник Павло Пестель (1793–1826) вказував на членство О. Ф. фон-дер Брігена у діяльності таємної організації й про його зв'язок з офіцерами морського флоту. Відставний поручик Кіндрат Рилєєв (1795–1826) повідомив слідство про те, що він дав Олександру Федоровичу доручення передати в Київ тамтешній таємній організації статут “Ордена відновлення”. А масон, член ложі “Трьох доброчесностей” князь Сергій Трубецької (1790–1860) розповів, що саме полковник повідомив йому про наміри капітана Якубовича [8, с. 446].

Так чи інакше, але особа відставного підполковника Ізмайловського полку О. Ф. фон-дер Брігена вже давно перебувала на особливій замітці у блокнотах чиновників таємного нагляду. Наказ про його арешт було підписано 3 січня 1826 р., а він відбувся 10 січня того ж року в маєтку його тестя М. П. Миклашевського у с. Березівці Стародубського повіту на Чернігівщині. Вже 18 січня його помістили в камеру № 17 Трубецького бастиону Петропавлівської фортеці. Після розгляду його справи Олександр Федорович був засуджений до 2 років каторжних робіт. 15 лютого 1827 р. його відправили етапом до Сибіру. Свій строк він відбував у Читинському острозі. Після відбуття терміну покарання йому дозволили оселитися в м. Пельмі Тобольської губернії, куди й прибув 23 липня 1828 р. Лише 1836 р. О. Ф. фон-дер Брігену було дозволено вступити на цивільну службу. Із січня 1838 р. – він працівник Курганського окружного суду. 24 квітня 1848 р. отримав чин колезького реєстратора, а 1856 р. – титулярного радника [11, с. 30].

Після проголошення амністії 26 серпня 1856 р. відставний полковник був звільнений від служби з переадресуванням посадового окладу (285 р.) на довічне щорічне утримання. А 20 липня 1858 р. він отримав дозвіл на проживання в Петербурзі, де і помер 27 червня 1859 р. З 65 років свого життя Олександр Федорович 31 рік провів у Сибіру [18, т. I, 2, с. 47].

З Чернігівщиною тісно пов'язана й доля князя Сергія Григоровича Волконського (1788–1865) – вихідця з древнього роду однієї з гілок чернігівських князів. Він народився в сім'ї члена Державної ради, генерала від кавалерії князя Григорія Волконського (1742–1824) та дочки фельдмаршала князя Миколи Репніна, статс-дами (з 22 серпня 1826 р.) Олександри Миколаївни (1756–1834). Початкову освіту майбутній учасник декабристського руху отримав у домашніх умовах під керівництвом іноземця Фриза і відставного полковника барона Каленберга, а в 1802–1805 рр. навчався у пансіоні абата Ніколя в Петербурзі. Згідно із звичаями тих часів, для отримання чину офіцера при досягненні повноліття С. Г. Волконський був записаний сержантом у Херсонський гренадерський полк (1 червня 1796 р., на 8-му році життя). На дійсній військовій службі – з 28 грудня 1805 р. в чині поручика лейб-гвардії кавалергардського полку. Він брав участь у кампанії 1806–1807 рр., за відвагу на полі бою нагороджений орденом Володимира IV ст. з бантом, золотим знаком за Прейсиш-Еллау та золотою шашкою з написом “За хоробрість”. З 15 вересня 1813 р. – генерал-майор, мав численні військові нагороди [11, с. 42].

Певний вплив на світогляд Сергія Григоровича мало його членство у масонських ложах. Генерал-майор С. Г. Волконський входив до списку таких з них: 1812 р. – ложа «Об'єднаних друзів»; 1815 р. – член-основоположник ложі «Трьох добродійців» та її майстер; 1814 р. – отримав шотландський ступінь “Виборного брата” в ложі “Сфінкс”; 1817 р. – ступінь шотландського майстра ложі “Олександра Золотого Лева”, член капітулу “Сфінкс” та почесний член ложі “Об'єднаних слов'ян”. Можна тільки зробити припущення, в яких цілях керівництво вищезгаданих масонських лож використовувало службове та суспільне становище князя Сергія Григоровича.

В 1818 р. Союз порятунку самоліквідується, і на його уламках виникає Союз благоденства (1818–1821). У його рядах був і генерал-майор С. Г. Волконський. Разом з ним у новостворене товариство перейшла й більшість членів колишнього Союзу порятунку. А із січня 1821 р. генерал-майор Сергій Григорович був призначений начальником I бригади 19 піхотної дивізії, штаб-

квартира якої знаходилася в м. Тульчині, за 80 км від Вінниці. З його приходом поширилися вільнодумні настрої серед військовослужбовців. Так почалася нова епоха у діяльності таємних товариств в Україні, коли на зборах однодумців стали з'являтися нові люди, особливо з вищих суспільних та світських кіл зі своїми відкритими поглядами. Серед них був також і князь С. Г. Волконський [14, с. 30].

Перебуваючи у Тульчині, Сергій Григорович, як і відставний полковник Василь Давидов (1793–1855), підполковник Андрій Єнтальцев (1788–1845), входив в оточення полковника, командира В'ятського піхотного полку Павла Пестеля (1793–1826) [6, с. 161, 141]. Кипуча енергія С. Г. Волконського була спрямована на діяльність Тульчинської управи Союзу благоденства, загальна чисельність якої становила близько 30 чол. Вона координувала дії місцевих осередків, створених активними діячами руху у Кам'янці, Києві, Яготині, Хомутці, Обухівці. Основним напрямом діяльності Союзу була пропаганда ідей повалення монархії, прийняття конституції й встановлення республіканської форми правління. Ставилося завдання перетворити державу із захисника інтересів окремих станів на гаранта громадського порядку і добробуту для всіх громадян. Але в організації почалися відцентрові тенденції, а також суперечності між радикально та помірковано орієнтованими його членами.

У березні 1821 р. Союз благоденства почав розпадатися. Члени Тульчинської управи, до складу якої входив Сергій Григорович, на своєму засіданні проголосили створення Південного товариства з центром у Тульчині. Керівним органом останнього стала Директорія на чолі з Павлом Пестелем й Олексієм Юшневським (1786–1844). Активними діячами його стали Сергій Волконський, брати Муравйови-Апостоли, Михайло Бестужев-Рюмін, брати Поджіо та ін. [2, с. 419].

Сергій Григорович здійснював зв'язок між Південним і Північним товариствами. Під час одного з візитів до Петербурга він дізнався від Кіндрата Рилєєва (1795–1826) про існування в Кронштадті флотської таємної організації з великою кількістю членів. Як виявилось згодом, один з керівників Північного товариства видавав бажане за дійсне [12, с. 196]. С. Г. Волконський був ознайомлений і з діяльністю Польського таємного товариства. Йому були відомі й його члени: Оссолінський, відставний генерал Хлопицький, Островський, Яблоновський, який свого часу служив у гвардії Наполеона. В особистих контактах Сергій Григорович перебував з Яблоновським під час поїздок останнього у Київ для встановлення зв'язків. Під час одного з побачень він заявив

С. Г. Волконському, що царство Польське хоче жити самостійно і забрати собі частину російських губерній [7, с. 107]. Сергій Григорович не поділяв таких поглядів на розв'язання польсько-російських проблем. однак виступаючи на першому засіданні київської масонської ложі “Об'єднаних слов'ян”, він зазначив, що у добровільного об'єднання в одне ціле польського та російського народів може існувати велика майбутня перспектива створення міцної європейської держави [4, с. 403].

У 1824 р. С. Г. Волконський, за дорученням Павла Пестеля, вирушив на Кавказ для встановлення контактів з членами діючого таємного товариства. Але існувала й інша причина перебування його в цьому краї. Саме там він чекав на результат акції свого приятеля, генерал-майора Михайла Орлова (1788–1842), який був уповноважений від його імені просити руки Марії Раєвської (1805–1863) – дочки відомого героя Вітчизняної війни 1812 р. генерала Миколи Раєвського (1771–1829), у яку вже був давно закоханий, але різниця у віці заважала князю освідчитися в коханні. Нарешті, в кінці 1824 р. останній набрався відваги і відрядив свого товариша на розвідку. Незабаром надійшла радісна звістка – дорога до шлюбу з Марією Миколаївною відкрита. Все це відбулося завдяки активному втручання в цю справу матері Марії Раєвської – Софії Олексіївни (онуки Михайла Ломоносова) [15, с. 22].

Під час перебування на Кавказі Сергій Григорович знайомиться із засланим туди за допомогу в дуелянтстві капітаном Олександром Якубовичем (1797–1845). Саме від нього він дізнався про існування на Кавказі у складі діючої армії таємної військової організації, яка своїми цілями ставила відділення кавказького регіону від Росії й утворення окремої держави під керівництвом генерала Єрмолова. Згодом, на слідстві, капітан О. І. Якубович заперечував сам факт таких розмов з князем С. Г. Волконським. А саме слідство щодо Кавказького таємного товариства проводилося в умовах підвищеної секретності, оскільки Єрмолов мав дуже великий політичний вплив у верхівках тодішнього суспільства [12, с. 465].

13 грудня 1825 р. за доносом капітана В'ятського піхотного полку Аркадія Майбороди від 21 листопада того ж року у Тульчині був заарештований Павло Пестель. Увечері того ж дня до себе на квартиру в Умані з'явився і стурбований Сергій Григорович і за допомогою своєї дружини спалив компрометуючі його документи. Після цього він відвіз Марію Миколаївну у маєток її батька.

Князя Сергія Волконського взяли під варту 5 січня 1826 р., а вже 14 січня його було ув'язнено в Петропавлівську фортецю. Певний час факт арешту замовчувався, оскільки батьки

С. Г. Волконського були у дружніх стосунках з імператорською родиною. Під час допитів Сергій Григорович тримав себе зверхньо й відмовлявся давати свідчення. Але згодом слідству вдалося вмовити його дати відповіді на свої запитання, в яких він зазначав, що вільнодумством захопився у 1813 р., коли в складі армійських частин перебував у Німеччині. Особливо сприяло цьому відвідання Парижа в кінці 1814 р. С. Г. Волконський також розповів і про відомі йому контакти між Південним та Північним товариствами й розповів про їх членів [7, с. 104].

Не менш цікаві також і свідчення інших учасників декабристського руху стосовно діяльності Сергія Григоровича. Так, підполковник Чернігівського піхотного полку Сергій Муравйов-Апостол (1795–1826) зазначав, що С. Г. Волконський був на з'їздах депутатів від таємних товариств у Києві та брав участь в обговоренні «Руської Правди» Павла Пестеля. Також він зазначив, що Південне товариство підтримувало ділові стосунки з Північним через князя. А підпоручик Полтавського піхотного полку Михайло Бестужев-Рюмін (1801–1826) показав, що таємне товариство велику надію покладало на 19-ту дивізію, оскільки нею командував генерал-майор С. Г. Волконський, який мав значний вплив на своїх підлеглих. У протоколах слідства зафіксовано й факт контакту Сергія Григоровича з представниками Польського таємного товариства Яблоновським і Гродницьким 1825 р. [7, с. 173].

Відставний полковник Василь Давидов (1793–1855) у своїх свідченнях зазначив, що С. Г. Волконський був присутній на одному із зборів членів Кам'янецької управи, де обговорювали питання майбутнього республіканського устрою Росії та ліквідації імператорської сім'ї. Ці факти антидержавної політики князя підтвердив і відставний штабс-капітан Йосип Поджіо (1792–1848).

12 липня 1826 р. в будинку коменданта Петропавлівської фортеці Сергій Григорович разом з іншими учасниками декабристського повстання вислухав свій вирок – 20 років каторжних робіт у Сибіру. А рано-вранці 13 липня на території кронверка фортеці відбулася громадська страта засуджених на каторгу. С. Г. Волконський сам зняв з себе військовий мундир з орденами та кинув його в багаття. Потім над його головою було переломлено шпагу. Після цього на декабристів надягнули арештантський одяг та повели у фортечні каземати [1, с. 23].

Через десять днів після обряду громадянської страти Сергія Волконського закували в кайдани і відправили до Сибіру. По дорозі до Іркутська (22 серпня 1826 р.) його наздогнала звістка про скорочення строку каторжних робіт з 20 до 15 років. А з 1827 по

1856 рр. тяжкі умови сибірського життя разом з князем розділяла і його дружина Марія Волконська, яка, подолавши багато бюрократичних, а здебільшого моральних перешкод, полишила столичне світське життя й оселилася у суворих сибірських краях.

В 1856 р. Сергію Волконському та його дітям було повернено дворянство і дозволено виїхати на проживання до європейської Росії. Після нетривалого перебування подружжя Волконських у Москві та в Італії у 1859 р. вони переїжджають на постійне місце проживання в маєток їхньої дочки Олени Кочубей (1835–1916), який знаходився у селі Вороньки Козелецького повіту Чернігівської губернії. З Волконськими прибув й їхній друг, декабрист О. В. Поджіо, який також був членом Південного товариства та разом з ними відбував заслання в Сибіру.

Тяжкі роки заслання підірвали їх здоров'я. 10 серпня 1863 р. померла Марія Миколаївна, через два роки (28 грудня 1865 р.) не стало й Сергія Григоровича [17, с. 51]. А відставний полковник Олександр Поджіо після смерті своїх друзів виїхав за кордон, проживав у Женеві і Флоренції, а в 1873 р. повернувся до Росії. Помер 6 червня того ж року у маєтку свого товариша по засланням.

На початку 30-х рр. ХХ ст. в с. Вороньки сучасного Бобровицького району Чернігівської області було зруйновано церкву-усипальницю, зведену над могилами подружжя Волконських у 1900–1905 рр. за проектом архітектора О. Є. Ю. Ягна (1848–1922), випускника Римської академії мистецтв [24, с. 215].

Прості селяни з великим ризиком для свого життя вночі здійснили християнський обряд перепоховання домовин колишніх противників царського режиму. На превеликий жаль, подробиці й місце нового поховання сімейства Волконських і їхнього друга О. В. Поджіо довгий час трималися у таємниці й загубилися в круговерті наступних потрясінь, які прийшли на українську землю. А у 1975 р. в селі Вороньки, за проектом архітектора О. К. Стукалова, споруджено меморіальний комплекс, який включає три символічні могили з гранітними надгробками і барельєфними портретами на них. Поруч знаходиться стела з мозаїчною композицією, присвяченою повстанню декабристів на Сенатській площі 14 грудня 1825 р. [24, с. 215].

Особливе місце серед дворян Чернігівської губернії – учасників подій 1825 р. – займає підпоручик 8-ї артилерійської бригади та автор «Записок» Іван Іванович Горбачевський (1800–1869). Майбутній декабрист найбільш вірогідно народився в с. Переходівці поблизу м. Ніжина, що належало матері останнього (з роду Кониських) [13, с. 7]. Дитячі роки його пройшли у Вітебську, де на той

час чиновником Вітебської казенної палати служив батько – Іван Васильович Горбачевський.

Початкову освіту Іван отримав у Вітебському народному училищі, з 1813 р. – учень тамтешньої губернської гімназії, курс навчання якої закінчив 1817 р. Того ж року один з його родичів забрав останнього до Петербурга й влаштував до столичного навчального дворянського полку, який виник внаслідок гострої нестачі високопрофесійних офіцерських кадрів. 14 березня 1807 р. вийшов імператорський наказ про відправлення бажаючих вступити на військову службу дворян віком 16 років у Петербург. Для цієї цілі було виділено 2-й кадетський корпус, при якому було сформовано окремих «волонтерський корпус», який 1808 р. отримав назву дворянського полку [19, с. 219].

У 1818 р. в сім'ю Горбачевських приходять біда – за порушення під час закупівлі провіанту було заарештовано батька майбутнього декабриста – Івана Васильовича, який до того бездоганно понад 30 років працював у вітебській казенній палаті. Цілком можливо, що арешт батька був однією з причин, що призвели І. Горбачевського в коло членів таємних офіцерських організацій.

27 червня 1820 р. Іван Іванович після закінчення навчання в дворянському полку був направлений прапорщиком у І батарею роти 8 артилерійської бригади. По дорозі до місця служби (бригада розташовувалась на території України) він заїхав до свого батька, де й дізнався про смерть матері. Іван Горбачевський передав сину папери на право володіння одним з українських сіл. Коли новопризначений прапорщик приїхав до батьківського маєтку, то відразу ж привселюдно відмовився від спадку, і всі папери на нього передав своєму брату. За такий неординарний на той час вчинок селяни того села в своїй церкві поставили образи Іоанна Богослова та Миколи Чудотворця (на честь Івана Івановича і його брата).

Військова служба прапорщика І. І. Горбачевського проходила у м. Новограді-Волинському (96 км від м. Житомира). Саме там він познайомився з підпоручиком Петром Борисовим (1800–1854), який на початку 1823 р. прийняв І. Горбачевського в таємну організацію Об'єднаних слов'ян. Як засвідчував Іван Іванович під час допитів, на перших порах свого перебування у складі учасників майбутнього заклоту він був лише частково ознайомлений з цілями товариства. Трохи згодом йому стали відомими й інші члени організації Об'єднаних слов'ян – брати Борисови, Бечасний, Андрієвич та ін. Згодом І. І. Горбачевський активно включається у працю Товариства і бере участь в обговоренні планів та майбутнього переліку дій під час його засідань [6, с. 24].

У кінці 1824 р. Товариство об'єднаних слов'ян було нечисленним. Його члени були розпорошені по різних місцях України, де вони намагалися розширити мережу своєї діяльності й залучити до неї якнайбільше осіб. 6 грудня 1824 р. Петро Борисов та Іван Горбачевський після довготривалих переговорів дійшли до спільного висновку – треба прискорити організаційні процеси в середині товариства і запровадити персональну відповідальність членів останнього за їх дії. Для досягнення цих цілей П. Борисов написав проект остаточного устрою Товариства Об'єднаних слов'ян [10, с. 167].

У березні 1825 р. багато його членів зібралися в м. Черникове (за 25 верст від Житомира) й, розглянувши запропоновані заходи П. Борисова та І. Горбачевського, цілком з ними погодилися і висловили їм свою цілковиту підтримку. Саме там першого було обрано тимчасовим президентом товариства [10, с. 168].

Поступово Іван Іванович став одним з найактивніших та найпослідовніших членів Товариства об'єднаних слов'ян, проводячи агітаційну роботу серед солдатів й офіцерів. При об'єднанні останнього з Південним він був палким прихильником та союзником П. Борисова у відстоюванні самостійності позицій і дій свого Товариства. Під час повстання Чернігівського полку підпоручик І. І. Горбачевський разом з іншими його членами товариства підняли сусідні військові з'єднання. Але 3 січня 1826 р. в полі поблизу Білої церкви вірні уряду війська придушили бунтівні частини. Керівництво повстання було заарештовано. Діяльністю його учасників зайнявся військовий трибунал та інші слідчі органи.

Наказ про арешт Івана Івановича підписано 20 січня 1826 р. Певний час заарештований перебував у Житомирі, а вже 1 був доставлений у Петербург на головну гауптвахту. Того ж дня за ним зачинилися двері однієї з камер Петропавлівської фортеці [11, с. 55].

Під час слідства І. І. Горбачевський зазначив, що на його вільнодумні настрої великий вплив мали вірші й проза Петра Борисова і його переклади з французької мови творів Вольтера та Гельвеція. Іван Іванович розповів також і про діяльність Товариства об'єднаних слов'ян, про його зв'язки з Південним, розкрив плани вищезгаданих організацій та виказав належність до них конкретних осіб.

Цікаві свідчення про діяльність І. І. Горбачевського у складі Товариства об'єднаних слов'ян подали й інші учасники заколоту. Так, підпоручик піхотного полку Павло Мозган (1802–1843) вказував на те, що він схвалив думку Бестужева про смертну кару тому, хто захоче відмовитися від перебування в рядах Товариства. А капітан

того ж полку Олексій Тютчев (1802–1856) серед інших своїх свідчень зазначив, що для майбутньої терористичної операції по здійсненню ліквідації імператора у бойову групу входив і підпоручик І. І. Горбачевський [6, с. 249].

Слідчі органи звинуватили Івана Івановича у його належності до таємної організації, активній пропагандистській роботі у ній та в поширенні думок про гостру потребу введення у Росії республіканського правління. 10 липня 1826 р. йому було оголошено вирок – довічні каторжні роботи, а 22 серпня того ж року цей строк замінили 20 роками. В 1835 р. покарання обмежили 13 роками. Після його закінчення І. І. Горбачевський наказом від 10 липня 1839 р. був переведений на поселення до Петровського заводу.

Після амністії 1856 р. Іван Іванович залишився постійно проживати у похмурій місцевості, огороженій з усіх боків горами й оточеній густими лісами, Петровському заводі. Батьківщина його вже не манила до себе, як на самому початку заслання. Буденне життя І. І. Горбачевського проходило в щоденних турботах у своєму господарстві. Особливу увагу він приділяв млину, який перебував у його власності. Слід зазначити, що млинарство було для Івана Івановича збитковим через його необмежену доброту і безмежну довіру до своїх клієнтів [12, с. 376].

Останні тижні свого життя Іван Іванович провів у страшних муках (від сильного загострення хвороби кишок). 9 січня 1869 р. його не стало. Згідно з усним заповітом, місце поховання було обране на вершині пагорба, поблизу останнього притулку декабриста [22, с. 7].

23 вересня 1803 р. у с. Душатин Суразького повіту Чернігівської губернії (сучасна Брянська область Російської федерації) в сім'ї обер-секретаря Сенату Олександра Іскрицького народився другий син – Дем'ян. Початкову освіту він здобув у Петербурзькому єзуїтському пансіоні й у пансіоні Шабо, а до іспиту для вступу на військову службу проходив підготовку вдома під з гувернером італійцем Джильї. На дійсній військовій службі – з 14 липня 1810 р., а 12 грудня 1821 р. отримав чин прапорщика. 3 грудня 1825 р. – був у чині підпоручика при училищі колоновожатих.

1820 р. прапорщика Д. О. Іскрицького було прийнято до Союзу благоденства за рекомендацією титулярного радника Григорія Перетца. Під час слідства Дем'ян Олександрович заявляв, що після його прийому до членів товариства він не був присутній на їх зборах і незабаром взагалі перестав цікавитися справами останнього, а за декілька днів до повстання 14 грудня 1825 р. він від графа Коновниціна дізнався про належність до членів таємної організації

князя Оболенського, Рилєєва, Бестужева. Під час заворушень на Сенатській площі перебував там як сторонній свідок [9, с. 127].

Зовсім інші свідчення надали слідству під час допитів про діяльність Д. О. Іскрицького в складі членів Північного товариства його колеги по заклоту. Так, штабс-капітан лейб-гвардії драгунського полку Олександр Бестужев (1797–1837) заявив, що 13 грудня 1825 р. до нього заїжджав граф Коновніцин і повідомив, що в почті імператора заклотникам будуть допомагати Іскрицький та Корнилович. А граф Іван Коновніцин (1806–1871) заявив, що ввечері 13 грудня 1825 р. під час зборів у Рилєєва бачив там Дем'яна Олександровича, якому заклотники дали доручення спостерігати за полками, які будуть знаходитися вздовж Фонтанки [9, с. 127].

Д. О. Іскрицький був заарештований 29 січня 1826 р. Ймовірно сприяв цьому донос його рідного дядька Федора Булгаріна. Після розгляду справи 15 червня 1826 р. було винесено вирок – 6 місяців тюремного ув'язнення з подальшою відправкою на службу в Оренбурзький гарнізон під особливий нагляд. Звіди Дем'яна Олександровича було переведено на Кавказ у 42-й сгерський полк, де він брав участь у бойових діях під час російсько-турецької війни 1828–1829 рр. Помер 27 вересня 1831 р. в чині штабс-капітана у м. Царських Колодцях на Кавказі.

Під час багатьох подій у світовій історії були випадкові люди, які внаслідок різноманітних обставин втягувалися в перипетії історичних подій. Залежно від його величності випадку вони сходили на п'єдестал пошани або платили страшну ціну, прирікаючи себе на муки і довготривале розлучення з рідними та близькими.

Серед випадкових учасників круговерті подій 1825–1826 рр. опинився й підпоручик Саратовського піхотного полку Микола Йосипович Мозгалевський (1801–1844). Він народився у місті Ніжині Чернігівської губернії в сім'ї голови повітового суду, колезького асесора Йосипа Федоровича Мозгалевського і Вікторії Карлівни де Розет. Сім'ї належав хутір Городок поблизу Ніжина. Наймолодший із синів – Микола – спочатку навчався у Ніжинському двокласному училищі, а після закінчення курсу наук – в кількох пансіонах повітового міста. Військову освіту здобув за час навчання у Петербурзькому I-му кадетському корпусі (1814–1821). Після його закінчення став прапорщиком Саратовського піхотного полку, а з 4 травня 1823 р. – підпоручиком [11, с. 114].

В 1825 р. Миколу Йосиповича було прийнято до Товариства об'єднаних слов'ян прапорщиком Саратовського піхотного полку Іваном Шимковим (1804–1836). За його свідченнями під час допитів, у коло бунтівників він потрапив виключно через свою молодість та

необачність. Будучи всього на двох засіданнях товариства в селищі Млинцях на квартирі підпоручика артилерійської бригади Якова Андрійовича (1801–1840), М. Й. Мозгалевський так і не зрозумів, у яку халепу він потрапив та чим це для нього обернеться в недалекому майбутньому.

Наказ про арешт підпоручика Миколи Йосиповича підписано 5 лютого 1826 р. Сам арешт здійснено 13 лютого, а вже 22 лютого того ж таки року він був ув'язнений у Петропавлівську фортецю. Під час допитів й очних ставок з іншими бунтівниками наляканий слідством М. Й. Мозгалевський так до кінця і не зрозумів ні цілей таємного товариства, членом якого він був, ані всієї серйозності програної справи [5, с. 138, 66]. 10 липня 1826 р. Микола Йосипович дізнався й про свій суворий вирок – довічне поселення у Сибіру з конфіскацією дворянського диплома та військового звання. В місяці того ж року строк заслання було скорочено до 20 років. У м. Наримі 1829 р. він одружився з козачкою Євдокією Агеєвою. В сім'ї молодого поселенця було 8 дітей. Один з його синів, Віктор, у 1908 р. отримав чин генерал-майора. Помер М. Й. Мозгалевський 14 червня 1844 р. в м. Мінусінську Красноярського краю.

До когорти колоритних за своєю поведінкою і характером фігур бунтівних подій 1825 р. належав капітан Нижньогородського драгунського полку Олександр Іванович Якубович (1797–1845). Під час ознайомлення з матеріалами слідчої справи й із спогадами сучасників тих подій перед дослідником постає особа з неординарною поведінкою, хитруватим характером та водночас добрим і людяним серцем. О. І. Якубович народився в с. Липовому (сучасний Талалаївський район Чернігівської області) [6, с. 169, 217]. За його батьком, роменським повітовим предводителем дворянства ротмістром І. О. Якубовичем, було закріплено 1200 ревільських душ в Чернігівській та Полтавській губерніях. Його син Олександр початкову освіту, як і більшість дітей дворян, отримав у рідних стінах своєї домівки. Подальше навчання проходило в стінах Московського уніатського пансіону. На дійсній військовій службі – з 21 серпня 1813 р. юнкером лейб-гвардії уланського полку. Брав участь у закордонних походах 1813–1814 рр., а 20 грудня 1816 р. отримав військове звання корнета.

13 листопада 1817 р. О. І. Якубович був присутній на дуелі графів О. П. Завадовського й В. В. Шереметевим як секундант останнього. Під час дуелі граф Шереметев був убитий. Після розслідування цієї гучної справи Олександра Івановича перевели прапорщиком на Кавказ у Нижньогородський драгунський полк (наказ від 20 січня 1818 р.). Саме там він зустрівся з іншим секундантом

вищезгаданої дуелі О. Грибоєдовим. Гаряча натура О. І. Якубовича не витримала такого збігу подій. 23 жовтня 1818 р. між колишніми секундантами відбулася дуель, під час якої О. Грибоєдова було поранено у долоню правої руки. За спогадами сучасників, Олександр Іванович намагався позбавити Грибоєдова можливості грати на фортеп'яно [12, с. 40].

Слід зазначити, що перебування в складі діючої армії на Кавказі зробило з О. І. Якубовича живу легенду тих часів. З роти у роту, з полку у полк передавалися розповіді про безмежну хоробрість та сміливість поручика під час проведення військових операцій у гірських аулах і в переслідуванні озброєних горців. Багатьом здавалося, що посвист куль над своєю головою ця людина сприймала як звичайну повсякденну річ. 12 червня 1820 р., перебуваючи у загоні князя В. Мадатова в Дагестані, під час запеклої сутички біля с. Ховрс за проявлену відвагу він отримав чин штабс-капітана [5, с. 279], а у 1823 р. – орден Володимира IV ст. з бантом.

24 червня 1823 р. під час експедиції на Кубань Олександр Іванович отримав тяжке поранення в голову кулею навиліт. З таким пораненням штабс-капітан служив майже рік, завжди перебуваючи на передових позиціях під час бойових дій та постійно командує авангардом ввірених йому загонів. Лише на початку червня наступного року О. І. Якубович потрапляє до Петербурга, де отримує можливість проконсультуватись у столичних лікарів відносно свого поранення. Двічі йому робили тяжкі операції, під час яких з рани було видалено роздроблені кістки і залишки свинцю. Після таких лікарських втручань Олександр Іванович проходив курс реабілітації протягом наступних п'яти місяців [5, с. 185].

Після завершення медичних процедур О. І. Якубович почав домагатися свого перевodu в гвардію. Але раптова смерть імператора Олександра I у Таганрозі завадила здійсненню цих планів відважного штабс-капітана. Він був змушений залишитися в Петербурзі та чекати наступного розвитку подій.

А вони не забарилися. 14 грудня 1825 р. бунтівні частини вишикувалися на Сенатській площі. Того ж дня, прогулюючись по столиці й будучи озброєним лише форменою шаблею, Олександр Іванович приєднався до однієї з військових частин і з вигуками «Ура Костянтину!» наблизився до епіцентру подій. При цьому він перебував під впливом сильного азарту й розмахував своєю шаблею [12, с. 202]. При прибутті на Сенатську площу його погляду відкрилася повна картина військового бунту. Зрозумівши, що миром це не закінчиться, штабс-капітан намагався залишити площу, але на одній з бокових вулиць він потрапив у поле зору імператора, який

перебував неподалік від місця подій. Дізнавшись, з ким звела його доля, Микола І послав О. І. Якубовича парламентаром до повсталих частин. Таким чином, Олександр Іванович опинився між молотом та наковальнею. Не будучи впевненим у подальшому позитивному розвитку подій, штабс-капітан на своєму коні з чорною пов'язкою на голові на правах пораненого швидко їздив від імператора до бунтівного каре і в зворотному напрямку. Під'їжджаючи до повсталих, він напівголосно умовляв їх не складати зброю й підбадьорював до активних дій. А перебуваючи серед оточення імператора, штабс-капітан розповідав про страшну впертість та агресивні плани повсталих [3, с. 36, 100]. Коли ж розпочалася перестрілка, О. І. Якубовичу вдалося зникнути з місця кривавих подій і заховатися в себе на квартирі.

Але на Сенатській площі та поблизу неї було багато свідків дволикої поведінки героя кавказької війни. Наступного дня за ним зачинилися двері однієї з камер Петропавлівської фортеці.

Під час першого засідання слідчого комітету у справах декабристів 21 грудня 1825 р. серед допитаних був і Олександр Іванович. Його відповіді були не послідовні та нещирі. Стоячи посеред зали в драгунському мундирі з чорною пов'язкою на голові, він виголосив довготривалу промову, у кінці якої заявив наступне: «Мета наша була принести добро вітчизні. Нам цього не вдалося, і ми зазнали поразки. Для появи наступних сміливців потрібні жертви. Я молодий, відомий в армії своєю хоробрістю, й вимагаю розстріляти мене на площі під пам'ятником Петра Великого» [12, с. 296].

Слідство так і не довело причетність штабс-капітана О. І. Якубовича до членства в таємних товариствах. У провину йому ставили підбурювання бунтівних частин до активних дій, в задумах щодо здійснення царевбивства. 21 липня 1826 р. по етапу Олександра Івановича було відправлено до Сибіру. Протягом певного періоду йому зменшили строк відбування каторжних робіт. У 1839 р. він оселився в с. Большая Разводная Жилкінської волості Іркутської губернії, а через два роки переселився до Єнісейської губернії. Після довготривалої хвороби 3 вересня 1845 р. Олександра Івановича не стало [11, с. 209].

Волею долі представники дворянства Чернігівської губернії знаходилися й по іншу сторону барикад, а декому з них довелося вічна-віч зійтися з бунтівними військами та вмовляти їх скласти зброю. Серед таких людей був і граф Михайло Андрійович Милорадович (1771–1825).

З 1818 р. він займав посаду петербурзького військового губернатора, був членом Державної ради та Комітету міністрів. У

послужному списку графа значилися всі російські й велика кількість закордонних орденів [18, II.2, с. 133].

Звісна річ, до Михайла Андрійовича доходила інформація про підготовку заклоту. Його майбутні учасники були і в оточенні військового губернатора. Один з них, полковник Ф. М. Глінка (1786–1880), учасник війни 1812 р., поет, публіцист, редактор «Военного журналу» протягом 1817–1819 рр. З 26 січня 1818 р. завідував особливим відділом канцелярії Санкт-Петербурзького військового губернатора М. А. Милорадовича. Водночас він був членом однієї з масонських лож та Союзу порятунку. Ознайомленим з роботою таємних організацій був й ад'ютант графа штаб-ротмістр Г. А. Мантейфель. А чиновник канцелярії губернатора Г. А. Перетц напередодні повстання прохав таємного радника Гур'єва попередити Михайла Андрійовича про можливе хвилювання у військах у день прийняття присяги Миколі I [11, с. 139].

Напередодні повстання декабристів, під час публічної заяви останнього про свої права на імператорський трон, граф М. А. Милорадович на чолі групи вищих армійських офіцерів не підтримав такого розвитку подій, заявивши при цьому, що акт відречення князя Костянтина не був оприлюднений, а закони Російської імперії «не дозволяють» передавати владу на основі заповіту. До думки столичного військового губернатора представник царської родини Микола I змушений був прислухатися, оскільки за Михайлом Андрійовичем була гвардія і ті офіцерські кола, яких кандидатура можливого імператора не задовольняла [23, № 4, с. 111]. Але події грудня 1825 р. змінили хід історії в боротьби за імператорський трон.

Дізнавшись про виступ бунтівних частин на Сенатській площі 14 грудня 1825 р., М. А. Милорадович відразу ж направився до епіцентру подій. Прибувши туди, Михайло Андрійович спершу запевнив присутніх перед ним солдатів й офіцерів у правдивості відречення князя Костянтина від права на царський престол. Потім, наголошуючи на військових подвигах присутніх під час баталій 1812–1814 рр. намагався довести бунтівникам всю згубність та злочинність їх дій [12, с. 213].

Однак обставини того дня завадили графу М. А. Милорадовчу здійснити його миролюбиву місію. Півстолетний постріл обірвав палку промову графа. За допомогою особистого ад'ютанта Олексія Башуцького й кількох офіцерів Михайла Андрійовича віднесли в одну з кімнат казарми кінного полку, яка знаходилась поруч із Сенатською площею, де він і помер о другій годині ночі [12, с. 267]. Слідство встановило, що в графа М. А. Милорадовича стріляв переодягнутий

у солдатську форму відставний поручик П. Каховський (1799–1826), який згідно вироком суду був засуджений до страти [21, с. 762].

З Чернігівщиною, з цим багатим на історико-культурні традиції краєм, у тій чи іншій мірі були пов'язані долі й інших учасників декабристського руху. Так, 1822 р. проїздом м. Прилуки відвідав активний учасник підготовки повстання на Сенатській площі К. Ф. Рилєєв (1795–1826). В 1839 р. також проїздом перебував у Ніжин та Чернігові учасник тих подій 14 грудня 1825 р. А. Є. Розен (1799–1884). А у червні 1858 р. дворянську родину Галаганів в їхньому маєтку у Козельці відвідав колишній керівник Північного товариства С. П. Трубецької (1790–1860) [13, с. 21].

Висновки. Дворянство Чернігівської губернії зайняло з повним на те правом помітне місце у суспільно-політичному житті України кінця XVIII – першої половини XIX ст. Участь представників шляхетства регіону в таємних офіцерських організаціях перших десятиріч XIX ст. – О. Ф. фон-дер Брігена, С. Г. Волконського, І. І. Горбачевського, Д. О. Іскрицького, М. Й. Мозгалевського, О. І. Якубовича – виявили їх бачення кризової суспільно-політичної ситуації в державі та особистий вклад у розвиток суспільно-політичних процесів Російської імперії різних років, ступінь відповідальності за свої вчинки при розгляді справ декабристів у стінах Особливого комітету.

Джерела та література:

1. **Бастарева Л. И., Сидорова В. И.** Петропавловская крепость. – Л., 1989. – 127 с.
2. **Борисенко В. Й.** Курс української історії. – К., 1998. – 615 с.
3. Военно-энциклопедический словарь. – М., 1984. – 863 с.
4. **Волконский С. Г.** Записки. – СПб., 1901. – 546 с.
5. Восстание декабристов. Материалы. – М., 1926. – Т. II. – 423 с.
6. Восстание декабристов. Материалы. – М., 1926. – Т. V. – 493 с.
7. Восстание декабристов. Материалы. – М., 1953. – Т. X. – 334 с.
8. Восстание декабристов. Материалы. – М., 1976. – Т. XIV. – 508 с.
9. Восстание декабристов. Материалы. – М., 1984. – Т. XVIII. – 368 с.
10. **Горбачевский И. И.** Записки // Мемуары декабристов. – М., 1988. – С. 165–313.
11. Декабристы. Биографический справочник. – М., 1988. – 447 с.
12. Декабристы в воспоминаниях современников. – М., 1988. – 508 с.
13. Декабристы і Чернігівщина. – Чернігів, 2000. – 40 с.
14. **Довнар-Запольский М. В.** Мемуары декабристов. – К., 1906. – 346 с.
15. Записки княгини Марии Николаевны Волконской. – М., 1914. – 209 с.
16. Історія міст і сіл УРСР. Чернігівська область. – К., 1972. – 780 с.

17. Красназавчі матеріали з історії Чернігівщини. – К., 1968. – 169 с.
18. **Милорадович Г. А.** Родословная книга Черниговского дворянства. – СПб., 1901. – Т. I. – 772 с.; Т. II. – 743 с.
19. **Нечкина М. В.** Общество соединённых славян. – М.–Л., 927. – 245 с.
20. **Павлова Л. Я.** Декабристы – участники войн 1805–1814 гг. – М., 1979. – 127 с.
21. Полное собрание законов Российской империи. Издание второе. – СПб., 1830. – Т. I. – 762 с.
22. **Рассадин С.** Никогда никого не забуду. – М., 1987. – 351 с.
23. **Сахаров А.** Александр I. К истории жизни и смерти // Наука и жизнь. – 1993. – № 3. – С. 70–80; № 4. – С. 100–111.
24. Чернігівщина. Енциклопедичний довідник. – К., 1990. – 1006 с.

*Ліна Наумець
(Новоград-Волинський)*

ТОВАРИСТВО ОБ'ЄДНАНИХ СЛОВ'ЯН

Виступ декабристів залишив помітний слід у розвитку політичної думки в Україні. Так, програмні документи «Товариства об'єднаних слов'ян» свідчать, що Товариство ставило за мету не лише знищення самодержавства та кріпацтва, а й утворення федерації слов'янських держав. Ця ідея знайшла продовження у політичних програмах наступних діячів національно-визвольного руху, зокрема у Кирило-Мефодіївському братстві.

Революцію слов'яни вважали рухом народних мас і закликали спиратися саме на народ. Це відрізняло Товариство об'єднаних слов'ян від інших товариств декабристів.

Виключно важливою рисою цього Товариства був демократичний характер організації. На відміну від Південного та Північного товариств декабристів, до яких входило переважно вище офіцерство, аристократія, ця спілка була організована нижчими офіцерськими чинами – прапорщиками, поручиками. Лише слов'яни розгорнули досить широку кампанію по залученню до своїх ідей рядових солдатів.

Члени Слов'янського товариства відрізнялися від членів інших товариств за своїм майновим становищем. Більшість їхніх батьків належала до збіднілих дворян. Частина слов'ян утримувала на своє жалування рідних.

Майже усі члени Товариства були приблизно одного віку, що теж сприяло їхньому зближенню та взаєморозумінню.

СКЛАД ТОВАРИСТВА ОБ'ЄДНАНИХ СЛОВ'ЯН ТА ОСІБ, ЩО ПРОХОДИЛИ В ЙОГО СПРАВІ [1]

№	Прізвище, ім'я, по-батькові	Роки життя	Місце служби
1	Андрієвич Яків Максимович	1801–1840	Підпоруч. 8-ої артбригади
2	Берстель Олександр Карлович	1788–1830	Підполковник 9-ої артбриг.
3	Бечаснов Володимир Олександрович	1802–1859	Прапорщик 8-ої артбриг.
4	Борисов Андрій Іванович	1798–1854	Відставний підпоручик

5	Борисов Петро Іванович	1800–1854	Підпоручик артбриг.	8-ої
6	Веденяпін Аполлон Васильович	1804–1847	Прапорщик артбриг.	9-ої
7	Веденяпін Олексій Васильович	1803–1870	Підпоручик артбриг.	9-ої
8	Вигодовський Павло Хомич	1802–1881	Писар канцелярії	
9	Височин Олександр Дмитрович	1802–1830	Прапорщ. кінної роти	6-ої
10	Головинський Павло Казимирович	1805–?	Юнкер артбригади	8-ої
11	Горбачевський Іван Іванович	1800–1869	Підпоручик артбриг.	8-ої
12	Громницький Петро Федорович	1803–1851	Поручик Пензенськ. полку	
13	Драгоманов Яків Якимович	1801–1840	Прапорщик Полтав. полку	
14	Жебровський Фаддей Антонович	1800–?	Шляхтич, секретар графа	
15	Іванов Ілля Іванович	1800–1838	Бухгалтер 3-го піх. корп.	
16	Киресв Іван Васильович	1803–1866	Прапорщ. артбригади	8-ої
17	Красницький Микола	1801–?	Відставний підпоручик	
18	Кузьмин Анастасій Дмитрович	?–1826	Поручик Чернігв. полку	
19	Лісовський Микола Федорович	1802–1844	Поручик Пензенськ. полку	
20	Люблінський Юліан Казимирович	1798–1873	Дворянин	
21	Мозгана Павло Дмитрович	1802–1843	Підпоручик Пензен. полку	
22	Мозгалевський Микола Йосипович	1801–1844	Молодш офіцер Пензенськ. полку	
23	Невенгловський	?	Дворянин	
24	Одинцов Григорій Іванович	?	Підпоручик артбриг.	8-ої
25	Ольшевський	?–1828	Прапорщик Саратов. полку	
26	Островський Леопольд	?	Дворянин	
27	Пестов Олександр Семенович	1802–1833	Молодш. офіцер Сарат. полк.	
28	Скальмировський Іполит	?	Дворянин	
29	Соловійов Веніамін Миколайович	1798–1871	Штабс-капіт. Черніг. полку	

30	Спиридов Михайло Матвійович	1796–1854	Майор Пензенськ. полку
31	Сухинов Іван Іванович	1796–1828	Поручик Александр. полку
32	Тиханов Микола Ілліч	1799–1831	Підпоручик 9-ої артбриг.
33	Троцький Омелян Миколайович	?	Поручик Полтав. полку
34	Трусов Степан Петрович	?	Поручик Полтав. полку
35	Тютчев Олексій Іванович	1802–1856	Капітан Пензенськ. полку
36	Усовський Олексій Васильович	?	Поручик Полтавськ. полку
37	Фролов Олексій Пилипович	1804–1885	Поручик Пензенськ. полку
38	Фурман Андрій Федорович	1795–1835	Капітан Чернігівськ. полку
39	Чорноглазов Ілля Михайлович	1799–?	Підпрапорщ. 9-ої артбриг.
40	Шахирєв Андрій Іванович	1799–1828	Поручик Чернігівськ. полку
41	Шимков Іван Федорович	1803–1836	Прапорщик Саратов. полку
42	Щеколла Вікентій Іванович	1802–?	Юнкер Саратовськ. полку
43	Щепилла Михайло Олексійович	?–1826	Поручик Чернігів. полку

Більшість з них – це вихованці 1-го та 2-го кадетських корпусів у Петербурзі: Микола Мозгалевський, Петро Громницький, Олексій Фролов, Іван Кирєєв, Олексій Усовський, Андрій Шахирєв, Аполлон та Олексій Веденяпіни.

Олексій Тютчев навчався у морському кадетському корпусі, Андрій Фурман – у гірському кадетському корпусі, потім у дворянському полку при 2-му кадетському корпусі. Іван Горбачевський дістав освіту у вітебській гімназії, потім вступив до дворянського полку. Микола Лісовський навчався в Кременчуцькому народному училищі, в службу вступив підпрапорщиком у Пензенський піхотний полк. Іван Шимков навчався у Харківському університеті. У приватних вчителів Житомира отримав освіту Ілля Іванов. Під керівництвом батька – відставного майора Чорноморського флоту отримали освіту брати Андрій та Петро Борисови. Знання з математики та артилерії їм дав Олександр

Карлович Берстель. Іноземні та російські вчителі виховували вдома Михайла Спиридова. Юліан Люблінський навчався у Межирицькому училищі ксьондзів, у Кременчуцькому ліцеї та у Варшавському університеті, Павло Вигодовський – у духовному училищі [2]. Таким чином більшість слов'ян одержала досить добру освіту, котра дозволила їм піднятися вище буденного.

Після арешту декабристів Микола I повелів військовому міністру Татищеву розіслати по губерніях запити: хто вони, звідки родом – ці слов'яни. Виявилось, що Товариство слов'ян об'єднувало українців, росіян, поляків, серед них був грек Павло Мозгана з Феодосії Таврійської губернії, німець Олександр Берстель, українці Яків Андрієвич, Яків Драгоманов, Микола Лісовський, Олексій Усовський та Іван Шимков родом з Полтавської губернії, Іван Горбачевський та Микола Мозгалевський з Чернігівської, брати Борисови з Київської, Іван Сухинов та Олександр Пестов з Херсонської, росіяни Володимир Бечаснов та Веніамін Соловйов з Рязанської губернії, Іван Киреев з Тульської, Олексій Тютчев з Орловської, Петро Громницький з Пензенської, Олександр Височин та Андрій Шахирєв з Петербургу. Поляки Юліан Люблінський, Микола Красницький, Невенгловський, Островський, Скальмировський, Фаддей Жебровський, Павло Головинський, Ольшевський були з Волинської губернії [3].

Кульмінацією діяльності Товариства об'єднаних слов'ян стало повстання Чернігівського полку. Одна із найавторитетніших дослідників декабристського руху академік М. В. Нечкіна зазначила: «... повстання Чернігівського полку – справа Об'єднаних слов'ян. Вони відважилися його підняти, вони розпочали його, вони поклали всі сили на його внутрішню згуртованість, вони так багато попрацювали над сміливими планами, котрих Муравйов не схотів здійснити... вони виконували під час повстання найважливіші завдання» [4].

Загинули під час повстання Чернігівського полку. Життя членів Товариства об'єднаних слов'ян – поручиків Чернігівського полку Анастасія Кузьміна та Михайла Щепилли закінчилося в один день 3 січня 1826 року.

Щепилла – активний учасник повстання Чернігівського полку, був убитий під час бою з урядовими військами біля села Триліси. Похований у загальній могилі з Кузьмінім та Іполитом Муравйовим-Апостолом.

Анастасій Кузьмін заарештований важко пораненим під час бою, покінчив із собою.

Відправлено під нагляд поліції. За вироком Новоград-Волинського провінційного суду було віддано під нагляд поліції М. Красницького, Г. Одинцова, Ольшевського, Л. Островського, Невенгловського, І. Скальмировського та Жебровського [5].

Переведено в інші полки. Олександр Височин після арешту утримувався у Петропавловській фортеці, потім був відправлений на попереднє місце служби, але з переводом до іншої роти та наказом щомісячно доповідати про його поведінку.

Павло Головинський після арешту знаходився під слідством в 1-ій армії, потім у Петропавловській фортеці. Був призначений в полки 3-ої піхотної дивізії рядовим.

Вікентій Щеколла просидів місяць на гауптвахті, і був відправлений до 3-ої піхотної дивізії під суворий нагляд начальства.

Слідство встановило, що Микола Тиханов знав про існування Товариства, але членом його не був. Переведений до іншої роти.

Яків Драгоманов з кінця грудня 1825 перебував у шпиталі, і тільки це врятувало його від жорстокої розправи, яку вчинив цар над іншими декабристами. Ув'язнений до Петропавловської фортеці на 3 місяці з наступним переводом до іншого полку під суворий нагляд начальства. Невдовзі знову тяжко захворів, звільнений від служби. До самої смерті залишався під наглядом поліції. Поетично обдарований, друкувався у російських альманахах.

Вислано рядовими на Кавказ. Розжалувано у солдати і відправлено на Кавказ О. Берстеля та О. Веденяпіна. Олександр Берстель – єдиний із слов'ян мав чин підполковника, учасник російсько-турецької війни, Вітчизняної війни 1812 року та закордонних походів, нагороджений орденом Анни 4-го ступеня. За вироком суду приречений до позбавлення чинів, дворянства, направлений на кріпацькі роботи. У серпні 1827 рядовим у складі Єгерського полку був відправлений на Кавказ, де загинув під час битви з аджарськими лезгинами [6].

Олексій Веденяпін – брат Аполлона Веденяпіна. Позбавлений чинів і розжалуваний у рядові. У 1826 р. висланий на Кавказ. За станом здоров'я у 1833 р. звільнений зі служби із заборонаю в'їзду в обидві столиці та встановленням за ним секретного нагляду. Помер у маєтку колишнього міністра юстиції Дашкова в селі Царів-Курган Самарського повіту, де і був похований [7].

Відправлено до Сибіру 27 чоловік: Андрієвича, Бечаснова, братів Борисових, Аполлона Веденяпіна, Вигодовського, Горбачевського, Громницького, Іванова, Кирєєва, Лісовського, Люблінського, Мозгану, Мозгалевського, Пестова, Соловійова,

Спиридова, Сухинова, Тютчева, Усовського, Фролова, Фурмана, Шахирева, Шимкова, Троцького, Трусова, Черноглазова [8].

21 липня 1826 р. перша партія в'язнів відбула до Сибіру. 26 липня за ними відправилися С. П. Трубецької, С. М. Волконський та брати Борисови. Наприкінці серпня 1826 р. вони прибули до Іркутська. Братів Борисових направили на Александрівський винокурний завод. Про цей період життя декабристів відомо мало. В першій половині жовтня декабристів зібрали в Іркутську і наголосили про переведення усіх до Благодатського рудника.

На каторзі зблизилися декабристи, які до подій 1825 року не знали один одного. Саме тут утворився між ними живий нерозривний зв'язок на все життя. Царський уряд побоювався загального заколоту Східного Сибіру і вирішив зібрати всіх декабристів в одному місці – у Читинському острозі.

До Чити, у побудований для них острог, декабристів почали доставляти з січня 1827 р. Вже через рік там було 73 в'язні [9]. Декабристів звозили сюди не тільки з різних куточків Сибіру, а й з різних фортець, де їх тримали до цього часу. З Кронверкської куртини прибув І. Горбачевський, після перебування у Шліссельбурзькій фортеці сюди доставили Я. Андрієвича, з Кексгольмської фортеці – М. Спиридова, О. Пестова, В. Бечаснова, О. Фролова, І. Шимкова, із Свеаборзької фортеці – І. Кирєєва, з Тобольська – О. Тютчева, з Іркутська – П. Громницького. В різний час було доставлено П. Мозгана, Ю. Люблінського, П. Вигодовського, М. Лісовського [10]. Так більшість слов'ян зібралася разом.

Влада, вирішивши зібрати їх разом під одним тюремним дахом, щоб надійно за ними стежити, сама того не підозрюючи, рятувала декабристів! У Читинському острозі вони вчилися жити новим для них життям. «Каземат з'єднав нас разом, дав опору один одному», – згадував Михайло Бестужев [11]. Ув'язнені в Читинському острозі жили артіллю, усі речі та книги були спільними. Середньорічний пай складав 500 рублів, малозабезпечені сплачували в пай скільки могли.

І. Сухинов, В. Соловйов та М. Мозгалевський перебували у Зерентуйському руднику. У 1828 році Сухинов організував змову, залучивши до свого плану каторжан у більшості селянського походження. Він намагався підняти повстання у Зерентуйському руднику, захопити зброю. Далі повстання повинно було перекинутися на Нерчинські рудники. Звільнення усіх друзів – було його єдиною метою. Але змову викрили, учасників мали покарати батогами і клеймувати залізом. Напередодні покарання Сухинов покінчив із собою.

Умови каторги були важкими. В особливо важкому становищі опинилися малозабезпечені, у більшості – слов'яни, які трималися разом. Величезним авторитетом серед слов'ян та й усіх декабристів користувався Петро Борисов.

Змова у Зерентуйському руднику примусила царський уряд поспішати з будівництвом нової тюрми при Петровському чавуноливарному заводі. Влітку 1830 р. 69 чоловік двома партіями здійснили перехід від Чити до Петровська.

У Петровському Заводі, зміцніла артіль, яка надавала можливість малозабезпеченим декабристам краще харчуватися і зібрати хоч трохи грошей для їх майбутнього поселення. Крім того, артіль надавала допомогу працівникам заводу та їх сім'ям. Артіль мала свій Статут. Два роки хазяїном артілі обирався Іван Горбачевський. Декабристи-каторжани зуміли налагодити обмін досвідом та знаннями, організували передплату на російську та європейську періодику. Михайло Бестужев писав: «Завод дав нам політичне існування за межами політичної смерті» [12].

У Петровському Заводі помер Олександр Пестов. Йому виповнився лише 31 рік. Перебування на каторзі підірвало його здоров'я.

Перебування на поселенні. Першими із слов'ян з Читинського острогу на поселення у 1828 р. відбули Микола Лісовський та Павло Вигодовський. Миколі Лісовському було призначено поселення у Туруханську, де він займався торгівлею. Помер раптово у 1844 р. Павло Вигодовський, висланий до Нариму, був фактично приречений на повільну смерть, не маючи ніяких засобів для життя. Поліція знайшла у нього твори – гострі політичні памфлети агітаційного та філософського напрямку (3588 аркушів!). За це його відправили до селища Нюрба Якутської губернії. 15 місяців йшов він пішки до нового місця заслання, де на нього чекала цілковита ізоляція від усього світу. Потім мешкав у Вілюйську, де до нього перебував Матвій Муравйов-Апостол, який створив тут школу. Вигодовський, вже немічний престарілий чоловік, продовжив справу товариша. Останні роки жив при Іркутському косяолі, де у страшених злиднях помер у віці 79 років [13].

У 1829 р. відправлений до селища Тунка Іркутської губернії Юліан Люблінський. Після амністії 1856 р. поновлений у правах. Повернувся до Європейської Росії разом з дружиною та 5-ма дітьми. 75-річним помер у Петербурзі, похований на одному з міських кладовищ.

У 1832 р. відправлено на заслання Павла Мозгана, Іллю Іванова та Івана Шимкова. Павло Мозгана перебував у селищі

Валихтинське Єнісейської губернії. У 1838 році переведений рядовим до військ окремого Кавказького корпусу. Загинув під час воєнних дій. Ілля Іванов відбував заслання у селищі Верхне-Острожне Івдельського повіту Іркутської губернії. Помер раптово. Іван Шимков був у Батурицькій Слободі Верхньоудинського округу, раптово помер у віці 33-х років, не дочекавшись дозволу на шлюб з місцевою селянкою.

У 1835 р. на поселення відправлено Івана Кирєєва, Олександра Фролова, Петра Громницького та Олексія Тютчева. Іван Кирєєв був в Мінусинську. 1861 р. виїхав до Калуги, жив у Батенькова. Помер 63-річним, похований в селі Дементьєво Тульської губернії. Олександр Фролов на поселенні жив у селі Шушенське Мінусинського округу. Після амністії останні роки проживав у Москві, похований на Ваганьківському кладовищі. Залишилися його мемуари. Петро Громницький перебував у Бельську Іркутської губернії. Був в колі тих, хто переписував і розповсюджував політичні твори декабриста Михайла Луніна, за що був заарештований у 1842 р. Помер у шпиталі Іркутського солеварного заводу в селі Усолі, де і похований. Олексія Тютчева було відправлено до села Курагіно Єнісейської губернії, де він помер. На поселенні з ним перебував Микола Мозгалевський.

У 1839 р. братів Борисових відправлено до села Підлопатки Іркутської губернії, у 1841 р. переведено до села Мала Разводна. Збереглося багато цінних гербаріїв та колекцій метеликів, зібраних братами. Петру Борисову належить праця «О происхождении планет», яка свідчить, що він стояв на рівні сучасної йому науки. Не доживши два роки до амністії, Петро раптово помер, Андрій у розпачі покінчив життя самогубством.

У 1839 р. до селища Смоленщина Жилкінської волості Іркутської губернії відправлено Володимира Бечаснова. Після амністії залишився з сім'єю в Сибіру. Похований у Знаменському монастирі Іркутська.

Після царської амністії 1856 р. назавжди залишився у Петровському Заводі Іван Горбачевський, який став начебто совістю декабризму, втіленням пам'яті про Товариство об'єднаних слов'ян. Його «Записки» – це підсумок розмов, розпитувань, розслідувань, наслідок його праці і водночас громадська справа його товаришів, друзів. Помер 9 січня 1869 р. Похований в каплиці, побудованій за проектом Михайла Бестужева, разом з Олександром Пестовим, Катериною Муравйовою з її дочкою, дітьми декабристів Фонвізіна, Аненкова та Івашова.

1839 р. відбув на поселення до Красноярська Михайло Спиридов, де він помер від тривалої хвороби. Яків Андрієвич перебував у Верхньоудинську Іркутської губернії. Помер у місцевій лікарні, заповідаючи майно та невеличку суму коштів братам Борисовим. Веніамін Соловйов був відправлений до селища Устьянське Єнісейської губернії. Після амністії йому повернуто дворянське право і титул барона без повернення колишнього майна та із забороною в'їзду до обох столиць. Помер і похований в Рязані.

Обминули Читинський острог та Петровський Завод четверо декабристів. Андрій Шахирєв був відправлений з Петербургу до Сургуту Тобольської губернії, де незабаром помер від апоплексичного удару. Андрій Фурман був відправлений до Кондинська Тобольської губернії. Микола Мозгалєвський засуджений на заслання довічно, перебував спочатку у Наримі Тобольської губернії, потім у селищі Курагіно Єнісейської губернії, згодом у Мінусинську, де і помер. Аполлон Веденяпін відбував заслання у Верхньовілійську Якутської губернії, потім у Киренську Іркутської губернії та Іркутську. Вступив у цивільну службу. Після амністії повернувся до Тамбовської губернії, проживши в Сибіру 30 років.

Іллю Черноглазова переведено до Оренбурзького лінійного батальйону. Олексія Усовського в квітні 1827 р. відправлено до Сибіру на довічне заслання. Омелян Троцький разом із Степаном Трусовим намагалися підняти на початку 1826 р. в Бобруйську повстання Полтавського полку. Приречені на довічне заслання до Сибіру [14]. Подальша їх доля невідома.

Декабризм – це явище людської цивілізації, піввікова подвижницька і на рідкість активна діяльність розгромлених, але не зломлених людей. Вони залишили нащадкам літературні, філософські, політичні, наукові природознавчі твори, мали вплив на культуру Сибіру, відкриваючи школи, строюючи бібліотеки, лікуючи людей, вводячи нові сільськогосподарські та технічні пристрої.

Пам'ять про декабристів-слов'ян – це наше національне багатство і, як усе народне надбання, повинно дбайливо зберігатися.

Джерела та література:

1. **Наумець Л.** Товариство Об'єднаних слов'ян. – Житомир, 1997.
2. Там само.
3. Там само.
4. **Нечкина М. В.** Декабристы. – М., 1983.
5. Декабристы. Биографический справочник. – М., 1988.
6. Там само.
7. Там само.
8. **Наумець Л.** Товариство Об'єднаних слов'ян. – Житомир, 1997.

9. Декабристы и Сибирь. – Новосибирск, 1971.
10. Декабристы. Биографический справочник. – М., 1988.
11. Декабристы и Сибирь. – Новосибирск, 1971.
12. Там само.
13. Там само.
14. **Горбачевский И. И.** Записки. Письма. – М., 1963.

*Александр Пономарев
(Киев)*

ПАВЕЛ ПУЩИН КАК ВОЕННЫЙ ИСТОРИК

*До сих пор поход Наполеона затемняет
и заглушает всё – и только некоторые военные
люди знают, что в то же самое время происходило на Востоке.*

А. С. Пушкин – А. П. Ермолову, апрель 1833 г.

Слова, адресованные великим поэтом генералу А. П. Ермолову, относятся в значительной мере и к русско-турецкой войне 1806–1812 гг. Как будто подтверждая верность этих слов, другой визави Пушкина, с которым он познакомился в Кишиневе – генерал-майор Павел Сергеевич Пущин (1789–1865) – исправит этот пробел.

Александр I планировал решить Восточный вопрос совершенно не так, как вышло в ходе войны с Турцией, а посему в тогдашней историографии эта война и не получила должного освещения. Хотя, существуют несколько основательных книг по истории этой войны, среди которых труды: Д. Бутурлина, А. Михайловского-Данилевского, А. Петрова [1], а также работы А. Попова, Л. Гальберштада, посвященные внешней политике России, и затрагивающие Восточный вопрос 1806–1812 гг. [2]. Особое место занимают мемуары А. Ланжерона, который участвовал в этой войне [3].

Наполеоновская армия «двунадесяти языков» вторглась в Россию на следующий день после того, как Александр 11 (23) июня 1812 г. ратифицировал Бухарестский мирный договор. Позже, усилия мемуаристов и историков были направлены в основном на описание победоносной войны с Францией, что вполне объяснимо. Не нашла достаточного отражения проблематика войны с Портой и в советское время, когда внимание акцентировалось на значении Бухарестского мира 1812 г. для дальнейшего развития Бессарабии, а дипломатические перипетии российско-османских отношений оставались за кадром.

Многотомный корпус документов, касающийся этого периода, тоже не в полной мере представлял источники, позволяющие раскрыть отношения России с великими державами накануне и во время войны 1806–1812 гг. Текст Бухарестского мирного договора и

других документов этой эпохи приводится в этом же издании [4]. Но при всей кажущейся известности первоисточников еще существуют работы известные лишь узкому кругу специалистов.

Так, в Институте Рукописи Национальной библиотеки НАН Украины имени В. И. Вернадского хранится рукописная книга «Сведения о войне России с Оттоманскою Портою с 1806-го по 1812-ой год. Собранные из достоверных источников генерал-майором Пуциным» [5], написанная в Одессе в 1823 году. В книге отчетливо прослеживаются тенденции внешней политики России, Франции и Турции относительно Дунайских княжеств накануне Бухарестского мирного договора 1812 г. Особенный интерес вызвали последние главы, посвященные дипломатическим переговорам между Россией и Портой относительно подписания послевоенного мира, т.к. история подготовки и заключения этого договора имеет не очень обширную современную историографию [6]. Анализ же имеющихся работ по данной проблематике показал, что «Сведения о войне...» еще не надлежащим образом введены в научный оборот.

Интересовала, в свое время, отечественная история и прогрессивно настроенных военных. Так в начале XIX века офицеры 2-й армии дислоцировавшейся в Украине и Бессарабии увлекались не только идеями преобразования существующего строя, но также изучением и написанием истории русско-турецких войн. Война 1806–1812 гг. была последней на тот момент, а, следовательно, вероятность правильно реконструировать события и написать достоверную историю этой войны была велика.

Генерал П. Д. Киселев, будучи предприимчивым и энергичным человеком, еще до назначения на должность начальника штаба 2-й армии, задумал написание истории русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Возглавив штаб в марте 1819 г. он сразу же окунулся с головой в организационный процесс по созданию этого труда. Была написана программа и была создана рабочая группа из офицеров, завязалась переписка с Главным штабом о присылке необходимых материалов в Тульчин. Киселев получил поддержку со стороны своего начальства и разрешение использовать материалы московских и петербургских архивов, также ему представилась возможность изучать соответствующие архивы, находящиеся в крепостях Бессарабии [7].

Командир бригады 16-й дивизии Пуцин направленный начальником штаба 2-й армии в Измаильскую крепость обнаружил там немало ценных документов и составил «Опись дел, до турецких походов касающихся, находящихся в Измаильском архиве и изъятых

под расписку генерал-майором Пуциным». В частности 23 дела относились к войне 1806–1812 гг. [8].

Изучение истории русско-турецких войн имело для офицеров и прикладное значение. Полагая, что война с Турцией в свете решения Россией Восточного вопроса неизбежна, Киселев считал необходимым основательно подготовиться к ней. В связи с этим генерал планировал превратить штаб армии в центр топографических и военно-теоретических исследований, что без сомнения должно было принести пользу в предстоящей войне [9].

К созданию истории русско-турецких войн Киселев планировал привлечь декабристов Н. И. Комарова, А. П. Юшневского, И. Г. Бурцова. В его планы также входило сотрудничество по этому вопросу с М. Ф. Орловым и П. И. Пестелем, однако они, по разным причинам, ему отказали, а взамен них у Киселева стали работать Н. В. Басаргин и Н. В. Петров [10]. Это, впрочем, не означало, что Орлов и Пестель не придавали написанию истории русско-турецких войн должного значения. Пестель, например, с чрезмерно развитыми задатками лидера составлял «Греческий проект» касающийся дальнейшей участи и Дунайских княжеств, планируя воплотить его в жизнь. Так, у него предстоящая война «связывалась... с убеждением в необходимости исправления южных границ России включением в ее состав Молдавии...» [11]. Подобный подход, как ни странно, показывал общность взглядов на эту проблему и декабристов и правящих кругов. Россия, вторгнувшись в иное геополитическое пространство – Балканы – предполагала дальнейшее продвижение в этом направлении. Лишь редкие голоса из окружения царя выступали за то, что в юго-восточном направлении Россия имеет достаточную территориальную насыщенность [12].

Однако кроме упомянутого нами Пущина еще один военный был причастен к написанию истории русско-турецкой войны 1806–1812 гг., он также как и Павел Сергеевич работал в одиночку. Это был военный историк, полковник Генштаба Иван Петрович Липранди, который в 1860 г. утверждал, что он по поручению Киселева делал выписки о войне из секретного дипломатического архива и к 1823 г. (эта дата стоит на внутреннем листе рукописи, а на переплете книги 1820–1824 гг. – А. П.) завершил свою работу [13]. Окончание работы в один год с Пуциным настораживает. Если Пущин располагал достаточным временем, то Липранди, находясь на военной службе, такового не имел. Видно тщеславие играло здесь не последнюю роль и оба офицера собирались опередить работу подопечных Киселева.

И. С. Достян предполагает, что И. П. Липранди делал выписки самостоятельно, поскольку Киселев подобную работу уже поручил группе возглавляемой Н. Г. Бурцовым. Отсутствие рукописи Липранди в делах киселевской комиссии, которые хранятся в РГВИА, натолкнуло исследовательницу на мысль, что он работал над историей войны 1806–1812 гг. по собственной инициативе [14].

Отсутствие упоминаний о подобной работе Пущина среди трудов киселевской комиссии привело нас к аналогичной мысли. Однако эти два случая, безусловно, разнятся. Несмотря на то, что Липранди привлекался по делу декабристов, он был оправдан [15]. В таком случае написание работы к 1823 г. еще ничего не означало, хотя и в составе киселевской комиссии он не значился.

Будучи подобно Киселеву и Липранди честолюбивым человеком, Пущин снимал копии с материалов, обнаруженных в Измаильской крепости, чтобы затем самому заняться написанием «Сведений о войне...». Это происходило, когда Пущин был еще военным и мотивация попробовать себя на поприще историка, была вполне понятна. Возможно, Пущин и собирался работать в комиссии, что косвенно вытекает из его участия в сборе материала в бессарабских крепостях. Уволенный в отставку в 1822 г., он вряд ли смог бы находиться в комиссии далее. Но проделав подобную работу самостоятельно, Пущин доказал бы лояльность императору, реабилитировав, таким образом, себя в его глазах, чтобы вернуться в армию. Однако, ни того, ни другого не произошло.

В то же время, группа во главе с Бурцовым продолжала свою работу, в результате чего к 1827 г., как отмечает И. С. Достян, стало создание «Описания походов россиян против турок» в четырех частях – начиная от Прутского похода 1711 г. и заканчивая войной 1806–1812 гг. Причем последней войне была посвящена полностью заключительная четвертая часть рукописного труда, который вместе с остальными частями хранится в Российском государственном военно-историческом архиве (Москва) [16]. К сожалению, нам не удалось ознакомиться с этими документами. Однако то, что исследовательница не называет в числе создателей коллективного труда Пущина, дает право предполагать, что книга, хранящаяся в Институте Рукописи НБУВ, представляет собой отдельную работу, т. к. датируется 1823 г., т. е. четырьмя годами ранее, чем «Описание походов...» было сдано в архив.

Павел Сергеевич Пущин был одним из передовых людей своего времени. С 1818 г. он состоял членом «Союза

благоденствия» – самой многочисленной декабристской организации. О тайных обществах того времени написано немало трудов, но все же заметим, что по свидетельству современников, Пущин стал жертвой пламенных речей декабристов К. А. Охотникова и В. Ф. Раевского, как не имеющий собственного мнения [17]. Думается, это была лишь попытка выгородить задним числом главу кишиневской управы «Союза благоденствия» и управителя масонской ложи «Овидий». Однако участие в упомянутых организациях было для Пущина недолгим.

Вскоре после открытия масонской ложи в Кишиневе в июле 1821 г. об этом стало известно начальнику военных поселений юга России генералу И. О. Витту, который указывал на активную деятельность офицеров 2-й армии П. С. Пущина и М. Ф. Орлова [18]. Из других, не совсем достоверных источников императору сообщалось, что военные состоят в масонской ложе в Кишиневе под управлением князя М. Суццо, а в Измаиле будто бы учреждается аналогичная ложа во главе с генерал-майором С. А. Тучковым [19]. В связи с греческим национально-освободительным движением в Дунайских княжествах под руководством царского генерал-адъютанта А. И. Ипсиланти, подобные тенденции вызвали гнев Александра I, который запретил военным участвовать в масонских ложах [20]. На протяжении 1822 г. масонские ложи в России были закрыты, а «Союз благоденствия» разгромлен.

Пущин, в очередной раз обратил на себя внимание царя в начале 1822 г., подав прошение о полугодичном отпуске для лечения на водах. Император заявил, что когда армия «находится в готовности к походу, то отпусков давать не время», уволив при этом его в отставку. Уже позже, Пущин вновь ходатайствовал о лечении за границей, но паспорта так и не получил [21].

После полной отставки Пущина по Кишиневу пронесся слух, что это последствия недовольства начальника корпуса генерала И. А. Сабанеева, который также сообщал Александру I о существовании незарегистрированной масонской ложи. Так, 32-летний боевой генерал, отдавший 20 лет военной службе, остался не у дел. Этот и следующий годы были не лучшими в жизни Пущина.

Перебравшись в Одессу, он, чтобы заполнить возникшую пустоту занимается написанием «Сведений о войне...». Источники для работы над рукописью, как явствует из названия, были действительно достоверные, поскольку ими служили копии вышеупомянутых дел изъятых генералом из Измаильского архива. Возможно, что Пущин использовал и материалы, присланные для киселевской комиссии из столичных архивов, при условии, что это

происходило до отставки. Если учитывать, что отставка последовала в марте 1822 г., а труд датирован 1823 г., то выходит, что Пущин создал его за 1–1,9 года. В виду того, что рукопись была объемной и подчиненных могущих ему помочь генерал уже не имел – это была воистину самоотверженная работа по созданию фундаментального труда, причем в сжатые сроки [22].

В 1823 г. произошли изменения и в личной жизни Пущина, он женился на вдове своего боевого товарища подполковника С. А. Аркудинского – Генриетте Адольфовне, урожденной Бриммер [23]. Тогда же он встречается еще несколько раз с Пушкиным и другими людьми знакомыми ему по Бессарабии, но это уже были частные встречи воспетого поэтом кишиневского «Квириги» [24].

Преждевременная отставка спасла Пущина от худшей участи, поскольку связи с сослуживцами прекратились, что и подтвердил позже князь С. П. Трубецкой, проходивший по делу о восстании декабристов [25]. В 1825–1826 г. были проведены следствия относительно всех тайных обществ, в том числе и бывших. Пущин вошел в список членов «Союза Благоденствия», которые были оставлены без внимания царем Николаем I, как «отклонившиеся от союза и неучаствовавшие в возникших после 1821 года тайных обществах» [26]. Однако заочное расследование относительно Пущина все же было проведено для выяснения его местонахождения и установления личности, в то время как за другими декабристами, отошедшими от дел, был установлен строгий надзор [27].

Это, вероятно и послужило основанием для едкого замечания бессарабского экс-вице-губернатора Ф. Ф. Вигеля о Пущине, что «он был в числе тех людей, которых иногда называют, но о которых никогда не говорят. Счастливые люди, как безмятежно течет их жизнь!» [28] Но едва ли последнее утверждение соответствовало истине.

После женитьбы семейство Пущина увеличилось за счет приемных детей, да и о своих племянниках он не забывал. Из-за того что, финансовые неурядицы не оставляли генерала все это время, он в 1824 г. поселяется в псковском имении Жадрицы, где пытается свести концы с концами. Пушкин тогда же жил в ссылке в Михайловском, что позже дало повод для нездоровых обобщений [29]. В 1832 г. Пущин заложил одно из сел в Псковском уезде, но через год, не сумев вернуть деньги, потерял его. В 1853–1855 гг. чтобы избавиться от долгов он перевел всех своих крестьян этого уезда в разряд государственных, но и это не спасло отставного

генерала. В 1861 г. он вынужден продать имение в Новоржевском уезде своему племяннику – прапорщику М. Н. Пуцину [30].

Предположительно, остальные годы до самой смерти в 1865 г. Пуцин прожил в Одессе: там, вероятно, и следовало бы искать следы его архива, который мог бы больше рассказать о том, чем жил все годы после отставки боевой офицер, автор «Сведений о войне...» генерал-майор Павел Сергеевич Пуцин.

Вне всякого сомнения, что только сравнительный анализ работ Пуцина, Липранди и киселевской комиссии, сможет выявить насколько обстоятельной оказалась каждая из них, и, что нового внесли они по сравнению с другими. Также небезынтересно выяснить знали ли Пуцин и Липранди о написании ими упомянутых работ, ведь Липранди в 1823 г. служил при наместнике Новороссии графе Воронцове и бывал в Одессе, где тогда жил отставной генерал. Однако для подобного исследования необходимо располагать всеми тремя источниками. Первым шагом в этом направлении будет данная публикация части рукописи Пуцина «Сведения о войне...».

Проведенный нами анализ источников, указанных в начале статьи, а также пуцинской рукописи, убедил нас в правильности положения, что «Сведения о войне...» являются ценным материалом для изучения истории внешней политики России и международных отношений начала XIX в., т. к. работы Д. Бутурлина, А. Михайловского-Данилевского, А. Петрова содержат лишь описание военных действий войны 1806–1812 гг., не уделяя внимание дипломатической истории Бухарестского мира.

Источники и литература:

1. **Бутурлин Д. П.** Картина войн России с Турцией в царствование императрицы Екатерины II и императора Александра I. – Ч. 1–2. – СПб., 1829; **Михайловский-Данилевский А. И.** Описание турецкой войны в царствование императора Александра с 1806 до 1812 г. – Ч. 1–2. – СПб., 1843; **Петров А. Н.** Война с Турцией 1806–1812 гг. – Т. 1–3. – СПб., 1885.

2. **Попов А. Н.** Сношения России с европейскими державами перед войною 1812 г. – СПб., 1876; **Гальберштад Л. И.** Восточный вопрос // Отечественная война и русское общество 1812–1912. – Т. 2. – СПб., 1913.

3. Записки графа Ланжерона. Война с Турцией в 1806–1812 гг. // Русская старина. – 1907. – Т. 130, 131, 132; 1908. – Т. 133, 134, 135, 136.; 1909. – Т. 138, 139.

4. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского МИДа. Серия I. – Т. VI. – М., 1962. – С. 402–416.

5. ИР НБУВ – Ф. V. – Ед. хран. 838. – Л. 180.

6. **Мискевка В., Ткач В.** Русско-турецкий договор 1812 г. // Revista de istorie a Moldovei. – 1990. – № 1. – С. 36–43; **Jarcuțki I., Mischevca V.** Unele considerații privind actul 1812 // Revista de istorie a Moldovei. – 1991. – № 3. – С. 73–80; Там же. – № 4. – С. 67–74; **Mischevca V., Jarcuțki I.** Pacea de la București. – Chișinău, 1993; **Гошу А.-К.** Молдавия и Валахия во внешней политике России в контексте европейской дипломатии 1806–1812 гг.: Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1998. – 16 с.

7. **Достян И. С.** Участие декабристов в изучении Балкан и русско-турецких войн XVIII – начала XX в. // Советское славяноведение. – 1976. – № 6. – С. 25.

8. Там же. – С. 27.

9. **Достян И. С.** Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. – М., 1980. – С. 193.

10. Там же. – С. 194–195.

11. Цит по: **Сыроечковский Б. Е.** Балканская проблема в политических планах декабристов // Очерки из истории движения декабристов. – М., 1969. – С. 224.

12. См.: **Орешкова С. В.** Османская империя и Россия в свете их геополитического разграничения // Вопросы истории. – 2005. – № 3. – С. 42.

13. Книга хранится в отделе рукописей Ленинки: «Война России с Порту 1806–1812 гг. Из дипломатического и секретного архивов, хранящихся в м. Тульчине, главной квартире 2-й армии. Выписки по распоряжению начальника главного штаба ген.-адъютанта Киселева составлены в 1820–1824 гг. полковником Липранди». (Подзаголовок «Дела сербские». Общий ход событий описан до 1811 г.) – ОР. РГБ. – Ф. 203. – Д. 202.3 // Цит. по: **Достян И. С.** Русская общественная мысль... – С. 203, 220.

14. **Достян И. С.** Русская общественная мысль... – С. 210.

15. **Ильин П. В.** Новое о декабристах. – СПб., 2004. – С. 326.

16. РГВИА. – Ф. ВУА. – Д. 1527, 1552, 1810, 2374, 2908 // Цит. по: **Достян И. С.** Русская общественная мысль... – С. 199, 219; **Она же.** Участие декабристов... // Советское славяноведение. – 1976. – № 6. – С. 29–30.

17. **Вигель Ф. Ф.** Записки. – М., 2000. – С. 464–465.

18. **Бортневский В. Г.** Декабрист П. С. Пущин и его дневник // Дневник Павла Пущина 1812–1814 гг. – Л. 1987. – С. 11–12.

19. **Семевский В. И.** Политические и общественные идеи декабристов. – СПб., 1909. – С. 315–317.

20. Там же. – С. 318.

21. Там же. – С. 319.

22. Хотя переписыванием рукописи набело Пущин сам не занимался, а поручил это писарю, на что указывают описки, например: *Сунинское* гирло, вместо *Сулинского*. Такой ошибки в географии генерал-майор, безусловно, допустить не мог.

23. **Вигель Ф. Ф.** Записки. – М., 2000. – С. 475, 535; **Бортневский В. Г.** Декабрист... // Дневник Павла Пущина 1812–1814 гг. – Л., 1987. – С. 13.

24. См. стихотворение «Генералу Пущину» // **Пушкин А. С.** Полн. собр. соч. в 16 т. – Т. 2. – М., 1947. – С. 204.

25. **Семевский В. И.** Политические... – СПб., 1909. – С. 315–317.

26. Восстание декабристов. Документы. – Т. XX. – М., 2001. – С. 487.

27. **Ильин П. В.** Новое о декабристах. – СПб., 2004. – С. 86, 587.

28. **Вигель Ф. Ф.** Записки. – М., 2000. – С. 536.

29. В 1920–1930-е годы среди пушкинистов получила хождение версия о том, что в 1826 г. Пушин написал на Пушкина донос. Более широкому распространению этой гипотезы способствовал роман Новикова И. А. Пушкин в Михайловском // **Новиков И. А.** Пушкин в изгнании. – М., 1985. – С. 753.

30. **Бортневский В. Г.** Декабрист... // Дневник Павла Пушина 1812–1814 гг. – Л., 1987. – С. 16.

*Михаил Сафонов
(Санкт-Петербург)*

«МОСКОВСКИЙ ЗАГОВОР» 1817 Г. И КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС

18 декабря 1825 г. на допросе в Следственном комитете П. Г. Каховский, обласканный императором Николаем, сделал заявление, способное озадачить следователей. После допроса царь взял на себя содержание этого арестанта и велел содержать «лучше обыкновенного». Каховский в тот момент горел желанием сотрудничать со следствием. «Общество наше началось с 1815 г. я слышал, что многие из помещиков, даже из приближенных к государю, – заявил допрашиваемый, – согласны были отречься от своих прав, освободить крестьян, но с тем, чтобы монарх ограничил власть престола, на сие не согласясь, общество приняло свое начало» [1]. Точный смысл этого показания таков: тайное общество возникло для того, чтобы не дать возможности дворянству купить ограничение верховной власти ценой освобождения крестьян. То есть помещики могли дать согласие на освобождение крестьян верховной властью, но в качестве компенсации хотели получить ограничение самодержавия. Тайное Общество образовалось, чтобы не допустить такого компромисса. Осталось неясным, что именно не устраивало, тех, кто решил объединиться в тайную организацию: они не желали ограничения самодержавия или не хотели освобождения крестьян, либо же не могли смириться с таким решением крестьянского вопроса, которое могло быть проведено в интересах государства, но вразрез с интересами самих дворян?

Некоторые данные для ответа на это вопрос дают материалы расследования так называемого «Московского заговора» 1817 г. 4 января 1826 г. П. И. Пестель, дал первые показания. Видимо, Пестель намеривался вызвать у Николая I чувство страха и подвинуть его на путь реформ. Очевидно, Пестель значительно преувеличивал силу тайного общества. Все, о чем рассказал лидер южан, представляло только потенциальные возможности тайного общества, но обвинять его было пока что не в чем. Планов выступления оно не выработало и ничего конкретного пока не предприняло. Монарху следовало бы задуматься о том, не лучше ли предупредить негативный вариант развития событий тем, что самому пойти на уступки и согласиться на введение

представительства. Ведь августейшей фамилии может угрожать и смертоубийство. Уже был прецедент, когда обстоятельства привели к тому, вопрос об этом возник сам собой. Руководители тайного общества сделали все от них зависящее, чтобы этого не произошло, но факт обсуждения этого вопроса должен послужить грозным предупреждением монарху. «В 1817 году, когда царствующая фамилия была в Москве, часть общества, находящаяся в сей столице под управлением Александра Муравьева решилась покунуться на жизнь государя. Жребий должен был назначить убийца из сочленов, и оный пал на Якушкина. В то время дали знать членам в Петербурге дабы получить их согласие, главнейшее от меня и Трубецкого. Мы решительно намерение сие отвергли и дабы исполнение удержать, то Трубецкой поехал в Москву, где нашел их уже отставшими от сего замысла» [2]. Пестель, стало быть, предотвратил убийство, для этого он и открыл следователем этот очень опасный эпизод, в котором он сам предстал чуть ли не спасителем царя.

5 января допросили Н. М. Муравьева. Ему был задан вопрос о покушении на Александра I. 8 января Муравьев попытался оправдать Якушкина, представить этот эпизод как некий курьезный инцидент. По его словам, Якушкин получил письмо от Трубецкого, в котором он известил его из Петербурга, что Александр «решился отделить Польские провинции от России и, зная, что таковое предприятие не может исполниться без сопротивления, едет со всею царствующею фамилиею в Варшаву, из коей издаст манифест о вольности крепостных людей и крестьян. Что тогда народ примется за оружие против дворян и во время сего всеобщего смятения Польские губернии будут присоединены к новому Царству». Это нелепое известие произвело действие чрезвычайное. «Якушкин, который несколько уже лет мучился несчастной страстью и которого друзья с трудом несколько раз спасали от собственных рук, представил себе, что смерть его может быть полезна России. Убийца не должен жить, говорил он, я вижу, что Судьба меня избрала жертвою: я убью царя и после застрелюсь». Но М. А. Фонвизин и С. И. Муравьев-Апостол «нашли обвинение нелепым, говорили, что все это шутка и убедили Якушкина дожидаться объяснений от Трубецкого». Когда он приехал, то «не мог привести никаких доказательств достоверности сих ужасных предположений и таким образом отвращены были все последствия, которые могло бы иметь его письмо».

Под пером Муравьева Союз спасения представлен как организация, которая пеклась о территориальной целостности

России. Только нелепый слух побудил, раздавленного душевной драмой Якушкина вступить за достоинство страны и принести себя в жертву. Но члены тайного общества, психологически устойчивые, сумели показать Якушкину, всю нелепость слуха и тем самым спасти и Александра от гибели [3].

Союз спасения выступает здесь как дворянский орган, противодействующий намерениям царя отменить крепостное право. Это косвенно перекликалось с показаниями Каховского и не могло укрыться от внимания Комитета. Выходило, что тайное общество, которое они пытались представить как преступную организацию, выступало как орган, отстаивающий интересы дворянского сословия. Комитет счел нужным представить ситуацию так, чтобы тайное общество не выглядело защитником интересов дворян. Трубецкому сообщили: есть «прямое показание» о том, что он писал: император решил присоединить российско-польские провинции к Царству Польскому. Комитет требовал объяснить, от кого именно это слышал, с какой целью писал, не упоминал ли он «еще о других намерениях государя императора и о мерах предположенных к исполнению означенного присоединения». (К слову «намерениях» над строкой было приписано «мнимых»).

Трубецкой признал, что действительно писал это письмо. Но не к Якушкину, а к С. И. Муравьеву- Апостолу. Сведения он получил флигель-адъютанта П. П. Лопухина. Писал же потому, что устав общества обязывал его сообщить такого рода сведения членам общества. Трубецкой надеялся, что «заблаговременное распространение такого слуха, удержит г. императора от приведения в действие его намерения». Он утверждал, что не может вспомнить, упоминал ли о каких других мнимых намерениях царя. Полагал, что о присоединении российско-польских провинций к Царству Польскому, будет объявлено при открытии первого варшавского сейма. Его Письмо так взволновало членов, что они «едва не решились на цареубийство». Но бог «укротил» и письмо не имело действия. Письмо в Москву доставил П. П. Лопухин [4].

11 января Комитет потребовал от Трубецкого уточнить, какое именно намерение царя он имел в виду. Ему сообщили, что Комитету известно, он писал и о том, что государь, «зная неудовольствие, которое произведет на дворян присоединение» к Польше западных провинций, решил уехать со всюю фамилией в Варшаву, и оттуда издать указ о присоединении, «дабы в случае сопротивления дворян, мнимо-принужденных выездом своим из России, возмутить крестьян против помещиков, и тем принудить их к согласию на отделение от России польских провинций».

В этой формулировке самое замечательное состоит в том, что А. Х. Бенкендорф переформулировал показание Муравьева. Генерал исключил из него упоминание о свободе крестьян. Согласно Муравьеву Трубецкой утверждал, что царь собирался прислать из Варшавы манифест об освобождении крестьян. С его помощью царь рассчитывал вызвать волнения и облегчить присоединение. По Бенкендорфу же получалось, что Александр, обнаружив присланный из Варшавы документ о присоединении, тем самым намеривался вызвать возмущение крестьян. Они должны были возмутиться против дворян, потому что царь был вынужден переехать в Польшу. Крестьяне должны были восстать от того, что потеряли царя, а не потому, что царь прислал манифест об их освобождении.

В этой подстановке известие Трубецкого, выглядело еще более нелепым, чем его представил Муравьев [5]. Трубецкой должен был отказаться от такой глупости. Но это давало возможность Бенкендорфу дезавуировать важнейшее показание Муравьева. Комитет, подавал «диктатору» руку помощи. Трубецкой заявил, что никогда не писал ничего подобного. Но при этом он открыл то, что Комитет знать не желал. Речь шла о намерении царя освободить крепостных. «Тогда был слух, что ... императору угодно было освободить от крепости помещикам крестьян двух малороссийских губерний, в кои его величество, и изволил тогда ездить, но сим слухом я был доволен, следовательно, и не мог думать основать на нем какое-либо сопротивление».

Итак, Трубецкой утверждал, что, будучи сторонником освобождения крестьян, не мог стремиться воспользоваться намерением царя произвести реформу для того, чтобы воспрепятствовать его внешнеполитическим планам. Трубецкой попытался отговориться тем, что возможно, имел в виду изменение принципов формирования Литовского корпуса и еще раз подчеркнул, что не писал нечего подобного. Но тут же оговорился: «Впрочем, показание читавших письмо мое должно быть предпочтено моему, но я никак не помню, что б сие писал». Трубецкой предпочитал скорее согласиться, что он писал ту ахинею, о которой показывали его соратники, нежели представить, иное, более правдоподобное истолкование этого эпизода. Он ни в коем случае не хотел, чтобы следствие узнало том, что тайное общество было намеренно противодействовать аболиционистским намерениям царя [6].

В журнале 11 января было записано: слушали показание Трубецкого о том слышал об отделении польских провинций он от П. П. Лопухина [7]. В такой формулировке была выхолощена суть. В

письме речь шла только о восстановлении Польши и ни о чем больше.

12 января в Комитете допросили Пестеля [8]. Его спрашивали, знал ли он о намерении Якушкина покунуться на царя? Пестель ответил, что Трубецкой получил в Петербурге письмо, в котором говорилось о том, что московские члены решились начать «действие» и потому требуют их согласия. Трубецкой выехал, чтобы «тамошним членам сказать, что мы не соглашаемся на их предложения и их удержать от исполнения». Но к тому времени они сами уже оставили свое намерение. Оно же возникло «по случаю известий ими полученных о тех ужасах, которые якобы происходили в Новгородской губернии при введении военных поселений. Жребий назначил Якушкина. Скорое оставление сего намерения доказывает, что оно произведено было минутным остервенением о слыханных якобы ужасах».

Пестель позиционировал себя человеком, который на всем протяжении существования конспирации своим авторитетом предотвращал ее открытые выступления. В его интерпретации, события в Москве выглядели не нелепым недоразумением, а как осознанный акт выступления, пресеченный мудрым руководителем. Пестель тщательно скрывал, что тайное общество готово было выступить не только против восстановления Польши, но и против аболиционистских планов царя [9].

Толкование Пестеля следователям. Необходимо было только получить правдоподобные «мотивы», побудившее к этому. То, что злоупотребления в военных поселениях могли побудить конспираторов к цареубийству, следователей не устраивало. Они не хотели, чтобы тайное общество было противником военных поселений. Самым подходящим мотивом Комитет готов было признать ложные известия о восстановлении Польши.

Не позднее 13 января по особому разрешению Николая был допрошен сын председателя Госсовета П. П. Лопухин. По его словам в обществе никогда не говорили о слухах об отделении польских губерний, но однажды он выразил Трубецкому свое удивление тем, что литовские войска отделяют от русских и употребляют чиновников уроженцев этих провинций. В качестве возможного объяснения такой практики они предположили, что эти провинции присоединят к Польше. Какие заключения из этого вывел Трубецкой, ему неизвестно [10].

Получалось, из беседы с Лопухиным о Литовском корпусе Трубецкой сделал неверные заключения о том, что царь намеривается восстановить Польшу, и сообщил об этом в Москву. Поскольку же Пестель показал, что там замыслили открытое

выступление, следствию заключило: вызов Якушкина был спровоцирован слухами о присоединении западных губерний к Польше. Оставалось лишь определить конкретные детали.

14 января А. Н. Муравьева подтвердил, что вызов на цареубийство был спровоцирован известиями о восстановлении Польши [11]. Его версия Комитет устраивала. Это же подтвердил и Якушкин [12]. Но нужно было свидетельство, что известие являлось ложным. 21 и 31 января С. И. Муравьев-Апостол показал, что вызов на цареубийство, которое он предотвратил, спровоцировал именно слух о присоединении губерний [13]. 29 января его брат Матвей подтвердил, что Сергей остановил «предприятие». Но причиной его назвал устройство военных поселений [14]. 30 января М. А. Фонвизину, а 1 февраля и А. Н. Муравьеву задали вопрос о мотивах. Оба ответили одинаково. Вызов породили известия «об уступке наших польских губерний» [15].

7 февраля от Якушкина потребовали рассказать, как «мнимое» и «нелепое известие», «будто бы Польские губернии отделялись от России», побудило его вызваться на цареубийство. Формулировка Комитета лишала тайное общество не только ореола ревнителя дворянских интересов, но и защитника территориальной целостности России, потому что из этого вопроса неизбежно вытекало, что никаких намерений восстановить Польшу у царя не было. Вина же за нелепое истолкование «мнимых» намерений всецело перелагалась на капитана в отставке Якушкина.

13 февраля «цареубийца» написал ответ, замечательный по стремлению скрыть истину. Он не мог вспомнить содержание полученного письма. Вроде бы в нем говорилось: царь, дав Польше конституцию, учредив Литовский корпус, хочет присоединить к ней российские губернии, «дабы иметь в них верную опору, в случае сопротивления в России угнетениям, угрожающим ей при учреждении военных поселений и прочие». Якушкин отметил, что, излагая письмо, может быть, и ошибается» [16].

Так он связал польскую политику Александра с его стремлением использовать поляков для подавления сопротивления внутри России введению военных поселений. 1 апреля от Пестеля потребовали уточнить причины заговора 1817 г. Ему напомнили, что он назвал известия о происходившем в новгородских военных поселениях, но другие показывают, что «сообщено было ложное известие об отделении польских губерний от России и о свободе крестьян от крепости». Пестель оправдывался: сам в Москве не был, о новгородских поселениях как причине вызова ему рассказывал Н. Муравьев, об отделении польских губерний никогда не слышал,

освобождение же крестьян входило в цели общества и поэтому не могло побудить к заговору [17].

В дальнейшем Комитет уточнял только детали этого эпизода [18].

В «Донесении», подводившем итоги расследования, побудительной причиной заговора было выставлено известие, нелепость которого потом признали сами конспираторы, «что государь намерен возратить Польше все завоеванные нами области и что будто, предвидя неудовольствие, даже сопротивление русских, он думает удалиться в Варшаву со всем двором и предать отечество в жертву неустойств и смятений» [19].

Расследование «Московского заговора» открывает 4 обстоятельства, которые не желали видеть декабристы. 1. Члены первых декабристских организаций пытались с помощью вызова на царевубийство помешать Александру I осуществить отмену крепостного права по тому варианту, который он считал наиболее целесообразным: производить не одновременное освобождение во всей стране, но осуществлять его постепенно по регионам, в соответствии с учетом местных условий. 2. Во время следствия лидеры тайного общества тщательно скрывали тот факт, что их организация возникла как инструмент, с помощью которого верхи дворянства пытались не позволить правительству осуществить отмену крепостного права таким образом, что она ущемила бы интересы всего дворянства. 3. Следователи, обнаружив это обстоятельство, сделали все, от них зависящее, чтобы оно не было вскрыто во время следствия. 4. Стремление тайного общества противодействовать намерениям верховной власти проводить освобождение крепостных по своему сценарию, учитывавшему прежде всего общегосударственные интересы, привело конспираторов к мысли о необходимости добиваться преобразования государственного управления таким образом, чтобы дворяне, не желавшие ущемления своих интересов, получили легальные возможности их отстаивать и осуществлять.

Эти наблюдения над следственными материалами находят подтверждение в неизвестном ранее тексте «Записок» С. П. Трубецкого, представляющем трактат о тайном обществе, созданный во второй половине 1840 г. Рассказывая об образовании организации, автор дал ей такую интерпретацию. Намерение Александра освободить крепостных крестьян, явилось одним из толчков к организационному оформлению тайного общества. Намерение царя «должно было иметь противниками почти всех помещиков». Поэтому важнейшей задачей создаваемого общества

стало убеждение общественного мнения в необходимости этой меры. Но вскоре выяснилось, что Александр, хотя «искренне желал его исполнения, но между тем от дворянства хотел только повиновения своей воле, а не содействия». То есть не хотел никакой общественной инициативы. Один из руководителей конспирации А. Н. Муравьев написал записку в защиту освобождения крестьян и представил ее царю. Царь обругал автора, назвав его «дураком». «Несогласие государя дозволить содействие дворянства в деле такой важности, и которое должно было совершенно изменить положение дворян, какова есть свобода крестьян, составляющих по существующим узаконениям достояние и главное имущество дворянства, на котором все его права основаны» – привело к конфликту между ним и тайным союзом. Конспираторы увидели, что действия царя не соответствовали тому желанию устроить благосостояние народа, которое они в нем предполагали. Члены тайного союза решили, что император ищет больше личной славы, нежели блага подданных. Но еще больше их убедил в этом откровенный разговор царя с глазу на глаз с председателем Государственного совета П. В. Лопухиным. (а не с его сыном П. П. Лопухиным, как утверждал Трубецкой на следствии – М. С.) Этот разговор имел место перед отъездом императора в Западные губернии и Малороссию. Александр говорил князю «о решительном своем намерении дать свободу крестьянам. Он заключил тем, что заявил: «Если дворяне будут противиться, я уеду со всей моей фамилией в Варшаву; и оттуда пришлю указ».

Члены общества почувствовал себя обманутыми «в великих надеждах». Когда об этом разговоре стало известно в Москве, одного из них так сильно поразила мысль о том, что такой поступок царя может привести страну к «ужасам безначалия», а сам император станет «врагом Отечества», что конспиратор решил принести его в жертву, не щадя и собственной жизни [20].

Признавая, что источником конфликта было стремление царя разрешить крестьянский вопрос, Трубецкой не сказал самого главного. А. Н. Муравьев предлагал личное освобождение крестьян без земли, а это расходилось с представлениями царя о принципах освобождения. Такого рода «помощь» могла затруднить путь реформ. Поэтому причина конфликта заключалась вовсе не в том, что царь не желал слышать о какой либо общественной инициативе. В действительности монарх не хотел допустить, чтобы реформы пошли по сценарию, предложенному дворянами, потому что предлагаемый ими вариант в большей степени отвечал стремлению дворянства сохранить свое благосостояние, тогда как монарх

прежде всего думал об интересах всего государства. А они не исчерпывались тем, чтобы дать личное освобождение от крепостного рабства, но сохранить и налогоплательщика и не превратить обезземеленного крестьянина в социально опасный элемент. Наличие этого конфликта заставило членов тайного общества обратиться к мыслям о преобразовании государственного устройства, то есть к идеям представительного правления, которые появляются не на начальной стадии существования тайного общества, а становятся реакцией на нежелание власти допускать дворянство до решения коренной проблемы – вопроса об отмене крепостного права.

Источники и литература:

1. Восстание декабристов (далее – ВД). – Т. I. – М.; Л., 1925. – С. 340.
2. ВД. – Т. IV. – М.; Л., 1927. – С. 82–83.
3. ВД. – Т. I. – С. 306.
4. Там же. – С. 48–50.
5. **Мироненко С. В.** Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. – М., 1989. – С. 84–93; **Мироненко С. В.** «Московский заговор» 1817 г. и проблема формирования декабристской идеологии: революционеры и либералы России. – М., 1990. – С. 239–240.
6. ВД. – Т. I. – С. 51–52.
7. ВД. – Т. XVI. – М., 1984. – С. 56.
8. Там же. – С. 57
9. ВД. – Т. IV. – С. 93, 97, 112.
10. ВД. – Т. XX. – М., 2001. – С. 438.
11. Там же. – С. 6.
12. ВД. – Т. III. – С. 42.
13. ВД. – Т. IV. – С. 256, 277.
14. ВД. – Т. IX. – М., 1950. – С. 229.
15. Там же. – С. 19, 73.
16. ВД. – Т. III. – С. 52.
17. ВД. – Т. IV. – С. 140, 154.
18. ВД. – Т. XI. – М., 1954. – С. 65; ВД. – Т. IX. – М., 1950. – С. 252, 269; ВД. – Т. III. – С. 90, 94, 101, 102, 104, 106–107.
19. 14 декабря 1825 года и его истолкователи. – М., 1994. – С. 76.
20. **Трубецкой С. П.** Записки; Письма И. И. Толстому 1818–1823. – СПб., 2011. – С. 56.

Марина Суздаль
(Київ)

МИКОЛА ЦЕРТЕЛЕВ І ДЕКАБРИСТИ: СОЦІОКУЛЬТУРНІ ЗВ'ЯЗКИ НА ТЛІ ЕПОХИ

Микола Цертелєв (1790–1869 рр.) відомий як мовознавець, критик, літератор, та найбільшого визнання він отримує як знавець українського та російського фольклору. Саме завдяки його збірці українських дум «Опыт собрания старинных малороссийских песен» (1819 р.) було розпочато історію наукових публікацій українського народного епосу. Творча активність М. Цертелєва привертає увагу авторитетних літературних кіл, він входить до багатьох мереж інтелектуальних товариств, налагоджує особисті стосунки з представниками науково-культурного бомонду, зокрема з В. Жуковським, О. Шишковым, В. Капністом, Г. Державіним, Ф. Глинкою, О. Ізмайловим, М. Гречем, А. Дельвігом, П. Плетньовим, О. Ріхтером, Г. Спаським, О. Бестужевим, К. Рилєєвим, М. Польовим, С. Уваровим, М. Каченовським, О. Востоковым, М. Остолоповим та ін. Особливої уваги заслуговує система взаємозв'язків М. Цертелєва та письменників-декабристів у «Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств» (ВОЛСНХ) та «Вольном обществе любителей российской словесности» (ВОЛРС, інша назва – «Общество сореvнователей просвещения и благотворения»). Комунікаційна мережа «декабристи – Цертелєв» певною мірою є унікальною: вона проливає світло не тільки на біографію діяча, але й сприяє відтворенню картини суспільно-політичного життя епохи, дає зрозуміти раціональний і чуттєво-моральний аспекти індивідуального вибору дворянином подальшого шляху розвитку держави. У цьому випадку «декабрист» – це образ дворянина-чиновника, який відчуває, бачить проблему пануючої в суспільному житті кризи, усвідомлює та пропагує необхідність переходу Росії на загальноцивілізаційний шлях модернізації. Це постать дворянина, який кається й готовий визнати провину перед мільйонами співвітчизників і кардинально змінити соціально-політичну ситуацію в державі. М. Цертелєв – представник тієї частини дворянства, для якої непорушним, сакральним є традиційний устрій життя російського суспільства з його традиціями, моральними основами, обожнюванням, певною мірою тотемізацією образу государя.

Перш ніж перейти до характеристики взаємозв'язків між письменниками-декабристами й М. Цертелєвим, коротко окреслимо історію зазначених товариств і сутність ідеологічної та літературної боротьби, що відбувалась у російському суспільстві загалом та у ВОЛСНХ та ВОЛРС зокрема.

Створені за абсолютно різних умов, з хронологічною різницею в п'ятнадцять років, ВОЛСНХ та ВОЛРС, в силу обставин (зосередження в них (особливо ВОЛРС) літературно-ідеологічної роботи/пропаганди декабристів, входження значної частини учасників одночасно до двох товариств) стають генетично пов'язаними між собою. Виконуючи роль барометра суспільно-політичних настроїв, вони набувають рис органічної конструкції, яка постійно «підживлюється» ідеологічними поглядами строкатого соціокультурного конгломерату своїх учасників. Старше за віком ВОЛСНХ було утворене 1801 р. І. Борном, В. Попугаєвим, А. Волковим, В. Красовським і М. Михайловим [8, с. 198]. Упродовж усього існування його обличчя було змінено кардинально. Початок діяльності ВОЛСНХ припадає на «александровських днів прекрасное начало», тому не дивно, що учасники товариства з запалом приступають до розгляду/вирішення філософських, соціально-політичних та історичних актуальних питань. Протоколи засідань майорять перекладами Дідро, Вольтера, Вольтєна, Беккарія, Маблі. Учасники ВОЛСНХ ставили перед собою мету не тільки взаємного «удосконалення», але й сприяння *загальному благу*. Розростання товариства привело до появи в ньому ідей різного політично-філософського спрямування. Як результат – у ВОЛСНХ з'являються партії, що ведуть боротьбу за панування в товаристві. Упродовж 1805–1807 рр. партія «новачків», очолювана Д. Язиковим, О. Ізмайловим, М. Радищевим, які виступають за «благонадійну» літературну та вчену діяльність, позбавлену занадто радикальних політичних і філософських поглядів, отримує остаточну перемогу. Наприкінці 1812 р. товариство припинило свої заняття – з тим, щоб відновити їх через чотири роки вже на новій основі та в іншому складі. За словами В. Орлова, це по суті вже нове товариство («Ізмайлівське» – за іменем свого голови О. Ізмайлова, або «Михайлівське» – за місцем засідань у Михайлівському замку), яке проіснувало до середини 1820-х рр., завжди залишаючись на периферії «великого» літературного життя [8, с. 205]. Утім до товариства в 1817 р. були прийняті І. Крилов, В. Жуковський, К. Батюшков і А. Дельвіг, у 1818 р. – Є. Баратинський і О. Пушкін. Не менш показовим є й список «декабристського крила» товариства:

Ф. Глинка, Ф. Толстой, В. Кюхельбекер, В. Раєвський, О. Сомов, О. Пушкін, П. Семенов [1, с. 149].

Саме в цей час «Союз благоденствия», надаючи культурно-ідеологічній роботі виняткового значення, через своїх агентів намагається вийти в широкі кола громадськості. Особлива роль у цій справі відводилась Ф. Глинці, який розгортає свою діяльність і у ВОЛСНХ, і у ВОЛРС. Незабаром стало зрозуміло, що ВОЛСНХ не може задовольнити запити декабристських таємних організацій. Альтернативою «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» стає санкт-петербурзьке «Вольное общество любителей российской словесности» (інша назва – «Общество соревнователей просвещения и благотворения»), засноване 1816 р. Є. Люценком, А. Нікітіним і О. та І. Боровковими [1, с. 140]. У 1819 р. «Общество соревнователей» фактично очолює Ф. Глинка, переносючи сюди власну декабристську пропаганду; перед ним постала задача об'єднати в «ученій республіці» прогресивні сили обох товариств, які б були здатні поєднувати літературні заняття з суспільно-благодійною та політичною діяльністю.

Слід зазначити, якщо ВОЛСНХ еволюціонує вправо, то ВОЛРС навпаки: поступово скупчує навколо себе найбільш прогресивні літературно-політичні сили. Як результат – у 1820 р. між товариствами відбувся своєрідний обмін членами: ліві переходять до ВОЛРС, а праві, навпаки, з «Общества соревнователей» до ВОЛСНХ. Утім жодному з товариств не вдалося остаточно утвердити сповідувану політично-ідеологічну платформу, що сприяло ескалації подальшої ідейної боротьби.

Боротьба ідеологічна відбувається паралельно з боротьбою літературною. На початку ХІХ ст. це була боротьба «карамзіністів» і «шишковістів» («архаїстів»). У середині 10-х – на поч. 20-х рр. ХІХ ст. літературна полеміка перекидається в площину опозиції «класицизм» – «романтизм». Представником останнього виступає нове літературне покоління, яке вирросло на досягненнях К. Батюшкова і В. Жуковського, проте вже далеко не тотожне їм. Послідовники В. Жуковського були іронічно об'єднані в «нову школу словесності». Ядро цієї групи – ліцейські друзі О. Пушкіна А. Дельвіг і В. Кюхельбекер; до них приєдналися Є. Баратинський і П. Плетньов [3, с. 235]. Не вдаючись у деталі літературної боротьби, зазначимо декілька важливих для нас моментів. Поняття «класицизм», «романтизм» не мали й не могли мати в зазначений період характеру стійких наукових термінів. Перенесені з західноєвропейської літератури, на російському ґрунті вони отримали досить широкий і рухомий спектр значень. Аналіз полеміки

«класиків» і «романтиків» показує, що їх цікавили не тільки й не стільки переваги та недоліки «класичної» або «романтичної» поезії, вони не стільки вибирали між двома підходами до художньої творчості, скільки сперечались про можливі шляхи розвитку російської словесності, причому кількість цих шляхів не була визначеною. Суперечка між «класичною» й «романтичною» поезією (словесністю) означала не тільки надання переваги тим чи тим естетичним нормам, але і вибір шляхів розвитку вітчизняної культури [5, с. 3–4].

Саме за таких складних ідеологічно-літературних умов М. Цертелев практично одночасно стає дійсним членом ВОЛСНХ (наприкінці 1819 р.) та ВОЛРС (на початку 1820 р.). Якщо у ВОЛСНХ, у середовищі «ізмайлівців», він почувається «своїм», то у ВОЛРС склалась зовсім інша ситуація. Проте особливість ВОЛРС полягала в тому, що тут під одним дахом змогли тривалий час уживатися прихильники різних груп і різних поглядів. Ізмайлівці, звичайно, трималися разом.

Необхідність літературно-практичної комунікації між лідерами ВОЛРС і М. Цертелевим на цьому етапі виявилась сильнішою за діаметрально протилежні суспільно-політичні погляди. О. Бестужеву, Ф. Глинці, К. Рилєєву для надання літературі суспільно-значущої ролі потрібні були ідеї народності, самобутності, які вони шукали у фольклорі. Саме з цих позицій і привертає до себе увагу М. Цертелев.

Того ж 1820 р. «михайлівське товариство» розгортає активну критику нової поетичної системи. Позиція самого О. Ізмайлова стосовно поетів пушкінського покоління була більш стриманою. Зате його соратники – М. Остолопов, Б. Федоров, М. Цертелев (спочатку й Орест Сомов) – новітню поезію ненавиділи й безперервно знущалися з неї у своїх журнальних виступах. Особливо лютував князь Цертелев [9].

У середині 1820 р. він виступає із критичною статтею «Письмо к г. Марлинскому от жителя Васильевского острова» (псевдонім Цертелева), де з явною зневагою критикує діяльність письменників «нової школи», показуючи тим самим, що в літературній боротьбі пасти задніх не збирається. Упродовж 1820–1823 рр. у статтях «Хорошие стихи», «Грозный приговор», «Немногое для многих», об'єднаних загальною назвою «Отрывки из моего журнала», князь активно критикує своїх літературних опонентів. Для прикладу наведемо цитату з його статті «Новая школа словесности», у якій автор розповідає про своє перебування в колі прихильників нової поезії і, почувши роздум на цю тему, робить висновки: «Из сего

краткого рассуждения очевидно, что *пиитическая нагота* (по старой школе – *неблагопристойное*), *дивное* (по ст. шк. – *вздорное*), и *таинственное* (по ст. шк. – *бестолковое*) составляют главнейшие красоты новой школы... По окончании чтения, господин Н. с важностью положил тетрадь и взглянул на всех, как бы желая прочитав в глазах слушателей мысли их о рассуждении. – Не нужно сказывать, что похвалы и восклицания тот же час посыпались со всех сторон. Можно ли было не восхищаться таким основательным рассуждением? Я сам хвалил его, хотя может быть оно мне нравилось совсем по другим причинам. – Автор и хозяин, зная мое пристрастие к старине, чрезвычайно тому удивились, и последний прощаясь со мной и пожимая мне руку сказал: *век живи, век учишь*. – *А все таки умрешь дураком, думал я, раскланиваясь*» [10, с. 441–442]. У статті висміювались і конкретні твори – так, наприклад, перепало П. В'яземському за «Послание к Дмитриеву». Останній не забарився й 10 вересня 1823 р. написав Тургеневу: «Какой-то шут, Цертелев или Сомов, лається на меня в "Благонамеренном" под именем Жителя Васильевского острова или Выборгской стороны. Вот моя откличка. Отдай ее в "Сын Отечества" под названием "К островитянину" или под названием "К жителю"». Зміст відповіді наступний:

Жужжащий враль, едва заметный слуху!
Ты хочешь выслужить удар моей руки?
Но знай: на ястреба охотятся стрелки,
А сам скажи: как целить в муху? [6]

Варто зазначити, що П. А. В'яземський був захоплений ліберальними віяннями 1810-х рр. і наприкінці десятиліття зблизився з майбутніми декабристами.

Представники «нової школи» теж швидко спромоглися на відповідь. Вони створили серію сатир та епіграм проти «літераторів задньої шеренги», «співаків 15-го класу» (так вони назвали «Ізмайлівську компанію»). В'їдливу характеристику «антиромантикам» дає Є. Баратинський у своєму «Посланніи Гнедичу от Баратынского»:

«Сказать Измайлову: болтун еженедельный,
Ты сделал свой журнал Парнасской богадельной
И в нем ты каждого убогого умом
С любовью жалуешь услужливым листком.
И Цертелев блажной, и Яковлев трахтирный,
И пошлый Федоров, и Сомов безмундирный,
С тобою заключив торжественный союз,
Несут тебе плоды своих лакейских муз...» [4]

Крім активної участі в літературно-журнальних баталіях М. Цертелєв разом з політично-літературним однодумцем Б. Федоровим створює свою партію у ВОЛРС. Досить своєрідно її характеризує Бестужев: «Есть партия положительного безвкусица; у ней голова кн. Цертелєв, а хвост (тела нет) Борис Федоров и еще два или три поползныя, есть и цензурные, или лучше сказать полицейские партизаны, именно Воронов; прочие суть благо мыслящие гласные, полугласные и без слов. Число последних статистиков, как водиться, есть, наибольшее», – і відгукується про її співочільника з помітною зневагою: «Человек, как видно из его творений, ничтожный, с лубочным вкусом, как заметно из его поступков и мнений – способный на всякое низкое дело» [2, с. 298]. Така характеристика М. Цертелєва О. Бестужевим є закономірною: творчо-інтелектуальний аспект відносин не витримує під силою протиріч суспільно-політичного й літературного характеру.

Остаточно глека у відносинах між письменниками-декабристами та Цертелєвим було розбито під час підготовки до публічного зібрання в будинку Г. Державіна, де М. Цертелєв повинен був виступати з промовою про нього. Однак запропонована князем стаття «О философских или нравоучительных одах Державина» не відповідала поглядам К. Рилєєва, О. Бестужева, Ф. Глинки й, відповідно, була забракована. Цікаво, що на засіданні, яке відбулося 28 березня 1823 р., стаття М. Цертелєва отримала схвалення, а повість М. Бестужева була повернута автору; при цьому підкреслимо, що на засіданні були відсутні К. Рилєєв, О. Бестужев, Ф. Глинка. 16 травня 1823 р. на засіданні уже були присутні письменники-декабристи, і саме на ньому М. Цертелєву було відмовлено в читанні промови. Незважаючи на те, що протокол засідання не зберігся, за іншими джерелами можемо стверджувати, що в «ученій республіці» розгорілася палка суперечка, ініційована М. Цертелєвим, який не відступав і вимагав включення своєї статті до плану читань. О. Бестужев у листі до князя В'яземського наголошував, що пропонував «исключить из числа назначенных для чтения пьес разбор од Державина Цертелєвым, чистый вздор, где, кроме прекрасного, неподражаемого, божественного, забавного, было одно имя сочинителя» [1, с. 299].

На святковому засіданні в будинку Г. Державіна з промовою про господаря виступив М. Греч, виголосивши думки, цілком протилежні наведеним у роздумі М. Цертелєва. Проте в останнього також знайшлися союзники, а Б. Федоров у своєму вірші фактично повторив його думку.

Після дискусії 1823 р. принципів розходження двох літературних партій загострилися. І тут знову ж таки досить показовою є історія з кн. Цертелєвим, який деякий час лавірував між двома сторонами – «соревнователями» й «ізмайлівцями», республіканцями й «благонамеренними». У ВОЛРС він агітував за народність в мистецтві, а у ВОЛСНХ – виступав проти романтиків, причому під романтиками він мав на увазі перш за все письменників-декабристів. Але коли «соревнователи» забракували його статтю про Г. Державіна, М. Цертелєв різко хитнувся вправо до «ізмайлівців».

Усе, що не відповідало смакам О. Ізмайлова й М. Цертелєва, називалось романтизмом, і навпаки, усе, що не вкладалось в прописані правила домашньої естетики «Благонамеренного», вважалось справжнім мистецтвом, гарним смаком. При всій плутаніні «Благонамеренного» в такому складному питанні, яким був романтизм у 20-х рр., не можна не помітити того, що головний удар був спрямований проти декабристів-романтиків. Усе, що Ізмайлов і Цертелєв не встигли висловити у своїх друкованих статтях, вони з повною відвертістю написали в листах до друзів і близьких знайомих. Серед паперів гр. Хвостова збереглися тамбовські листи кн. Цертелєва, у яких автор також постійно згадує «соревнователей».

У листі від 21 січня 1824 р. князь зазначає: «У нас обычно крайности: или гнусная месть, или дерзкая брань. Журналисты наши не любят середины; кажется, они приняли девизом слова "кто не за нас, тот против нас". Если эта кабала продолжится еще долго, то многие потеряют охоту не только писать, но и читать. Скажите, каково сияние нынешней "Полярной звезды"? С нетерпением ожидаю появления оной на нашем тамбовском горизонте, боюсь, однако же, чтобы после всего, что о ней говорили, не вышла гора в родах». Через місяць Цертелєв знову повертається до «соревнователей», які принесли йому стільки неприємностей: «Еще пишете вы: на меня нападают Греч, Сомов и другие. Где же это? Мне не случалось читать; судя по приведенной вами пословице, я заключаю, что вы хотите отплатить им тем же; по моему мнению, презрения с вашей стороны есть лучшая месть за несправедливые оскорбления, по крайней мере в вашем знании и с вашими заслугами в литературе я избрал бы это средство... Ежели необходимо наказать дерзость, то, ваше сиятельство, имея столько преданных вам людей, можете сделать это, не выставяя своего имени» [цит. за: 2, с. 310]. Відкритий конфлікт між М. Цертелєвим і письменниками ліберального спрямування був неминучий, і взаємні

різкі характеристики можна пояснити як різними поглядами на словесність, так і різними суспільно-політичними поглядами на існуючу дійсність. Втім, саме завдяки численним дискусіям, полеміці, «інтелектуальним баталіям» і визначилось «обличчя» «золотого віку» російської культури.

Громадсько-культурна ситуація I чверті XIX ст. породжує як у товариствах, так і в російському суспільстві в цілому проблему «розриву поколінь», що за великим рахунком представляла ціннісний розрив, утілений у протистоянні невеликої, але значущої групи домінуючій традиції, системі, устрою [7]. У цій історичній ситуації покоління біологічних однолітків поступаються культурним поколінням людей різного віку, які втім мислять в одній системі координат і сповідують одні принципи. Поразка декабристів не означала перемогу консервативного табору й кінець суспільно-культурної боротьби, вона просто перевела цю боротьбу в іншу площину, надала їй інших відтінків, а полеміка між М. Цертелевим та письменниками-декабристами до певної міри отримала своє продовження в протистоянні «слов'янофіли – західники».

Джерела та література:

1. **Базанов В. Г.** Вольное общество любителей российской словесности. – Петрозаводск, 1949. – 422 с.
2. **Базанов В. Г.** Ученая республика. – М.; Л., 1964. – 463 с.
3. **Вацуро В. Э.** Поэзия пушкинского круга // История русской литературы : в 4 т. / АН СССР; Ин-т лит. (Пушкин. дом). – Т. 2. – Л., 1981. – С. 324–342.
4. Гнедичу от Баратынского. – <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0...>
5. **Голубева О. В.** Русская литературная критика конца 1810-х – начала 1830-х годов: основные направления и специфика: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2000. – С. 21.
6. Жужжащий враль, едва заметный слуху! – [http://ru.wikisource.org/wiki/Жужжащий_враль,_едва_заметный_слуху!_\(Вяземский\)](http://ru.wikisource.org/wiki/Жужжащий_враль,_едва_заметный_слуху!_(Вяземский)).
7. **Левада Ю.** Заметки о проблеме поколений. – <http://www.polit.ru/wordl/2002/04/17/474862.html>.
8. **Орлов В. Н.** Вольное общество любителей словесности, наук и художеств // История русской литературы: в 10 т. / АН СССР; Ин-т лит. (Пушкин. дом). – Т. 5. – М.; Л., 1941. – С. 198–224.
9. **Проскурин О.** Конец благих намерений // Новое литературное обозрение. – 1999. – № 40. – <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/40/proskurpr.html>.
10. **Цертелев Н. А.** Новая школа словесности (Отрывок из моего журнала) // Благонамеренный. – 1823. – № 6. – С. 430–442.

*Інна Суховенко
(Кіровоград)*

СУСПІЛЬНА ДІЯЛЬНІСТЬ ДРУЖИН ДЕКАБРИСТІВ В СИБІРУ

У сучасній ситуації поступової втрати сімейних цінностей, кризи національної ідеї і домінування процесів глобалізації виникає необхідність переосмислення становища жінки, зміцнення і розширення жіночого начала в суспільстві. Трансформація соціально-економічних умов життя українського суспільства неоднозначно позначилася на функціонуванні сім'ї як соціальної одиниці.

Питання діяльності жінок тісно і нерозривно пов'язане з найголовнішими формами організації людства. Проблема «пробудження» жіночої особистості, її місце в суспільстві та родині, її права й обов'язки, почуття і сподівання, належать до фундаментальних характеристик соціальних відносин, посідають виразну етнокультурну специфіку.

Сьогодні, вже як аксіома сприймається процес емансипації жінки, неодмінний фактор її становлення й реалізації. З плином століть мінялися роль та позиція жінки в суспільному житті, сім'ї та політиці. Сьогодні неймовірними здаються для нас часи, коли вона не мала змоги вільно було зіграти в театрі роль чи стати студенткою вищого навчального закладу. Минули століття, жінка разом із чоловіком займає важливе місце в суспільстві, а також у всіх галузях політичного та культурного життя.

Інтерес до суспільної ролі дружин декабристів зумовлений необхідністю поглиблення наукових уявлень про специфіку жіночого погляду на світ, природу жіночої діяльності, її особливостей а також недостатньою репрезентованістю даної проблеми.

Саме тому в останні роки дослідники дедалі більше звертають увагу на вивчення діяльності та ролі жінок в історії. Використовуються нові, порівняно з попереднім періодом підходи, згідно яких зміни в положенні та статусі жінки трактуються як результат соціальних процесів і динамічних змін життєвого устрою населення.

Накопичення фактичного матеріалу про дружин декабристів було почато невдовзі після їх рішення слідувати в Сибір за чоловіками. Перші значні за глибиною та обсягом монографії з'явилися в кінці 20 – початку 30-х років. Величезним внеском являється фундаментальна праця академіка М. Нечкіної, що

розкриває основні напрямки діяльності дружин декабристів. Аргументованими є висновки дослідниці щодо значення та вплив їх приїзду в Сибір на тогочасне суспільства як центральної Росії так і краю заслання. В праці А. Гессена [5] зібрано численний фактичний матеріал, пов'язаний з конкретними біографіями дружин декабристів. Нова хвиля виходу в світ праць і публікацій присвячених декабристам була викликана 150-ою річницею повстання декабристів: В. Ф. Ретунський [16], Т. Роменська [17] розкривають сторони культурного, просвітницького життя декабристок. На середину – кінець 80-х років тривалий період накопичення фактичних знань, закономірно змінюється періодом їх синтезу, часом створення концепцій, пояснюючих загальне та особливості і специфіку історії російських жінок. Так, праці Е. Павлюченко [12; 13] посідають важливе місце в дослідженні діяльності дружин декабристів в Сибіру. Хоча дані праці – єдині монографії присвячені проблемі дружин декабристів, однак висновки були здійснені, під впливом радянської ідеології. Неоціненими є праці Б. Йосифової [10], М. Сергєєва [20], О. Тальської [22], Л. Пушкарьова [15], Ю. Лотмана.

Починаючи з 90-х років ХХ століття в історичній науці, окреслились тенденції зміни традиційних культурних стереотипів, у дослідженнях, розвиваються нові методологічні підходи. За «жіноче питання» спільно взяли соціологи, філософи, психологи, та дослідники суміжних з історією наук. О. Рогозина та Н. Ларькова [10] розглядають дружин декабристів як суспільний стереотип високоморального вчинку, особистого подвигу та подружньої вірності. Праця В. Смірнова [21] містить аналіз політичної та морально-психологічної атмосфери досліджуваного періоду. Стаття Я. Шевченко [23] висвітлює заснування та функціонування салону Волконської. Колосальне значення мають мемуари П. Анненкової [8] та М. Волконської [3]. В своїх мемуарах автори розкривають свій життєвий шлях, складний переїзд та життям в Сибіру. Значним внеском є і спогади сучасників М. Белоголового [1], О. Беляєва [2], І. Пуцина [15], С. Семенова [19], Є. Оболенського [4]. Епістолярні матеріали: листи О. Муравйової [11], В. Давидова [6], І. Якушкіна [24] є цінними в розкритті, стосунків декабристів у засланні, їх взаємодтримці та допомозі один одному. Автори надають відомості про ставлення декабристів та їх дружин до дітей, яких довелося залишити в центральній Росії.

Історіографічний аналіз засвідчує, що досить ґрунтовно висвітлено безпосередньо рух декабристів та напрямки їх роботи у засланні, а суспільна діяльність дружин декабристів, їх роль у

полегшенні умов каторги, музичне просвітництво та освітянсько-виховна робота залишаються розглянутими лише фрагментарно.

Суспільна діяльність дружин декабристів охоплювала різні сфери. Так, у засланні дружини декабристів були тісно пов'язані із місцевим населенням, зокрема купецтвом, чиновництвом, селянством.

Ставлення селян спочатку було настороженим, а жінок у сибірській глушині вважали поміщицями, багатіями, за словами селян «гроші в них були пачками» [14, с. 96] та невдовзі змінилося дружнім та довірливим, цьому неабиякою мірою сприяли щирий інтерес декабристок до справ оточуючих, готовність прийти на допомогу [14, с. 98]. Марія Волконська у спогадах згадувала: «Тепер я жила серед цих людей, між тим, ми бачили з їхнього боку лише знаки поваги; скажу більше: мене і Наташу вони просто обожнювали» [3, с. 13].

Заслання декабристів до Сибіру на каторгу і вічне поселення, прирікало їх на політичну, а часто і фізичну смерть. Розрахунок робився на те, що ізольовані від культурних центрів та позбавлені необхідної «культурної їжі», високоосвічені люди неминуче будуть приречені на «моральне оніміння» і духовну смерть [9, с. 65]. Завдяки жінкам, декабристи – засланці, отримали доступ до періодики, яка була найважливішим джерелом інформації про всі новини світу. Так, за словами Б. Йосифової, поруч із російськими періодичними виданнями, виписувались відомі французькі, німецькі та англійські газети і журнали [9, с. 329]. Можливість знайомитися з новинками наукової та художньої літератури давала вихід їх творчої енергії на літературних та музичних вечорах [22, с. 81].

Дружини декабристів стали свого роду провідниками. Рідні, друзі пишуть в'язням. Їм же заборонено відповідати (право на листування вони отримали тільки з виходом на поселення). У цьому позначився все той же розрахунок уряду на ізоляцію декабристів, проте, дами замінювали секретарів і підтримували листування. «Кожна з нас мала під своєю опікою по декілька чоловік, від імені яких і писала родичам. Більше всіх випадало на долю княгині Волконської і княгині Трубецької, так як вони особисто були знайомі з багатьма родичами каторжан, їм доводилось відправляти від двадцяти до тридцяти листів за один раз [9, с. 22]. Важко уявити скільки занепокоєних горем родичів, а особливо матерів та сестер воскресили ці сибірські послання [20, с. 11]. Навантаження це було настільки вагомим, що іноді жінкам не залишалось часу писати власним батькам і дітям. Незважаючи на довгі місяці чекання листів та цензурні перепони, жінки не обмежувалися сухою інформацією

для рідних про їхніх близьких, писали тепло і сердечно. К. С. Уварова, сестра Михайла Луніна, захоплювалася листами Марії Волконської, яка володіла «чудовим мистецтвом», завдяки якому, Катерина Сергіївна у їх кореспонденції, могла як би побачити свого брата [12, с. 37]. Отже по приїзді в Сибір дружини стали променем віри для каторжан. Волконська згадувала: «Приїзд наш приніс багато користі ув'язненим. Не маючи можливості писати, вони були позбавлені звісток про своїх, а також і всякої грошової допомоги. Ми за них писали, і з того часу вони стали отримувати листи і посилки» [3, с. 14].

Підтвердженням цього були вірші О. С. Пушкіна передані Олександрові Муравйовою Івану Пушину. «Закликає мене до частоколу О. Г. Муравйова і віддає аркуш, на якому невідомою рукою написано було: Мій перший друг, мій друг безцінний» із радістю відгукнувся в мені голос Пушкіна. На жаль я не міг навіть потиснути руку тій жінці, яка так радісно поспішала втішити мене [15, с. 98]. Віршовані рядки «У глибині сибірських руд...» розповіли декабристам про те, що вони не забуті, що їх пам'ятають, їм співчують.

Приїхавши до Сибіру більшості з жінок довелося пристосовуватися до зовсім незвичних умов: жили поблизу тюрми в простих селянських будиночках, самі готували їжу, ходили за водою, рубали дрова, топили піч, займатися садівництвом, городництвом [12, с. 28]. Однією з головних проблем було те, що там їжу готували на відкритому вогні, з цього приводу «головна незручність полягала в тому, що в мене не було плити, про яку в той час в Читі ніхто, здається, не мав і поняття; і я примудрилася варити і смажити на трьох жаровнях, які містилися в сінях [8, с. 17]. Всі жінки намагалися покращити харчування своїх чоловіків, та їх ув'язнених товаришів готуючи їжу самостійно, Поліна Анненкова пише: «я кожний день посилала йому обід, який готувала сама» [8, с. 17]. Беляєв у своїх спогадах, зазначає, що дружини декабристів приділяли увагу не лише своїм чоловікам, а їх товаришам, так, зокрема годували їх: «весь цей час ці великодушні істоти, відмовляючи, я думаю, собі у всьому, до чого вони звикли у колишньому житті, не переставали годувати нас, можна сказати, розкішно» [2, с. 262]. Марія Волконська купує полотно і замовляє з нього сорочки для обдертих напівголих засуджених Благодатського рудника «Мені дуже неприємно було бачити, як виходили з в'язниці нещасні за водою або за дровами, вони були без сорочок або в одній необхідній білизні. Я купила полотна і замовила їм білизну» [3, с. 19].

Разом з тим в краї постійно бракувало і лікарського та медичного забезпечення. Так, Марія Волконська та Катерина,

Трубецька майже з кожною посилкою отримували ліки для роздачі хворим односельчанам [13, с. 37].

Неодноразово декабристки були і співучасницями втікачів із в'язниць. Про такий випадок описує Е. Павлюченко, коли серед ночі постріли підняли на ноги все село: намагалися втекти кримінальнико-каторжники. Спійманих б'ють батогами, щоб дізнатися, де взяли грошей на втечу. А гроші дала Волконська, але ніхто її не видав [13, с. 71]. Коли у 1850 році, всього за декілька років до амністії, дружин декабристів зустрілися із засудженими петрашевцями. першими руку допомоги надали декабристки Наталія Фонвізіна та Поліна Анненкова, зустрівшись із Достоевським подарували йому Євангеліє, сховавши в обгортці гроші. Федір Михайлович писав: «... що за чудо душі випробувані горем і самовідданістю, вони приносили нам їжу, одяг, втішали і підбадьорювали нас» [16, с. 171].

Жінки розуміли, що вони для багатьох стали «світлом в кінці тунелю», тому поводитись відповідно «Я їздила у возі зі своєю людиною, але пристойно одягнена і в солом'яному капелюсі з вуаллю. Ми з Наташею завжди одягалися охайно, так як не слід ніколи ні падати духом, ні розпускатися, тим більше в цьому краї» [4, с. 19]. Неодружені декабристи та ті від кого відмовились особливо гостро відчували самотність «Безсімейні каторжники, сідали часто біля порогу своєї в'язниці й дивилися в далечінь, мені сказали, що по наближенням весни ними опанувало нездоланне бажання бігти» [4, с. 19].

Безсумнівно, перебування дружин декабристів в Сибіру, не тільки неабияк полегшило важке життя каторжників, допомогло налагодити зв'язки і листування з Центральною Росією, але мало і величезний суспільний резонанс [12, с. 37].

До декабристів виявляло інтерес і купецтво. Місцеві купці протиставляли себе приїжджим дворянам-засланцям, але розуміли, наскільки корисними для них можуть бути ці нові поселенці, що мали впливових родичів у столицях. Поліна Анненкова пише, про їх гостинність: «В Іркутську зупинилася я в сімействі купця Наквасіна, до якого мала з Москви листа. Наквасіни прийняли мене як найближчу родичку, з цілковитою привітністю: оточили такою увагою, турботами, що я зі сльозами вдячності згадую завжди той час, який провела у їхній родині [8, с. 14]. Однак і самі декабристки були зацікавлені у встановленні товариських стосунків з місцевими купцями, так наприклад, вони були в якості посередників у налагодженні зв'язку з їх родичами. Допомогали купці і матеріально: позичали гроші в борг на тривалі терміни. Постійне і тривале

спілкування декабристів з купцями сприяло складанню в останніх більш м'яких культурних традицій і смаків [9, с. 37].

Окрім купецтва впливовим і привілейованим суспільним прошарком були чиновники. Одним з добродійних впливів декабристок на сибірське суспільство був їх стримуючий вплив на місцеву адміністрацію, і це було великим здобутком [22, с. 74]. Старі зв'язки декабристок в столиці, особисте знайомство деяких з них з царем утримували іноді тюремників від безчинств. Волконська, Трубецька, Муравйова, Нарішкіна, Фонвізіна засипають листами Петербург і Москву, розраховуючи на близькість родичів до двору [10, с. 71]. «Ми всі писали графу Бенкендорфу, просивши його дозволу зробити в казематі вікна; дозвіл було дано, але наш старий комендант придумав пробити їх високо, під самою стелею» [3, с. 15].

Жінки оживляли своєю присутністю одноманітність життя ув'язнених декабристів, влаштовували літературні та музичні вечори, вчені лекції і диспути. Так, з'явилась мода читати в їх присутності, при зібранні близького гуртка, який утворювався біля кожного одруженого сімейства [2, с. 156–158]. Слід зазначити, що декабристи у в'язниці навчались різним вмінням. «Ми робили і посилали нашим дамам і сибірським дамам різні милі дрібниці, особливо багато робили кілець» [2, с. 159].

Поява дітей в родинях декабристів наповнила їх життя новим змістом. У кожній сім'ї жило і виховувалося по кілька дітей місцевих жителів [6, с. 45]. Як приклад, М. Волконська, яка була прекрасною матір'ю, постійно переймалася здоров'ям дітей їх вихованням, а потім їх освітою «Я була твоєю годувальницею, твоєї нянькою і, частково, твоєї вчителькою я жила тільки для вас, я майже не ходила до своїх подруг. Моя любов до вас обох була божевільна, щохвилинна [3, с. 18]. Катерина Трубецька писала: «Внутрішнє життя все те ж, уроки дітей, піклування про них – ось головне наше заняття» [7, с. 256] З цього часу жінок не покидала тривога за дітей, оскільки за відсутності належної медичної допомоги смертність серед дітей була дуже великою. «Я просила у Бога лише одного, щоб він вивів моїх дітей з Сибіру» [3, с. 17] Тож найболючішими проблемами для жінок стали питання, що стосувалися їх дітей «Кожна запитувала себе: «що стане з моїми дітьми після мене? після смерті» [3, с. 20].

Дружини декабристів, зокрема М. М. Волконська, К. І. Трубецька займалися музичним просвітництвом [17, с. 261]. Будинок Нарішкіних в містечку Курган Тобольської губернії став культурним центром. Вони читають нові книги і журнали, які їм присилались з Росії, проводять диспути по філософії, звучить

музика, чутний спів господині, під акомпанування на фортепіано. Єлизавета Нарішкіна володіла неабияким голосом. Декабрист Брігген згадував: «Минулої п'ятниці був в будинку Нарішкіних, слухав Єлизавету Нарішкіну, у неї великий талант, вона чудово співала «обідню» Бетховена» [2, с. 257].

Двома головними центрами, біля яких групувалися іркутські декабристи, були сім'ї Трубецьких та Волконських, так як вони мали кошти, і обидві господині – Трубецька і Волконська своїм розумом і освіченістю, а Трубецька – і своєю незвичайною сердечністю, були ніби то створені, щоб згуртувати всіх засланих декабристів в одну дружню колонію; а присутність дітей в обох сім'ях вносила ще більше поживлення і теплоту у відносини [1, с. 42]. Приїхавши в Іркутськ у 1845 році, Марія Миколаївна вперше відкрито мала змогу відпочити, життя у великому губернському місті контролювалося лише цивільними та громадськими обмеженнями. Не дивлячись на розхитане тривогами та холодом здоров'я, княгиня тримала себе з великою гідністю, і була душею літературних, музичних і театральних вечорів [23, с. 1].

Після того як генерал-губернатор Руперт віддав розпорядження у 1846 році «заборонити дружинам і дітям державних злочинців відвідувати громадські місця веселощів» [23, с. 1]. М. М. Волконська зуміла зробити зі свого будинку головний центр Іркутського суспільного життя. Для своїх дітей та їхніх друзів Марія Миколаївна часто влаштовувала бали та маскаради, всілякі зимові розваги [17, с. 2]. Волконські жили шумно і відкрито, самі іркутяни вважали за велику честь бувати в їх будинку [17, с. 295]. Тут часто проводилися літературні, музичні та театральні вечори. М. М. Волконська створила домашній аматорський театр, що став новим явищем у культурному житті краю [9, с. 213]. Немає сумніву, що відвідуючи салон Марії Миколаївни, долучаючись безпосередньо до чарівності культури, іркутяни відчували більш сильну потребу в духовному розвитку. Салон – дуже тонка і складна форма суспільного дозвілля, де з'єднуються серйозні, глибокі інтереси з розвагами, публічна діяльність з інтимним побутом, особисте з громадським, і при цьому кожна зі сторін не пригнічує собою іншу. Вміння тримати салон було мистецтвом. Господинею салону могла бути тільки жінка. «Жіночий розум, він охоче зазиває і вітає гостей, дбайливо і спритно влаштовуючи їх у себе» [23, с. 1].

Неодноразово у Волконських виступали знамениті музиканти-гастролери – скрипалі Блез, Т. Оттава, віолончелістка датського короля Е. Христіані, піаністи Беглер, Малер, Пуччі, Ю. Ріш'є [23, с. 2]. Нерідко посеред артистів на чолі їх стояла сама господиня дому.

Тим, хто чув прекрасний голос Марії Миколаївни та її гру на роялі не можна було забути. Салон Марії Волконської об'єднував і виховував місцевих музикантів. У місті влаштовуються аматорські благодійні концерти, створюється камерний ансамбль музикантів професіоналів із засланців [17, с. 301]. За словами М. Білоголового, коли він та його старший брат стали учнями О. Поджіо, то одразу ж потрапили в коло відвідувачів салону Волконської і стали часто бувати в ньому; і це відвідування світського дому не могло не впливати на нас з кращої сторони, поволі шліфуючи наші звичаї й манери, що залишали бажати кращого через глуху обстановку тодішнього провінційного життя [1, с. 124].

Спілкування в будинку Волконських вело до «зближення суспільства і зародженню в ньому більш пом'якшених і культурних традицій і смаків» [17, с. 296]. Дуже багато хто з іркутських чиновників і купців, тільки в результаті участі відвідувань будинків Волконських та Трубецьких стали більше читати і особливо стали дбати про те, щоб дати своїм дітям по можливості вивчити освіту. Недарма саме в цей період в іркутському суспільстві виявляється першим прагнення молоді вступати до університетів. Отримавши, таким чином, перший поштовх, вони продовжували і в подальшому прогресивно зростати та розвиватися. Безсумнівно, салон княгині Волконської в Іркутську виконував історичну місію: далеко від культурних центрів Росії підтримував духовні сили вигнанців і сприяв появі знаменитих музичних, літературних і театральних товариств. Її салон 1840-х, 1850-х років – заповітна і прекрасна, романтична і героїчна сторінка в культурному житті Іркутська [23, с. 2].

Суспільна діяльність дружин декабристів була активною і в освітній сфері. Незважаючи на перешкоди місцевої влади, в Ялуторовську декабристам вдалося 1 липня 1846 року відкрити школу для дівчаток «Духовне парафіяльне училище для дівчат усіх станів» Ідейний керівник І. Якушкін, до роботи в школі була залучена і Олександра Єнтальцева. Ялуторовська жіноча школа була першою всестановою серед жіночих шкіл не лише Сибіру, але і всієї Росії [1, с. 223]. Коли у 1845 році був відкритий дівочий інститут Східного Сибіру, Марія Миколаївна дбала про ноти для хору інституток. Княгиня рекомендувала іркутським панночкам і молодим людям для розвитку музичного смаку і здібностей твори кращих російських і зарубіжних композиторів. Яскравою сторінкою культурного життя Іркутська була спроба постановки вистави «Наталка Полтавка» за п'єсою Д. І. Фонвізіна. Музика була серед переліку випускних іспитів, а на урочистому випускному акті був великий відкритий концерт [17, с. 287].

Отже, перебування дружин декабристів у засланні із своїми чоловіками відзначається активною суспільною діяльністю, спрямованою на покращення умов життя у засланні та культурне просвітництво. Основними напрямками їх роботи було листування, пересилка літератури, музичне просвітництво та освітянсько-виховна робота. Колосального значення мала діяльність дружин декабристів пов'язана із налагодженням зв'язку між ув'язненими та їх родичами, таким чином розрахунок Миколи І на культурну ізоляцію декабристів провалився, адже жінки сповна використовували листування в якості суспільного тиску на самодержця і досить успішно, це виявилось в тому, що сотні листів, наголос в яких робився на неймовірно складні умови перебування у засланні, певним чином сприяли пом'якшенню умов, в результаті чого було дозволено зняти кайдани, жінкам дозволено поселитися у в'язниці із чоловіками. Дружини декабристів виявили неабияку соціально-психологічну стійкість у критичний період їх життя, стали «рятівним плотом» для каторжан, ув'язнені відчували неабияку психологічну та моральну підтримку. Неабияка заслуга жінок, в тому, що завдяки їх присутності та невтомній праці багато засланих декабристів продовжували словом і прикладом служити справі, якій себе присвятили, та оволодівати новими знаннями та вміннями. Діяльність, яка була пов'язана з музичним просвітництвом, викликана в першу чергу потребою жінок перебувати в тій культурній атмосфері, яка їх оточувала з дитинства, співи та музика були відрадою у їх нелегкому житті, з ними вони забували насущні проблеми і переносились у приємні спогади, а поява дітей зробила її актуальною як вагомий елемент виховання їх нащадків. Прагнення урізноманітнити своє життя та виховання дітей, мало свій вияв, у перетворенні будинків М. Волконської та К. Трубецької в культурні літературно-музичні осередки, що стали новим явищем у суспільному житті Сибіру і здобули неабияку популярність серед місцевої еліти.

Джерела та література:

1. ***Белоголовый Н. А.*** Из воспоминаний Сибиряка о декабристах. – М., 1987. – 217 с.
2. ***Беляев А. П.*** Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном / предисл. В. А. Ковалёва. – Красноярск, 1990. – 379 с.
3. ***Волконская М. Н.*** Записки. – Чита, 1995. Заголовок з екрану: [<http://decemb.hobby.ru/index.shtml?memory>]
4. Воспоминания Е. П. Оболенского // Мемуары декабристов. Северное общество. – М., 1981. – С. 79–120.
5. ***Гессен А. И.*** Во глубине сибирских руд. – М., 1963. – 332 с.

6. **Давыдов В. Л.** Сочинения, письма / Издание подготовлено Т. С. Комаровой. – Иркутск, 2004. – 512 с.

7. **Зайцева Л. В.** Документы о декабристах в фондах государственного архива Читинской области // Декабристы и Сибирь / Под ред. А. Н. Копылова. – Новосибирск, 1977. – С. 254–259.

8. Записки жены декабриста П. Е. Анненковой. – Петроград, 1915. – 166 с. Заголовок з экрану: [http://decemb.hobby.ru/index.shtml?memory/annenk]

9. **Йосифова Б.** Декабристы. – М., 1983. – 373 с.

10. **Ларькова Н. А.** Сибирские жены декабристов: ломка социальных барьеров по материалам круглого стола «Женский вопрос накануне XXI века» (в рамках ежегодных Ломоносовских чтений) // Знание – сила. – 1998. – № 3–4. Заголовок з экрану: [http://decemb.hobby.ru/index.shtml?article/larkova]

11. **Муравьева А. Г.** Письма из Сибири родным // Виртуальная энциклопедия декабристов. Заголовок з экрану: [http://hrono.info/dokum/1800dok/1826murav_ag.html#18270129]

12. **Павлюченко Э. А.** В добровольном изгнании. – Изд. 4-е. испр. и доп. – М., 1987. – 159 с.

13. **Павлюченко Э. А.** Женщины в русском освободительном движении: от Марии Волконской до Веры Фигнер. – М., 1918. – 269 с.

14. **Пушкарев Л. Н.** Борьба администрации с влиянием декабристов в Западной Сибири // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XIX века). – Новосибирск, 1985. – С. 94–114.

15. Пущин И. И. // Пушкин в воспоминаниях современников. – 3-е изд., доп. – СПб., 1998. – Т. 1. – С. 60–100. Заголовок з экрану: [http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/vs1/vs1-060-.htm]

16. **Ретунский В. Ф.** Участие декабристов в судьбе ссыльных петрашевцев // Декабристы и Сибирь / Под. ред. А. Н. Копылова. – Новосибирск, 1977. – С. 167–175.

17. **Роменская Т. А.** Музыка в жизни и деятельности декабристов // Декабристы и русская культура / Под ред. Альбова Г. А. – Ленинград, 1976. – С. 295–324.

18. Своей судьбой гордимся мы. – Иркутск, 1973. Заголовок з экрану: [http://decemb.hobby.ru/index.shtml?memory/belyaev]

19. **Семенов С.** Декабристы в Ялуторовске // Декабристы в воспоминаниях современников / Сост. общ. ред., вступ. и коммент. В. А. Федорова. – М., 1988. – С. 403–408.

20. **Сергеев М. Д.** Подвиг любви бескорыстной. Рассказы о женах декабристов. – М., 1975. – 288 с.

21. **Смирнов В. Н.** Женщины в отечественной истории (Роль женщин в общественно-политическом движении России XIX – начала XX веков). – Х., 2009. – 380 с.

22. **Тальская О. С.** О переводческой деятельности декабристов в Сибири // Декабристы и Сибирь / Под. ред. А. Н. Копылова. – Новосибирск, 1977. – С. 80–89.

23. **Шевченко Я.** Салон Волконской // Восточно-Сибирская правда. – 2000. – № 23873. Заголовок з экрану: [http://www.vsp.ru/social/2000/12/16/344889]

24. Письма И. Д. Якушкина 1822–1855 // Декабристы. Новые материалы / Под. ред. М. К. Азадовского. – М., 1955. – С. 7–136. Заголовок з экрану: [http://www.dissercat.com/content/kulturnoe-nasledie-dekabristov-v-zabaikale]

ПОЛТАВСКОЕ ПОПОЛНЕНИЕ СОЮЗА БЛАГОДЕНСТВИЯ

В декабре 1816 г. в свою резиденцию в Полтаве прибыл новый малороссийский генерал-губернатор князь Николай Григорьевич Репнин. Соответствующий административный опыт у князя имелся: в 1813–1814 гг. он был генерал-губернатором занятой союзными войсками Саксонии [1]. В одних санях с Репниным приехал Михаил Николаевич Новиков, приглашенный на место правителя генерал-губернаторской канцелярии. Ранее Новиков уже служил под начальством Репнина в Дрездене, однако едва ли патрону были ведомы все стороны его деятельности. Так, Новиков состоял членом декабристского Союза спасения, притом самым старшим по возрасту среди окружавших его молодых офицеров. На следствии П. И. Пестель утверждал, что именно Новиков принял его в тайное общество и внушил «первую мысль о республиканском правлении» [2]. «Крестниками» Новикова в Союзе спасения были и такие известные личности, как Ф. Н. Глинка и Ф. П. Толстой. Так же и в Союзе благоденствия, если верить следственным показаниям основателя ранних декабристских обществ А. Н. Муравьева, Новиков получил равные с ним полномочия на прием новых членов [3].

Полномочиями этими М. Н. Новиков пользовался крайне осторожно. За все время его усилиями декабристский союз пополнился всего 5-6 новыми членами [4]. Состоял Новиков и в иной организации – если не тайной, то окруженной пеленой загадочности. Двоюродный племянник знаменитого масона екатерининской эпохи Н. И. Новикова, Михаил Николаевич сам занимал не последнюю ступень в иерархии «вольных каменщиков». До отъезда в Полтаву он был обрядоначальником петербургской ложи «Избранного Михаила», входил в объединение масонов высших степеней «Капитул Феникса», а в том же 1818 г. стал почетным сановником «Великой Директоральной ложи Астреи» [5]. Неудивительно, что и в Полтаве он учредил масонскую мастерскую. «Лета 5818 И[стинного] Св[ета] III-го месяца в 26 день (т. е. 26 мая 1818 г. [6] – *В. Ш.*) во имя и славу Великого Строителя Миров... справедливая и совершенная вновь образованная ложа Любви к Истине на восток Полтавы надлежащим порядком на основании правил ритуала открыта в первой степени под председательством управляющего мастера Новикова с помощью чиновников назначенных», – фиксируют «Протоколы I-й степени справедливой и совершенной ложи Любви к Истине на восток

Полтавы, состоящей в союзе великой ложи Астреи на восток С. Петербурга», далее называя имена и должности «чиновников»: С. М. Кочубей – наместный мастер, В. В. Тарновский и Л. М. Дьяков – надзиратели, И. П. Котляревский – вития и т. д. [7]

Если в целом вопрос об отношениях масонства и декабризма поныне вызывает горячие споры, то относительно ложи «Любовь к Истине» больших разночтений нет. Разумеется, для обличителей масонства тесная связь полтавской мастерской с декабристским обществом не подлежит сомнению. Так О. А. Платонов пишет о ложе «Любовь к Истине», как «целиком входившей в заговорщицкую организацию “Союз благоденствия”» [8]. Для Н. И. Ульянова эта ложа – «форма соединения двух фронд: декабристской и украинствующей» [9]. Но и приверженцы теорий о консерватизме или аполитичности российского масонства В. И. Семевский, С. П. Мельгунов, Т. А. Бакунина признавали полтавскую ложу «местом вербовки для членов Союза благоденствия» [10]. Также и современные авторы В. С. Брачев и А. И. Серков, имеющие различные взгляды на российское масонство, сходятся на мысли о связях «Любви к Истине» с «Союзом благоденствия» и об использовании ложи для приема новых членов в декабристский союз [11].

В пользу этого говорят следственные показания бывшего адъютанта князя Репнина М. И. Муравьева-Апостола, прямо утверждавшего, что Новиков учредил ложу, «чтоб приуготовлять людей для Общества» [12]. Да и сам Новиков еще в 1816 г., принимая в Союз спасения собрата по ложе «Избранного Михаила» Ф. Н. Глинку, говорил, что «в масонстве только теории, а что есть другое общество избранных молодых людей...» [13]. Через полтавскую ложу в Союз благоденствия были приняты подполковник В. А. Глинка и поветовый маршал В. Л. Лукашевич. Почему из примерно сорока своих масонских «братьев» Новиков отобрал для декабристского общества именно их?

Смоленский дворянин Владимир Андреевич Глинка (1790–1862) [14] по выпуску из кадетского корпуса 16-летним подпоручиком попал на войну с французами. В октябре 1806 г. он еще решал, как рассчитаться с корпусной библиотекой за потерю книги «Нужнейшие познания инженеру и артиллеристу...» [15], а в мае 1807 г. уже принял боевое крещение под Гейльсбергом в составе Лейб-гвардии артиллерийского батальона [16]. Следующее десятилетие прошло в почти непрерывных походах. После кампании 1806–1807 гг., участвовал в войнах со Швецией 1808–1809 гг., с Турцией в 1810–1812 гг., вновь с Францией в 1812–1813 гг., да и в 1815 г. дошел до Саксонии, но к Ватерлоо не успел [17]. В Полтаву Глинка прибыл уже командиром конно-артиллерийской бригады. Здесь молодой ветеран женился на Ульяне

Гавриловне Вишневской. Она приходилась праправнучкой сербу Теодору Вишневскому, получившему от императрицы Елизаветы Петровны имение Фарбованное в Переяславском полку. Поколения Вишневских, породнившиеся со знатными родами Украины и России, владели этим имением сообща [18]. Женитьба хоть и не особо обогатила подполковника, зато ввела в круг полтавского дворянства.

В ложу В. А. Глинка был принят 11 июня 1818 г. Протокол гласит: «Лета 5818... в 11-й день IV месяца, во имя и славу Великого Строителя Миров и по обряду древних масонов... ложа Любви к Истине на востоке Полтавы открыта в первой степени под предводительством наместного мастера Кочубея... [19] Предметом работы нынешнего собрания объявлено принятие в братство давно предложенных кандидатов: капитана Франца Францовича Ремерса и подполковника Владимира Андреевича Глинка. И как на принятие их по баллотировке шары оказались белые, то по приглашению наместного мастера вития брат Котляревский отправился к искателям и, испытав их порознь, объявил, что нашел их достойными принятия. После сего оные искатели Ремерс и Глинка по установленным обрядам также порознь приведены были к вратам Храма, введены по законам священного нашего Ордена <i>приняты в масоны-ученики, и показаны и изъяснены им масонские шаги и священные знаки, слово и прикосновение» [20].

Почему же М. Н. Новиков не остановился на этом и принял В. А. Глинку в Союз благоденствия? Ни один из них ответа не оставил. Новиков скончался осенью 1824 г., не дожив до следствия по делу декабристов. Следственное же дело Глинка, заключавшееся в опросе десяти активных членов тайных обществ, было начато 19 февраля и закрыто 24 февраля 1826 г. без участия подследственного [21]. Очевидно, что на выбор Новикова повлияли старые связи с Федором Николаевичем Глинкой. Летом 1818 г., когда Владимир Глинка был принят в ложу, контакты Новикова с его столичным кузеном заметно активизировались [22]. Трудно предположить, что, проведя в Петербурге около месяца, Новиков не говорил о Владимире Глинке со своим «крестником» по Союзу спасения.

Другой интересующий нас персонаж, Василий Лукич Лукашевич (1787 или 1788–1866), будучи генеральским сыном, воспитывался в Пажеском корпусе и «по слабому сложению в военной службе не служил». В 1803 г. он стал переводчиком Коллегии иностранных дел, а через пару лет, вероятно, по земляческой или родственной протекции перешел в подчинение министру внутренних дел графу В. П. Кочубею. Из министерства, однако, был уволен – официально «по семейным обстоятельствам», неофициально за застольную здравицу Бонапарту. Вернулся на родину и, будучи богатым землевладельцем, уже в 1809 г.

был избран маршалом Переяславского уезда Полтавской губернии. В 1812 г. Лукашевич искупил былую здравницу подготовкой ополчения и иной помощью армии, за что получил от царя орден, а от дворянства – благодарность [23]. После войны он развернул бурную и не вполне понятную деятельность. «Я ревностно порывался озариться тем светом, который, по мнению моему, отделял меня от общего класса людей, и все мистическое и таинственное имело в глазах моих несказанную прелесть. Я полагал, что общества, образуя сердце человека, рождают братскую связь и поучают взаимным обязанностям», – убеждал он позднее следователей [24].

В полтавскую ложу Лукашевич был принят даже раньше Глинки – 7 июня [25]. В 1819–1820 гг. он также был наместным мастером киевской ложи «Соединенных славян» и ее представителем в «Великой ложе Астреи». Значительную часть киевской ложи составляли поляки, многие из которых одновременно состояли в национальных тайных обществах. Так через ложу завязались связи Лукашевича с руководством Союза тамплиеров Волыни, стремившегося к независимости Польши [26]. В 1820 г. почетным членом «Соединенных славян» стал основатель Союза тамплиеров и член польского Патриотического общества Ф. С. Маевский. Со своей стороны он в 1821 г. присвоил Лукашевичу степень тамплиера и предложил вступить в Патриотическое общество. На допросах оба утверждали, что от последнего предложения Лукашевич отказался. Отказался он войти и в Южное общество декабристов, к чему его призывал еще один почетный член киевской ложи князь С. Г. Волконский [27].

Самым известным и одновременно спорным моментом биографии Василя Лукашенко стало возможное основание им Малороссийского тайного общества. В начале 1824 г. он якобы звал вступить в это общество подполковника И. Н. Хотяинцова, уже состоявшего в Южном обществе. Хотяинцов поделился информацией с С. Г. Волконским, а тот в свою очередь – с П. И. Пестелем. После неоднократных бесед с Лукашевичем Волконский решил, что его собеседник пытается препятствовать переговорам русского и польского тайных обществ, имея целью отделение Украины от России, ради чего готов «отдаться в покровительство Польши» (выражение Пестеля). К тому же южные декабристы пришли к выводу, что Малороссийское общество сводится «исключительно к кружку Лукашевича» и охладели к идее сотрудничества [28].

В 1826 г. Лукашевич был арестован и доставлен в Петербург, где провел семь месяцев в Петропавловской крепости. Первым же собственноручно написанным показанием он сообщил, что «был принят в тайное общество Союз благоденствия г-м Новиковым». Однако затем

выдвинул иную версию: «...полковник Владимир Глинка, верный слуга царский и верный сын отечества, без всякого злоумышления, привез мне тетрадь, заключающую в себе план Союза благоденствия, данную ему Новиковым. Я тоже, как и Глинка, находя сие предполагаемое общество не токмо что не во вред, но даже в пользу нравственности, дал по установленной в той тетради форменную расписку, что, избрав себе отрасль просвещения, буду во всем соображаться с постановлениями Союза благоденствия. На сем только одном и основывалось как мое, так и Глинкино участие и действие в сказанном обществе, о котором по долгом ожидании объявил мне Новиков, что оно не состоялось». Следователи отметили противоречивость ответов Лукашевича, однако тот уже определился с версией: «... к обществу Союза благоденствия сделался я причастен чрез одно только намерение вступить в оно, что предложено мне не Новиковым, а полковником артиллерии Владимиром Глинкою...» [29].

Несмотря на настойчивые указания на Глинку, ряд историков считает версию приема Лукашевича в Союз благоденствия Новиковым наиболее вероятной [30]. С другой стороны, в литературе предпринимались попытки на основании сведений о приеме Глинкой нового члена сделать вывод о его нерядовой роли в тайном обществе [31]. Равным образом бездоказательно и предположение, что Лукашевич был не единственным, кого Глинка принял в Союз благоденствия [32].

Следствие 1825–1826 гг. пришло к выводу, что Малороссийского общества не существовало. Позднее правитель дел Следственного комитета А. Д. Боровков отметил в мемуарах, что это общество «намеревались образовать из масонских лож – в Полтаве бывший правитель канцелярии военного губернатора Новиков и в Полтавской губернии маршал Лукашевич и предположили целью независимость Малороссии, но остались при попытках, и общество не осуществилось» [33]. Очевидно, Боровков основывался на показаниях М. И. Муравьева-Апостола о том, что Новиков «был первый, кто говорил об обществе Малороссийском» и что Лукашевич «в оном был и после смерти Новикова, вероятно, остался главным» [34]. Но Муравьев признавался, что его знакомство с Новиковым «было весьма непродолжительно» и что о Малороссийском обществе он «не старался узнать», а потому, вероятно, путал его с полтавской ложей.

Вопрос о Малороссийском обществе стал предметом длительной научной дискуссии. В 1920-е гг. сторонники концепции «украинского декабризма» С. А. Ефремов, Д. И. Багалий, М. И. Яворский утверждали, что общество было «довольно многочисленно» и объединяло «дворянскую оппозицию», чтобы «сообща добыть независимость

Украины» [35]. В 1930–1940-е гг. «Большая история Украины», изданная вначале во Львове, затем в Канаде, сообщала, что общество имело целью то ли независимость Украины, то ли ее вхождение в федерацию с Польшей [36]. В 1990-е гг. украинско-канадский историк В. И. Верига писал, что сам Лукашевич стремился «восстановить Гетманщину в старых ее формах», но большинство членов его общества требовало «только автономии для Украины» [37].

Подчеркивая историческую значимость Малороссийского общества, названные авторы и их единомышленники не уделяли должного внимания доказательству самого его существования. Между тем еще в 1920-е гг. отсутствие таких доказательств отметил И. Ф. Рыбаков [38]. Не нашлось их и за минувшие с той поры десятилетия. Не случайно современные историки Н. Н. Лысенко, Р. М. Конта, Г. Д. Казьмирчук, Ю. В. Латыш считают, что на момент ареста Лукашевича общество пребывало в стадии становления, а потому говорить о его заметной роли неправомечно [39].

После роспуска Союза благоденствия ни В. А. Глинка, ни В. Л. Лукашевич в позднейшие декабристские общества не вступили. Судьбы их, впрочем, ждали разные. Глинка, отличившись на глазах у Николая I во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. [40], стал генералом Свиты. В историю он вошел, прежде всего, как главный начальник горных заводов хребта Уральского, руководивший важнейшим промышленным регионом России с 1837 по 1856 гг. [41] Последние годы жизни провел сенатором в Петербурге – в почете и честной бедности. Лукашевич из казематов Петропавловки был выпущен под полицейский надзор в собственное имение Борисполь под Киевом. Там он и прожил еще 40 лет, отмерянных ему судьбой. Жизнь вел «приличную благородному его званию», но когда в 1827 г. в Нежинской гимназии возникло известное «дело о вольнодумстве», о Лукашевиче тотчас вспомнили [42]. Выяснилось, что замешанные в «деле» профессора К. В. Шаполинский и И. Я. Ландражен в недавнем прошлом вместе с Лукашевичем состояли в ложе «Соединенных славян», да и после навевались в его имение [43]. И вновь, как и в 1826 г., дело ограничилось подозрениями.

Очевидно, что осторожный М. Н. Новиков не преуспел в создании управы Союза благоденствия в Полтаве. Однако, оценивая скромные силы этой управы, еще раз отметим новиковскую тщательность в подборе кандидатур. Владимир Глинка представлял армию и был связан с местным дворянством. Лукашевич был дворянским маршалом и имел связи с польскими тайными обществами. Сам Новиков представлял окружение генерал-губернатора Малороссии. Из тех же трех групп – губернского чиновничества, поместного дворянства (предпочтительно

занимавшего выборные должности) и офицерства – была составлена и полтавская масонская ложа [44]. Какие бы политические цели не преследовал Новиков – от расширения декабристского союза до поддержки либеральных начинаний князя Репнина [45] – действовать ему предстояло через формирование общественного (т. е. дворянского) мнения. Владимир Глинка был принят в тайное общество первым как брат Федора Глинки, но вслед за ним должны были последовать и иные офицеры. Лукашевич оказался первым из малороссийских дворян, вероятно, из-за своей активности, но не случайно в 1826 г. вместе с ним подверглись аресту С. М. Кочубей, В. В. Тарновский и братья Д. Л. и С. Д. Алексеевы. Анализ причин, не позволивших М. Н. Новикову воплотить свой замысел в полном объеме, достоин отдельной статьи.

Источники и литература:

1. **Антонович М.** Князь Репнин, генерал-губернатор Саксонии. – Берлин, 1936.

2. Впрочем, Пестель мог приписать факт своего принятия в тайное общество Новикову, поскольку ко времени следствия того уже не было в живых. Еще Ольга Форш в романе «Первенцы свободы» писала, что Пестеля, возможно, принял Никита Муравьев. В настоящее время такое предположение поддерживает историк О. И. Киянская (***Киянская О. И.*** Пестель. – М., 2005. – С. 58).

3. Восстание декабристов: Материалы (далее – ВД). – Т. III. – М.-Л., 1927. – С. 25–26.

4. **Киянская О. И.** Очерки из истории общественного движения в России в правление Александра I. – СПб., 2008. – С. 281.

5. **Серков А. И.** Русское масонство. 1731–2000 гг.: Энциклопедический словарь. – М., 2001. – С. 594, 1046, 1066, 1110.

6. Масонское летоисчисление (хронология Истинного Света или «масонская эра») начиналось за 3999 лет и 10 месяцев до Рождества Христова.

7. Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (г. Москва; далее – ОПИ ГИМ). – Ф. 398. – Д. 34. – Л. 3.

8. **Платонов О. А.** Терновый венец России: Тайная история масонства 1731–1996. – М., 1996. – С. 89.

9. **Ульянов Н. И.** Украинский сепаратизм. – М., 2004. – С. 255.

10. **Бакунина Т. А.** Русские вольные каменщики. – Париж, 1934. – С. 19–20; **Она же.** Знаменитые русские масоны: Вольные каменщики. – М., 1991. – С. 104; **Мельгунов С.** Дела и люди Александровского времени. – Берлин, 1923. – Т. 1. – С. 264; **Семевский В. И.** Декабристы-масоны // Минувшие годы. – 1908. – С. 411.

11. **Брачев В. С.** Масоны и власть в России. – М., 2005. – С. 286; **Серков А. И.** История русского масонства XIX века. – СПб., 2000. – С. 180–182.

12. ВД. – Т. IX. – М., 1950. – С. 199.

13. Там же. – Т. XX. – М., 2001. – С. 101.
14. **Федоров Б., Деверилина Н., Королева Т.** Смоленские Глинки: 350 лет на службе России: 1654–2004. – М., 2004. – С. 138–139.
15. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 314. – Оп. 1. – Д. 4191. – Л. 115–116.
16. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 44. – Оп. 1. – Д. 454. – Л. 16.
17. РГИА. – Ф. 44. – Оп. 2. – Д. 145. – Л. 12.
18. **Лашкевич А.** Род Вишневских // Киевская старина. – 1887. – Т. XVIII. – С. 73–91.
19. С конца мая по сентябрь 1818 г. М. Н. Новиков находился в служебной командировке.
20. ОПИ ГИМ. – Ф. 398. – Д. 34. – Л. 6 об.–7.
21. ВД. – Т. XX. – С. 463–467.
22. **Павловский И. Ф.** Массонская ложа в Полтаве // Труды Полтавской ученой архивной комиссии. – Полтава, 1909. – Вып. 6. – Ч. 1. – С. 1; **Раедин Б. Н., Рогинский А. Б.** Записка декабриста М. Н. Новикова «О земледелии и мануфактурах в России» (1816 г.) // Освободительное движение в России. – Саратов, 1975. – С. 125.
23. **Єфремов С.** Від легенди до історичної правди (Місцеве підґрунтя в декабристському рухові) // «Українські декабристи чи декабристи на Україні?»: Рух декабристів очима істориків 1920-х років. – К., 2011. – С. 26; **Павловский И. Ф.** Из прошлого Полтавщины: К истории декабристов. – Полтава, 1918. – С. 14–15.
24. ВД. – Т. XIX. – М., 2001. – С. 393.
25. ОПИ ГИМ. – Ф. 398. – Д. 34. – Л. 5 об.
26. **Серков А. И.** История русского масонства XIX века. – СПб., 2000. – С. 199.
27. Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу, произведенному Высочайше учрежденною 17-го декабря 1825-го года Следственной комиссией // Декабристы: Биографический справочник. – М., 1988. – С. 279; ВД. – Т. XIX. – С. 389, 402–403, 415–417.
28. **Караш Н. Ф., Тихантовская А. З.** Декабрист Сергей Григорьевич Волконский и его «Записки» // **Волконский С. Г.** Записки. – Иркутск, 1991. – С. 30–31; **Семевский В. И.** Политические и общественные идеи декабристов. – СПб., 1909. – С. 299–301.
29. ВД. – Т. XIX. – С. 379, 380, 388–389, 399, 409.
30. **Киянская О. И.** Очерки... – С. 285; Полтавщина: Энциклопедичний довідник. – К., 1992. – С. 228–229; **Серков А. И.** История... – С. 181.
31. **Новиков И. А.** Система управления горнозаводской промышленностью Урала в XVIII – первой половине XIX вв. – Челябинск, 2004. – С. 179; **Яровой Ю. Е.** Странный генерал Глинка // Рифей. – Челябинск, 1976. – С. 186.
32. **Земцов В. Н., Ляпин В. А.** Екатеринбург в мундире: Форменная одежда в истории Екатеринбурга XVIII – начала XX в. – Екатеринбург, 1992. – С. 115.

33. **Боровков А. Д.** Из воспоминаний правителя дел Следственной комиссии // Декабристы в воспоминаниях современников. – М., 1988. – С. 298.
34. ВД. – Т. IX. – С. 192, 199.
35. **Єфремов С.** Біля початків українства: Генезис ідей Кирило-Методієвського Брацтва // «Українські декабристи чи декабристи на Україні?» – К., 2011. – С. 36; **Багалій Д.** Уваги до генези декабриського руху на Україні // Там же. – С. 51; **Яворський М.** Основи декабризма на Україні // Там же. – С. 66.
36. Велика Історія України. Видав І. Тиктор. – Львів, Вінніпег, 1948. – С. 654.
37. **Верига В.** Нариси з історії України (кінець XVIII – початок XX ст.). – Львів, 1996. – С. 85–86.
38. **Рубаков І.** 1825-й рік на Україні // «Українські декабристи чи декабристи на Україні?» – К., 2011. – С. 94.
39. **Казьмирчук Г. Д., Латиш Ю. В.** Рух декабристів: дискусійні питання та спроба їх розв'язання (до 180-річчя повстання) // Український історичний журнал. – 2005. – № 6. – С. 52; **Конта Р. М.** Державотворчі ідеї білядекабристських організацій в Україні у першій чверті XIX століття // Вісник Київського національного університету. Історія. – Вип. 68–70. – К., 2003. – С. 27; **Латиш Ю. В.** Концепція «українського декабризма» // 14 грудня 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. – Вып. VIII. – СПб., 2010. – С. 539; **Лисенко М.** До питання про Малоросійське товариство // Український історичний журнал. – 1967. – № 4. – С. 74.
40. **Потоцкий П.** Столетие российской конной артиллерии (1794–1894 г.). – СПб., 1894. – С. 165–166.
41. **Шкерин В. А.** Генерал Глинка: Личность и эпоха. – Изд. 3-е. – Екатеринбург, 2008.
42. **Машинский С.** Гоголь и «Дело о вольнодумстве» // Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М. 1952. – С. 524.
43. **Нагірний В.** Ложа Об'єднаних слов'ян і декабристи // Декабристи в Україні: дослідження й матеріали. – К., 2003. – Т. 3. – С. 109.
44. **Равдин Б. Н., Рогинский А. Б.** Указ. соч. – С. 126.
45. На наш взгляд на том этапе между этими целями не было непреодолимого противоречия. См.: **Конопка Н., Шкерин В.** Три версії історії масонської ложі «Любов до Істини на схід Полтави» // Наукові записки Національного університету «Острозька академія»: Історичні науки. – Острог, 2011. – Вип. 17. – С. 318–336.

Susanna Rabow-Edling
(Uppsala)

Сусанна Ребоу-Едлінг
(Уппсала)

**FROM SUBJECTS TO CITIZENS: REPUBLICANISM,
NATIONALISM AND LITERARY DECEMBERISM**

**ВІД ПІДДАНИХ ДО ГРОМАДЯН: РЕСПУБЛІКАНСТВО,
НАЦІОНАЛІЗМ ТА ЛІТЕРАТУРНИЙ ДЕКАБРИЗМ**

In the Age of Democratic Revolutions, the struggle for constitutionalism, popular sovereignty and representation was pursued in different countries and on different arenas, yet it was inspired by the same ideas. These ideas are typically associated with the civic concept of the nation, but are also seen as republican ideas. Students of nationalism commonly identify modern republican thought as a basic component of the liberal idea of the nation that emerged in the West [1]. This notion, they claim, was first expressed in the American and French revolutions, where republican ideas of liberty and the common good were upheld. The idea of the nation articulated at this time implied rejection of absolute monarchy and noble privileges. Sovereignty was now located in the nation as a whole, and the nation was portrayed as a community of rights-bearing individuals who were equal before the law [2]. As citizens of the nation, these individuals were committed to the common good. They upheld the notion of civic virtue and loyalty to their country.

However, the link scholars have established between republicanism and nationalism has not been applied everywhere. The general view among students of nationalism is that the idea of the nation that appeared in Eastern Europe was a cultural idea that grew out of romantic thought [3]. Thus, while the idea of the nation has been linked to republican thought in the West, this connection has not been made in Russia. The purpose of this study is to show that the idea of the nation that emerged in Russia was in fact inspired by republican thought. Hence, the emergence of nationalism in the East and the West was not altogether different from one another.

The study of republicanism has largely been restricted to pre-nineteenth century thought in the West and the Anglo-American world has dominated scholarship. Recently, efforts have been made to broaden

the scope of the study of republicanism to incorporate other countries [4]. But there is still a lack of studies of Russian Republicanism. Republican thought was widespread in Eastern Europe already in the eighteenth century, but Russian intellectuals were not able to discuss it openly after the French Revolution. Catherine II imposed strict censorship on books imported from France. She banned the word “republic” from stage plays. She even prohibited a republican fashion of dress. Her son Paul believed that any discussion of the French Revolution was dangerous to the autocracy. He banned the import of foreign books and purged such words as “citizen” and “fatherland” from the Russian language. It was not until the reign of Alexander I 1801–1825 that some discussion of the French Revolution was permitted [5]. It was in this period that the so-called Decembrists formulated a comprehensive social program, where the civic idea of the nation played a prominent part.

Recent research has pointed out that the constitutional proposals of the Decembrist societies were statements of civic nationalism [6]. The program of the Southern Society, written by Pavel Pestel, was particularly republican in character [7]. However, the Decembrists did not only use constitutions and programs to convey their political message, they also employed literature and especially poetry. Poetry was in fact an integral part of the Decembrist movement. The Decembrist writers used literature to form political consciousness around central concerns, such as the abolishment of serfdom, the need for freedom, constitutionalism and popular sovereignty and to inform Russians of their obligations as patriots and citizen. Thus, to reach a fuller understanding of the link between republicanism and nationalism in Decembrist thought, this article examines Decembrist poetry.

There is no precise definition of this form of literature. It can be described as a loose body of political poetry, written roughly between 1816 and 1825 and stemming from the aspirations of the Decembrist movement. Most of the writers were members of the secret societies which conspired to introduce constitutional reforms in Russia. Others were friends or sympathizers. The topics they brought forth, the rhetoric they used and the ideas they expressed could be linked to the outlook of the future Decembrist conspirators [8]. What distinguishes Decembrist poetry from other poetry written during the period 1816–1825 is dedication to civic themes and political change. It is important to distinguish between Decembrist poets and Decembrist poems. Alexander Pushkin is a case in point. He cannot be characterized as a Decembrist poet, but he wrote poems such as “Ode to Freedom” and “The Dagger” that can be classified as Decembrist poems [9]. The same may be said of certain poems by Peter Viazemskii. Vladimir Raevskii, Fedor Glinka,

Aleksandr Bestuzhev (Bestuzhev-Marlinskii), Pavel Katenin, Aleksandr Odoevskii, and especially Kondratii Ryleev and Vil'gel'm Kiukhel'beker were the major Decembrist poets [10].

Political theorists have mainly been interested in the political writings of the Decembrists rather than the literary expression [11]. Because the didactic ambition of these writers often eclipsed their literary contribution, students of literature have not given them much attention either and when they have, they have not been interested in the political notions of Decembrist literature [12]. Soviet scholars, on the other hand, were particularly interested in the political contribution of Decembrist literature [13]. They saw this literature as an expression of the revolutionary tendency among Russia's gentry intellectuals and stressed its link to the subsequent revolutionary movement in Russia. In their view, the value of this literature lied in its political contribution as a progressive force and an inspiration to further revolutionary activity. The works of the Decembrist writers, Soviet scholars argued, were founded on "revolutionary romanticism", a specific current of Russian Romanticism [14].

Western scholars have also seen Decembrist literature as a particular current of Russian Romanticism, although neither a revolutionary, nor a distinctively Russian one. The general view is that it represented a civic form of Russian romanticism, which was similar to the civic-minded romanticism of European writers as Shelley, Hugo, Byron and Schiller [15]. Scholars have presented the expressions of patriotism in Decembrist writings as the result of a new interest in history and nationalism, associated with the Romantic Movement, and argued that the Decembrists had moved beyond the Age of Reason to romantic nationalism [16].

This study accepts the view of Decembrist literature as romantic in the sense of literary form, language, and style. But it argues that its politics was inspired by Enlightenment thinkers and republican thought [17]. Too much emphasis on romantic notions of Decembrist poetry has led to a failure to appreciate the importance of republican thought and especially its relevance for their conception of the nation. Hence, scholars have associated Decembrist patriotism and its concern with liberty, constitutionalism, political activism, and classical heroes with romantic cultural nationalism rather than with republican civic nationalism.

This study suggests that Republicanism did not lose its political significance with the American and the French Revolutions [18]. Instead it remained an ideal to be fought for against traditional monarchies across the world [19]. America, in particular, was seen as a model. It provided a

living example of what was possible and created a sense that a new era was beginning [20].

Many Decembrists saw the American Constitution as the best model for Russia and America as a kind of “motherland of freedom” [21]. Both Pavel Pestel and Kondratii Ryleev, prominent leaders of the Decembrists, admired the American Revolution and the republic that emerged in its wake. When he was interrogated about possible influences on his political views and actions, Pestel stated that “newspapers and books were so full of praise of the increased happiness of the United States of America, ascribing this to their political system that I took it as clear proof of the superiority of the republican system of government” [22].

Obviously, republicanism held great potential for change in conservative post-revolutionary Europe. Participants in the revolutions that took place in Spain, Greece, Italy, Poland and in Russia used similar republican rhetoric to argue their case for liberal reforms and national independence [23].

Decembrist poetry should be placed in this context. Below I will analyse the republican concept of the nation in Decembrist literature, focusing on main notions of Republican thought such as *liberty*, in the sense of freedom from arbitrary power, and *virtue*, in the sense of heroic patriotism and public spirit. I will also look at the influence of classical literature and ancient heroes on Decembrist poetry and how classical republican themes were transferred to the Russian soil.

Tyranny as arbitrary power

Rejection of unlimited monarchy constituted an important element of the republican idea of the nation. To Republicans the essence of being a citizen was to be free as opposed to being a slave [24]. A free state was a state in which the citizens were moved to act solely by their own will, that is, by the citizen body as a whole. The highest good was the good of the community and a republican government was a government concerned with the public affairs of the nation. To avoid tyranny there had to be checks on power and a constitution served this purpose. Thus, in a real republic, there should be “no other Majesty than that of the People” and “no other Sovereignty than that of the Laws” [25].

Rejection of unlimited monarchy was an important concept in the programs of both Decembrist societies and it was reflected in literature. One of the recurrent themes was that to be a citizen, even to be human, you have to live in freedom. Fyodor Glinka’s nightingale in a cage can be seen as a slave under tyranny. The nightingale, Glinka tells us, sang beautifully in liberty, but stayed silent when locked in its cage. “Thus, holy

nature, your law and the voice of the heart tell us that freedom is second life for us!" [26] In a play allegedly about the liberation of Holland from the Habsburg monarchy, Glinka paints a gloomy picture of a people suffering under the yoke of a tyranny: "Everywhere the people are in torment!... upon the shoulders of slaves bent beneath the yoke, he has erected his iron and blood-drenched throne, and watered our soil with rivers of evil – the tyrant!" [27] Here, the power of the tyrant is unlimited. As a consequence, he abuses his power and treats the people as slaves.

The Decembrists believed that all kings were tyrants: "Only give them power! It is for this reason that... people *need* a constitution, a limiting of the prerogatives of individuals who rule" [28]. In his ode "Indignation" Prince Peter Viazemskii stressed the importance of establishing a rule of law in order to avoid tyranny. "Laws are trampled by the violence of caprice... the sanctuary of justice... [I have seen become] the triumph of perfidy, the laws, the sacred weapons of righteousness [I have seen become] a shield for the powerful and a yoke for the weak" [29]. The connection made in republican thought between laws and liberty is evident in the first scene of Glinka's "Veizen." Here, one of the characters, Inslar, exclaims: "Liberty or death! A country deprived of laws and liberty is a mournful tomb: in it, the people are captives" [30].

In one of his Decembrist poems, "Ode to Liberty," Alexander Pushkin made the connection between liberty and law:

Where sacred liberty is married
With mighty law and firmly yoked;
Where its stout roof enshelters all,
And where, by watchful burghers wielded,
Law's sword impends, and none are shielded
From its inexorable fall.

Nobody was shielded from the law, no matter how powerful. Hence, no one could stand above the law. The same offence should be punished in the same way, regardless of the status of the perpetrator, because everyone was equal before the law. Even kings were subject to the law. Their power was neither natural nor God-given. It was not theirs to use according to their will. They had to rule according to the law, because only the law gave their power legitimacy:

Oh, kings, you owe your crown and writ
To Law, not nature's dispensation;
While you stand high above the nation,
The changeless Law stands higher yet [31].

Patriotism

Patriotism, or love of country, is one of the key elements of the civic idea of the nation. It was prominent both in the American and French revolutions and in European constitutionalism [32]. It was also a prominent feature of Decembrist literature. Already in the beginning of the nineteenth century, members of the Russian “Free Society of Lovers of Literature, the Sciences and the Arts” composed political verse in the spirit of republicanism, especially I. P. Pnin and A. Kh. Vostokov. But the Decembrist Kondratii Ryleev is the most famous representative of civic poetry in Russia. According to one of his friends, Ryleev wanted to awaken within his compatriots feelings of love for their country and to ignite the desire for freedom [33]. Ryleev admired the poet Derzhavin for his civic conscience. “He placed higher than all blessings the common good and in his fiery verses praised sacred virtue” [34].

Love for one’s country, the poet P. A. Pletnev wrote, is “the prime virtue of a citizen” [35]. But love for one’s country also implied love for its people. It was in the name of the people that freedom for one’s country was served. We have already seen how Glinka attended to the plight of the people and presented it as a common problem that concerned every patriot. Ryleev criticised the Russian regime for encroaching on the freedom of the people and for “pushing [them] into poverty with heavy taxes” [36]. In his poem “Volynskii,” the main character realises how glorious it is to die for the people [37].

The confession of Nalivaiko conveys similar feelings of selfless patriotism:

I am well aware that ruin awaits
Him who rises first
Against the people’s oppressors – [38]

In classical republican thought patriotism signified love for the republic and common liberty [39]. It referred to the common freedom of all citizens of the city state. This freedom was preserved only through the public spirit of the citizens. Hence, patriotism defended liberty against tyranny and corruption. Those who cultivated their private and group interests were not patriots. “Twere an abuse of words to call him a patriot who held not sacred as the life of his parents, these rights of his country without which it cannot be free” [40]. The highest duty was to serve one’s country and the greatest hero was the citizen who was willing to sacrifice everything to the common good and the liberty of the republic [41].

In Glinka’s words, “who would not prefer a glorious death to the fate of slaves?” [42] This theme is found in Vilgelm Kiukhelbeker’s

tragedy *The Argives*, where the hero sacrifices himself for the restoration of freedom to his enslaved fatherland [43]. The link between patriotism and liberty is also reflected in Alexander Pushkin's poem "To Chaadaev." Here, Pushkin banishes love and private fame in favour of public spirit and patriotic honour. Under the yoke of despotism, only one desire remains – to fight for liberty:

Yet 'neath the fateful yoke that bows us
One burning wish will not abate:
With mutinous soul we still await
Our Fatherland to call and rouse us,
In transports of impatient anguish
For sacred Liberty we thrill,

Pushkin exhorts all virtuous patriots, who yearn for freedom, to act and liberate their Fatherland. This will make them true heroes in the service of the nation against despotism.

While yet with Freedom's spark we burn
And Honour's generous devotion,
On our dear country let us turn
Our fervent spirit's fine emotion!
Believe, my friend: Russia will rise,...
On Tyranny's stark wreck the nation
Will our names immortalize! [44]

It was considered shameful to disregard such exhortations to do one's patriotic duty. In the poem "The Citizen" Ryleev warned those that "cast a cold glance upon the woes of their own native land" that they would be shamed. As a patriot one could not "at the fateful hour bring shame upon the citizen's dignity."

No, I am not capable in the embraces of voluptuousness
Of dragging out my young years in shameful idleness,
Or of languishing with turbulent soul
Beneath despotism's heavy yoke [45].

To Ryleev, political activity was vital. Poetry that did not encourage involvement in the pursuit of the common good was meaningless. It was the duty of patriots to fight against tyranny in the name of liberty.

Liberty's war against tyranny

The Decembrists had adopted the view, articulated by American and French patriots, that the revolution and the idea of the nation would spread around the world. Odoevskii's "The Maiden of 1610" illustrates this point. Here, the "Maiden," who is Liberty, tells the Russian listeners: "From my lands, both free and happy. I have flown to you, to your call".

The free nations of the West, who had liberated themselves from their kings, were contrasted to Russian autocracy. In the Western world, Liberty says:

Where I breathe, where I reign alone,
And where long since the bloody purple
Has been torn from the gods of injustice,
Where there is no slavery, but brothers, and citizens
Adore my godhead,
And the thousands, like the waves in the ocean,
Are mingled together into a single family [46]

Learning about the liberal revolts all over Europe the Decembrists became convinced that time was ripe for change in Russia. There was nothing the tsar could do because, as the poet Vladimir Raevskii put it, "the universal law of change will bring about the tyrants downfall" and then "[t]he gates of freedom and repose shall be thrown open" [47]. The days of autocrats were numbered.

The ages are marching toward a glorious goal;
I see them! They are moving!
The codes of authority have grown old;
People heretofore asleep have awakened,
Are looking around and rising up.
O joy! The hour has come, the happy hour of Freedom! [48]

A principal topic of the civic poetry of the time was that of the momentous hour. The Decembrist writers were confident that the hour of change had struck, a happy hour for Liberty, but not so for tyrannical rulers. "Tyrants of the world! Tremble!" Pushkin warned, "And you fallen slaves, be men and hearken, rise up!" [49] "Near is the hour, near is the struggle, the struggle between liberty and despotism!" [50] When the "fateful hour" struck, tyrants could expect nothing less than "dreadful dungeons" [51]. Then the enslaved peoples would have their revenge and become free citizens.

Terrible is the despotic prince

But night's darkness will fall
And the decisive hour will come
A fateful hour for the citizenry [52].

Every citizen had a duty not to shrink from active participation in this struggle, but educated people had a special obligation to act as leaders of the revolt.

They will repent when the people, having arisen,
Finds them in idle languor's embrace,
And, seeking liberty's rights in the stormy revolt,
Finds among them neither a Brutus nor a Riego [53].

In Kiukhelbeker's "Prophecy", a poem using biblical themes, God accuses the main character of "dragging out his days in mortal slumber." He asks if it was "for this that I gave you the fire and the power to awaken peoples? – Rise up, singer, prophet of Freedom! Spring up, proclaim what I have decreed" [54].

The struggle between liberty and tyranny also found expression in *The Argives*. Its political implication is that autocratic tyrants were to be disposed of by violent means, if necessary [55]. The same message is conveyed in "Experiments in Two Tragic Scenes," where Glinka tells a story about one of the loyal sons of a fatherland subjected to a tyrant, who exhorts his fellow-citizens to take up arms against arbitrary power [56]. This theme reappears in *Velzen*. We hear of "[c]rowds of slaves, shedding tears and blood," But, the revolt is inevitable. "[A]lready is heard a murmur!... They are cursing the tyrant [*tsar*]" [57]. No mercy is given: "There is no salvation for the tyrant: His only friend is the dagger!" [58] Through Nalivaiko, Ryleev also encourages the nation to rise against tyranny:

There is no reconciliation, there are no conditions
Between the tyrant and the slave;
It is not ink which is needed, but blood,
We must act with the sword [59].

Pushkin presents a similar view in "The Dagger." He uses references to both classical and contemporary tyrannicides in order to illustrate the inevitable fate of the tyrant. Caesar had become a tyrant when he violated his senatorial mandate and crossed Rubicon. Hence, Brutus had to kill him for the sake of liberty:

Forbidden, Rubicon has suffered Caesar's tread,

Majestic Rome succumbed, the law inclined its head;
But Brutus righted Freedom's damage:
You struck down Caesar – and he staggered, dead,

Pushkin also makes a hero out of Karl Ludwig Sand, who killed the reactionary German playwright and tsarist agent August Friedrich von Kotzebue in 1819. His murder resulted in Metternich's repressive Karlsbad Decrees and in Sand's execution. The dagger is presented as the "avenging knife" and the "secret sentinel of Freedom's threatened life" and Sand is the patriotic hero, who sacrifices himself for liberty.

Oh, righteous youth, the Fates' appointed choice,
Oh, Sand you perished on the scaffold;
But from your martyred dust the voice
Of holy virtue speaks unmuffled [60].

This revolutionary rhetoric is not an expression of a specific Russian revolutionary trait. Rather, it is an expression of what Eric Hobsbawm refers to as the revolutionary-democratic, or the democratic-republican foundation of the civic idea of the nation. The Decembrists talked about the nation in the sense of the sovereign citizen-people. This notion held radical implications both in the American and the French revolutionary rhetoric. Even Thomas Jefferson, believed that "the tree of liberty must be refreshed from time to time with the blood of patriots and tyrants" [61].

Republicanism and history

Scholars have seen the Decembrists' interest in history as an expression of cultural nationalism, but they were not concerned with distinctively Russian cultural traits. Rather they wished to point at the republican tradition in Russian history. Like American and French patriots, the Decembrists were greatly inspired by ancient thinkers. They studied Greek and Roman history and read all the classics. Decembrist poetry and prose was full of classical references [62]. Kiukhelbeker's historical tragedy *The Argives*, mentioned above, is an adaptation of Plutarch's account of the conflict between the Corinthian tyrant Timophanes and his republican brother Timoleon. The play expresses civic virtue and devotion to liberty and fatherland. Another tragedy, *Andromache*, written by the Decembrist officer Pavel A. Katenin, based on Virgil's *Aeneid* and Euripides' *Trojan Women*, has a similar message [63]. Decembrists writers also translated works that articulated classical republican themes such as patriotism and hostility to tyranny. Glinka made a free translation of some of the passages in Lucan's poem

Pharsalia, which contains severe criticism of the “tyrant” Julius Caesar. Katenin translated a scene from Pierre Corneille’s neo-classical work *Cinna* in which the murder of the “tyrant” Augustus is justified [64].

Historical justification is vital to those who try to make changes to a traditional order. Republicans who could not lay claim to the classical inheritance of Antiquity looked elsewhere in history. The American Revolutionaries used British history to justify their claims to liberty [65]. The Decembrists used Russian history, or more specifically, the medieval Russian city republics to demonstrate that a kind of “democracy” had existed in Russia before autocracy. In medieval Russia, they argued, the republican spirit reigned and the people were free [66]. It was time to bring to life again “the sacred times when our Veche thundered and from afar broke the shoulders of arrogant kings” [67]. The existence of an ancient Russian liberty not only made it possible for the Decembrists to criticize the contemporary lack of freedom in Russia, while describing historical events. It also established an important historical link between the modern ideas they propagated and the fundamental notions of the ancient Russian city republics, which justified their claims. They were in fact restoring liberty and, what is important; the whole nation was to benefit from these liberties and not just the nobility [68]. In this they did not differ from the patriots of the American Revolution who argued that they strove to restore ancient English liberties [69].

Glinka wrote about the need to bring ancient Russian liberty back to life: “We’ll die or recover the golden rights/ That our forefathers bought us with their blood!” [70] The same theme is found in Ryleev’s *Meditations*. Vadim, a medieval hero and a patriot, sacrifices himself for the people of Novgorod, defending them against the arbitrary rule of the prince. In the final section, Vadim expresses his desire to contribute to the restoration of his people’s freedom:

Oh! If I could restore
To the enslaved people
The pledge of general bliss
The former freedom of our ancestors [71].

Odoevsky raised the topic of the historical struggle between the old republics of Novgorod and Pskov and autocratic Muscovy in “The Unknown Exile.” Here, the patriots from Novgorod on their way to exile are accompanied by an “unknown woman,” who turns out to be the Goddess of Liberty. There is no home for her in Russia anymore, hence she departs and ascends to heaven, exiled like her fellow travellers [72].

Conclusion

In this chapter we have seen that the Republican concept of the nation that is evident in the political writings of the Decembrists is also apparent in their literary expressions. These findings support scholars who point to the continued relevance of republican thought in the nineteenth century and to the significance of these ideas outside the Anglo-American, and indeed the Western world. By calling attention to the connection between nationalism and republicanism in Russian thought, the article challenges the prevailing dichotomy between a political, republican nationalism in the West and a, cultural, romantic nationalism in the East. Following the Napoleonic wars similar ideological processes were at work both in the East and in the West which makes it germane to study Russian thought as part of European thought instead of apart from it.

Notes

1. See **H. Kohn**, *The Idea of Nationalism* (New York, 1945); **E. Hobsbawm**, *Nations and nationalism since 1780* (Cambridge, 1992); **L. Greenfeld**, *Nationalism. Five Roads to Modernity* (Cambridge, Ma., 1993); **R. Brubaker**, *Citizenship and Nationhood in France and Germany* (Cambridge, Ma, 1992); **M. Viroli**, *For Love of Country. An Essay on Patriotism and Nationalism* (Oxford, 1995).

2. **Kohn**, *Idea of Nationalism*, chapter 5 and 6; **Brubaker**, *Citizenship and Nationhood*, pp. 12, 6; **M. Ignatieff**, *Blood and Belonging: Journeys into the New Nationalism* (London-New York, 1994), p. 6; **Hobsbawm**, *Nations and nationalism*, p. 87; **A. Kemiläinen**, *Nationalism. Problems Concerning the Word, the Concept and Classification* (Jyväskylä, 1964), pp. 55–56, 30, 16.

3. **Kohn**, *Idea of Nationalism*; **J. Plamenatz**, “Two Types of Nationalism” in E. Kamenka (ed), *Nationalism*, (Canberra, 1973); **P. Sugar (ed.)**, *Eastern European Nationalism in the Twentieth Century* (Washington, DC, 1995); **Hobsbawm**, *Nations and nationalism*; Greenfeld, *Nationalism*.

4. **J. G. A. Pocock**, *The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition* (Princeton, 1975); **M. van Gelderen and Q. Skinner (eds)**, *Republicanism: a shared European heritage* (Cambridge, 2002); **J. Heideking and J. A. Henretta (eds)**, *Republicanism and Liberalism in America and the German States 1750-1850* (Cambridge, 2002); **A. Walicki**, *The Enlightenment and the Birth of Modern Nationhood* (Notre Dame, 1989).

5. **D. Dakin**, “The Historical Background” in P. G. Trueblood, (ed.), *Byron’s Political and Cultural Influence in Nineteenth-Century Europe. A Symposium* (London-Basingstoke, 1981), pp. 13–14; **D. Shlapentokh**, *The French Revolution in Russian Intellectual and Political Life, 1789–1922* (Chicago, 1988), vol. I, pp. 17–20.

6. See **S. Rabow-Edling**, “The Decembrists and the Concept of a Civic Nation”, *Nationalities Papers*, Vol. 35, No. 2, (2007), pp. 369–391.

7. **P. O'Meara**, *The Decembrist Pavel Pestel. Russia's First Republican*, (Basingstoke-New York, 2003). See also **O. I. Kianskaia**, *Pavel Pestel: ofitser, razvedchik, zagovorshchik* (Moscow, 2002).

8. The only general study of the Decembrists in English is **A. G. Mazour**, *The First Russian Revolution, 1825. The Decembrist Movement. Its Origins, Development, and Significance*, (Stanford, 1961). See also **M. Raeff**, *The Decembrist Movement*, (Englewood Cliffs, NJ, 1966); **O'Meara**, *Ryleev and The Decembrist Pavel Pestel. Russia's First Republican*, (Basingstoke-New York, 2003); **G. Barratt**, *The Rebel on the Bridge. A Life of Baron Andrey Rozen 1800–84* (London, 1975); idem, *Voices in exile: the Decembrist memoirs* (Montreal-London, 1974). For primary sources in Russian see **A. A. Pokrovskii et al. (eds)**, *Vostanie dekabristov. Materialy i dokumenty* (Moscow, 1925–2001), 19 vols; **I. Ya. Shchipanova and S. Ya. Shtraikh (eds)**, *Izbrannye sotsial'no-politicheskie i filosofskie proizvedeniia dekabristov* (Moscow, 1951), 3 vols; For secondary sources, see **M. V. Nechkina**, *Dvizhenie dekabristov*, 2 vols. (Moscow, 1955); **B. E. Syroechkovskii**, *Iz istorii dvizheniia dekabristov* (Moscow, 1969); **N. M. Druzhinin**, *Izbrannye trudy. Revoliutsionnoe dvizhenie v Rossii v XIX v* (Moscow, 1985); **S. V. Mironenko**, *Dekabristy. Biograficheskii spravochnik* (Moscow, 1988); **S. A. Ekshtut**, *V poiske istoricheskoi alternativy. Aleksandr I. Ego spodvizhniki. Dekabristy* (Moscow, 1994); **V. M. Bokova (ed)**, *170 let spustia. Dekabristskie chteniia 1995 goda* (Moscow, 1999); **N. Eidelman**, *Udivitelnoe pokolenie. Dekabristy: litsa i sudby* (St Petersburg, 2001); *Dekabristy: aktualnye problemy i novye podchody*, ed. by O. I. Kianskaia, M. P. Odesskii, D. M. Feldman, (Moskva, 2008).

9. These poems circulated widely in manuscript form among the Decembrists and many of them referred to Pushkin as a source of inspiration after the rising. (**T. C. Prousis**, *Russian Society and the Greek Revolution* (Dekalb, 1994), pp. 136–138.)

10. **Walter Vickery**, "Decembrist Poetry" in *The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet Literatures*, ed. by Harry B. Weber, vol. 5, (Gulf Breeze, FL., 1981), pp. 99–106.

11. See **Mazour**, *The First Russian Revolution and Raeff, The Decembrist Movement*.

12. O'Meara's biography on Ryleev is an exception in its focus on the poet's political attitudes and aspirations (**O'Meara**, *Ryleev*).

13. **Nechkina**, *Dvizhenie dekabristov* and **A. S. Griboedev i dekabristy** (Moscow, 1951); **V. G. Bazanov**, *Ocherki dekabristskoi literatury. Poeziia* (Moscow, 1961). For pre-revolutionary writings see **A. Herzen**, *Polnoe sobranie sochinenii* (Moscow, 1954–1959), vol. VI, pp. 245–247; vol. VII, p. 200; vol. VIII, p. 117; vol. X, p. 153; vol. XII, p. 55; vol. XIII, pp. 145, 273.

14. Cf *Bolshaia Sovetskaia Entsiklopedia*, 1952, vol. 13, p. 587.

15. **W. E. Brown**, *A History of Russian Literature of the Romantic Period* (Ann Arbor, 1986), vol. 1, pp. 162, 286, 289; vol. 2, pp. 13, 99; vol. 3, pp. 354–356; **Victor Terras**, *A History of Russian Literature*, (New Haven, 1991), pp. 180–182; **S. Karlinsky**, *Russian Drama from Its Beginning to the Age of Pushkin* (Berkeley, 1985), pp. 219–220; **L. G. Leighton**, *Russian Romanticism: Two Essays* (The Hague, 1975), p. 69; **N. B. Landsman in R. Reid, (ed.)**, *Problems*

of Russian Romanticism (Hants, 1986), p. 65; **Prousis**, Russian society, pp. 106–107. See also **L. Bagby**, Alexander Bestuzhev-Marlinsky and Russian Byronism (University Park, 1995); **L.G. Leighton**, The Esoteric Tradition in Russian Romantic Literature. Decembrism and Freemasonry (University Park, 1994); *Istoriia romantizma v russkoi literature*, 2 vols. (Moscow, 1979); **L. G. Frizman**, *Dekabristy i russkaia literatura* (Moscow, 1988).

16. **Hartley**, Alexander I, p. 209; **S. S. Volk**, *Istoricheskie vzgliady dekabristov* (Moscow–Leningrad, 1958), p. 303; **H. Lemberg**, *Die nationale Gedankenwelt der Dekabristen* (Cologne–Graz, 1963). See **Riasanovsky** for a contrary view, *A Parting of Ways*, p. 97.

17. **Raëff**, Decembrist movement, pp. 17–24; **Mazour**, First Russian Revolution, p. 57; **Walicki**, *History of Russian Thought*, p. 71.

18. **Heideking and Henretta (eds)**, *Republicanism and Liberalism*.

19. **Walicki**, *The Enlightenment*, pp. 16–18; **J. Kurunmäki**, *Representation, Nation and Time. The Political Rhetoric of the 1866 Parliamentary Reform in Sweden* (Jyväskylä, 2000, p. 151).

20. **Condorcet**, “The Influence of the American Revolution on Europe,” *William and Mary Quarterly*, 3d ser. vol. 25, no. 1 (1968), pp. 85–108, p. 91; **B. Bailyn**, *To Begin the World Anew. The Genius and Ambiguities of the American Founders* (New York, 2003), pp. 131–149.

21. **N. N. Bolkhovitinov**, “The Declaration of Independence: A View from Russia,” *The Journal of American History*, vol. 85, no. 4 (March 1999), pp. 1392–1393.

22. **Barratt**, *Voices in Exile*, pp. 112, 148.

23. **Alan B. Spitzer**, *Old Hatreds and Young Hopes. The French Carbonari against the Bourbon Restoration* (Cambridge, MA, 1971), pp. 294–295; **Karlinsky**, *Russian Drama*, pp. 218–219.

24. Even though the Decembrists in general wished to abolish serfdom, it is important to note that in republican rhetoric there was no inconsistency in fighting for freedom while large parts of the population consisted of slaves. The characterization of America as “a country of freemen” and Britain as “a kingdom of slaves” was employed even in areas where the majority of the population consisted of slaves. See **E. Foner**, *The Story of American Freedom* (New York, 1999), p. 31.

25. *Republicanism*, van Gelderen and Skinner (eds.), vol. I, pp. 1–6; **T. Paine**, *A Letter to the Earl of Shelburne*, pp. 33, 35.

26. **F. N. Glinka**, “To a Nightingale in a Cage” 1819 in *Stikhotvoreniia* (Leningrad, 1951), pp. 105–106. Translations are made by the author unless stated otherwise.

27. **F. N. Glinka**, “Velzen,” *Izbrannye prozvedeniia* (Leningrad, 1957), p. 58; translated in **W. E. Brown**, *A History of Russian Literature of the Romantic Period* (Ann Arbor, 1986), vol. 1, p. 286.

28. N. I. Lorer, cited in **Barratt**, *Voices in Exile*, p. 165. See also **B. Bailyn**, *Ideological Origins of the American Revolution* (Cambridge, Ma., 1967).

29. **P. A. Viazemskii**, *Stikhotvoreniia*, Leningrad, 1958, p. 137; transl. **Brown**, *Russian Literature*, vol. 2, p. 63.

30. **F. N. Glinka**, *Izbrannye proizvedeniia* (Leningrad, 1957), p. 60.

31. **A. S. Pushkin**, *Polnoe sobranie sochinenii*, (Moscow, 1949), vol. 1, pp. 258–260. Henceforth P.s.s.; translated in *The Complete Works of Alexander Pushkin* (Norfolk, 2001), vol. 1, pp. 268–271.

32. **Viroli**, *For Love of Country*; **M. G. Dietz**, “Patriotism” in T. Ball et al (eds), *Political innovation and conceptual change* (Cambridge, 1989), pp. 177–193.

33. **N. A. Bestuzhev**, “Vospominanie o Ryleeve” in M. K. Azadovskii, (ed), *Vospominaniia Bestukhevykh* (Moscow–Leningrad, 1951), p. 25.

34. **K. F. Ryleev**, *Dumy*, L. G. Frizman ed. (Moscow, 1975), p. 92; translated by **P. O’Meara**, *Ryleev*, p. 182.

35. P. A. Pletnev cited in **Leighton**, *Russian Romanticism*, p. 70.

36. **Ryleev**, *Sochineniia*, p. 90.

37. **Ryleev**, *Dumy*, p. 87; transl **O’Meara**, *Ryleev*, p. 75.

38. **Ryleev**, *sochineniia*, p. 250; transl. **O’Meara**, *Ryleev*, p. 192.

39. **Viroli**, *For Love of Country*, pp. 19, 63.

40. **John Cartwright**, *Give us our rights! Or, A Letter to the present electors of Middlesex and the Metropolis*, (London, n. d. [1782]), p. 9.

41. **Viroli**, *For Love of Country*, pp. 30–38.

42. From Glinka’s *Velzen* translated by Karlinsky, *Russian Drama*, p. 219.

43. **V. K. Kiukhelbeker**, *Izbrannye proizvedeniia v dvukh tomakh* (Moscow–Leningrad, 1967), vol. II, pp. 175–274; 677–729. See **Brown**, *Russian Literature*, vol. 2, pp. 24–29 for a discussion of this drama.

44. **Pushkin**, P.s.s., vol. I, p. 267. Translated in *Pushkin, Complete Works*, vol. 1, p. 272.

45. **Ryleev**, *Sochineniia*, pp. 265–266; transl. **O’Meara**, *Ryleev*, p. 194.

46. **Odoevskii**, *Stikhotvoreniia*, pp. 66; transl. **Brown**, *Russian Literature*, vol. 2, p. 113.

47. **Raevskii**, *Stikhotvoreniia*, pp. 134–135; transl. **Brown**, *Russian Literature*, vol. 2, pp. 104–105.

48. **Kiukhelbeker**, *Izbrannye*, vol. I, p. 144; transl. **Brown**, *Russian Literature*, vol. 2, p. 16.

49. *Pushkin* cited in **Brown**, *Russian literature*, p. 148.

50. **Ryleev**, *Sochineniia*, p. 214; transl. **O’Meara**, *Ryleev*, pp. 188–189.

51. **Ryleev**, *Stikhotvoreniia*, pp. 165, 330.

52. *Ibid.*, p. 330; transl. **O’Meara**, *Ryleev*, p. 178.

53. **Ryleev**, *Sochineniia*, p. 266; transl. **O’Meara**, *Ryleev*, pp. 194–195. Rafael del Riego was a Spanish patriot, who was killed in 1823.

54. **Kiukhelbeker**, *Izbrannye*, vol. I, pp. 158–161; transl. **Brown**, *Russian literature*, vol. 2, p. 17.

55. *Ibid.*, vol. II, pp. 175–274; 677–729. See note 54 and 62.

56. **Glinka**, *Stikhotvoreniia*, pp. 76–79.

57. **Glinka**, *Izbrannye*, p. 58; transl. **Brown**, *Russian literature*, vol. I, p. 286.

58. *Ryleev* cited in **O’Meara**, *Ryleev*, pp. 180.

59. *Ibid.*, p. 191.

60. **Pushkin**, P.s.s., vol. 1, pp. 338–339. Transl. in *Complete Works*, vol. 2, pp. 47–48.

61. Thomas Jefferson to William Smith, Nov. 13, 1787, in **J. Boyd et al., (eds.)**, *The Papers of Thomas Jefferson* (Princeton, N. J., 1950-), vol. 12, p. 356.
62. **S. Ia. Shtraikh, ed.**, *Zapiski, stati i pisma dekabrista I. D. Iakushkina* (Moscow, 1951), p. 20; **Kakhovskii**, *Vosstanie Dekabristov*, I, p. 343.
63. **P. A. Katenin**, *Izbrannye proizvedeniia* (Moscow–Leningrad, 1965), pp. 361–422. See also **Brown**, *Russian Literature*, vol. 1, pp. 43, 53–57; vol. 2, pp. 24–29; **S. Karlinsky**, *Russian Drama*, pp. 220–222.
64. **Brown**, *Russian Literature*, vol. 1, pp. 289, 307.
65. **H. T. Colbourn**, *Lamp of Experience: Whig History and the Intellectual Origins of the American Revolution* (Chapel Hill, 1965).
66. **A. Walicki**, *Russia, Poland and Universal Regeneration. Studies on Russian and Polish Thought of the Romantic Epoch* (Notre Dame, 1991), p. 12.
67. **V. F. Raevskii**, *Polnoe sobranie stikhotvorenii* (Moscow–Leningrad, 1967), pp. 151–155; transl. **Brown**, *Russian Literature*, vol. 2, p. 107.
68. **Walicki**, *History of Russian Thought*, pp. 67, 59.
69. **P. Maier**, *From Resistance to Revolution: colonial radicals and the development of American opposition to Britain, 1765–1776* (New York, 1972); *Bailyn, Ideological Origins*.
70. **F. N. Glinka**, *Stikhotvoreniiia* (Leningrad, 1951), p. 77.
71. **K. F. Ryleev**, *Polnoe sobranie stikhotvorenii* (Leningrad, 1971), p. 330; transl. **O'Meara**, *Ryleev*, pp. 178.
72. **A. I. Odoevskii**, *Polnoe sobranie stikhotvorenii* (Leningrad, 1958), pp. 127–128. See **Brown**, *Russian Literature*, vol. 2, p. 112.

РОЗДІЛ ІІІ

МІСЦЯ ПАМ'ЯТІ ДЕКАБРИСТІВ

*Павел Белоглазов
(Ялуторовск)*

ЯЛУТОРОВСК – ГОРОД ДЕКАБРИСТОВ

«Опальной столицей декабристов» назвала Ялуторовск Юлия Друнина, шагнувшая в 1942 году на фронт с порога Ялуторовского райвоенкомата. И это не только поэтическая метафора. С 1829 по 1856 год у нас находились на поселении девять декабристов. Шестеро из них тесно связаны с Южным обществом декабристов, самым радикальным крылом декабристского движения. «Южане» – полковник В. И. Враницкий, из рода чешских пивоваров, и подполковник артиллерии А. В. Ентальцев, герои Отечественной войны 1812 года, нашли вечное упокоение в ялуторовской земле. Место захоронения первого достоверно не установлено, могила последнего – памятник федерального значения. На поселении в Ялуторовске в разные годы также находились члены Южного общества декабристов: поручик А. И. Черкасов, представитель древнего баронского рода; полковник, командир Полтавского полка В. К. Тизенгаузен, род которого тоже имеет баронские корни; поручик Н. В. Басаргин, оставивший потомкам записки о Сибири. Наиболее известные представители дружной ялуторовской колонии декабристов – лицейский друг Пушкина И. И. Пущин, князь Е. П. Оболенский, И. Д. Якушкин и, конечно же, М. И. Муравьев-Апостол – старший брат командира восставшего Черниговского полка С. И. Муравьева-Апостола, в числе пяти декабристов казненного на кронверке Петропавловской крепости.

Декабристское наследие можно с полным основанием назвать градообразующим фактором, определившим досоветскую, советскую и постсоветскую историю Ялуторовска, в отличие от многих городов за Уралом сохранившего материальные

свидетельства пребывания «лучших из дворян» в Сибири. Я говорю еще о трех памятниках федерального значения — первой в Сибири школе для девочек, основанной в 1846 году И. Д. Якушкиным при содействии протоиерея Сретенского кафедрального собора С. Я. Знаменского; мемориальных домах М. И. Муравьева-Апостола и И. Д. Якушкина, входящих в состав историко-мемориального музея Ялutorовского музейного комплекса, выросшего из первого в СССР музея памяти декабристов. Они пережили и своих хозяев, и социальные катаклизмы двадцатого столетия. Статус исторического города России, присвоенный Ялutorовску в 1970 году, наполнен воздухом декабризма.

В 350-летней истории г. Ялutorовска особое место занимает деревянный дом, в котором два десятилетия провел русский дворянин Матвей Иванович Муравьев-Апостол со своей спутницей Марией Константиновной. Во-первых, это историческое здание, появившееся на свет в конце XVIII века, среди своих деревянных собратьев являет пример долгожителя. Подобных ему по возрасту строений в Западной и Восточной Сибири единицы. А по знатности, во-вторых, оно может поспорить с княжескими усадьбами Волконских и Трубецких в Иркутске. Его внешний облик и внутренний интерьер запечатлены на рисунках художника Михаила Знаменского, воспитанника декабристской школы.

Местные краеведы восстановили многовековую биографию дома-легенды, главного экспоната Ялutorовского музейного комплекса и главной достопримечательности города. В научных исследованиях помог и сам Матвей Иванович, не шутки ради, а «для пользы и удовольствия будущих археологов» положив под плаху черногого пола бутылку с духовным завещанием потомкам, где она и пролежала с 1849 по 1935 год. Это тоже уникальный музейный предмет, единственный и неповторимый. На пожелтевшем от времени листке бумаги рукой Муравьева-Апостола выведено:

«По преданиям этот дом построен в последних годах царствования Екатерины 2-й Егором Прокофьевичем Белоусовым.

В 1838 году по кончине Егора Прокофьевича этот дом был куплен государственным преступником Матвеем Ивановичем Муравьевым-Апостолом.

В 1839 году Муравьев поднял и переделал совершенно этот дом.

В 1849 году из сеней сделана комната и печь, под которой Муравьев кладет эту записку».

Автор «Записки» также отмечает, что до него в этом доме некоторое время проживал князь Сибирский, кригс-комиссар,

который был сослан Павлом I в последний или предпоследний год его царствования за то, что Преображенский полк явился к разводу в новых мундирах неуставного цвета. В Россию князь возвратился после восшествия на престол Александра I. При этом упоминается очень важная деталь: опальный генерал оштукатурил занимаемую им комнату. Это было в Сибири в диковинку. И еще одна интересная подробность: князь происходил из рода сибирского хана Кучума, потомки которого служили московскому царю верой и правдой.

Точную дату постройки дома — 1795 год — установил в 1993 году И. С. Терентьев, бывший директор Ялуторовского музея. Из документов, найденных им в Государственном архиве Тюменской области, стали известны и другие важные подробности. Согласно купчей крепости, дом декабристу за 500 рублей серебром продала Пелагея Аласина, дочь помещанина Е. П. Белоусова, «по разрешению господина генерал-губернатора Западной Сибири и согласию Ялуторовского городничего». Дом стоял в приходе церкви Вознесения Господня, где, к слову сказать, в 1841 году крещен Савва Иванович Мамонтов, в будущем известный промышленник и меценат. В 1856 году М. И. Муравьев-Апостол, готовясь к отъезду в Европейскую Россию, оформил доверенность на продажу дома на Н. В. Басаргина. Женатый на старшей сестре Д. И. Менделеева Ольге Ивановне, владевшей мельницей, Николай Васильевич по деловым надобностям дольше всех декабристов задержался в Ялуторовске, и ему пришлось урегулировать житейские дела своих товарищей. Лишь в 1858 году он продал дом помещанину В. А. Васильеву.

В дальнейшем сменилось несколько хозяев. В 1880 году, когда домом владела Н. К. Меньшикова, он был описан по претензиям кредиторов и продан за 451 рубль серебром А. А. Тарakanову, секретарю городской управы. А вскоре здесь был открыт первый в городе рейнский погреб. Усадьба «с постройками длиннику 27 и поперечнику 27 сажень» включала в себя две конюшни, амбар, погреб, кухню и баню. С 1887 по 1915 год домом владели Августа Васильева, крестьянка Суерской волости Ялуторовского округа, и ее наследники.

На 12 лет летопись дома прерывается. Кто в нем жил во время революции, Гражданской войны, крестьянского восстания 1921 года, доподлинно не известно. Второе рождение дома связано с именем Ивана Юрьевича Озолина (1864—1947), агронома и краеведа, первого директора музея. В Сибирь его забросили вихри Гражданской войны. Озолин становится работником Тюменского губсовнархоза, создает советское хозяйство из того наследства, что

осталось от купцов Колмаковых, Поклевских-Козелл, Жернаковых, заведует коммунами округа, работает районным агрономом в Ялуторовске. И все это время его не покидает страсть к краеведению.

Неудивительно, что именно он оказался в числе приглашенных 9 ноября 1927 года на открытие краеведческого музея в помещении городской библиотеки, а через три года, когда экспонатов стало много, предоставил под них две комнаты в своем доме, став хранителем, смотрителем и директором в одном лице. Жил же он в доме М. И. Муравьева-Апостола. В 1935 году, ремонтируя печь, Иван Юрьевич нашел бутылку с «Завещанием» декабриста.

Из документов Государственного архива Омской области видно, сколько усилий прилагал новоявленный музейщик, чтобы наладить музейное дело. Сохранилась его переписка с такими авторитетными специалистами, как А. Ф. Палашенков и П. А. Россомахин. Даже до Москвы не боялся достучаться! Особенно сложно пришлось в 1941—1944 годах, когда в музее жили эвакуированные из Ленинграда журналисты, а экспонаты хранились на улице. Озолину практически заново пришлось восстанавливать свое детище, и уже в мае 1944 года краеведческий музей памяти декабристов вновь открыл свои двери для посетителей.

В середине 1990-х годов дом М. И. Муравьева-Апостола был отреставрирован. Ежегодно он принимает тысячи людей со всех уголков России и из-за рубежа, в том числе и потомков декабристов, разбросанных по всему белу свету. Дважды приезжала сюда из Ниццы Мари Вуарен Бибикофф, праправнучатая племянница Матвея Ивановича. В дни, когда проводится областной историко-культурный фестиваль «Декабристские вечера», здесь звучат стихи, романсы под звуки старинного фортепиано. В музейных экспозициях вела съемки фильма «Одна любовь души моей» режиссер Н. С. Бондарчук. Особую ауру этого удивительного места хорошо почувствовала Лидия Либединская:

«Я в этот дом вхожу с благоговеньем,
Как выразить признательность свою?
Здесь помнят все: высоких дум стремленье,
Надежду, верность, дружбу и терпенье,
Закованные в ледяном краю.
Закат погаснет, в окнах розовея,
И явится, бесшумна и легка,
Тень братьев – Ипполита и Сергея,
Черниговцев бессмертного полка.

Матвей Апостол сядет у камина,
Нахмурится Якушкин – писем нет давно,
И Пущин в день лицейской годовщины
Поднимет здесь печальное вино».

Переживший все социально-политические потрясения, стоящий по прихоти судьбы на улице Революции, дом декабриста одинаково притягивает к себе и левых, и правых, и бедных, и богатых, и детей, и взрослых. Дом живет полнокровной жизнью и трудится на ниве просвещения новых поколений сибиряков.

Так и Ялуторовск, вступив в двадцать первый век, продолжает именоваться городом декабристов. Память о них нашла отражение в названии городских улиц, школы, привокзальной площади, в центре которой находится мемориал с фигурами девяти ссыльных (работа лауреата Ленинской премии скульптора В. Е. Матросова). Их именем названа роща, где они любили гулять, оказавшаяся сегодня в черте города. Наш земляк поэт Григорий Пятков, хорошо известный ялтинцам, в одном из своих стихотворений, обращаясь к родному Ялуторовску, очень точно сказал: «Он весь – как песнь о декабристах...».

Сегодня на Украине и в России по-разному относятся к тем, кого Герцен назвал «гигантами». Но мы, сибиряки, всегда с благодарностью говорим о сибирском подвиге декабристов, которые принесли в наш край просвещение и свободомыслие.

Фото из фондов ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс».

*Лариса Бондаренко
(Кам'янка)*

ДЕКАБРИСТСЬКІ МІСЦЯ КАМ'ЯНКИ*

Зелений будиночок

Пам'ятка історії і архітектури, що внесена до Державного реєстру Національного культурного надбання України.



На високому правому березі річки Тясмин, у густому парку стоїть одна з найдавніших пам'яток Кам'янки, так званий Зелений будиночок, споруджений на початку XIX століття, як один з флігелів садиби Давидових. Це одноповерхова з мансардою, прямокутної форми споруда. Елемент романтизму в композицію будівлі вносить невелика башточка з шатровим перекриттям та крита галерея, що примикає до будинку з півдня.

Свою назву будинок одержав від переважаючого зеленого кольору: зелений дах, зелені віконниці, зелена галерея, а в поєднанні із зеленню парку він справді справляв враження суцільної зеленої гами.

В XIX столітті в цьому будинку розміщувалась частина бібліотеки Давидових, більярдна і столи для ігор. В «Зеленому будиночку» під час своїх приїздів до Кам'янки в 1820–1821 та 1822 рр. бував О. С. Пушкін. Тут вечорами збирались однодумці В. Л. Давидова, декабристи, для обговорення важливих політичних питань. Проїжджаючи до Кам'янки впродовж майже 28 років, тишу Зеленого будиночка полюблив П. І. Чайковський, який в ньому навіть деякий час жив. Зараз у цьому меморіальному будинку знаходиться літературно-меморіальний музей О. С. Пушкіна і П. І. Чайковського.

* Фото до статті Г. Юрика.

Зелений млинок

Пам'ятка історії і архітектури, що внесена до Державного реєстру Національного культурного надбання України.

На березі струмка Тарапунка, що впадає в річку Тясмин, стоїть своєрідної форми водяний млин – пам'ятка історії і архітектури XIX ст. Млинок побудований в 1825 році майстрами Калузької губернії – казенними селянами В. Гавриловим і Є. Дмитрієвим.



Двоповерхова споруда має ротондальну композицію, де перший ярус розчленований вісьмома парними пілястрами. Прямокутний вхід веде до круглого залу, освітленого круглими вікнами, яким на фасаді відповідають круглі ніші.

Верхній ярус прорізаний чотирма

симетрично розташованими напівциркулярними вікнами і завершений карнізом.

Увінчує млинок сферичний дах, що закінчується декоративною прикрасою.

Ця господарська будівля, яка більше нагадує башту ніж водяний млин, органічно вписалась в архітектурний ансамбль садиби Давидових і є унікальною пам'яткою архітектури господарського призначення.

Цей водяний млин часто ще називають млинком декабристів, тому що саме з ним пов'язують відомий донос Шервуда про існування таємного товариства на Півдні Російської імперії. У Кам'янці побутує переказ, що механік Шервуд був запрошений до Кам'янки для ремонту саме цього водяного млинка і, ввійшовши в довір'я до сім'ї Давидових, мав змогу слухати вільнолюбні розмови майбутніх декабристів, що збирались тут на свої наради. Хоча відомо, що Шервуд дізнався про справи таємного товариства з інших джерел, та неодноразово буваючи в Кам'янці він міг просто ще більше утвердитись у своїй інформації щодо діяльності деяких членів цієї таємної організації.

Млинок не змінився з тих часів, тільки з роками наче вріс у землю і його цокольної частини майже не видно.

Парк імені Декабристів

Пам'ятка історії і архітектури, що внесена до Державного реєстру Національного культурного надбання України.

В центрі міста на схилі крутої гори розташований парк імені Декабристів. Це залишки великого парку, що був закладений з листяних і хвойних порід та декоративних кущів в кінці XVIII ст. навколо поміщицького будинку, що стояв на горі.

Парк був розбитий в так званому «пейзажному стилі», тобто вільно спланованим з використанням природного ландшафту прибережних схилів Тясмину. Відомо, що в цей період встановлюється змішаний тип парків, де наймальовничіші місця залишались недоторканими, а менш вдалі облагороджувались штучним шляхом.

Такий зв'язок архітектури з природним середовищем характерний для класичного стилю XIX ст. Правда в Україні, далекій від строгої офіційності двору, класицизм набирає м'якші риси, інколи навіть з нальотом романтики і інтимності, що обумовлювало появу штучних гротів, водопадів, «зимових садів». Також популярні були альтанки, ротонди і інші малі архітектурні форми імітовані під античність. Так було і з кам'янським парком де ряд довгих тінистих алей терасами спускався до річки. Алеї в центрі парку були викладені червоною шліфованою цеглою, а дальні – дрібним гравієм. На одній із терас був побудований грот і оглядові майданчики. В східній частині парку розташовувались оранжереї де вирощувались різноманітні південні дерева і рідкісні квіти. Парк прикрашався різноманітними альтанками і скульптурами.

Парк і річка Тясмин створювали один з наймальовничіших куточків Кам'янки і не випадково тут було улюблене місце відпочинку сім'ї Давидових і їх гостей.

В 1817 році на території парку, неподалік від двоповерхового будинку Давидових, була споруджена дерев'яна Свято-Миколаївська церква в якій в 1825 році вінчалися Василь Львович Давидов і Олександра Іванівна Потапова.

В парку бували герої війни 1812 року, декабристи, Пушкін. Враження від прогулянок тінистими алеями парку вилились в пушкінські рядки:

Но там где ранее весна

Блестит над Каменкой тенистой

Пізніше в парку бували П. І. Чайковський і добрий знайомий М. В. Гоголя письменник Г. П. Данилевський, який написав повість про історичне минуле Кам'янки під назвою «Каменка.1825».

Центральна частина садиби Давидових прийшла в занепад під час заслання до Сибіру її господаря, декабриста В. Л. Давидова. Дуже змінився і старовинний парк, площа якого значно зменшилась. Оранжереї були запуснені, архітектурні споруди малих форм зруйновані. Дуже багато дерев, за відсутністю за ними належного догляду, пропали і були зрубані. Правда продовжував буяти бузок, сортів якого було тут насаджено дуже багато, в тому числі і рідкісних.

Але і в цей час парк продовжує залишатись улюбленим місцем прогулянок Давидових та інших заможних жителів містечка. Селяни в парк не заходили, адже в цей період він був обнесений загорожею і доступ туди мали тільки аристократичні кола Кам'янки та їх гості.

В 1926 році до 100-річчя з дня страти п'ятьох декабристів парку було присвоєне ім'я «Декабристів».

Обабіч центральної алеї парку в 1937 році був встановлений бюст О. С. Пушкіна. В 1958 році ця алея увінчалась пам'ятником П. І. Чайковському роботи скульптора Г. Павлікер.

В 1975 році, до 150-річчя повстання декабристів, парк був розчищений та упорядкований. На місці бюста О. С. Пушкіна постав пам'ятник поету, а на місці пам'ятника П. І. Чайковському встановлено пам'ятник декабристам. Тоді ж біля центрального входу в парк з'явилась і Стела декабристів.

Зараз парк входить до складу Кам'янського державного історико-культурного заповідника і є улюбленим місцем відпочинку кам'янчан і гостей міста.

Грот

Пам'ятка історії і архітектури, що внесена до Державного реєстру Національного культурного надбання України.



Грот побудований в кінці XVIII століття, як архітектурна прикраса парку садиби Давидових. Ця романтична споруда знаходиться в одному із затишних куточків парку, ближче до річки, звідки відкривається мальовничий вид на Тясмин, який тоді був значно ширший і повноводніший, ніж тепер.

Влаштований грот в схилі пагорбу. Фасад його являє собою композицію із кількох різних за розмірами просторів. В глибині

арочного portalу, оформленого рустами з каменю – невеликі прямокутні двері, які ведуть в підземний зал. В середині грот являє собою кругле цегляне приміщення з високим сферичним зводом діаметром 7,6 м. В центрі зводу отвір, який веде на поверхню. Отвір прикриває дерев'яна альтанка. По формі зал гроту нагадує величезний слоїк, вузьким «горлом» наче врізаний у схил. В середині гроту завжди прохолодно, добра акустика.

На початку XIX століття грот був улюбленим місцем відпочинку сім'ї Давидових і їх гостей. За переказами саме тоді у гроті господарював Олександр Львович Давидов, брат декабриста В. Л. Давидова. Відомий гурман О. Л. Давидов любив влаштовувати обіди в екзотичній обстановці і в прохолодному, таємничому гроті облаштував літню їдальню. Олександр Львович вважав себе лібералом і любив, запросивши на обід цікаве товариство, вести ліберальні розмови. Можливо такі розмови він вів і з Пушкіним. У всякому разі відомий вірш поета адресований саме Олександрю Львовичу Давидову:

«Нельзя, мой толстый Аристипп,
Хоть я люблю твои беседы,
Твой милый нрав, твой милый храп,
Твой вкус и жирные обеды,
Но не могу с тобою плыть
К брегам полуденной Тавриды».

Під час своїх приїздів до Кам'янки своєрідною архітектурою гроту милувався О. С. Пушкін. Стверджують, що ще в середині XIX століття в гроті можна було побачити написи, зроблені рукою поета. В пам'ять про перебування тут генія російської поезії грот часто називають ще й Пушкінським.

З гротом пов'язано багато переказів і легенд. Розповідають, що в гроті любили збиратись декабристи і вести дискусії на політичні теми. Саме в зв'язку з декабристами в Кам'янці побутує легенда, що таємний підземний хід з'єднував грот з Зеленим будиночком, яким в разі небезпеки викриття декабристи могли скористатись. Ще більш неймовірна легенда гласить, що такий підземний хід з'єднував грот з Зеленим млинком і проходить він під річкою. Та це тільки легенди, які не знайшли свого підтвердження.

У другій половині XIX століття прохолода і тиша гроту надзвичайно приваблювала Петра Ілліча Чайковського. «До обіду проводжу свій час у гроті» – писав композитор в одному з листів до брата. А племінник Чайковського, Юрій Львович Давидов, в своїх спогадах пише, що саме в гроті Петро Ілліч працював над Другою

симфонією, тією яка ще за життя П. І. Чайковського була названа Українською за використання в ній багатьох українських мелодій.

Дещо пізніше грот втратив своє значення як місце відпочинку, а використовувався як фруктовий і винний погріб.

Пізніше, і особливо після створення в Кам'янці літературно-меморіального музею О.С.Пушкіна і П.І.Чайковського, прийшло усвідомлення архітектурної і історичної цінності цієї споруди і грот став об'єктом показу екскурсантам.

Він був відреставрований в 1982 році. До реставрації на ободі гроту був напис зроблений у 1926 році: «Нет примиренья, нет условий между тираном и рабом». Ці слова поета-декабриста К. Рилєєва були даниною революційній риториці, що особливо культивувалась у ті часи. Але так як сам термін реставрація означає надання споруді її первісного вигляду, то і напис цей був знятий, як такий, що зроблений значно пізніше.

Нині грот є складовою частиною Кам'янського державного історико-культурного заповідника. Тут проводяться цікаві літературно-музичні вечори об'єднані під назвою «Літні зустрічі в Пушкінському гроті». А учасники Всеукраїнського літературного фестивалю «Пушкинское кольцо», який за традицією розпочинається в Кам'янці, відчувають особливу піднесеність і хвилювання, коли під зводами цієї найдавнішої архітектурної пам'ятки Кам'янки звучить їх поезія.

Пам'ятник декабристам у Кам'янці

На центральній алеї парку імені Декабристів височить скульптурна композиція «Декабристи в Кам'янці». Пам'ятник встановлений напередодні святкування 150-річчя декабристського повстання 20 грудня 1975 року. Автори композиції скульптори Михайло Вронський і Володимир Чепелик, архітектор – Василь Гнезділов.

Скрупульозне моделювання форми, чітка композиційна побудова, висока художня якість, прекрасне архітектурне рішення ставить пам'ятник декабристам в Кам'янці в ряд найкращих пам'ятників України.

Пам'ятник являє собою відлиту з бронзи п'ятифігурну композицію висотою 2 м 40 см, встановлену на невисокому гранітному постаменті, сюжетом якої є нарада декабристів у Кам'янці восени 1823 року. Це була найбільш значима нарада з усіх, що проходили в Кам'янці, починаючи з 1820 року. Тоді, в листопаді 1823 року, в Кам'янці зібрались глава Південного товариства П. І. Пестель, керівники Кам'янської управи В. Л. Давидов і С. Г. Волконський та

керівники Васильківської управи С. І. Муравйов-Апостол і М. П. Бестужев-Рюмін для обговорення проекту майбутнього облаштування Росії, своєрідної конституції під назвою «Руська правда» та вирішення питання про царевбивство, щоб запобігти реставрації монархії. Скульптори М. Вронський і В. Чепелик дуже точні у відтворенні історичних деталей. Навіть розташування фігур на постаменті не випадкове, а історично обґрунтоване. Природно, що в центрі композиції ми бачимо главу Південного товариства, головного ідеолога цієї організації П. І. Пестеля. Але те, що керівники Кам'янської управи розташовані справа від Пестеля, а керівники Васильківської управи зліва – свідчить про глибоке опрацювання авторами історичного матеріалу. Адже саме Кам'янська управа, очолювана В. Л. Давидовим і С. Г. Волконським, вважалась управою правого флангу по відношенню до лінії наступу на Петербург, а Васильківська управа, очолювана С. І. Муравйовим-Апостолом і М. П. Бестужевим-Рюмінім - управою лівого флангу.



Пам'ятник створений в найкращих реалістичних традиціях. Ще на підході до цієї скульптурної групи глядач не покидає враження, що він бачить абсолютно живу сцену, коли двоє чоловіків сидять на парковій лавочці, а поруч з ними стоять ще три їх товариша і йде жвава, важлива розмова.

Відтворені в бронзі постаті визначних діячів Південного товариства декабристів В. Л. Давидова, С. Г. Волконського, П. І. Пестеля, М. П. Бестужева-Рюміна, С. І. Муравйова-Апостола психологічно і іконографічно точні, сповнені внутрішньої динаміки.

Забудьмо на мить, що перед нами бронзові статуї, а просто вдивимось уважно в ці обличчя, ці жести і спробуємо зрозуміти, якими були люди, що так дорого заплатили за свої переконання.

Скульптурний образ Пестеля повністю збігається з історичною і психологічною характеристикою, яку давали главі Південного товариства його сучасники. Спокійний, зосереджений, весь в полоні думок про справи товариства. Таким ми бачимо Пестеля у цій скульптурній композиції. Вся його постать випромінює силу і впевненість. Вольове підборіддя, високе чоло свідчать, що це була людина великого розуму, сталльної волі, залізного характеру. Ще в

дитинстві один з його вихователів говорив про Пестеля, що «інші вчать, а він розуміє». В 1821 році він уже полковник, командир В'ятського піхотного полку 2-ї Південної армії, розквартированої в Київській губернії. Начальник Пестеля, командує 2-ю армією граф Вітгенштейн говорив про нього: «Його вистачить на все. Дай йому командувати армією чи признач його міністром він всюди буде на своєму місці». Навіть царські судді визнавали, що Пестель обдарований від природи здібностями більш ніж високими і був головною пружиною діяльності таємного товариства.

Десять років він працював над «Руською правдою» – цим колосальним пам'ятником політичної думки, духовним синтезом ідеології декабристів, втілення якої в життя дало б змогу Російській імперії стати демократичною республікою подібно до більшості західноєвропейських країн.

Пестель не був учасником повстання 14 грудня 1825 року в Петербурзі. Його заарештували в Тульчині напередодні – 13 грудня. Але тим не менше у вирозі царського суду його ім'я стояло першим. Першим він і зійшов на ешафот 13 липня 1826 року. Йому було 33 роки.

Дуже динамічно виглядає скульптурний образ С. Г. Волконського, що сидить на лавочці поруч з Пестелем. Шинель напівспадає з його плеча відкриваючи генеральський еполет, сам він настільки захоплений розмовою, що навіть нахилився вперед, здається він не хоче пропустити жодного слова, вимовленого колегами по Південному товариству, розуміючи, що від нього у великій мірі може залежати чи втіляться ідеї «Руської правди» в життя. Адже на той час він у своєму розпорядженні мав реальну військову силу – бригаду 19-ї піхотної дивізії, що була розквартирована в Умані. Але з об'єктивних і суб'єктивних причин цю реальну військову силу він використати не зміг.

Виходець із дуже знатної родини наближеної до царського двору, бойовий генерал, що брав участь у 58 битвах, став на шлях боротьби з царським самодержавством з надією зробити свою Вітчизну процвітаючою, де б усі керувались законами, а не гнівом чи ласкою самодержця. За це був відправлений до Сибіру і провів там довгі 30 років. Та доля виявилась прихильною до нього. Волконський повернувся з Сибіру в 1856 році і прожив ще до 1865 року. Помер, коли йому було 77 років.

Постать ще одного керівника Кам'янської управи В. Л. Давидова зображена позаду Волконського і дещо правіше. Композиційно стояча фігура Давидова урівноважує ще дві стоячі постаті, Муравйова-Апостола і Бестужева-Рюміна, що розташовані в

лівій частині постаменту. Давидов єдиний із усієї скульптурної групи зображений в цивільному одязі, адже на той час він був уже у відставці. Як гостинний господар Давидов немовби злегка відходить на задній план, даючи можливість своїм гостям бути в центрі уваги. Та саме в його маєтку проходить зібрання декабристів і саме він несе відповідальність за все, що тут відбувається. І відповідати за те, що його маєток Кам'янка був однією із столиць вільнодумства на Півдні Росії прийшлося сповна. 20 років каторжних робіт і вічне поселення в Сибіру. Такий був йому вирок. До кінця своїх днів він марив Україною, стверджував: «Нет в мире страны, какой бы прекрасной она не была, которая заставила бы меня позабыть мою дорогу Украину». Але повернутись він так не зміг, назавжди залишившись в сибірській землі.

Емоційним, поривчастим постає перед нами у цій скульптурній групі наймолодший учасник кам'янської наради підпоручик Полтавського піхотного полку М. П. Бестужев-Рюмін, який навіть часто соромився свого юного віку (він народився у 1801 році) і постійно старався набавити собі роки, щоб не здаватись таким молодим серед старших офіцерів і генералів, що рівні або навіть нижчі його по значенню в таємному товаристві. Одна рука прикладена до грудей, інша відставлена в сторону, на лавочку трохи недбало кинута шинель і поруч ківер, а сам він наче от-от готовий стрімко зірватись і мчатись втілювати в життя плани таємного товариства. Відчувається, все що відбувається на нараді в Кам'янці, він сприймає всією душею, наче підтверджуючи власні слова сказані під час слідства: «... есть вещи, которые можна лишь понять сердцем, но кои остаются вечною загадкою для самого пронизательного ума».

Невтомний, сповнений молодечого завзяття і нестримної енергії, постійно роз'їжджаючи по Україні він знаходить братів по духу – товариство об'єднаних слов'ян і залучає їх до спільної справи. Молодість не завадила йому очолити разом зі своїм другом С. Муравйовим-Апостолом в кінці грудня 1825 року повстання Чернігівського полку поблизу Києва. Помирати мабуть страшно у будь-якому віці, але особливо важко коли тобі тільки 24 роки. Саме скільки було Михайлу Бестужеву Рюміну, коли він зійшов на ешафот. І в ці останні хвилини земного життя поруч з ним був вірний товариш Сергій Муравйов-Апостол, що заспокоював друга, просив не впадати у відчай і зустріти смерть як подобає мученику за праве діло Вітчизни.

Вони були справді щирими і відданими друзями, декілька останніх років йшли поруч по життю, як поруч вони і на постаменті в парку ім. Декабристів.

Сергій Муравйов-Апостол зображений у повний зріст. Він, на перший погляд, не є центральною постаттю даної скульптурної групи, але саме його всі уважно слухають. На нараді в Кам'янці Муравйов-Апостол закликав якнайскоріше приступати до рішучих дій, не чекаючи на початок виступу в Петербурзі: «полон дерзости и сил минуты вспышки торопил» (всупереч Пестелю, який вважав обов'язковим елементом успіху першочергове повстання в столиці)

В руках у Муравйова-Апостола аркуші паперу з коротким викладом «Руської правди», перекладеним на французьку мову ним власноруч. В Кам'янці саме з цього документу була знята копія для передачі французьким карбонаріям (через родича Давидових Поліньяка).

Нащадок українського гетьмана Данила Апостола, підполковник Чернігівського піхотного полку постає перед нами стриманим і непроникним. Водночас цей, здавалося б, незворушний образ пом'якшує відставлена трохи в бік, в майже непомітному емоційному пориві, рука. І ми розуміємо, що за цією незворушною зовнішністю приховується м'яка, вразлива натура. Після поразки повстання Чернігівського полку, яке він організував і очолив, Муравйов-Апостол особливо переживав за долю простих солдат, що довірилися йому і яких, як він вважав, «вверг в бездну».

Під час слідства поводив себе дуже мужньо і достойно, намагаючись всю вину за повстання Чернігівського полку взяти на себе. Так же мужньо Сергій Муравйов-Апостол тримався і під час страти 13 липня 1826 року. Він не дожив і до 31 року.

Задумчив, одинокий
Я по земле пройду незнаемый никем
Лишь пред концом моим,
Внезапно озаренный,
Узнает мир, кого лишился он.

Ці поетичні рядки народились у С. Муравйова-Апостола, за однією із гіпотез, у Кам'янці, саме в листопаді 1823 року, коли закінчивши політичні дебати, «один из лучших людей того, да и всякого времени» за оцінкою Льва Толстого, прогулювався алеями парку Давидових, не підозрюючи, що через 152 роки він знову повернеться в цей парк тільки вже на постаменті одного з найкращих пам'ятників України, пам'ятника декабристам.

ДЕКАБРИСТЫ НА ЖИТОМИРЩИНЕ

Движению декабристов посвящено свыше 18 тысяч исследований. Но среди них очень мало работ, в которых раскрывался важный вопрос декабризма – памятные места декабристов на Житомирщине.

Проблема пребывания декабристов в городах и селах Житомирщины тесно связана с героическими примерами исторического прошлого края, борьбой против существовавшего в первой четверти XIX в. крепостного права.

Современные города и села Житомирщины в первой четверти XIX в. входили в состав трех губерний – Волынской, Киевской и Подольской. В те времена это был край, где преобладало сельскохозяйственное производство. Крестьяне, а большинство их принадлежало помещикам, возделывали землю, сеяли хлеб, выращивали огородные культуры. Сверх этого они обрабатывали господские пашенные обширные ланы своим скотом... В 1805 г. крестьяне два дня в неделю выполняли работу на земле помещика: пеший – пешую, имеющий скот – «сколько оную определял инвентарь», составляемый владельцем селения на каждый год. Помимо этого, крестьяне выплачивали денежный чинш (оброк): пеший – 2 рубля, а плуговой, т. е. имеющий тягловой скот и плуг, – 6 рублей с дома. Ежегодно крестьянин отдавал помещику одну овцу из десяти (или ее стоимость), улей, яйца, собранные летом ягоды и грибы, косил сено и жал хлеб, свозя его на гумно помещика. Декабрист М. М. Спиридов, живя в крестьянских домах, впоследствии показывал на следствии: «сделав переход в Житомирскую губернию, более был приведен в скорь общию бедностью поселян: видел там, что плодородная сила губернии отдает дань одним владельцам, видел неусыпную деятельность хлебопашца, плоды которой служили обогащению панов, видел, неисчислимые богатства хлеба на токах их, а у поселян к окончанию года недоставало ни зерном, ни печеным не только для продажи, но даже и для пропитания» [1]. В 1804 г. 95 677 мужчин и женщин Житомирского уезда высевали 35 877 четвертей озимого хлеба и собирали в три раза больше, т. е. урожай был сам – 3. Прибыльной отраслью в крае считалось овцеводство. Помещики владели огромными стадами овец разной породы и получали чистого дохода в год

до 4 000 рублей. В меньшей мере занимались разведением лошадей и пчеловодством, которые по своей незначительности не заслуживают внимания.

В начале XIX в. в крае развивалось мануфактурное производство. В Житомирском уезде в 1804 г. насчитывалось 25 фабрик и заводов. Такое количество было и в 1807 г. Увеличилось количество предприятий в Новоград-Волынском уезде: с 13 до 14. В Овручском уезде было наиболее развитое производство металла на 32 железоплавильных и 2 медеплавильных заводах. Ряд подобных мануфактур существовало в Малинском уезде в селениях Шершневска, Гутлянска, Здривля, Заньковска, Осовна. В этом уезде также выжигали известь в с. Заньковска, Осовна, Федоровка. В 1808 г. в Волынской губернии насчитывалось 10 суконных фабрик. Одной из крупнейших была созданная графом Нелинским в Новоград-Волынском уезде фабрика на 140 станков. В самом уездном городе мещанин Гельбенман открыл фабрику на 10 станков, 4 станка работало на фабрике при Доме общественного призрения в г. Житомире. Предполагалось, что все фабрики к 1810 г. выпустят 78 000 аршин сукна.

О неравномерном развитии мануфактурного производства в уездах свидетельствует следующая таблица:

Мануфактуры	Уезды			
	Житомирский		Новоград-Волынский	
	1820	1825	1820	1825
Железоплавильные	7	17	2	1
Медеплавильные	1	2	1	1
Фарфоровые и фаянсовые	–	–	4	4
Стекланные	2	4	2	4
Полотняные	1	1	–	–
Поташные	2	10	4	3
Суконные	2	3	1	2
Шляпные	4	5	–	–
Кожевенные	3	3	–	–
Итого	22	45	14	15

Большинство предпринимателей – помещики, использовавшие подневольный труд своих крепостных крестьян, не отличающийся от рабского. «Я вам должна сообщить ужасную весть, – говорила мать Сергея и Матвея Муравьевых-Апостолов, – Вы найдете то, чего и не знаете: в России вы найдете рабов!» «Работа фабричная изнуряет людей еще в самом младенчестве. Мальчиков и девочек бьют, –

писал декабрист Н. Тургенев, – когда учат. Некоторые из них, и все принадлежащие к ткачам, носят на лицах своих доказательство трудной сидячей работы» [2]. Еще определеннее по этому вопросу высказался «первый декабрист» В. Ф. Раевский в «Рассуждении о рабстве крестьян», где он писал: «Фабрики и заведения наши, приводимые в действия рабами, никогда не принесут такой выгоды, как вольными, ибо там воля, а здесь принуждение, там договор и плата, здесь необходимость, там собственный расчет выгоды и старание, здесь страх наказания только».

Угнетение крестьян и рабочих людей толкало их на борьбу с угнетателями. Идеальный предшественник декабристов А. Н. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» писал: «Я приметил из многочисленных примеров, что русский народ очень терпелив и терпит до самой крайности; но когда конец положит своему терпению, то ничего не может его удержать, чтобы не приклониться к жестокости». Побег крепостных крестьян, убийства ненавистных арендаторов и управителей, поджоги поместий и открытое неповиновение властям были не единичными явлениями. Крестьяне с. Пятигорка И. Марчук, Т. Гута и другие обвинялись в убийстве шляхтича А. Олихевича. П. Леонтьеву вменялся в вину поджог дома генерал-губернатора в г. Житомире, а крестьянину В. Маевскому – амбара с хлебом у помещика Ю. Клапишевского [3]. Крестьяне подавали коллективные жалобы на зверства помещиков. Иногда комиссии, созданные властями, были вынуждены констатировать факты, что, например, помещик Зброжке «без всякой причины, а токмо по капризу своему бил крестьян чем попало, некоторых крестьян, повеся за брус, бил розгами, других травил собаками, убивая до смерти».

Разоряли крестьян и даже целые местечка военные постой. Часто между командирами подразделений и местными властями шли настоящие баталии. Командиры полков стремились добиться привилегий для своих офицеров и их денщиков. Гражданский голова г. Радомышля в 1804 г. жаловался министру внутренних дел В. П. Кочубею на «утеснения тамошних жителей постоем Новороссийского драгунского полка». Особенно донимал солдатский постой мещан города. Так, житель местечка Ф. Березский содержал на протяжении 14 дней 6 постояльцев, а у И. Лукашенко 7 дней проживало 4 солдата [4]. Жители с. Горбунова Радомышльского уезда притеснялись капитаном этого полка Терениным.

Крестьянские и мещанские хозяйства разорялись и путем рекрутских наборов. В армию отбирали самых сильных и выносливых молодых людей. В Государственном архиве

Житомирской области сохранилось множество «Протоколов рекрутского присутствия». Еще больше имеется там жалоб крестьян и мещан на незаконную отдачу в рекруты, на произвол помещиков, использовавших рекрутские наборы как метод борьбы с непокорными крестьянами. Декабрист И. В. Киреев, отвечая в Следственном комитете на вопрос о причинах вольнодумства, писал:

«Ропот людей разного состояния на тягость податей, жалкое состояние поселян, угнетение беспрестанною работою, и невозможность (в которой видел их) облегчить свою участь, наконец, негодование между военными на строгость дисциплины и худые примеры, ... были первыми побуждениями к мысли о перемене существующего образа правления» [1, т. XIII, с. 167]. В своих показаниях от 6 февраля 1826 г. С. И. Муравьев-Апостол очертил политические мотивы, влияющие на формирование революционного мировоззрения: «Трехлетняя война, освободившая Европу от ига Наполеона; последствия оной, введение представительного правления в некоторых государствах, сочинения политические, беспрестанно являющиеся в сию эпоху, и читаемые с жадностью молодежью; дух времени, наконец, обративший умы к наблюдению законов внутреннего устройства государства. Вот источники революционных мнений в России» [1, т. IV, с. 273]. И это не единичные высказывания декабристов о страшной, нечеловеческой эксплуатации обывателей Волынской губернии. Они были свидетелями повсеместных издевательств над крестьянами, поскольку стояли во многих селах и местечках на постое со своими воинскими частями. В наше время, практически невозможно установить все памятные места декабристов на Житомирщине. Главная причина, препятствующая этому, заключается, прежде всего, в том, что многие дворянские революционеры не указывали конкретно, в каком населенном пункте они жили. Больше повезло тем местечкам, где находились штабы полков, и селам, через которые проходили почтовые дороги, где останавливались декабристы, а также там, где проходили сборы или маневры крупных воинских подразделений. И даже в этом случае мы не можем с полной уверенностью утверждать, что на этой улице или месте находилась квартира того или иного декабриста, хозяйство роты, в которой он служил. Время полностью стерло из памяти эти данные. Сейчас, например, невозможно установить, где находилась батальонная школа в г. Житомире, в какой стороне от современного Лещина располагались в 1825 г. летние лагеря частей, участвовавших в маневрах.

Необходимость выявления памятных мест декабристов на Житомирщине очевидна. Они, как пророчески писал К. Ф. Рылеев, будут напоминать юношеству о подвигах предков, знакомить его со светлейшими эпохами народной истории, – вот верный способ для привития народу сильной привязанности к родине.

Первая четверть XIX в. знаменательна для Житомира, Коростеня, Новоград-Волинского, Бердичева, Любара, Овруча, Черняхова, Троянова, Пяток, Поволочи, Песок, Барановки, Брусилова, Лещина тем, что здесь по долгу службы бывали или жили декабристы. Этим вызывается живой к «сподвижникам, – как назвал декабристов А. И. Герцен, – русского освобождения». Многие моменты деятельности декабристов в крае нашли фрагментарное изложение на страницах областных и районных газет. Наличие разнообразной информации о дворянских революционерах на Житомирщине, однако, не свидетельствует о том, что их деятельность исследована полностью. Тем более, что авторы многих сообщений неправильно излагают ход событий, рассказывая о декабристах, современными категориями. Например, Т. Глазова почему-то вспоминает о 120 декабристах, говорит, что «будущие декабристы» в 1818 г. создали Союз благоденствия. Почему 120, а не 121 осужденных или 579 прикосновенных к делу [1, т. VIII, с. 14], а как же быть с членами ранней декабристской организации – Союза спасения, созданного в 1816 г. – ведь они тоже относятся к декабристам. Еще большее удивление вызывают следующие слова автора: «Славяне считали необходимым привлечь к своей деятельности не только офицеров, но и передовых солдат, крестьян». О каких передовых крестьянах можно говорить в то время? И таких неточностей множество.

Вызывает удивление и отсутствие сведений о декабристах в буклетах, посвященных истории Коростеня и Бердичева. В них ни одним словом не сказано о пребывании декабристов в этих крупных городах Житомирщины фрагментарно упоминается о пребывании декабристов в разных населенных пунктах края в путеводителе по области. Всего четыре строки о декабристах в фотопутеводителе.

В перечисленных ранее населенных пунктах были расквартированы воинские подразделения 1-й армии, главная квартира которой находилась в г. Могилеве. А в Житомире располагался штаб 3-го пехотного корпуса. По преданию, город был основан около 884 г. «любимцем Аскольда и Дира – Житомиром, не пожелавшим служить Олегу», новгородскому князю, убившему киевских князей. Первое летописное упоминание о городе относится к 1240 г., когда его разорили татары. В 1320 г. Гедимин присоединил

город к Литве. Было время, когда в городе насчитывалось всего около 49 дворов. С 1804 г. за неимением помещений для учреждений в Новоград-Волынском, Житомир сделали центром Волынской губернии. Трудно представить, конечно, Житомир в годы первой четверти XIX века. Он неоднократно горел: в 1802 г. сгорел Житомирский замок, в 1820 г. – Бернардинский монастырь, а год спустя «большая половина города была истреблена пожаром». Большинство построек в городе были деревянными, и это одна из причин частых пожаров. Было предпринято несколько попыток строить город по генеральному плану. Город фактически кочевал.

В начале позапрошлого века в городе начало развиваться мануфактурное производство. К 1809 г. в Житомире действовали два полотняных предприятия на три и четыре станка, а также «несколько перчатных фабрик», работавших на сырье, производившемся на отдельных мануфактурах. По отзывам современников, житомирские перчатки были лучшими в Юго-Западном крае и вывозились на продажу в Варшаву.

Житомир был не только административным, но и культурным центром Волынской губернии. Здесь в 1804 г. Фадей открыл на средства, собранные меценатами и выделенными государством, уездное училище. Немного позже откроется католическая семинария. К культурным учреждениям, первой четверти XIX в. относятся театр и больница. В Житомире в начале XIX в. родился известный историк А. А. Скальковский, а в 1837 г. – генерал Парижской Коммуны Ярослав Домбровский и его адъютант Анна Пустовойтова.

В Житомире жили некоторые члены общества Соединенных славян. Одни здесь бывали проездом, другие – останавливались во время караулов (см. Приложение). К большому сожалению, в городе не осталось никаких памятников декабристского времени.

Бердичев – полковая квартира Мариупольского полка. Впервые местность, где сейчас раскинулся город, упоминается в 1320 г., в связи с тем, что князь Гедимин подарил ее литвину Тышкевичу. В акте разграничения Литвы и Польши за 1546 г. значится, что селение Беричиков, принадлежащее Василию Тышкевичу, находится в составе Литвы. Будет правомерно считать, что дату основания г. Бердичева нужно отнести к XIV веку, а точнее к 1320 г., для чего необходимо провести дополнительные исследования. Сейчас, как считает С. С. Нецевич, краевед-исследователь истории города: «Бердичев в официальных документах упоминается в 1545 г. Это и является датой рождения нашего города».

Бердичев в первой половине XIX в. был крупным торговым городом. В 1811 г. в нем проживало 7,4 тыс. человек [5]. В Бердичеве в 1815 г. был основан православный собор, действовало 5 еврейских синагог, 10 типографий. Город славился своими ярмарками. Сюда приезжали купцы из Австрии, Германии, Италии, Турецкой империи и других стран. Вывозили свои товары, в основном съестные припасы и изделия ремесленной индустрии, местные жители. Годичный оборот торговли города достигал 40 000 000 руб. В 1815 г. в городе насчитывалось 709 лавок и 1478 домов. Через десять лет число дворов увеличилось до 2274.

Еще в 1815 г. город считался собственностью князя Матвея Радзивилла. Большинство построек города были деревянными. Частые пожары уничтожили исторические постройки и дома обывателей. Так, в 1811 г. часть города истребил пожар. Товаров сгорело на несколько миллионов рублей.

На Бердичевские ярмарки, проходившие в районе крепости, приезжали интенданты и командиры полков 1-й и 2-й армий. Их интересовали породистые лошади, пригоняемые сюда из Волынской, Подольской и Киевской губерний, добротные сукна и другое снаряжение, так необходимое для воинских частей. Использовались в торговле и посредники.

Таким был бердичевский купец Д. Лошак, иногда поставлявший лошадей в Вятский пехотный полк. Он неоднократно приезжал в м. Линцы к П. И. Пестелю. Это послужило поводом для его привлечения к следствию по делу тайных обществ, как человека, выполнявшего поручения П. И. Пестеля. Ему удалось убедить Следственную комиссию, что он имел только деловые отношения с руководителем Южного общества. Одним из веских доказательств было то, что П. И. Пестель, приезжая в Бердичев два-три раза в год, останавливался на постой не у него, а у купца Б. Лещинского. «Хаживал к командиру Мариупольского полка полковнику Снарскому, – свидетельствует купец Д. Лошак, – но бывали ли тогда какие собрания мне неизвестно» [6]. Купцы занимались торговлей книг, за небольшую плату давали их читать. И. Ф. Шимков, воспитанник Харьковского университета, стоявший со своею ротою в с. Пески брал книги у торговца из м. Радомышля, когда жил там по несколько дней [1, т. XIII, с. 261], заступая в полковой караул.

В Бердичеве сохранились памятники архитектуры, в которых могли бывать декабристы. К сожалению, письменных свидетельств об этом нет или они еще не отысканы. Безусловно, все военные бывали в крепости, построенной по проекту инженера Боплана, в костелах св. Марии и св. Варвары. В костеле св. Варвары венчался

известный французский писатель Оноре де Бальзак с помещицей из с. Верховни Э. Ганьской. Не установлены пока место нахождения заезжего двора и расположение штаба Мариупольского полка.

Местечко Радомышль – полковая квартира Алексопольского пехотного полка. Впервые о нем упоминается под 1150 г., когда киевский князь Изяслав отступил туда под натиском дружин галицкого князя Владимира. По всей видимости, он тогда назывался Мык-городом или Мычиком, т. к. располагался между р. Мыкою и р. Тетерев. Правда, в XV в. город перенесен в другое место. Возрастает роль Радомышля во второй половине XVIII в. Именно в этот период он становится уездным городом и достаточно видным торговым центром. В начале XIX ст. здесь было две церкви, двухэтажный кирпичный дом, на первом этаже которого размещались лавки, числом до 20. Продавали здесь товары местного производства: соль, съестные припасы, деревянную, хрустальную, стеклянную посуду. В городе действовали две винокурни и одна кирпичная мануфактура: «По течению р. Тетерев на правой стороне работала мельница. В конюшнях почтовой станции насчитывалось 10 курьерских и 24 почтовых лошади».

В Троянове, Любаре и Брусилове были полковые квартиры Александрийского гусарского полка (командир – декабрист Александр Муравьев), Ахтырского гусарского полка (декабрист Артамон Муравьев), Кременчугского пехотного полка. В Коростене, Черняхове, Барановке, Пятках, Песках, Млинищах, Лещине и других населенных пунктах стояли отдельные воинские подразделения (в основном роты), возглавляемые членами тайных обществ.

В деятельности членов общества Соединенных славян ключевую роль сыграл П. И. Борисов, создавший программные документы. В 1823 г. Петр Иванович Борисов основал общество, в которое сначала вошли его брат А. И. Борисов и шляхтич Ю. К. Люблянский. П. И. Борисов написал «Правила» и «Клятвенное обещание». Оба документа были написаны П. И. Борисовым: «Ни брат, ни Люблинской не участвовали в составлении ... то и другое было произведением его, Борисова, – читаем в бумагах Следственной комиссии, – Люблинской же по просьбе его токмо перевел оные на польский язык» [7]. Цель Соединенных славян состояла в том, дабы соединить славянские поколения федеративным союзом. Ближайшей задачей, считали основатели общества, является «умножение членов и образование себя в науках и художествах» [1, т. V, с. 30].

За неполные два года членами общества Соединенных славян стали В. А. Бечаснов, И. И. Горбачевский, А. С. Пестов, братья Ал. В.

и А. В. Ведяняпины, А. Д. Высочин, И. В. Киреев, П. Ф. Громнитский, И. И. Иванов, П. В. Выгодский, Я. М. Андреевич, Н. Ф. Лисовский, А. И. Тютчев, В. Н. Соловьев, П. Д. Мозган и др. Перед Верховным уголовным судом предстали 23 члена Славянского общества. «Причины, – свидетельствует И. В. Киреев, – побудившие меня к вступлению в тайное общество под названием "Соединенных славян", были не что иное, как собственное мое желание к перемене образа правления, теперь существующего, на республиканский» [1, т. XIII, с. 167]. Большинство членов этого тайного общества придерживались именно такого взгляда на причины вступления в общество Соединенных славян.

«Правила» или «Катехизис» Соединенных славян состоял из 17 пунктов. Многие из них отражали просветительские устремления и желание к самоусовершенствованию. Однако, в этом документе ставились и ряд социальных проблем. Например, второй пункт гласил: «Не желай иметь раба, когда сам быть рабом быть не хочешь» [1, т. V, с. 121]. Идея создания Славянской федерации ставила под сомнения извечность рабства в России и божественное происхождение власти царя, незыблемость существующего общественно-политического строя.

В процессе следствия многие члены общества Соединенных славян стремились уменьшить политическую направленность программных документов общества. Знакомство с «Катехизисом» свидетельствует о том, что П. И. Борисов был неискренен, когда утверждал, что «верных средств к достижению ... цели мы не имели». Дело в том, что в пунктах 1, 12, 13 говорится об оружии, которое поможет достигнуть поставленной цели. С оружием в руках, требует Катехизис, защищать невинных, бороться против несправедливости и помогать друзьям своим, которые «также помогать тебе будут». Поручик А. Ф. Фролов свидетельствовал: «Мы хотим сделать равенство... Если мы умертвим государя, и в то время легко будет сделать сие...» [1, т. XIII, с. 324].

Передовые взгляды Соединенных славян формировались под влиянием критического отношения к крепостнической русской действительности, бесправию солдат, издевательствам помещиков и крупных магнатов над крестьянами. «Достаточно указать для сего на одни беспрестанные выгоны крестьян для делания дорог, часто в страдную пору, во время сенокоса или жатвы. Повинность сия довела поселян до совершенного разорения» [8]. В это время, как свидетельствует граф Олизар, в течение первой четверти XIX в. «было время веселого шляхетского разгула, поощряемого обилием

материального благосостояния помещиков», создаваемого потом и кровью подневольных крестьян.

Богатство одних и бесправие других, веселая жизнь дворян и жалкое существование крестьян, мордобой в армии, издевательства офицеров над солдатами обсуждались в кругу передовой офицерской молодежи.

Важным местом собраний большинства членов общества Соединенных славян, помимо Новоград-Волынского и Житомира, был Лещин. В сентябре 1825 г. большинство частей третьего корпуса соберутся на маневры. Сюда придут и члены Южного общества. 1-й батальон Черниговского пехотного полка во главе с С. И. Муравьевым-Апостолом будет располагаться в м. Лещине. Палатка командира батальона станет местом частых встреч старых сослуживцев Семеновского полка. В местечке встретятся С. И. Муравьев-Апостол и старый семеновец А. И. Тютчев, капитан Пензенского пехотного полка, которого примут в общество. А. И. Тютчев скажет, что он уже является членом общества Соединенных славян. Это вызовет интерес у Сергея Ивановича. Он попросит достать устав общества Соединенных славян, что А. И. Тютчев и сделает. С. И. Муравьев-Апостол поручает М. П. Бестужеву-Рюмину установить «сношения между нашим и Славянским обществом» [1, т. IV, с. 280]. Вскоре общества объединятся. Славяне полностью приняли положения «Русской правды». «Удостоверившись, что Южное общество сильнее Славянского, Борисов согласился на предложение их (М. П. Бестужева-Рюмина и С. М. Муравьева-Апостола) о соединении» [9]. М. П. Бестужев-Рюмин несколько раз собирал членов общества Соединенных славян, знакомил их с выдержками из «Русской правды» П. И. Пестеля, создал группу из 15 человек, которой поручалось убить императора.

Первое совещание проходило в м. Лещине на квартире А. С. Пестова. В с. Песках предполагалась встреча на квартире Ал. В. Веденяпина. Однако, по распоряжению М. П. Бестужева-Рюмина она была перенесена на квартиру Я. М. Андреевича. В селе жили И. Ф. Шимков и И. В. Киреев. По всей видимости, сообщение, что в Песках была квартира Я. М. Андреевича, не отвечает действительности [1, т. XIII, с. 419].

Второе и третье – в с. Млиницах на квартире Я. М. Андреевича. На них присутствовали: Я. М. и Г. М. Андреевичи, М. А. Щепилла, П. Ф. Громнитский, А. И. Тютчев, Н. Ф. Лисовский, П. Д. Мозган, И. О. Мозгалевский, П. И. Борисов, И. И. Горбачевский, М. М. Спиридов, В. А. Бечаснов, Й. Ф. Шимков, П. М. Бестужев-

Рюмин и др. Здесь был разработан и принят к исполнению следующий план: «а) начать действовать непременно по осени 1826 года, при сборе корпусов, лишении жизни блаженной памяти государя-императора; б) приготовить солдат к предназначенному делу и стараться принять больше членов из недовольных. В собраниях у Андреевича были составлены списки членов общества, разделенного на округа артиллерийский и пехотный, и назначены представители: от первого – Горбачевский, а от последнего – Спиридов» [10]. Членам общества запрещалось проситься в отставку или переводиться в другие части.

В лагерях под Лещином декабристы приступили к агитации среди солдат своих подразделений. Эти попытки были еще очень робкие и несовершенные. «Человеколюбием и скромным обхождением с нижними чинами, – свидетельствует Я. М. Андреевич, – заслужил от них доверие и любовь, так, что и товарищи мои сему удивлялись...» [1, т. V, с. 383]. Добившись доверия у солдат, он в разговорах с ними обращал внимание на военное ведомство и правительство, которые своими действиями довели солдат «до такого ничтожества», тогда, когда армия – опора государства [1, т. V, с. 384]. П. Д. Мозган на следствии рассказывал, что «призвал к себе рядового Бородина, бывшего в Семеновском гвардейском полку, и усовещал его, чтобы он склонял товарищей не действовать противу возмущившихся войск» [1, т. XIII, с. 277]. О проводимой агитации среди «нижних чинов» расскажут позже и сами солдаты: «Вскоре после поступления подпоручика Андреевича 2-го в роту, – свидетельствует солдат 1-й батареинной роты И. Фадеев, – квартировавшей в с. Киковой, одного дня он позвал меня к себе, через частного фейерверкера Гончарова на квартиру...» [1, т. VI, с. 356]. Славяне относились к нижним чинам так, как этого требовали правила: Пункт 4, которых гласит: «Простота, воздержанность и скромность сии блюстительницы (души – Г. К.) сохраняют твое спокойствие» [1, т. XIII, с. 381]. П. Д. Мозган советовал некоторым солдатам присоединиться к ротам Тютчева, Громнитского и Лисовского. Беседы с солдатами велись в с. Провалах во время перехода из Староконстантинова в Житомир. О попытках агитации среди солдат бывшими семеновцами говорил и А. Ф. Фролов. «Мы, было, начали в Петербурге дело (события в Семеновском полку в 1820 г. – Г. К.), но не кончили, то здесь надо кончить, а вы постарайтесь подговорить своих товарищей к сему» [1, т. XIII, с. 331].

О доверительных беседах с солдатами свидетельствует и С. И. Муравьев-Апостол. «В 1825-го года, во время лагерей при Лещине, приходили ко мне солдаты, бывшие Семеновского полка,

Пензенского Гульбин, Тамбовского Малофеев и Иванов, Саратовского Федот Николаев, Анойченко, Греков и другие ... Я с ними разговаривал о тяжести службы, бранил ее, вспоминал им старый полк ... Говорил им, что я уверен, что они от своих старых офицеров никогда и нигде не отстанут...» [1, т. IV, с. 276]. Эти факты свидетельствуют, что дворянские революционеры только начинали осознавать необходимость поддержки солдатской массы. В этом сказались их дворянская ограниченность. Выступая за благоденствие народа, они, по образному выражению В. И. Ленина, были еще «страшно далеки от народа» [11]. Борясь за счастье народное, они боялись привлечь его на свою сторону. Самодержавие оказалось сильнее, нежели это считали самые дальновидные члены тайных организаций. Попытки привлечь солдат на свою сторону диктовались тактическими соображениями. Декабристы – сторонники военной революции. Они считали, что, используя только армейские части и отстранив народ от участия в борьбе против самодержавия, они избегнут кровопролития, «потому что угнетение крестьян их помещиками и налогами, притесняемые командирами солдаты, – писал П. И. Борисов, – обиженные офицеры и разоренное дворянство по первому знаку возьмут нашу сторону и мы не будем встречать нигде сопротивления» [1, т. V, с. 31].

Революция должна быть военной, считали многие: «Тогда обойдется без кровопролития, – свидетельствовал П. Ф. Громнитский, – некому уже будет противиться, и мы достигнем с успехом тех предприятий, которые предположены еще в 815 году. Говорили, что конституция кончена еще в 824 году, что остается теперь преимущественно обратить внимание на войска...» [1, т. XIII, с. 137].

Частые встречи близких по духу и мировоззрению молодых людей состоялись в Житомире. Неоднократно в караул в корпусную квартиру заступали со своими ротами П. Ф. Громнитский, А. В. Веденяпин, П. Д. Мозган, М. М. Спиридов и другие члены общества Соединенных славян. Некоторые из них жили здесь постоянно, будучи «учителями» в дивизионной школе: Веденяпин, И. В. Киреев. Вместе с ними в доме Уварова жил и брат Алексея-Апполон Веденяпин, П. Нащокин и И. И. Иванов, служивший по провиантской части. И. И. Иванов, по всей видимости, родился в Житомире и обучался у «приватных учителей». Его мать имела собственный дом в городе. Здесь же служил в канцелярии Волынского гражданского губернатора П. Ф. Выгодский. «В 1825 году, – рассказывает П. Д. Мозган, – стоя с ротой в карауле в

Житомире, я был в связи с капитаном Тютчевым. Он меня однажды познакомил с комиссионером Ивановым ... Через несколько дней пригласили меня обедать к Тютчеву, где меня в общество приняли ...» [1, т. XIII, с. 284].

Во второй половине декабря 1825 г. в городе был С. И. Муравьев-Апостол. «Пробыл сутки в Житомире, где впервые услышали мы (вместе с ним был его брат Матвей – Г. К.) о происшествии 14 декабря в Петербурге, но глухо и безо всяких подробностей» [1, т. IV, с. 285]. Вероятно уже здесь С. И. Муравьев-Апостол задумался о дальнейших действиях.

В конце этого же месяца в Житомире состоялось совещание членов общества Соединенных славян, где было принято решение о начале восстания. План военных действий, изложенный П. И. Борисовым в письмах к А. И. Тютчеву, П. Ф. Громнитскому и Н. Ф. Лисовскому, предполагал: возбудить «в солдатах революционный дух», собраться в Новоград-Волинском, взяв артиллерию [1, т. V, с. 56], «идти первоначально в Житомир и завладеть корпусной квартирой, потом на Киев, из Киева на Бобруйскую крепость» [1, т. V, с. 55]. Большие надежды братья Борисовы полагали на Алексопольский полк (им командовал Повало-Швейковский), Ахтырский гусарский полк (Артамон Муравьев) и на полк Тизенгаузена, который находился в Бобруйской крепости. Борисовы считали, что укрепившись в Бобруйской крепости, можно идти на Москву «ежели 5 и 4 корпуса последуют нашему примеру, подымут оружие и сделают с ними коммуникацию и ежели вторая армия поступит таким же образом» [1, т. V, с. 55]. Попытки П. И. Борисова и его брата Андрея поднять на борьбу части, где служили члены тайного общества, не увенчались успехом. О восстании Черниговского полка, они узнают позже. Это «случилось неожиданно для большей части членов тайных обществ». Многие узнали о нем одновременно с известием о поражении. Некоторые решились сами действовать. Среди них и члены Славянского общества, служившие в Пензенском полку.

Приехавший к П. И. Борисову его брат Андрей, объезжал участников организации в Житомире, Пензенском и Саратовских полках. Я. М. Андреевич и В. А. Бечаснов пытались привлечь к восстанию Алексопольский пехотный и Ахтырский гусарский полки. Но тщетно. Вызывает удивление заявления некоторых исследователей, утверждающих, что в этот период П. И. Борисов через П. К. Головинского и его брата, предводителя Овручского уезда, пытался установить связь с местной польской шляхтой [12].

П. К. Головинский в этом случае повел себя весьма трусливо, о чем убедительно свидетельствуют документы.

В марте 1826 г. в Житомир доставили арестованного И. И. Сухинова, одного из сподвижников С. И. Муравьева-Апостола по восстанию Черниговского полка. «Приехав в Житомир, – пишет в своих "Записках" И. И. Горбачевский, – частный пристав остановился в трактире обедать. Сухинов, пользуясь сим, просил позволения отдохнуть несколько времени, представляя ему, что открывшиеся раны и расстройство здоровья мешают его возможности продолжать по-прежнему дорогу» [13].

В Троянове и Любаре квартировали полки, на которые возлагал определенные надежды С. И. Муравьев-Апостол. В Троянове, как пишет И. И. Горбачевский, С. И. Муравьев-Апостол еще не «думал о возмущении» [14]. Здесь братья Муравьевы узнали подробности о восстании 14 декабря 1825 г. Они выехали в Любар, где их догнал М. П. Бестужев-Рюмин. Он сообщил С. И. Муравьеву-Апостолу, о том, что на его бумаги наложен арест, а за ним поехали в Житомир командир полка подполковник Гебель и два жандарма. Попытка выработать определенный план действия не нашла поддержки командира полка Артамона Муравьева. Братья Муравьевы-Апостолы едут в Трилеса, а М. П. Бестужев-Рюмин пытается через Брусилов пробраться к членам Соединенных славян. Впоследствии, автор записок «Белая Церковь», декабрист Ф. Вадковский запишет: «Вместе с Муравьевыми выехал из Любара и Бестужев, но не в Васильков, а в Брусилов и Радомысль, чтобы возмутить полки: Кременчугский и Алексопольский, и сообщить о восстании артиллеристам в Паволочь» [15]. После поражения Черниговского полка М. М. Спиридов, как свидетельствовал П. Д. Мозган, «осуждал Сергея Муравьева за то, что сделал возмущение и никому о том не дал знать» [1, т. XIII, с. 274].

Братьев Муравьевых-Апостолов в Трилесах арестовали. Перед этим Сергей Иванович запиской вызвал в Трилеса славян В. Н. Соловьева, А. Д. Кузьмина, М. А. Щепиллу, И. И. Сухинова, которые и освободили его из-под ареста, именно с этого события можно говорить, о том, что восстание вступило в решающую стадию.

С. И. Муравьев-Апостол, собрав в Василькове большую часть Черниговского пехотного полка, «мог действовать тройким образом: 1-е, идти на Киев; 2-е, идти на Белую Церковь; и 3-е, двинуться спешно к Житомиру и стараться соединиться со славянами» [1, т. IV, с. 287]. Мысль о походе в расположение 8-й батареи неоднократно приходила в голову С. И. Муравьеву-Апостолу. По-видимому, он раньше обдумывал ее, потому что М. П. Бестужев-Рюмин старался

принять в общество офицеров, живших на стратегически важной дороге Киев–Радомышль–Житомир. Штаб-ротмистр принца Оранского полка И. П. Жуков был принят в общество в 1824 г. М. П. Бестужевым-Рюминым. Он встречался с И. П. Жуковым в Сквире и Брусилове, писал ему письма и записки, понуждая его к более активным действиям в пользу Южного общества: Проезжая через станцию, Ряжев (так в документах. По всей видимости, через Рожев. – Г. Д.), М. П. Бестужев-Рюмин написал записку И. П. Жукову с просьбой «поспешнее приезжать в Радомышль», где найдет у Швейковского оставленное для него письмо.

В данном случае М. П. Бестужев-Рюмин преследовал цель – заставить И. П. Жукова поехать в Любар, «в полк и по возможности приготовить оный для содействия нам» [16]. На следствии М. П. Бестужев-Рюмин покажет с горечью: «Жуков был принят в члены мною в начале 1824-го года. Помощи он никакой совершенно обществу не оказал и от онаго решительно отстал» [1, т. VII, с. 90–91].

Значительное место в планах Славян занимал г. Коростень. В городе стояла 4-я рота 8-й артиллерийской бригады. В ней служили И. В. Киреев, П. К. Головинский. И. В. Киреев показывал на следствии: «Вступив в службу 1 мая 1823 года, после окончания обучения во 2-м кадетском корпусе, в 4-ю батареиную роту 8-й артиллерийской бригады, квартировавшей в местечке Искорости» [1, т. XIII, с. 177]. Позже его откомандируют в Житомирскую артиллерийскую школу, где он будет преподавать фортификацию. Он примет в общество в селе Пески Ал. В. Веденяпина. В Коростене он бывал очень редко. Здесь нес в это время службу П. К. Головинский. В декабрьские дни 1825 года П. И. Борисов писал П. К. Головинскому, дворянину Овручского уезда, письмо, в котором посоветовал ему, по возможности, возмущать и бунтовать солдат [1, т. VII, с. 358]. Если бы П. К. Головинский воспользовался этим советом, то, по мнению П. И. Борисова, рота была бы готова к предполагаемому восстанию. Славяне хотели собрать войска в Новоград-Волинском, оттуда намерены были следовать в г. Житомир и завладеть корпусной квартирой, из коей, смотря по обстоятельствам, идти к Киеву, или в крепость Бобруйск, а так, как 4-я парочная рота квартирует на дороге, ведущей к сему последнему месту [1, VI, с. 358], то от ее участия в восстании зависел его успех. П. К. Головинский – бездеятельный член общества Соединенных славян. Он не воспользовался советом П. И. Борисова и не подготовил роты к будущим военным действиям.

После ареста членов Славянского общества в Коростене побывал старший адъютант штаба 1-й армии капитан В. С. Сотников, составивший после рапорт на имя дежурного генерала Ольдекопа от 26 марта 1826 г.: «4-я батареинная рота. В м. Искорость, в коем расположен штаб сей роты, прибыл я 17 марта около 4 часов вечера. Жители и земский заседатель Овручского уезда Юров удостоверили меня в спокойном квартировании. Нижние чины сей роты сохраняют хороший дух и вовсе не принимают участия в судьбе взятых из 8-й артиллерийской бригады офицеров» [1, т. VI, с. 117]. Рапорт успокоил военное начальство – в 9-й дивизии и спокойно и хорошо, хотя в некоторых ротах солдаты высказывали сожаление по поводу ареста офицеров.

Следственные, дела декабристов позволяют выявить многие населенные пункты Житомирщины, где жили или бывали по служебным делам декабристы. Эти сведения, как правило, очень скупы, например, о пребывании декабристов в селах Кикове и Канунах, местечке Мирополе [1, т. VI, с. 356–359]. Нужны дополнительные исследования в архивах, чтобы пролить свет на историю этих населенных пунктов. Сложность состоит и в том, что многие села позже вошли в состав других губерний, а хороших и полных карт того времени недостаточно. Ко всему, некоторые селения переименованы. Однако, установление факта о пребывании декабристов в данном селении очень важно. Оно поможет исследователям-краеведам вести поиск в правильном направлении. Желательно в таких населенных пунктах установить памятные знаки, раскрывающие содержание борьбы декабристов.

Краткий анализ деятельности членов общества Соединенных славян на Житомирщине подтверждает правильный вывод видного члена Северного общества декабристов о том, что славяне были твердо убеждены в правоте дела, которому они служили, и, «приглядевшись к ним поближе, можно было убедиться, что для каждого из них сказать и сделать было одно и то же, и что в решительную минуту ни один из них не попятится бы назад» [17]. Особенно это проявилось во время следствия. Большинство членов общества Соединенных славян «запирались» в ответах, скрывали свои истинные мысли. И только после неопровержимых улик сознавались, рассказывая о деятельности и планах тайного общества. Ценность этих сведений возрастала, если учесть, что некоторые из декабристов впоследствии пытались доказать обратное, а именно: «устроенного общества с определенной целью, с определенными средствами действовавших к достижению известной цели, не было» [18]. Эта мысль принадлежит

Н. И. Тургеневу, положившему начало русской политической эмиграции, игравшей впоследствии видную роль в истории общественно-политического движения в России.

Деятельность декабристов оставила заметный след в истории края. Волыняне свято чтут память о декабристах, отдавая дань уважения их борьбе на страницах газет и журналов. Но этого мало. Нужно населенные пункты Житомирщины, где жили и бывали декабристы, отметить не только на туристических картах, но и соорудить памятные знаки. Только тогда такие населенные пункты области приобретут статус памятных мест, будут иметь непреходящее значение в воспитании подрастающего поколения. Помимо этого, в школах населенных пунктов, где бывали сподвижники свободы, необходимо создать комнаты или музеи истории селений, в которых отвести целый раздел движению декабристов и, в частности, тем декабристам, которые здесь жили.

Приложение

Название населенных пунктов Житомирщины и фамилии декабристов, проживавших в них

	Название населенного пункта	Ф.И.О. декабриста, проживавшего здесь
1.	Житомир, штаб 3-го пехотного корпуса	М. М. Спиридов, И. И. Горбачевский, П. И. Борисов, П. Ф. Дунцов- Выгодский, И. В. Киреев, И. И. Иванов и др.
2.	Лещин (летние лагеря)	П. И. Борисов, И. И. Горбачевский, В. А. Бечаснов, Я. М. Андреевич, П. Ф. Громнитский, А. И. Тютчев, Н. Ф. Лисовский, А. Ф. Фролов, Ал. В. Веденяпин 1-й, А. В. Усовский, М. П. Бестужев- Рюмин, С. И. Муравьев-Апостол, И. С. Швейковский и др.
3.	Троянов	Ал. Муравьев, С. И. Муравьев- Апостол, М. И. Муравьев- Апостол
4.	Пески	Веденяпин 2-й, И. Ф. Шимков, И. В. Киреев
5.	Млинице	П. И. Борисов, А. С. Пестов, Я. М. Андреевич,

		М. А. Щепилла, П. Ф. Громнитский, А. И. Тютчев, Н. Ф. Лисовский, П. Д. Мозган, И. И. Горбачевский, И. Ф. Шимков, А. Ф. Фролов, И. И. Иванов, А. В. Усовский, А. Д. Кузьмин, В. Н. Соловьев
6.	г. Новоград-Волынский	А. С. Пестов, П. И. Борисов, И. И. Горбачевский, С. Г. Волконский
7.	с. Кикова, 1-я батарейная рота	Я. М. Андреевич, солдаты: Гончаров, И. Фадеев
8.	с. Кануны	П. И. Борисов, В. А. Бечаснов, И. И. Горбачевский
9.	пгт. Барановка, 2-я легкая рота	П. И. Борисов, И. И. Горбачевский, В. А. Бечаснов, солдат Г. Крайников
10.	с. Смолдырев	И. И. Горбачевский, Я. М. Андреевич, П. И. Борисов, В. А. Бечаснов
11.	с. Острожок, (ротная школа для солдат)	В. А. Бечаснов, солдаты: Занин, Родичев, Евдокимов, Крайников
12.	пгт. Мирополь, 3-я рота	В. А. Бечаснов
13.	пгт. Любар, штаб Ахтырского полка	Артамон Муравьев, С. И. Муравьев-Апостол, М. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин, М. М. Андреевич, В. А. Бечаснов
14.	с. Проваловка, 4-я рота	П. К. Головинский, П. И. Борисов, В. А. Бечаснов
15.	г. Бердичев, штаб Мариупольского полка	П. И. Пестель, С. И. Муравьев- Апостол, С. Г. Волконский, В. А. Бечаснов, И. И. Сухинов
16.	с. Паволочь, конная рота № 5	?
17.	пгт. Брусилів, штаб Кременчугского полка	С. И. Муравьев-Апостол, М. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин, А. Ф. Вадковський
18.	Радомишль, штаб Алексопольского полка	И. С. Повало-Швейковский, В. К. Тизенгаузен,

		М. П. Бестужев-Рюмин, А. Ф. Шимков
19.	пгт. Черняхов	А. С. Пестов, Я. А. Драгоманов, И. И. Сухинов, И. И. Горбачевский, В. А. Бечаснов, Я. М. Андреевич
20.	г. Коростень, 4-я рота	И. В. Киреев, П. К. Головинский
21.	пгт. Овруч	П. К. Головинский
22.	Пятка	?
23.	Вчерайше 6-я пехотная рота	?

Источники и литература:

1. Восстание декабристов. Документы – М., 1925–1984, тт. I–XV; XVII–XVIII. Далее ссылки на это издание будут подаваться в тексте: первая цифра – номер тома, после запятой – страница.

2. Декабристы рассказывают... – М., 1975. – С. 28, 49.

3. Государственный архив Житомирской области. – Ф. 2. – Оп. 1, 1812. – Д. 178; Ф. 2. – Оп. 1, 1802. – Д. 171. – Л. 21.

4. Центральный государственный архив Украины в г. Киеве. – Ф. 533. – Оп. 1, 1803., – Д. 268. – Л. 6.

5. **Нецевич С.** Сторінки історії // Радянський шлях (Бердичів). – 1984. – 29 вересня.

6. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. 48. – Оп. 1, 1826. – Д. 179. – Л. 4 об. – 7.

7. ГАРФ. – Ф. 48. – Оп. 1, 1826. – Д. 431. – Л. 4.

8. ГАРФ. – Ф. 48. – Оп. 1, 1826. – Д. II. – Л. 7.

9. ГАРФ. – Ф. 48. – Оп. 1, 1826. – Д. 431. – Л. 6.

10. ГАРФ. – Ф. 48. – Оп. 1, 1826. – Д. 431. – Л. 6.

11. **Ленин В. И.** Памяти Герцена // Полн. собр. соч. – Т. 21. – С. 261.

12. **Сыроечковский Б. Е., Соколовский Л. А., Порох И. В.** Декабрист И. И. Горбачевский и его «Записки» // **Горбачевский И. И.** Записки. Письма. – М., 1963. – С. 263.

13. Там же. – С. 96.

14. Там же. – С. 52.

15. Колокол. – 1863. – Листок 157. – С. 1305.

16. ГАРФ. – Ф. 48. – Оп. 1, 1826. – Д. 88. – Л. 16, 20, 30.

17. Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. – М., 1951. – С. 112

18. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 6, Разряд VI, 1826. – Д. 589. – Л. 8.

*Камилла Кузнецова
(Санкт-Петербург)*

ДЕКАБРИСТСКОЙ СЕКЦИИ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ – ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

Осень далекого 1990 года. Трое членов «молодой» Декабристской секции Государственного Музея истории Ленинграда (ГМИЛ) приглашены в Киев на IV-е «Декабристские чтения», посвященные 165-летию восстания декабристов. Чтения проходили в Киевском государственном университете имени Тараса Шевченко. Тогда мы рассказывали о проблемах в связи с созданием в Ленинграде Музея декабристов, решение о котором было официально принято в октябре 1988 г. В Киеве нам сочувствовали и поддерживали. Киевляне, между тем, готовились выпустить сборник «Декабристы на Украине».

Теперь, отмечая 190-летие Южного общества, готовится к изданию седьмой том. И неожиданно, но приятно – было нам снова получить приглашение к сотрудничеству. Да, История у нас общая!

Дата образования Декабристской секции – 27 апреля 1987 г. Нынче мы вступили в свой 25 год жизни. Для организации, где всё держится на общественных началах и энтузиазме, это – огромный срок. И уже есть, что рассказать. Первые годы на повестке дня секции было создание Музея в нашем городе. Увы, и вторая в XX веке попытка создания Государственного музея декабристов на берегах Невы не удалась. И в обозримом будущем – явно не ожидается. Хотя памятных декабристских мест в Петербурге – очень много. Благодаря подготовке к созданию музея, наиболее важные из них (дополнительно к предыдущим) отмечены мемориальными и памятными досками. Научную концепцию в этой части Музей истории города выполнил полностью.

В изменившейся в стране обстановке, все эти годы Декабристская секция жила под девизом «Лучше зажечь лучину, чем всю жизнь проклинать тьму». Мы активно живём и действуем, ряды наши пополняются.

Основные направления работы Декабристской секции:

- исследовательская и просветительская деятельность;
- связи и сотрудничество с музеями декабристов, коллективами, с потомками и людьми, заинтересованными декабристской тематикой.

Секция является одним из малых центров развития исследовательской работы по теме. Работа эта не может считаться научной, если ею занимаются непрофессионалы, какими является большинство членов секции. Но, занимаясь исследованиями, многие из нас (а тем более – историки) работают в государственных архивах или используют личные семейные материалы. С результатами выступаем на своих заседаниях. Кстати, они – регулярны, ежемесячны, их прошло уже более 250 (!), о чём составлена «Летопись». Секция участвует в традиционных Научных Чтениях ГМИ СПб «Декабристы. Новые материалы», а также во Всероссийских и международных конференциях декабристской тематики, например, в Киеве (1990 г.), Москве (1992 г.), Санкт-Петербурге (2000 г., 2004 г., 2005 г., – «Декабристы и их эпоха», Институт истории РАН), Ялуторовске (2007 г.), Выборге (2007 г.), Измаиле (2007 г. Музей А. В. Суворова). В 2010 году Декабристская секция инициировала проведение в Петропавловской крепости Научных чтений «Декабристы. Новые материалы», достойно отметив 185-летие восстания декабристов (едва ли не единственными в городе). Тематика выступлений разнообразна и многогранна. От общих тем («Тайные общества», «Декабристы и Сибирь», «Декабристы на Кавказе», «Моряки-декабристы») до персоналий и частных. Многие члены секции побывали в разные годы в памятных декабристских местах страны, в том числе – в Сибири, Забайкалье и в Украине, и их рассказы особенно интересны, так как иллюстрируются фото- и видеоматериалами и личными впечатлениями.

Активно существует в городе заложенная секцией традиция проведения «Дней памяти декабристов» – 14 декабря (в день восстания) и 13 июля (в день казни) – именно в эти исторические дни. Это есть наша дань внимания и уважения к тем, кто смело вышел на Сенатскую площадь в морозный день 14 декабря 1825 года. Материальное обеспечение «Дней Памяти» неизменно берёт на себя, в первую очередь – Гос. Музей истории СПб. В декабре живые цветы ложатся на снег площади Сенатской – Декабристов и трогательные слова уважения борцам за гражданские свободы звучат у памятника Петру. Кстати, традиция Памяти «14 декабря» – не нова. Этот день отмечали декабристы весь XIX век и в Сибири, и – вернувшись после амнистии. 14-го декабря 1891 года отметил этот день последний из оставшихся в живых декабрист – Дмитрий Иринархович Завалишин (1804–1892). Традицию продолжали и потомки. Даже в тяжёлые годы блокады Ленинграда (1942–1944 гг.) старались, кто мог, собраться в доме его дочери Зинаиды

Дмитриевны Еропкиной (1876–1956). А после неё встречи потомков в своём доме продолжил внук декабриста, Борис Иванович Еропкин (1910–1995). Традиция сохранена... Декабристская секция вдохнула в неё новую жизнь.

Идея второго «Дня Памяти» родилась в секции, но блестяще осуществлена лишь совместными усилиями двух музеев города – ГМИ СПб и Военно-исторического Музея. Летом, когда в городе особенно много гостей, 13 июля на кронверке Петропавловской крепости, торжественно и строго проходит памятный ритуал. Звучат оставленные в мемуарах короткие воспоминания самих декабристов об этом дне и предсмертные строки приговоренных к казни... Звучит военный оркестр, барабанная дробь, флейта... Ложатся цветы к обелиску пятерым казнённым – офицерам русской армии. Торжественным маршем мимо обелиска и собравшихся проходит Рота почетного караула со знаменем, воздавая воинские почести достойнейшим сынам России... Памятные декабристские дни всегда пополняют ряды членов секции пришедшими на площадь и кронверк по велению души и сердца.

Уже сложилась традиция встречаться с близкими по интересам людьми, тем более, если они приезжают издалека. С удовольствием хочу назвать тех представителей учёного мира, кто поддерживает и помогает нам. С секцией встречались директора Музеев декабристов Читы, Петровска-Забайкальского, Ялуторовска, Новоселенгинска и многократно – Иркутска; сотрудники Всероссийского Музея А. С. Пушкина; выступали на секции наши земляки – А. Д. Марголис, Я. А. Гордин, проф. Г. А. Невелев, историки А. Б. Шешин, П. В. Ильин, Н. Ф. Караш, Г. А. Принцева и др. Галина Александровна Принцева (заведовавшая Русским отделом Эрмитажа) дважды провела специально для нас уникальную (вне тематики Эрмитажа) экскурсию «Декабристы в Эрмитаже в период следствия». Память об этой экскурсии до сих пор хранят те из нас, кому довелось в ней участвовать.

За долгие годы секция объединила более двух сотен людей – потомков и представителей декабристских родов, людей разных профессий, возрастов и жизненного опыта, просто интересующихся историей. Для всех характерно одно – уважение к декабристам, искренний интерес к теме, желание шире и глубже понять её. С удовольствием и благодарностью хочу назвать наших кураторов – научных сотрудников ГМИ(Л)-СПб – Г. Ф. Урусову и М. В. Вершевскую, серьёзных историков и отзывчивых людей, у которых секция всегда находит понимание и поддержку. В связи со 190-летием Южного тайного общества хотелось бы отметить в этой

статье, что в секции на протяжении долгих лет были потомки и представители родов следующих декабристов-южан и (общества Соединённых) славян: Я. М. Андреевича, В. Л. Давыдова, В. П. Ивашева, В. Н. Лихарева, Н. О. Мозгалевского, А. З. Муравьева, В. С. Норова, И. В. Поджио, В. К. Тизенгаузена и А. П. Юшневского.

Одним из важных направлений нашей работы являются генеалогические исследования декабристских родов, которые проводят сами потомки, прямые и боковые, многолетнее занимаясь этим. И большинство из членов секции – потомков декабристов – оставили в нашем Альбоме «История в лицах» свои родословные ветви «от декабриста к себе», что представляет бесспорную ценность. Благодаря выступлениям на заседаниях, стали знакомыми и близкими названия многих украинских городов и сёл, где были имения декабристов: с. Яновка под Киевом, где были арестованы В. Н. Лихарев и хозяин дома – И. В. Поджио; с. Пануровка под Черниговом, где в имении тестя арестовали А. Ф. Бригена (в день отъезда с семьёй за границу); с. Каменка близ Изюма под Харьковом, подаренная А. А. Самборским внучке Елизавете В. Малиновской и ставшая «родным гнездом» для ее сестер Анны В. (Малиновской) Розен и Марии В. (Малиновской) Вольховской. В г. Николаеве родились братья Поджио, Иосиф и Александр Викторовичи. В этом городе, который по рождению родной и для меня, я побывала осенью 2010 года. Придя к дому с мемориальной доской и именами братьев Поджио, решила сфотографироваться. Попросила сделать фотографию троих проходивших мимо студентов, что с готовностью было исполнено. А кто такие – братья Поджио?» – неожиданно задала вопрос я молодым людям. На лицах двоих – растерянность. Третий уверенно ответил: «Декабристы». Пришлось его похвалить...

Нашу Секцию более 20 лет посещает и радует нас своей внешностью, воспитанностью и образованностью, и своим талантом потомок в 5 поколении декабриста И. В. Поджио (от дочери Софы) Александр Бормин, 1965 г. р. Член секции поэтесса М. Н. Пчелова посвятила Александру такие стихи:

Александру Бормину посвящается

Нас поднимает в поднебесье осторожно
Не чудный голос, а художественный свист.
Душа тревожна, здесь слова, увы, ничтожны,
Талант пред нами, замечательный артист!

Откуда в нём взялась энергия такая?
Какая тонкая, высокая душа!
И за собой куда-то в дали увлекая,
Заставил слушать, замерев, едва дыша.

Какое редкое и дивное искусство!
Какая радость, что его нам донесли!
За звуком вслед (о, удивительное чувство!)
Мы вдруг летим, как будто крылья проросли.

Танго из прошлого... И в сердце кастаньеты,
Букет мелодий... Сердце трепетно стучит.
С душою вместе облетев вокруг планеты,
«Ave Maria» словно с облака звучит.

И наслаждаются художественным свистом
Сегодня те, кто всё способен оценить.
Здесь есть, как сам артист, потомки декабристов.
Ах, Александр! Ну, как нам Вас благодарить?

2003 г.

Это – наш «соловей» – один из победителей конкурса «Минута славы»-2011 г., добрый и открытый человек, артист редкого таланта, в котором исключительно тонко проявились итальянские корни предка – декабриста Иосифа Викторовича Поджио. Своим талантом он славит предка. Это ли не Память!

За время работы секции опубликовано два сборника (ныне готовится третий – юбилейный). 1-й – «Декабристский выпуск» литературного, религиозно-философского и историко-художественного журнала «Мера» №1, 1996 г. (издательство «Глаголь», СПб, главный редактор – В. И. Чернышов) и «Внуки декабриста», издание Декабристской секции ГМА СПб, типография Сев.-Зап. Института печати, 2006 г. Причем, составление, художественное оформление и оплата издания осуществлялись силами секции. В журнале «Мера» из 32 публикаций 20 принадлежат перу членов секции, в том числе – потомкам семей декабристов Бригена, Завалишина, Искрицкого, Лемана, Лихарева, Мозгалевского. Судя по ссылкам на эти публикации в научных исторических изданиях, этот материал историками востребован. А восторженно-деловое письмо из Днепропетровского исторического музея (02.1997 г.) свидетельствовало о необходимости взаимовыгодных контактов. Вторая наша публикация «Внуки

декабриста» состоялась в 2006 г. – в год кончины младшего внука декабриста Завалишина, тоже члена Декабристской секции – Юрия Ивановича Еропкина. Сборник «посвящен памяти четырёх внуков декабриста Д. И. Завалишина, проживших в трудный XX век и поддержавших славу своего древнего рода Рюриковичей. Статьи, собранные из опубликованных в разных периодических изданиях, в основном отражают их жизнь, многогранную деятельность в науке и в сражениях Великой Отечественной войны». Гордимся, что членами секции долгие годы были двое внуков декабриста – Борис и Юрий Ивановичи Еропкины. Бесценна роль в обеих публикациях члена секции Н. Ф. Мартыновой, доцента, преподавателя высшей математики ЛГУ и Северо-Западного института (увы, ныне покойной). Наталия Федоровна была достойнейшим потомком А. Ф. Бригена, представляя одну из четырех ветвей декабриста в нашей секции.

Полагаю, интересным будет поместить в этой статье отрывок из «Воспоминаний» Юрия Ивановича Еропкина (1912–2000 гг.) В 1935 г. он закончил Горный институт, работал на комбинате «Апатит» горным инженером по обогащению полезных ископаемых; с 1939 г. – Научно-исследовательский и проектный институт «Механобр». 1941 г. – мобилизован и направлен в Ленинградское училище ВОСО (военных сообщений), ускоренный выпуск лейтенантов состоялся через 9 месяцев; в мае 1942г. ушел на фронт в 30-й ордена Красной Звезды отдельный мостовой железнодорожный батальон. «Батальон участвовал в обороне Кавказа, наводил переправы на Волге под Астраханью и Сталинградом; далее – со 2-м Украинским фронтом наводил переправы и строил временные мосты через все крупные водные артерии Украины – Днепр, Южный Буг, Днестр и др.; затем – в Румынии, Венгрии, Чехословакии и Австрии, где командиром 3-й мостовой роты закончил Великую Отечественную войну капитан Ю. И. Еропкин.» С 1947г. – снова НИИ «Механобр», с которым доктор геологических наук, профессор, автор свыше 150 научных трудов и 8 изобретений, почётный член Академии горных наук РФ Юрий Иванович Еропкин не прерывал связи до конца жизни. Заседания Декабристской секции Юрий Иванович вместе с женой старался посещать регулярно...

1944 год. *«...Сразу после восстановления моста через реку Днепр в районе Кременчуга нам пришлось восстанавливать две трубы, проложенные через высокую насыпь (около 15 м). Обе трубы были подорваны немцами при отступлении. Одну трубу удалось восстановить 4-му взводу В. Галкина, другую –*

загерметизировать, закрыв деревянными щитами входное отверстие. Эта труба была расположена недалеко от села Каменка, знаменитого тем, что в нём была усадьба декабриста В. Л. Давыдова, в которой часто собирались декабристы Южного общества и бывал А. С. Пушкин.

В этой усадьбе была водяная мельница, управлял которой унтер-офицер Александр Шервуд, шпионивший за декабристами. В результате его доноса был арестован Павел Пестель, руководитель Южного общества, ещё до восстания. Шервуд за свой донос получил от правительства приставку «верный» и очень большую сумму денег.

Мне удалось побывать в усадьбе В. Давыдова. Красивый особняк был в ужасном состоянии (в нём немцы держали лошадей), в парке вырублено много деревьев.

Следует отметить, что украинское правительство бережно отнеслось к реликвиям декабристов. В настоящее время (я побывал там в 1993 г.) особняк полностью отреставрирован, парк пополнился новыми деревьями, создана Аллея декабристов, которую венчает прекрасный памятник пятерым казнённым декабристам.

Труба, о которой идёт речь, некоторое время сдерживала напор воды, но, когда началось интенсивное таяние снега, перед трубой образовался огромный водоём (глубиной до 15 м) и напором воды сломало щиты, закрывавшие входное отверстие. После этого мощный поток стал размывать насыпь, и образовалась огромная брешь. Стало ясно, что о восстановлении трубы нечего и думать.

Единственно возможным решением было построить мост на свайных опорах.

Поскольку данная железнодорожная ветка имела важное стратегическое значение, и движение по ней нужно было срочно восстанавливать, на объекте собралось много железнодорожного начальства, представителей командования армии и фронта. Снова начались бессонные ночи, но мост был возведён в кратчайшие сроки – за 5 дней, и сразу пошла поезда...»

(Выдержки взяты из сборника «Внуки декабриста» – из статей: 1) Е. Б. Чижевской «О семье и потомках декабриста Д. И. Завалишина», с. 17; 2) Ю. И. Еропкина «Воспоминания (фрагменты)», с. 63).

Деятельность Декабристской секции периодически выходит за границы нашего города и не только для участия в конференциях. Цель всегда одна – это посещение памятных декабристских мест,

стремление побольше узнать и поделиться тем, чем владеем сами. В пределах Ленинградской области это – Батово под Гатчиной, где было имение матери К. Ф. Рылеева, Сольцы под Киришими, где было небольшое имение Бестужевых, г. Выборг и Выборгский замок, крепости – Шлиссельбургская и Кексгольмская, г. Приморск, где томились декабристы (офицеры и нижние чины) во время следствия и после приговора, откуда солдаты восставших полков по этапу были отправлены на Кавказ. Память хранят местные краеведческие музеи и энтузиасты – сотрудники и краеведы, многие из которых на протяжении ряда лет сотрудничают с нашей секцией, к обоюдной нашей пользе.

Но самой большой радостью для нас является возможность коллективно посетить Сибирь с её многочисленными памятными декабристскими местами. Таких поездок было три: 1990 г. – четверо членов секции за свой счет совершили великолепную поездку: Чита – Петровск-Забайкальский – Новоселенгинск – Кяхта – Иркутск; 2006г. – транссибирский рейс «Дорогой мужества и любви» от Москвы – через 13 сибирских городов до Нерчинска, организованный Международным союзом благотворительных общественных организаций «Мужество и гуманизм» (МИГ) при содействии РЖД; 2008 г. – Москва – Чита – Петровск-Забайкальский – Москва – в рамках того же проекта МИГа «Первенцы свободы», акции «Товарищ, верь!..» – поездка потомков декабристов и представителей общественности Москвы, Петербурга, Ставрополя, Воронежа, Калуги, Тюмени, Туринска и др. городов, а также – из-за рубежа – Франции, Англии и Эстонии – представители декабристских фамилий Муравьевых, Давыдовых, Волконских и Пановых.

Предусматривалось не только знакомство участников поездок с Сибирью и Забайкальем, их городами, музеями, с их потрясающей красотой природой, действительно памятными местами, связанными с каторгой и поселениями декабристов, с их некрополем. Важным итогом поездок (всех! – на протяжении таких трудных 18 лет) было знакомство с людьми. Только в 2006 году за 26 суток пути (с остановками в больших городах) состоялось 96 выступлений участников поездки на встречах с администрациями городов, с интеллигенцией и молодёжью во дворцах культуры, вузах, библиотеках, воинских частях, школах, детских колониях. Выступления были обоюдными, с полнейшей отдачей. В Петровске-Забайкальском в 2008г. за два дня мы слышали столько стихов детей (с 5 по 11 класс) о декабристах, как о близких и родных! Мы видели такие светящиеся радостью детские глаза, глядящие на

потомков! Видели всюду желание показать, как они гордятся тем, что декабристы были у них!

Сибирь благодарна декабристам (мы это видели!) за всё, что они для неё сделали за 30 лет их пребывания там. А мы испытывали удовлетворение и выражали благодарность учителям, работникам библиотек и музеев за то, как ответственно, достойно и проникновенно хранят они память о декабристах, об их жизни и деятельности в Сибири и Забайкалье, воспитывая у нашего молодого поколения интерес к истории нашей Родины, уважение к её героям, любовь к нашему Отечеству. Всё это относится и ко многим администрациям городов. Например, в Чите в 2008 г. на встречу с нами в Администрацию были приглашены не только представители интеллигенции, но и большая группа студентов – будущих историков и филологов Читинского Университета. Это ли не воспитывает память!..

В коллективных поездках (в том числе – и в Украину) за годы работы Декабристской секции приняло участие около 30 человек, что значительно обогащает нас и сплачивает наши ряды. Ведь есть и обратная связь. И пример тому – наши контакты с историками Киевского Университета, не только Декабристской секции, но и историков наших замечательных городов.

*Владимир Купрюшин
(Нижегородская область)*

**НА РОДИНЕ ДЕКАБРИСТА М. П. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА
(д. Кудрёшки, Богородский район,
Нижегородская обл.)**

Добровольное объединение краеведов официально было создано 11 сентября 1988 г. как инициативная группа по предложению богородчан: художника-скульптора Насонова С. С. и студента кожевенного техникума Белехова Андрея, а с декабря 1994 г. носит наименование «Добровольное объединение краеведов по охране и возрождению историко-культурного наследия бывшей усадьбы Бестужевых-Рюминых». Первым председателем Совета группы была избрана Насонова З. А., которую в 1994 г. сменила Алмазова Лидия Анатольевна, а в настоящее время она является хранительницей бывшей усадьбы Бестужевых-Рюминых. В 2008 г. на отчётно-выборной конференции, посвящённой 20-летию Добровольного объединения краеведов (ДОК), председателем Совета ДОК был избран Купрюшин Владимир Серафимович.

Задолго до создания группы поисково-краеведческую, экскурсионно-просветительскую и организационную работу проводили активисты-краеведы из г. Богородска, Нижнего Новгорода, Павлова (-на Оке), д. Теряево и д. Таремское. Хранительница бывшей усадьбы Алмазова Л. А. помнит, как её отец – заведующий Кудрёшинской начальной школой Алмазов Анатолий Николаевич, примерно с 1945–1946 г. начал проводить экскурсии со школьниками из Богородского и Павловского районов, Нижнего Новгорода, краеведами и любителями истории из Ленинграда, Москвы, Украины, Казахстана и других республик и городов Советского Союза.

С середины 80-х годов и до середины 90-х группа активно взаимодействовала с Пушкинским клубом из г. Нижнего Новгорода: участвовала в заседаниях клуба по декабристской тематике, в ежегодных Декабристских чтениях того периода (организовывал Пушкинский клуб), на которые приезжали лекторы, потомки декабристов, краеведы из Москвы, Бурятии, Молдавии, Украины, Сибири и других городов и регионов страны.

С момента создания группы и по настоящее время члены ДОК активно взаимодействуют с краеведами из Н. Новгорода, Павлова, Горбатова, с преподавателями, учащимися и студентами

Богородского кожевенного техникума, медицинского колледжа, средних школ № 1 и № 3, Теряевской и Таремской школ, Павловской СЮТУР, архитектурной академии в Н. Новгороде, библиотеками и Историческим музеем г. Богородска, редакциями местных газет.

С 2004 года ведётся переписка с потомком старшего брата декабриста Николая Павловича Бестужева-Рюмина Шаповаловым Андреем Геннадьевичем, проживающим в г. Киеве на Украине. Андрей Геннадьевич представил нашему объединению обширный материал по родословной Бестужевых-Рюминых, включая древний род Бестов из графства Кент в Англии. Решением Совета Российского Дворянского Собрания (РДС) в 2008 году Андрею Геннадьевичу выдано свидетельство о внесении в родословный список РДС современных потомков рода Бестужевых-Рюминых (по женской линии).

В марте текущего года налажено взаимодействие с членами московского общества «Наследие декабристов» и Международным Союзом «Мужество и гуманизм». Четверо потомков декабристов, членов этого общества: руководитель Понамаренко А. А., доктор исторических наук Киреева Р. А., Маркова В. В. и Лихарева Э. Б. 12 и 13 июня 2011 г. принимали участие в мероприятиях, посвящённых 210-летию М. П. Бестужева-Рюмина на его родине в Кудрёшках и г. Богородске.

26 июля члены ДОК совместно с краеведами г. Богородска провели гражданскую акцию «Свеча памяти», посвящённую 185-летию со дня казни декабристов, отправки их на каторгу и поселения, началу поездки жён декабристов в Сибирь.

Ежегодно в летний период в дачном доме, а зимой в богородской квартире хранительница бывшей усадьбы Алмазова Л. А. и председатель Совета ДОК Купрюшин В. С. принимают посетителей и групповые экскурсии, знакомя их с имеющимися документами и материалами по бывшей усадьбе Бестужевых-Рюминых, «сельцу Кудрёшкам», родословной Михаила Павловича и деятельности декабристов в России.

Среди тех, кто стоял под пулями и картечью на Сенатской площади и на юге России, кто прошёл унижения и муки на следствии, перенёс долгие годы каторги и поселений, были и нижегородцы, в том числе и богородчане. Это: С. П. Трубецкой, М. П. Бестужев-Рюмин, И. А. Анненков, Ф. П. Шаховской, братья А. А. и Н. А. Крюковы, Н. В. Шереметев, А. Н. Муравьёв, И. С. Фадеев, Н. Поветкин. С судьбами декабристов-нижегородцев переплетались во многом судьбы А. Д. Улыбышева, П. П. Трубецкого, Н. М. Приклонского, В. И. Белавина. Бывали или

какое-то время жили в Н. Новгороде или в своих имениях, имениях друзей, декабристы: Н. М. Муравьёв, И. И. Пущин, В. Ф. Раевский, Н. В. Басаргин, П. Н. Свистунов, А. А. и П. П. Беляевы, Д. П. Зыков, М. Н. Новичков, С. Д. Нечаев. (По некоторым данным более тридцати человек нижегородцев были связаны с декабристским движением).

Теперь уже каждое лето с 1989 г. деревня Кудрёшки нашего района встречает гостей. Стало традицией в День России – 12 июня отмечать ещё и день рождения нашего земляка-декабриста Михаила Павловича Бестужева-Рюмина. Двести десять лет прошло с той поры, как он родился в Кудрёшках 23 мая 1801 г. в семье отставного городничего уездного села Горбатова Павла Николаевича Бестужева-Рюмина.

Добровольное объединение краеведов по охране и возрождению историко-культурного наследия бывшей усадьбы Бестужевых-Рюминых задолго начало подготовку к празднику. При непосредственной помощи учащихся средней школы № 1 г. Богородска, приехавших с учителем истории В. Н. Алешутиной, студентов кожевенного техникума под руководством преподавателя Т. В. Куклевой, членов штаба «Молодая гвардия» партии «Единая Россия» (лидер – А. Стешова), при участии работников из колхоза им. Кирова очищен парк, в нём скошена трава, наведён порядок на острове у Барского пруда, в липовой аллее; у памятника М. П. Бестужеву-Рюмину посажены цветы. Программу праздника разработал отдел культуры администрации Богородского района (заведующая И. Н. Чистова).



В гости на праздник «Под тенью лиственниц Кудрёшкинского парка» к богородчанам на этот раз приехали потомки декабристов из Москвы, пушкинисты и краеведы из Нижнего Новгорода и Павлова.

Для них заместитель директора Павловской станции юных туристов, член добровольного объединения краеведов-бестужевцев Г. А. Рыженкова провела экскурсию по бывшей усадьбе.

С приветственным словом к гостям обратились глава Богородской районной администрации С. В. Пушкарёв, глава администрации Алешковского сельского поселения В. Н. Куклин, заведующая отделом культуры администрации Богородского района И. Н. Чистова, председатель совета добровольного объединения краеведов по возрождению

бывшей усадьбы Бестужевых-Рюминых В. С. Купрюшин. Затем к постаменту бюста Михаилу Павловичу, который находится на Кудрёшкинской земле уже 20 лет легли цветы от краеведов.

Затем слово было предоставлено гостям. Руководитель общества «Наследие декабристов» (г. Москва) А. А. Пономаренко – потомок декабриста фон Бриггена А. Ф., рассказал о целях, задачах и делах общества, наградил дипломами и памятными знаками Международного Союза «Мужество и гуманизм» участников акции «Товарищ, верь!..» – богородских и павловских краеведов, а также руководителей Богородской администрации и местного самоуправления, центральной районной библиотеки, исторического музея, спонсоров праздника и представителей средств массовой информации.

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник института Российской истории Российской академии наук Р. А. Киреева рассказала о племяннике декабриста, историке, руководителе высших женских курсов К. Н. Бестужева-Рюмине, родившемся в Кудрёшках 14 (26) мая 1829 года. Она предложила богородчанам поставить на его родине памятник академику и общественному деятелю.

Э. Б. Лихарева из Москвы рассказала о совместной службе своего предка декабриста В. Н. Лихарева с М. П. Бестужевым-Рюминым и их дуэли, предложила присвоить имя земляка-декабриста Теряевской основной общеобразовательной школе.

Председатель Нижегородского отделения Союза возрождения родословных традиций Т. Л. Грачёва, депутат молодёжного парламента при Законодательном собрании Нижегородской области, начальник штаба районного отделения ВОО «Молодая гвардия Единой России» Александра Стешова выразили слова признательности и благодарности за неустанный общественный труд старейшему краеведу, хранительнице усадьбы в Кудрёшках Л. А. Алмазовой.

Прекрасно исполнили известные классические произведения музыканты трио «Рио Рита» из детской музыкальной школы. Песни и романсы о России прозвучали из уст преподавателя этой школы Анны Фелькер.

О влиянии поэзии А. С. Пушкина на молодого М. Бестужева-Рюмина, об их встрече в Петербурге в доме академика живописи А. Н. Оленина говорил богородский поэт, пушкинист В. А. Гурьев. Затем богородские поэты В. Тарасов, Е. Лыткин, Н. Малочкина, В. Ивенин прочитали свои стихи.

Очень понравились гостям живые зажигательные выступления детского танцевального ансамбля «Капелька» Дома народного творчества с. Каменки, вокального коллектива «Девичьи» Центра досуговой деятельности пос. Центральный, фольклорных коллективов «Калинка» Алешковского Дома фольклора и «Дуденевские непоседы» Дуденевского Дома культуры. Они показали обряды православного праздника Святой Троицы с играми «заплети косу», «фанты», с хороводами, пением русских народных песен. Участники праздника наряжали берёзку, надевали на головы венки, угощались русским квасом, опускали ветки берёзы и венки в пруд. Весело представляли фольклорные коллективы ребята из театральной студии «Антре» при районном Доме культуры.

Закончился праздник пикником на поляне. Гости смогли посмотреть выставку документов и материалов о М. П. Бестужева-Рюмине, оформленную в доме хранительницы бывшей усадьбы Л. А. Алмазовой.

На следующий день московские гости посетили Богородский исторический музей, где обновлена экспозиция, посвящённая 210-летию со дня рождения и 185-летию со дня казни земляка-декабриста.

Затем они участвовали в конференции «Горжусь своими предками», организованной центральной районной библиотекой и добровольным объединением краеведов по охране и возрождению историко-культурного наследия бывшей усадьбы Бестужевых-Рюминых. Открыла и вела её директор централизованной библиотечной системы В. И. Бухарова. С приветственным словом выступили председатель добровольного объединения краеведов по возрождению усадьбы Бестужевых-Рюминых В. С. Купрюшин и руководитель общества «Наследие декабристов» А. А. Пономаренко.

Визитную карточку «Малая родина наша – милый, родной Богородск», медиапутешествие «Блекнущая вязь поднебесной красоты» и электронную презентацию «Нижегородцы-декабристы» подготовила и показала заведующая отделом обслуживания библиотеки Н. А. Санкина. Она же проиллюстрировала выступления гостей, подготовив видеоряд слайдов.

С докладом «Бестужевы-Рюмины: дядя и племянник, рождённые в Кудрёшках» перед собравшимися выступила доктор исторических наук, ведущий сотрудник института Российской истории РАН (г. Москва) Р. А. Киреева. Представитель рода декабриста В. Н. Лихарева Э. Б. Лихарева поведала о судьбе своего дальнего родственника. Праправнучка жены декабриста А. Е. Розена

В. В. Маркова из Москвы рассказала о его супруге и своей прапрабабушке Анне Васильевна, урождённой Малиновской. А. А. Пономаренко заинтересовал слушателей фактами из жизни своего предка декабриста А. Ф. фон Бриггена.

Председатель добровольного объединения краеведов по возрождению усадьбы В. С. Купрюшин и его заместитель, хранительница усадьбы Л. А. Алмазова рассказали о корнях и потомках династии Бестужевых-Рюминых. Они переписываются с А. Г. Шаповаловым, проживающим в Киеве, и который является родственником брата декабриста Николая Павловича по женской линии. Андрей Геннадьевич прислал в Богородск немало фотографий их семейного архива, дополнил родословную Бестужевых-Рюминых. Он сочинил гимн в честь Михаила Павловича, положив свои стихи на музыку известного полонеза М. Огинского, и сам исполнил его. Произведение прозвучало в звукозаписи под аккомпанемент гитары.

В заключении состоялся обмен мнениями. Богородские краеведы получили ответы на заданные гостям вопросы. В типографии печатного дома «Вариант» при поддержке индивидуального предпринимателя Ольги Витальевны Васильевой и помощи исполнительного директора Сергея Николаевича Ерохина был выпущен цветной иллюстрированный буклет «В патриотизме – будущее России!», посвящённый юбилею земляка-декабриста. Это и другие печатные издания и диски с материалами по истории усадьбы и о Бестужеве-Рюмине подарены гостям.

Прошедший праздник в Кудрёшках и научная конференция в центральной районной библиотеке стали возможны благодаря материальной помощи спонсоров – индивидуальных предпринимателей О. В. Васильевой, М. Ю. Малининой, заведующей центральной районной аптекой № 23 В. Н. Фуниной, директора производственного кооператива «Надежда» В. И. Стрелец, генерального директора кожзавода им. Юргенса Д. В. Константинова, генерального директора ЗАО «БШГК», депутата Законодательного собрания области А. В. Благова.

Туринский музей декабристов

Туринск – один из старейших городов Урала. Он раскинулся на равнине близ реки Туры, на середине ямщицкой гоньбы между Верхотурьем и Тюменью по указу Бориса Годунова.

Как многие уральские и сибирские города поначалу назывался острогом, что соответствовало действительности. История города связана с именем легендарного Ермака, который сыграл выдающуюся роль в освоении Сибири в 16 веке. Первые серьезные столкновения дружины Ермака с аборигенами проходили именно здесь, близ села Усениново и у Епанчина-юрта, татарского городища на месте нынешнего Туринска. Об этом рассказывают и Сибирские летописи, и Г. Ф. Миллер в «Истории Сибири», Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского». Основание города было вызвано необходимостью иметь дополнительный участок для охраны торгового пути из России в Сибирь. Однако, с момента основания в 1631 году Ирбитской ярмарки значения Туринска ослабело и постепенно он стал заштатным провинциальным городом, городом – тюрьмой без решеток для опальных персон. В результате исследований выявлено, что ссыльных в пешем и конном порядке насчитывалось около 200 тысяч человек. За более чем 400-летнюю историю города в дымке времени можно увидеть князя Пронского (1618 год), не угодившего первому русскому царю из рода Романовых, здесь побывали многие персоны, заговорщики и бунтовщики, а позднее революционеры всех мастей.

Уходили через Туринск в далекие экспедиции великие русские землепроходцы: Поярков, Толбузин, Беринг, Лепехин, братья Лаптевы, Дежнев. Проезжал через Туринск русский писатель Радищев.

На территории Туринского края располагался «Востокураллаг», где отбывали свой срок заключенные, в основном по ст. 58.

Но самой яркой страницей в истории города является пребывание в ссылке после отбытия различных сроков каторжных работ 7 декабристов и двух жен – француженок, разделивших трагические и прекрасные годы со своими мужьями. Это Анненков Иван Александрович и его жена Полина Егоровна (1839–1841),

Басаргин Николай Васильевич (1836–1841),

Бригген Александр Федорович (1850–1855),
Ивашев Василий Петрович и его жена Камилла Ле Дантю
(1836–1840),

Пуцин Иван Иванович (1839–1842),
Оболенский Евгений Петрович (1842–1843),
Семенов Степан Михайлович (1830–1832).

Не случайно поэтому в нашем городе создан музейный комплекс, являющийся филиалом Свердловского областного краеведческого музея. Он состоит из историко-краеведческого музея и музея Декабристов. Первый создавался на базе частной коллекции купца первой гильдии, мецената, коллекционера Чиркова Семена Андреевича, человека широко одаренного, равнодушного к произведениям природы и рук человеческих. Открытие краеведческого музея состоялось 1 января 1920 года.



Что касается музея Декабристов, то он возник на базе библиотеки имени Пуцина, благодаря увлечению декабристской темой Кислициной Надеждой Гавриловной, которая не только собирала материал о декабристах, но и вела обширную переписку с потомками, многими музеями страны. Вскоре образовался

музей на общественных началах, активистами которого, кроме Кислициной Н. Г., были Боталова Е. Г., Карфидов П. С., Карпов М. С., фотограф Буданцев Б. П. Это было в 1960 году.

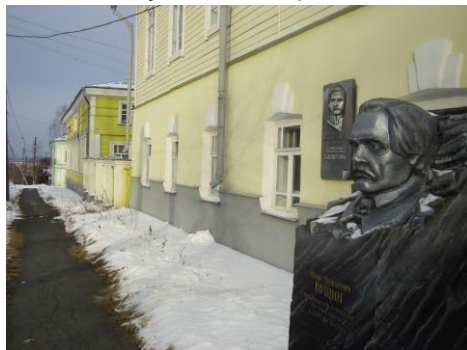
29 мая 1963 года принимается решение райисполкома № 179 «Об организации в городе Туринске Народного музея имени Декабристов». В 1967 году районным Советом выделяется ставка смотрителя и начинается новый этап развития музея в районе, связанный с именем Екатерины Михайловны Шаварской. В апреле 1970 года принимается решение о размещении краеведческого музея в здании бывшего районного узла связи, где с 1830 года отбывал ссылку декабрист Семенов С. М. Музею выделяется 2 ставки, и Шаварская Е. М. становится директором музея.

16 марта 1981 мемориальный музей имени декабристов преобразовывается в филиал Свердловского Объединенного историко-краеведческого музея.

18 мая 1984 года музею было вручено свидетельство о присвоении Почетного звания «Народный музей».

Материал о декабристах располагался на стендах в одной из 8 комнат музея.

Следующий стремительный этап в развитии музея



Декабристов в Туринске приходится на 80–90 гг. прошлого столетия

В начале 1987 года идея создания отдельного музея Декабристов, высказанная Председателем Туринского райисполкома Новоселовым А. И. активно поддерживается генеральным директором Головного музея Узиковой Ниной

Александровной. Создается группа научных сотрудников во главе со старшим научным сотрудником Тарасовой Ириной Эльбрусовной, ведется активная переписка с Государственным Историческим музеем и государственной библиотекой имени Ленина, научно-



исследовательским музеем Академии художеств СССР, Всесоюзным музеем имени Пушкина и другими музеями страны. Договор на реставрационные и оформительские работы заключается с ленинградскими художниками. В это время ведется оргработа по перераспределению детей в другие детские сады города из здания, которое было построено по плану и эскизу Петра Никифоровича Ивашева (сподвижника и начальника штаба Суворова А. В., позже участника Отечественной войны 1812 года),

отца декабриста Ивашева Василия Петровича.

На основании соответствующих документов начинаются строительные и реставрационные работы под руководством директора музея Русских Инны Анатольевны, назначенной после ухода из жизни в 1989 году Шаварской Е. М.

Создавался музей в очень трудное для России время, период перестройки. Открытие его – гражданский подвиг бывшего его генерального директора Узиковой Н. А., местных краеведов, администрации города Туринска. И 7 декабря 1993 года город

Туринск, Средний Урал, Россия получили замечательный подарок – музей, памятник истинной любви к народу, Отечеству.

Декабристская тема повсюду звучит в городе. Можно прогуляться по улицам, названным именами декабристов Ивашева, Пушина, посидеть на лавочке в парке и полюбоваться древними лиственницами, посаженными их руками, зайти в библиотеку имени Ивана Ивановича Пушина.

В городе бережно хранят и берегут дома, где жили декабристы. Это дом Семенова Степана Михайловича, в котором располагается историко-краеведческий музей, дом Басаргина Николая Васильевича, где в настоящее время население района может заниматься традиционными промыслами и ремеслами, и дом декабриста Ивашева Василия Петровича, прожившего с семьей в своем доме очень короткую, очень счастливую и трагическую жизнь.



Дом уральских промыслов и ремесел (дом Н. В. Басаргина – улица Декабристов, 39), музей Декабристов (дом В. П. Ивашева – улица Революции, 11), памятник на кладбище, где похоронены Камилла Ле Дантю–Ивашева, В. П. Ивашев и их дочь, умершая при рождении, внесены в реестр и являются

памятниками федерального значения.

Местным и приезжим посетителям со всех уголков России интересно все. Слушая рассказ об удивительных людях, они забывают о времени, испытывая чувства удивления, восхищения, открытия. Они учатся самой большой роскоши – роскоши человеческого общения, несломленной невзгодами. Об этом свидетельствуют многочисленные благодарственные отзывы от взрослых и детей.

Общественность нашего города также интересуется декабристской тематикой. Все гости, приезжающие в Туринск, обязательно посещают наш музей. Равнодушным мы не оставляем никого и никогда. Музей – визитная карточка нашего города.

Фото: 1) дом В. П. Ивашева – Музей декабристов; 2) дом Н. В. Басаргина на улице Декабристов; 3) могила Ивашевых на Туринском кладбище; 4) в залах музея Декабристов.

*Олександр Реєнт,
Григорій Казьмирчук,
Юрій Латиш
(Київ)*

ХОМУТЕЦЬ – МІСЦЕ ПАМ'ЯТІ ДЕКАБРИСТІВ*

Рух декабристів – одне з тих історичних явищ, які тісно асоціюються з місцями пам'яті (*lieux de mémoire*). Меморіали й музеї, місця проживання й перебування мають велике значення в декабристознавстві, а в деяких регіонах (наприклад, в Сибіру) декабристи перетворились на культурних героїв, а все, що пов'язане з їх діяльністю, набуло сакральних рис.

Спираючись на методологічні засади теорії «місць пам'яті» П. Нора, автори ставлять за мету статті проаналізувати й дослідити роль і значення Хомутця в декабристському русі та для його усвідомлення в історіографії й колективній пам'яті. До аналізу концепту історичної пам'яті зверталось чимало науковців. Першим звернув увагу істориків на поняття «пам'ять» М. Хальбвакс [47]. Він же створив поняття «колективна пам'ять», «групова пам'ять» і «пам'ять нації» [1, с. 37]. М. Хальбвакс вважав, що історія починається там, де пам'ять закінчується і, за спостереженням П. Хаттона, «ніколи не дивився на історію як на різновид офіційної пам'яті» [48, с. 198].

Місця пам'яті в баченні П. Нора не належить розуміти дослівно, тому що будь-яке з них поєднує у собі матеріальний, символічний та функціональний виміри [26, с. 40], набуваючи форм певного матеріального явища: музею, архіву, кладовища, колекції, свята, річниці, трактату, монументу, храму, особистості, події [26, с. 26] та завжди тягне за собою шлейф значень і асоціацій. Воно завжди означає більш, ніж містить у собі його суто матеріальна природа та виконує для народу певні функції – об'єднавчі, гуртувальні, тлумачні. Втім, головна роль місць пам'яті – «заблокувати дію забування». Справді, занедбаний стан декабристських місць в Хомутці, Тульчині, Василькові сприяє ерозії пам'яті про декабризм.

* Фото будинку та парку Муравйових-Апостолів у Хомутці зробив Ю. Латиш (жовтень 2011 р.).

Місця пам'яті, на думку П. Нора, здатні допомогти подолати зростаючі розриви між історією та справжньою пам'яттю, повернути нам відчуття зв'язку з минулим, тим самим подолати розірваність між минулим та сучасним.

В історіографії спеціальні дослідження Хомутця як місця пам'яті декабристів не проводились. Про життя тут Івана Муравйова-Апостола та його синів-декабристів фрагментарно згадували літературознавці другої половини ХІХ ст. Детальніше це питання висвітлювалось у спогадах С. Капніст-Скалон [44], М. Муравйова-Апостола [23], В. Якушкіна [53], статті М. Баласа [4]. Найповніше дослідження життя та творчості І. Муравйова-Апостола, в тому числі і в Хомутці, у дореволюційний час належить І. Кубасову [18; 19]. Про Хомутець, як родове гніздо декабристів, згадували історики І. Павловський [29], М. Клевенський [13], І. Зубковський [10], М. Нечкіна [25], Л. Медведська [21; 22], М. Савичев [42; 43], краєзнавець Л. Кострубін [15].

Автором першої монографії, присвяченої Івану Муравйову-Апостолу, був український літературознавець А. Кузьменко, який, щоправда, припустився багато неточностей в іменах, фактах та посиланнях. Декілька сторінок він відвів життю родини у Хомутці [17, с. 26–27]. Про дружні стосунки Івана Матвійовича з декабристами В. Кюхельбекером, О. Бестужевим та К. Рилєєвим, ідейну близькість його творчості з творами декабристів писали радянські літературознавці В. Базанов [3, с. 78–105], М. Константинов [14], Ю. Оксман [27], В. Орлов [28].

В сучасній Росії детальніше біографію І. Муравйова-Апостола та його твори висвітлив В. Кошелєв [16]. Підсумком літературознавчого вивчення творчості письменника стала дисертація М. Трошиної [46]. У них значна увага зосереджена й на хомутецькому періоді.

Село Хомутець Миргородського району Полтавської області знаходиться у межиріччі Хоролу та Хомутця. Назва походить від конфігурації гирла річки Хомутець, правої притоки Хоролу, яка нагадує хомут.

Поселення тут заснували миргородські козаки в ХVІ ст. Наприкінці століття тут мешкало 446 осіб чоловічої статі [49, с. 713]. 9 грудня 1620 р. польський король Сігізмунд ІІІ віддав Миргород з хутором Хомутець шляхтичу Івану Чернишевському. Але за рік ці землі захопив черкаський староста Костянтин Вишневецький. 21 серпня 1621 р. суд присудив ці володіння королю, який віддав їх

Бартоломію Обалковському. Але свавільний князь Вишневецький не підкорився рішенню суду, і до 1648 р. Хомутець залишався у складі Задніпровської Вишневецьчини.

Під час Національно-визвольної війни українського народу під проводом Б. Хмельницького його господарем став Павло Єфремович Апостол, виходець з роду молдавських бояр*. Після одруження з донькою миргородського полковника він перейшов на козацьку службу. Обіймав уряди хомутецького сотника, а згодом миргородського полковника. У 1654 р. присягу на вірність московському цареві в Хомутці підписали отаман, 53 козаки, війт, бурмистер і 156 міщан [49, с. 713]. У 1657–1658 рр. хомутецькі козаки брали участь у повстанні під проводом полтавського полковника Мартина Пушкаря проти гетьмана Івана Виговського. Восени 1658 р. містечко постраждало від союзників гетьмана – кримських татар.

Наприкінці XVII ст. відбувалось майнове й соціальне розшарування козацтва, старшина перетворювалась на панівний стан. У 1689 р. в Хомутці виник родовий маєток Апостолів, коли син П. Апостола Данило, майбутній гетьман Лівобережної України, отримав універсал гетьмана І. Мазепи на хутори Бакумівку і Фридрівку. У 1710 р. це право підтвердив царською грамотою Петро І. Гетьманом було збудовано дерев'яний палац, закладено сад з теплицями. Відомості про це залишив учений Й. А. Гільденштедт, який у складі російської наукової експедиції відвідав Хомутець 1774 р. За ревізією 1729 р., у Хомутці налічувалось 478 дворів, 360 з них належали гетьману [49, с. 713].

Після смерті чоловіка 28 травня 1734 р. Височайшу грамоту на володіння Хомутцем отримала його дружина Уляна (Олена) Мокрицька (1690–1742). Тут вона знайшла свій останній спочинок. Проте місцезнаходження її могили невідоме. Наступним спадкоємцем став другий син гетьмана Петро Данилович Апостол. Він з ранніх літ виховувався в Петербурзі, мешкав у столиці в якості заручника. У 1728 р. був призначений лубенським полковником, але з повелінням жити у Москві, звідки був відпущений незадовго до смерті батька. У 1754 р. полковник Петро Апостол збудував у Хомутці кам'яну Троїцьку церкву з дзвіницею.

Після його смерті маєток успадкував старший син Данило Петрович, генеральний хорунжий (1762–1767), бригадир, член Малоросійської колегії (1784–1786).

* Про походження роду Апостолів див.: **Євтушенко С. В.** До біографії Данила Павловича Апостола // Вісник Харківського нац. ун-ту. Історія. – 2007. – Вип. 762. – С. 322–335.

Останнім власником Хомутця з роду Апостолів був полковник (1814) Михайло Данилович, який за ревізією 1782 р. володів 8051 душею (у 1803 р. в Хомутці було 1513 ревізьких душ) [49, с. 714]. Він вважався диваком. Проживши 13 років у шлюбi, він вигнав дружину після того, як їх єдиний син помер в дитинстві. Потім він розпочав жити з дружиною колезького асесора Лизогуба. За скаргою останнього Апостола намагались на три роки ув'язнити до Лубенського монастиря на покаяння [11, с. 39]. Після його смерті у 1816 р. рід по чоловічій лінії урвався.

На початку XIX ст. Хомутець успадкував Іван Матвійович Муравйов-Апостол (?–1851)^{*}, нащадок Данила Апостола за жіночою



лінії, відомий письменник, перекладач, сенатор і дипломат. В одному зі своїх листів критик П. Плетньов писав філологу Я. Гроту: «Цікаве життя Івана Матвійовича. Довго він був посланником в Іспанії. Ще переїжджав з однієї землі в іншу по Європі. Йому знайомі не лише всі землі західної Європи і найголовніші міста її,

але майже всі люди з найчудовіших. Байрона він застав ще у школі. З Іоанном Мюллером він був у дружніх відносинах. Тепер, здається в Лозанні чекає на свою кончину. Уяви, які чудові були б біографії, якби зібрати все, що стосується життя таких двох Муравйових» [31, с. 375].

І. Муравйов-Апостол народився у сім'ї генерал-майора Матвія Муравйова та Олени Апостол, онучки гетьмана Д. Апостола. Щоправда, декабрист Матвій Муравйов-Апостол писав, що його бабуся була донькою гетьмана [23, с. 107]. Це ж записано і в «Російській родословній книзі» [40, с. 122–123, 235–236]. Однак, на наш погляд, це неможливо. Гетьман помер у 1734 р. у віці майже 80 років, тобто навряд чи міг мати малолітню доньку. Матвій Муравйов народився 1711 р., але став батьком лише після 50 років, тобто, вочевидь, дружина була значно молодшою за нього. Відомо також,

^{*} В літературі зустрічаються різні дати його народження – 1761, 1762, 1765, 1767, 1768, 1770. [Див.: 46, с. 19–20].

що Іван Муравйов-Апостол був двоюрідним братом правнука гетьмана Михайла Апостола [11, с. 39], тобто його мати була онучкою Данила Апостола.

Олена Апостол вийшла заміж, всупереч волі батька, за що була позбавлена приданого. Про неї чоловік згадував такими словами: «Замість приданого її я кохав, розумна і добродійна була, притому богобоязлива, поради давала мені як другу, від гарячковості мене стримувала». При пологах вона померла, і новонароджений залишився з немолодим батьком.



З 1773 р. Іван Муравйов-Апостол був записаний солдатом у лейб-гвардії Ізмайлівський полк. Навчався вдома та у німецькому пансіоні Ейлера в Петербурзі. Мав виключні лінгвістичні здібності: знав не менше 8 мов. У жовтні 1784 . вступив на службу обер-аудитором в штаті Санкт-Петербурзького генерал-губернатора Я. Брюса, з

1785 р. – його флігель-ад'ютант (з 1788 р. в чині секунд-майора). Служив у Колегії закордонних справ, завідував каналом в Шліссельбурзі (в чині прем'єр-майора).

У 1792 р. І. Муравйов став вихователем великих князів Олександра та Костянтина Павловичів, потім був призначений обер-церемоніймейстером. При дворі він зажив слави перекладача англійських п'єс для Ермітажного театру. Ерудит і поліглот І. Муравйов-Апостол звернув на себе увагу Катерини II та Павла I, користувався покровительством віце-канцлера М. Паніна, що сприяло подальшому кар'єрному росту. У грудні 1796 р. він розпочав дипломатичну службу з посади міністра-резидента при дворах герцога Ольденбургського і єпископа Любекського. Тут він познайомився з німецьким філософом І. Кантом, популярним поетом Ф. Г. Клопштоком. В 1799–1800 рр. був посланником у Копенгагені. У 1800 р. відкликаний в Росію, отримав чин таємного радника, а в 1801 р. став членом Колегії закордонних справ.

У 1796 р. І. Муравйов, подорожуючи Україною, заїхав до свого двоюрідного брата Михайла Апостола. Так відбулося їх знайомство. Як згадував сам І. Муравйов: «Він прийняв мене, обласкав мене, як найближчого родича. Я гостював у нього три дні; і цим обмежився тоді зв'язок наш...» [11, с. 40]. Після повернення посланника з-за

кордону стосунки відновив М. Апостол, який шукав захисту від колишньої дружини та племінниці, котрі намагались заволодіти його майном, а самого ув'язнити у монастирі. І. Муравйов втрутився в цю ситуацію, використавши свої знайомства («я палко вступився за ображеного, і мені пощастило подати справу його в справжньому її вигляді деяким особам, які тоді справами такого роду управляли» [11, с. 40]), і досяг успіху.



На знак подяки М. Апостол запропонував родичу прийняти прізвище Муравйов-Апостол і стати спадкоємцем його величезного статку, містечок Бакумівка, Хомутець, Попівка та Савинці з селами і хутором Столбіним [21, с. 14]. 4 квітня 1801 р. імператорським указом

було дозволено зміну прізвища [35, с. 80–82]. Крім бажання отримати спадщину, на це рішення вплинула й плутанина у величезній родині Муравйових, яку вони самі жартома називали «мурашником». Часто декілька людей мали однакові імена та по-батькові, тому Івана Матвійовича в листуванні називали «молодшим».

У 1802 р. І. Муравйов-Апостол зайняв посаду посланника в Іспанії, з якою перед тим було укладено мирний договір. Війну Іспанії оголосив Павло I, але до бойових дій справа на дійшла. Ця посада вважалась нижчою за попередню. В. Якушкін зі слів старшого сина Муравйова-Апостола пояснював царську немилість відмовою взяти участь у змові проти Павла I [53, с. 152]. Сучасна російська дослідниця М. Трошина вбачає причину царської опали участю в проєктах обмеження самодержавства [46, с. 24]. Однак конфлікт імператора зі своїм колишнім вихованцем міг сягати й більш раннього часу. На це, можливо, вказують слова Олександра I про І. Муравйова-Апостола, сказані міністрові освіти О. Шишкову 1824 р.: «Це найгірша і найнебезпечніша людина, яка тільки є на



світі» [17, с. 270].

Основним політичним завданням посланника в Іспанії була протидія агресивним задумам наполеонівської Франції і залучення мадридського двору до антифранцузької коаліції. З низки зауважень у листах князя А. Чарторийського, товариша міністра закордонних справ, можна зробити висновок, що в Петербурзі були невдоволені діями Муравйова-Апостола в цьому напрямку. На початку 1805 р. посланника було відкликано до Росії. У Петербурзі він був холодно прийнятий імператором і скоро вийшов у відставку [39].

Сам І. Муравйов-Апостол туманно пояснював це інтригами. Зокрема, він писав Г. Державіну: «Я багатьом здався улюбленцем щастя, і мерзотний наклеп отруїв полудень мого життя» [18, с. 89, 96]. Вочевидь, він важко переживав відставку. У листі-відповіді Г. Державіну, який закликав повернутись на службу, відчувається неприхована образа: «вітчизна не кличе мене; отже безвісність, скромні сімейні чесноти – ось мій уділ. Я і в ньому не буду зовсім безкорисним вітчизні: вирощу дітей, гідних бути росіянами, гідних померти за Росію [...] Людей шукають – кажете ви – мене не шукатимуть; я це знаю. Рука, яку і несправедливу проти мене я цілую, відлучила мене назавжди від шляху служіння: покоряюся і не ремствую» [18, с. 95–96].

Іван Матвійович був двічі одружений. Першою дружиною була донька генерала Анна Семенівна Черноєвич (1770–1810) з сербського (чорногорського) роду Черноєвичів (серб. Црнојевић). Їх предком був патріарх Арсеній III Черноєвич, котрий наприкінці XVII ст. очолив переселення сербів з поневоленої турками батьківщини в Австрійську імперію. Він виводив свій рід від династії Черноєвичів, яка правила в середньовічній державі Зета на території сучасної Чорногорії наприкінці XIV – на початку XVII ст. Однак це викликає сумніви. Чорногорською мовою ці прізвища навіть пишуться по-різному: династія Черноєвичів – Crnojević, Арсеній Черноєвич – Šarnojević [54, s. 507]. Батько Анни Семенівни, генерал австрійської служби, в тому ж чині був прийнятий до російської армії [4, с. 655]. На думку А. Кузьменка, вона привернула увагу майбутнього чоловіка не лише своєю вродою, але й характером, освітою, високою культурою, любов'ю до літератури, адже займалась перекладом французького роману «Приклади матерям або пригоди маркизи де Безір» [17, с. 7].

У шлюбі народилось семеро дітей: четверо доньок – Єлизавета (1791–1814), одружена з графом Ф. Ожаровським; Катерина (1795–1861), одружена з генерал-майором І. Бібіковим; Анна (1797–1861), одружена з О. Хрущовим; Олена (1799–1855), одружена з С. Капністом; а також три сини – майбутні декабристи

Матвій (1793–1886), Сергій (1796–1826) та Іполит (1806–1826). Діти навчалися в Парижі, де проживали разом з матір'ю до 1809 р. Вони навіть не знали російської мови. І лише на російському кордоні мати розповіла їм про існування кріпацтва. Після смерті матері вихованням дітей займалася тітка К. Ф. Муравйова.

У 1812 р. Іван Матвійович одружився вдруге з донькою сенатора, дійсного статського радника Василя Володимировича Грушецького – Прасковією, яка мала багате придане. Швидке одруження викликало подив його друзів. К. Батюшков писав з цього приводу М. Гнедичу, що Муравйов-Апостол «цілковитий Алквіад і готовий і в Афінах, в Спарті і в Даків жити весело» [30, с. 154]. У цьому шлюбі народились доньки Євдокія (1813–1850), одружена з А. Хованським, Єлизавета (1815 р. н.) та син Василь (1817–1866).

Після виходу у відставку І. Муравйов-Апостол поселився в Бакумівці, подарованій М. Апостолом у 1801 р. [45, с. 218] Тут він збудував винокурний завод. Пізніше Бакумівка буде подарована зятю О. Хрущову як придане доньки Анни Іванівни.

Після смерті М. Апостола 1816 р. з'явився духовний заповіт, який начебто відмовляв І. Муравйову-Апостолу в праві спадщини, проголошуючи спадкоємицею всього маєтку племінницю покійного Синельникову. Миргородський повітовий суд негайно визнав цей документ. Це рішення підтвердив і міністр юстиції. Однак після звернення І. Муравйова-Апостола до імператора, за рішенням Комітету Міністрів, справу було вирішено на його користь, за винятком маєтків М. Апостола в Київській (придбаний у 1804 р. після складання заповіту на ім'я І. Муравйова-Апостола) та Херсонській губерніях [11, с. 43–44].

У 1817 р. Іван Муравйов-Апостол оселився у Хомутці, володів 3478 кріпосними душами [9, с. 120] і тринадцятьма десятинами землі. Маєток був великим. Навіть у 1920-ті рр. на Полтавщині колишні володіння Муравйова-Апостола називали «муравйовськими степами» [10, с. 116]. Донька відомого поета В. Капніста, власника сусіднього містечка Обухівки, С. Капніст-Скалон повідомляє, що після смерті М. Апостола Синельникови, незадоволені заповітом покійного, спалили будинок і вирубали найкращу в саду столітню липову алею. Тому деякий час новий власник мешкав у невеликому будинку економа [44, с. 325]. Розорено було також кінський завод.

Подальша судова тяганина тривала кілька років, і Муравйову-Апостолу довелося навіть скористатись старими зв'язками в Сенаті [16, с. 212]. Він доводив, що духовний заповіт не був

підписаний М. Апостолом, а «ослабілою рукою помираючого або, краще сказати мертвого, водив якийсь Ломиковський...» [11, с. 45]. За мировою угодою 15 січня 1821 р. за посередництва Малоросійського генерал-губернатора М. Рєпніна новому власнику довелося відступити частину маєтку Синельниковим, а також сплатити удіві М. Апостола 160 тис. крб. [11, с. 39].



Згодом І. Муравйов-Апостол перепланував парк і прибудував до палацу кам'яні флігелі.

Центральна двоповерхова частина палацу з'єднувалась напівкруглими переходами з боковими флігелями, утворюючи П-подібну композицію. З боку паркового фасаду існувала тераса-лоджія, сходи від якої вели до ставка зі штучними острівцями.

За відгуками сучасників, І. Муравйов-Апостол був ерудитом, естетом, поліглотом і бібліофілом, мав чудові вокальні здібності, завжди був душою товариства [44, с. 314]. У Хомутці І. Муравйов-Апостол займався літературною працею, перекладав Горація, Цицерона, Аристофана, вивчав давніх та нових авторів, що писали про Кримський півострів, яким збирався подорожувати. Часто бував у столицях, де відвідував літературні салони. Був членом «Бесіди російського слова», «Арзамасу», Вільного товариства любителів російської словесності. З 1811 р. – дійсний член Російської академії, з 1841 р. – почесний член Петербурзької Академії наук. Автор низки літературних творів, найвідоміші з яких – «Письма из Москвы в Нижний Новгород» і «Путешествие по Тавриде в 1820 году». І. Муравйов-Апостол був близько знайомий з Г. Державіним, М. Карамзіним, В. Капністом, К. Батюшковым, В. Пушкіним, М. Гнедичем, І. Криловим, О. Шишковим та ін. видатними літераторами епохи. Його незалежна позиція і сміливі судження знаходилися



підтримку в літературному та громадському середовищі, а творчість письменника ставала предметом активного обговорення. Сучасники цінували, перш за все, «незвичайний розум» та «виняткову обдарованість» письменника [46, с. 3]. Сьогодні його творчість відома лише спеціалістам та бібліографам.

Побут в Хомутці був приблизно таким, як у багатьох великих поміщиків тієї епохи. Власник Хомутця славився як гостинний господар, тонкий гастроном і епікуреєць. С. Капніст-Скалон згадувала: «Він, як відмінний гастроном, нічого не шкодував для столу свого. Огрядний і одягнений, як франт, іспанець, метрдотель, вправно підносили страви, пропонуючи кращі шматки і пояснюючи то французькою, то німецькою мовою, з чого вони складаються, – з господарем же він розмовляв іспанською» [44, с. 325].



Живучи на широку ногу, власник Хомутця зумів розтратити родинний капітал. У листі до В. Капніста Іван Матвійович, зокрема, писав: «Хто скупиться, зберігаючи кишеню для нащадків, той недалеко від безумства. Я, що б про мене не говорили, хочу розпочати пити і веселитися» [51, с. 100–101]. Володіючи значними маєтками

у Полтавській, Рязанській, Новгородській і Тамбовській губерніях, які оцінювались в 1,5 млн. крб. [45, с. 218], великим кінським заводом [37, с. 88], він завжди мав борги. У 1826 р. сума боргу дорівнювала 132 тис. 400 крб. [22, с. 12] Як відзначала Л. Медведська, «господарство велося на широку ногу, іноді і зовсім марнотратно» [22, с. 12]. Приклад такого марнотратства зберігся в листування Івана Матвійовича з міністром юстиції. З Іспанії прийшов рахунок за послуги кухаря, якими колишній посланник користувався 15 років тому. Муравйов-Апостол запевняв міністра, що не має боргів, але оскільки кухар скаржиться, заплатив знову. Але згодом удова кухаря поскаржилась Олександрю І, і з Хомутця було сплачено втретє [51, с. 98].

Іван Матвійович не займався управлінням маєтками, доручаючи це управителям, і не обмежував себе у витратах. Через це родині постійно не вистачало коштів. «Але класик-язичник у душі, друг Горація і епікурейської школи, – писав І. Кубасов, – він знав ціну життю і любив жити, не відмовляючи собі ні в чому, чого вимагала

його художня натура і звички розпеченого аристократа» [18, с. 93]. У 1815 р. І. Муравйов-Апостол придбав будинок у Москві по вул. Старій Басманній. Між цим будинком та Хомутцем відтепер він ділив свій час. Сам І. Муравйов-Апостол казав М. Гнедичу, що його гасло – «допоки живу, хочу насолоджуватись» [18, с. 93; 51, с. 99].

Муравйови-Апостоли тісно спілкувались зі своїми сусідами. У них часто бував відомий письменник, український автономіст В. Капніст, чий маєток знаходився у Великій Обухівці, за 20 кілометрів від Хомутця. Василь Капніст та Іван Муравйов-Апостол часто сперечались через суперництво за роль провідного письменника в Україні [22, с. 54]. Сини В. Капніста, Олексій та Семен, були членами Союзу благоденства і тісно спілкувались з братами Муравйовими-Апостолами. У 1823 р. Семен одружився з донькою господаря Хомутця Оленою. Спілкувались вони й з власником Кибиців, сенатором і членом Державної ради Д. Трощинським. За спогадами С. Капніст-Скалон, «доволі велика вітальня Муравйова містила в собі кабінет і велику його бібліотеку, і рояль, і різні ігри, і камін, довкола якого сідали зазвичай і гості, і господарі, ведучи бесіду або читаючи вголос, а найбільше слухаючи чудовий спів самого господаря і дуети з прекрасною його донькою» [44, с. 326].

Питання стосунків Івана Матвійовича з синами-декабристами залишається малодослідженим. Сучасники відзначали, що він був егоїстом і сімейним деспотом. С. Капніст-Скалон згадувала, що «в сімействі своєму він був деспотом і до крайнощів несправедливим до старших дітей своїх, які в усьому зазнавали нужди, мовчки мали зносити безліч неприємностей» [22, с. 314]. Особливо це відбулося на синах, яких, за висловом Матвія Івановича, батько тримав «у чорному тілі» [34, с. 227]. Це видно з листа С. Муравйова-Апостола з Фастова 6 грудня 1821 р.: «... в Києві давно вже не бував і не можу сповістити ніяких новин. Цілковите безгрішшя замикає мене в Фастові і змушує просити у Вас підкріплення. Чи не краще було б для Вас, люб'язний таточку, призначити мені річну суму, яку б я одержував у два або три строки? Я знаю, що Ваші справи розстроєні, а тепер я змушений досить часто турбувати Вас просьбами своїми» [22, с. 12]. У своїх спогадах правнучка декабриста М. Муравйова А. Бібікова розповідала, що після другого одруження І. Муравйов-Апостол прямо перестав любити дітей від першого шлюбу і навіть не посилав їм грошей під час закордонного походу російської армії 1814 р. [5, с. 408]. Старші діти приписували це впливу мачухи, що лише посилювало сімейний конфлікт [34, с. 227].

Суперечливий характер стосунків батька з синами помітила ще С. Капніст-Скалон: з одного боку, С. Муравйов-Апостол «був улюбленцем батька і мав великий вплив на нього», з іншого – Іван Матвійович був «часто несправедливим проти старших дітей своїх, взагалі не любив і не ласкав їх після другого одруження» [44, с. 326].

Радянські дослідники підкреслювали ідейний вплив Івана Матвійовича на синів. «Духовна близькість між батьком і Сергієм Муравйовим сягала значно далі звичайних родинних почуттів» [22, с. 10], – підкреслювала Л. Медведська. На думку А. Кузьменка, декабристи бачили в ньому «близьку людину» [17, с. 92]. Однак реальність не була такою безхмарною. Справді, він знав про існування товариства і просив синів бути обережними [7, с. 210], але сам тримався подалі від цього задуму. Зокрема, у 1824 р., довідавшись про підозри уряду щодо його синів, заборонив М. Муравйову-Апостолу відвідувати С. Муравйова-Апостола [8, с. 79; 25, с. 119].



Попри славу ліберала, Іван Матвійович ідейно був дуже далекий від декабристського кола. Це визнавав уже Н. Ейдельман, пишучи, що Іван Матвійович являв собою тип «епікурейця», «сибарита, селадона екатерининських часів», якому захоплені декабристськими ідеями сини здавались «надто серйозними, які не відчували солодощів життя і гумору» [50, с. 154–155]. На думку сучасників, батько нашкодів синам занадто сміливим лібералізмом [51, с. 131]. Однак цей «лібералізм» був специфічним. Вочевидь, для Муравйова-Апостола внутрішня свобода була важливішою за суспільну. Він рішуче засуджував Наполеона, називаючи його підданих рабами, натомість вважав добою процвітання Франції освічений абсолютизм Людовіка XIV [18, с. 104]. Критикуючи існуючий лад, батько декабристів сподівався на освіченого монарха, обмеженого розумними законами [3, с. 93]. Наголошуючи на несумісності рабства й просвітительства [3, с. 98], він продовжував володіти кріпаками. Ідеальні зразки шукав в Античності [19, с. 355], тобто більше захоплювався «прекрасним минулим».

Сини ж його прагнули «прекрасного майбутнього». С. Муравйов-Апостол 22 лютого 1816 р. писав К. Батюшкову: «На жаль, любий мій Костянтин, я не поет, не філософ, не епікуреєць;

я – лише твій старий бойовий товариш...» [32, с. 407]. Акцентування на тому, що він «не епікуреєць» – це протиставлення свого світогляду батьковому, декларація розриву зі старшим поколінням інтелектуалів. На противагу батькові С. Муравйов-Апостол був ревним християнином.

Безперечно, становлення майбутніх декабристів відбувалося в духовній атмосфері Хомутця. Старший син, Матвій, з 1818 р. мешкав у Полтаві, де служив ад'ютантом Малоросійського генерал-губернатора М. Рєпніна. За його свідченнями, з 1818 р. ліберальні думки стали головним предметом його занять [7, с. 265]. Публічна відмова випити за здоров'я імператора пошкодила його кар'єрі. Не склалися й стосунки з князем Рєпніним. В. Якушкін згадував такий епізод: «Скоро після призначення Матвія Івановича ад'ютантом кн. Рєпнін якось звернувся до нього з розпорядженням подавати коней; Матвій Іванович подзвонив і сказав слугі, який увійшов, що князь хоче йому щось наказати; Рєпнін повторив слугі свій наказ» [53, с. 162].

Після виходу у відставку М. Муравйов-Апостол постійно проживав у Хомутці (за винятком червня 1823 р. – серпня 1824 р., коли представляв Південне товариство у Північному в Петербурзі). Він переживав особисту драму, через що поступово втрачав інтерес до справ таємного товариства. За свідченнями С. Капніст-Скалон, «жив цілковито один в своєму селі, як відлюдник; він нікуди не виїздив, крім Обухівки, і, незважаючи на великі статки батька свого, жив дуже скромно, задовольняючись малим, полюбляючи все робити своїми руками: він сам копав землю для городу і квітників, сам ходив за водою для поливу останніх і не мав майже ніякої прислуги» [44, с. 345].

Князю М. Рєпніну після придушення повстання було доручено з'ясувати спосіб життя його колишнього ад'ютанта. Він повідомив Миколі І: «З допитів дворових людей, особисто мною зроблених, зібраних від сусідів, і поліцейських спостережень про Матвія Муравйов[а], всепідданіше доповідаю, що він, проживаючи останнім літом в селі свого батька, містечку Хомутець, їздив до Д. П. Трощинського [Кибинці], закохавшись в онучку його княжну Хілкову. В родині Капніста М. М. Муравйов-Апостол полаявся з Олексієм Капністом, що видно з його переписки. За найголовнішу причину цього можна вважати, що й цей також шукав руки кн. Хілкової» [8, с. 15]. На думку Б. Сироєчковського, М. Муравйов-Апостол був закоханий у гувернантку-швейцарку онучки Д. Трощинського – мадемуазель Гюенне [45, с. 219–220].

В той час у нього загострилися стосунки з мачухою і батьком, який, за спогадами самого Матвія Івановича, завжди зривав невдоволення на старшому синові [34, с. 227]. Ці суперечності намагався залагодити Сергій Муравйов-Апостол [22, с. 67, 68], якого в родині називали «добрим генієм» [44, с. 326]. Сестрі та зятю Бібіковим про життя старшого брата він писав: «Одноманітність життя у Хомутці йому не підходить, він потребує столичних розваг...» [51, с. 185]. Вочевидь, у той час М. Муравйова-Апостола відвідує думка про самогубство, про що в останньому листі до брата в ніч з 12 на 13 липня 1826 р. згадує С. Муравйов-Апостол [33, с. 53].

Навіть у Петропавлівській фортеці М. Муравйов-Апостол згадував Хомутець. В одному з листів він, зокрема, писав: «Є французькі романи, які так жваво нагадують мені вітальню в Хомутці, камін, круглий стіл [слово нерозб.], що мені здається, неначе я там» [8, с. 14]. В іншому листі він, вочевидь очікуючи на смертний вирок, виявляє бажання бути похованим у батьківському маєтку: «Поблизу Хоролу в Хомутці, там, де розгалужується дорога з Хомутця в Бакумівку і Обухівку, є джерело; за малоросійським звичаєм тут стоїть дерев'яний хрест. Повертаючись [слово нерозб.], я відпочивав біля хреста, і там я б хотів бути похованим» [8, с. 16]. Проте доля розпорядилась інакше.

Сергій Муравйов-Апостол бував у Хомутці лише наїздами, коли отримував відпустки. Зокрема, у 1820 р., уже будучи членом Союзу благоденства, він пробув тут майже три місяці, з 22 січня по 1 квітня [22, с. 25]. У жовтні 1823 р. він провів відпустку в Хомутці, відвідував сусідні села. Через хомутецьку пошту С. Муравйов-Апостол просив батька пересилати солдатські листи додому. У листі до батька 14 травня 1821 р. декабрист писав: «Уявляю собі, дорогий тату, яким повинен бути гарним Хомутець! Як повинно бути приємно в саду. Як би я хотів опинитись там» [36, с. 158].

У Хомутці уважно стежили за ходом революцій в Іспанії, Неаполі, Португалії, повстанням у Греції, визвольною боротьбою народів Південної Америки. Після початку революції в Іспанії С. Муравйов-Апостол багато і довго говорив з батьком про іспанські справи. Іспанська революція 1820–1823 рр. на чолі з Р. Рієго була для нього ідеалом військового перевороту [див.: 12; 24]. З великим зацікавленням стежили декабристи і за неаполітанською революцією та її придушенням. Обурений діяльністю карбонаріїв, які не змогли довести революцію до переможного кінця, 14 травня 1821 р. С. Муравйов-Апостол писав батькові в Хомутець: «Ці гидкі неаполітанці, я їм бажаю султана. Яке зло нанесли вони справі всієї Європи!.. Яке велике нещастя – не вміти захистити таку святиню, як

незалежність батьківщини; а найбільшою ганьбою є здача австріякам» [21, с. 21]. Велике захоплення у С. Муравйова-Апостола викликало грецьке повстання. Зберігся лист декабриста в Хомутець 1821 р., в якому він гаряче бажав успіху грецьким повстанцям і висловлював надію, що російські війська допоможуть повсталим грекам [15, с. 39; 22, с. 28]. Майже в кожному листі за 1821 і 1822 рр. він згадує про повстання і дякує батьку за детальну інформацію.

Часто з Хомутця у Васильків на ім'я С. Муравйова-Апостола пересилалась література про англійську та французьку революції. На прохання батька декабрист робив виписки і переклади історичних творів, зокрема надіслав у Хомутець виписки з критичних зауважень сучасника французької революції Байоля на книгу Ж. де Сталь.



У Хомутці часто говорили про історичне минуле Росії, згадували події російсько-французької війни 1812 р. Тут була велика бібліотека класичної та нової літератури, комплекти російських і зарубіжних журналів. Старші сини господаря часто розповідали про битви під Бородіно, Тарутіно, Малоюрославцем та

інші, учасниками яких були. На думку Л. Медведської, «Росія уявлялася багатостраждальною вітчизною, яку привели до занепаду пануючі класи і одночасно могутнім велетнем, що зумів вистояти у скрутну годину Вітчизняної війни 1812 року» [21, с. 17].

Господарі та їх гості жваво обговорювали політичні питання. Часто порушувалось питання про селян-кріпаків. Сергій та Матвій Муравйови-Апостоли висловлювались за необхідність поліпшення їх долі, але ніяких практичних кроків по звільненню своїх кріпаків не робили. У листі до І. Якушкіна з Хомутця 27 травня 1825 р. М. Муравйов-Апостол писав, всі зусилля кожної чесної людини повинні бути спрямовані на поліпшення становища кріпаків [15, с. 39]. С. Муравйов-Апостол і М. Бестужев-Рюмін доручили 1823 р. декабристу П. Муханову з'ясувати причини народних повстань у тих губерніях, де він проїжджатиме.

З Хомутцем пов'язана загадка особистого життя С. Муравйова-Апостола. 21 січня 1826 р. із в'язниці він написав батькові: «Наважуюсь доручити вашому піклуванню, мій любий тато, двох маленьких сиріт, яких я всиновив; вони перебувають тепер у

Хомутці. Їх метричні свідоцтва та інші папери мають знаходитись там само. Один з них хворобливий; у нього золотушна пухлина на коліні, через яку лікарі мені давно радили Кавказькі води. Вони знайдуть в вас, любий тато, покровителя, більш корисного, ніж я» [33, с. 51]. З огляду на поширену тоді практику всиновлювати позашлюбних дітей від селянок, Н. Ейдельман припустив, що це – діти самого декабриста [51, с. 154]. Сучасний історик і публіцист К. Бондаренко вже безсумнівно стверджує, що С. Муравйов-Апостол «мав двох позашлюбних дітей – з якоюсь українською селянкою з села Хомутець...» [6]. На жаль, подальша доля цих дітей невідома. Залишається відкритим й питання про можливе батьківство С. Муравйова-Апостола. Але враховуючи, що він єдиний з когорта вождів декабристів, про чиє особисте життя невідомо нічого, цей факт не можна відкидати.

Молодший з братів-декабристів, Іполит, постійно жив у Хомутці до служби в армії.

У Хомутці бували декабристи П. Пестель, М. Бестужев-Рюмін, М. Муравйов, М. Лунін, С. Волконський, М. Лорер, О. Бестужев [42, с. 29–30]. Вони знаходили спільну мову з ерудитом-господарем, цінували його літературний хист. О. Бестужев подарував Івану Матвійовичу екземпляр «Полярной звезды» з дарчим написом [27, с. 95]. А поет-декабрист В. Кюхельбекер за десять днів до повстання на Сенатській площі писав матері, що завдяки рекомендаціям адмірала О. Шишкова та І. Муравйова-



Апостола сподівається отримати посаду професора літератури для навчання морських офіцерів у Криму [14, с. 536–537]. Разом з тим, молодим офіцерам господар Хомутця здавався дуже старим. М. Лорер у своїх спогадах помилково писав, що у 1825 р. йому було 78 років [20, с. 119].

Лібералізм думок І. Муравйова-Апостола дозволяв декабристам розраховувати на нього. У жовтні 1825 р. Ф. Вадковський запропонував П. Пестелю організувати в Хомутці друкарню нелегальної літератури. Напередодні повстання на Сенатській площі, 12 грудня 1825 р., С. Трубецької відвідав сенатора у його домі в Петербурзі. На думку Н. Ейдельмана, І. Муравйов-Апостол більше слухав, ніж говорив [51, с. 203]. Відомо, що керівники повстання мали намір включити його разом з

М. Сперанським та М. Мордвіновим до Тимчасового верховного правління. Його ім'я називали учасники нарад у К. Рилєєва напередодні повстання [25, с. 237]. На жаль, ми не маємо достовірних свідчень про цю розмову. Тому питання обізнаності батька декабристів щодо змови, як і його можлива роль у разі перемоги повстання, залишається дискусійним.

Після придушення повстання декабристів Іван Матвійович Муравйов-Апостол залишив службу (повернувся на неї 1824 р.) і в травні 1826 р. був «звільнений через хворобу до чужих країв». Збереглися вкрай суперечливі відомості про ставлення батька до долі синів. Сучасна дослідниця А. Готовцева пише, що сенатор Муравйов-Апостол був егоїстом і лише носив маску «турботливого батька», а насправді доля синів його мало хвилювала [38, с. 99–100]. Вона спирається на свідчення відомого бібліографа С. Полторацького, який зустрівся з І. Муравйовим-Апостолом 1846 р., і записав, що останній «не був сердечно вражений втратою синів, з якими завжди був суворим і деспотом [...] я був вражений як свіжістю його, так і порожнечою світською і дріб'язковістю розмови. Убиті батьки, які шукають втіхи в Прометеї, не такі навіть на вигляд» [41, с. 461]. Заперечуючи Й. Г. Шніцлеру, який описував горе Івана Матвійовича («на жаль, він ще живий, але далеко від вітчизни, де не дозволено йому було б вшановувати пам'ять синів своїх» [55, р. 17–18]), С. Полторацький зазначав: Муравйов-Апостол «дуже твердо, більш ніж твердо переніс страшну втрату» і залишив Росію з почуття ображеного самолюбства та за бажанням дружини, залишившись «як був завжди, холодний черстводушний учений і егоїст» [41, с. 459, 460].

Однак збереглися й інші свідчення, зокрема М. Греча про останнє побачення батька з С. Муравйовим-Апостолом. З листів останнього можна судити про духовну близькість з батьком. З приводу втрати синів І. Муравйов-Апостол написав елегію давньогрецькою мовою. Очевидно, розчарований дійсністю, він прагнув втекти від житейських труднощів у «милу серцю античність» [46, с. 24].

Ось підрядковий переклад елегії на російську мову, опублікований 1886 р. в журналі «Русский архив» [52, с. 227].

*Три лавровые дерева, предмет гордости посадившего их,
полные силы и прелести юной красы, росли, сплетаясь ветвями и*

устремив верхи свои к небу, стояли крепко, прямо и были славой отчизны.

Но Зевс грянул перуном – неслыханное дело! – в дерева, посвященные Фебу, и поразил их до корня! Они потеряли красу свою и теперь повержены на той земле, которую должны были любить и защищать.

Какая же участь того, кто их посадил?.. Осиротевшая глава его лежит под их пеплом!..

У тому ж номері журналу подано поетичний переклад поета і колишнього декабриста Ф. Глінки, зроблений 1859 р. [52, с. 227]

*Три юные лавра, когда я садил,
Три радуги светлых надежд мне сияли:
Я в будущем счастлив судьбою их был...
Уж лавры мои разрослись, расцветали.*

*Была в них и свежесть, была и краса,
Верхи их сплетаясь, неслись в небеса.
Никто не чинил им ни в чем укоризны.
Могучими корнями и силой полны.
Им только и быть бы утехой отчизны,
Любовью и славой родимой страны!..*

*Но горе мне!... Грянул сам Зевс стрелометный,
И огонь свой палящий на сад мой послал,
И тройственный лавр мой, дар Фебу заветный,
Низвергнул, разрушил, спалил и поправл...*

*И те, кем могла бы родная обитель
Гордиться... повержены, мертвы во прах;
А грустный тех лавров младых насадитель
Рыдает, полмертвый, у них на корнях!..*

Дослідники творчості І. Муравйова-Апостола А. Кузьменко та М. Трошина припускають, що елегія була написана 1826 р. в Хомутці. Зміст алегорії наступний: три лаврові дерева – це троє синів автора, які були гордістю батька. В образі Зевса, який громом розбив дерева, виступає імператор Микола І. В образі того, хто посадив дерева, виступає сам автор елегії. Його доля – оплакувати своїх дітей [17, с. 107; 46, с. 142].

Після придушення повстання Чернігівського полку на початку січня 1826 р. панський будинок у Хомутці за наказом

Малоросійського генерал-губернатора було обшукано та опечатано. Приводом стало відношення командира 4-го піхотного корпусу князя О. Щербатова, який повідомляв, що С. Муравйов-Апостол усюди розсилає своїх агентів [29, с. 5–6]. Почалися пошуки, оглядалися подорожні всіх мандрівників, арештовували підозрілих, сталася купа кумедних випадків. М. Рєпнін негайно відправив свого ад'ютанта штаб-ротмістра Бібікова і чиновника з особливих доручень Баратова до Хомутця. Вони мали допитати управляючого та вилучити всі папери. Земському комісару Миргородського повіту було доручено арештувати в Хомутці Матвія Муравйова-Апостола та негайно доставити його в Полтаву [29, с. 6–7]. Однак в домі не виявилось нікого з господарів. Розбуджений посеред ночі управляючий, 65-літній дворянин Захарченко присягався у вірності трону і що не мав переписки з Муравйовими-Апостолами. В його домі були виявлені листи Івана Матвійовича з господарських питань; а в панському палаці – шкатулка, два портфелі з паперами і два масонських знаки. Все це було опечатано і відправлено до Полтави [29, с. 8]. Там же були допитані Захарченко, казначей економії Іваниця та деякі слуги. За чотири місяці І. Муравйов-Апостол подав скаргу, вимагаючи стягнути з М. Рєпніна збитки. Однак генерал-губернатор претензії відкинув, і його дії були визнані законними [див.: 38]. Наприкінці 1826 р. варту з будинку було знято.

Після виїзду за кордон І. Муравйов-Апостол жив переважно у Відні та Флоренції. За ним зберігалось жалування сенатора і пожиттєва пенсія. Писав мемуари, доля яких невідома. «Він стомився на батьківщині під ланцюгом тяжких випробувань і прикростей і “під привабливим небом Італії”, хотів забути від перенесених нещастя у суворій вітчизні... – писав І. Кубасов. – Там, за кордоном нашої вітчизни, на батьківщині його улюблених Горація і Аріоста, там, за кордоном, де блискучим метеором промайнуло для нього щастя, коли він був сповнений сил, коли за його власними словами “його сліди були устелені трояндами”, там тепер шукав Муравйов притулку, заспокоєння від перенесених бур, тривог і важких випробувань. Його суспільне становище впало, він позбувся влади і навіть покровительства, і колишній “кавалер” при великих князях, російський впливовий посланник і близький приятель Лагарпа, тепер за кордоном зазнавав ряду принижень, які іноді ображали його звання російського сенатора» [18, с. 92–93]. У 1845 р. незадовго до смерті І. Муравйов-Апостол повернувся в Росію, де застав розорений маєток і добився підвищеної пенсії після звільнення з Сенату. Помер і похований у Санкт-Петербурзі (за іншою версією – у новгородському Покровському монастирі).

Після смерті І. Муравйова-Апостола маєток перейшов у власність його молодшого сина Василя, якого батько в листі до К. Муравйової 1847 р. називав єдиною причиною своїх нещастя [33, с. 57]. Розпечений батьками, він успадкував батьківський егоїзм і марнотратство*. Служив ад'ютантом генерала В. Гурка на Кавказі, на службі характеризувався позитивно. Можна сказати, що Іван Матвійович виховав свою копію. У конфлікті батька з сином мати та сестри підтримали останнього. В заповіті Іван Матвійович згадав і «державного злочинця» Матвія, якому молодший брат мав сплачувати кошти, а в разі повернення громадянських прав – третину від прибутку з маєтку [17, с. 105].

Після довгих років заслання, М. Муравйов-Апостол дочекався амністії 1856 р. і прожив ще 30 років. Після повернення з Сибіру він приїздив до Хомутця, де 1864 р. його зустрічав народоволець М. Ашенбреннер [2, с. 106–107]. У Хомутці відбувався благодійний концерт, на який з'їхалися гості не лише з найближчих повітів, але й з Полтави. Після концерту гостей запросили на чай у вітальню. «Вздовж стін тяглися мармурові прилавки – згадував М. Ашенбреннер, – уставлені чайним посудом, фруктами, печивом тощо. На зворотному шляху візники й кучери не могли достатньо нахвалитися прийомом: їх сито нагодували, а коням дали вдосталь вівса й сіна. Хохол, який нас віз, називав Муравйова «наш гетьман» [2, с. 107]. Отже, після смерті Івана Матвійовича його діти продовжували жити на широку ногу, особливо не рахуючи витрати. Матвій Муравйов-Апостол помер і був похований у Москві. Будучи останнім чоловіком у своєму роді, він розпорядився передати прізвище одному зі свої внучатих племінників – В. Короб'їну [53, с. 170].

Василь Муравйов-Апостол помер бездітним у 1866 р. Його вдова продала маєток Столбін. Пізніше, за свідченнями І. Павловського, частина цього маєтку відійшла у володіння великого князя Дмитра Костянтиновича, частина – фельдмаршалу І. В. Гурку, брату дружини В. І. Муравйова-Апостола, а Хомутець з панською садибою – С. К. Гартінгу, одруженому з вихованкою В. І. Муравйова-Апостола, який у 1892–1895 рр. був Миргородським предводителем дворянства [29, с. 12]. У Хомутці неодноразово бував А. Чехов, який вважав, що клімат Полтавщини сприятиме його одужанню. У 1891 р.

* До речі, за свідченнями А. Бібікової Матвія Муравйова-Апостола в старості теж вважали егоїстом [5, с. 412].

він хотів придбати хутір у козака Яценка, однак домовитись щодо ціни не вдалося [49, с. 715].

Після революції 1917 р. маєток було розграбовано і націоналізовано. У січні 1918 р. в Хомутці встановилась радянська влада. На базі поміщицького маєтку було відрито прокатний пункт допомоги селянам сільськогосподарськими машинами, худобою та насінням. У 1920 р. в колишньому палаці відкривається одна з перших в Україні агропрофшкола з однорічним терміном навчання. З 1927 р. цикл навчання став трирічним. У 1932–1933 рр. цей навчальний заклад носив назву Хомутецький зоотехнікум ім. Декабристів. У 1960 р. технікум було реорганізовано в ветеринарно-зоотехнічний.

З 1924 р. будинок охороняється законом [42, с. 245; 49, с. 714]. У 1965 р. в Хомутці було відкрито історичний музей. Експозиція відображала історію краю з кам'яного віку до сучасних подій в житті села. Частина експозиції була відведена речам з маєтку Муравйових-Апостолів – книги, чорнильниця, настінний годинник тощо. Ленінградська державна бібліотека ім. М. Салтикова-Щедріна передала 6 рідкісних книг про декабристів. Згідно рішення виконкому Полтавської обласної Ради депутатів трудящих № 529 від 10 грудня 1970 р. палацу надали статус пам'ятника історії і взяли під охорону як місцеву пам'ятку. Однак він так і не був визнаний пам'яткою архітектури і не включений до державного реєстру.

У 1975 р. з нагоди 150-річчя повстання декабристів в одному з приміщень палацу було відкрито кімнату-музей декабристів, де зберігалась частина експозиції Хомутецького історичного музею, присвячена декабристам. В експозиції були представлені речі Муравйових-Апостолів, випалені по дереву художні портрети декабристів, портрети Івана Матвійовича та Анни Семенівни з доньками, панорама повстання Чернігівського полку. Тоді ж на фасаді палацу було встановлено меморіальну дошку з написом: «У цьому будинку, який належав Муравйовим-Апостолам у 1824–1825 роках відбувалися засідання декабристів».



У верхній частині гранітної плити – профілі п'яти страчених декабристів. 27 грудня 1975 р. у Хомутці відбулась наукова конференція, присвячена декабристам. Участь у ній взяли близько 400 осіб, а відкрив засідання перший секретар Миргородського райкому КПУ В. Радько [36, с. 157–158].

З початку 1990-х рр. палац перебуває в аварійному стані. За радянської влади тут розташовувався ветеринарно-зоотехнічний технікум. Коли технікум збудував нові корпуси, будівля стала пустою. Йде поступова руйнація унікальної історичної пам'ятки, пов'язаної з діяльністю гетьмана Д. Апостола та декабристів. Відремонтувати палац за рахунок свого бюджету навчальний заклад неспроможний. Кімнату-музей декабристів зачинено, а декабристські речі дивовижним чином зникли. Очевидці кажуть, що дзеркало та стіл Муравйових-Апостолів вивезла вночі невідома машина. Мабуть, все це осіло в приватних колекціях «нових українців». Від колишньої розкоші панської садиби залишились лише фрагменти: стіни, ліпнина з гербами колишніх власників та розетки, унікальна дерев'яна стеля в одній з кімнат, розписи на стелях в інших кімнатах. Ось так безгосподарно витрачаємо державні кошти на відбудову за гіпотетичними проектами давно втраченого у Батурині, Чигирині чи Михайлівського Собору в Києві, дозволяючи разом з тим гинути тому автентичному, що ще можна врятувати.



Хомутецький парк теж перебуває в занедбаному стані. Він був закладений наприкінці XVIII ст. З 1972 р. є пам'ятником садово-паркового мистецтва і займає площу 77 га. Зараз знаходиться в управлінні Хомутецького ветеринарно-зоотехнічного технікуму. За легендою засновниками парку вважаються брати-декабристи Сергій, Матвій та Іполит Муравйови-Апостоли. Тут зберігся черешчатий трьохствольний дуб, посаджений Іваном Муравйовим-Апостолом на честь трьох синів-декабристів. За переказом, існувало пророцтво, що дуб залишиться на довгі роки, а доля трьох синів господаря буде сумною.

Сам Хомутець перетворився на занепадаюче село, куди автобус ходить лише раз на день по жакливій дорозі. У коридорах палацу Муравйова-Апостола, де колись лунала музика, бігали діти, обговорювались проекти демократизації Російської імперії, тепер гуляє вітер і блукають мародери. Через відсутність відвідувачів зачинено й місцевий музей.

Швейцарський фінансист Кристофер Муравйов-Апостол, нащадок декабристської родини, який відновив родову садибу в Москві на Старій Басманній вулиці, не наважився мати справу з українськими чиновниками. Останні пропонували йому влади кошти

в державну скарбницю. Сьогодні найкращим способом порятунку палацу став би його перехід у власність нащадків декабристів за умови збереження і проведення капітальної реставрації. Іншим варіантом використання палацу є його перетворення на санаторій або будинок відпочинку. Природні умови та близькість до курорту Миргород дозволяють. Проте для цього вже потрібні державні вливання. На звернення громадськості до органів державної влади відповідь була, що палац Муравйових-Апостолів не є національним надбанням. Виходячи з українських реалій, з жалем констатуємо, що за кілька років ми втратимо цю унікальну пам'ятку.

Джерела та література:

1. **Ассман Я.** Культурная память: Письмо. Память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М., 2004.
2. **Ашенбреннер М.** Воспоминания // Былое. – 1907. – № 5. – С. 106–123.
3. **Базанов В. Г.** Очерки декабристской литературы. Публицистика. Проза. Критика. – М., 1953.
4. **Балас М.** Сергей Иванович Муравьев-Апостол, 1794–1826 гг. // Русская старина. – 1873. – Т. VII. – С. 653–676.
5. **Бибикова А.** Из семейной хроники // Исторический Вестник. – 1916. – ноябрь. – С. 404–426.
6. **Бондаренко К.** Декабристы. Украинская версия // Профиль. – 2008. – № 48 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.profil-ua.com/index.php?action=view&art_id=990. – Дата доступу – 5.7.2009.
7. Восстание декабристов. Материалы. – Т. IX. – М., 1950.
8. Декабрист М. И. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма / Предисл. и примеч. С. Я. Штрайха. – Петроград, 1922.
9. Декабристы. Биографический справочник / Изд. подгот. С. В. Мироненко. – М., 1988.
10. **Зубковський І.** Декабристи – народженці Полтавщини // Червоний шлях. – 1925. – № 11–12. – С. 116–119.
11. Как я сделался «Апостолом». Рассказ И. М. Муравьева-Апостола // Русский архив. – 1887. – Кн. 1. (Т. 25). – С. 39–46.
12. **Киянская О. И.** Южный бунт: Восстание Черниговского полка. – М., 1997.
13. **Клевенский М.** Декабрист Сергей Иванович Муравьев-Апостол. – М., 1925.
14. **Константинов М. К.** Литературная деятельность Кюхельбекера накануне 14 декабря. (По неизданным письмам А. Е. Измайлова) // Литературное наследство. – М., 1954. – Т. 59. Декабристы-литераторы. – Т. I. – С. 531–540.
15. **Кострубіна Л.** Хомутец і декабристи // Декабристські читання: Тези Міжнародної наук.-теор. конф., присвяченої рухові декабристів. – Вип. VIII. – К., 2001. – С. 38–43.

16. **Кошелев В. А.** О жизни и сочинениях И. М. Муравьева-Апостола // *Муравьев-Апостол И. М.* Письма из Москвы в Нижний Новгород / сост., статья, примеч. В. А. Кошелева. – СПб., 2002. – С. 191–230.

17. **Кузьменко А. Ю.** Иван Матвійович Муравйов-Апостол. Нарис життя і творчості. – К., 1964.

18. **Кубасов И. А.** И. М. Муравьев-Апостол, автор «Писем из Москвы в Нижний Новгород» // *Русская старина*. – 1902. – октябрь. – С. 87–104.

19. **Кубасов И. А.** И. М. Муравьев-Апостол, автор «Писем из Москвы в Нижний Новгород» // *Русская старина*. – 1902. – ноябрь. – С. 347–359.

20. **Лорер Н. И.** Записки декабриста. – Иркутск, 1984.

21. **Медведська Л. О.** Декабристи на Полтавщині. – Харків, 1960.

22. **Медведська Л. О.** Сергій Іванович Муравйов-Апостол. (Біографічний нарис). – К., 1961.

23. **Муравьев-Апостол М. И.** Сергей Иванович Муравьев-Апостол, 1796–1826 г. // *Русская старина*. – 1873. – Т. VIII. – С. 105–111.

24. **Нечкина М. В.** «Революция наподобие испанской». (О тактике Южного общества декабристов) // *Каторга и ссылка*. – 1931. – № 10. – С. 3–40.

25. **Нечкина М. В.** Восстание декабристов: В 2-х т. – М., 1955. – Т. 2.

26. **Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М.** Франция-память. – СПб., 1999.

27. **Оксман Ю. Г.** Агитационная песня «Ах, тошно мне и в родной стороне» // *Литературное наследство*. – М., 1954. – Т. 59. Декабристы-литераторы. – Т. I. – С. 85–100.

28. **Орлов В. Н.** Из литературных отношений С. И. Муравьева-Апостола // *Литературное наследство*. – М., 1956. – Т. 60. Декабристы-литераторы. – Т. II, кн. 1. – С. 531–536.

29. **Павловский И. Ф.** Из прошлого Полтавщины. К истории декабристов. – Полтава, 1918.

30. Письмо К. Н. Батюшкова Н. И. Гнедичу, [январь 1811 года, Вологда] // **Батюшков К. Н.** Соч.: в 2 т. – М., 1989. – Т. 2. – С. 154.

31. Письмо П. А. Плетнева Я. К. Гроту, 13 декабря 1844 года, Санкт-Петербург // Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым / под ред. К. Я. Грота. – Т. 2. – СПб., 1896.

32. Письмо С. И. Муравьева-Апостола к К. Н. Батюшкову // *Русская старина*. – 1893. – Апрель – май – июнь. – С. 403–408.

33. Письмо С. И. Муравьева-Апостола к его отцу // *Русский архив*. – 1887. – Кн. 1. (Т. 25). – С. 47–58.

34. По поводу записок Н. Н. Муравьева. Замечания М. И. Муравьева-Апостола // *Русский архив*. – 1886. – Кн. 1, № 2. – С. 225–227.

35. Полн. собр. законов Российской Империи с 1649 года. – СПб., 1830. – Т. 34.

36. **Радько В. Д., Петлюх П. П.** Музей декабристів у с. Хомутець на Миргородщині // *Укр. іст. журн.* – 1976. – № 4. – С. 157–158.

37. **Рубаков І.** 1825-й рік на Україні // «Українські декабристи чи декабристи на Україні?»: Рух декабристів очима істориків 1920-х років /

Упор., вступ. ст. та примітки Григорія Казьмирчука, Юрія Латиша. – К., 2011. – С. 86–101.

38. Родственники декабристов в 1826 г. (И. М. Муравьев-Апостол и Н. Г. Репнин) / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. Г. Готовцевой // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. – Вып. VIII. – СПб., 2010. – С. 98–110.

39. **Российский М.** Отец декабристов [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://spaleks.ru/rus_esp/esprus_padre.html. – Дата доступа – 18.12.2011.

40. Русская родословная книга. – СПб., 1873.

41. Русские достопамятные люди: Заметки и воспоминания по поводу труда Д. Н. Бантыш-Каменского: «Словарь достопамятных людей русской земли», изд. 1847 г., СПб., и некоторых других изданий того времени. [Рукопись из собрания С. Д. Полторацкого] // Русская старина. – 1892. – июнь. – С. 457–488.

42. **Савичев Н. П.** Первые благовестители свободы. – К., 1990.

43. **Савичев М. П.** Декабристы Муравйови-Апостоли: (До 170-річчя створення Південного товариства декабристів) // Укр. іст. журн. – 1991. – № 3. – С. 112–119.

44. **Скалон С. В. (Капнист-Скалон С. В.)** Воспоминания / коммент. Г. Н. Моисеева // Записки русских женщин XVIII – первой половины XIX века. – М., 1990. – С. 281–388.

45. **Сыроечковский Б. Е.** Два письма С. И. Муравьева-Апостола // Красный архив. – 1928. – Т. 5 (30). – С. 217–226.

46. **Трошина М. С.** Жизнь и творчество И. М. Муравьева-Апостола: Дисс... канд. филол. наук: 10.01.01. – Ульяновск, 2007.

47. **Хальбвакс М.** Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступительная статья С. Н. Зенкина – М., 2007.

48. **Хаттон П.** История как искусство памяти. – СПб, 2003.

49. **Хміль Г. І.** Хомутець // Історія міст і сіл України. Полтавська область. – К., 1967. – С. 713–727.

50. **Эйдельман Н. Я.** Грань веков: Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия. – М., 1982.

51. **Эйдельман Н. Я.** Апостол Сергей. Повесть о Сергее Муравьеве-Апостоле. – 3-е изд. – М., 1988.

52. Элегия сенатора И. М. Муравьева-Апостола, сочиненная им на греческом языке по случаю события 14-го Декабря 1825 года // Русский архив. – 1886. – Кн. 1, № 2. – С. 227–228.

53. **Якушкин В. Е.** Матвей Иванович Муравьев-Апостол // Русская старина. – 1886. – Июль. – С. 151–170.

54. **Živko M. Andrijašević, Šerbo Rastoder.** Istorija Crne Gore: od najstarijih vremena do 2003. – Podgorica, 2006.

55. **I. H. Schnitzler.** Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas. – Paris, 1847. – Т. II.

*Михайло Рудик,
Володимир Шевченко
(Ніжин)*

КІМНАТА-МУЗЕЙ АКАДЕМІКА М. В. НЕЧКІНОЇ*

На третьому поверсі правого крила Ніжинського агротехнічного інституту функціонує кімната-музей академіка Міліци Василівни Нечкіної.



Міліца народилася 12 (25) лютого 1901 р. в родині Нечкіна Василя Івановича – інспектора (1898–1905 рр.)

Ніжинського технічного училища імені А. Ф. Кушакевича. У 1917 році закінчила із золотою медаллю гімназію, у 1921 році – Казанський університет, де була

залишена для підготовки до професорського звання. З 1924 року викладала на робітфаку МДУ, в Комуністичному університеті народів Сходу, Московському університеті Академії суспільних наук. З 1935 року була науковим співробітником РАН. Нечкіна стояла біля витоків становлення радянської історичної науки. Спеціалізувалася на історії

декабристів, революційних рухів у Росії XIX століття. Була автором багатьох підручників з історії для середньої і вищої школи. Померла 16 травня 1985 року. Похована в Москві на Новодівичому кладовищі.



В 1970-х рр. директор Ніжинського краєзнавчого музею В. С. Шоходько розпочав листування зі славною землячкою.

* Фото до статті М. Рудика та Ю. Латиша.

Звертався з проханнями надіслати особисті речі для експозиції музею. Пізніше до листування приєднався заступник директора з виховної роботи, викладач історії Ніжинського технікуму механізації сільського господарства М. К. Рудик.

До останніх днів її життя, тобто до 1985 р., історико-краєзнавчий гурток «Пошук» при кабінеті історії навчального закладу під керівництвом М. К. Рудика підтримував зв'язки з академіком М. В. Нечкіною.



А тому більшість особистих речей вона заповіла у фонди Ніжинського краєзнавчого музею. Експонати становили цілісну експозицію. Так виникло питання про відкриття в Ніжині кімнати-музею академіка М. В. Нечкіної.

В 1986 році на фасаді будинку Ніжинського технікуму механізації сільського господарства (нині – інституту) встановлена меморіальна мармурова дошка.



1989 р. в Ніжинському ордена «Знак пошани» технікумі механізації сільського господарства імені Ленінського комсомолу розпочато роботу зі створення кімнати-музею академіка Міліци Василівни Нечкіної. Разом з Ніжинським краєзнавчим музеєм викладачі інституту творчо підійшли до пошуку нових документів про академіка з Ніжина. Велику і кропітку роботу провели по збору матеріалів викладачі навчального закладу О. М. Спірідонова, Н. В. Потопальська, М. К. Рудик, студенти, гуртківці-пошуківці.

Дієву допомогу під час її створення надали Олександр Борисович Коваленко, колишній працівник партапарату області, нині директор Інституту історії, етнології та правознавства ім. О. М. Лазаревського Чернігівського національного педагогічного університету ім. Тараса Шевченка, Володимир Семенович Шоходько, в минулому директор Ніжинського краєзнавчого музею. Фінансову підтримку здійснив директор технікуму, нині директор агротехнічного інституту Василь Степанович Лукач.



Відкриття кімнати-музею було урочисто здійснено в лютому 1991 р. під час 90-річного ювілею нашої землячки.

Ми на порозі кімнати-музею М. В. Нечкіної. Всі, хто в ній буває, бачить оновлену 2001 р. експозицію. Кімната нагадує початок ХХ

століття. В ній затишно. Батьківський стіл, який за бажанням Нечкіної знову був привезений з Москви до Ніжина, є головним експонатом музею.

Відвідувачі кімнати завжди цікавляться сімейними речами, які були повернені до Ніжина згідно з її заповітом.

Переступаємо поріг кімнати-музею. На чільному місці – портрет академіка Нечкіної М. В. Розглядаючи його, ми ніби розмовляємо з нашою землячкою.

Здається, ми в неї в гостях, в Москві на Виставковому провулку (нині на вулиці Петровського). Входимо в під'їзд великого сучасного будинку. Хвилину – і ми в квартирі. М. В. Нечкіної немає з нами з 1985 року, але вона залишилась в пам'яті багатьох людей в Москві, в Ніжині та в інших містах як прославлений вчений, академік, її ім'я знає весь світ.



З портрету на нас дивиться людина надзвичайної ерудиції, завжди щира, доброзичлива. Такою вона залишилась в пам'яті тих, хто з нею зустрічався в житті. Її колеги відмічали, що, представляючи делегації нашої Батьківщини за кордоном, вона

говорила російською, французькою та іншими мовами, захищаючи честь історичної науки.

В музеї поряд з портретом нашої землячки є також картина, де змальовано підготовку декабристів до повстання. Обізнаним екскурсантам, які приходять до кімнати-музею, художнє полотно нагадує, що академік М. В. Нечкіна десятки років присвятила дослідженню даної проблеми. Саме нею створені статті, книги, присвячені руху декабристів.

Не всі роботи академіка М. В. Нечкіної зібрані на книжковій полиці в кімнаті-музеї агротехнічного інституту. У нашої землячки їх декілька сот. А книга-дослідження «А. С. Грибоедов и декабристы» удостоєна Державної премії СРСР.

Фото-підбірка на стендах в кімнаті відображає життєвий і творчий шлях академіка.



У меморіальному музеї знайомимось з листом Нечкіної від 18 березня 1971 р., що надісланий з Москви.

«Ось чорнильниця М. В. Нечкіної. Ніжинський краєзнавчий музей попросив що-небудь вислати, – і я вислала чорнильницю – товариша і супутника всього шляху до того моменту, як

з'явилися кулькові ручки, які витіснили чорнильницю.

Цю чорнильницю М. В. Нечкіній подарували в день народження, коли їй було десять років. Із цієї чорнильниці виникли всі записи в зошитах шкільного її життя – арифметичні задачі, твори з російської мови і все інше від першого до восьмого класу гімназії (до неї вступали в 10-річному віці). З цієї чорнильниці пішли в життя студентські реферати та доповіді, перша книга, перші статті, вся підготовка до вузівських лекцій... Взагалі, всі роботи (в тому числі і книга «Грибоедов и декабристы» та багато іншого) до епохи кулькових ручок. За приблизними підрахунками в цій чорнильниці знаходилися в рідкому стані понад 240 наукових робіт. Безумовно, М. В. Нечкіній тяжко віддавати цю чорнильницю, але що поробиш... Прохання Ніжинського музею вирішило її долю (тобто долю чорнильниці)».

Так в експозиції нашого меморіального музею з'явився цінний експонат видатного історика ХХ століття.

Речі, які були привезені з московської квартири М. В. Нечкіної, відображають її творче життя, її академічну діяльність.

Завжди пам'ятаємо, що однією з визначних жінок України була і наша землячка – видатний історик, педагог, академік Міліца Василівна Нечкіна.

Експонати кімнати-музею академіка Міліци Василівни Нечкіної:

1. Письмовий стіл, двотумбовий;
2. Бюст В. І. Леніна;
3. Настільна лампа з зеленим абажуром;
4. Робоче крісло;
5. Жіночий капелюх з квіткою із соломки;
6. Портфель;
7. Жіноча сумочка з шовкового муару з монограмою;
8. Статуетка Буревісника;
9. Берет, чорний;
10. Чорнильниця настільна;
11. Шарф, легкий, жіночий;
12. Ваза керамічна, із ніжинською землею;
13. Фото, різні;
14. Подвійний футляр для окулярів з окулярами її батька В. І. Нечкіна;
15. Шкіряний гаманець;
16. Металічний гребінець;
17. Книги М. В. Нечкіної:
«Встреча двух поколений» (1980)
«А. С. Грибоедов і декабристы» (1947)
«Движение декабристов» (1955)
«Восстание 14 декабря 1825» (1951)

Джерела та література:

1. **Рудик М. К.** Академік М. В. Нечкіна: До 100-річчя від дня народження. НАТІ НАУ. – Ніжин, 2001. – 67 с.
2. Науково-допоміжний фонд Ніжинського краєзнавчого музею.

Фото: 1) Екскурсію в кімнаті-музеї М. В. Нечкіної проводить викладач історії М. К. Рудик; 2) стіл М. В. Нечкіної; 3–5) особисті речі М. В. Нечкіної в кімнаті-музеї; 6) Покладання квітів до пам'ятної дошки на будинку, де народилась М. В. Нечкіна, 2001 р.; 7) портрет М. В. Нечкіної; 8) листи М. В. Нечкіної в кімнаті-музеї.

В КАМ'ЯНЦІ ТІНИСТІЙ

Володіючи обширними землями, маючи будинки в Петербурзі, Москві, Одесі, Києві К. М. Давидова, уроджена Самойлова, по першому шлюбу Раєвська, з 1801 року оселилася в Кам'янці, обравши її центром своїх володінь. Саме з Раєвськими-Давидовими пов'язані найяскравіші сторінки Кам'янки ХІХ століття.

Сім'я Давидових оселилася у гарному двоповерховому будинку, який побудували польські магнати ще в 17 ст. Поруч з будинком Катерина Миколаївна побудувала в 1817 році Свято-Миколаївську дерев'яну церкву, в якій бували декабристи О. С. Пушкін, П. І. Чайковський.

У маєтку часто гостювали прославлені герої Вітчизняної війни 1812 року М. М. Раєвський, М. Ф. Орлов, Д. В. Давидов, О. П. Єрмолов. Особливо часто бував в Кам'янці син К. М. Давидової від першого шлюбу М. М. Раєвський, один із найпрославленіших генералів російської армії, який здобув собі славу під Смоленськом і в Бородинській битві, про якого з любов'ю і глибокою повагою О. С. Пушкін писав: *«Я не бачив у ньому героя, славу російського війська, я в ньому любив людину з ясным розумом, з простою прекрасною душею»*. Про його подвиги ходили легенди, складалися вірші.

Приїздив у Кам'янку і блискучий дипломат, полководець, видатний діяч Кишинівського відділення таємного товариства «Союзу благоденства» М. Ф. Орлов, людина блискучого розуму і освіти, високої честі і лицарського благородства.

Своїх родичів відвідували видатний військовий діяч, полководець О. П. Єрмолов, легендарний поет-партизан Д. В. Давидов.

Поворотним моментом в житті Кам'янки стала відставка полковника В. Л. Давидова. З 1820 року він оселився тут, перетворивши це невеличке містечко на одну із «столиць» декабристського руху.

Серед місць, пов'язаних з декабристським рухом в Україні, особлива роль належить Кам'янці. За свідченням С. Г. Волконського село Кам'янка Чигиринського повіту щороку було збірним пунктом для нарад декабристів. Назва міста та імена керівників Кам'янської управи зустрічаються на сторінках слідчих справ, у письмових

свідченнях декабристів і навіть в щоденнику імператриці Марії Федорівни.

Кам'янська управа Південного товариства була створена в 1823 році за рішенням Київського з'їзду Південного товариства. Її очолили видатні декабристи В. Л. Давидов і С. Г. Волконський.

В. Л. Давидов був однією із найяскравіших постатей. Народився він 1793 року в Москві. Внук Потьомкіна, син суворівського генерала з 15 років був зачислений юнкером в лейб-гвардії Гусарський полк, пройшов весь шлях Вітчизняної війни 1812 року. За записами в його послужному списку можна простежити бойовий шлях російської армії на головних напрямках Вітчизняної війни 1812 року. Член «Союзу благоденства» з 1820 року і Південного товариства, керівник Кам'янської управи був, як писав його друг С. Г. Волконський: *«Личность замечательной по уму и теплоте чувства к делу: его я называю коноводом по влиянию бойких обсуждений и ловкого увлекательного разговора»*.

Не менш яскравою особистістю був і С. Г. Волконський. Він належав до старовинних дворянських родів удільних князів Волконських і Рєпніних, був одним із найбагатших людей свого часу. Герой війни 1812 року, генерал-майор в 25 років, нагороджений багатьма орденами і медалями за хоробрість, активний декабрист, він мріяв про щастя, свободу і незалежність народу. Пройшовши по дорогах Європи до Парижа, Давидов і Волконський були переконані у необхідності змін існуючого суспільного ладу, ліквідації кріпацтва, хоча самі були спадкоємцями великих маєтків і володіли обоє 2926 і близько 3500 душами кріпосних селян. Вибраний ними шлях привів їх до Верховного кримінального суду, до 20 років каторги і довічного поселення в Сибіру. Визначаючи вину керівників Кам'янської управи, суд вказував, що вони погоджувалися на царевбивство і ліквідацію царської сім'ї, керували Південним товариством і намагалися з'єднати його з Північним.

Рішуче налаштовані майбутні декабристи Давидов і Волконський постійно проводили наради в Кам'янці, починаючи з 1820 року по 1825 рік.

В листопаді 1820 року в Кам'янці відбулася одна із перших нарад «Союзу благоденства», в якій брали участь В. Л. Давидов, М. Ф. Орлов, К. О. Охотніков, І. Д. Якушкін. На ній обговорювалися революційні події в західній Європі, реакційна політика Олександра I, відмова його від обіцяної конституції для Польщі, говорили про перший з'їзд Корінної управи «Союзу благоденства», який мав відбутися в січні 1821 року, тощо.

Кам'янські збори щороку набирали сили, ставали численнішими, були організованими і підготовленими, особливо після створення Південного товариства.

Значною подією у житті Південного товариства стала нарада в Кам'янці, яка відбулася 24 листопада 1823 року. В ній брали участь керівники Південного товариства П. І. Пестель, С. І. Муравйов-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмін, В. Л. Давидов і С. Г. Волконський. На цій нараді обговорювалась програма майбутнього республіканського правління «Руська правда» П. І. Пестеля, було вирішено ввести республіканське правління силою зброї і знищити царя і всю царську сім'ю. У зв'язку з цим ще раз піднімалось питання щодо створення загону царевбивць. Увесь комплекс піднятих питань був важливим для переговорів з Північним товариством. Для переговорів у Петербург, з метою об'єднання Південного і Північного товариств, були послані Давидов, Волконський, а також Баратинський, поїздку якого санкціонувала Кам'янська управа.

В 1824 році у Кам'янці вирішували досягнути на життя Олександра 1 при огляді військ у таборі при Білій Церкві, слухали записку В. М. Лихарьова «Погляд на військові поселення», в якій він говорив, що доведені до відчаю поселенці готові до повстання. Обговорювали можливість проведення чергового з'їзду Південного товариства у Києві. В цей час у Кам'янці часто бували брати Поджіо, командир 27-ї кінно-армійської роти підполковник А. В. Єнтальцев, за плечима якого були гармати, які можна було б використати в ході повстання і, які знаходилися неподалік від Кам'янки, за 10 кілометрів, в селі Олександрівка.

Після арешту П. І. Пестеля 13 грудня 1825 року, у Давидова в Кам'янці був написаний лист С. Г. Волконському з пропозицією підняти 19 піхотну дивізію, командиром якої він був і, яка знаходилась в Умані. Лист Волконському повинен був доставити О. В. Поджіо, людина смілива і хоробра. Він пропонував Волконському з'єднати 19-ту піхотну дивізію з В'ятським полком, захопити Тульчин, заарештувати штаб другої армії і звільнити Пестеля, але не отримав підтримки з боку Волконського.

23 грудня 1825 року Давидов, Волконський, О. Поджіо, Єнтальцев спалили в Кам'янці всі папери, що стосувалися таємного товариства, вірші О. С. Пушкіна, в тому числі глави «Руської правди».

Кожна управа Південного товариства, мала характерні особливості. Так, Тульчинська, злилася з директорією, вона займала провідне становище, була теоретичним і практичним центром.

Керівники Васильківської управи постійно намагалися прискорити події підняли повстання Чернігівського полку.

Кам'янська управа стала центром постійних нарад з поточних питань діяльності декабристів. Вона була своєрідним інформативним центром Південного товариства. Інформація про хворобу, а згодом смерть Олександра I в Таганрозі надійшли Пестелю від Волконського. Про видачу Бошняком таємного товариства уряду він дізнався від Давидова. Від керівників Кам'янської управи йшли й інші важливі повідомлення.

Головним завданням Кам'янської управи був її вплив на військові поселення, які знаходилися навколо Кам'янки, підготовка їх до повстання.

Кам'янка посідала визначне місце у розвитку декабристського руху.

В маленькому місті жили і збиралися великі люди, цілеспрямовані і чесні з високими чистими і благородними почуттями, які склали цілу епоху, прекрасну, романтичну і неповторну.

Роль Янівки в житті і діяльності декабристів Поджію

Ім'я братів Поджію тісно пов'язане з маєтком села Янівки Чигиринського повіту Київської губернії (тепер с. Іванівка Олександрівського району Кіровоградської області), яке знаходилося неподалік від Кам'янки – одного із центрів декабристського руху, в якому діяла Кам'янська управа Південного товариства під керівництвом В. Л. Давидова і С. Г. Волконського. Безумовно, Кам'янка була постійним місцем з'їздів декабристів, де бували видатні постаті – П. І. Пестель, С. І. Муравйов-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмін, М. Ф. Орлов, О. П. Баратинський, А. В. Єнтальцев, В. М. Лихарьов, брати Поджію. Саме тут обговорювалась програма майбутнього республіканського правління – «Руська правда» П. І. Пестеля і вирішено було силою зброї ввести республіканське правління, планувалося посягнути на життя Олександра І, підняти повстання у військових поселеннях, розроблялись інші стратегічні і тактичні плани.

Постає питання, а яку ж роль відіграло те невеличке село Янівка в житті декабристів Поджію, хто із однодумців найчастіше бував там, які вирішувалися питання, що планувалося, які доленосні події розгорталися там?

Олександр і Йосип Поджію – відомі декабристи, члени Кам'янської управи південного товариства. Безумовно, О. В. Поджію був одним із найдієвіших, рішучих діячів декабристського руху, хоч і не належав до керівного складу. Його «Записки» добре відомі спеціалістам, вони видавалися чотири рази: А. І. Яковлєвим, А. А. Сабуровим, С. Я. Гессеном та І. В. Порохом. Про цінність «Записок» свідчить той факт, що жодне дослідження, присвячене декабристам, не обходилося без цього своєрідного твору. В той же час робіт про самого О. В. Поджію небагато. Його діяльність і світогляд цікавили авторів, що створювали праці узагальнюючого характеру. До таких робіт, спеціально присвячених О. В. Поджію, можна віднести нариси його учня М. А. Білоголового, вступну статтю С. Я. Гессена та І. В. Пороха до публікації «Записок», невелика передмова М. В. Нечкіної до його слідчої справи. На жаль, дуже мало досліджень про життя, діяльність і світогляд Йосипа Поджію. Це,

перш за все, його слідча справа. Ім'я Й. В. Поджіо згадується в спогадах декабристів, в окремих невеликих за об'ємом статтях.

Олександр Вікторович Поджіо – італієць за походженням – вважав своєю батьківщиною Росію. Він і його старший брат Йосип народилися і вирости в Новоросії. Йосип народився 30 серпня 1792 року, а Олександр 14/28 квітня 1798 року в місті Миколаєві, про що свідчать записи в метричній книзі про хрещення прихожан римокатолицького віросповідання м. Миколаєва.

Батько декабристів Віктор Якович (Вітторіо Амадео) Поджіо почав службу в Росії з 1783 року підлікарем, а в 1796 році вийшов у відставку в чині секунд-майора, який одержав у 1791 році за участь у штурмі Ізмаїлу, що дало йому право на спадкове дворянство. Таку стрімку кар'єру чужоземця можна пояснити неабиякою особистістю, невтомною енергією і, безумовно, наявністю впливового покровителя. Таким покровителем був Йосип де Рібас, на честь якого був названий старший син.

Вийшовши у відставку, Вітторіо Поджіо став займатися комерцією, що було характерно для Новоросійського краю, особливо для Одеси тих часів. Він став синдиком магістрату, мав макаронну фабрику в Криму, брав підряд на будівництво (1804–1809) першого театру в Одесі і одночасно в 1805 році побудував тут власний великий кам'яний будинок.

В 1809 році він купив маєток – село Янівку Чигиринського повіту Київської губернії з 429 душами і став поміщиком. Саме тут, вийшовши у відставку, поселилися декабристи: Йосип – з 1818 року, а Олександр – з 1825. Таким чином, Янівка ввійшла в історію як одне із декабристських місць.

Обоє декабристи одержали хорошу освіту – Йосип до 1809 року виховувався в Петербурзі в єзуїтському пансіоні, Олександр – до 13 років – в Одеському училищі і, до вступу на військову службу, знаходився дома. Обоє служили в лейб-гвардії Преображенському полку. Й. В. Поджіо – учасник Вітчизняної війни 1812 року і закордонних походів. За його плечима були Бородіно, Люцен, Бауцен, В зв'язку з хворобою, вийшов у відставку в чині штабс-капітана. Олександр вступив на службу в 1814 році, в 1823 був переведений в Дніпровський піхотний полк, звідки в чині полковника за домашніми обставинами вийшов у відставку. Обоє в таємне товариство прийняв В. Л. Давидов: Олександра в 1823 році в Києві, а Йосипа в – 1824 р. в с. Телепне (нинішній Кам'янський район). Через півтора року під час слідства він напише: «В 1824 году, в апреле месяце, господин Давыдов, будучи со мною в местечке Телепине, принадлежащем его сестре, госпоже Бороздиной, повел меня на

второй этаж и предложил вступить в тайное общество. Я же, будучи влюблен в ее племянницу, согласился вступить в общество» [1, с. 163].

Олександр був одним із найактивніших членів товариства, прибічником поглядів Пестеля, а Йосипу тяжкі сімейні обставини не дозволили стати таким же активним діячем, як молодший брат. Порізному складалося і особисте життя братів. Йосип одружився з донькою дійсного статського радника Челіщева Єлизаветою Матвіївною в 24 роки, а в 28 – залишився вдівцем з чотирма малолітніми дітьми. Олександр одружився в сибірському засланні в 53 роки з класною дамою Іркутського інституту Ларисою Андріївною Смирноюю і в 56 років мав єдину доньку Варю, якій присвятив решту свого життя.

Після одруження з Марією Андріївною Бороздіною, Йосип мав намір відійти від товариства, Олександр був сповнений сил і спонукав до дій інших членів Кам'янської управи. Коли 21 грудня 1825 року на званому обіді у генерала Давидова в с. Грушківці він дізнався від В. Л. Давидова, про те, що Волконський привіз звістку про арешт Пестеля, Юшневського, Крюкова і Баратинського, то не міг з цим змиритися і розгорнув бурхливу діяльність. Він намагався змінити хід подій. Плани звільнення Пестеля та інших заарештованих постійно змінювались. О. В. Поджіо готовий був до загибелі. Повернувшись додому в Янівку, він написав листа С. Г. Волконському, в якому запропонував чіткий план дій: підняти Азовський полк і піти до Тульчина, де заарештувати генерала Кисельова і чергового генерала Байкова і чекати підкріплення від Сергія Муравйова, а потім рухатися до Києва, до головної квартири. Він сам був готовий поїхати в Петербург і замахнутися на царя. В кінці грудня 1825 року в Янівці був заарештований В. М. Лихарьов. О. В. Поджіо вважав цей арешт незаконним, бачачи ридання дружини друга і матері, стурбований власною долею він знову ж таки готовий був до рішучих дій, але реальність чергових дій вже не мала ніякого сенсу. За наказом від 27 грудня 1825 року його заарештували в Янівці, а за наказом від 7 січня 1826 року був заарештований Йосип, полишивши своїх чотирьох сиріт, вагітну дружину і стару матір. Обоє були засуджені. Олександр був визнаний Слідчою комісією «палким, невтомним членом товариства». Верховним карним судом включений до 1 розряду засуджених і був приречений «до смертної кари – відсічення голови», а при конфірмації вироку, Миколою смертну кару замінено двадцятьма роками каторги і довічним поселенням в Сибіру. Йосип був засуджений по IV розряду, спочатку до 12 років каторги, а потім термін каторги був скорочений

до 8 років. Через клопотання свого тестя сенатора А. М. Бороздіна, на 8 років він був схований від дружини в одиночній камері Шліссельбурзької фортеці. Шість з половиною років розшукувала вона чоловіка та все було марним. Й. В. Поджію відправили в Сибір лише тоді, коли дружину видали заміж за князя Гагаріна. Через 13 років, після розлуки в Янівці брати зустрілися в Сибіру, Олександр став надійною опорою для брата, здоров'я якого було підірване у в'язниці. Йосип помер в 1848 році в Іркутську, в будинку Волконських і похований на Єрусалимському кладовищі, а Олександра прийняла Чернігівська земля, він помер в 1873 в маєтку Волконських в селі Вороньки і похований біля свого друга, згідно заповіту.

Маєток в Янівці ще в 1825 році було заставлено. Мати декабристів Магдаліна Осипівна (за метричною книгою католицької церкви Миколаєва Магдаліна Кватроккі, за італійським родоводом – Мадалена Даде) як могла допомогала своїм синам, надсилаючи гроші посилки з теплими речами, продуктами харчування. Вона змушувала працювати своїх селян у свята та недільні дні, що спричинило зниження доходів церкви і стурбований священик написав донос київському воєнному губернатору Желтухину, постільки він навів слова «майорші Поджію»: «Николай моих панычиков не пощадил – я не велю и праздновать» [2] (мова йшла, як вважав В. Семевський, про 6 грудня, день Миколи, «царський день», який М. О. Поджію не схотіла святкувати) справа дійшла до III відділення, але було вирішено «во все милостивейшим снисхождением к положению и полу госпожи Поджио оставить ее в покое». Цей випадок стався в 1827 році.

Наступного разу подібних поступок не було. В 1835 році, відправляючи чергову посилку до Сибіру, М. О. Поджію вклала в неї діжечку з прованським маслом і діжечку з білим медом, за що була оштрафована на 9120 рублів. Виплата такого штрафу була для неї непосильною, хоча О. В. Поджію і раніше одержував від неї досить крупні суми. Так в 1831 році він одержав 1443 рублі (більше ніж інші засуджені). Прохання із заступництвом послав Й. В. Поджію і його доньки, намагався втрутитися і племінник В. Я. Поджію, адвокат з Наварри Бенвенуто Поджію – ніхто і ніщо не могло вплинути на зміну рішення. Та все ж таки, поки була жива Магдаліна Осипівна посилки і гроші в Сибір надходили регулярно, але в 1842 році вона померла. Заповіт, за яким вона хотіла забезпечити синів, не був затверджений.

Після смерті матері, О. В. Поджію намагався знайти засоби до існування. Він займався городництвом, молів борошно (за що його прозвали «мельником», давав уроки і, нарешті захопився золотарством. З усією притаманною йому пристрасною почав шукати

золото і тратив на це не лише невеликі свої гроші, а й весь свій час, керуючи роботами в копальнях. Пошуки золота тривали кілька років і закінчилися невдало.

Виїзд О. В. Поджіо із Сибіру відкладався навіть після амністії. Очевидно тому, що повертатися в Росію було нікуди і жити було нінащо – батьківська Янівка, після смерті матері, перейшла у володіння племінників, дітей брата Й. В. Поджіо. Грошей, які заповідала йому мати, він не одержав. Залишаючись в Іркутську, проводжав своїх товаришів, клопотався про прогони та матеріальну допомогу, турбувався про дітей і вдів померлих декабристів, видавав гроші отримані в Малій артілі, інформував розпорядників артілі про матеріальне становище тих, хто залишився в Сибіру, нагадував про те, кому скільки треба вислати грошей.

Переконавшись в марних сподіваннях накопичити бодай невеликий капітал, спадковий дворянин із державних злочинців, О. В. Поджіо, одержавши допомогу в розмірі 100 рублів сріблом на дорожні витрати, виїхав з Іркутська 2 травня 1859 року. На запрошення старшого племінника О. Й. Поджіо Олександр Вікторович поселився в його маєтку в селі Знаменському Торопецького повіту Псковської губернії. Перше враження від нового місця і його мешканців було найприємнішим. В листах він пише, що тут він не у племінника, а у найніжнішого сина. Проте скоро назрів конфлікт, головною причиною якого була знову ж таки Янівка. Спроби О. В. Поджіо відділитися і одержати свою частку спадщини, яка залишалася у племінника, наштовхнулися на супротив останнього. Він стверджував, що дядько встиг витратити свою частку спадщини на проживання в Сибіру і на авантюру з пошуками золота. Виник конфлікт, який змусив родину О. В. Поджіо полишити маєток племінника. Вони залишилися без постійного притулку зі своїм маленьким капіталом в розмірі 5000 рублів.

Важко сказати настільки серйозними були наміри О. В. Поджіо перебратися в Янівку, але він писав про них московському генерал-губернатору, колишньому товаришу по службі П. А. Тучкову.

Життя декабриста в цей період було затьмарене позовами зі старшим племінником О. Й. Поджіо. В кінці 1861 року М. С. Волконський, який знав Олександра Йосиповича, звернувся до нього, як до людини благородної, і нагадав про святий його обов'язок – виділити спадщину. Проте з того нічого не вийшло. Більш дієвим стало втручання учня Олександра Йосиповича М. А. Білоголового, який апелював до Герцена. Популярність і вплив «Колокола» зробили свою справу і, після опублікування замітки «А. В. Поджіо и его племянники», ще більш різким був виступ

П. В. Долгорукова, в якому «презренний поступок називався воровством». О. Й. Поджіо погодився вирішити справу третейським судом. Опубліковане в газетах рішення суду оголошувало його невинним відносно розпущених про нього пліток, остільки він все робив по совісті. В той же час О. В. Поджіо зізнався Є. І. Якушкіну, що за пропозицію суду племінник сплатив йому 6600 рублів. Очевидно, було прийняте компромісне рішення – суд змусив О. Й. Поджіо сплатити борг, а потім дати публікацію не тільки в «Русском инвалиде», а й в «Колоколе». Даний факт свідчить, що саме втручання Герцена змусило О. Й. Поджіо піти на поступки. Одержавши гроші за частку від свого спадку, декабрист вже ніколи не повернувся до Янівки, де жила його родина, де зріли плани майбутнього устрою держави, де відбувалися драматичні події і де збиралися його друзі.

В даній статті була спроба охарактеризувати життя і діяльність декабристів, показати роль Янівки – територіально невеликого населеного пункту, але значущого в загальному контексті діяльності Кам'янської управи, декабристського руху взагалі, показати роль О. В. Поджіо, як визначної особистості. В майбутньому робота може бути доповнена новими фактами, хотілося б по вертикалі простежити історію даного села, познайомитися з цікавими епізодами, зацікавити даною темою якомога більше людей.

Джерела та література:

1. Восстание декабристов: Документы. – М., 1969. – Т. 12.
2. **Белоголовый Н. А.** Из воспоминаний сибиряка о декабристах // Декабристы в воспоминаниях современников. – М., 1988.

РОЗДІЛ IV

ІСТОРИОГРАФІЯ, ОГЛЯДИ, РЕЦЕНЗІЇ

Елена Васильева
(Омск)

ТЕМА «ДЕКАБРИСТЫ И СИБИРЬ» В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА УЧАСТНИКА ДВИЖЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

История движения декабристов – не только исторический, но и историографический, а в некотором смысле и историософский феномен. И дело не только в многочисленных спорах о влиянии на ее изучение всевозможных стереотипов социокультурного, политического и идеологического свойства [1], что в той или иной мере характерно практически для любого исторического сюжета. Дело в том, что исследователями так и не найден ответ на вопрос: в чем же заключается популярность темы?

На наш взгляд, одна из причин этого явления кроется в ее многосюжетности.

История декабризма состоит из нескольких тематических пластов: истории тайных обществ, восстания 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади, восстания Черниговского полка, следствия, суда, каторги, ссылки и т. д. Каждый из перечисленных сюжетов – не просто часть истории движения, но и обособленное событие-маркер, содержащие особую смысловую нагрузку. Данное обстоятельство давало возможность представителям различных течений исторической и общественно-политической мысли находить в истории движения декабристов нишу, формируя свой особый образ декабриста у широких кругов общественности. Так, либеральные историки и мыслители второй половины XIX – начала XX вв. обращались, главным образом, к тайным обществам, в истории которых находили подтверждение либерализма декабристов. Восстание 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади и юге России

часто ими игнорировалось. У представителей же радикальных течений именно эти события вызывали большой интерес, так как демонстрировали реальное действие и жестокость правящего режима.

Естественно, идеологические ориентиры оказывали большое влияние на интерпретацию сюжетов. Так, то же восстание на Сенатской площади по-разному трактовалось у революционеров, либералов, консерваторов, по-разному относились они и к декабристской идеологии.

Вместе с тем, нельзя не согласиться, что выбор сюжета часто определял «презентационную» часть истории декабризма.

В настоящей работе мы хотим обратиться к вопросу влияния темы «Декабристы и Сибирь» на формирование представлений о декабризме во второй половине XIX – начале XX вв., что обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, состоянием современного декабристоведения. С одной стороны, отсутствие жестких исследовательских парадигм на протяжении двух последних десятилетий позволило историкам значительно расширять представления об истории движения, с другой, в нем стали крайне сильны «разоблачительные» теории. Пытаясь по-новому взглянуть на историю декабризма и посвященную ей историографию, исследователи прибегают к методам и терминологии, не всегда имеющим строго научный характер. Так одной из тенденций стало употребление понятия «миф», причем не в качестве метафоры, как например, в работах М. Н. Покровского [2], а в своем непосредственном значении [3]. Поэтому, изучение декабристоведения второй половины XIX – начала XX вв., во многом определившего модель последующего восприятия истории движения, позволит преодолеть ошибки существующее в историографии и возможно избежать появления новых.

Во-вторых, тема «Декабристы и Сибирь» имеет в декабристоведении определенную обособленность. Некоторые исследователи даже ставят под сомнение возможность включения сибирского периода в общую канву истории движения. В своих рассуждениях они исходят из того, что декабризм – это политическое течение (революционно-либерального толка), основной целью которого было проведение в России социально-политических реформ и смена существовавшей формы правления. После же ссылки в Сибирь участников движения, политико-преобразовательная деятельность стала не возможна, и, следовательно, декабризм перестал существовать [4].

Вторую группу составляют исследователи, выступающие за включение сибирского периода в историю декабризма. Представители данного направления полагают, что в Сибири декабристы продолжили революционную борьбу – либо подпольными средствами, либо посредством «революционного просветительства» [5].

Таким образом, обращение к истокам сибирской проблематики: изучение условий ее зарождения и идейно-смыслового наполнения, важно как для прояснения хронологических рамок декабризма, так и для того, что бы дать четкую дефиницию самому понятию декабризм.

Прежде чем преступить к решению поставленной задачи, необходимо кратко охарактеризовать декабристоведение второй половины XIX – начала XX вв. и ответить на вопрос: Какое место тема «Декабристы и Сибирь» занимала в общем контексте изучения истории движения?

Среди работ, которые внесли вклад в изучение истории декабризма и оказали наибольшее влияние на российского читателя, можно выделить следующие.

Во-первых, это монография барона М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I» [6]. Написанная по заказу императора, пользовавшаяся большой популярностью [7], она впервые познакомила российского читателя с подробностями восстания на Сенатской площади, и отчетливо сконструировала представление о декабристах, как людей едва не погубивших Россию.

Во-вторых, работы А. И. Герцена и Н. П. Огарева, ставшие знаковыми в декабристоведение второй половины XIX в. Созданная в противовес официальной версии, публицистика Герцена и Огарева создала череду ярких образов декабристов, центральное место в которых занимал образ героя-мученика, пожертвовавшего собой ради блага России [8].

Как труд Корфа, так и публицистика Герцена и Огарева представляли яркий образец идейной пропаганды, в которой оценочные характеристики преобладали непосредственно над исследовательским компонентом. Вместе с тем, Корф с одной стороны, Герцен и Огарев с другой, в своих произведениях задали вектор восприятия и характеристики истории движения: декабрист – герой или преступник.

В дальнейшем в российской печати публикации о декабристах стали распространенным явлением, о специфике которых нужно сделать несколько пояснений.

Научное осмысление декабризма находилось в стадии становления, появлению серьезных исследований мешало отсутствие источниковедческой базы, главным образом, официальной документации. Единственными источниками, способными предоставить относительно достоверную информацию, стали воспоминания, дневники, письма самих декабристов, их друзей, родственников, лиц, имеющих отношения к истории декабризма.

В начале 1870-х гг. в российской печати возник ряд острых дискуссий между родственниками лиц, вовлеченных в события декабря 1825 г. [9]. Анализ повествовательной канвы и способов аргументации, используемых участниками споров, показал, что уже к этому к этому времени сложился один из основных подходов к осмыслению декабристского движения. Его суть сводилась к тому, что декабристы оценивались не только с точки зрения политического действия, но, прежде всего, как носители определенных моральных и этических ценностей. И даже знаменитая книга А. Н. Пыпина «Общественное движение при Александре I», последняя глава которой была повешена истории декабризма, несмотря на свой научный характер, из-за пространственного цитирования воспоминаний оставался в рамках этических суждений.

Нехватка источников отразилась и на тематике публикаций.

Таблица № 1

Тематика публикаций по истории движения декабристов*

Вид публикации	Кол-во
История деятельности тайных обществ	15
Восстание 14 декабря 1825 г.	165
Восстание Черниговского полка	4
Пребывание в Петропавловской крепости. Следствие. Суд. Казнь	14
Пребывание в ссылке и на поселении в Сибири	21
Жены декабристов	1
Пребывание декабристов на Кавказе	8

* Составлена мною на основании библиографических указателей: Декабристы и Сибирь: Библиографический указатель. – Иркутск, 1985; **Селиванов В.** Декабристы 1825–1925: Систематический указатель русской литературы. – М., 1925.; **Ченцов Н. М.** Восстание декабристов. Библиография. – М., 1929.

Биографии декабристов	-
Литературная деятельность декабристов	8

По указанным выше причинам, политическая история декабризма, то есть история тайных обществ, представлена достаточно скудно.

Как видно из таблицы 1, наибольшее количество публикаций посвящено восстанию 14 декабря 1825 г. Авторы – военные, принимавших участие в подавлении восстания или случайные очевидцы [10], большинство из которых, дало крайне отрицательную оценку восставших. Факт примечательный, так как позволяет проследить, насколько этот негативный образ повлиял на последующую оценку декабристов, особенно по отношению к истории их пребывания в сибирском регионе, темы, являвшейся второй по популярности.

Если обратиться к жанровым особенностям сибирских публикаций, то можно выделить следующие группы. Важное место в изучение истории пребывания декабристов в Сибири сыграли воспоминания, публицистика и переписка самих участников движения. Мы уже говорили, о скудности источниковедческой базы пореформенного декабриствоведения и о той важной роли, которую играли источники личного происхождения в процессе восполнения информационных лагун. Воспоминания и публицистика декабристов, в силу объективных причин отливавшиеся наибольшей информативностью играли в этом первостепенную роль и пользовались большой популярностью у читателей [11]. Всего за период с 1856 по 1904 было опубликовано порядка 35 произведений принадлежавших декабристам, и имеющих отношение к истории движения. Из них сибирского периода касались – 21.

В исследовательской литературе многократно писалось о специфике декабристкой мемуаристики, определялись ее стилистические и идейные особенности. Мироззрение декабристов сформировалось под воздействием литературных представлений и стереотипов романтизма первой четверти XIX в. [12]. Одним из основополагающих структурных компонентов романтической культуры является феномен «героя». Со времен эпохи Возрождения он сохраняет инвариантную структуру, в которой исследователи выделяют следующие элементы: совершение подвига в процессе выполнения долга (служебного или этического), ограничение допустимых средств для достижения цели, готовность к самопожертвованию, преодоление препятствий, патриотизм, следование строгому кодексу чести, приоритет общественного над

частным, верность дружбе. Герой, как правило, защищает друзей или родину. Принципиально важно присутствие таких моментов как: общественная значимость героического поступка и исключительные личные качества героя [13].

Анализ текстов декабристских мемуаров показал, что повествовательная канва воспоминаний участников движения строилась в соответствии с этими нормами.

Значительный массив публикаций – письма декабристов. Для целей настоящего исследования переписка крайне важна. В силу своей специфики изначально письмо не рассчитано на публикацию [14], соответственно, информация, содержащаяся в нем, достоверна, по крайней мере, для автора. Кроме того, в переписке отражалось личное отношение автора к событиям без последующего наслоения [15]. Для читателя XIX – начала XX вв., сталкивавшегося с практикой написания и чтения писем, практически ежедневно, данные обстоятельства приобретали особую актуальность. К этой же группе можно отнести воспоминания и переписку жен и сестер декабристов.

Следующей группой публикаций стали воспоминания и записки жителей сибирского региона.

Во второй половине XIX в. у жителей Сибири происходит осознание своей принадлежности к культурно-историческому пространству Российской империи и, как следствие, желание занять в нем свою нишу. В этой ситуации история пребывания в Сибири декабристов становилась связующей нитью между ними и жителями Европейской России.

В то же время сибиряки вполне осознавали общественно-культурную значимость пребывания декабристов в регионе. Например, их пребывание в Иркутске было включено в перечень исключительных событий губернии [16]. Именно сибиряки внесли наибольший вклад в разработку интересующей нас темы. Примечательно, что значительная часть работ вышла на территории самого сибирского региона [17].

Третью группу представляют воспоминания и письма – чиновников, оказавшихся в Сибири по делам службы, и людей, находившихся в близких отношениях с комендантом С. Р. Лепарским и генерал-губернатором Н. Н. Муравьевым-Амурским, сыгравших в судьбе осужденных участников движения заметную роль.

Исследовательские работы крайне малочисленные. В основном это были рецензии, написанные на воспоминания.

Таким образом, можно отметить, что, несмотря на то, что интересующая нас тематика была представлена достаточно

широким кругом источников, личностная ориентация публикаций, присущая пореформенному декабристоведению, в целом оставалась характерной и для темы «Сибирь и декабристы».

Обратимся непосредственно к разбору публикаций.

Весь сибирский период истории декабризма мы можем условно разделить на несколько тематических сюжетов: 1) путь в Сибирь; 2) пребывание в казематах Читы и Петровского завода; 3) жизнь на поселении.

О пути следования декабристов в Сибирь читатель узнавал из воспоминаний участников движения. Как правило, эти пассажи содержали следующую сюжетную конструкцию. Во-первых, описания опасного путешествия, когда «одна твердость характера спасала их (В. Н. Соловьева, Н. О. Модзалевского – *Е. В.*); хладнокровие, терпение, презрение ко всем гонениям рока, беспечность и беззаботливость о будущем были единственными средствами спасения их от уныния» [18].

Во-вторых, рассказы о жестоком отношении со стороны властей. М. А. Бестужев вспоминал «... в Тобольске, как в мирной пристани мы надеялись отдохнуть от мучительной дороги, а главное надеялись сходить в баню, чтобы переменить грязное белье, которое мы не имели времени переменять дорогой, а нижние – не имели возможности по причине наглухо заклепанных желез. ... Мы собрались – и вдруг, нас посадили на тележки и отправили далее. ... По прежнему, грязные, изможденные, мы отправились в бесконечную даль, и даже мне, умоляющему, чтобы меня перековали, отказали в просьбе и обрекли на нестерпимые мучения» [19].

Однако все переживания забывались, от радости при встрече с товарищами.

Особое место в воспоминаниях декабристов занимал описание жизни в казематах Читы и Петровского завода. Воспоминания пестрят описаниями тяжелых условий тюремного быта когда: «гром от кандалов мешал сосредоточиться, а места было так мало, что по необходимости приходилось почти целый день – сидеть» [20]. Скучная пища, отсутствие теплой воды для мытья посуды, казематы без окон в Петровском заводе; сложности, связанные с невозможностью переписываться с родными, чередовалось с историями об усилиях декабристов по совершенствованию своего образования: кружки по интересам, изучение иностранных языков, отечественной и зарубежной истории, математики, литературы и других наук [21].

Декабристы акцентировали внимание на взаимоотношениях друг с другом, подчеркивая единодушие, царившее в каземате. И если, описывая историю тайных обществ, они упоминали о разногласиях, то, касаясь сибирского периода ни о каких разногласиях не шло и речи. Д. И. Якушкин писал: «Были и другие кружки, составившиеся по разным личным интересам. Но при всем том мы все вместе составляли что-то целое. Бывали часто жаркие прения, но без ожесточения противников друг против друга» [22].

В 1869 г. в «Отечественных записках» была опубликована глава из монографии С. В. Максимова «Государственные преступники», посвященная декабристам. В конце рассуждений Максимов отметил о расхождении декабристов, что вызвало острую полемику [23]. Свои рассказы Максимов основывал на свидетельствах декабриста Д. И. Завалишина. Как показали дальнейшие исследования, в тексте даже имелись его непосредственные вкрапления [24]. Полемика достаточно подробно освещена в исследовательской литературе, поэтому не будем останавливаться на ней подробно [25]. Однако отметим, что главной для них стала проблема личного поведения: чувство долга, способность к самопожертвованию, готовность поступиться личным благополучием и материальным положением. Именно с этих позиций оценивали свои действия и действия своих товарищей все ее участники.

Таким образом, в своих произведениях декабристы создали образ участника движения, для которого было характерно стойкость духа, самопожертвование, помощь друга и т. д.

Мы уже упоминали, о публикации источников официального происхождения, на основании которых читатель имел возможность проверить правдивость декабристов.

В январе 1890 г. М. В. Головинским. в «Историческом вестнике» были опубликованы пять писем Е. П. Оболенского, адресованные мужу сестры А. В. Протасьеву, первое из которых было посвящено его пребыванию на каторжных работах.

В предисловии автор акцентирует внимание читателя на том, что в письмах описывается жизнь и пребывание декабристов в Нерчинских рудниках, период, о котором «не сообщают ничего другие декабристы» [26]. Письмо содержало следующие описания: «Прибыв туда, послали нас в острог или лучше сказать в тюрьму, в которой были поделаны для каждого из нас клетка в два аршина длины и в полтора ширины. – Нас выпускали из клеток как зверей, на работу, на обед и ужин, и опять запирали ... Урочные наши работы были наравне со всеми каторжными в заводе, от которых мы

отличались единственно тем, что нас держали после работы в клетке» [27]. И далее «... Но ты не можешь представить, какого нам было в тюрьме, если работа в горе была для нас временем приятнейшим, нежели заключение домашнее. К тому должен тебе сказать, что к нам представлен был от иркутского губернатора квартальный, который должен был смотреть за нами, а от горного начальства офицер горный, которому так же было поручено смотреть за нами: горное начальство боялось донесений квартального, и поэтому строгость умножало: квартальный же боялся горных и таким образом нас окружали две неприязненные силы, которые старались только увеличить наши тягости» [28].

Позже, в том же «Историческом вестнике» П. Тренев опубликовал официальную переписку между начальником Нерчинских рудников Т. Бурнашевым со своими подчиненными. Автор так же счел нужным обратиться к читателям в предисловии, отметив, что после прочтения переписки, читатель может: «... получить несколько иное впечатление, чем то, которое получаешь при взгляде на предмет и освещение его с одной стороны» [29].

Сравним ее с письмом Оболенского. В одной из записок Бурнашев писал: «Петр Михайлович! Между прочим, я слышал, будто бы в Благодатском, Трубецкой и Волконский выходят с квартиры по улицам и в тоне не без важном. Почему и попытайтесь узнать о том, и если окажется справедливо, то строго воспретите то делать, поставя на вид Козлову и Котлевскому, что они за такое будут ответственать» [30].

Относительно сопровождения декабристов на работы написано следующие: «Для отводу к работам не вызывать их на общую раскомандировку, а по наступлении смены посылать надлежащего унтер-офицера и двух рядовых, которые по надлежащему обыску со стороны г. Козлова должны их принять и доставить в рудник; при выходе же их из горы осматривать их в присутствии вашем, не имеют ли они при себе каких-нибудь бумаг, денег или чего-либо вредоносного, и если, что окажется, отбирать и немедленно мне доложить...» [31].

Как видим сведения, содержащиеся в письмах Оболенского и в переписке Бурнашева, совпадали.

Примечателен и еще один пример. В 1896 г. в «Русской старине» было опубликовано письмо княгини Е. И. Трубецкой к брату декабриста М.Ф. Митькова, в котором она описывала тюремный быт декабристов. «При вступлении в здешнюю ужасную тюрьму он (М. Ф. Митьков – Е. В.) был болен. Сырость, холод и

недостаток воздуха в комнатах сильно действуют на здоровье всех сидящих в этой тюрьме» [32].

Ниже находилось сопроводительное письмо А. Х. Бенкендорфа: «... Его императорское Величество, получил от г. коменданта, генерал-майора Лепарского, рапорт об устройстве сего острога, по собственному побуждению безраздельного своего великодушия, Высочайше повелеть изволил, чтобы в остроге светлые окна и прочие. При сем не могу я не заметить, что жены, разделяющие по собственному непреодолимому своему желанию участь несчастных своих мужей, неумеренным ропотом на случайные, но необходимые неприятности, оказывают неблагодарность к Монарху милосердному, сделавшему все возможное к облегчению их жребия...» [33].

Письма были опубликованы без какого-либо комментария со стороны редакции, так, что читателям самостоятельно предстояло разобраться в правдивости писем шефа III отделения и жены декабриста, статус которой после знаменитой поэмы Н. А. Некрасова был крайне высок.

Пребывание декабристов на каторге и поселении.

В освещении данного аспекта важную роль сыграли воспоминания сибиряков, которые создали ряд образов. Выделим наиболее важные. Первый – декабрист – нравственный пример для сибирского населения. В своих воспоминаниях М. Д. Францева, дочь сибирского чиновника и воспитанница семьи декабриста М. А. Фонвизина, писала, что в отличие от купцов, спаивавших местных жителей ради наживы, декабристы «... имели громадное нравственное влияние на сибиряков: их прямота, всегдашняя со всеми учтивость, простота в обращении, и в месте с тем возвышенность чувств, ставили их выше всех ... Даже осужденные за разные преступления простые каторжники и те, несмотря на свою закоренелость, выказывали им своего рода уважение и предпочтение» [34].

В воспоминаниях сибиряка К. Голодникова отмечалось: «В начале 1840-х гг. лучшее общество маленького и невзрачного города Тобольской губернии Ялуторовска составляли государственные и политические преступники, но как те, так и другие, жили особняком от местных чиновников, показывались только у местного протоиерея Знаменского, человека почти святой жизни, у исправника Меньковича, славившегося тогда по всей губернии своим бескорыстием» [35]. После отъезда декабристов, по словам автора, «Ялуторовск превратился в настоящую пустыню».

Второй – декабрист – культурный просветитель Сибири. В основном данный образ реализовывался через описание педагогической деятельности декабристов. Особое место в повествовании занимало открытие декабристами в Ялуторовске ланкастерской, приходской и женской гимназии для беднейших слоев населения, отмечалось при этом, что когда «... число учащихся стало возрастать ... приходилось отказывать просителям, имевших более с другими средств к обучению для детей дома или в училищах ведомства министерства народного просвещения» [36].

Н. А. Белоголовой, воспитанник декабриста О. В. Поджио, в своих воспоминаниях писал, что братья Михаил и Николай Бестужевы оставили в Селенгинске, месте их ссылки, о себе отличную память «... так как много содействовали поднятию этого небольшого городка, как в умственном, так и в экономическом плане» [37].

В воспоминаниях М. Знаменского подробно описана история создания И. Д. Якушкиным женской гимназии [38].

Третья – декабрист – человек, стойко переживавший все жизненные невзгоды, готовый на самопожертвование [39]. Особую убедительность этому образу придавали материалы, исходившие из официальных кругов. В качестве примера можно привести характеристику В. К. Кюхельбекера: «... заслуживает изумительная энергия, с какою он приходил на помощь страждущему человечеству, оказывая медицинскую помощь населению Баргузина ..., где не было ни одного врача ... он снискал себе уважение, и почтение как самых высокопоставленных, так и самых бедных, словом всех тех, кто знает и кто испытал на себе его доброту» [40].

Сибирская тематика изменила отношение к декабристам представителей консервативного лагеря, которого декабристы представляли людей едва не погубивших Россию [41]. Однако при обсуждении сибирской темы в оценку декабристов были внесены некоторые коррективы. Так, в рецензии Т. И. Тихонова на монографию А. И. Дмитриева-Мамонова, опубликованной в «Русском вестнике», о которой речь пойдет ниже, мы встречаем образ декабриста как человека не падшего духом перед тяжелыми испытаниями. По мнению автора, декабристы смогли найти адекватные формы реализации своим юношеским стремлениям: «В среде декабристов в Западной Сибири, – писал автор, – сохранились умственные и нравственные интересы, которыми они жили в более счастливое время в России; в бедствиях ссылки, на поселении они оказались даже полезными местному сибирскому

обществу, как и далекому и полудикому краю» [42]. В процитированном фрагменте обращает на себя внимание и появление уже встречаемого нами образа декабриста как просветителя сибирского общества или, говоря словами автора, «оазисов просвещения» [43].

В связи с этим интересно привести характеристику представителей движения народников, которые также отбывали каторгу в Сибири, но «...не обладают ни способностью, ни охотой к деятельности, необходимою для колонизатора и носителя культуры» [44].

Вполне резонным является вопрос: чем же вызвано такое отношение к декабристам?

Можно предположить, что в основе такого изменения лежал чистый прагматизм, связанный с особенностями подхода консерваторами к решению вопроса о месте и роли дворянского сословия в политической и культурной жизни пореформенной России. Как известно, они в данном процессе отводил дворянству ведущую роль, считая его сосредоточением «умственных и нравственных сил общества», способным заниматься не только частными интересами, но и общественными делами.

В 1880-х гг. в период подготовки земской контрреформы дворянская тема становится одной из ведущих в консервативной публицистике [45]. С учетом данного обстоятельства, вполне логичным кажется предложение о том, что позитивная роль, сыгранная декабристами (в массе своей являвшимися представителями дворянского сословия) в культурном развитии сибирского региона, их участие в подготовке крестьянской реформы, стали своего рода иллюстрацией обозначенной концепции.

Весьма популярны у консерваторов были сюжеты, связанные с религиозностью декабристов. Так, например, образ декабриста как искупившего свои грехи и «принимавшего как дар посылаемые свыше испытания и разумеющие их как орудия к душевному усовершенствованию и спасению» [46] был представлен в рецензии на мемуары А. П. Беляева. По мнению рецензента, в Сибири большинство декабристов «достигли духовного просвещения», а сами воспоминания автор сравнивал с религиозным произведением «Путешествие к святым местам инок Парфения».

Как представляется, в данном случае нашла свое отражение популярная в консервативных кругах теория о социальной ценности религии, по средствам которой, осужденные декабристы смогли вернуться к общественной жизни.

Важным оставался вопрос о политических убеждениях декабристов.

В 1884 г. в «Русском архиве» были опубликованы воспоминания А. Ф. Львова, который по правительственному поручению в середине 1840-х гг. путешествовал по Сибири, где встречался с некоторыми декабристами. Описывая свое первое свидание с декабристами, Львов заметил: «Бесспорно, среди них были прекрасные люди, умные, образованные, но людей с выдающимися убеждениями и волею, с положительным характером и логикой я не встретил между ними» [47].

Львову возражал И. В. Ефимов – сибиряк, прошедший детство в декабристской среде и представивший иное, сибирское восприятие декабристов, далекое от их политической деятельности: «... не политических деятелей видели мы в них, а людей, которые тридцать лет сряду несли на наших глазах тяжелое наказание, несли спокойно, с достоинством и веруя в Промысел Божий» [48]. Особое значение приобретает конечная ремарка Ефимова: «... мы и через полвека вспоминаем о них как о живых примерах всего доброго, чистого и прекрасного и храним глубокую благородную память к этим добровольным изгнанникам» [49].

В 1895 г. выходит монография А. И. Дмитриева-Мамонова «Декабристы в Западной Сибири». Книга была написана на основе архивных материалов и содержала 48 биографий декабристов. В названии монографии впервые в российской истории использовался термин «декабрист».

В изображении Дмитриева-Мамонова – декабристы обычные люди, проводящие свою жизнь в заботе о повседневном куске хлеба, устройстве собственного быта. Автор отмечал, что декабристами были оставлены «... надежды на лучшие будущие и сожаление о навсегда потерянной связи со своей прошлой жизни» [50]. Вместе с тем монография выдержала несколько изданий. До нее из всех трудов, имеющих отношение к истории декабризма, были переизданы только книги М. А. Корфа и А. Н. Пыпина, в которых их речь шла о досибирском периоде. В связи с чем, можно сделать вывод, что сибирский период не только не отделялся от «европейского» в сознании российской публики, но и в понятии «декабрист», помимо политического, вкладывался и другой смысл.

Особым был сюжет об отношении декабристов с официальными властями. Именно в нем наиболее всего проявились политические предпочтения авторов. Ряд статей был посвящен коменданту Нерчинских рудников С. Р. Лепарскому.

Деятельность коменданта оценивалась по его отношению к осужденным декабристам [51].

В качестве примера сошлемся на статью М. В. Юзефовича. Поводом для написания статьи стал отзыв о С. Р. Лепарском, сделанный В. Н. Соловьевым в биографическом очерке И. И. Сухинова [52], в котором автор очерка обвинил коменданта в убийстве своего героя. Опровержения Юзефовича весьма показательны. Он определяет декабристов, как людей «павших жертвою ложных и преступных страстей, но тем не мене честных и благородных», и разделил их на «подлинных» и «несерьезных». Ко второй категории он отнес Сухинова, лишая его права именоваться декабристом, и называя его авантюристом, способным только на преступление, тем самым отчасти пытаюсь оправдать его смерть [53].

Второй фигурой, рассматривавшейся в связи с декабристами, стал Н. Н. Муравьев-Амурский.

Проблема взаимоотношений декабристов с сибирской администрацией присутствовали в «декабристкой публицистике» редакторов «Вольной русской типографии» – А. Н. Герцена и Н. П. Огарева. Рассуждая о причинах разрыва иркутского общества с наместником Н. Н. Муравьевым-Амурским, Герцен отмечал, что в отличие от «навозных аристократов», которые наглыми нарушениями общественных приличий старались доказать свою привилегированность, иркутское общество на протяжении тридцати лет испытывало на себе «... влияние таких благородных личностей, какими были Декабристы, где благодаря этому влиянию общество привыкло ценить и уважать истинные доблести и действительные заслуги» [54].

Консервативный взгляд несколько отличался от взгляда издателей «Вольной русской типографии». Наиболее полно он был представлен в воспоминаниях видного историка и политического деятеля второй половины XIX в. Б. В. Струве, опубликованных в «Русском вестнике» в 1888 г. В конце 1840-х – начале 1850-х гг. Струве служил в Главном управлении Восточной Сибири под руководством генерал-губернатора Н. Н. Муравьева-Амурского, деятельности которого были посвящены его мемуары. В ходе повествования автор в традиционной для пореформенного декабристоведения манере описывал высокие морально-этические качества участников движения, их высокий вклад в культурное просвещение сибирского общества. Мемуарист отмечал, что декабристы весьма благосклонно относились не только к самой фигуре Муравьева, но и к его реформаторской деятельности на

посту генерал-губернатора [55]. Струве отмечает и неизменно положительное отношение Муравьева к декабристам, смотревшего на них как на «... полноправных членов местного общества...» [56]. При этом необходимо учитывать, что в отличие от большинства авторов, описывавших взаимоотношение Муравьева и декабристов, Струве на протяжении десятилетий сам являлся представителем официальной власти и целью своих воспоминаний ставил изложение деятельности крупного государственного чиновника, пользовавшегося поддержкой императора Николая I. Поэтому признание Муравьевым декабристов характеризовало не только морально-этические качества генерал-губернатора, но и не противоречила интересам государственной политики.

В этом контексте представляется интересным описание доноса на Н. Н. Муравьева, в котором генерал-губернатор и его ближайшие окружение обвинялись в излишней лояльности к «государственным преступникам». Примечательно, что император предоставил самому Муравьеву высказать мнение по данному вопросу, причем фрагмент представляется интересным привести полностью: «... так называемые декабристы теперь (т. е. в мае 1848 г.) испутив заблуждения своей юности в тяжелом краю, принадлежат к числу лучших подданных Русского царя; что никакое наказание не должно быть пожизненным, так как цель наказания есть исправление, а это вполне достигнуто по отношению к декабристам; что нет основания оставлять их извержение навсегда из общества, в составе которого они имеют право числиться по своим нравственным качествам и теперешним политическим убеждениям». На объяснения данные Муравьевым в этом смысле, император Николай I написал: «Благодарю, Муравьев меня понял»» [57]. Соответственно «легитимацию» декабристам, их право участвовать в общественной жизни дал сам император Николай I, в царствование которого произошло восстание, после которого декабристы были сосланы в Сибирь. Подобными настроениями была наполнена и вышедшая несколько позже монография Барсукова И., посвященная Н. Н. Муравьеву [58].

Одной из характерных черт восприятия либералами истории декабризма было, акцентирование внимания на реформаторских стремлениях участников тайных обществ и их желании сотрудничать с правительством и на несправедливых действиях правительства в отношении декабристов.

В конце XIX в., когда либералы были практически отстранены правительством от реальной политической деятельности, эти тенденции стали особенно актуальными. Так, читая рецензию на

книгу Д. А. Дмитриева-Мамонова «Декабристы в Западной Сибири», опубликованную в «Вестнике Европы», создается впечатление, что рецензент хотел не столько дать оценку монографии, сколько настроить читателя на определенное ее восприятие. Основное внимание автор сосредоточил на тяжелом материальном положении декабристов. Перечислив в цифрах, получаемое от казны денежное содержание, автор рецензии сделал вывод о том, что его явно было недостаточно для достойного существования [59]. Большое внимание в рецензии было уделено фактам притеснения декабристов местными властями: «... оснований для доноса обыкновенно не было не каких, потому, что, во-первых, ссыльным было не до того, что бы предаваться какому-нибудь вольнодумию, а во-вторых, в тех трущобах, в которых они не редко жили среди дикого населения, не было для этого никакой почвы, но по доносам каждый раз начинались следствия...» [60].

В контекст сибирской тематики входит и еще один сюжет – «жены декабристов».

На осмысление жизненного пути жен декабристов наложили отпечаток политические и социальные веяния времени. Социальная модернизация второй половины XIX в. изменила социальный статус женщин, которые постепенно становились полноправными общественными субъектами. В этом смысле история жизненного пути жен декабристов, последовавших за своими мужьями в Сибирь, давала богатую пищу для размышления. По справедливому замечанию Н. П. Матхановой: «Сложилась уникальная для России ситуация – жены стояли по социально-сословному статусу неизмеримо выше своих мужей» [61].

Во второй половине XIX в. существовало две традиции осмысления истории жен декабристов.

Первая была предположена А. Н. Некрасовым. В его версии, поступок жен декабристов был представлен как проявление гражданского долга, что вызвало много споров в печати.

Вторая традиция прославляла супружеский и нравственный долг «декабристок». Довольно часто она выступала как антитеза некрасовской, и даже если не называлось имя поэта, противопоставление было очевидно.

Анализ публикаций показывает, что самое распространенное слово при характеристике жизненного пути жен декабристов, независимо от конкретной личности, было слово «подвиг». Так, М. Д. Францева писала в своих воспоминаниях о Н. Д. Фонвизиной: «... она поняла вполне свое высокое нравственное значение быть

нравственной поддержкою мужу, почему она взялась с истинным самоотвержением за свой великий подвиг» [62].

Корреспонденты журналов находили разные объяснения подвига жен декабристов. «Для одних, как для Анненковой и Ивашевой, было подвигом страстной любви, для других (Давыдова, Ентальцева и др.) – подвигом супружеской любви и долга. Фонвизина решилась на подвиг ради самого подвига. Для Волконской был подвиг «борьбы» чисто органическим и абсолютно чуждым эгоистическим соображениям. Она совершила его не для себя, не для мужа, а «по человечеству», – писал П. Е. Щеголев [63].

Часто жизненный выбор жен декабристов, их жертвенные поступки описывались авторами как эталон поведения русской женщины. Так, в работе М. М. Хин отмечалось: «Вот те женщины, славную жизнь которых, исполненную любви и самопожертвования, мы старались представить в нашей статье. Имена их должны быть известны всему русскому обществу и русской женщине в частности» [64]. В предисловии к публикациям писем Е. Трубецкой говорится: «Можно заранее сказать, что такого рода сборник писем и воспоминаний жен декабристов, сопровождаемый, конечно, необходимыми примечаниями, нашел бы обширный круг читателей и особенно читательниц. Все бы они думается, не встретили бы там ничего кроме неподкрашенной исторической правды, чуждые запоздалых проклятий по адресу своих врагов и гонителей: эти женщины умели страдать и прощать» [65].

Во второй половине 1870-х гг. женщины стали играть активную роль в освободительном движении: В. Засулич, В. Фигнер, С. Перовская. В связи, с чем перед общественным мнением вставала сложная дилемма в определении основной социальной роли женщины. Кто она? Мать семейства или полноценный общественный субъект.

С течением времени проявилась радикализация взглядов на жизненный путь декабристок. В 1896 г. в «Русском богатстве» была опубликована статья, посвященная жене декабриста М. Фонвизина – Н. Д. Фонвизиной. В соответствии с традицией, автор дал характеристику поэмы Некрасова. По его мнению, поэма представляла односторонне идеализированную картину [66]. Примечательно и начало статьи: «Красота подвига жен декабристов, как и их скромной, но прекрасной предшественнице по самоотверженности Н. Б. Долгоруковой, ярко блистает чистым сиянием их несравненной душевной доблести» [67]. Основное внимание в статье автор уделил описанию нравственных страданий и тяжелых жизненных испытаний, выпавших на долю Фонвизиной.

В 1904 г. вышла статья А. Г. Горнфельда с примечательным названием «“Русские женщины” Некрасова в новом освещении», в которой автор вернулся к вопросу о том, что представляет собой произведение Некрасова – политический памфлет или историко-литературное произведение.

При сравнении воспоминаний Волконской с поэмой, Горнфельд пришел к заключению о том, что в своем произведении, которое было написано на основе мемуаров княгини, Некрасов строго придерживался исторической канвы. Из этого следовало два важных вывода.

Первый – жены декабристов подвергались произволу по приказу императора и местных властей. Причем, по мнению Горнфельда, Некрасов иногда даже несколько смягчал бедствия декабристок, прикрывая безобразные действия чиновников. Например, «... поэт еще приуменьшил губернаторское влияние на Волконскую» [68].

Второй – княгиня разделяла политические убеждения своего мужа [69]. Для нее, как писал Горнфельд, характерна «... политическая актация, и жены уже наравне с мужьями разделяют их идеи» [70].

Таким образом, с одной стороны, публикации пропагандировали активные поведенческие стратегии женщин в социальной жизни, культивировали способность самостоятельно принимать решения в сложной жизненной ситуации, а с другой, поведение декабристок презентовалось как супружеский подвиг и декларировалось как пример сохранения семейных ценностей.

Подводя итоги, мы можем сделать следующие выводы.

Пробудив интерес к истории движения декабристов, пореформенное декабриствоведение, в силу многих причин не смогло ни создать научную историографию истории движения, ни удовлетворить интерес читателя к политической истории декабризма. Публикаций, в которых бы затрагивалась история тайных обществ, идейно-теоретическое наследие декабристов, было крайне мало.

Центральное место в декабриствоведении второй половины XIX – начало XX вв., заняла тема «Декабристы и Сибирь». В Сибири участники движения проявили себя в различных сферах: административной, просветительской (создание школ и обучения местного населения), хозяйственной, научной и т. д. Поэтому социальная значимость деяний декабристов в сознание читателей аккумулировалась не через политическую борьбу, а через общественную деятельность.

Несмотря различные причины написания: личные (воспоминания декабристов или современников), политические (статьи в общественно-политической литературе), источниковедческие (публикация официальной документации), образ декабриста, представленный в рассмотренный нами работах, был практически схож.

Вместе с тем, очевидно, что сибирская тематика воспринималась как часть декабризма, а, следовательно, «героико-нравственный» посыл переписывался и на движение в целом.

Источники и литература:

1. **Васильева Е. Б.** Образ декабриста в русской журнальной прессе во второй половине XIX – начале XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2008; **Леонтьев Я.** Кто и зачем использовал их легенду // *Общая газета*. – 1995. – № 51. С. 9; **Его же.** Декабристская легенда // 170 лет спустя... Декабристские чтения 1995 г. – М., 1999. – С. 172–176; **Цамутали А. Н.** Декабристы в освободительном движении в России. Некоторые вопросы историографии // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. – СПб., 1997. – Вып. I. – С. 91–94.

2. **Покровский М. Н.** Декабристская легенда Герцена // *Декабристы*. – М.-Л., 1927.

3. См., например: **Аникин А. В.** Элементы сакрального в русских революционных теориях: (К истории формирования советской идеологии) // *Отечественная история*. – 1995. – № 1. – С. 78–92; **Загидулина М. В.** Пушкин и декабристы как мифологическая пара // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. – СПб., 2010. – Вып. VIII. – С. 256–577; **Эрлих С. Е.** История мифа («Декабристская легенда» Герцена). – СПб., 2006.

4. См., например: **Шешин А. Б.** Об изучении и обобщении истории движения декабристов (Критические заметки о советском декабристоведе 1950-х – начала 1990-х гг.) // 14 декабря 1825 г. Источники, исследования, историография, библиография. СПб.-Кишинев, 2000. – Вып. 2. – С. 239–283.

5. См., например: **Коваль С. Ф.** Об эволюции взглядов декабристов в Сибири // *Сибирь и декабристы*. – Вып. 2. – С. 6–22; **Он же.** Декабристы в Сибири: «За» и «против» революционного пути // *Империя и либералы*. (Материалы международной конференции). – СПб., 2001. – С. 223–230; **Он же.** Декабристы и Сибирь (Некоторые новые акценты) // *Декабристы о природе Сибири: Сборник статей конференции*. – Иркутск, 2001. – С. 7–13.

6. **Корф М. А.** Восшествие на престол императора Николая I. – СПб., 1857.

7. **Рудницкая Е. А., Тартаковский А. Г.** Вольная русская печать и книга барона Корфа // 14 декабря 1825 года и его толкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа). – М., 1994. – С. 48.

8. 14 декабря 1825 года // **Герцен А. И.** Собр. соч. в 30-ти т. – Т. 7. – М., 1956; **Герцен А. Н.** Русский заговор 1825 года // Там же. – Т. 13.

9. **Муравьев-Апостол М. И.** Восстание Черниговского полка // Русский архив. – 1871. – № 1. – Стлб. 0229–0238; **Он же.** Муравьев-Апостол 1796–1826. Заметка по поводу его биографии // Русская старина. – 1873. – № 7. – С. 105–113; **Гебель А. Г.** Из записок полковника гвардии Александра Густавовича // Русский архив. – 1871. – № 6. Стлб. 1717–1728; **Гебель Э.** Подполковник Гебель в 1825 г. // Русская старина. – 1873. – № 8. – С. 237–241; **Орлов Н. М.** М. Ф. Орлов // Русская старина. – 1872. – № 5. – С. 78; **Якушкин Е. И.** Съезд членов «Союза Благоденствия» в Москве 1821 г. (ответ Н. М. Орлову) // Русская старина. – 1872. – № 11. – С. 598.

10. Подробнее о публикациях, посвященных восстания см.: **Ильин П. В.** 14 декабря 1825 г. Воспоминания очевидцев. – СПб., 1999.

11. См., например: **Азадовский М. К.** Мемуары Бестужевых как исторический и литературный памятник // Воспоминания Бестужевых. – М., Л., 1951. – С. 581–678; **Ковалев В. А.** Декабрист А. П. Беляев и его воспоминания // **Беляев А. П.** Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. – Красноярск, 1990; **Мироненко М. П.** Мемуарное наследие декабристов в журнале «Русский архив» // Археографический ежегодник за 1975 год. – М., 1976. – С. 98–116; **Порох В. И.** Декабрист Николай Васильевич Басаргин и его литературное наследие // **Басаргин Н. В.** Воспоминания, рассказы, статьи. – Иркутск, 1988. – С. 3–46; **Сыроечковский Е. В., Сокольский Л. А., Порох И. В.** Декабрист И. И. Горбачевский и его «Записки» // **Горбачевский И. И.** Записки и письма. – М., 1963. – С. 256–306; **Нечкина М. В.** Декабрист Н. И. Лорер и его «Записки» // **Лорер Н. И.** Записки декабриста. – Иркутск, 1984. – С. 3–37.

12. См.: **Бокова В. М.** Эпоха тайных обществ. – М., 2003; **Лотман Ю. М.** Декабрист в повседневной жизни // Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.). – СПб, 2001; **Лысикова О. В.** Общественное сознание первой четверти XIX века и декабристы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 1998; **Мамсик Т. С.** Декабрист В. К. Кюхельбекер: типологический портрет героического романтика (по материалам сибирской ссылки) // Немецкий этнос в Сибири. Альманах гуманитарных исследований. – Новосибирск, 1999. – Вып. 1. – С. 56–64; Петрова Г. В. Красота как способ жизни (эстетический анализ жизнедеятельности декабристов). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Свердловск, 1991; **Овчинникова Е. А.** Этическая утопия декабристов // Империя и либералы. – М., 2001. – С. 171–181.

13. **Суравнёва И. М.** Героизм как социальный феномен: Автореф. дис. ... канд. философ. наук. – Тверь, 2006; **Кривошекова Г. А.** Герои и героизм в культурно-историческом бытии народов Европы и России. Автореф. дис. ... канд. философ. наук. – Тюмень, 2003.

14. **Дмитриев С. С.** Воспоминания, дневники, частная переписка // Источниковедение истории СССР. – М., 1981. – С. 355; **Прохоров Е. И.** Издания эпистолярного наследия // Вопросы текстологии. Принципы издания эпистолярных текстов. – М., 1964. – Вып. 3. – С. 19.

15. **Марасинова Е. Н.** Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. – М., 1999. – С. 36.

16. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032–1882 гг. – Иркутск, 1883. – С. 234; **Першин А.** Воспоминания старожилы. Петровский завод // Забайкалье. – 1902. – №№ 36–43; Сорок лет тому назад. (Из воспоминаний сибирского учителя) // Сибирский вестник. – 1885. – 23 мая. – С. 11–13; 30 мая. – С. 13–14.

17. См., например: **Знаменский М. С.** Иван Дмитриевич Якушкин: (По неизд. материалам) // Сибирский Сборник. – 1896. – № 3. – С. 86–105; **Голодников К. М.** Декабристы в Тобольской губернии. (Из моих воспоминаний). – Тюмень, 1899; **Лучшев А. И.** Еще несколько слов о Г. С. Батенкове // Сибирь. – Иркутск, 1883. – 30 января. – С. 8–9; Сорок лет назад: (Из воспоминаний сибирского учителя) // Сибирский Вестник. – Томск, 1885. – 23 мая. – С. 11–13.

18. **Горбачевский И. И.** Записки. – М., 1963. – С. 110.

19. Записки Михаила Александровича Бестужева. 1825–1840 гг. // Русская старина. – 1871. – № 7. – С. 179.

20. **Басаргин Н. В.** Записки декабриста // Деятельность XIX века. – СПб., 1871. – С. 102.

21. **Беляев А. П.** Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом // Русская старина. – 1881. – № 6. – С. 34; **Якушкин И. Д.** Записки // Русский архив. – 1870. – № 8–9. – Стлб. 1601.

22. **Якушкин И. Д.** Записки // Русский архив. – 1870. – № 8–9. – Стлб. 1599.

23. См.: **Свистунов П. Н.** Несколько замечаний по поводу новейших книг и статей о событиях 14 декабря и о декабристах // Русский архив. – 1870. – № 4. – Стлб. 1633–1688; **Завалишин Д. И.** Декабристы // Русский вестник. – 1884. – № 2. – С. 820–861; **Фролов А. Ф.** Воспоминания Александра Филипповича Фролова (по поводу статей Д. И. Завалишина) // Русская старина. – 1882. – № 5. – С. 465–482; № 6. – С. 701–714.

24. **Гессен С.** П. Н. Свистунов и А. Ф. Фролов в борьбе с Д. И. Завалишиным // Воспоминания и рассказы деятелей 20-х годов. – М., 1933. – С. 236–237.

25. См.: **Гессен С.** П. Н. Свистунов и А. Ф. Фролов в борьбе с Д. И. Завалишиным // Воспоминания и рассказы деятелей 20-х годов. – М., 1933. – С. 227–247; **Мироненко М. П.** Мемуарное наследие декабристов в журнале «Русский архив» // Археографический ежегодник за 1975 год. – М., 1976. – С. 103; **Оксман Ю. Г.** Завалишин Д. И. в борьбе за опубликование своих записок // Декабристы. Неизданные материалы и статьи. – М., 1925. – С. 185–196.

26. **Головинский М. В.** Декабрист князь Е. П. Оболенский (пять неизданных писем и некоторые сведения о нем) // Исторический вестник. – 1890. – № 1. – С. 115.

27. Там же. – С. 116.

28. Там же. – С. 121.

29. Там же.

30. Новые сведения о пребывании восьми декабристов в Нерчинских заводах в 1826–1827 годах // Исторический вестник. – 1891. – № 7. – С. 219.
31. Декабристы в Нерчинских рудниках // Исторический вестник. – 1897. – № 8. – С. 493.
32. Письмо княгине Е. И. Трубецкой Платону Фотеевичу Митькову // Русская старина. – 1896. – № 3. – С. 610.
33. Там же.
34. Воспоминания М. Д. Францевой // Исторический вестник. – 1888. – № 5. – С. 398–399.
35. **Голодников К.** Государственные и политические преступники в Ялуторовске и Кургане. (Отрывки из воспоминаний) // Исторический вестник. – 1888. – № 12. – С. 753.
36. Там же. – С. 757.
37. **Белоголовый Н. А.** Воспоминания и другие статьи. – М., 1897. – С. 15.
38. Знаменский М. Иван Дмитриевич Якушкин (по неизданным материалам) // Сибирский сборник. – 1896. – № 3. – С. 86–105.
39. См., например: Пионеры просвещения в Западной Сибири // Исторический вестник. – 1887. – № 1. – С. 123–141.
40. **Таубе Н.** Характеристика декабристов Кюхельбекера, Торсона и Фаленберга. – С. 577.
41. См., например: **Корф М. А.** Восшествие на престол императора Николая I. – СПб., 1856; **Кропотов Д. А.** Жизнь графа М. Н. Муравьева в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно. – СПб., 1874.
42. **Тихонов Т. И.** Декабристы в западной Сибири // Русский вестник. – 1896. – № 2. – С. 151–152.
43. Там же.
44. Немцы о книге Кеннона // Русский вестник. – 1894. – № 1. – С. 202.
45. **Соловьев Ю. Б.** Самодержавие и дворянство в конце XIX в. – Л., 1973. – С. 165; **Тевардовская В. А.** Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания). – М., 1978. – С. 218–219, 232–235.
46. Воспоминания декабриста о пережитом и пережившем А. Беляева. 1805–1850 // Русский вестник. – 1882. – № 6. – С. 904.
47. Воспоминания А. Ф. Львова // Русский архив. – 1884. – № 6. – С. 46.
48. **Ефимов И. В.** Заметки на воспоминания А. Ф. Львова // Русский архив. – 1885. – № 12. – С. 556.
49. Там же. – С. 564.
50. **Дмитриев-Мамонов А. И.** Декабристы в Западной Сибири. Исторический очерк по официальным документам. – СПб., 1905.
51. См.: **Кучаев М. Н.** Станислав Романович Лепарский // Русская старина. – 1880. – № 8. – С. 709–724; **Тимощук В. М.** С. Р. Липарский – комендант Нерчинских рудников и Читинского острога // Русская старина. – 1882. – № 6. – С. 143–177; **Юзефович М. В.** Ответ на отзыв о генерале

Лепарском, сделанный в биографии ссыльного Сухинова // Русский архив. – 1870. – № 10. – Стлб. 1927–1936.

52. **Сухинов И. И.** Один из декабристов // Русский архив. – 1870. – № 4–5. – Стлб. 916.

53. **Юзефович М. В.** Ответ на отзыв о генерале Лепарском, сделанный в биографии ссыльного Сухинова // Русский архив. – 1870. – № 10. – Стлб. 1930.

54. **Огарев Н. П.** Иркутское общество // Колокол. Под суд. – 1859. – 15 ноября. – Стлб. 145.

55. Воспоминания о Сибири Б. Е. Струве // Русский вестник. – 1888. – № 6. – С. 114.

56. Воспоминания о Сибири Б. Е. Струве // Русский вестник. – 1888. – № 4. – С. 169.

57. Там же. – С. 171–172.

58. **Барсуков И. П.** Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. – М., 1891.

59. Литературное обозрение // Вестник Европы. – 1896. – № 2. – С. 874.

60. Там же.

61. **Матханова Н. П.** Женщины Сибири в общественно-политической жизни середины XIX в. // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. – Новосибирск, 2005. – С. 124–131.

62. **Францева М. Д.** Воспоминания // Исторический вестник. – 1886. – № 5. – С. 398.

63. **Щеголев П. Е.** Подвиг русской женщины // Исторический вестник. – 1904. – № 5. – С. 550.

64. **Хин М. М.** Жены декабристов // Исторический вестник. – 1884. – № 12. – С. 59.

65. **Трефолов Л.** Отношение иркутского архиепископа Нила к декабристам: (Письма княгини Трубецкой, князя Трубецкого и С. Г. Волконского) // Русская старина. – 1899. – № 9. – С. 560.

66. **Щенрок П. Е.** Одна из жен декабристов // Русское богатство. – 1894. – № 11. – С. 101.

67. Там же.

68. **Горнфельд А. Г.** «Русские женщины» Некрасова в новом освещении // Русское богатство. – 1904. – № 2. – С. 20–30.

69. Там же. – С. 26.

70. Там же. – С. 28.

*Максим Гедин
(Киев)*

**РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК
«14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА. ИСТОЧНИКИ, ИССЛЕДОВАНИЯ,
ИСТОРИОГРАФИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ». Вып. VIII.
(СПб.: Нестор-История, 2010)**

В рецензируемом сборнике авторы поднимают одну из самых дискуссионных тем в современной истории – тему деятельности участников российского дворянского оппозиционного движения второй половины 1810-х – первой половины 1820-х годов, вошедших в историографию под названием декабристов. Прошло уже более 185 лет со времени раскрытия их заговора. За это время оценка как в целом движения декабристов, так и непосредственно взгляд на события, произошедшие 14 декабря 1825 года на Сенатской площади существенно изменились. Достаточно длительное время, в историографии, причем как отечественной так и зарубежной, историки не могли прийти к единому взгляду на оценку и роль движения декабристов в истории. Прежде всего, это было связано с тем, что долгое время архивные документы и материалы, касающиеся этого периода в истории были засекречены. Но даже когда историки все же получили доступ к архивным материалам, касающихся этого периода в истории и началось более глубокое изучение проблемы декабризма, то вышеупомянутые материалы не всегда верно интерпретировались исследователями. На наш взгляд, заданием современных историков-декабристоведов есть как раз более детальное изучение архивных материалов, а также верная их интерпретация в научных трудах с точки зрения подлинных исторических процессов. И вот как раз в плане этих очерченных нами приоритетов, сборник статей «14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография» имеет важнейший историографический смысл.

В первой части рецензируемого сборника, авторы анализируют материалы по истории декабристского движения которые сохранились в Отделе письменных источников Государственного исторического музея, а также в фондах государственного архива Одесской области. Эти документы относятся непосредственно ко времени раскрытия правительством деятельности Южного общества декабристов в ноябре–декабре

1825 года. Авторы статей этой части сборника (Л. Л. Бойчук, О. И. Киянская) на основе более подробного изучения документов раскрывают роль в развитии декабристского движения таких деятелей как П. И. Пестель и И. В. Шервуд. К сожалению, известный декабриствед О. И. Киянская по каким-то причинам не указала, что опубликованные документы из фонда Шемиотов уже издавались одесским историком А. Покровским (см.: Покровський А. До слідства над декабристами // Рух декабристів на Україні. Харків, 1926. С. 40–72).

Кроме этого, А. Г. Готовцева – автор публикации о родственниках декабристов И. М. Муравьеве-Апостоле и Н. Г. Репнине, показывает, что анализируемые ею документы представляют собой не только психологические характеристики их авторов, но и позволяют судить о том, насколько неоднозначно воспринимались действия декабристов даже их ближайшими родственниками. Кроме этого, значение данных материалов представляется нам также в том, что проведя тщательную сверку текстов разных публикаций с оригиналами рукописей, авторами были устранены обнаружившиеся неточности, составлены примечания, а непосредственно сами тексты документов приведены в соответствие с современными требованиями орфографии и пунктуации.

Важнейшие исследования проблем декабристского движения сосредоточены в условно второй части сборника под названием «Исследования». На основе более детального изучения архивных материалов, авторы публикаций этого раздела приходят к ряду определяющих с исторической точки зрения выводов.

Например, Д. С. Артамонов в статье «Террористическая и тираноборческая модели в политической культуре декабристов» указывает, что террористическая модель декабристов питалась различными идейными истоками и не сводилась лишь к единственной мысли об устранении царя. Физическое устранение монарха, по словам автора, могло представляться и как акт самопожертвования героя-одиночки, и как политическое убийство, устраняющее конкурента в борьбе за власть.

Ряд статей этой части сборника посвящены развенчанию некоторых мифов, касающихся проблематики развития декабристского движения.

А. П. Ковалевой, на основе изучения архивных материалов, ставится под сомнение так называемая дуэль декабриста Василия Норова с великим князем Николаем Павловичем, миф о которой был искусственно создан рядом исследователей в середине XX века.

В. С. Парсамов в статье «Союз благоденствия и литература» развенчивает так называемый миф о декабристской литературе, одним из творцов которого стал Н. А. Котляревский. Автор статьи, на основе доступных документов указывает, что тематически подавляющее большинство текстов писателей-декабристов никак не связано с движением декабристов.

Детальный анализ взаимоотношений между князем А. Н. Голицыным и К. Ф. Рылевым присутствует в совместной статье А. Г. Готовцевой и О. И. Киянской.

Очень интересным исследованием видится публикация Д. П. Ивинского – «А. С. Пушкин, П. И. Пестель и «кишиневский кружок декабристов». И хотя автор сам признает, что его статья не несет новых материалов по проблематике определения роли А. С. Пушкина в движении декабристов, все же, следует признать, что Д. П. Ивинскому удалось ввести в исторический обиход ряд гипотез, которые позволяют существенно скорректировать общепринятые представления о политическом контексте «кишиневского периода» биографии А. С. Пушкина.

В плане исследования вклада в развитие движения декабристов известных исторических и государственных деятелей, особое место занимают статьи В. А. Шкерина («Декабрист Владимир Глинка»), а также В. А. Удовика («М. С. Воронцов и декабристы»). Также очень важным исследованием этой части сборника является статья П. А. Трибунского «Отзвуки движения декабристов в Рязанской губернии». На основе не опубликованных раньше архивных материалов, сосредоточенных в Государственном архиве Рязанской области, автор раскрывает не достаточно исследуемую в историографии тему событий первой трети XIX века, которые происходили на территории Рязанской губернии.

Исследованию политических мотивов в поэзии А. И. Одоевского посвящена статья М. П. Одесского «Славянские девы» А. И. Одоевского и идеология «славянской взаимности». Анализируя поэтическую деятельность князя Александра Ивановича Одоевского в годы заключения, автор публикации прежде всего раскрывает присутствующие в ней политические мотивы.

Не менее важным с научной точки зрения для исследования декабристского движения является условно третий раздел рецензируемого сборника («Полемика»), на страницах которого происходит полемика о наиболее дискуссионных темах истории декабристского движения.

Исследование и интерпретация тех или иных исторических проблем, без сомнения, является неотъемлемой частью научного

процесса. Оценка историками определенных событий зависит от множества факторов, поэтому наличие дискуссий является очень важным моментом для определения верной с исторической точки зрения интерпретации тех или иных событий.

Следует отметить, что практически каждая статья раздела «Полемика» призвана окончательно решить некоторые спорные вопросы современной историографии, касающиеся движения декабристов. Это и попытка дать четкое определение историкам кого именно следует называть декабристами, которую в своей статье сделал историк П. В. Ильин; и попытка М. В. Загидулиной доказать обоснованность мифа об А. С. Пушкине и декабристах; а также убедительные аргументы, подкрепленные мощной документальной базой, приведенные Ю. В. Латышем в доказательство существования так называемого «украинского декабризма», который долгое время отрицался русской историографией.

Очень понравилось также присутствие в сборнике рецензий и обзоров на уже опубликованные раньше работы ученых по истории декабристского движения. Это, без сомнения, стимулирует авторов для дальнейшего исследования наиболее дискуссионных исторических проблем, касающихся развития декабристского движения первой трети XIX века.

В целом, конечно позитивно оценивая сборник статей «14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография», тем не менее, хочется пожелать авторам и редакционной коллегии в дальнейшем более систематического изложения материала по рубрикам исследуемых проблем (например, – исследование наиболее дискуссионных вопросов по истории декабристского движения, персоналии в истории декабристского движения, связь декабристов с деятелями культуры, значение декабристского движения в истории, «украинский декабризм» и т. д.).

Следует отметить, что учитывая публикации в рецензированном сборнике широкого спектра архивных документов, многие из которых вводятся в научный оборот впервые, данная работа представляет огромный интерес как для историков, так и для студентов ВУЗов. Опубликованные документы ознакомят студентов с новыми подходами к изучению наиболее дискуссионных проблем по истории декабризма, а историкам дадут возможность определить направления для дальнейшего изучения данной проблематики.

*Тетяна Клименко
(Черкаси)*

ДЕКАБРИСТОЗНАВЧІ СТУДІЇ М. В. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСЬКОГО ЯК ІСТОРІОГРАФІЧНЕ ДЖЕРЕЛО

У наш час освіченість надає нам можливість більш доступно стикнутися з благами чудесних відкриттів особливо, коли можна дізнатися більше про видатних вчених, які внесли значний науковий вклад у розвиток суспільства. За словами англійського історика Г. Т. Бокля, автора «Історії цивілізації в Англії», «в усіх вищих галузях знання найбільшу складність представляє не відкриття фактів, а відкриття правильного методу, згідно з яким закони та факти можуть бути встановлені». Ці слова характеризують відомого вченого – історика, етнографа, фольклориста, джерелознавця, архівіста, археографа М. В. Довнар-Запольського. На думку самого ж Митрофана Вікторовича, «вчений заслуговує почесне місце у всіх галузях знання, які відрізняються як щодо матеріалу, так і методу його вивчення» [1].

Працюючи в складні часи, насичені історичними подіями, М. Довнар-Запольський зробив значний внесок у вітчизняну науку. Він складається з монографій і праць з історії, цікавих етнографічних розробок, археографічних досліджень, введення в науковий обіг великої кількості архівних документів, розробки методики архівної справи, а також пов'язаних з дослідженням проблем історії землеволодіння Великого князівства Литовського, соціально-економічних проблем Російської імперії.

Визвольний рух проти самодержавства і кріпосного права викликали у Довнар-Запольського дослідницький інтерес, особливо до теми історії російського вільнодумства. Одним з перших його досліджень була рецензія на книгу декабриста С. Г. Волконського [2].

Сьогодні важко з упевненістю сказати, коли ж М. В. Довнар-Запольський почав цікавитися проблемами руху декабристів. Імовірно, що ще під час роботи в архівах Москви та Санкт-Петербурга він мав можливість користуватися слідчими справами декабристів. 18 квітня 1899 в листі до В. С. Іконнікова М. В. Довнар-Запольський просить його ввести в навчальний процес курс, присвячений правлінню Олександра І. Вивчення або навіть більш детальне дослідження цієї епохи, безперечно, було неможливо без розгляду питань декабристського руху.

У цей період він написав роботи: «Політичні ідеали М. М. Сперанського», «З історії суспільних течій в Росії», монографії та статті про декабристський рух – «Монографії декабристів» (1906), «Таємне товариство декабристів» (1906), «Ідеали декабристів» (1907), «Війна 1812 р. і сучасне їй російське суспільство», «Груднева революція 1812 р.» та ін.

У своїх роботах вчений заявляє про об'єднання російської кріпацької дійсності, західної політичної думки і революційних подій, які справили вирішальний вплив на декабристів [3]. Показав, що до злиття, у вересні 1825 р., Товариство об'єднаних слов'ян і Південне товариство мали самостійні установчі документи. Звернув увагу, що головною метою організації була зміна політичного ладу в Російській імперії [4]. Це стало можливим після ознайомлення з малодослідженими в той час реформами М. М. Сперанського, політичними ідеалами якого було створення в монархічній державі вільних умов існування і політичних прав людини з можливістю управління державою [5]. Він досліджував цю тему завдяки обробці значної кількості архівних документів, що становило значну проблему для дослідників – істориків кінця XIX – початку XX ст. Вся складність полягала в розосередженні джерел у різних архівах України, Росії та інших країн, доступ до яких був дуже обмежений. Тому виявлення дослідниками документів та введення їх в науковий обіг було дуже важливою справою.

Значні зусилля Довнар-Запольський доклав опублікувавши в 1906 р. збірник документів з історії декабристського руху. Працюючи в Московському архіві Міністерства юстиції він мав можливість ознайомитися зі слідчими справами декабристів і використовувати найбільш цікаві з них у своїх роботах, зробивши їх доступними для істориків [6]. Він оприлюднив документи, які мали характер мемуарів декабристів, склавши при цьому історію таємних товариств і проаналізувавши їх діяльність [7]. При цьому він вказував на особливості передачі тексту з дотриманням орфографічних, мовних та стилістичних особливостей, виправляючи лише суттєві помилки.

Реакція, яка почалася після революції 1905–1907 рр., не дозволила вченому завершити публікацію циклу творів по декабристознавству. Її заключну частину було видано лише у 1917 р.

У збірці «Мемуари декабристів» М. В. Довнар-Запольський опублікував записки М. Орлова, С. Трубецького, свідчення полковника Г. Комарова. Крім того, він ознайомив громадськість з повними текстами програмних документів – «Правил» та «Клятви» Товариства об'єднаних слов'ян, діяльність якого і сьогодні вивчено недостатньо. На думку М. Довнар-Запольського, саме Товариство

було однією з ранніх таємних організацій, яка в вересні 1825 р. злилася з Південним товариством, що об'єднувало в своєму складі Тульчинську, Васильківську та Каменську управи. Якщо діяльність Тульчинської та Васильківської управ децю досліджена, то про Кам'янську управу в історіографії декабристського руху зустрічаються лише деякі згадки. Однак, її діяльність заслуговує більш докладного вивчення, і саме тому, що в 20-х роках XIX ст. містечко Кам'янка Київської губернії (нині Черкаської області) стало одним з центрів декабристського руху, логічним завершенням чого було створення в 1822 р. Кам'янської управи Південного товариства [8]. Її керівниками стали Василь Львович Давидов – господар містечка і Сергій Григорович Волконський – історична постать, князь Рюрикович, який доводився родичем королівським особам та багатьом знаменитим російським діячам, генерал, герой Вітчизняної війни та закордонних походів [9].

Вчений докладно виклав історію об'єднання таємної організації слов'ян з Південним товариством декабристів у вересні 1825 р., вказавши, що після цієї події Південне товариство значно посилювалося самовідданими людьми, готовими віддати своє життя в ім'я ідеї. На думку М. В. Довнар-Запольського, М. М. Бестужев-Рюмін, один з керівників Васильківської управи, бачив у членах Товариства об'єднаних слов'ян саме царевбивць, яких, однак, у Південному суспільстві не сприймали як політичних соратників. М. В. Довнар-Запольський пише, що діячі Південного товариства були більш далекими від народного середовища і тому мали менше можливостей до зближення з солдатами. Він зазначає, що своєю агітацією серед солдат члени Товариства об'єднаних слов'ян значно допомогли Південному товариству в підготовці до збройного виступу.

За планом В. Л. Давидова і С. Г. Волконського вони повинні були підготувати до повстання полки військових поселень, які були розташовані неподалік містечка Кам'янка. У нарадах декабристів, що проходили в цьому містечку, брали участь П. І. Пестель, С. І. Муравйов-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмін, М. Ф. Орлов, І. Д. Якушкін. Тут обговорювалася програма майбутнього республіканського устрою Росії П. І. Пестеля під назвою «Руська Правда», розроблявся план повстання.

Хоча Кам'янська управа діяла на підставі окремої програми, вона не виходила за рамки загальних правил діяльності Південного товариства, підтримуючи тісні зв'язки з іншими управами [10].

Досліджуючи діяльність Васильківської управи, М. Довнар-Запольський намагався зрозуміти поведінку її керівника С. І. Муравйова-Апостола під час підготовки повстання і ходу самого

збройного виступу декабристів на Київщині [11]. Вчений зазначає, що після отримання звістки про смерть імператора Олександра I керівники Васильківської управи проявили нерішучість. М. Довнар-Запольський звернув увагу на те, що вони вважали за необхідне залучити до повстання поляків і одночасно проголосити свободу селянам.

Вивчаючи творчий доробок М. В. Довнар-Запольського, потрібно звернути увагу на глибокий аналіз висновків щодо джерел формування ідеології декабристів, адже в сучасному декабристознавстві ведеться дискусія з цього питання. У роботах вчених часто аналізується методологічний аспект факторів їх впливу. Деякі автори віддають перевагу такому з них, як російська кріпосницька дійсність, інші – західноєвропейській суспільно-політичній думці та революційним подіям в Європі. М. В. Довнар-Запольський одним з перших вказав на органічне поєднання цих чинників: «Якщо одні з членів таємних товариств вперше здобували освіту західноєвропейського зразка, то інші приходили до тих же висновків самостійно, придивляючись до російського життя», – зазначав учений [12].

У роботах М. В. Довнар-Запольського знаходимо досить оригінальні висновки з багатьох питань декабристського руху, більшість з яких залишаються дискусійними. На жаль, він не приділив більш глибокої уваги аспектам декабристського руху, а саме його таємним організаціям та періоду сибірського заслання декабристів, однак це не зменшує значущості та важливості його досліджень.

Більшість робіт вченого не втратило своєї актуальності й наукового значення і сьогодні. Документи, введені ним у науковий обіг, увійшли в історичні джерела, а його учні – послідовники його ідей і наукових розробок своїми досягненнями в науці домоглися визнання, розуміння і підтримки не тільки на батьківщині, але і в європейських країнах. І це є найбільшим здобутком вченого, чіє ім'я з вдячністю згадують сучасники.

Джерела та література:

1. ***Довнар-Запольський М. В.*** Исторические взгляды В. Б. Антоновича // Чтения в историческом обществе Нестора-Летописца. – Кн. 21. – Вып. 1–2. – К., 1909. – С. 22.

2. ***Довнар-Запольський М. В.*** Новые записки декабриста. По поводу книги: Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста) / изд. князя М. С. Волконского. – СПб., 1901 // Из истории общественных течений в России. – К., 1910. – С. 127–190.

3. **Казьмирчук Г. Д., Сіпкін А. В.** М. В. Довнар-Запольський як декабристознавець // УІЖ. – 1995. – № 1. – С. 82–84.

4. **Герасименко Н. О.** Исторична спадщина М. В. Довнар-Запольського (1863–1934) // УІЖ. – № 6. – С. 125.

5. **Довнар-Запольский М. В.** Политические идеалы М. М. Сперанского // Из истории общественных течений в России. – К., 1910. – С. 117, 170–171.

6. **Довнар-Запольский М. В.** Мемуары декабристов (Записки, письма, свидетельства, проекты конституций, извлеченные из следственного дела, с вводной статьей). – К., 1906. – С. 175.

7. Там само. – С. 3–4.

8. Державний архів Черкаської області. – Ф. Р-4178. – Оп. 1. – Спр. 171. – Арк. 32.

9. Там само.

10. Там само. – Ф. Р-3990. – Оп. 1. – Буд. 1. – Арк. 51–52.

11. **Довнар-Запольский М. В.** Мемуары декабристов. – К., 1906. – С. 134.

12. **Казьмирчук Г. Д., Латиш Ю. В.** Українське декабристознавство. – К.-Черкаси, 2002. – С. 57.

Валерій Ластовський
(Київ)

**РЕЦЕНЗІЯ НА ЗБІРНИК: «УКРАЇНСЬКІ ДЕКАБРИСТИ ЧИ
ДЕКАБРИСТИ НА УКРАЇНІ?»: РУХ ДЕКАБРИСТІВ ОЧИМА
ІСТОРИКІВ 1920-Х РОКІВ.
(К.: Логос, 2011. 195 с.)**



Рух декабристів не належить сьогодні до популярних та протегованих державою тем. У 1920-х рр. ситуація була діаметрально протилежною. Нова влада потребувала легітимізації шляхом створення нового революційного пантеону героїв, котрий мав прийти на зміну

імперському пантеону. І відповідно до ленінських настанов, почесне перше місце в цьому пантеоні мали посісти представники дворянського етапу визвольного руху – декабристи. Тому влада всіляко заохочувала й підтримувала дослідження декабристського руху. Водночас, відносно ліберальні умови 1920-х рр. давали змогу вченим більш-менш вільно висловлювати свої думки, не ставлячи їх у залежність від політизованих постулатів. Саме тоді українські вчені розробили концепцію українського декабризму, яка зводилась до визнання впливу соціально-економічних та політичних обставин українського життя на формування світогляду декабристів, а також впливу декабристських ідей на розвиток українського руху в XIX ст., зокрема на членів Кирило-Мефодіївського товариства, Тараса Шевченка, Михайла Драгоманова, українських автономістів-федералістів.

Праці декабристознавців 1920-х рр. нещодавно перевидали українські історики Г. Д. Казьмирчук та Ю. В. Латиш. Збірник «Українські декабристи чи декабристи на Україні?: Рух декабристів очима істориків 1920-х років» справляє приємне враження змістовним викладом матеріалу, компонованням складових частин,

формулюванням розділів, привабливим оформленням. Структурно він складається із вступної статті, праць прибічників та противників концепції українського декабризму, а також додатків.

У вступній статті «Концепція «українського декабризму» автори розглядають дослідження декабристського руху українськими істориками 1920-х років, а також відображення в історіографії долі України в контексті декабризму. Г. Казьмирчук та Ю. Латиш переконливо доводять, що в 1920-х роках склалася сприятлива історіографічна ситуація для вивчення актуальних проблем історії України. Вчені орієнтувались на вивчення революційних сторінок минулого. Звідси випливає непересічний інтерес до декабризму. Протягом 1925–1926 рр. в СРСР широко відзначали 100-річчя повстання декабристів. Крім детального розгляду поглядів прихильників концепції українського декабризму та її опонентів, радянськи подають аналіз її рецепції в українській історіографії: радянській, діаспорній та сучасній. Вони також формулюють сучасне бачення українського декабризму, за яким Товариство об'єднаних слов'ян розглядається як перша організація опозиції «нового типу», котра прийшла на зміну автономістам XVIII ст. Вони вперше виступили не за модернізацію поліетнічної абсолютної монархії з середньовічними рудиментами, а за створення правової демократичної і національної держави поки що у формі загальнослов'янської федерації. Г. Казьмирчук та Ю. Латиш впевнено твердять, що сьогодні можна повернути декабристську ланку в ланцюг українського суспільно-політичного руху, поставивши декабристів поряд з такими діячами як Т. Шевченко і М. Драгоманов.

Основним питанням для українських декабристознавців стало сформульоване М. Грушевським: «Українські декабристи чи декабристи на Україні?». Тому не дивно, що збірник відкриває передмова М. Грушевського до шостого тому журналу «Україна» за 1925 р. У ній видатний український історик закликав своїх колег глибше дослідити різні течії революційного руху в Україні, «пошукати під ними реального класового чи продукційного ґрунту, вислідити впливи реальних економічних і соціальних змін в еволюції цих течій...».

У збірнику представлено статті засновників концепції українського декабризму С. Єфремова («Від легенди до історичної правди. (Місцеве підґрунтя в декабристському рухові)», «Біля початків українства. Генезис ідей Кирило-Методієвського Брацтва»), О. Гермайзе («Рух декабристів і українство»), Д. Багалія («Уваги до генези декабристського руху на Україні») та М. Яворського («Основи декабризма на Україні»), а також оригінальна інтерпретація

проблеми у статті Ю. Оксмана «Одеське «Гніздо Змови» 1825 року. (Спроба перегляду питання про базу «декабризму» на Україні)». Прихильно ставився до концепції українського декабризму й В. Гнатюк, чия стаття «Падуро, Рилєєв і декабристи» теж вміщена у збірнику.

Знайшла відображення також і позиція опонентів концепції українського декабризму. Зокрема, у статтях І. Рибакова «1825-й рік на Україні» і В. Романовського «Причини невдачі в 1825 році» стверджується, що українська національна свідомість у декабристів не виходила за межі «козацької романтики» і не справила впливу на їх революційну діяльність. Завершає основну частину збірника витяг зі стенограми Першої Всесоюзної конференції істориків-марксистів, на якій прихильники концепції українського декабризму зазнали різкої критики з боку провідних російських істориків М. Нечкіної та М. Покровського.

В додатках вміщено історіографічні студії, в яких тією чи іншою мірою порушувалось питання про український декабризм. Тут є стаття українського історика Л. Добровольського «Decembriana. (До підсумків юбілейної літератури про південний декабризм)», який «по гарячих слідах» дослідив стан декабристознавства 1920-х рр. Вперше українських читач може познайомитися з розвідками польського історика З. Зборуцького «Декабристи в світлі новітньої історіографії» та вченого-емігранта Й. Лоського «Новітня українська наукова література про повстання декабристів».

Привертають увагу вдало оформлений науково-довідковий апарат (примітки, відомості про авторів із зазначенням бібліографії та архівних матеріалів про них), що значно спрощує роботу зі збірником. На жаль, у збірнику відсутні іменний та предметний покажчик.

В цілому, рецензована книга є значним внеском в українську історіографію і стане в нагоді всім, хто цікавиться декабристським рухом.

Юрій Латиш
(Київ)

**МИКОЛА ЗАКРЕВСЬКИЙ – ДОСЛІДНИК РУХУ
ДЕКАБРИСТІВ
(до 90-річчя з дня народження)***



Учений-правник Микола Федорович Закревський належить до покоління декабристознавців, яке увірвалось в радянську науку після Великої Вітчизняної війни.

Він народився 18 грудня 1921 р. у м. Києві. Батько, Закревський Федір Мартинович, народився 1896 чи 1897 р., навчався у Київському річковому училищі, працював у Київському гублісі. У 1924 р. помер. Мати, Закревська Прасковія Корніївна (дівоче прізвище – Чернова), народилася в 1897 р. у Києві. Протягом усього життя була домогосподаркою. З 1926 р. Закревського виховував вітчим Ф. Я. Бобир.

У 1929 р. майбутній декабристознавець розпочав навчання у середній школі № 16 (на теперішній вул. Вишгородській). Все життя він був змушений боротися з тяжкою хворобою, супутницею багатьох поколінь інтелігентів – туберкульозом легень. Через це навіть пропустив 1939 навчальний рік. У 1936 вступив до лав ВЛКСМ. У лютому 1961 р. став членом КПРС. В 1936–1938 рр. обирався заступником секретаря комсомольської організації школи. У 1940 р. продовжив навчання у школі для дорослих № 18. Одночасно навчався на курсах геодезистів. У травні–червні 1941 надрукував перші 3 статті у газеті «Сталинское племя». Школу закінчив у липні 1941 р.

За станом здоров'я Закревський не призивався до Червоної Армії. Під час німецької окупації мешкав у Києві по вул. Ст. Заборській, 50 (тепер – вул. Автозаводська), не працював. Після

* Статтю написано на матеріалах особових справ М. Ф. Закревського, які зберігаються в Архіві Київського національного університету імені Тараса Шевченка.

звільнення Кисва вступив на 1-й курс юридичного факультету Київського державного університету ім. Т. Г. Шевченка (1 лютого 1944 р.). Згідно з дозволом ректора на дострокове складання іспитів, до липня 1945 р. закінчив повний курс юридичного факультету і був рекомендований до навчання в аспірантурі. З 1 липня по 27 листопада 1945 р. працював консультантом комісії з розгляду заяв про помилування Президії Верховної Ради УРСР.

У 1946 р. розпочав навчання в аспірантурі на кафедрі політекономії економічного факультету КДУ ім. Т. Г. Шевченка (науковий керівник – Д. Ф. Вірник). У заяві на ім'я ректора університету Закревський пояснював це таким чином: «В 1945 р. я закінчив юридичний ф-т Вашого Університету та склав вступні іспити до аспірантури по кафедрі теорії держави та права. В зарахуванні до аспірантури по цій кафедрі мені було відмовлено та запропоновано кафедру політекономії економічного ф-ту, на яку в лютому 1946 р. мене і було зараховано». Спочатку тема дисертації мала назву «Жіноча праця в промисловості СРСР за роки Вітчизняної війни».

Однак велике розходження програм юридичного та економічного факультетів створили значні труднощі у написанні дисертації, тому в 1947 р. Закревський був переведений на кафедру теорії та історії держави і права (науковий керівник – доц. З. П. Шульга). Спочатку тема дисертації Закревського називалась: «Політичні погляди Пестеля і його план державного перетворення Росії». В Україні після погрому науки в середині 1930-х рр. декабристознавцям доводилось працювати в складних умовах. Окремі публікації, присвячені рухові декабристів, у довоєнний час опублікував Ф. Ястребов, повністю підпорядкувавши висновки ленінській схемі визвольного руху. Лише в повоєнні роки з'явилась ціла низка статей і дисертацій (М. Лисенка, В. Маслова, Н. Прозорової, П. Волощенко, М. Дейнека), в котрих розпочалось глибоке вивчення цієї проблеми. До цієї плеяди належав і Микола Закревський.

Розмір аспірантської стипендії тоді, як і зараз, не міг забезпечити молодого науковця. Тому він був змушений працювати. У 1948 р. М. Закревський очолював відділ комсомольського життя університетської газети «За радянські кадри». З 3 квітня по 20 вересня 1946 р. проходив стажування у Київській обласній колегії адвокатів. Після закінчення аспірантури був направлений на роботу до Львівського торговельно-економічного інституту на посаду старшого викладача. Але у зв'язку із загостренням хвороби Комітетом у справах Вищої школи при Раді Міністрів УРСР був звільнений від поїздки. У 1949 р. затверджений позаштатним

лектором Київського міського ЛКСМУ. Ним були розроблені і читались лекції «Радянська конституція – найдемократичніша конституція у світі», «Що дала радянська влада молоді?» та ін. У 1950–1951 рр. М. Закревський мешкав у Києві, лікувався, продовжував збирати матеріал для кандидатської дисертації, яка отримала назву «Державно-правові погляди П. І. Пестеля».

У 1951 р. дисертація була успішно захищена. Метою дисертаційного дослідження було на основі аналізу теоретичної спадщини П. І. Пестеля і його практичної революційної діяльності у таємних товариствах: 1) простежити формування його політичних поглядів, наголосивши при цьому на вирішальному впливі російської дійсності; 2) показати організаційну і керівну роль П. І. Пестеля у Південному товаристві; 3) звільнити образ Пестеля від «брехливих і наклепницьких вигадок, зведених на нього деякими сучасниками, дворянською історіографією» і подати декабриста як мужнього борця проти самодержавства і кріпацтва; 4) показати оригінальність і прогресивність програми суспільно-політичних перетворень, викладених в «Руській Правді», порівняти її з поглядами західноєвропейських мислителів кінця XVIII – першої чверті XIX ст.; 5) з'ясувати оригінальність і прогресивність правових поглядів Пестеля.

Поставлені завдання розв'язувались у 4-х розділах. У першому з них розглядалось формування політичних і правових поглядів декабриста, причому перевага надавалась впливові умов російської дійсності, критикувались погляди «буржуазно-ліберальних» істориків О. Пипіна, М. Довнар-Запольського, В. Семевського. У другому розділі «Погляди П. І. Пестеля на державу» Закревський прийшов до висновку, що керівник Південного товариства обґрунтовував свої погляди на державу і право, виходячи із положень школи природнього права. Разом з О. Радищевим П. Пестель створили революційно-демократичне трактування ідей школи природнього права для теоретичного обґрунтування революційних перетворень, вкладаючи в цю теорію новий, демократичний зміст, «більш прогресивний порівняно з теоріями західноєвропейських мислителів». Подібні висновки сьогодні, звісно, сприймаються критично. Однак варто пам'ятати, що дисертація писалась у роки боротьби з «антипатріотизмом» і «космополітизмом», коли в різних галузях науки доводилась першість росіян.

Наступний розділ дисертації Закревського було присвячено аналізу програми суспільно-політичних перетворень в Росії за «Руською Правдою». В останньому розділі розглядались правові погляди П. І. Пестеля. Особливо наголошувалось, що наукові

установки роботи базуються на «ленінсько-сталінській оцінці революційно-визвольного руху в Росії».

Напруга позначалася на стані здоров'я. На прохання Київського обкому ЛКСМУ і за розпорядженням заступника міністра охорони здоров'я УРСР у квітні–травні 1951 р. Закревський перебував на лікуванні в республіканському шпиталі інвалідів Вітчизняної війни, де істотно покращив стан здоров'я.

У 1951–1953 рр. працював позаштатним кореспондентом Київського облрадіокомітету. У 1953–1954 рр. – позаштатний кореспондент газети «Вечірній Київ». У 1953 р. закінчив написання кандидатської дисертації. Того ж року розпочав працювати у КДУ ім. Т. Г. Шевченка спочатку на посаді викладача, а у 1954–1960 рр. на посаді старшого лаборанта. Одночасно займався викладацькою роботою.

У 1960 р. М. Закревський був обраний за конкурсом на посаду в. о. доцента Науково-методичного кабінету заочної освіти Міністерства вищої та середньої спеціальної освіти УРСР при Київському університеті. У характеристиці вченого за 1961 р. записано: «За час роботи в університеті т. Закревський М. Ф. проявив себе як енергійний працівник. Він приймає активну участь в громадському житті факультету, неодноразово обирався проформом кафедри, керує гуртком політичної освіти на факультеті, його обрано членом ревізійної комісії профкому КДУ.

Працюючи з березня 1960 р. в Науково-методичному кабінеті заочної освіти, т. Закревський М. Ф. проявив себе творчим працівником, ініціативним, дисциплінованим. Він старанно вивчає роботу досвідчених викладачів, консультується у них і все що є цінного та позитивного в роботі з студентами-заочниками намагається втілити в практику роботи вузів, які готують кадри юристів. Т. Закревський приймає активну участь в роботі різних конференцій і нарад з питань методичної роботи в вузах, готує і виступає з доповідями, повідомленнями тощо».

У 1964–1965 рр. деякий час працював в. о. доцента на кафедрі радянського процесуального права. З 1 вересня 1965 р. – доцент-методист Науково-методичного кабінету з суспільних наук при Київському університеті. Після ліквідації цього кабінету з 1 вересня 1966 р. зарахований на посаду доцента кафедри теорії та історії держави і права КДУ ім. Т. Г. Шевченка. Рішенням ВАК СРСР від 13 січня 1965 р. затверджений у вченому званні доцента. У лютому 1967 р. переведений на ставку старшого наукового співробітника (докторанта) для написання докторської дисертації. Однак через те, що не міг написати дисертацію за один рік, який залишався до

закінчення строку перебування на посаді старшого наукового співробітника, з 1968 р. знову обраний доцентом кафедри теорії та історії держави і права.

На юридичному факультеті М. Закревський читав лекції, проводив семінарські заняття з курсу історії держави і права зарубіжних країн. Викладав курс історії політичних вчень на вечірньому і заочному відділеннях. Колеги відзначали правильну методологічну основу лекцій вченого, їх наукову спрямованість. За дорученням кафедри теорії та історії держави і права, брав участь у створенні навчально-методичних посібників для студентів неюридичних факультетів. Наказом Міністерства вищої та середньої спеціальної освіти УРСР був призначений відповідальним за випуск низки робіт для студентів-заочників, які він підготував до видання. За роботу, проведenu з підготовки матеріалів для організації загальнонаукових факультетів вищих навчальних закладів УРСР наказом по Міністерству вищої та середньої спеціальної освіти УРСР Закревському було оголошено подяку.

М. Закревський був активним учасником громадського життя університету, брав участь у культурницькій та пам'яткоохоронній роботі, займався організацією музею історії юридичного факультету. Учений проявив себе талановитим педагогом. Він працював зі студентами, які бажали займатися розробкою наукових питань з теми «Політична програма декабристів». Під керівництвом вченого цією темою займалися Д. Куколевський, С. Лесик, Є. Перекопайко, Т. Пильчик, Н. Коваленко, С. Волошина, Л. Войнаренко, Л. Чумак, Н. Федоряченко, В. Кушнір та ін. Зокрема, студент Л. Чумак працював над цією тематикою декілька років і обрав її темою дипломної роботи. Названі та інші студенти виступали з доповідями на засіданнях наукового студентського гуртка, а Л. Чумак за доповідь «Критика декабристами царського суду», виголошену на науковій студентській конференції юридичного факультету, був відзначений грамотою. Доцент А. Б. Дубровіна у 1979 р. відзначала, що Закревський «... активно працює зі студентами. У цьому ми переконуємося, коли бачимо скільки студентів буває у нього на консультаціях у дні, коли він чергує на кафедрі».

За період з 1968 по 1973 р. виконав деякі розділи у плані докторської дисертації: «Політичні і правові погляди декабристів», а саме: 1) Конституційний проект Микити Муравйова; 2) «Записка о государственном правлении» – перший конституційний проект П. І. Пестеля; 3) Декабристи про судову систему Росії і плани її перетворення; 4) Декабристи про право і закон; 5) Кримінально-правові погляди декабристів; 6) Конституційний проект П. І. Пестеля

1820 р.; 7) Періодизація поглядів П. І. Пестеля (загалом понад 400 с. машинопису).

З 1973 р. працював на новоутвореній кафедрі історії держави і права. За період роботи у науково-методичному кабінеті обирався членом та головою ревізійної комісії профкому КДУ ім. Т. Г. Шевченка. Пізніше очолював товариство охорони пам'яток історії юридичного факультету. На 1973 р. мав близько 40 друкованих праць. 24 травня 1974 р. зробив доповідь на засіданні кафедри: «Відображення політичних поглядів Микити Муравйова у його конституційному проєкті». 13 вересня того ж року виступив із доповіддю: «"Записка о государственном правлении" – перший конституційний проєкт декабриста П. І. Пестеля». У співавторстві підготував збірник документів з історії держави і права зарубіжних країн (3,5 др. арк.). Водночас, у 1973–1974 рр. працював над темою «Критика сучасних буржуазних теорій в галузі історії політичних вчень». У роботі висловлюється думка про самостійність політичних і філософських поглядів представників передової політичної думки Росії. Різкій критиці піддано праці іноземних дослідників.

У 1978 р. М. Закревський завершив роботу над докторською дисертацією: «Політичні і правові погляди декабристів» (16 др. арк.). Актуальність обраної теми зумовлювалась відсутністю єдиної думки про характер деяких творів декабристів, зокрема «Записки о государственном правлении» чи «Краткого умозрительного обозрения государственного правления» П. І. Пестеля. Він опрацював значний пласт архівних матеріалів, зробив низку оригінальних висновків стосовно деяких творів П. І. Пестеля. Частина роботи («Правові погляди декабристів») була направлена до Львівського університету для зовнішнього рецензування і отримала схвальну рецензію. У жовтні Закревський 1975 р. виступив на вченій раді юридичного факультету з доповіддю, присвяченою 150-річчю з дня повстання декабристів. З теми докторського дослідження опублікував 10 статей у періодичних виданнях і статтю в УРЕ.

26 квітня 1979 р. Закревського було переобрано на посаду доцента кафедри історії держави і права на новий 5-річний термін. Проте 4 березня 1980 р., внаслідок ішемічної хвороби серця, він помер.

На жаль, нам не вдалося розшукати текст підготовленої Закревським докторської дисертації. Він не мав сім'ї, тому доля тексту залишається невідомою. Все життя цієї людини було присвячено боротьбі за життя зі страшним недугом. Незважаючи на це, Закревському вдалося зробити вагомий внесок у дослідження

державно-правових поглядів декабристів. Деякі його висновки не втратили свого значення і до сьогодні.

**Основні праці М. Закревського,
присвячені декабристському руху**

Государственно-правовые взгляды П. И. Пестеля: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – К., 1951. – 14 с.

Давидов В. Л. // Українська радянська енциклопедія (далі – УРЕ). – Т. 3. – 1960. – С. 546.

Цивільно-правові погляди П. І. Пестеля // Вісник Київ. ун-ту. – 1961. – № 3. Серія економіки та права. – Вип. 2. – С. 93–98.

Погляди декабристів у питанні тілесних покарань // Вісник Київ. ун-ту. – 1974. – Серія права. № 15. – С. 50–56.

Критика декабристами буржуазних державно-правових інститутів // Радянське право. – 1975. – № 7. – С. 80–83.

Декабристи про право і закон // Проблеми правознавства: Міжвід. наук. зб. – Вип. 31. – К., 1975. – С. 23–27.

Формування суспільно-політичних поглядів декабристів // Укр. іст. журн. – 1975. – № 10. – С. 31–38.

До питання про зміст останнього варіанта Конституції М. Муравйова // Проблеми правознавства: Міжвід. наук. зб. – К., 1975. – Вип. 32. – С. 11–18.

«Записка про державне правління» – конституційний проект декабриста П. І. Пестеля // Вісник Київ. ун-ту. – 1975. – Серія права. № 16. – С. 48–53.

Декабристи та їх місце в історії революційного руху в Росії // Вісник АН УРСР. – 1975. – № 12. – С. 42–50.

Плани декабристів щодо суспільно-політичних перетворень в Росії // Радянське право. – 1975. – № 12. – С. 76–80.

Критика декабристами судової системи царської Росії // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1976. – № 1. – С. 95–98.

До питання про зміст роботи П. І. Пестеля «Короткий споглядальний огляд державного правління» // Вісник Київ. ун-ту. – Серія права. 1976. – № 17.

Статті для «Української радянської енциклопедії» (Повалов-Швейковський І. С. Т. 11. 1963. С. 270; Рилєєв К. Ф. Т. 12. 1963. С. 240; Семенівський полк. Т. 13. 1963; Соловйов В. М. Т. 13. С. 304; Союз Благоденствія. Т. 13. С. 361; Сухінов І. І. Т. 14. 1963. С. 198–199; Тізенгаузен В. К. Т. 14; Товариство об'єднаних слов'ян. Т. 14. С. 443; Щепило М. О. Т. 16. 1964. С. 403; Юшневський О. П. Т. 16. С. 442; Якубович О. І. Т. 16. С. 467; Якушкін І. Д. Т. 16. С. 473; Декабристи. Вид. 2-е. Т. 3. 1979. С. 274–276).

Статті для «Радянської енциклопедії історії України» (Декабристи. Т. 1. 1969. С. 526–530; Іванов І. І. Т. 2. 1970. С. 232; Орлов М. Ф. Т. 3. 1971. С. 296–297; Панов М. О. С. 297; Рилєєв К. Ф. С. 551; Тульчинська управа. Т. 4. 1972. С. 307).

ДО НАУКОВОЇ БІОГРАФІЇ ДЕКАБРИСТОЗНАВЦЯ ЮЛІАНА ГРИГОРОВИЧА ОКСМАНА: ОДЕСЬКИЙ ПЕРІОД ЖИТТЯ

Історія декабристського руху в українській історіографії має давні традиції [1]. Певний внесок у його розвиток відбувався на півдні України впродовж XIX–XX ст. [2–4], що значною мірою залежало від індивідуальної діяльності вчених різних вишів і науково-дослідних установ Одеси, які займались пошуком, описом та публікаціями відповідних джерел. Персонологічна діяльність одеських науковців у дослідженні декабристського руху розвивалась хвилеподібно та відповідно до цього має декілька хронологічних періодів, серед яких треба виділити 20–30-ті рр. XX ст., коли відбулося формування та розвиток окремої течії українського декабристознавства [4].

При реконструкції генези одеського декабристознавства неможливо оминати увагою постать Юліана Григоровича Оксмана (1895–1970). Саме з його ім'ям, на нашу думку, пов'язаний процес активізації дослідження історії декабристського руху в Одесі на зламі 1910–20-х рр. Більшу частину свого життя Ю. Г. Оксман провів у Ленінграді, де досяг значних успіхів у навчально-методичній, науково-дослідній та науково-організаційній діяльності, авторитету серед колег та учнів. Однак частина його життя пов'язана з Одесою (1920–1923), де понад трьох років він проводив активну роботу за всіма вище згаданими напрямками у вишах і науково-дослідних установах.

До 1980-х рр. наукова біографія Ю. Г. Оксмана, не дивлячись на її значущість, не набула ретельного дослідження. Причиною цього стала значна критика вченого та його наукових поглядів в радянські часи, коли в енциклопедичних виданнях [5] ім'я Ю. Г. Оксмана згадувалося скупо та з неприхованою неприязню. За останні майже тридцять років у науковій літературі спостерігаємо певну кількість студіювань його наукової біографії [6–16], але тільки у небагатьох з них автори відмічали його зацікавленість дослідженнями в галузі декабристознавства. Ще менша кількість напрацювань, в яких автори приділяли увагу цьому ландшафту наукових інтересів вченого в одеський період його життя [3–4, 17].

Виходячи з стислого огляду стану історіографії можна констатувати, що на даний час ім'я Ю. Г. Оксмана переважно досить добре відоме російському науковому співтовариству. Тоді як в

українській науковій літературі ще до початку ХХІ ст. в багатьох працях спостерігається помилка в ідентифікації його постаті, а саме плутанина з молодшим братом Еммануїлом Оксманом [18] та навпаки. Наприклад, В. М. Хмарський ідентифікує Е. Г. Оксмана під час його роботи в Одесі наприкінці 1920-х рр. як «петербурзького науковця» [19], маючи на увазі старшого брата, а В. М. Заруба репрезентує Ю. Г. Оксмана як «аспіранта з археології С. Дложевського» [20], плутаючи його з Е. Г. Оксманом.

Отже, незважаючи на спроби дослідження творчості Ю. Г. Оксмана, доводиться констатувати, що на сьогоднішній день детально досліджено лише його наукова біографія як історика літератури, літературознавця, пушкінознавця, тоді як напрацювання в галузі історії декабристського руху, особливо одеського періоду, реконструйовані фрагментарно. Представлені ж моделі інтерпретації наукової біографії в достатній мірі спірні та потребують суттєвого корегування. У зв'язку з цим сьогодні постає питання про актуальність дослідження біографії науковця та особливо його творчої спадщини. Однак період «призабуття» у науковій літературі Ю. Г. Оксмана надзвичайно ускладнив завдання максимально повної реконструкції біографії історика доби 1920–30-х рр. Зокрема, у розпорядженні дослідників цього періоду дуже мало персональних архівів, епістолярної спадщини, спогадів сучасників. Тому незважаючи на відчутні здобутки сучасної історіографії у вивченні біографії вченого періоду 1920-х рр., завдання подальшого поповнення джерельної бази на підставі документальних фактів опублікованих і неопублікованих архівних матеріалів через призму біоісторіографічного дослідження не втратило своєї актуальності, що й дозволило нам запропонувати свою інтерпретацію життєвого шляху Ю. Г. Оксмана одеського періоду, де сконцентрована увага на уточненні найбільш поширених помилок та проблемних питань його біографії у попередніх публікаціях.

Перед початком спроби реконструкції одеського періоду життя Ю. Г. Оксмана необхідно пригадати деякі факти його наукової біографії попереднього етапу. Після закінчення 1912 р. Вознесенської гімназії з срібною медаллю він поїхав до Німеччини, де навчався на філософському факультеті Боннського і Гейдельберзького університетів [21, арк. 10]. У 1913 р. повернувся до Росії та вступив на відділення російської мови та словесності історико-філологічного факультету Санкт-Петербурзького університету, а також одночасно відвідував лекції на історичному відділенні, на яких під керівництвом професорів І. О. Шляпкіна, С. О. Венгерова, М. К. Піксанова, М. М. Лісовського спеціалізувався

на вивченні російської літератури XVIII–XIX ст. [9, с. 527]. Після закінчення університету із спеціальністю педагога історії російської літератури та архівознавства 20 травня 1917 р. рішенням Ради історико-філологічного факультету на підставі подання С.О.Венгерова й І.О.Шляпкіна його було залишено на кафедрі історії російської літератури для підготовки до професорського звання [9, с. 529]. Будучи студентом, Ю. Г. Оксман почав публікувати літературні праці, перша з яких була надрукована 1915 р. [15]. Всього на той час побачили світ біля двадцяти його праць у російських та зарубіжних виданнях [21, арк. 1, 11].

Зацікавлення в студентські роки науковою діяльністю привело Ю. Г. Оксмана до пошукової роботи в архівах починаючи з 1914 р., а згодом внаслідок плідної праці в цьому напрямку отримав пропозицію академіка С. Ф. Платонова зайняти посаду наукового співробітника комісії з наукового описання Архіву міністерства народної освіти, що стало в подальшому одним із основних векторів його діяльності. Спочатку він був позаштатним співробітником, а з 1 червня 1917 р. став помічником начальника вище згаданого архіву, одночасно займаючи посаду чиновника особливих доручень при міністрі народної освіти. Працювати в цій галузі він продовжував і після революції — спочатку в структурі Комісаріату народної освіти як учасник підготовки та проведення реформи архівної справи, а з 1 червня 1918 р. в якості завідуючого сектору цензури та друку Центрархіву РРФСР [9, с. 531]. У цей же час розпочалася також його педагогічна й науково-організаційна робота. Так, у статусі асистента (а не професора як подала Г. Л. Малінова [13, с. 41]) Ю. Г. Оксман викладав у трьох вишах Петрограду: університеті (1917–1919), педагогічному (1917–1919) та археологічному (1919) інститутах та брав участь в організації архівних курсів при археологічному інституті, роботі Пушкінського дому при Російській академії наук [21, арк. 1, 10 зв.]. Одночасно з цим займався громадською діяльністю — від 1918 р. до початку 1920 р. був членом губернської й міської Петроградської Ради робітничих, селянських та солдатських депутатів [9, с. 527].

Отже, на початок 1920 р. Ю. Г. Оксман у двадцятип'ятирічному віці проводив викладацьку, науково-дослідну, науково-організаційну й громадську діяльність та мав всі підстави для подальшого професійного росту в Петрограді, але з нез'ясованих поки, що підстав він переїхав з «північної» столиці до «південної». Деякі версії цієї події в літературі існують, але через відсутність фактологічної бази вони не виглядають досить ґрунтовними. Наприклад, на думку племінниці Ю. Г. Оксмана вчений переїхав до Одеси завдяки

запрошенню ректора Одеського інституту народної освіти (ОІНО [23]) Р. М. Волкова до викладання в цьому виші [24], але концепція створення цих закладів в УСРР була проголошена 24 лютого [25], а сам заклад організовано 23 червня 1920 р. [23, с. 100], коли науковець вже перебував у місті. Також дві версії цієї події знаходимо в епістолярній спадщині Ю. Г. Оксмана. Так, в автобіографії 1949 р. він писав, що «в начале 1920 г. назначен был особоуполномоченным Реввоенсовета по охране и разборке архивов войсковых частей на территории Украины, с пребыванием в Одессе» [9, с. 531], а в листі до історика О. С. Нифонтова 1963 р. згадував «с 1920 по 1923 г. работал в Одессе (после демобилизации)...» [7, с. 100], хоча 1922 р. в анкеті він писав «На военной службе никогда не был» [21, арк. 10]. На нашу думку, основними чинниками міграції Ю. Г. Оксмана до Одеси стали його професійні якості на тлі політичної ситуації в країні. Про що досить ґрунтовно свідчить його гіперактивна діяльність у багатьох напрямках з перших днів перебування та впродовж досить короткого терміну мешкання у місті.

Своє прибуття до Одеси Ю. Г. Оксман, в одному з записів, датував 7 лютого 1920 р. [9, с. 531] (документальні підтвердження дати приїзду поки не виявлені). Накладаючи цей факт на загальні історичні події, то бачимо, що його поява в місті відбулася в один день з оволодінням містом більшовицькими військами [22, с. 316].

З перших днів перебування в місті та впродовж наступних двох років Ю. Г. Оксман був членом Одеського губерньського революційного комітету, який зосередив у своїх руках усі важелі влади [22, с. 319]. Також на початку лютого без складання магістерських іспитів, захисту магістерської дисертації та прочитання двох пробних лекцій (передбачені на той час умови) він став приват-доцентом кафедри російської мови та літератури (словесності) Новоросійського університету [21, арк. 10 зв.], а в травні, не маючи багаторічного викладацького стажу та без захисту докторської дисертації, нарівні з відомими фахівцями гуманітарних наук (М. М. Ланге, Д. М. Овсянко-Куликовський, Б. М. Ляпунов, Б. В. Варнеке, Є. М. Щепкін, Є. П. Трифільєв, А. В. Флоровський, В. Ф. Лазурський) [26] в якості професора він отримав можливість наукового керування «серьезно специализирующихся» студентів (прототип аспірантури).

20 лютого 1920 р. Ю. Г. Оксман очолив [13, с. 42] щойно створено Одеське губерньське архівне управління [27], а з 21 березня, згідно наказу Одеського губревкому про концентрацію всіх історичних (відомчих) архівів Одеси і губернії в єдиний Одеський обласний архів

та почав проводити активні заходи з налагодження його роботи [28, с. 114]. Починаючи з квітня й до жовтня 1920 р., на ім'я Ю. Г. Оксмана від студентів, аспірантів і викладачів вишив Одеси почали надходити заяви про зарахування їх співробітниками архіву або надання можливості працювати з матеріалами установи [29]. Серед них треба відмітити заяви Й. Л. Вайнштейна і Л. Г. Гофмана, в яких вони наголошували про зацікавленість дослідження історії суспільних рухів [29, арк. 11, 22]. Очоливши архів, основними орієнтирами в його роботі на цій посаді стали збереження, перевірка, реставрування, упорядкування, каталогізація та надання можливості вивчення наявних матеріалів за різними напрямками [13, с. 42–45]. До того ж 15 березня 1921 р. він очолив Військову секцію Єдиного державного архівного фонду РРФСР відкритої при Одеському обласному архівному управлінні [30].

Будучи перенавантаженим великим обсягом роботи в обласному архіві, Ю. Г. Оксман встиг активно проявити себе й на викладацькій та навчально-організаційній нивах. Після реорганізації навесні 1920 р. Новоросійського університету, в подальшому його педагогічна діяльність була пов'язана з трьома закладами вищої школи Одеси: Гуманітарно-суспільний інститут (приват-доцент, 1920–1921); Інститут народної освіти (1920–1923) й Археологічний інститут (1921–1922) — професор [21, арк. 10 зв.]. Особливо треба відмітити його адміністративну діяльність у двох останніх закладах, де у першому молодий вчений обіймав посаду завідуючого музейно-архівно-бібліотечного відділу факультету політичної освіти (вересень-грудень 1922), а у другому — ректор (травень 1921 – вересень 1922). Зазначимо, що в науковій літературі фігурує теза про ініціативу саме Ю. Г. Оксмана в заснуванні Археологічного інституту [13, с. 48; 32]. Хоча, на нашу думку, вченого можна вважати одним із втілювачів цієї ідеї, яка була ініційована одеськими істориками ще 1912 р. та впродовж дев'яти років залишалась не реалізованою через політичні й економічні обставини [33].

Серед лекційних курсів, що він викладав у цей час були загальні курси — історія російської літератури, історіографія російської літератури, архівознавство, а також спеціальні курси — цензура і преса XIX ст., новітня російська література, історія російської літератури XIX ст., українські повісті М. В. Гоголя, семінар з історії революційного руху та «Пушкінський» семінар [23, с. 330, 340, 365]. Зазначимо, що в основу тем курсів науковцем було покладено досвід, отриманий під час його діяльності в Петрограді.

Також в Одесі Ю. Г. Оксман активно використовував наявний досвід у науково-дослідній діяльності, яка була спрямована на

дослідження історії Росії та України XIX ст. Згодом про формування своїх наукових інтересів він писав: «Я принадлежу к петербургской школе филологов-пушкинистов, получивших свое литературное воспитание в пушкинском семинаре С. О. Венгерова. Большое влияние оказали на меня в университетские годы лекции и семинары А. А. Шахматова, И. А. Шляпкина, Н. М. Лисовского, Н. К. Пиксанова, а особенно книги и статьи П. Е. Щеголева... Некоторое время я занимался русской историей, работая в семинаре М. В. Клочкова» [9, с. 527]. Вважаючи цей факт базовим та додаючи великі можливості у вивченні архівних матеріалів обласного архіву, зростаючи популяризацію досліджень історії революційних подій та час напередодні 100-річного ювілею повстання декабристів, невиключно, що Ю. Г. Оксман сконцентрував увагу своїх досліджень саме навколо цієї події. Результатом чого стала низка статтей («Одесские вольнодумцы пушкинской поры» (1923), «Отзвуки декабрьских событий 182 г. в Новороссии» (1925), «Одеське «гніздо змови» 1825 року (Спроба перегляду питання про базу «декабризму» на Україні)» (1928)), публікацій архівних матеріалів у справі декабристів — «Декабристи. Невидані матеріали і статі» (1925), «Повстання декабристів» (1929), рецензії. Активна розробка цієї теми зробила Ю. Г. Оксмана наприкінці 1920-х рр. одним з найбільш авторитетних спеціалістів декабристознавства.

Через певні обставини перебування Ю. Г. Оксмана в Одесі було нетривалим. Дозволимо собі підтвердити версію його від'їзду запропоновану Г. Л. Маліною [13, с. 46], яка пов'язана з намаганням керівництва Одеського губкому КП(б)У й Одеського губвиконкому провести злиття обласного архіву з Губернським бюро комісії з історії Жовтневої революції та комуністичної партії (Іспарт), з співробітниками якої в нього — «... человека нелегкого и сложного характера» [34] постійно були складні стосунки на підґрунті професійних обов'язків [13, с. 46]. Апогеєм цих непорозумінь стало вирішення питання злиття двох установ губернським керівництвом впродовж червня-серпня 1923 р., поки в його вирішення не втрутилося Головне архівне управління і ВУЦВК УСРР та залишили ці установи самостійними [35]. З 1 травня 1922 р. обов'язки завідуючого Іспарту виконував І. А. Хмельницький (батько першого наркома юстиції УСРР), саме який після від'їзду Ю. Г. Оксмана 20 липня 1923 р. «для продолжения работы в петербургских книгохранилищах» [21, арк. 5, 7], а ні 1 вересня як він сам вказував [9, с. 531], й зайняв посаду завідувача архіву [28, с. 116].

Таким чином, спроба реконструкції наукової біографії Ю. Г. Оксмана підтверджує, що в його особистості сфокусовано

високий інтелект, бунтарський дух та втілення вченого-енциклопедиста єврейської інтелігенції. За своїм великим інтелектуальним рівнем, працездатності, продуктивності та творчого потенціалу Ю. Г. Оксман — явище виключне. В локальному аспекті дана студія доводить тезу, що він є відомим істориком і архівістом, який стояв у витоків формування архівної справи в Одесі, доклав багато зусиль до введення в науковий обіг багатьох архівних документів з історії декабристського руху, зібрав навколо себе групу однодумців та активно займався науковою діяльністю, результатом якої стали його статті, рецензії, монографії. Дані твердження та висновки можуть спонукати для подальшої дослідницької діяльності біографії та професійної діяльності Ю. Г. Оксмана, його творів та наукових розробок, висвітлення різноманітних тем, що входили до спектру об'єктів дослідження видатного декабристознавця.

Джерела та література:

1. **Казьмирчук Г. Д.** Історіографія руху декабристів: У 4 ч. — К.—Черкаси, 2001; **Казьмирчук Г. Д., Латиш Ю. В.** Українське декабристознавство. — К.—Черкаси, 2002; **Латиш Ю. В.** Українська та російська історіографії декабристського руху в Україні (20-ті рр. ХХ ст. — початок ХХІ ст.): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. — К., 2007 та ін.
2. Розвиток декабристознавства в Одесі // **Казьмирчук Г. Д., Латиш Ю. В.** Українське декабристознавство. — К.—Черкаси, 2002. — С. 172–182.
3. **Латиш Ю. В.** Дослідження декабристського руху в південному регіоні України // Наукові праці: Науково-методичний журнал. — Т. 32. Вип. 19. Історичні науки. — Миколаїв, 2004. — С. 124–127.
4. **Гребцова І. С., Латиш Ю. В.** Проблеми декабристського руху у висвітленні одеських науковців // Записки історичного факультету. — Вип. 15. — Одеса, 2004. — С. 399–408.
5. Литературная энциклопедия: 11 т. — Т. 8. — М., 1934; Краткая литературная энциклопедия. — Т. 5. — М., 1968.
6. **Чудакова М. О., Тоддес Е. А.** // Первые тыняновские чтения. — Рига, 1984. — С. 78–105; **Каверин В. А.** Литератор: Дневники и письма. — М., 1988. — С. 113–145.
7. **Богаевская К. П.** Возвращение: О Юлиане Григорьевиче Оксмане // Литературное обозрение. — 1990. — № 4. — С. 100–112.
8. **Эйдельман Н.** Первый декабрист. — М., 1990. — С. 160–177.
9. «Человек жизнерадостный и жизнедеятельный...» (Набросок портрета Ю. Г. Оксмана по материалам его архива) / Обзор А. Д. Зайцева // Встречи с прошлым. — Вып. 7. — М., 1990. — С. 525–566.
10. **Малинова Г. Л.** Возвращение Оксмана // Вестник. — 1995. — 29 июля.
11. **Богаевская К. П.** Из воспоминаний // Новое литературное обозрение. — 1996. — № 21. — С. 112–129.

12. **Малінова Г.** Оксман Юліан Григорович // Українські архівісти: Біобібліографічний довідник. — Вип. 1 (XIX ст. – 1930-ті рр.). — К., 1999. — С. 259–260.

13. **Малінова Г. Л.** Возвращение Юлия Оксмана // З-під покрова таємниці... — Одеса, 2002. — С. 40–59.

14. **Зубарев Д. И.** Оксман Ю. Г. // Писатели-диссиденты: Биобиблиографические статьи / http://www.hrono.ru/biograf/bio_o/oksman.html

15. **Герасимова Л. Е.** Оксман Ю. Г. // Саратовский государственный университет / <http://www.sgu.ru/node/30668>

16. Оксман Ю. Г. // Электронная еврейская энциклопедия / <http://www.eleven.co.il/article/13059>

17. **Левченко В. В.** Оксман Юліан Григорович // Одеські історики. Енциклопедичне видання. Том 1 (початок XIX – середина XX ст.). — Одеса, 2009. — С. 271–275.

18. Див.: **Левченко В. В.** Тричі засуджений Еммануїл Оксман (1899–1961): до 110-річчя від дня народження // Південний Захід. Одесика. — Вип. 7. — Одеса, 2009. — С. 242–257.

19. **Хмарський В. М.** З історії розвитку археографії на Півдні України: Аполлон Скальковський // Записки історичного факультету. — Вип. 6. — Одеса, 1998. — С. 6.

20. **Заруба В. М.** Михайло Слабченко в епістолярній та мемуарній спадщині (1882–1952). — Дніпропетровськ, 2004. — С. 332.

21. Державний архів Одеської області (далі — ДАОО). — Ф. Р-1593. — Оп. 1. — Спр. 235. — 11 арк.

22. Історія Одеси / Гол. ред. В. Н. Станко. — Одеса, 2002. — 560 с.

23. **Левченко В. В.** Одеський інститут народної освіти (1920–1930 рр.): позитивний досвід невдалого експерименту. — Одеса, 2010. — 428 с.

24. **Оксман О. Э.** Семейные хроники: Воспоминания. — Одесса, 2008. — С. 43.

25. Збірник декретів, постанов, наказів та розпоряджень по НКО УСРР. — Вип. 1. — Харків, 1920. — С. 10–11.

26. ДАОО. — Ф. Р-5432. — Оп. 1. — Спр. 5. — Арк. 280.

27. **Білоусова Л.** Видатний архівіст України // Юг. — 1998. — 23 декабря.

28. **Малінова Г. Л., Білоусова Л. Г., Харковенко В. В.** Хроніка подій з історії Державного архіву Одеської області (За даними ДАОО) // Архіви Одещини. 1920–2005. — Одеса, 2005. — С. 114–125.

29. ДАОО. — Ф. Р-100. — Оп. 1. — Спр. 11. — 37 арк.

30. ДАОО. — Ф. Р-100. — Оп. 1. — Спр. 33. — Арк. 3.

31. ДАОО. — Ф. Р-849. — Оп. 3. — Спр. 5. — Арк. 6 зв.

32. **Ізбаш-Гоцкан Т. О.** Одеський і Санкт-Петербурзький археологічні інститути: порівняльна характеристика // Записки історичного факультету. — Вип. 19. — Одеса, 2008. — С. 367.

33. **Дложевский С.** Организация Археологического института в Одессе: Историческая справка // Народное просвещение. — 1921. — № 2–5. — С. 57–58.

34. **Боровой С.** Воспоминания. – М.-Иерусалим, 1993. – С. 95.
35. ДАОО. — Ф. 2. — Оп. 1. — Спр. 7. — Арк. 134–136.

*Тамара Перцева
(Иркутск)*

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ СЕРИЯ «ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА» В ИРКУТСКЕ

Серия «Полярная звезда» является продолжающимся изданием документального наследия декабристов. Оно включает в себя научные, литературные и публицистические произведения, мемуары, дневники и письма, составляющие уникальную источниковую базу для изучения и теории русского общественного движения, и различных аспектов истории Сибири. Задуманная как необходимый инструмент для исследований профессиональных историков, она очень скоро превратилась в издание, нужное всем, кому небезразлична судьба Отечества во всей ее полноте – с прошлым, настоящим и будущим.

На страницах ее томов читатель встречается с людьми очень разными, людьми живыми, со своими взглядами, пристрастиями, ошибками, заблуждениями, но с искренней верой в право своей страны на лучшее будущее. Сложившаяся традиция восприятия истории общественной мысли и культурной жизни России XIX в. утвердила в сознании многих поколений русского народа взгляд на декабриста как на некий нравственный образец. И то обстоятельство, что на протяжении многих лет это оставалось неизменным (акцентирование одних сторон и замалчивание других в разные периоды в целом на данное явление существенно не влияли) подтверждает правильность этой традиции. Декабристы, в той или иной степени, были и остаются нужными буквально всем: и консерваторам, и либералам, и радикалам. От них не захотели (или не смогли) отмахнуться ни при каких режимах в России, а представители различных политических течений продолжают либо апеллировать к их взглядам, делам и примеру, либо полемизировать с ними. Феномен декабристов стал неотъемлемой частью общекультурной истории России, причем частью живой, продолжающей оказывать весьма заметное влияние на русское общество. Поверить или не верить им, признать их подвиг или отвергнуть его – это уже наше право. Но как бы мы сегодня не относились к декабристам, одно несомненно: это были люди, сами выбравшие свой путь, люди, которые никогда не были бессловесными пешками в политической игре ни современной им России, ни в России, современной нам.

Инициаторами этого издания были известный московский исследователь Н. Я. Эйдельман, иркутский историк С. Ф. Коваль, писатель М. Д. Сергеев и директор Восточно-Сибирского книжного издательства Ю. И. Бурькин, входившие в состав редколлегии «Полярной звезды» до своей смерти. Идея, впервые высказанная во время проводившейся в 1975 г. в Иркутске Всесоюзной конференции «Декабристы и русская культура», была поддержана в Институте истории АН СССР, в обосновании необходимости подобного издания приняла участие академик М. В. Нечкина. В феврале 1978 г. новое издание было утверждено на коллегии Госкомиздата.

Серия изначально была задумана как Всесоюзное издание, поэтому в состав редколлегии входили москвичи, ленинградцы (ныне петербуржцы), иркутяне. В разные годы ее возглавляли академик М. В. Нечкина, академик И. Д. Ковальченко, профессор МГУ, академик РАЕН В. А. Федоров, профессор МГУ, директор ГАРФ С. В. Мироненко. Бессменным заместителем главного редактора до его кончины был доцент ИГУ С. Ф. Коваль, ответственным секретарем – иркутский писатель М. Д. Сергеев.

К подготовке томов были привлечены ведущие декабристоведы страны: М. В. Нечкина, С. В. Житомирская, Ю. И. Герасимова, В. А. Федоров, С. В. Мироненко, Н. Я. Эйдельман (Москва), А. А. Брегман, Е. П. Федосеева, В. П. Павлова, Г. А. Невелев, (С.-Петербург), Н. П. Матханова (Новосибирск), И. В. Порох (Саратов), О. С. Тальская (Барнаул), С. Ф. Коваль, В. П. Шахеров (Иркутск). Было опубликовано наследие как руководителей и идеологов Северного и Южного обществ С. П. Трубецкого, И. Д. Якушкина, А. Н. Муравьева, Н. М. Муравьева, М. А. Фонвизина, В. Ф. Раевского, С. Г. Волконского, М. С. Лунина, Г. С. Батенькова, так и рядовых участников движения А. Е. Розена, М. А. Назимова, П. А. Муханова, В. И. Штейнгейля, А. Ф. Бригена, Н. И. Лорера, Н. В. Басаргина, А. В. Поджио.

Все тома серии носят научный характер. Публикуемые материалы сопровождаются вступительными статьями, научным комментарием и указателями. Публикуемые тексты, независимо от наличия прежних изданий, печатаются по архивным источникам. Характер вступительной статьи определяется, прежде всего, личностью декабриста, которому посвящен том – степенью изученности в науке его жизни и творчества, особенностями его наследия и состава тома. Характер комментария определяется составителями. Разумеется, ограниченный объем томов требует точных, четких и кратких примечаний и исключает возможность превращения их в обширные исследовательские этюды, однако,

авторы сумели разъяснить неясные места документов, уточнить неверно освещенные факты, объяснить взаимоотношения автора с упоминаемыми в документе лицами и т. п. Все это превращает их работу в серьезные конкретно-исторические и источниковедческие исследования.

До 1993 г. двадцать томов серии «Полярная звезда» выходили ежегодно, и даже банкротство Восточно-Сибирского книжного издательства, чью роль в учреждении издания именно в Иркутске трудно переоценить, не сказалось пагубным образом на ее судьбе, если не считать четырех лет (1994–1998), в которые не было издано ни одного тома. Трудные девяностые, когда рушились многие и материальные, и духовные, казавшиеся прежде несокрушимыми, ценности, безусловно, стали временем испытаний и для нашей серии. Естественные в таких условиях сомнения в возможности ее продолжения не разделяли, пожалуй, лишь три человека – бессменный заместитель главного редактора, старейший иркутский декабриствед С. Ф. Коваль, ответственный секретарь, известный писатель М. Д. Сергеев и директор Иркутского музея декабристов Е. А. Ячменёв, после ухода из жизни Марка Давыдовича унаследовавший его многохлопотные обязанности. Именно их стараниями в 1999 г. появился на свет 21-й том, посвященный А. М. Муравьеву.

И это стало началом возрождения и нового этапа в существовании заслужившего высокий авторитет в научных и общественных кругах не только Восточной Сибири, но и всей страны издания. Благодаря усилиям С. Ф. Ковалья и Е. А. Ячменёва удалось сохранить основной состав редколлегии и обеспечить преемственность основных принципов ее работы после ухода С. В. Житомирской, В. А. Федорова и самих инициаторов этого трудного дела. Сохранился состав авторов-составителей и привлечены молодые исследователи, готовящие в настоящее время к публикации наследие А. Е. Розена (Г. А. Невелев), М. И. Пуцина (П. В. Ильин), Г. С. Батенькова (В. Д. Юшковский), И. Д. Якушкина (Е. Н. Туманик), П. Н. Свистунова (Е. Э. Лямина) и др. По-прежнему продолжают свою редакторскую, корректорскую, оформительскую работу те, благодаря кому книги серии не только соответствуют высокому научному уровню, но и отвечают требованиям издательской культуры – А. В. Глюк, А. С. Лысенко, А. В. Пономарева, А. И. Аносов. Вышедшие в последние годы семь томов убедительно свидетельствуют о сохранении заложенных еще в 70-х гг. прошлого века традиций.

Издательская деятельность Иркутского музея декабристов не ограничивается только изданием серии «Полярная звезда». В 2009 г. было возобновлено издание сборника «Сибирь и декабристы», начатое также после 150-летнего юбилея со дня восстания декабристов. Главным его назначением было предоставление для исследователей возможности высказаться по вопросам сибирского декабристоведения независимо от их возраста и научного статуса. Это были и обширные статьи по серьезным научным проблемам (источниковедение, историография, эволюция взглядов декабристов), и исследования по отдельным аспектам (процесс над И. И. Сухиновым, археологические и геологические изыскания Н. А. Бестужева, педагогические идеи и практика декабристов в Сибири и др.), и конкретные, отчасти даже краеведческие, материалы (судьба иконы из дома П. Ф. Громницкого, историко-мемориальная реконструкция Иркутска времен декабристов, декабристские материалы в архивах Якутии, Омской области). Шестой выпуск вновь объединил историков из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Томска, Красноярска и Иркутска. Готовится к изданию следующий выпуск.

В издательстве Иркутского музея декабристов вышли:

Муравьев А. М. Записки и письма / Издание подготовлено Г. Г. Лисицыной, Э. Н. Филипповой. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1999. – 416 с., ил.

Александр Михайлович Муравьев – представитель младшего поколения декабристов. Деятельность его в тайном обществе не была ведущей, но она – одна из страниц декабристского движения, а судьба его столь же драматична, как и судьба главных участников событий. В томе впервые публикуются в комплексе записки («Мой журнал»), единственное сочинение декабриста, и его письма, которые, за исключением нескольких, не были известны читателям.

Муравьев Н. М. Сочинения и письма. Т. 1. Письма / Издание подготовлено Э. А. Павлюченко. – Иркутск: Мемориальный музей декабристов, 2000. – 432 с., ил.

Эпистолярное наследие Никиты Михайловича Муравьева, одного из лидеров декабристского движения уникально и не имеет аналогов в истории декабризма. В настоящем томе публикуются все письма, написанные декабристом до заключения в Петропавловскую крепость и небольшая часть его крепостных писем. Подавляющее большинство писем публикуется впервые.

Свиштунов П. Н. Сочинения и письма. Т. 1. Сочинения. Письма (1825–1840) / Издание подготовлено В. А. Федоровым. – Иркутск: Мемориальный музей декабристов, 2002. – 416 с., ил.

Петр Николаевич Свиштунов – активный участник декабристского движения, принадлежал к младшему поколению декабристов. Он прожил долгую жизнь и оставил после себя богатое литературно-публицистическое и эпистолярное наследие. В первый том включены статьи, речи, записки мемуарного характера, письма 1825–1840-х годов. Публикуются также статьи Свиштунова по декабристской теме, в которых он боролся с искажениями при освещении в печати деятельности тайных обществ и биографий декабристов. Большинство писем публикуются впервые.

Бестужев Н. А. Сочинения и письма / Издание подготовлено С. Ф. Ковалем. – Иркутск: Мемориальный музей декабристов, 2003. – 752 с., ил.

Творческое наследие старшего из четырех братьев Бестужевых, отличившихся энергичным участием в восстании 14 декабря 1825 г. в Петербурге, Николай Александрович поражает своей многогранностью. В нем отражена вся сущность личности Н. А. Бестужева, образованного офицера-моряка, талантливого изобретателя, историка российского флота, незаурядного экономиста, этнографа и писателя, наконец, художника, создавшего портретную галерею декабристов в условиях сибирской ссылки. Представленные в этом томе его уникальные воспоминания о К.Ф.Рылееве и дне 14 декабря 1825 г., экономический трактат «О свободе торговли...», очерки по этнографии, хозяйству и быту бурят входят в золотой фонд источниковедения истории России XIX в.

Давыдов В. Л. Сочинения и письма / Издание подготовлено Т. С. Комаровой. – Иркутск: Мемориальный музей декабристов, 2004. – 512 с., ил.

Декабрист Василий Львович Давыдов – один из руководителей Южного общества, республиканец, друг П. И. Пестеля и А. С. Пушкина, должен занять свое место в истории как один из активнейших членов тайного общества. Природой щедро одаренный человек, он не сумел раскрыться вполне по причинам, от него не зависящим, но достойно держался все годы каторги и ссылки. В том включено эпистолярное и литературное наследие декабриста, публикуемое, за небольшими исключениями, впервые. Обширная семейная переписка – педагогический образчик того, как разлученный на многие годы со своими европейскими детьми отец сумел воспитать в этих детях уважение к родителям и преклонение перед ними.

Бобрищев-Пушкин П. С. Сочинения и письма / Издание подготовлено В. С. Колесниковой. – Иркутск: Мемориальный музей декабристов, 2007. – 512 с., ил.

Павел Сергеевич Бобрищев-Пушкин – представитель младшего поколения членов Южного общества декабристов. Окончательное

политическое и нравственное становление его личности пришлось на сибирский период. В том включено эпистолярное наследие, позволяющее судить об условиях поселенческой жизни, красноярской и тобольской декабристских колоний, о духовной жизни декабриста, его религиозных взглядах. Подавляющее большинство писем публикуется впервые. В том вошли также басни декабриста и воспоминания о нем.

Муравьев А. З. Письма / Издание подготовлено Т. Г. Любарской. – Иркутск: Мемориальный музей декабристов, 2010. – 528 с., ил

Артамон Захарович Муравьев – участник Отечественной войны 1812 г., видный деятель тайных обществ 1820-х гг. Был активным участником наиболее значимых событий в декабристском движении – Московского заговора 1817 г., обсуждений Белоцерковского плана открытого выступления осенью 1825 г., событий декабря 1825 г. на юге, связанных с восстанием Черниговского полка. Публикуемые в томе письма охватывают период с 1812 по 1846 г., написаны в основном в Петропавловской крепости и в Сибири. Большая часть писем публикуется впервые.

Сибирь и декабристы. Вып. 6. – Иркутск: Мемориальный музей декабристов, 2009. – 344 с., ил.

Шестой выпуск сборника посвящен памяти иркутского историка С. Ф. Коваля (1923–2005). В первом разделе предпринята попытка рассмотреть его вклад в развитие сибирского декабристоведения, и публикуются некоторые из его работ, печатавшихся в изданиях, труднодоступных широким кругам читателей. Основную часть публикаций сборника составляют материалы всероссийской конференции, прошедшей в Иркутске в сентябре 2006 г. Авторы статей и сообщений представляют широкий спектр проблем современного декабристоведения – от нового, освобожденного от догматизма взгляда на восстание 14 декабря 1825 г. до рассмотрения амнистии 1856 г. не только как правового и политического, но и как нравственного события. В сборнике публикуется также последняя статья Е. А. Ячменёва о мемориальной коллекции Иркутского музея декабристов.

Караш Н. Ф. Князь Сергей Волконский: История жизни декабриста. – Иркутск: Мемориальный музей декабристов, 2006. – 364 с., ил.

Книга посвящена жизненному пути одного из участников декабристского движения Сергея Григорьевича Волконского.

Представитель старинной аристократической семьи, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг., генерал-майор в 24 года, он не пошел по обычному по обычному в его положении пути наверх и без малейшего колебания окунулся в деятельность возникшего в этот период тайного общества. Итог: 30-летняя сибирская каторга и ссылка вместо блестящей карьеры.

*Тамара Перцева
(Иркутск)*

ПРОБЛЕМА «ДЕКАБРИСТЫ И РЕЛИГИЯ» В РУССКОЙ И СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Тема движения декабристов является предметом исследования ученых уже более ста лет. За это время были рассмотрены многие важные аспекты, разрешены как отдельные вопросы, так и целые комплексы проблем. Однако говорить об исчерпанности ее было бы преждевременно.

Среди проблем, ждущих еще своего решения, стоит и вопрос о месте и роли религии в мировоззрении и деятельности первых русских революционеров. Обращение к ней в настоящее время объясняется несколькими причинами. Первая из них в том, что эта, искусственно созданная и долгое время охраняемая, лагуна в наших знаниях о декабристах не позволяет судить о системе их взглядов в целом: ведь ни для кого не секрет, что религиозные убеждения (или отсутствие таковых) составляют весьма существенную часть мировоззрения, во всяком случае, для человека XIX века. Определить же, что представляют собой идеи, цели, средства, лежащие в основе действий тех, с кого начинается освободительное движение в России и, значит, в какой-то мере ответственных за то, что с нами происходит сегодня, действительно необходимо.

Немалое значение имеет то обстоятельство, что ставшие уже привычными интерес и уважение к памяти дворянских революционеров принимают в последнее время несколько иной характер. Несмотря на повальное переосмысление вчерашних ценностей, большинство по-прежнему видит в них (и справедливо) высокий нравственный образец. А поскольку в их времена понятия нравственности, морали «связывались обычно с религией, не мыслилось, что может существовать какая-то иная мораль вне религии» [1], то некоторые начинают искать вневременной, общечеловеческий идеал (как им хочется думать, вслед за декабристами) в христианской православной церкви, забывая при этом или просто не зная, что взгляды последних на этот вопрос не оставались неизменными и существенно отличались от христианства официального, ортодоксального.

Отношение декабристов к религии не было однозначным. Среди них были и атеисты и деисты, и искренне верующие (православные, лютеране, католики). Одни были убеждены в том,

что без религии невозможно никакое справедливое переустройство; другие, напротив, считали ее одним из предрассудков средневековья, ненужных в современном им мире; третьи, не испытывая внутренней потребности в вере, в то же время не видели необходимости в крутой ломке сложившихся традиций в этом вопросе. Отношение многих из них к богу, религии, церкви менялось в зависимости от жизненных обстоятельств. Так, поражение восстания, арест, следствие, суд повлекли за собой возврат многих, прежде равнодушных к делам веры, к христианству, причем, не обязательно прежней конфессии.

Думается, стремление (пусть даже несознательное) подменить сложные поиски путей общественного переустройства в соответствии с сознательно избранными нравственными образцами простым исполнением обрядов и безоговорочным признанием общепринятых православных догматов во многом упрощает и даже искажает реальную картину случившихся некогда событий. Между тем, для декабристов взаимосвязанность проблем морали и задач политики казалась несомненной. Более того, они сознавали, что пути и методы коренного переустройства российской действительности, к которому они стремились, вели к созданию новых моральных норм, к корректировке и совершенствованию нравственных идеалов. Так, еще в Уставе Союза благоденствия было записано, что главной целью является «из общего народного мнения создать истинное нравственное судилище, которое благодетельным своим влиянием довершило бы образование добрых нравов, и тем положило прочную непоколебимую основу благоденствия и доблести российского народа» [2].

При этом следует отметить, что религиозность, идеалистическое мировоззрение далеко не всегда, во всяком случае применительно к дворянским революционерам, являются синонимами политической умеренности (например, К. Ф. Рылеев, С. И. Муравьев-Апостол), а приверженность материалистическим учениям не обязательно порождала радикализм (И. Д. Якушкин). Разумеется, нельзя отрицать известной зависимости политических взглядов от философского (или теологического) понимания мира и общества, но, думается, связь эта не столь очевидна, пряма и непосредственна, как это иногда представляют. Менее чем в какой-либо другой области, здесь можно провести четкие разграничения, классифицировать и закрепить за каждым конкретное и окончательное определение, что так долго вменялось едва ли не в обязанности историка. Это обстоятельство, безусловно, оказало влияние на скромные результаты в истории изучения столь важной проблемы, однако, главное объяснение

этому кроется все же в отношении власти и общества к религии и церкви. И неважно, что в дореволюционной России они были обязательной составной государственной структуры, а в советское время полностью отрицались. Результат был одинаков: невозможность объективного исследования этой весьма существенной части декабристского мировоззрения. Способствовало этому и то, что данный аспект старательно обходился родоначальниками всех направлений декабристоведения.

Представители так называемой охранительной концепции (М. А. Корф, Н. К. Шильдер и др.), прекрасно осведомленные о религиозности многих декабристов, не могли позволить себе акцентировать на этом внимание, поскольку это разрушало образ злодеев. И главным аргументом для очернения памяти декабристов было покушение на цареубийство. В обильно цитируемых Шильдером речах и документах, подписанных Николаем I, подчеркивается, что в первую очередь «шайка злоумышленников», «скопище гнусных убийц» «дерзнула противостоять общей присяге, закону, власти, военному порядку и убеждениям», а стараниями верных войск был «заслонен престол, спасена святыня православной веры». Стараясь быть объективным, автор признавал, что «первоначальное движение было, несомненно, чисто и бескорыстно», но все дело в целом, по его глубокому убеждению, было «ошибочным или следствием заблуждения <...> и преступных увлечений отдельных лиц» [3]. В результате декабристы представляли перед читателями, если не закоренелыми преступниками, то глупыми мальчишками, не имеющими ни политических, ни нравственных убеждений.

Для представителей революционного крыла декабристской историографии, прежде всего А. И. Герцена, напротив, главным было показать героизм декабристов, дать новым поколениям борцов с самодержавием достойный пример для подражания, поскольку «подобный пример всего необходимее там, где человек не привык осуществлять свою волю, выступать открыто, полагаться на себя и чувствовать свои силы» [4]. Поэтому Герцен и его последователи сосредоточились на политической стороне декабристского дела, не придавая большого значения другим сторонам взглядов «первенцев свободы». В опубликованной в 1869 г. брошюре «В память людям 14 Декабря 1825» Н. П. Огарев, высоко оценивая деятельность К. Ф. Рылеева и его товарищей, правда, заметил: «Если мы что одно имеем сказать против личности Рылеева – это то, что он увлекся общим тому времени мистицизмом, особенно во время тюремного

заклучения <...> Надо здесь заметить, что тогда почти все увлекались мистицизмом. Перед казнью все причащались, кроме Пестеля, который остался верен своему здравому смыслу. Официальные донесения и даже неофициальные воспоминания стараются уверить, что это потому, что Пестель был лютеранин; мы убеждены, что это потому, что Пестель был сильный человек» [5]. Обращает на себя внимание определенная полемическая заданность автора: он, словно бы, осознает, что вера в высшие силы, следование этой силе умаляют гражданскую значимость содеянного декабристами и спешит указать на распространенность этого явления, с одной стороны, а с другой, - подчеркнуть, что не все были подвержены этой слабости. Более основательные размышления на эту тему находим в отрывке из его автобиографических записок «Кавказские воды»: «Общество 14 Декабря строилось под двойным влиянием: революции и XVIII столетия, с одной стороны, и, с другой стороны, – революционно-мистического романтизма <...> Дело в том, что для политической борьбы, для гражданского переворота, не только тогда, но и теперь, но еще надолго, теоретический вопрос религиозных или философских убеждений останется вне вопроса и мирно допустит сойтись вместе, в деле гражданского преобразования, ультрамонтана и атеиста и стать заодно в движении, с которым оба согласны; да и смешно было бы в основание гражданского союза не поставить свободы совести» [6]. Следует заметить, что в беглых заметках Огарева встречается много здравых мыслей (о природе единства тайных обществ 1820-х гг. при различии взглядов отдельных его членов, близости религиозных взглядов значительного числа верующих декабристов принципам «первоначального христианства», их антиклерикализме), которые до сих пор проанализированы историками лишь отчасти.

Серьезных научных исследований, посвященных непосредственно данной теме, пока не существует, хотя в разное время увидели свет несколько работ, в той или иной мере ее касающихся. Впрочем, ни в одной из них не ставилось задачи рассмотреть природу религиозных взглядов декабристов; отношение их к ортодоксальному христианству и появившимся в то время новым учениям; влияние религии на их мировосприятие, осознание собственного места в этом мире и поиски своего призвания, а, следовательно, в конечном счете, и на политические позиции дворянских революционеров.

Первыми обратились к этой проблеме представители церкви. В 1899 г. в журнале «Вера и разум» вышла статья известного в свое

время харьковского богослова Т. Буткевича «Религиозные убеждения декабристов». Светские исследователи не обратили на нее внимания, с рецензиями в то время выступили только религиозные историки [7]. Думается, появление исторических изысканий представителя православной церкви именно в то время не было случайным. Известно, что в конце XIX – начале XX вв. назревал очередной общественный кризис, обусловивший повышение интереса к истории оппозиции, борьбы со старым, отжившим, мешающим свободному развитию страны. Общественное настроение этого времени во многом способствовало окончательному закреплению своеобразного «декабристского мифа», о котором так много говорят в последнее время. В основу его легли патриотизм, бескорыстие, оппозиционность несправедливой власти, жертвенность и следование нравственному идеалу (или хотя бы рефлексия по нему), что отвечало ментальности русской интеллигенции. Декабристам, в той или иной мере, были присущи все эти черты, и именно поэтому они становились почти идеальным объектом культа. Не случайно интерес к их судьбам проявляли не только так называемые писатели-демократы, известные своей гражданской позицией (Н. А. Некрасов, М. И. Михайлов), но и писатели, склонные исследовать не столько общественные вопросы, сколько личностно-психологические особенности своих героев (Л. Н. Толстой, Д. С. Мережковский). Декабристская тема становится популярной. К ней обращаются теперь не только представители официальной продворянской науки, осуждающие первых революционеров (М. А. Корф, Н. К. Шильдер, Н. Дубровин) и сами революционеры, славящие своих предшественников (А. И. Герцен, М. Л. Михайлов), но и ученые, стоящие на иных позициях (А. Н. Пыпин, В. И. Семеvский, П. Н. Милюков, Н. П. Павлов-Сильванский). Следует, правда, отметить, что все они, хотя и по разным причинам, прошли мимо интересующего нас вопроса. Даже П. Н. Милюков, уделявший большое внимание взаимоотношениям церкви и общества в своих «Очерках по истории русской культуры», только намекнул на эту проблему, рассуждая о роли романтизма и его влияния на «светское благовосвание» [8].

Одновременно, как всегда бывает в период обострения противоречий, в конце XIX – начале XX в. в обществе усилился интерес к религиозным проблемам. Однако интерес этот носил далеко не мирный благостный характер. Ревностная защита церковью старых устоев, нежелание ее признавать новые веяния вели к ослаблению ее влияния в обществе, к критике и ее практической деятельности, и богословских догматов. Даже в самой

церкви появляются «ревнители церковного обновления». Так, профессор Петербургской духовной академии, архимандрит Михаил заявлял: «Разрушь злую заповедь терпения, потому что эта антихристова заповедь есть дважды душегубство: по отношению к тем, кто слишком терпелив, потому что их души сгибаются вместе с согнутыми шеями, и по отношению к тем, чье зло терпят. Их заставляют быть убийцами и хищниками» [9]. Подобные покушения на основы православного мировосприятия были крайне опасны как для самой церкви, так и для самодержавия, союзником и защитником которого она выступала на протяжении нескольких веков. Естественно, официальная церковь должна была защищаться, и наиболее умные ее представители предприняли попытку найти авторитетных для общества защитников среди деятелей прошлого. Декабристы, представившие широкий спектр взглядов, были для этой цели наиболее удобны.

Не отступая от общепринятой в то время концепции движения декабристов, Буткевич представил их дело преступной ошибкой отступившей от бога, обманутой молодежи: «Они жили атеистическими идеями Франции; легкомысленно относились к христианству; религию считали делом невежества и умственной косности; а православную церковь, которая будто бы освящала крепостничество, они просто ненавидели, – и борьбу с нею, до совершенного уничтожения ее даже ставили своей целью наравне с борьбой противоправительственной» [10]. В целом правильно отмечая некоторые черты, присущие воззрениям отдельных декабристов до 1825 г. (например, А. Барятинского), он распространял их на всех, намекая при этом на абсолютную их несостоятельность, но не разъясняя, в чем конкретно заключалось заблуждение. Объясняется это, видимо, тем, что, с точки зрения автора, православная церковь не нуждается ни в каких оправданиях, тем более что оправдать поддержку ею самодержавия и крепостничества было бы весьма затруднительно. Именно поэтому все рассуждения об осознании декабристами своей ошибки сводятся к туманно-назидательному описанию «той пропасти, до которой они дошли».

Возвращение к религии, по мнению автора, привело их к раскаянию и отречению от прежних идеалов. Но и здесь он не уточняет, от чего же именно в своем прошлом они отказались. У читателя, незнакомого со взглядами ссыльных декабристов (а публикаций такого рода тогда было еще не много), складывалось впечатление, что они разочаровались не в средствах достижения поставленных целей, а в самих целях своей борьбы, и утешение

находили только «в религии и молитве». Характерно, что решающее значение в возвращении «блудных детей» в лоно православной церкви, как с удовлетворением признавал духовный пастырь, принадлежит тяжелым условиям заключения и ссылки, «мрачная темница», по его образному выражению, стала «источником духовного света» [11]. Если учесть, что церковь приняла участие в осуждении декабристов и, значит, в водворении их в эти «мрачные темницы», то радость по поводу их «прозрения» выглядит явным фарисейством. Рассуждения Буткевича поразительно напоминают увещевания «детям и друзьям своим» протоиерея П. Н. Мысловского еще в 1828 г.: «Опустимте скорее завесу на время, для Вас минувшее, и от которого осталось Вам одно только горестное воспоминание. <...> Не будем озираться вспять, дабы оживлять в памяти разнообразия тех благ и красных мира сего, ими же упитано было сердце Ваше, как бы ко не заколения. Вот что остается для Вас и в настоящем, и в будущем: милосердие Преблагого и вопль сердца Вашего к нему: грехи юности наша не помяни Всещедрый Владыко! <...> Вообще должно смотреть на Вас не по тому, что Вы были прежде, а по тому, что Вы теперь» [12].

При этом отбор примеров для доказательства своей правоты производился Буткевичем крайне односторонне, выбирались люди определенного психологического склада – эмоциональные, с ярко выраженным образным мышлением, поэты (К. Ф. Рылеев, А. И. Одоевский, В. К. Кюхельбекер). О тех же, кто не вписывался в эту схему (И. Д. Якушкин, М. С. Лунин) автор не упоминал вовсе. В результате создавалось впечатление, что все декабристы в этом вопросе мыслили и действовали совершенно одинаково.

Впрочем, эти вновь обретенные религиозные взгляды какому-либо анализу также не подвергались, вероятно, потому, что многое в них было отнюдь не так просто. Для Буткевича и его рецензентов гораздо важнее казалось доказать, что декабристы до восстания и после – абсолютно разные люди, и уважение, которым они пользовались после возвращения из сибирской ссылки, могло и должно было относиться не к ниспровергателям основ российских порядков, а к этим новым религиозным, а потому и высоко нравственным людям. Но в то время идейная направленность этих рассуждений не была понята.

Опубликованная в 1904 г. небольшая заметка К. Харламповича о взаимоотношениях алтайского миссионера Макария Глухарева с тобольскими декабристами, как и появившаяся ранее статья А. Сулоцкого о друге ялutorовских поселенцев протоиерее С. Я. Знаменском [13], ни в коей мере не опровергали

концепции Буткевича. В них констатировались доброжелательные отношения некоторых священнослужителей и декабристов, равно заинтересованных в просвещении народа, в том числе и в религиозно-нравственном просвещении. Приведенная же в самом начале статьи Харламповича цитата из письма митрополита Филарета о том, что у людей, которые «почли себя способными перестроить целый мир, скоро ли может выйти вон вся сия огромная дурь без остатка» и уверявшего адресата, что «дух покаяния требует, чтобы они признались не в ошибке и заблуждении <...>, а в безумии и преступлении» [14], в полной мере соответствовала задаче, определенной харьковским богословом.

Попытка критического анализа сочинения Буткевича была сделана только советским историком Б. Карташевым в 1960 г. [15]. Однако, верно вскрыв тенденциозную направленность, обдуманную заданность выводов и субъективный подход в отборе фактов церковника, он не стал исследовать собственно религиозные взгляды декабристов. Все способности своего полемического дара автор направил на то, чтобы в противовес предшественнику показать, что среди декабристов были несгибаемые атеисты, а возврат к религии, вызванный тяжестью заключения и временной слабостью, не для всех был окончательным. К сожалению, здесь он пошел по пути, схожему с Буткевичем, хотя ставил перед собой иные задачи. Он также предвзято выбирал примеры: один – верующих, другой – атеистов. А обвинение священника в том, что тот упростил происходившее с декабристами, когда объявил их атеизм до восстания простым легкомыслием, вместо того, чтобы проанализировать его, может быть обращено в какой-то мере и к нему самому. Например, доказательство враждебности Н. А. Крюкова, А. П. Барятинского и других к церкви автор сводит лишь к перечислению их критических высказываний, а не к анализу корней этого отношения.

Сказанное о статье Карташева в полной мере может быть отнесено и к другим работам, опубликованным в 20-60-е гг. [16]. Сложившееся к этому времени представление о декабристах как родоначальниках русского революционного движения, приведшего к Октябрьской революции 1917 г., требовало отыскать в их мировоззрении, хотя бы отдельные черты правильного, материалистического видения мира. И некоторые историки ревностно занялись поисками декабристов-атеистов. Их работы отличает использование сравнительно узкого круга источников, поверхностный, не критический анализ, стремление к четкому разграничению декабристов в рамках обществ, политических

взглядов, религиозных представлений. Совершенно прямолинейно это продемонстрировано, например, в статье И. Розанова об А. П. Барятинском: «Из трех тайных обществ, объединенных под названием «декабристы», «Северное», как известно, было по составу своему самым аристократическим, соответственно этому по своей политической программе самым умеренным. <...> Еще до катастрофы 14 декабря большинство северян были людьми религиозными, арест и ссылка эту религиозность еще усилили. В этом отношении, как и во всех других, Южное общество было гораздо решительнее» [17]. При этом автора совершенно не смущает, что «решительный» южанин С. Муравьев-Апостол был глубоко верующим человеком, а действительно религиозные северяне Рылеев и Оболенский не только «стояли за республику», но, как и Муравьев, не уклонились от реальных действий. Еще более классово выдержанными были рассуждения Н. Трояна, связавшего принадлежность к обществу со степенью религиозности: северян – с официальным православием, южан – с деизмом, а славян – с атеизмом [18]. Аргументируется все это степенью близости или отдаленности членов того или иного общества от народа. При этом авторы явно забывают, что в XIX в. как раз в народных массах сложившиеся религиозные традиции были еще весьма прочными. При всем сложном, порой даже утилитарном подходе русского крестьянства к религии и церкви, нельзя не согласиться с А. И. Герценом, отмечавшем, что «доселе с народом» можно говорить «только через священное писание», ибо он «слишком задавлен, слишком несчастен, чтоб не быть суеверным» [19]. Здесь, несомненно, сказалось влияние концепции М. Н. Покровского, впервые изложенной в лекциях 1922–1923 гг. [20].

Любопытно, что и для первого, и для второго этапов изучения данной проблемы характерны общие приемы и методы исследований. Наверное, не все авторы были намеренно тенденциозны, но, тем не менее, на первом месте всегда стояли четко сформулированные задачи и заранее известные выводы. Таким образом, и дореволюционные церковные, и советские историки, преследуя, казалось бы, совершенно противоположные цели, действовали совершенно одинаково: не исследуя проблему, а доказывая правильность своей точки зрения, сложившейся (или подсказанной их положением) а priori. И теми, и другими применялся строго дозированный отбор примеров, по возможности достаточно хорошо известных широкому кругу читателей и потому легко проверяемых, что должно было повысить степень доверия к

выводам, и распространение этих общих выводов на всех или на значительную и уважаемую в обществе часть декабристов.

Впрочем, среди декабристов было немало таких, которые не вписывались в упомянутые рамки и схемы. Не имея в тех условиях возможности признать положительную роль религии в жизни своих героев, авторы намеренно обходили этот вопрос, отмечая это обстоятельство лишь мимоходом, снисходительно объясняя «классовой ограниченностью» дворянских революционеров. Это относится практически ко всем биографиям, вышедшим в эти годы. Так, например, Н. М. Дружинин, говоря о Н. М. Муравьеве в период написания им «Конституции», ограничился замечанием о том, что тот «по примеру отца проникся религиозными эмоциями и до конца своих дней оставался верен христианской традиции» [21]. Однако это замечание никоим образом не помогает объяснить ни первоначального его радикализма, ни неожиданного (даже для близко его знавших) поправения после 1822 г. Да и «религиозные эмоции» не одолевают человека вдруг и беспричинно. Не объясняет и И. Вороницын несогласованности радикальных политических взглядов М. С. Лунина в сибирский период и его, как вскользь отмечает автор, «глубокой религиозности», приведшей к тому, что «на каторге он вел себя как самый правоверный католик» [22]. Впрочем, биографические работы о М. С. Луине относятся к немногим исключениям, когда религиозная проблематика все же признавалась. Практически все исследователи (С. Я. Штрайх, Б. Г. Кубалов, С. Я. Гессен и М. С. Коган, Г. Чулков) [23] так или иначе затрагивали этот вопрос. Однако главное внимание уделялось не природе веры декабриста, а причинам и времени его перехода в католичество. Это позволяло указать на критическое отношение Лунина к православию и придавало самому переходу оттенок политического протеста.

Своеобразным исключением среди работ 1920-1930-х гг. можно считать размышления С. Н. Чернова о П. И. Пестеле. К сожалению, доклад, прочитанный им в 1925 г. в декабристской секции Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, не встретил одобрения его коллег и не был опубликован до 2004 г. Между тем, будучи воспитанником историко-психологической школы С. Ф. Платонова, он исходил из того, что «историку нужен в итоге кропотливой работы над воссозданием когда-то бывшей действительности не голый логический аппарат и не безжизненный рассуждающий манекен, а живой человек, во всей конкретности его плоти и крови, во всей яркости его настроений и чувств» [24]. И это отношение к своему герою не только как к идеологу революционного

общества, но и как к живому человеку, испытывавшему колебания и сомнения, подвергавшемуся самым разным влияниям, не позволили историку оставить без внимания «рост религиозности Пестеля» в ноябре 1825 г. Имея в своем распоряжении только письма родителей декабриста, отвечавших на вопросы сына и пытавшихся развеять его сомнения в «преимуществах веры», Чернов не мог в полной мере судить о степени его религиозности, но допускал, что в этот период тот «и много читал, и обменивался мнениями, и размышлял по сложным вопросам веры: более того, он желал и искал веры». Характерно, что исследователь связывал эти поиски с «упадком его деятельности в тайном обществе и занятий «Русскою Правдой» [25].

Для исследований этого периода характерно принятие на веру высказываний декабристов и их современников без учета места, времени и причин, которые эти высказывания обусловили. Так П. И. Пестеля Вороницын характеризует как «узкого, фанатичного и по-своему умственно-религиозного человека»; И. Щипанов в одном месте показывает его «материалистом-деистом», в другом – уже идеалистом и все это на основании нескольких цитат: в первом случае – из «Русской правды», а во втором – из переписки с родными во время следствия [26], не учитывая, что «Русская правда» была не личным сочинением, а программным документом целого общества. Желание же, хотя бы временно успокоить мать, бывшую глубоко религиозной, могло заставить декабриста написать то, что могло принести ей какое-то утешение. Это отнюдь не означает, что все, на что обращено внимание в этих работах, абсолютно неверно, и Пестель, например, был сознательным атеистом, но если бы он действительно испытывал «глубокую религиозную потребность», то и тогда следовало бы подбирать более веские аргументы для доказательства этого. И еще более важно было бы проанализировать ее природу и влияние на другие взгляды.

Вообще, в работах этого времени, как правило, в какой-то мере разбору подвергаются взгляды декабристов-материалистов, в крайнем случае, деистов, а в приверженности некоторых к религии с сожалением признается человеческая слабость и дворянская ограниченность. Такая заданность нередко приводила к натяжкам и даже фальсификации, порой, может быть, и ненамеренной: в XX в. верили уже в то, что религия вовсе не синоним морали.

Не может не вызвать удивления, например, заключение Г. Габова, относившего к последовательным атеистам В. И. Штейнгейля [27]. Последний действительно опубликовал в

1819 г. «Опыт о времяисчислении» и написал весьма острое «Рассуждение о законе на богохульников», не понравившиеся министру духовных дел А. Н. Голицыну. Но примеры суеверий народов в древности, критика представителей христианских церквей за враждебное отношение к учению Коперника в XV в. и призыв к высшим иерархам православной церкви быть милосерднее в отношении невежественных, обиженных судьбой и потому ропщущих на нее людей, еще не говорят об атеизме. Пожалуй, до 1825 г. Штейнгейля с полным основанием можно отнести к деистам, стоящим на материалистических позициях в объяснении явлений природы, с которыми «должен согласиться всякий христианин <...> если только разум имеет неповрежденный» и оставшимся идеалистом в отношении между людьми. Позже, в Сибири большее значение для него стал иметь этот аспект, и он считал религию «своеобразной формой сохранения своих нравственных убеждений» [28]. Думается, это не совсем совпадает с ортодоксальным православием, но еще дальше от атеизма.

Впрочем, иногда какие-то интересные наблюдения и предположения делались историками, исследовавшими проблемы, вовсе не связанные непосредственно с вопросами религиозности декабристов. Как правило, они носили схематический, неразвернутый характер и были призваны только подтвердить важные для автора суждения относительно других проблем. Так, анализируя сибирские статьи М. А. Фонвизина, Б. Е. Сыроечковский объяснил интерес декабриста к социалистическим и коммунистическим учениям именно его религиозностью. Указав на то, что Фонвизин не понял и не принял западных буржуазных отношений, разъедаемых «язвою пролетарства», исследователь все же счел, что он, «оставаясь противником социалистической революции, ищет компромиссный выход» и находит его в убеждении, что «человечество придет к коммунизму только в результате морального перерождения, когда и сами «социалистские и коммунистские учения» проникнутся духом христианства» [29]. С одной стороны, это, наряду с другими доводами, стало для автора основанием для вывода о том, что поиски декабриста шли в общем русле исканий русской общественной мысли (все же не окончательное отрицание коммунизма), а с другой, – свидетельством «перехода на позиции либерализма», что было «общим явлением для всех представителей правого крыла декабристов» [30].

Некоторым шагом вперед в разработке этой проблемы можно считать статью Ю. Башнина «Декабристы в борьбе против религии и

церкви» [31]. В ней автор поставил перед собой конкретную задачу и на основе научных и публицистических работ, мемуаров и переписки самих декабристов (Н. И. Тургенева, А. А. Бестужева, А. Д. Улыбышева, В. Ф. Раевского, И. Д. Якушкина) показал причины несогласия их с официальной церковью, понимание ими тесной связи православной церкви и самодержавия. Правда, при этом он не указывал, как они относились к религии как таковой, т. е. были ли они идеалистами, верили ли сами и т.п. В результате при таком одностороннем подходе все они выглядят едва ли не воинствующими атеистами, чего в действительности не было. Проблема снова упрощается, хотя против вывода о том, что «критика церкви, которую вели дворянские революционеры 20-х гг. XIX в., оказала большое влияние на формирование мировоззрения Белинского, Герцена, Чернышевского» [32], возражать, конечно, не приходится.

Столь односторонний подход к проблеме вряд ли можно объяснить только «социальным заказом» или страхом за свою судьбу и судьбы близких людей в случае, если историк «шагал не в ногу». Думается, существенную роль сыграли здесь вера в правильность и незыблемость сложившегося за десятилетия мировосприятия и утрата историчности при изучении истории. Главным критерием стало соответствие факта прошлого нашим сегодняшним представлениям, а не его значимость для конкретной исторической действительности. Разумеется, некоторые ощущали и даже понимали узость определяемых идеологией рамок, их несоответствие многообразию и противоречивости реалиям «дней минувших», но, воспитанные именно в этих рамках, за редким исключением, выбирали для изучения проблемы, где противоречия были не столь существенны и значимы.

Все вышесказанное отнюдь не означает, что эти работы совершенно бесполезны и не имеют никаких положительных моментов. Бесспорно, они отмечены печатью своего времени, вобрав в себя присущие этим периодам нашей истории недомолвки, ошибки и недостатки. Но само обращение к теме, пусть даже в несколько искаженном из-за указанных обстоятельств виде, введение в научный оборот данных об интересе и понимании декабристами важности проблемы веры и неверия, роли церкви в общественной жизни, нравственной подоплеку тех или иных действий и поступков (или наоборот бездействия), без сомнения, сыграли положительную роль, хотя бы как знак предупреждения о ее существовании и необходимости рано или поздно к ней обратиться.

В известном смысле облегчению такого обращения способствовали и понемногу изменявшиеся условия в стране. Разумеется, атеизм оставался основополагающим учением, но позиции православной церкви после Великой Отечественной войны, благодаря активной поддержке ею политики партии и правительства, значительно укрепились. Да и сама церковь не стремилась более к конфронтации с властью: «Не только в вопросах войны и мира, но и в деле построения наиболее справедливого общества наши верующие, наша церковь не имеют мнения другого, чем наши секулярные сограждане – марксисты, которые руководят обществом. Мы не расходимся с ними в понимании основных задач человечества в этой жизни» [33]. Подобная лояльность позволяла более снисходительно относиться к не стопроцентному атеизму непролетарских деятелей домарксистской истории.

150-летний юбилей со дня восстания декабристов несколько оживил интерес к этой проблеме [34]. Правда, обращались к ней чаще философы и специалисты в области научного атеизма. Проблемы религии, ее места в жизни общества и отдельных людей, безусловно, относились к сфере изучения именно этих наук. И именно в них можно было более пристально рассматривать весь путь эволюции русской общественной мысли, в том числе и промежуточные этапы, переходные от идеализма к материализму. И в этом отношении декабристы опять же оказались очень удобными. С одной стороны, они были дворянами с присущими этому сословию, как знаниями передовых идей, так и определенной «ограниченностью». С другой, – декабристское сообщество было многочисленно и являло собой разнообразие мнений, что позволяло, пусть и с оговорками, признавать их своими предшественниками, сохраняя преемственность поколений русского общественного движения и, следовательно, подтверждая правильность общей советской концепции декабристоведения. «Понять сложность философских взглядов декабристов, – писал, например, ленинградский философ В. М. Зверев, – можно, учитывая, что социально-философская мысль их времени в целом не могла подняться выше рационалистической философии истории и механистических аналогий между развитием социальным и биологическим: такого рода построения освобождали общественную мысль от пут провиденциализма, помогали ставить свой общественный долг выше верноподданнических обязанностей государю и его правительству, однако, философское здание не было монолитным, сочетая в себе элементы материализма и идеализма. Для начала освобождения философского мировоззрения от

идеалистических пут необходим был диалектический и исторический материализм, а он появился спустя двадцать лет после поражения восстания декабристов» [35].

Естественно, главное внимание уделялось тем декабристам, кто выступал с критикой церкви и проявлял религиозное вольномыслие. Как материалисты и атеисты квалифицировались И. Д. Якушкин, В. Ф. Раевский, А. П. Барятинский, Н. А. Крюков (до приговора), П. И. Борисов и И. И. Горбачевский. К «колеблющимся» между материализмом и идеализмом или «религиозным скептикам» были отнесены К. Ф. Рылеев, П. И. Пестель, Н. А. Бестужев, С. П. Трубецкой, М. Ф. Орлов и др. Однако и в этих работах, как правило, анализ проводится на основании одного – двух произведений (например, о взглядах Якушкина – на его статье «Что такое жизнь», Борисова – «О возникновении планет» или Орлова – речи в торжественном собрании киевского отделения Библейского общества), крайне редко авторы обращаются к переписке декабристов. А ведь при всем своеобразии этого вида источника, именно в письмах к единомышленникам полнее всего раскрываются внутренние движения души [36].

Отдельно в этом ряду стоят работы А. Ф. Замалеева [37]. В них впервые религия не отождествлялась полностью с церковью, и это позволило в отношении декабристов к религии видеть не только проявление классовой ограниченности, но и соображения социально-политические, пропагандистские, нравственные и т. д. В них обращается внимание на новую, по сравнению с масонами, трактовку учения о внутренней церкви, ориентацию некоторой части декабристов на глубоко укоренившееся в народе язычески-двоеверное, еретическо-раскольничье понимание христианских вероисповедных догматов, на использование религиозной терминологии в качестве условного языка для выражения чисто политических воззрений. Правда, и эти работы не носят еще какого-то обобщающего характера, но в них с новых, более объективных позиций определяются и уточняются задачи дальнейшего изучения, намечаются возможные пути их разрешения.

Последующие изменения в стране привели историков на своеобразное перепутье: стало возможно изучать и обсуждать то, что прежде считалось несущественным, но первые же обращения к такого рода сюжетам нарушили равновесие сложившейся концепции. Одни (и их, как это ни парадоксально, было меньше) бросились на защиту этой концепции, другие стали говорить об ее изначальной ошибочности и необходимости полной переоценки и перестройки. Думается, это неизбежная стадия, характерная для

всех сторон нашей сегодняшней жизни. Когда-то, декабрист Лунин сказал: «История должна <служить> не только для любопытства или умозрений, но путеводить нас в высокой области политики» [38]. В какой-то момент в нашем прошлом историю заставили служить политике. Хотят продолжения этого и теперь. Но сейчас все же сохраняется возможность вернуть ей тот первоначальный смысл и назначение, закрепившиеся в крылатой фразе – *Historia – magistra vita est*. В этих условиях, естественно, все большее значение начинают приобретать нравственные критерии в оценке исторического прошлого. А главные общечеловеческие этические нормы и ценности последние две тысячи лет привыкли связывать с религией, что признавали даже идеологи недавнего прошлого: «для многих сущность религии заключалась в морали», – писал Г. В. Плеханов [39]. Возможность свободно исследовать и эту ипостась декабризма, безусловно, не может не радовать. Но как бы при этом не впасть в другую крайность. Стремясь сохранить сложившийся миф о декабристах (а он действительно существует), делается попытка отказать от некоторых других сторон их взглядов и деятельности, или хотя бы разделить декабристов на правильных и неправильных, действительных и примкнувших, идейных и корыстных. Установление а priori непреодолимой преграды между революционером и христианином, как это сделала, например, В. М. Бокова [40], вряд ли будет способствовать созданию, наконец, объективной картины событий, произошедших почти два века назад, но актуальных и сегодня.

Источники и литература:

1. **Замалеев А.** Декабристы и христианство // Наука и религия. – 1975. – № 12. – С. 56.
2. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. – Т. 1. – М., 1951. – С. 243.
3. **Шильдер Н.** Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. – М., 1996. – С. 328, 462, 441.
4. **Герцен А. И.** О развитии революционных идей в России // **Герцен А. И.** Собрание сочинений в восьми томах. – Т. 3. – М., 1975. – С. 418.
5. **Огарев Н. П.** В память людям 14 Декабря 1825 // **Огарев Н. П.** Избранные социально-политические и философские произведения. – Т. 1. – М., 1952. – С. 788.
6. **Он же.** Кавказские воды // Там же. – С. 404.
7. **Буткевич Т.** Религиозные убеждения декабристов // Вера и разум. – 1899. – № 22, 23; **Успенский М.** Еще о религиозных убеждениях декабристов // Вера и разум. – 1900. – № 1, ч. 1; Всемирный вестник. – 1903. – № 8.

8. **Милюков П. Н.** Очерки по истории русской культуры. – Т. 2, ч. 1. – М., 1994. – С. 181, 292.
9. Цит. по: Русское православие: Вехи истории. – М., 1989. – С. 390.
10. **Буткевич Т.** Указ. соч // Вера и разум. – 1899. – № 22. – С. 619–620.
11. Там же. – С. 649.
12. Из переписки отца Петра Мысловского // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. – М., 2003. – С. 127.
13. **Харлампович К.** Макарий Глухарев и тобольские декабристы // Русский архив. – 1904. – № 2; **Сулоцкий А.** Протоиерей Стефан Яковлевич Знаменский. – СПб., 1877.
14. **Харлампович К.** Указ. соч. – С. 235.
15. **Карташев Б.** «Лекарство» для души // Наука и религия. – 1960. – № 12.
16. **Вороницын И.** Декабристы и религия. – М., 1928; **Троян Н.** Свободомыслие и атеизм декабристов // Антирелигиозник. – 1938. – № 9; **Щипанов И.** Социально-политические и философские произведения декабристов. – Т. 1. – М., 1951 и др.
17. **Розанов И.** Декабристы-поэты. Атеист А. П. Барятинский // Красная новь. – 1926. – № 3. – С. 250, 254.
18. **Троян Н.** Указ. соч. – С. 17.
19. **Герцен А. И.** Собр. соч. в 8 т. – Т. 8. – М., 1975. – С. 63.
20. **Покровский М. Н.** Декабристы. – М., Л., 1927.
21. **Дружинин Н. М.** Декабрист Никита Муравьев // **Дружинин Н. М.** Избранные труды: Революционное движение в России в XIX в. – М., 1985. – С. 54.
22. **Вороницын И.** Указ. соч. – С. 50.
23. **Штрайх С. Я.** // **Лунин М. С.** Сочинения и письма. – Пг., 1923; **Кубалов Б. Г.** Декабристы в Восточной Сибири. – Иркутск, 1925; **Гессен С. Я., Коган М. С.** Декабрист Лунин и его время. – Л., 1926.
24. **Чернов С. Н.** Павел Пестель: Избранные статьи по истории декабризма. – СПб., 2004. – С. 103.
25. Там же. – С. 139.
26. **Вороницын И.** Указ. соч. – С. 25–26; **Щипанов И.** Указ. соч. – С. 63–65.
27. **Габов Г.** Общественно-политические и философские взгляды декабристов. – М., 1954. – С. 237.
28. **Штейнгейль В. И.** Сочинения и письма. – Т. 2. – Иркутск, 1992. – С. 108; **Эйдельман Н. Я.** Тайные корреспонденты «Полярной звезды». – М., 1966. – С. 288.
29. **Сыроечковский Б. Е.** Из истории движения декабристов. – М., 1969. – С. 338, 340.
30. Там же. – С. 356.
31. **Башнин Ю.** Декабристы в борьбе против религии и церкви // Ученые записки Карельского пед. ин-та. – Т. XVIII. – 1967.
32. Там же. – С. 67.

33. Журнал Московской патриархии. – 1969. – № 11. – С. 60.
34. **Каменский З. А.** Философские идеи русского просвещения: (Деистическо-материалистическая школа). – М., 1971; **Зверев В. М.** Декабристы и философские искания в России первой четверти XIX в.: (Некоторые аспекты изучения) // Декабристы и русская культура. – Л., 1975. – С. 27–57; **Никандров П. Ф.** Революционная идеология декабристов. – Л., 1976; **Смирнов А. Ф.** Традиция свободомыслия и атеизма в русском освободительном движении XVIII–XIX вв. // Вопросы научного атеизма. – Вып. 20. – М., 1976. – С. 191–210 и др.
35. **Зверев В. М.** Указ. соч. – С. 48.
36. **Сухов А. Д.** Атеизм передовых русских мыслителей. – М., 1980; **Моисеева А. П.** Русская духовная культура и атеизм. – Томск, 1987; **Болоцких В. Н.** Развитие революционной морали – от дворянских революционеров к пролетарским // Политическая ссылка и революционное движение в России: Сб. научных трудов. – Новосибирск, 1988. – С. 152–164; **Экштут С. А.** Великая французская революция и нравственные искания декабристов // НДВШ. Филос. науки. – 1990. – № 1 – С. 12–20 и др.
37. **Замалеев А. Ф.** Декабристы и христианство // Наука и религия. – 1975. – № 12; **Замалеев А. Ф.** М. А. Фонвизин. – М., 1976 – (Серия «Мыслители прошлого»).
38. **Лунин М. С.** Сочинения, письма, документы. – Иркутск, 1988. – С. 127.
39. **Плеханов Г. В.** Избранные философские произведения. – Т. III. – М. 1957. – С. 105.
40. **Бокова В. М.** От составителя // Декабристы и их время. Труды ГИМ. – Вып. 88. – М., 1995. – С. 7.

*Сергей Эрлих
(Санкт-Петербург)*

**СЕРАФИМ САРОВСКИЙ И КЛАССИКИ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ ПРОТИВ ДЕКАБРИСТОВ.
Эпизод из войны мифов современной России**

Стороннему наблюдателю непросто понять, почему российские сторонники авторитарного способа правления развернули активную борьбу с памятью о декабристах. Ответ прост: противники путинского режима активно используют мятежников 14 декабря в качестве символа собственного протеста [1].

Миф власти в приложении к бунтарям-декабристам выступает в качестве контр-мифа. Антидекабристские проекции современного общественного сознания далеко не однородны. Критика ведется с двух трудно совместимых точек зрения.

Первая принадлежит прагматикам, находящимся у власти и ее идеологической службе. Эти люди цинично сочетают методы авторитарного правления и государственного вмешательства в споры хозяйствующих субъектов с формально демократическими «альтернативными» выборами и либеральными по своей социал-дарвинистской сути стратегиями распределения ВВП.

Также цинично их отношение к прошлому и в частности к декабристам. Вполне возможно, что технологи Кремля пускали слезу, глядя на «Звезду пленительного счастья» и даже сочувственно читали «декабристские» романы Тынянова, Эйдельмана, Окуджавы. Они не испытывают никакой такой личной неприязни к потерпевшим от мстительного императора Николая. В их публичном отношении к декабристам, вообще, нет ничего личного — только политический бизнес. Технологи власти понимают, что переместить декабристов в ряды «плохих» героев черно-белой исторической памяти — означает вышибить из под всяческих несогласных очень важную точку символической опоры. Они без излишнего фанатизма занимаются переписыванием истории в пределах, предписанных служебной инструкцией.

Совершенно по-другому ведут себя публицисты, группирующиеся вокруг СМИ различных организаций православно-монархической ориентации. Православные монархисты — бескорыстные романтики изоляционистского авторитарного режима. Нынешнюю власть они одобряют вслух за восстановление державных традиций осажденной крепости и шепотом критикуют за

приверженность к плотским искушениям гнилого либерального Запада.

Сочувствие авторитарным тенденциям молодой российской демократии монархисты объясняют своей верой в то, что благая весть Христова совместима только с абсолютной властью «кесаря».

Непонятно, каким образом эта убежденность согласуется с собственными словами Спасителя: «Царство Мое не от мира сего» (Иоан.18:36); «Кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мат.22:21; Мар.12:17; Лук.20:25)? Из них явствует, что заботы о политическом устройстве земной жизни не должны входить в число приоритетов истинно верующих в Его благую весть. Напротив вовлеченность в дела властей предержажших свидетельствует об опасной близости с «князем мира сего» (Иоан.12:31; Иоан.14:30; Иоан.16:11).

Изоляционистский идеал подпитывается убеждением, что русский народ — единственный в мире воспринял учение Христа во всей его полноте. Для них быть православным — значит быть русским. Русский — это синоним истинного христианина. Некоторые даже убеждены, что Христос — это русский богочеловек в его развитии, в каком он, может быть, явится через две тысячи лет. При таком подходе православие трансформируется в сугубо национальную религию вроде иудаизма. Из одной публикации в другую кочует тезис, приписываемый Достоевскому: «Настолько ты русский, насколько православный, и настолько православный, насколько монархист» [2].

В качестве одного из средств дискредитации декабристов православные монархисты используют отсылки к авторитету.

Особого рассмотрения заслуживает уникальный случай использования авторитета Серафима Саровского (1759–1833) для развенчания основного мифа интеллигенции об антихристианских масонах-декабристах. У преподобного был преданный собеседник Николай Александрович Мотовилов (1808–1879), оставивший «многочисленные записки, в которых излагал содержание бесед и высказываний старца Серафима».

Одним из отголосков приписанных Мотовиловым саровскому старцу высказываний о «гибельности либеральных путей устройства русской государственности» явилась публикация в дореволюционном журнале «Душеполезное чтение» за 1912 год (ч. 2, с. 493). Там, в частности, некий журналист Потапов со слов жены Мотовилова записал одно из «пророчеств» преподобного: «Все то, что носит название “декабристов”, “реформаторов” и, словом, принадлежит к “бытоулучшательной партии” — есть истинное антихристианство, которое, развиваясь, приведет к

разрушению Христианства на земле и отчасти Православия и закончится воцарением антихриста над всеми странами мира, кроме России, которая сольется в одно целое с прочими славянскими странами и составит громадный народный океан, пред которым будут в страхе прочие племена земные».

Православный писатель Александр Стрижев отрицает достоверность данного источника: «Публикация эта делалась <...> на основании мотовиловских записей, и приписывать ее авторство преподобному Серафиму невозможно: во времена Преподобного бунтовщиков “декабристами” не называли; термин “декабристы” вошел в обиход только спустя несколько десятилетий!» [3].

Другой церковный пропагандист — кандидат философских наук, кандидат богословия диакон Андрей Кураев также не может «считать подлинным» это «пророчество»: «Словечки типа “бытоулучшательная партия” или “декабристы” вряд ли можно считать присущими языку преподобного Серафима» [4].

Апокриф о декабристах-бытоулучшателях подвергли исторической критике и на Украине. Но там это делали не из любви к истине, а решая внутривнутриполитические задачи. Память Серафима Саровского использовалась активистами социально и пророссийски ориентированной украинской партии «Союз» для поднятия ее рейтинга накануне парламентских выборов 2005 года. Лидер партии, Алексей Костусев организовал всеукраинское турне ковчега с мощами преподобного. Значение мероприятия он усматривал в том, что «Россию и Украину теперь свяжет еще одна незримая нить, еще один духовный мост» [5].

Национально озабоченные оппоненты, разоблачили эту по их словам предвыборную «торговлю святостью». Автор публикации на сайте «Україна молода» отмечает, что авторитет саровского старца не раз становился инструментом сомнительных политических спекуляций. Он упоминает «фантастичні легенди про пророцтва старця», изобретенные Мотвиловым, цитируя все тот же пассаж про декабристов-реформаторов и слияние славянских рек в русском море. Автор напоминает, сторонникам нео-«Союза», что согласно мотовиловскому документу «слияние славян» произойдет накануне прихода Антихриста, который их стараниями «ось він гряде, як не сьогодні, то завтра» [6].

Тем не менее, антидекабристский апокриф пошел гулять по Интернету.

Информационный православный вестник с боевым названием «Русь-фронт» использует его в полемике с западными христианскими деноминациями, колонизирующими Святую Русь:

«Демократия — антихристианская форма народного правления. Преподобный Серафим Саровский о декабристах, которые были одними из первых в России республиканских демократов, говорил...».

Ссылка на преподобного понадобилась, чтобы обосновать следующее высказывание: «Еретический Запад утратил способность отличать добро от зла и изобрел так называемую “христианскую” демократию. Однако данное словосочетание является терминологической шизофренией. Оно аналогично словосочетанию “христианский” сатанизм или “христианское” антихристианство» [7].

Клерикал из «Русь-фронта», для которого христианство совместимо исключительно с беспрекословным подчинением властям мира сего, открыто отвергает демократию и ее провозвестников в России. В полемическом запале анонимный автор забывает, что демократия буквально переводится как «народное правление». В результате его собственный тезис: «демократия — антихристианская форма народного правления» — оборачивается тавтологической формулой, которую иначе как «терминологической шизофренией» точно не назовешь. С точки зрения такой теологии-тавтологии демократия тем вредна для православных, что за ней стоят папистская, лютерова и прочие ереси. Внедрение в российское общество демократических стандартов равносильно для автора «Русь-фронта» даже не подчинению религиозной «унии» с католической церковью, а окончательным истреблением истинной веры.

Публицист Александр Радионов следует заветам Серафима, который «не уставал обличать масонство». К затертой цитате он добавляет еще одно откровение от Н. А. Мотовилова: «Великий Старец Серафим в 1832 году объявил мне об участии Декабристов и всех единомышленников их, под какими бы то благовиднейшими или гуманными названиями не проявлялись они в России, стараясь в ней не только Конституционное, но даже Республиканское, или как ныне называют Коммунистическое Правление устроить, с единственной целью и не иною какою-либо, чтоб истребить Род Царский Всеавгустейшаго Дома Романовых — или, по крайней мере, лишить Его Самодержавства («Записки Николая Александровича Мотовилова», М., 2009, с. 339)».

Упоминание декабристов в связи с разоблачением масонов объясняется примечанием: «В масонских ложах состоял 121 декабрист — более 90 процентов, в том числе все руководители заговора» [8]. Число 121 кочует из одной антимасонской публикации в другую. Его совпадение с количеством декабристов, преданных

Верховному уголовному суду вызывает подозрение у любого профессионального исследователя.

Источником этого числа масонского зверя в рядах декабристов является книга православного националиста-монархиста О. А. Платонова «Тайная история масонства». В главе четвертой «Антирусский заговор декабристов-масонов» своего объемистого исследования Платонов пишет: «В масонских ложах состоял 121 декабрист (более 90 процентов), в том числе все руководители заговора. Декабристское движение, будучи чисто масонским, выросло из наиболее опасного и тайного его ответвления — ордена иллюминатов (основатель А. Вейсгаупт)» [9].

Автор, как и положено серьезному ученому, доктору наук дает ссылку на публикацию Т. А. Бакуниной-Осоргиной [10]. Но в цитируемой работе приводятся иные сведения: «Действительно, часть декабристов, 23 из преданных верховному суду, и 27 из членов тайных обществ и привлеченных к следствию, принимали участие в работах масонских лож» [11]. Каким образом эта ошибка вышла не так важно.

Важно, что безосновательные данные патриота Платонова с доверием восприняты его немасонскими братьями и широко тиражируются православной публицистикой. Их не смущает даже тот факт, что в тайные общества входили не менее трех сотен человек. Поэтому 121 — это не «более 90», а менее 50 процентов. Но веруют, как известно, тому, что нелепо. А к данным Бакуниной-Осоргиной не обращаются, потому что ее саму подозревают в контактах с масонами [12].

А вот какой отклик апокриф, внедряемый православными публицистами, находит у одного из их усердных читателей. Православный христианин Вячеслав Степанович на форуме апостола Андрея Первозванного приравнивает псевдосерафимовское высказывание о «воцарении Антихриста над всеми странами мира, кроме России», к «восшествию» Б. Н. Ельцина на русский «престол».

Нелогичность аналогии не будет удивлять тех, кто ознакомится с ходом мысли Вячеслава Степановича: «А вот описание этого события (загадочного происшествия, в ходе которого Ельцина в 1989 "сбросили с моста" — С.Э.) самим Антихристом: <...> "Волга" уехала, я прошел несколько метров, вдруг сзади появилась другая машина. И... (какое многозначительное многоточие Антихриста <...>) я оказался в реке" <...> Именно так описываются так называемые контакты близкого рода с НЛО контактерами: появляется необычная машина, из нее выскакивают существа,

похожие на человечков, и пытаются совершить нападение. <...> Отсюда понятно поведение Ельцина, его многоточие в книге, его решение "о происшедшем никому не сообщать". <...> Церковь однозначно характеризует НЛО как действие дьявольской силы. <...> Большинство случаев контактов с НЛО, как говорят врачи, кончается плачевно: у контактера происходит необратимый распад личности. <...> Аналогичную картину наблюдаем мы и в случае с Ельциным. "Да. Но Антихрист будет еврей из колена Данова, а Ельцин — русак", — с важностью замечают фарисеи. Они игнорируют церковное предание о том, что "на территории. России... живут 10 колен царства Израильского"» [13].

Важно отметить, что сближение декабристов с Антихристом началось не с апокрифа Н. А. Мотовилова. Литературовед Марина Загидуллина пишет, что «низы» по горячим следам восстания декабристов «интерпретировали 14 декабря как день Антихриста, попытку убийства царя, что традиционно воспринималось в фольклоре как самое страшное преступление. С этой точки зрения важным представляется возникновение легенды о «кресле с ножами»: декабристы («сенаторы») предстают в этой легенде изобретателями адского устройства, которым они тайно оборудуют кресло царя в «сенате». В момент, когда он сядет на трон, тысячи механических ножей изрежут его тело. Однако преданный слуга императора опережает царя, движущегося к этому эшафоту, и кидается в кресло, жертвуя собой, но спасая государя» [14]. Таким образом околоцерковные пропагандисты современности демонстрируют изоморфность с историческим сознанием безграмотных крестьян николаевской России.

Другим современным декабристам православным авторитетом являются оптинские старцы. Для автора книги «Оптина пустынь» важно подчеркнуть, что именно «восстание декабристов» оценивалось оптинскими старцами «сугубо критически». Во всяком случае, именно этим примером он продемонстрировал свое сообщение о внимательном отношении святых отцов к «главным событиям внутренней жизни страны» [15].

В вышеприведенных примерах пропагандисты православно-монархического контр-мифа декабристов зывали к православным старцам. Член Союза писателей России Олег Слепынин наносит комбинированный удар по декабристам авторитетом саровского святого и светочей русской литературы — И. А. Крылова и Н. М. Карамзина: «В записках Н. А. Мотовилова содержится рассказ, как Царица Небесная, явившись преподобному Серафиму, открыла в Саровском лесу источник — «ударив землю жезлом так, что

искипел из земли источник фонтаном светлой воды». Известна точная дата Её явления: 25 ноября 1825 года — за 19 дней до мятежа в Петербурге. В эти дни к преподобному Серафиму за благословением «на дело» приходил кто-то из членов тайного общества, будущий декабрист (предположительно называют разные имена). Святой Серафим прогнал его, пояснив келейнику свой гнев образно — бросил камень в источник с хрустальной водой, замутив его: "Вот что они хотят сделать с Россией"».

Рассказ о декабристе, пришедшем за благословением — несомненный апокриф. Но у современного пропагандиста православной монархии сомнений в незамутненности данного исторического источника нет. Справедливость пророчества старца о скорой смуте, по мнению Олега Слепынина, постфактум засвидетельствовали два великих физиогномиста: баснописец («Хотел взглянуть, какие рожи у бунтовщиков. Да не хороши, нечего сказать» (свидетельство Варвары Олениной), «Мне крепко захотелось взглянуть на их рожи» (свидетельство Михаила Лобанова) и историограф («Видел ужасные лица, слышал ужасные слова»). Писатель мастерски закольцовывает тему мутных вод, смущенных лиц, бесстыжих рож: «Прежде лица эти были прекрасны. Теперь они искажены злобой. "Ужасные лица", даже уже и не совсем лица. Произошло замутнение источника» [16].

Для того, чтобы опорочить декабристов православные монархисты активно используют ссылки на авторитет не только святых старцев, но и светских «божеств» русской литературы: Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, Ф. И. Тютчева.

Журналист Валентин Свинников исходит из презумпции того, что яблоко содержит в себе генный набор породившей его яблони: «Отец декабриста Пестеля, будучи только назначенным генерал-губернатором Сибири и не проведя в ней ни дня, успел прославиться в ней своими поборами и лихоимством так, что наивный Пушкин невзначай осведомился у его сына при первом знакомстве — не родственник ли он сибирского злодея» [17]. В воспоминаниях И. П. Липранди этот эпизод действительно содержится: «Однажды за столом у Михаила Федоровича Орлова Пушкин, как бы не зная, что этот Пестель сын иркутского губернатора, спросил: «Не родня ли он Сибирскому злодею?» — Орлов, улыбнувшись, погрозил ему пальцем» [18]. Трудно допустить, что даже такой сорванец как юный Пушкин посмел прилюдно оскорбить отца влиятельного, не только среди фрондирующих друзей ссыльного поэта, боевого офицера. В данном случае остается только верить добропорядочности мемуариста.

Пропагандист православно-монархического контр-мифа декабристов охотно верит всему, что может опорочить дворянских революционеров.

Преподаватель истфака МГУ, доцент кафедры истории России московского Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета кандидат исторических наук Федор Гайда приводит пример пушкинской нелицеприятной критики творчества поэта-декабриста: «Он считал переполненные гражданским и патриотическим романтизмом стихи декабриста К. Ф. Рылеева банальными и даже глупыми — в них не было жизни» [19].

В письме П. А. Вяземскому (25 мая и около середины июня 1825 года) Пушкин сравнивает поэму И. И. Козлова «Чернец» с «Войнаровским» Рылеева. По его мнению, поэма Козлова «полна чувства и умнее Войнаровского». У Рылеева, в свою очередь, «есть более замашки или размашки в слоге. У него есть какой-то там палач с засученными рукавами, за которого я бы дорого дал. За то Думы дрянь и название сие происходит от немецкого Dum (глупый), а не от польского, как казалось бы с первого взгляда» [20]. Мы видим, что не все «стихи декабриста Рылеева» Пушкин считал «глупыми».

Более того, по поводу строки о палаче Пушкин вынес наивысшую из возможных для гения оценок чужого таланта. По свидетельству Н. А. Бестужева (1791–1855): «Когда Рылеев напечатал “Войнаровского” и послал Пушкину экземпляр, прося сказать о нем свое мнение, Пушкин прислал ему назад со сделанными на полях замечаниями». Дойдя до строчки «Вот засучил он рукава», Пушкин «вымарал это место» и написал на поле: «Продай мне этот стих!» [21] Мемуарист в данном случае никак не мог выдумать пушкинский комплимент, поскольку цитированное письмо, в котором Пушкин выражал намерение купить «палача с засученными рукавами», было опубликовано в 1874 году уже после смерти Бестужева.

Мы видим, что квалифицированный исследователь, действуя согласно логике православно-монархического мифа, вынужден огрублять реальность, пренебрегая нюансами реального отношения Пушкина к небольшому, но все-таки таланту поэта Рылеева.

Кандидат богословия, Василий Мороз приводит уничижительные отзывы Н. М. Карамзина и А. С. Грибоедова: «Карамзин писал Дмитриеву: “Я, мирный Историограф, алкал пушечного грома, будучи уверен, что не было иного способа прекратить мятеж. <...> Вот нелепая трагедия наших безумных Либералистов”. Грибоедов, лично знавший декабристский круг,

насмешливо говорил о «ста прапорщиках», намеренных перевернуть Россию» [22]. При этом зрудированный автор намеренно искажает факты. Грибоедов не просто лично знал «декабристский круг», он в него входил. По показаниям ряда декабристов автор «Горя от ума» был членом Северного общества. Полгода просидел под арестом на гауптвахте в Главном штабе. Но в отличие от других «прапорщиков» истинный дипломат Грибоедов отрицал все обвинения и был освобожден с оправдательным аттестатом [23].

Александр Сегень, монархически настроенный автор романа «Поп», по мотивам которого был снят одноименный «православный» фильм Владимира Хотиненко, является специалистом по публицистике Н. М. Карамзина. Он отмечает, что официальный историограф к «декабризму» был «непримиримо враждебен»: «Декабристов называл: "Злые дети"». Такое определение свидетельствует, что в мятеже 14 декабря Карамзин усматривал оттенок шалости. Поэтому он «по-отечески жалел их, просил государя быть и строгим, но и милосердным, как Господь. Разгневать и покарать, но не до конца, проявить пощаду» [24]. Поскольку государь не пощадил пятерых злых детей, ссылка на авторитет создателя «Истории государства Российского» получается с точки зрения православно-монархического мифа двусмысленной. В данном случае профессионал победил монархиста.

Доктор филологических наук, профессор МГУ, постоянный автор православных СМИ Владимир Воропаев посвящает 180-летию «бунта декабристов» разбор хрестоматийного стихотворения Ф. И. Тютчева «Вас развратило Самовластье». Вопреки традиции филолог доказывает, что «самовластье» это не самодержавие, а похоть властвования самих декабристов. Такой подход позволяет устранить двойственность позиции автора, возлагавшего, по мнению советских толкователей, часть вины на развратные действия власти. По мнению автора, «убежденный монархист, противник всяких революций», не мог возложить «хотя бы и часть вины на самодержавие, сочувствовать декабрьскому бунту». При таком подходе возникают вопросы. Почему дурная нравственность декабристов — их «Самовластье» — обозначена с прописной буквы, аналогично тому как верноподданные писали священное для них слово «Самодержавие»? Как следует понимать следующие за анархическим самовластьем строки:

Вас развратило Самовластье, И меч его вас поразил, — И в неподкупном беспристрастье Сей приговор Закон скрепил.

Получается, что декабристы мечом собственного властолюбия совершили харакири. «Мне отмщение и аз воздам»? Более того, самосуд был подтвержден властью самодержавного «Закона». Такая трактовка допустима, но требует дополнительной аргументации. Профессор Воропаев ушел от обсуждения очевидного вопроса о декабристах-самоубийцах, порождаемого его пониманием «самовластья» со строчной буквы. Уклонение от проблемных мест любопытной интерпретации позволяет предположить, что целью филологического анализа была дискредитация жертв мысли безрассудной силой авторитета их великого современника: «По Тютчеву, декабристы покусились на коренные законы русской жизни, на которых покоилась Российская Империя, и потому их безрассудный бунт был обречен» [25]. Примечательно, что Тютчев избегает терминов состава преступления тогдашнего «уголовного кодекса». Слово «бунт» в его стихотворении не встречается. А в небольшой статье современного монархиста оно употреблено десять раз.

Несмотря на все усилия разоблачителей декабристов, у них мало шансов на овладение исторической памятью и следовательно народными массами. И сами монархисты это признают. «Русский имперский православный публицист» В. Л. Махнач сокрушается: «Никто не скажет о начале 19-го века, что это эпоха Серафима Саровского. Он, конечно, великий святой, но не он символ. Говорят: александровское время, павловское. Эпоха декабристов, даже, к ужасу нашему, и то скажут» [26].

Ужас перед «эпохой декабристов» позволяет предположить, что контр-миф власти в его православно-монархическом изводе не сможет вытеснить декабристский миф русской интеллигенции. Удивительная живучесть мифа героев-мучеников объясняется не «происками» внешних и внутренних врагов, а вечным «Днем сурка» в политической ситуации имперской, советской и современной России. Мятёжные образцы будут востребованы до тех пор, пока российское общество не сможет влиять на власть законными средствами, например, путем выборов.

Источники и литература:

1. **Эрлих С. Е.** Метафора мятежа: декабристы в политической риторике путинской России. — СПб., 2009. — 274 с.
2. **Сафронова А.** Православный — это монархист // Русь-фронт. — 2008. — 5 мая. URL: <http://www.rusfront.ru/050508/index-3.html>.

3. **Стрижев А.** Чего не изрекал преподобный Серафим. К вопросу о псевдоцерковном мифотворчестве // Русская линия. — 2004. — 4 февраля. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=313654>.

4. **Кураев А. В.** Христианство на пределе истории: О нашем поражении. — 2 изд., доп. — [Ростов н/Д]; М., 2003. — 844 с. URL: <http://readr.ru/andrey-kuraev-hristianstvo-na-predele-istorii.html?page=46>.

5. Партия «Союз» считает мощи Серафима Саровского «духовным мостом» между Украиной и Россией // Ліга. Новости. — 2005. — 3 октября. URL: <http://news.liga.net/news/N0525061.html>.

6. **Галата С.** Торгівля святістю // Україна молода. — 2005. — 14 октября. URL: <http://www.umoloda.kiev.ua/number/509/115/18315/>.

7. Мы будем ждать исполнения этого откровения // Русь-фронт. — 2011. — 16 января. URL: <http://rusfront.ru/1023-my-budem-zhdat-ispolneniya-yetogo-otkroveniia.html>.

8. **Радионов А.** Святые пророки о Царе-победителе // Новороссия. Духовно-патриотический союз. — 2010. — 19 апреля. URL: http://www.novorossia.org/religia/821-svyatye-proroki-o-care-pobeditele-prepodomnyj.html#_ftnref4.

9. **Платонов О. А.** Терновый венец России. Тайная история масонства 1731–1996. Изд. 2-е, испр. и доп. — М., 1996. — 704 с. URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/plat1-1.htm>.

10. **Бакунина Т. А.** Знаменитые русские масоны. — М., 1991. — С. 126.

11. **Бакунина Т. А.** Русские вольные каменщики. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/_Bak_RussKam.php.

12. В. С. Брачев в первой главе своего антимасонского труда пишет о «масонке Т. А. Осоргиной» (**Брачев В. С.** Масоны в России. От Петра до наших дней. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/masonry/2.php).

13. 1 ноября. 2003. URL: <http://www.cirota.ru/forum/message.php?id=689287>.

14. **Загидулина М. В.** Пушкин и декабристы как мифологическая пара // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. VIII. — СПб., 2010. — С. 556–577. URL: <http://zagidullina.ru>.

15. Фрагмент из книги Г. М. Запальского «Оптина пустынь и ее воспитанники в 1825–1917 годах» (М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009) // Богослов. — 2009. — 30 ноября. URL: <http://de.bogoslov.ru/text/516173.html>.

16. **Слепынин О.** Иван Крылов — воин Христов // Русская линия. — 2009. — 6 ноября. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=325700>.

17. **Свинников В.** О великом и вечном. Размышления над книгой Ильи Глазунова «Россия распятая» // Русская линия. — 2009. — 4 апреля. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=155046>.

18. **Липранди И. П.** Из дневника и воспоминаний // Пушкин в воспоминаниях современников. — 3-е изд., доп. — СПб., 1998. — Т. 1. — 1998. — С. 285–343. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/vs1/vs1-285-.htm>.

19. **Гайда Ф.** Тогда отверзе им ум. Пушкин на пути к литературному и политическому реализму // Русская линия. — 2011. — 6 июня. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=48825>.

20. **Пушкин А. С.** Письмо Вяземскому П. А., 25 мая и около середины июня 1825 г. Михайловское // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. — М.; Л., 1937—1959. — Т. 13. Переписка, 1815—1827. — 1937. — С. 183—184. — Письмо с припиской Л. С. Пушкина. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push17/vol13/y132183-.htm>.

21. **Бестужев Н. А.** Сочинения и письма. — Иркутск, 2003. — С. 112.

22. **Лученко К.** Василий Мороз: Мысль повязать русский народ царской кровью родилась задолго до 1917 года // Татьяна день. — 2009. — 15 декабря. URL: <http://www.taday.ru/text/262463.html>.

23. Декабристы. Биографический справочник. — М., 1988. — С. 59.

24. **Сегень А.** «Орешек не сдавался», или Душа в поисках истины. 240 лет со дня рождения Николая Михайловича Карамзина 14 декабря 1766 года // Русская линия. — 2006. — 13 декабря. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=20247>.

25. **Воропаев В.** «Вас развратило самовластье...»: Опыт прочтения одного стихотворения Ф. И. Тютчева // Русская линия. — 2005. — 26 декабря. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=103987>.

26. **Емельянов-Лукьянчиков М.** Владимир Махнач: Каков он, русский путь? // Радонеж, б. д. URL: <http://www.radonezh.ru/main/getprint/9655.html>.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

Балахніна Валерія – кандидат культурології, доцент кафедри культурології Комсомольського-на-Амурі державного технічного університету.

Бєсголазов Павло – директор державної автономної установи культури Тюменської області «Ялуторовський музейний комплекс», депутат Ялуторовської міської Думи.

Бондаренко Лариса – заступник директора з наукової роботи Кам'янського державного історико-культурного заповідника.

Васильєва Олена – кандидат історичних наук, доцент, завідувач кафедри соціально-економічних та природничо-наукових дисциплін Омського інституту міжнародного менеджменту та іноземних мов.

Гвоздков Сергій – магістрант історичного факультету Київського національного університету імені Тараса Шевченка.

Грандей Жюлі – доктор філософії (PhD), працює в лабораторії Triangle (Ліон, Франція).

Гедін Максим – кандидат історичних наук, викладач кафедри історії України і філософії Київського національного лінгвістичного університету.

Готовцева Анастасія – доктор філологічних наук, доцент кафедри літературної критики Російського державного гуманітарного університету (Москва).

Ерліх Сергій – кандидат історичних наук, директор видавництва «Нестор–Історія» Санкт-Петербурзького інституту історії РАН.

Жаркевич Наталія – кандидат філологічних наук, доцент кафедри світової літератури та історії культури Ніжинського державного університету імені Миколи Гоголя.

Ільїн Павло – кандидат історичних наук, науковий співробітник Санкт-Петербурзького філіалу Інституту історії природознавства і техніки РАН.

Казьмирчук Григорій – доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри історії для гуманітарних факультетів Київського національного університету імені Тараса Шевченка.

Киянська Оксана – доктор історичних наук, професор кафедри літературної критики Російського державного гуманітарного університету (Москва).

Клименко Тетяна – кандидат історичних наук, директор Державного архіву Черкаської області.

Комарова Тамара – старший науковий співробітник Красноярського крайового краєзнавчого музею.

Кузнєцова Камілла – голова Декабристської секції Державного Музею історії Санкт-Петербурга.

Купрюшин Володимир – голова Ради Добровільного об'єднання краєзнавців (Богородськ, Нижньогородська область).

Ластовський Валерій – доктор історичних наук, професор кафедри міжнародних відносин Київського національного університету культури і мистецтв.

Латиш Юрій – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії для гуманітарних факультетів Київського національного університету імені Тараса Шевченка.

Левченко Валерій – кандидат історичних наук, старший викладач кафедри українознавства Одеського національного морського університету.

Матханова Наталія – доктор історичних наук, професор, головний науковий співробітник Інституту історії Сибірського відділення РАН (Новосибірськ).

Мачихіна Зінаїда – науковий співробітник Туринського філіалу Свердловського обласного краєзнавчого музею.

Морозов Віталій – кандидат історичних наук, докторант кафедри історії для гуманітарних факультетів Київського національного університету імені Тараса Шевченка.

Наумець Ліна – краєзнавець (Новоград-Волинський, Житомирська область).

Перцева Тамара – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії Росії Іркутського державного університету.

Пономарьов Олександр – кандидат історичних наук, провідний архівіст відділу давніх актів Центрального державного історичного архіву України у м. Києві.

Ребоу-Едлінг Сусанна – доктор філософії (PhD), науковий співробітник Центру російських та євразійських студій Університету Уппсали (Швеція).

Рєєнт Олександр – доктор історичних наук, професор, член-кореспондент НАН України, заступник директора Інституту історії НАН України.

Рудик Михайло – викладач Ніжинського агротехнічного інституту.

Сафонов Михайло – кандидат історичних наук, старший науковий співробітник Санкт-Петербурзького інституту історії РАН.

Смолій Валерій – доктор історичних наук, професор, академік НАН України, директор Інституту історії НАН України.

Суздаль Марина – аспірантка відділу української історіографії Інституту історії України НАН України.

Суховенко Інна – викладач історії, педагог-організатор ЗОШ № 34 м. Кіровограда.

Таран Галина – директор Кам'янського державного історико-культурного заповідника.

Шевченко Володимир – викладач Ніжинського агротехнічного інституту.

Шкерін Володимир – доктор історичних наук, провідний науковий співробітник Інституту історії і археології Уральського відділення РАН (Єкатеринбург).

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Balakhnina Valeriya – Candidate of Arts, associate professor of the Department of Arts of Komsomolsk-on-Amur State Technical University.

Bondarenko Larysa – Deputy Director for Science of Kamenka State History and Culture Reserve.

Byeloglazov Pavel – Director of State autonomous institution of culture of the Tyumen area “Yalutorovsk museum complex”.

Erlikh Sergei – Candidate of History, Director of publishing house “Nestor-history” of Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences.

Gotovtseva Anastasia – Doctor of Philology, associate professor of the Department of Literary criticism of Russian State Humanitarian University.

Gedin Maxim – Candidate of History, assistant professor of Department of History of Ukraine and Philosophy of Kyiv National Linguistic University.

Grandhaye Julie – PhD in Russian history. She works in a laboratory attached to the ENS of Lyon.

Gvozdkov Sergii – Student of Faculty of History of Kyiv Taras Shevchenko National University.

Ilyin Pavel – Candidate of History, Researcher of Science of Saint Petersburg Branch of Institute of History of Natural History and Technique of Russian Academy of Sciences.

Kazmyrchuk Grigorii – Doctor of History, full professor, the Head of the Department of the General History of the Arts faculties of Kyiv Taras Shevchenko National University.

Kiyanskaya Oksana – Doctor of History, full professor of the Department of Literary criticism of Russian State Humanitarian University.

Klymenko Tetiana – Candidate of History, Director of State Archive of the Cherkassy area.

Komarova Tamara – Senior Researcher of Science of Krasnoyarsk area Regional Museum.

Koupryushin Vladimir – Chairman of Council of the voluntarily association of researchers of a particular region (Bogorodsk, the Nizhny Novgorod area).

Kuznetsova Kamilla – Chairman of the Decembrist section of State Museum of history of Saint Petersburg.

Lastovskii Valerii – Doctor of History, full professor of the Department of international relations of the Kyiv national University of Culture and Arts.

Latysh Iurii – Candidate of History, associate professor of the Department of the General History of the Arts faculties of Kyiv Taras Shevchenko National University.

Levchenko Valerii – Candidate of History, Senior teacher of the Department of Ukrainian Studies of Odessa National Maritime University.

Machikhina Zinaida – Researcher of Science of Tourinsk department of Sverdlovsk area Regional Museum.

Matkhanova Natalia – Doctor of History, full professor, Main Researcher of Science of Institute of History of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences.

Morozov Vitalii – Candidate of History, Doctorate student of the Department of the General History of the Arts faculties of Kyiv Taras Shevchenko National University.

Naumets Lina – Researcher of a particular region (Novograd-Volynskij, Zhitomir area)

Pertseva Tamara – Candidate of History, associate professor of the Department of History of Russia of Irkutsk State University.

Ponomaryov Oleksandr – Candidate of History, senior archivist of Department of ancient acts of Central State History Archive in Kyiv.

Rabow-Edling Susanna – PhD, Research fellow at the Center for Russian and Eurasian Studies, Uppsala University.

Reent Oleksandr – Doctor of History, full professor, corresponding member of National Academy of Sciences of Ukraine, Deputy Director for Science of Institute of History of Ukraine of National Academy of Sciences of Ukraine.

Rudyk Mykola – Teacher of the Nizhyn Agrotechnical Institute.

Safonov Mikhail – Candidate of History, Senior Researcher of Science of Saint Petersburg Institute for History of the Russian Academy of Sciences.

Shevchenko Volodymyr – Teacher of the Nizhyn Agrotechnical Institute.

Shkerin Vladimir – Doctor of History, Senior Researcher of Science of Institute of History and Archaeology of Ural Branch of Russian Academy of Sciences.

Smolii Valerii – Doctor of History, full professor, Academician of National Academy of Sciences of Ukraine, Director of Institute of History of Ukraine of National Academy of Sciences of Ukraine.

Sukhovenko Inna – Teacher of school № 34 (Kirovograd).

Suzdal Maryna – graduate student of Department of Ukrainian Historiography of Institute of History of Ukraine of National Academy of Sciences of Ukraine.

Taran Galyna – Director of Kamenka State History and Culture Reserve.

Vasilieva Elena – Candidate of History, associate professor, the Head of the Department of socio-economic and naturally-scientific disciplines of Omsk Institute of international management and foreign languages.

Zharkevych Natalya – Candidate of Philology, associate professor of Nizhyn Nikolai Gogol State University.

Наукове видання

**ДЕКАБРИСТИ В УКРАЇНІ:
ДОСЛІДЖЕННЯ Й МАТЕРІАЛИ**

Том 7

Упорядники:

Казьмирчук Григорій Дмитрович
Латиш Юрій Володимирович

Ум. др. арк. 24